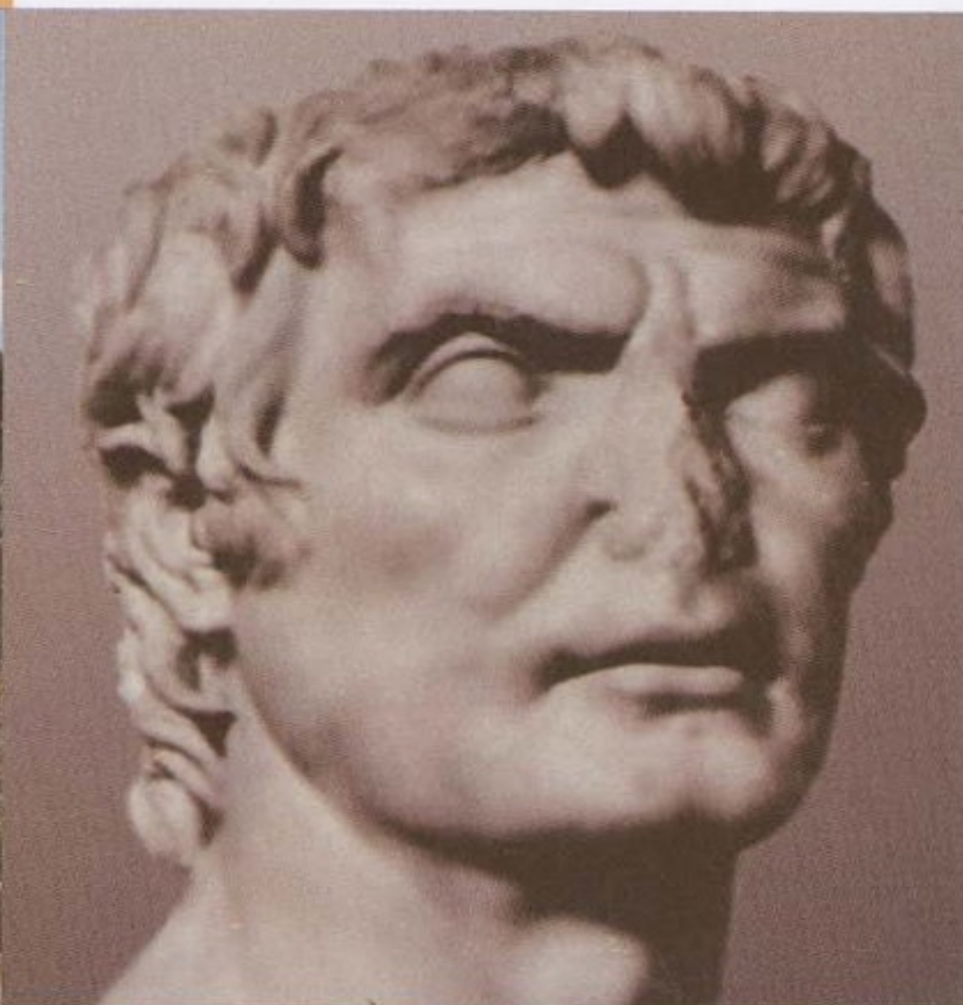

СУЛЛА

Антон Кораленков
Евгений Слыков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Луций Корнелий Сулла — одна из самых ярких и в то же время загадочных фигур в истории Древнего Рима. Он прославился как полководец и политик, писатель и покровитель искусства. Однако, прежде всего его имя связано с диктатурой, установившей режим террора и подготовившей переход Рима от Республики к Империи. Судьба Суллы соткана из противоречий: блестящий полководец, не присоединивший ни пяди земли; крупный реформатор, чья политическая система продержалась всего десять лет; плодовитый писатель, чьи сочинения дошли до нас в жалких отрывках. Но без него невозможно представить себе бурную эпоху кризиса и падения Римской республики.

- [Антон Короленков,](#)
  -
  - [Введение](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Заключение](#)
  - [Краткая хронология жизни и деятельности](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
    -
    -
    -
    -
    -

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)

- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)

- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)

- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)

- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)

- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)

- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)

- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)

- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)

- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)

- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)

- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)

- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)

- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)

- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)

- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)

- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)

- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)

- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)

- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)

- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)

- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)

- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)

- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)

- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)
- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)

- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)
- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)

- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)
- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)

- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)
- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)
- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)
- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)
- [1301](#)
- [1302](#)

- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)
- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)
- [1318](#)
- [1319](#)
- [1320](#)
- [1321](#)
- [1322](#)
- [1323](#)
- [1324](#)
- [1325](#)
- [1326](#)
- [1327](#)
- [1328](#)
- [1329](#)
- [1330](#)
- [1331](#)
- [1332](#)
- [1333](#)
- [1334](#)
- [1335](#)
- [1336](#)
- [1337](#)
- [1338](#)
- [1339](#)
- [1340](#)
- [1341](#)

- [1342](#)
- [1343](#)
- [1344](#)
- [1345](#)
- [1346](#)
- [1347](#)
- [1348](#)
- [1349](#)
- [1350](#)
- [1351](#)
- [1352](#)
- [1353](#)
- [1354](#)
- [1355](#)
- [1356](#)
- [1357](#)
- [1358](#)
- [1359](#)
- [1360](#)
- [1361](#)
- [1362](#)
- [1363](#)
- [1364](#)
- [1365](#)
- [1366](#)
- [1367](#)
- [1368](#)
- [1369](#)
- [1370](#)
- [1371](#)
- [1372](#)
- [1373](#)
- [1374](#)
- [1375](#)
- [1376](#)
- [1377](#)
- [1378](#)
- [1379](#)
- [1380](#)

- [1381](#)
- [1382](#)
- [1383](#)
- [1384](#)
- [1385](#)
- [1386](#)
- [1387](#)
- [1388](#)
- [1389](#)
- [1390](#)
- [1391](#)
- [1392](#)
- [1393](#)
- [1394](#)
- [1395](#)
- [1396](#)
- [1397](#)
- [1398](#)
- [1399](#)
- [1400](#)
- [1401](#)
- [1402](#)
- [1403](#)
- [1404](#)
- [1405](#)
- [1406](#)
- [1407](#)
- [1408](#)
- [1409](#)
- [1410](#)
- [1411](#)
- [1412](#)
- [1413](#)
- [1414](#)
- [1415](#)
- [1416](#)
- [1417](#)
- [1418](#)
- [1419](#)

- [1420](#)
  - [1421](#)
  - [1422](#)
  - [1423](#)
  - [1424](#)
  - [1425](#)
  - [1426](#)
  - [1427](#)
  - [1428](#)
  - [1429](#)
  - [1430](#)
  - [1431](#)
  - [1432](#)
  - [1433](#)
  - [1434](#)
  - [1435](#)
  - [1436](#)
  - [1437](#)
  - [1438](#)
  - [1439](#)
  - [1440](#)
  - [1441](#)
  - [1442](#)
  - [1443](#)
  - [1444](#)
  - [1445](#)
  - [1446](#)
  - [1447](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1245

(1045)

**Антон Короленков,
Евгений Смыков**

СУЛЛА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

*

© Короленков А. В., Смыков Е. В., 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007

Введение

Луций Корнелий Сулла принадлежит к числу самых ярких, но в то же время и одиозных фигур римской истории: выдающийся полководец, герой Югуртинской, Кимврской, Союзнической и Митридатовой войн; «крупнейший политический талант своего поколения»,^[1] сумевший вернуть славу полузабытой фамилии, к которой принадлежал, одолеть противников и подняться к вершинам власти; знаток греческой и латинской словесности, писавший на родном языке пьесы, а на языке эллинов — воспоминания. Он по праву присвоил себе прозвище Феликс — Счастливый.

В то же время Сулла «впервые осмелился совершить марш на Рим и тем самым, опираясь на военную силу, перенести гражданскую войну в священную черту Города. Он был проконсулом, который в войне против понтийского царя Митридата VI взял штурмом и разграбил Афины, а по возвращении в Италию беспощадно преследовал своих политических противников и продолжал испытывать к ним ненависть и после их смерти. Он был политиком, который всюду сеял террор и хаос, впервые в римской истории применил проскрипции... и тем осуществил свою месть, придав ей бюрократическое оформление».^[2] Он потратил немало сил на реставрацию политической системы, которая существовала за столетие, а то и за два до него, но она рухнула через десять лет после его кончины. Еще через полстолетия пала сама Римская республика, чему в немалой степени способствовали действия Суллы.

Несмотря на все это, образ диктатора сохраняет обаяние даже спустя два тысячелетия. Уж слишком притягателен тот немислимый успех, которого он добился благодаря как собственным талантам, так и милостивой фортуне. А ведь боги, как гласит древняя мудрость, не даруют своих милостей случайно. И в этом многие видят оправдание Суллы. Что же до совершенных им жестокостей, то объяснение (или опятьтаки оправдание) находят без труда — шла гражданская война, и противники Суллы действовали ничуть не мягче. В конце концов, у великих людей и недостатки тоже великие, а парадоксальность только придает им обаяние.

В нашей книге мы попытаемся рассмотреть, насколько верны такие оценки — равно как и противоположные, сторонники которых не находят диктатору оправдания. Кроме того, нам хотелось нарисовать перед читателем яркую и драматическую картину той великой эпохи и на этом

фоне дать портрет одного из ее главных героев.

Задача связана с известными трудностями. Казалось бы, в нашем распоряжении достаточно много источников — сочинения Цицерона, Саллюстия, Ливия,^[3] Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Орозия, других знаменитых и малоизвестных античных авторов, а также надписи и монеты. Однако они освещают события неравномерно, повествуя преимущественно о войнах — как внешних, так и гражданских. Правда, именно с ними связана военно-политическая деятельность Суллы, но и здесь не все гладко: источники не так уж много рассказывают о его роли в тех конфликтах, где он выступал в качестве подчиненного.^[4] Кроме того, из этих сочинений мы почти ничего не узнаем о молодости диктатора, когда-, собственно, и происходило становление его личности, а также о целом десятилетии, разделившем Кимврскую и Союзническую войны.

Но самое главное — тенденциозность источников. В основу многих из них легли мемуары Суллы, который, как мы увидим, не останавливался перед прямым искажением событий, чтобы представить их в нужном ему свете. Наряду с ними использовались материалы, исходившие от врагов диктатора, также подчас не церемонившихся с истиной ради очернения своего могущественного противника.

И еще один момент — так сказать, метафизического свойства. Конечно, мы располагаем сравнительно обильной информацией о деятельности Суллы, «но то тонкое обстоятельство, которое можно назвать теплом его присутствия, ушло вместе с ним, и, несомненно, требуются усилия и опыт исторического воображения, чтобы попытаться в какой-то мере понять его».^[5] Будем надеяться, что наше воображение не уведет нас в дебри романических фантазий, а поможет постичь характер нашего героя и его эпоху.

Глава 1

СУМЕРКИ РЕСПУБЛИКИ

Как писал позднеримский историк Евтропий, на памяти человеческой нет другого государства, кроме Рима, которое, будучи поначалу так мало, стало бы впоследствии столь обширным. Несколько веков вел город Ромула жестокую борьбу за власть над Лацием, а затем и над всей Италией. Ему пришлось выдержать немало битв с вольсками, эквами, латинами, этрусками, самнитами, галлами, греками, прежде чем он стал господином Апеннинского полуострова. Борьба эта закончилась в 265 году до н. э. взятием этрусского города Вольсинии, а уже в следующем году началась Первая Пуническая война с Карфагеном, ставшая первой заморской войной Рима. Как гласит латинская поговорка, всякое начало трудно. Так было и на сей раз. Победа в схватке с пунийцами далась римлянам нелегко, потребовав двадцати трех лет невероятных усилий, но именно этот успех положил начало их великим завоеваниям.

После Первой Пунической войны у Рима появились первые заморские провинции — Сицилия, Сардиния и Корсика. Две последних были захвачены у Карфагена путем откровенного разбоя; пунийцы не смогли их отстоять из-за войны с восставшими наемниками и ливийскими племенами. В результате успешных войн с галлами Рим присоединил Северную Италию и стал протягивать щупальца на восток, начав завоевание Иллирии. Их целью была не эта бедная горная область — нынешняя Хорватия, — а лежащие за ней Македония и Греция. Даже разгоревшаяся вскоре война с Ганнибалом не заставила римлян хотя бы на время забыть о Балканах. Тем не менее главным делом в конце III века до н. э. для них стала, конечно, Вторая Пуническая война. Битвы гремели в Италии и Испании, Цизальпинской Галлии и Африке. Семнадцать долгих лет две сильнейшие державы Западного Средиземноморья оспаривали друг у друга победу. Победа далась Риму ценой жизни сотен тысяч воинов, разорения едва ли не всей Италии, наконец, позора Канн, о котором всегда помнили лучше, чем о триумфе Замы. Однако успех был грандиозным — потомки Ромула начали восхождение к мировому господству, под которым в античности понималось, разумеется, господство над Средиземноморьем.

И все же римляне не возгордились сверх меры. Вновь всерьез взявшись за политику на Балканах, они действовали расчетливо и

осторожно: привлекали на свою сторону противников сильнейшего из своих врагов — Македонии, а после победы над ней не взяли себе ни пяди македонской территории, объявив отторгнутые у противника земли независимыми. В результате появилось множество вроде бы свободных, но вместе с тем слабых государств, которые, однако, помогли Риму одолеть еще одного врага — Сирийское царство Селевкидов. Египет Птолемеев давно, с первых десятилетий III века до н. э., находился в союзе с Римом и изменять ему не собирался. Окончательная ликвидация всех этих государственных образований стала вопросом времени, хотя и не столь уж краткого, — Македония пала под ударами римлян в 168 году до н. э., а в римскую провинцию превратилась лишь спустя двадцать лет. Сирия была завоевана Римом в 63 году до н. э., Египет — в 30 году до н. э. Что же касается отдельных греческих полисов, то некоторые из них подобная участь постигла лишь во времена Империи. Однако в целом Рим был бесспорным хозяином Средиземноморья уже в середине II века до н. э., что и зафиксировал крупнейший историк и мыслитель эпохи эллинизма Полибий (I. 1. 5; 3. 910).

Но не везде дела шли гладко. Крепким орешком для Рима стала Испания. Ее покорение началось еще во время Второй Пунической войны. Побеждая на Пиренейском полуострове карфагенян, римляне вовсе не собирались предоставлять свободу местным племенам — это ведь не культурная Эллада, здесь можно было действовать и более открыто. Однако такой прямолинейный подход быстро за себя отомстил — испанцы оказались, возможно, менее цивилизованными, но зато и более стойкими в борьбе с захватчиками. Еще не кончилась Вторая Македонская война (200–197 годы до н. э.), как на Пиренейском полуострове вспыхнуло грандиозное восстание местных племен. Оно то затухало, то вновь набирало силу, и окончательно подавить его удалось лишь в 179 году до н. э., причем ценой немалых уступок. И это притом что римляне имели дело не с единой державой типа Карфагена или Македонии, а с разрозненными общинами и племенами, чья сила могла бы стать неодолимой, если бы они проявили больше солидарности в борьбе с завоевателями. Правда, одновременно римлянам приходилось вести тяжелые бои с северо-италийским племенем лигуров, но им не впервой было сражаться на нескольких фронтах; после тяжелой борьбы лигурам пришлось покориться.

В 154 году до н. э. война на Пиренейском полуострове возобновилась — лузитанские племена совершили разбойничий набег на испанские провинции Рима и разгромили войска их наместников. После этого римляне ужесточили свою политику по отношению к другой группе племен

— кельтиберам — и тем самым спровоцировали их восстание. Началась война, продолжавшаяся с перерывами до 133 года до н. э. Последним ее аккордом стала осада Нуманции Сципионом Эмилианом, завершившаяся сдачей изнуренных голодом защитников города. Лузитаны, которых в 147 году до н. э. возглавил легендарный вождь Вириат, сражались до 139 года, когда Вириат, теснимый со всех сторон, погиб от рук предателей из своего окружения. В ходе борьбы обе стороны не раз нарушали заключенные соглашения, но именно римляне «прославились» вероломным избиением пошедших на мировую врагов. В итоге Рим окончательно утвердил своё господство в Испании. Однако покорение ее завершилось лишь при Августе, в конце I века до н. э.

Не успела окончиться Нумантинская война, как началась схватка за пергамское наследство. Царь находившегося в Малой Азии Пергама Аттал III Филометор перед смертью (133 год до н. э.) будто бы завещал свои владения Римской республике. Однако вскоре свои права на престол предъявил бастард Аристоник, возглавивший борьбу против Рима. После первых неудач он двинулся во внутренние районы страны, обещая свободу и гражданские права рабам и зависимым людям, почему и прослыл борцом за права угнетенных. Около четырех лет понадобилось римлянам и их союзникам — малоазиатским царькам, чтобы справиться с Аристоником. В результате появилась римская провинция Азия.

Через несколько лет настала очередь Балеарских островов, а также некоторых областей Трансальпийской Галлии. Впереди были еще Югуртинская война, три войны с Митридатом, покорение Цезарем галлов и многое другое. Но уже тогда, в конце II века до н. э., у жителей Средиземноморья, похоже, не было сомнений в том, что Рим — это господин мира.

Немало ученых споров велось на тему о характере римского «империализма». Одни антиковеды вслед за самими римлянами считают его «оборонительным» — как утверждал Цицерон, «наш народ, защищая своих союзников, покорил весь мир» (О государстве. III. 35). Другие называют его «случайным» — нередко римляне втягивались в конфликты в силу неких субъективных факторов или даже против своей воли. Третьи же настаивают на том, что сенат сознательно искал поводы для вмешательства и последующей агрессии.^[6]

Бесспорно, римляне были агрессорами, чему во многом способствовали и милитаризм, присущий всей их общественной жизни, и свойственные им как нации мужество, гордость и редкая стойкость в годы испытаний. Что касается продуманных на десятилетия вперед

завоевательных планов, то в их наличии можно усомниться. Очевидно, однако, что потомки Ромула, осознав свою мощь, чем дальше, тем больше стали откровенно уповать на грубую силу и мало считаться с дипломатическими приличиями. Как заявит впоследствии один из римских полководцев царю Понта, «-либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают» (Плутарх. Марий. 31.5; об этом эпизоде см. ниже). Но ведь то же самое можно сказать об Александре Македонском, который без обиняков предлагал Дарию признать его, Александра, царем Азии, а в случае несогласия — сразиться. Иногда римляне признавали, что поступают вопреки общепринятым правилам, но всякий раз сваливали вину на отдельных магистратов. Однако любая попытка вооруженного сопротивления не имела в их глазах оправдания, какой бы обоснованной она ни была. Оборонительные мероприятия соседей трактовались как доказательство агрессивных планов — тому примером предыстория Третьей Македонской и Третьей Пунической войн.

Таким образом, речь шла не о какой-то особой, чрезмерной агрессивности Рима, а о том, что он оказался сильнее других и довел дело до конца. Ожидать, что римляне будут терпеть рядом с собой тех, кого могут покорить, было бы странно. Это, разумеется, не оправдывает их завоевательной политики, мрачными памятниками которой стали руины Карфагена, Коринфа и Нуманции, но позволяет лучше понять ее контекст.

Римляне не вводили для покоренных территорий единообразного режима — разные общины имели разный статус, а стало быть, неодинаковые права и обязанности. «Свободные» общины (*civitates liberae*) обладали внутренним самоуправлением, правом сбора пошлин, собственности на землю, чеканки собственной монеты, свободой от постоянных налогов в римскую казну и постоя войск и т. д. Однако они имели эти привилегии лишь по воле сената и римского народа и могли лишиться их в любой момент.^[7] Зависимые общины (*civitates stipendiariae*) были обязаны регулярно вносить подати (трибут) и в случае необходимости принимать солдат на постой. В этих вопросах также не было унифицированной системы — одни должны были платить 1/10, другие — 1/20.^[8] Да и собирали налоги поразному — в одних случаях это делали сами общины, в других — откупщики. Все это многообразие свидетельствует, разумеется, не о бестолковой системе управления, а о гибкости римлян, последовательно проводивших в жизнь принцип *divide et impera* — «разделяй и властвуй».

Было ли римское завоевание благом для покоренных народов? Вопрос очень непростой, поскольку для однозначного ответа на него не хватает данных. Понятно, что сами боевые действия ничего хорошего с собой не несли, но в те времена войны происходили куда чаще, чем сейчас, и винить за это римлян можно не больше, чем прочие народы, — не они, так другие. А вот прекращение распрей между городами, племенами и странами, ставшее результатом римского завоевания, несомненно, было благом. То же можно сказать и о влиянии римской и наряду с ней греческой культуры на менее развитые племена. Единое политическое пространство способствовало развитию экономики. Конечно, римские наместники позволяли себе различные злоупотребления — вымогательство, незаконные поборы, конфискации предметов искусства и т. д. Однако преувеличивать масштабы подобных безобразий не стоит — аппарат наместников был немногочисленным, поскольку состоял преимущественно из их свиты.^[9] Это обстоятельство, к слову сказать, способствовало сохранению автономии провинциальных общин. В городах, где не действовало римское право, римские граждане должны были подчиняться местным законам.^[10]

Однако не стоит забывать и о теневых сторонах римского владычества. Конечно, оно прекратило войны, но многие из покоренных народов не видели в этом особого блага — война для них являлась привычным, а зачастую и прибыльным занятием. К тому же прежде они сами решали, воевать им или нет. Что же касается тех эллинских полисов, которые прежде обладали политической независимостью, то им казалось унижительным подчиняться «варварам», каковыми они считали римлян. Поэтому и злоупотребления римских наместников измерялись не только сухими цифрами людских потерь и материального ущерба — они оставляли раны в сердцах, не поддававшиеся никакому исчислению. То же самое можно сказать и о других покоренных народах. На этом фоне заявления римлян о том, будто они лишали побежденных одной только свободы совершать несправедливости,^[11] выглядели как циничное издевательство. Что же касается распространения греко-римской культуры, то сами «варвары» вряд ли испытывали какие либо позитивные эмоции на сей счет, тогда как положительные последствия этого процесса заметны лишь в исторической ретроспективе. К тому же культура «варварских» племен со временем могла развиваться в нечто не менее интересное, чем греческая и римская. Пример тому — кельты Ирландии.

Как же было устроено государство, покорившее ойкумену?

Как известно, в VIII–VI веках до н. э. Рим находился под властью

царей, а затем в результате аристократического переворота стал республикой. Здесь необходимы две оговорки: римские цари (reges) отнюдь не были монархами в привычном смысле слова, а скорее представляли собой племенных вождей. Попытка последнего царя Тарквиния Гордого править самовластно, в обход мнения знатнейших родов (или, по крайней мере, многих из них), привела к его свержению. Республика, сменившая царскую власть, в понятиях римской верхушки была не столько особым строем, отличным от монархии, сколько обозначением государства как такового. Для нас словосочетание «падение Республики» подразумевает смену ее Империей, для римских же традиционалистов оно означало гибель государства вообще.^{12}

Установление республиканского строя знаменовало собой господство знати, патрициев, которые руководили общиной через сенат, существовавший, согласно легенде, еще со времен Ромула. Для простого народа,^{13} плебса, это не сулило ничего хорошего — аристократия заботилась только о себе и считала признаком хорошего тона лишний раз утеснить «чернь». В то же время любые симпатии к плебейам со стороны частных лиц вызывали подозрения — уж не стремится ли этот человек к царской власти, пользуясь расположением толпы? (Прекрасное доказательство того, что «черни» при царях жилось лучше.)

Плебеев эксплуатировали самыми различными способами: они платили налоги, работали в качестве поденщиков или арендаторов на полях знати, сражались с внешними врагами, обеспечивая в случае успеха добычу и новые земли. Вместо награды им грозило рабство за неуплату долгов, их не допускали к участию в разделе общественных земель (ager publicus), они не могли быть ни магистратами, ни жрецами. Однако плебеи боролись за свои права как умели: уходили на Священную гору, предоставляя патрициев собственной участи; отказывались сражаться за государство, которое только брало у них, но ничего не давало взамен; наконец, устраивали многолюдные собрания на улицах Рима, требуя внимания к своим нуждам. Однако, что любопытно, до настоящего восстания так ни разу и не дошло.

Патриции постепенно шли на уступки: ввели должность плебейских трибунов, которые получили широкие полномочия для защиты прав простонародья; разрешили браки между плебеями и патрицианками и наоборот; допустили плебеев к занятию государственных постов вплоть до высших; отменили долговое рабство. В конце концов решения плебейских собраний приобрели силу закона. Это событие произошло в 287 году до н.

э. и условно считается окончанием борьбы между патрициями и плебеями. Плоды этой победы пожалуй, разумеется, верхушка плебса, которая слилась с патрициями и получила возможность через занятие высших государственных должностей проникать в ряды знати — нобилитета. Положение простонародья тоже улучшилось, но не столько в силу уступок со стороны аристократии, сколько в силу общего поступательного развития Рима.

Что же представлял из себя государственный строй Рима к концу второй трети II века до н. э., когда появился на свет герой нашего повествования?

Де-факто высшим государственным органом являлся сенат. В его ведении находились все важнейшие вопросы: распределение провинций между наместниками и получение отчетов от них; набор войска и прием иностранных делегаций; размеры налогов и выделение средств на государственные нужды; назначение празднеств и общественных молебствий; разрешение на постройку храмов и проведение триумфов, а также многое другое. Именно из числа сенаторов до конца 120х годов до н. э. выбирались судьи.^{14}

Созывать сенат и председательствовать в нем имели право консулы, преторы, а позднее и плебейские трибуны. При опросе мнений *patres* — «отцов народа» — первыми запрашивали бывших консулов — консуляров.^{15} Наименее знатные и влиятельные сенаторы обычно просто присоединялись к той или иной точке зрения. Ораторы имели право говорить сколь угодно долго, чем иногда пользовались в целях обструкции при обсуждении «неудобных» вопросов. Решения сената, называемые *senatusconsulta*, формально не являлись законодательными актами, но воспринимались в качестве таковых общественным сознанием.^{16} Собирался сенат либо в храмах, либо в особых зданиях — куриях.

Римский народ (квириты) осуществлял свою власть в народном собрании — комициях. В отличие от Эллады в Риме собрание делилось на три разновидности — куриатные, центуриатные и трибутные. Куриатные, наиболее древние из всех, были собраниями патрициев. Во II веке до н. э. они обладали довольно ограниченными функциями, как то: утверждение за соответствующими магистратами высшей власти, империя (см. ниже), переход плебеев в число патрициев и наоборот.

Центуриатные комиции, созданные, по преданию, в VI веке до н. э. предпоследним римским царем Сервием Туллием, должны были выбирать консулов, преторов и цензоров; рассматривать апелляции по смертным

приговорами; решать вопросы войны и мира. Голосование в центуриатных комициях происходило на основании имущественного ценза. В свое время римское общество было разделено на пять классов и 193 центурии. 98 центурий, в которые входили немногочисленные, но наиболее состоятельные граждане, в случае консолидированной подачи голосов лишали смысла голосование остальных 95. Однако в III веке до н. э. число центурий увеличилось до 373, что исключило возможность подобного диктата со стороны богачей. Этот род комиций являлся наиболее ярким воплощением военного характера римского общества — центурии представляли собой не только избирательные единицы, но и подразделения римского войска, «сотни». Собрания их проводились на Марсовом поле, вне пределов священного померия — городской черты, находиться в пределах которой вооруженные люди не имели права.^{17}

Самыми демократичными в Риме были трибутные комиции, появившиеся во второй половине V века до н. э. Если куриатные комиции были структурированы по родовому принципу, а центуриатные — по имущественному, то трибутные комиции основывались на территориальном принципе, ибо голосование проводилось по территориальным единицам — трибам. Трибутные комиции возникли из собраний плебеев, *concilia plebis*, которые были созданы в период противостояния с патрициями. Поначалу их решения, естественно, были обязательны только для плебеев, но в середине V века до н. э. они приобрели законную силу для всего народа. Чтобы патриции могли участвовать в голосовании, консулы стали созывать эти собрания по трибам. Так появились трибутные комиции. Их решения утверждались сенатом, но со временем эта норма превратилась в пустую формальность.

Наряду с трибутными комициями продолжали функционировать и собственно *concilia plebis* под председательством плебейских трибунов. Они выбирали плебейских магистратов; разбирали уголовные дела, обвинителем по которым выступал плебейский магистрат, а наказание предусматривалось в виде штрафа; принимали законы, вносимые плебейскими трибунами и получавшие названия плебисцитов. Последняя функция придавала им особое значение. Зачастую эти комиции смешивают с трибутными, что и понятно, поскольку принципиальной разницы между ними, по-видимому, не существовало.

Решения сената и народа должны были проводить в жизнь магистраты.^{18} Власть их называлась *potestas*, а высшая (прежде всего военная и судебная) — *imperium* (империй). Ею обладали консулы и преторы, а в

чрезвычайных случаях — диктаторы. Носителей империя сопровождали ликторы с фасциями — пучками розог с воткнутыми в них секирами. Они символизировали власть над жизнью граждан, хотя на практике таковая осуществлялась лишь на войне.

Магистраты делились на ординарных и экстраординарных. К числу первых относились консулы, преторы, цензоры, эдилы, квесторы и плебейские трибуны, к числу вторых — диктаторы, начальники конницы, интеррексы, децемвиры, а также члены особых комиссий — по выводу колоний, разделу общественных земель и др. Носители империя, а также цензоры и со временем плебейские трибуны считались высшими магистратами (*magistratus maiores*), остальные — низшими (*magistratus minores*). Кроме того, существовало особое отличие для ряда должностных лиц — так называемое курульное кресло, которое полагалось курульным магистратам: консулам, преторам, цензорам, курульным эдилам, диктаторам и начальникам конницы. Все магистратуры были краткосрочными (чаще всего годовыми), избираемыми и коллегиальными (за исключением диктатора и его помощника).

Высшими магистратами были консулы. По их именам в Риме обозначался год, как в Афинах — по имени архонтаэпонима. Консулы имели право созывать сенат и комиции, председательствуя в них, осуществлять набор и командовать войском, вносить законопроекты и проводить выборы магистратов, контролировать действия других должностных лиц и вершить суд. Только лица, занимавшие консульскую должность, имели право получить от войск в случае успешных боевых действий почетный титул победоносного полководца — императора (в последние десятилетия Республики этот принцип будет нарушен).

Другими носителями империя, как уже говорилось, были преторы. В их ведении находились прежде всего судебные дела. Наиболее почетной считалась должность городского претора (*praetor urbanus*), который разбирал тяжбы граждан друг с другом. Он же замещал одного из консулов в случае его отсутствия. Претор по делам иностранцев (*praetor peregrinus*) рассматривал иски граждан к иноземцам, находившимся в Риме (перегринам), или судебные тяжбы между самими иноземцами. Четверо других преторов ведали уголовным судопроизводством. Кроме того, на преторов возлагалось устройство некоторых игр и празднеств.

Выполняя функции полководцев или наместников, консулы и преторы назначали себе нескольких помощников — легатов. Эта должность не была частью *cursus honorum* — «пути почестей» римского политика, — однако открывала широкие возможности перед ее обладателями — им при

необходимости поручали командование частью войска, и в этом качестве они могли снискать славу и добиться последующего карьерного роста (правда, право на триумф в случае победы у них как у подчиненных отсутствовало). У менее совестливых легатов имелось немало случаев нажиться за счет покоренных провинций.

Каждые пять лет римляне избирали цензоров. В отличие от других ординарных магистратов срок их должности определялся в полтора года (хотя в действительности они обычно слагали полномочия раньше, по исполнении стоявших перед ними задач). Кроме того, они не сдавали отчета о своей деятельности. Цензоры проводили перепись римских граждан — ценз (census). Во время этой процедуры, проходившей на Марсовом поле, они могли заявить тем членам всаднического сословия, которых считали недостойными: «Продай коня». Это означало крайнее бесчестье, крах надежд на карьеру, если таковые имелись, и переход в менее почетное сословие (как правило, эрарных трибунов). На основании сведений об имуществе сограждан цензоры обновляли податные списки римлян. Кроме того, они осуществляли надзор за нравственностью (сига тогит), в рамках которого заново составлялись списки сената. За «безнравственное» поведение некоторые члены главного государственного органа Республики могли выбыть из его состава. Конечно, некоторые из них (не самые влиятельные) могли стать жертвами неприязни цензоров или их самодурства. Так, Катон Старший изгнал из сената некоего Манилия только за то, что тот поцеловал жену в присутствии дочери (Плутарх. Катон Старший. 17. 7). Однако подобные выходки были чреваты неприятностями — ведь в ходе следующего ценза такой же участи могли подвергнуться друзья излишне ретивого блюстителя нравов.

Наконец, цензоры выполняли ряд финансовых функций — одной из них, собственно, было уже упомянутое составление податных списков граждан. Они ведали откупам, подрядами и общественными работами, а также наблюдали за исполнением такого рода контрактов. Все это, естественно, требовало от них определенной компетентности в финансовых вопросах. Цензоров чаще всего избирали из числа консуляров; если консульство было вершиной карьеры римского политика, то должность цензора — пределом его мечтаний.

Заботы о благоустройстве и общественном правопорядке в Риме и его окрестностях в пределах одной мили (1,5 километра) лежали на эдилах. Их было четверо — два плебейских и два курульных (первоначально из числа патрициев). Их обязанности, в сущности, не различались: они следили за состоянием построек, чисто-той и порядком на улицах, снабжением города

хлебом (сига аппопаё), продажей его беднякам по сниженным ценам, ценами и качеством товаров на рынках, устройством общественных игр. Все это требовало немалых расходов, которые эдилам приходилось покрывать из собственного кошелька. Посему немало римских политиков стремились уклониться от исполнения должности эдила и добиться претуры в обход ее. К счастью для них, закон этого не запрещал, и кое-кому (в том числе и Сулле) удалось избежать хлопотливого и дорогостоящего эдилитета. Однако тот, кто исполнял его со всем тщанием, мог надеяться на успешную карьеру в дальнейшем — достаточно вспомнить Цезаря. Недаром за эту должность на выборах разгорались жаркие схватки — Плутарх уверяет, что будущему победителю Македонии Эмилию Павлу избиратели оказали предпочтение перед двенадцатью (!) кандидатами, из которых каждый стал впоследствии консулом (Эмилий Павел. 3.1). Гай Марий, потерпев неудачу на выборах в курульные эдилы, тотчас попытался добиться должности плебейского эдила, но и тут его ожидало фиаско (Плутарх. Марий. 5. 1–3; Цицерон. За Планцию. 51).

Низшей должностью, с которой начиналась карьера римского политика (*cursus honorum*), была квестура. Именно она открывала путь в сенат.^[19] Квесторы, первоначально выполнявшие роль судей по уголовным делам, к концу Республики давно уже превратились в казначеев. В конце II века до н. э. квесторов было восемь. Городские квесторы заведовали римской казной — эрарием (*aerarium*), находившимся в храме Сатурна, надзором за государственными доходами и расходами, а также боевыми знаками, находившимися в храме Сатурна, и архивом, в котором хранились постановления сената и законодательные акты. Провинциальные квесторы были помощниками полководцев и наместников, заменяя их при необходимости. На них лежала финансовая сторона управления провинциями и осуществления военных действий, если таковые велись. Итальянские квесторы назначались в Остию (главный порт Рима), Кампанию и Цизальпинскую Галлию. Для города был особенно важен остийский квестор, обязанный обеспечивать подвоз хлеба в Рим.

Сенат мог продлить полномочия консулов, преторов и квесторов по истечении срока должности. Тогда они именовались проконсулами, пропреторами и проквесторами.

Особую роль играла магистратура плебейских трибунов.^[20] Обычно ее домогались после квестуры, то есть она стояла формально ниже эдилитета, но возможности, которые она предоставляла, были огромны. Трибуны имели право оказывать помощь любому гражданину,

пострадавшему, по их мнению, от произвола магистратов. Поэтому их дом всегда должен был оставаться открытым, а сами они не имели права отлучаться из Рима даже на один день. Личность трибуна считалась неприкосновенной, то есть охраняемой законами не только человеческими (как в случае с другими магистратами), но и божескими, а его убийство — святотатством. Кроме того, трибуны, как и цензоры, не сдавали отчета о своей деятельности.

Однако трибуны располагали и более важными полномочиями, приобретенными в ходе долгой политической борьбы. Они имели право созывать трибутные комиции и даже сенат; налагать вето на решения магистратов (за исключением диктатора) и сената, а также на обсуждение законопроектов;^{21} заключать в тюрьму магистратов (опятьтаки кроме диктатора); вносить законопроекты (кроме них этим правом обладали только консулы). Если прежде трибуны могли лишь находиться у дверей здания, где заседал сенат, чтобы быть в курсе дела и при необходимости выступить с интерцессией, то во II веке до н. э. они уже входили в состав сената.

Как видим, возможности трибунов были огромны. Однако они, как и прочие магистраты, занимали свою должность лишь в течение года, после чего их в случае чрезмерной активности во время исполнения должности могли ждать разные «неожиданности». Кроме того, действия одного трибуна можно было парализовать интерцессией любого из его девяти коллег.

Патриции со временем смекнули, что помощь плебейских трибунов может пригодиться и им. Поэтому если прежде трибуны оказывали помощь лишь плебейам, впоследствии речь шла уже о любом гражданине. Порой дело доходило до фарса: в 151 и 138 годах до н. э. трибуны подвергли аресту консулов, которые во время набора войска призвали в армию молодых людей из влиятельных фамилий.^{22} Пройдет совсем немного времени, и именно выступления плебейских трибунов положат начало гражданским войнам.

К числу экстраординарных магистратур относились должности интеррекса, диктатора и начальника конницы. Интеррекс (буквально «междущарь») назначался сенатом в том случае, если выбывали из строя представители высшей власти — например, когда смерть уносила консулов. Он являлся как бы временным царем и избирался из числа патрициев на пять дней, а затем назначал себе преемника, и так до тех пор, пока не выбирали новых консулов.

Диктаторы назначались сроком на шесть месяцев для выправления тяжелой военной ситуации, подавления внутренних волнений, пополнения сената, проведения комиций для выборов консулов, а также для совершения некоторых религиозных обрядов. Они обладали неограниченной властью и в своих действиях не были стеснены рамками той конкретной задачи, которая послужила причиной их назначения.^{23} Так, Мамерк Эмилий, назначенный диктатором для ведения войны с этрусками, ограничил полномочия цензоров, а Манлий Империз, ставший диктатором для проведения сакральной церемонии вбивания гвоздя (*clavi figendi causa*), провел воинский набор. Последний раз до Суллы диктатор назначался в 202 году до н. э., и, казалось, эта магистратура уже отмерла. Однако события I века до н. э. доказали обратное.

Помощником диктатора являлся начальник конницы, при необходимости заступавший на его место. Существовало также немало должностей, занятие которых не давало права на вхождение в сенат, зато они были куда теснее связаны с повседневной жизнью: децемвиры по разбору частных тяжб (*decemviri in litibus iudicandis*); монетные триумвиры (*triumviri monetales*), ведавшие чеканкой монеты; триумвиры по уголовным преступлениям (*triumviri capitales*), надзиравшие за порядком в Риме и тюрьмами, производившие арест, а иногда и казнь преступников, и др.

Нужно также упомянуть о служителях (*apparitores*), чьи обязанности обычно выполняли вольноотпущенники (либертины), и государственных рабах (*servi publici*). Из числа служителей наиболее известны упоминавшиеся уже ликторы, которые носили фасции перед консулами, преторами и диктаторами. Они раздвигали перед ними толпу и при необходимости исполняли назначаемые высшими магистратами наказания. Существовали также посыльные (*viatores*), общественные глашатаи (*praesones*), писцы, делопроизводители и счетоводы (*scribae*).

Таков был в общих чертах государственный строй Рима. Как утверждал Полибий, нелегко решить, чем он являлся аристократией, монархией или демократией (VI. 11. 11). Ведь консулы представляют собой элемент царской власти, сенат — аристократической, комиции — демократической (VI. 11–17). Правда, далее историк оговаривается, что решающую роль в принятии решений играет в Риме сенат (VI. 51. 6). Однако он не делает отсюда вывода о преобладании элементов олигархического строя — ему хотелось показать, что в Риме господствует смешанная конституция, являющая собой разумное соединение разных политических систем.^{24}

Между тем оговорка Полибия о роли сената отражала очевидное положение вещей. По традиции все распоряжения сената считались легитимными, а все то, что шло вразрез с его волей, было незаконным.^{25} Главенство сената в государственных делах выражалось даже в самой формуле «сенат и народ римский» (*senatus populusque Romanus, SPQR*), да и во всех правовых актах он стоял на первом месте (*senatus decrevit, populus iussit*). При этом принцип комплектования сената был олигархическим — его члены не избирались, как депутаты парламента, а попадали туда по отбытии магистратур, причем главенствовали в нем консуляры, составлявшие узкую группу из 25–30 человек.^{26}

Что же касается народного собрания, то оно было серьезно стеснено в своих функциях как обычаем, так и процедурными ограничениями. Нобили на правах магистратов созывали комиции, председательствовали в них, вносили законопроекты, выступали с речами и объявляли об их закрытии. Комиции могли только принимать или отклонять предлагаемые им консулами или плебейскими трибунами законопроекты, не внося в них от себя никаких поправок. Подсчет голосов велся не по «головам», а по трибам или центуриям, чего никогда не было в греческих полисах.^{27} Кроме того, знать контролировала религиозную жизнь общины, поскольку жреческие коллегии пополнялись путем кооптации или путем назначения, исходившего от великого понтифика, который один избирался комициями^{28} (что, впрочем, никак не влияло на его политическую позицию).^{29}

Консулы могли отложить выборы и обсуждение законопроектов в народном собрании под предлогом наблюдений за небом и неблагоприятных знамений.^{30}

Правда, со временем, особенно в ходе гражданских войн, роль плебса в политике стала расти.^{31} Верхам приходилось принимать его арбитраж в тех случаях, когда им не удавалось устранить свои разногласия до выборов. Этому способствовала необходимость ротации магистратов, лежавшая в основе полисной системы.^{32} Однако должности оставались, в отличие от Афин, неоплачиваемыми; сенат попрежнему не избирался, а пополнялся бывшими магистратами; комиции продолжали голосовать по центуриям и трибам. Они могли играть самостоятельную роль лишь благодаря разногласиям среди власть имущих. Однако поставить себя над сенатом народному собранию не удалось — оно не было готово к этому ни организационно, ни психологически. К тому же со временем в дело вступила армия, конкурировать с которой комиции, естественно, не могли.

Необходимо упомянуть еще об одном институте, укреплявшем власть верхов, — отношениях патрона и клиента.^{33} Таковые возникали между высокопоставленными (не обязательно богатыми) лицами, с одной стороны, и «маленькими людьми» (не всегда бедными) — с другой. Патроном считал своего адвоката его подзащитный, если добивался оправдания; вольноотпущенник — бывшего господина; мелкий арендатор — хозяина соседнего крупного поместья; освобожденные из плена римские граждане — того, кто избавил их от неволи;^{34} провинциал, получивший права римского гражданства, — того, кто ему их даровал; покоренный народ — победившего его римского полководца (Сицилия — Клавдия Марцелла, Ближняя Испания — Семпрония Гракха, Македония — Эмилия Павла и др.).^{35} Патрон защищал клиента в суде, помогал продвинуться по службе, обеспечивал участие в выгодном подряде или откупках, беднейшим из клиентов делал подачки, а если речь шла об интересах провинциалов, то представлял их в сенате и перед магистратами.

Клиенты, в свою очередь, агитировали и сами голосовали за патрона (или его выдвиженцев) на выборах,^{36} составляли его свиту для поддержания престижа, оказывали ему гостеприимство, оставляли часть имущества в завещаниях да и вообще помогали покровителю во всех его делах, честных и не очень.^{37} Бесспорно, отношения патроната и клиентелы помогали подчинить комиции влиянию аристократии, однако преувеличивать их значение не стоит — на политику влияло слишком много иных факторов.^{38} Тем более это очевидно для эпохи гражданских войн.

Что же представлял собой правящий слой?

Высшим сословием в Риме было сенаторское (*ordo senatorius*). Оно не было однородным; одно дело сенатор-квесторий и совсем другое — преторий или консуляр. К тому же имело значение, кем были его предки, — потомок нескольких консулов чувствовал себя куда увереннее, чем первый сенатор в роду или в лучшем случае наследник одного или двух квесторов. Нобилями (*nobiles*), то есть знатными, в римских верхах, по-видимому, считали только потомков консулов.^{39}

Долгое время считалось, что римскую политическую жизнь контролировала небольшая группа консулярских семейств, которая благодаря множеству клиентов и друзей господствовала в сенате и комициях, редко подпуская к консулату «новичков».^{40} Это как будто бы

подтверждает и наш главный «эксперт» по римской политике — Цицерон, который говорил, что нобили, то есть знатные, получают магистратуры (в том числе и высшие) еще в колыбели, а «новички» добиваются консульства штурмом (Против Верреса. П. V. 180–181; За Мурену. 17; Об аграрном законе. П.3). Саллюстий уверяет, что знатные долгое время передавали друг другу консулат из рук в руки, не подпуская к нему «новых людей», как бы те ни прославились (Югуртинская война. 63. 6–7).

Однако при более тщательном рассмотрении вопроса все оказалось не так просто. Да, представители фамилий Корнелиев Сципионов, Цецилиев Метеллов, Фабиев Максимов, Корнелиев Лентулов и некоторых других достаточно часто занимали высшую магистратуру и могут считаться подлинной политической элитой Вечного города. Но это вовсе не значит, что они контролировали римскую политику. Прежде всего надо отметить, что таких семейств было все-таки не так уж мало — это, помимо названных, Клавдии Пульхры, Клавдии Марцеллы, Эмилии Павлы, Эмилии Лепиды, Сульпиции Гальбы, Аврелии Котты, Кальпурнии Пизоны, Лицинии Крассы, Манлии Торкваты, Домиции Агенобарбы, Сервилии Цепионы, Муции Сцевола и др. Причем каждое из них было представлено отнюдь не одним претендентом на высшие должности. Недаром в середине II века до н. э. появился закон, запрещающий повторное избрание в консулы.

Кроме того, знатность, хотя и обеспечивала значительное преимущество на выборах благодаря престижу и связям, не давала гарантий успеха. Конечно, в спокойные времена ничем не примечательные, но родовитые кандидаты могли добиться успеха, однако такие времена были редкостью — ведь Рим постоянно воевал. Поэтому в условиях конкуренции с другими родами немалую роль играли способности и конкретные достижения соискателей. Недаром знатные фамилии, блиставшие на политическом небосклоне, легко могли исчезнуть с него — надолго или навсегда.^[41] Это могло быть вызвано не только пресечением рода, но и отсутствием его достойных представителей.^[42] Вот лишь несколько примеров.

Клавдии Марцеллы, к числу которых принадлежали шестикратный консул Марк Марцелл, прозванный впоследствии «щитом Рима» за подвиги в войне с Ганнибалом, и его тезка, последний в до-марианскую эпоху трехкратный консул, успешно завершивший начальный этап Нумантинской войны в Испании, после 152 года до н. э. в следующий раз выиграли консульские выборы лишь в 51 (!) году, но зато потом счастье улыбнулось

им три раза подряд. Еще более безрадостными последние десятилетия Республики стали для знатнейшей фамилии Фабиев Максимов. Этот род прославился прежде всего благодаря двум пятикратным консулам Квинтам Фабиям — герою Самнитских войн, победителю при Сентине, диктатору и цензору, и «щиту Рима», дважды диктатору, применившему тактику «выжженной земли» в борьбе с Ганнибалом. Но после консулата Фабия Максима Эбурна в 116 году до н. э. следующему из Максимов удалось стать консулом лишь в 45 году до н. э., да и то лишь на три месяца, когда сложил консульские полномочия Цезарь, причем в последний день года Фабий умер.

Кто мог представить, как не повезет семейству Эмилиев Павлов! Оно дало Риму покорителя Македонии Луция Эмилия Павла и его сына, разрушителя Карфагена Сципиона Эмилиана; оба дважды были консулами, достигли вершины карьеры — цензуры. Прославленным полководцем был и брат Сципиона, консул 145 года до н. э. Максим Эмилиан, отличившийся в войне с Вириатом. Однако после консулата сына Максима Эмилиана, Фабия Максима Аллоброгского, в 121 году до н. э. представитель семейства Эмилиев Павлов удостоился высшей магистратуры лишь в 50 году до н. э. Испытала на себе капризы судьбы и другая ветвь рода Эмилиев, Лепиды — после 126 года до н. э. им пришлось ждать консулата до 78 года до н. э. (правда, они выиграли выборы и на 77 год).^[43] В еще более сложной ситуации окажется семейство героя нашей книги, но об этом — в следующей главе.

Кто же были те «новички» (*homines novi*), которым время от времени удавалось выходить «в люди»? В сословном отношении это всадники, то есть люди, чье имущество оценивалось как минимум в 400 тысяч сестерциев. Только они имели право претендовать на магистратуры, открывавшие путь в сенат.^[44] Но кого из всадников называли «новичками»? Обычно считается, что речь идет о людях, которые первыми в роду добились консулата.^[45] Такого успеха в эпоху «золотого века» Римской республики, то есть в 201–133 годах до н. э., добивались немногие.^[46] Самым известным из них, конечно, был Марк Порций Катон Старший, видный полководец, способный оратор, автор первого прозаического сочинения на латинском языке, дошедшего до наших дней, непримиримый борец за чистоту нравов (но не своих собственных), а также крупнейший предприниматель и экономистеоретик. Можно назвать и других — победителя Антиоха III при Фермопилах Мания Ацилия Глабриона; друга Сципиона Африканского Гая Лелия; разрушителя

Коринфа Луция Муммия Ахейского;^{47} Квинта Помпея, «прославившегося» неудачами в Испании и вероломным отказом от заключенного с кельтиберами мира.

Какие формы приобретала борьба внутри правящего класса? Историки пишут о различных фракциях, группировавшихся вокруг знатных семейств — «партии Сципионов», «партии Метеллов» и т. д., которые, подобно парламентским фракциям, «проталкивали» через сенат и комиции угодные им решения и проводили на выборах своих кандидатов.^{48} Однако эта распространенная трактовка вызвала серьезные возражения. Указывалось, что римские политики могли поддерживать хорошие отношения с врагами своих друзей и наоборот; общины могли иметь нескольких патронов, которые враждовали друг с другом; даже члены одной фамилии вовсе не обязательно действовали сообща; предвыборные объединения создавались редко, и кандидаты, судя по источникам, обычно выступали каждый за себя.^{49}

Здесь необходимо сделать важные оговорки. То, что родственники могли не поддерживать друг друга в одних случаях, не значит, что они этого не делали в других. Что до предвыборных блоков, то последние возникали, разумеется, чаще, чем их упоминают источники, — слишком многое не дошло до нас. Другое дело, что группы сторонников той или иной точки зрения существовали только до тех пор, пока вопрос, породивший раскол мнений, оставался неразрешенным. Причем если вопрос являлся достаточно важным, ради благоприятного его разрешения члены возникшей группировки могли сотрудничать и в делах второстепенных. Но такое положение отнюдь не было постоянным.^{50}

«Золотой век» Римской республики подходил к концу. «Городская община Рима сама взорвала себя своим неестественным расширением».^{51} Первое, что бросается в глаза, — непригодность республиканского аппарата для управления покоренными землями. Наместники зачастую грабили вверенные им провинции, почти не опасаясь за последствия. Комиссии присяжных, рассматривавшие в судах дела по закону о вымогательстве (*lex de repetundis*), как правило, оправдывали обвиняемых — за взятку, по дружбе, по просьбе влиятельного лица, а также помня, что им и самим может выпасть случай нажиться за счет провинциалов.

Однако хотя подобная практика и развращала нравы элиты, все же существованию государства она напрямую не угрожала. Хуже было другое — чем дальше раздвигались границы государства, тем слабее становился

контроль сената над полководцами и наместниками провинций. Пока они ограничивались лишь тем, что время от времени вели войны с соседями по собственному усмотрению. Но подобная самостоятельность внушала им мысль о том, что они прекрасно обойдутся и без сената — надо только наладить отношения с солдатами и центурионами. Сделать это было тем проще, что солдаты видели в полководце своего патрона — если он, конечно, хоть как-то заботился о них. Центурионы знали, что в силу незнатного происхождения и бедности им не приходится рассчитывать на серьезную карьеру. Полководец же мог обеспечить им хотя бы скромное состояние и безбедную старость. А если повезет — то и богатство, которое при удаче откроет им путь в сословие всадников. И тогда в сенат попадут если не они сами, то хотя бы их сыновья.

Оставлял желать лучшего и качественный уровень римской армии. Особенно ярко это продемонстрировали войны в Испании.^{52} Когда Сципион Эмилиан, один из лучших римских полководцев того времени, прибыл под стены Нуманции, он несколько месяцев безжалостно муштровал распустившихся солдат, но так и не решился бросить их в бой с немногочисленным врагом. К тому же сокращались мобилизационные возможности, ибо безземельных крестьян в армию не брали. Римское крестьянство понемногу разорялось — у кого-то хозяйство приходило в упадок во время долгих походов,^{53} у кого-то захватывали землю сильные соседи, кому-то просто не везло. Это не только ослабляло армию, но и обостряло социальную напряженность — ведь обладание землей давало не только средства пропитания, но и обеспечивало более высокий социальный статус. И хотя разорившихся крестьян было сравнительно немного, вряд ли больше нескольких десятков тысяч, их вполне хватило бы, чтобы при подходящих обстоятельствах затеять смуту.

Серьезной проблемой стали отношения Рима с италийскими союзниками. Последние составляли от половины до двух третей римской армии,^{54} и, в сущности, именно они завоевывали для римлян ойкумену. Однако, несмотря на это, италийцы не обладали равными с квиритами правами. Конечно, некоторые представители италийской верхушки добились римского или латинского гражданства,^{55} но таких было немного. А ведь это открывало счастливицам или хотя бы их детям при благоприятном стечении обстоятельств дорогу в сенат. Однако дело было не только и, видимо, не столько в карьерных перспективах, которые открывались лишь перед единицами. Наибольшее недовольство, по-видимому, вызывало то, что при выводе римлянами колоний в италийские

города жители последних лишались значительной (и далеко не худшей) части своих земель, которую отдавали колонистам. Они занимали приниженное положение и на военной службе и вообще больше других страдали от произвола римских властей.^{56}

Наконец, недовольны были римские всадники, обладавшие подчас огромными богатствами. Они ссужали сенаторов деньгами, помогали им обойти запреты, мешавшие *patres* заниматься торговлей и получать от нее немалые барыши. Однако в политике они могли участвовать лишь негласно, как это впоследствии делал друг Цицерона Аттик. В сенат удавалось попасть лишь единицам.

Слишком многое мешало провести масштабные социальные реформы. Прежде всего — консервативное сознание, и не только нобилитета, традиционно отождествлявшегося с государством,^{57} но и римлян вообще. Граждане ориентировались прежде всего на обычаи предков, *mos maiorum*, а те не предусматривали ни равенства в правах квиритов с италийцами, ни активного участия всадников в политической жизни, ни широкой раздачи земли обедневшим простолюдинам. К тому же все это затрагивало вполне конкретные интересы знати и заставило бы ее поделиться благами власти слишком уж со многими.

Отсутствовал и эффективный механизм проведения реформ. Ожидать их от сената, где господствовал нобилитет, не приходилось. Конечно, можно было попробовать обратиться к народному собранию, что и сделали братья Гракхи, а затем Сатурнин, Сульпиций и Цезарь. Однако комиции представляли собой слишком громоздкий механизм для проведения долговременной политики. К тому же они не обеспечивали реформаторам не только длительного пребывания у власти, но даже личной безопасности. Гарантом того и другого могла стать только армия. Но это означало уже не борьбу в рамках закона, а гражданскую войну. Именно ее и начнет герой нашей книги — Луций Корнелий Сулла.

Однако в начале последней трети II века до н. э. такой сценарий развития событий не мог никому представиться даже в кошмарном сне. Казалось, все можно уладить миром; некоторые даже надеялись на то, что трудности разрешатся сами собой. Ходило много разговоров о проектах аграрной реформы — нобили слишком откровенно прибирали к рукам *ager publicus*, тогда как простые граждане понемногу лишались земли. Один из таких прое-ктов хотел предложить друг Сципиона Эмилиана Гай Лелий.^{58} Однако потом он внял уговорам друзей и отказался от своего намерения (Плутарх. Тиберий Гракх. 8.5).

Через несколько лет это сделал плебейский трибун Тиберий Семпроний Гракх — сын и внук двукратных консулов, герой Третьей Пунической войны, первым взойшедший на стену Карфагена. Сейчас уже трудно сказать, что толкнуло его на дерзкое выступление; друзья говорили о сочувствии Тиберия плебсу, враги — о низменном честолюбии.^{59} Вероятно, он беспокоился не столько о «маленьком человеке», сколько о слабеющей мощи римской державы, ибо воевал в Испании и видел, во что превратилась разложившаяся римская армия, которая не раз отступала перед немногочисленными нумантинцами.^{60} Правда, можно было понизить ценз при наборе в армию и тем исправить положение, что впоследствии и сделали. Но именно зажиточные крестьяне по традиции считались лучшими воинами. Любопытный факт: в 232 году до н. э. плебейский трибун Гай Фламиний Непот, преодолев сильнейшее сопротивление верхов, провел закон о разделе между простолюдинами земель сенонов и пиценов на севере и северо-востоке Италии — так называемого *ager Gallicus et Picenus*.^{61} И именно эти края спустя столетие и более продолжали давать Республике тысячи и тысячи воинов,^{62} причем далеко не худших.

Кроме того, чрезмерное обогащение одних нобилей за счет *ager publicus* не означало, что таким же образом наживались другие. В результате увеличивался имущественный разрыв между самими аристократами, расшатывалось относительное политическое равновесие, ибо богатство — это власть. Недаром закон поддерживали многие влиятельные лица — принципе сената и тесть Тиберия Аппий Клавдий Пульхр, консул 133 года до н. э. Публий Муций Сцевола, великий понтифик Публий Лициний Кресе, а также и менее видные сенаторы — Гай Папирий Карбон, Гай Порций Катон и др.^{63}

Так или иначе, Тиберий предложил в комициях законопроект об изъятии излишков общественной земли у тех, кто ее захватил, — позволялось арендовать не более 500 югеров (126 гектаров)^{64} плюс еще по 250 югеров на двух взрослых сыновей, итого тысячу югеров общественной земли. Остальное предлагалось раздать нуждающимся — по 30 югеров на семью, что позволяло создать крепкие хозяйства.^{65}

В той части предложения Тиберия, где говорилось о земельном максимуме, речь шла о возвращении к закону Лициния — Секстия 367 года до н. э. (Аппиан. Гражданские войны, далее — ГВ. I. 9. 37). Однако этот закон никто не соблюдал, а один из его авторов, Лициний Столон, был в отместку осужден за нарушение собственного закона.^{66} Кроме того,

впервые был официально поставлен вопрос не о разделе земли, захваченной у врага,^{67} а о перераспределении той, что уже имела владельцев.^{68} «Аграрный закон и революция означали одно и то же».^{69}

Коллега Тиберия по трибунату Марк Октавий наложил вето на этот проект пересмотра итогов «приватизации». Конечно, «трибун имел право наложить вето на что хотел, но не в обычае было, чтобы он налагал его на законопроекты, направленные на защиту интересов плебеев».^{70} Последний раз трибунское вето в народном собрании налагалось более 150 лет назад, в 287 году, что делало поведение Октавия еще более нетрадиционным.^{71} В ответ Тиберий данной ему законом властью приостановил полномочия всех магистратов, кроме трибунов, и опечатал казну. Октавий остался неумолим. Обсуждение законопроекта в сенате также не принесло Тиберию успеха. Тогда он поставил на голосование вопрос об отстранении Октавия от должности как человека, призванного защищать интересы народа, но на практике действующего во вред им. Это был совершенно беспрецедентный случай, хотя формально он не противоречил закону.^{72} Комиции проголосовали за лишение строптивца магистратуры, а затем и за аграрный проект Тиберия.

Вскоре начала работу аграрная комиссия по изъятию излишков и раздаче земли. Гракх предложил передать на нужды тех, кто получил в результате реформы землю, богатства только что присоединенного Пергамского царства. Он также заявил, что городами бывшего царства должен распоряжаться народ. Это было вторжением в прерогативы сената, поскольку финансы и управление провинциями находились в его ведении,^{73} и вызвало нападки на трибуна со стороны влиятельных сенаторов.

Однако срок полномочий Тиберия близился к концу, и он понимал, что влиятельные недруги могут привлечь его к суду. К тому же реформа только началась. Гракх решил вторично выдвинуть свою кандидатуру на должность плебейского трибуна. Это, по-видимому, не запрещалось,^{74} но длительное отсутствие прецедентов давало новый серьезный повод для нареканий.^{75} Враги поговаривали о стремлении Тиберия к царской власти — его популярность была слишком велика, да и в борьбе за проведение аграрного законопроекта он действовал чересчур решительно. Трибун умолял народ голосовать за него. Очевидно, он боялся не расправы — достаточно было удалиться в добровольное изгнание, а изгнанника к суду никто бы не привлек. Но в случае отъезда из Рима могла рухнуть вся его политическая карьера. Во время выборов начались беспорядки, в ходе которых Гракх и многие его сторонники погибли от рук своих врагов.

Среди последних была и группа сенаторов во главе с консуляром Сципионом Назикой Серапионом; он и возглавил «операцию» (Плутарх. Тиберий Гракх. 819; Аппиан. Гражданские войны. I. 916; Ливии. Периоха 58; Беллей Патеркул. П. 2–3; Флор. III. 14; Орозий. V. 8.3–9.3).

Но работа аграрной комиссии тем не менее продолжалась — не столько в силу поддержки плебса, сколько благодаря влиянию сторонников реформы из числа видных нобилей.^{76} Раздел затронул интересы италийцев, они обратились к покровительствовавшему им Сципиону Эмилиану, и тот добился прекращения деятельности аграрной комиссии. Вскоре был провален законопроект о предоставлении италийцам прав римского гражданства (Валерий Максим. IX. 5. 1). Вспыхнувшее затем в италийском городе Фрегеллы восстание было жестоко подавлено претором Луцием Опиимом, а сам город низведен до статуса деревни.^{77}

Но гракханская эпопея на этом не закончилась. В 123 году до н. э. плебейским трибуном стал брат погибшего Тиберия, Гай Гракх, блестящий политик и оратор. Он чтит память Тиберия и корил римлян за то, что они позволили убить его, трибуна, чья личность считалась священной и неприкосновенной. Усилиями консул 132 года Попилий Ленат, известный преследованиями гракханцев, предпочел уйти в изгнание, чтобы избежать суда и позора. Гай решил не ограничиваться опорой на один лишь сельский плебс (*plebs rustica*): наряду с возобновлением действия аграрного закона Тиберия он провел законы о продаже хлеба городской бедноте по сниженным ценам, о праве апелляции к народному собранию приговоренного к смерти, о снабжении воинов одеждой за казенный счет и ограничении срока службы. В рамках решения земельного вопроса Гай предложил совершенно неслыханную меру — наряду с колониями в италийских Капуе, Сколации и Таренте основать таковую и на месте Карфагена.^{78} Кроме того, по его инициативе были расширены масштабы дорожного строительства,^{79} что дало работу многим беднякам и активизировало торговлю в Италии в связи с улучшением коммуникаций.^{80}

Без труда добившись переизбрания на 122 год до н. э., Гай решил привлечь на свою сторону могущественное в экономическом отношении всадничество. Он провел законы о передаче налогов с богатейшей провинции Азия (бывшее Пергамское царство) на откуп всадникам и укомплектовании ими же судов присяжных, где до той поры заседали сенаторы.^{81} Предполагалось также пополнить всадниками сенат.^{82} Все эти меры были направлены не только на усиление позиций всадников, но и

на подрыв власти сената, чем, разумеется, вызвали его недовольство.

Чтобы ослабить влияние Гая, сенат поддержал другого трибуна, Марка Ливия Друза, который предложил основать в Италии и на Сицилии целых двенадцать колоний, освободить колонистов от арендной платы за землю, а также ограничить телесные наказания в армии. Многие бедняки поверили, что именно Друз — истинный заступник народа. Правда, план основания колоний так и остался нереализованным, но это простые люди осознали позднее. Главная цель, подрыв популярности Тиберия, была достигнута.^[83] Гая, как и Тиберия, зная обвиняла в стремлении к царской власти — слишком уж большие полномочия сосредоточил он в своих руках (руководство основанием колоний, строительной деятельностью, собственно трибунская власть и др.).^[84] Желая получить поддержку италийцев, Гракх предложил даровать им права римского гражданства, но, как и несколько лет назад, этот законопроект провалился. Популярность трибуна упала.

Выборы в трибуны на 121 год до н. э. Гай проиграл, но к суду его не привлекли — в отличие от брата, он действовал более корректно и поводов для судебного разбирательства не давал. Однако продолжались нападки на закон об основании колонии на земле Карфагена. В одной из стычек на форуме был убит консульский ликтор. Под этим предлогом сенат принял чрезвычайное постановление (*senatusconsultum ultimum*), наделявшее консула Луция Оппимия (палача Фрегелл) особыми полномочиями в борьбе с внутренним врагом. Гай Гракх и его главный соратник, консуляр и триумфатор Марк Фульвий Флакк собрали своих приверженцев на Авентинском холме. Начались бои, в которых приняли участие отряды вспомогательных войск (чужеземцы убивали римских граждан!). Погибли, если верить Плутарху, 250 гракханцев во главе с обоими предводителями, зато жертвами последующих «судебных» расправ стали, как утверждают древние авторы, три тысячи человек^[85] — настоящее «царство террора».^[86] Гракханское движение закончилось (Плутарх. Гай Гракх. 317; Аппиан. ГВ. I. 21–26; Ливии. Периоха 61; Веллей Патеркул. П. 6–7; Флор. III, 14–15; Орозий. V. 12).

Мы столь подробно остановились на гракханском движении потому, что слишком многое в римской политике последующего времени было связано с ним. Дело не только в том, что с него начались гражданские войны. Оно обозначило важнейшие проблемы, стоявшие перед Римом, и показало всю трудность их разрешения.

Если говорить о том, с чего начали Гракхи, то есть об аграрном

вопросе, то результаты были, по-видимому, достаточно значительными. Предполагается, что благодаря реформе получили землю не менее 50 тысяч крестьян,^[87] к которым следует прибавить членов их семей. Если учесть, что в 125 году до н. э. по результатам переписи населения оказалось 394 736 римских граждан (Ливии. Периоха 69),^[88] то обладателями земельных наделов стали почти 13 процентов от их числа — цифра внушительная, особенно если учесть, что в земле нуждалось явно меньшинство. Во всяком случае, процесс разорения крестьянства замедлился. «Дальнейшее развитие римской аграрной истории, — пишет один из современных ученых, — невозможно себе представить без гракханских реформ».^[89]

Однако гракханское движение имело и другие серьезные последствия. Прежде всего следует отметить, что Гракхи попытались оспорить незыблемый принцип римской государственности — верховную власть сената — и утвердить принцип народного суверенитета. Оба трибуна опирались на комиции: Тиберий именно через них провел аграрный закон, именно их волей отстранил от должности Марка Октавия, заявил, что именно народ должен распоряжаться городами и богатствами Пергамского царства. Гай, не ограничиваясь ориентацией на комиции, начал активное наступление на сенат (или, точнее, сенаторов), ограничивая его власть в пользу всадников. Поэтому большинство принятых Гракхами при опоре на народное собрание мер осталось в силе — и продажа хлеба городскому плебсу по сниженным ценам, и комплектование всадниками судов присяжных (лишь Сулла ненадолго изменил ситуацию в этом вопросе), и передача налогов в Азии на откуп всадникам.

Таким образом, значительно усилился демократический элемент в римской политике. Увеличилась роль не только комиций, но и сходок (contiones),^[90] не обладавших каким-либо законными полномочиями,^[91] — в условиях смуты давала о себе знать власть улицы. Сенат, чтобы перехватить инициативу у реформаторов, впервые прибегнул к тому, что в немецкой историографии получило название Konkurrenzdemagogie,^[92] то есть наперебой предлагались или даже реализовывались проекты, созвучные реформаторским. Яркий пример этому — действия Марка Друза, выбивавшего почву из-под ног Гая Гракха.^[93] В сущности, именно такая конкуренция между аристократами, стремившимися сделать карьеру на уступках народу, привела к зарождению и укреплению афинской демократии.^[94] Поэтому некоторые современные историки заговорили о появлении в позднереспубликанском Риме демократии в духе той, что царила в Афинах в V веке до н. э.^[95] Конечно, это преувеличение, но

изменения были налицо.

В историографии XIX века появилось разделение римских политиков эпохи гражданских войн на оптиматов и популяров. Под первыми обычно понимают консерваторов, сторонников традиционного государственного устройства, во главе которого стоял сенат; под вторыми — приверженцев реформ, расширявших социальную опору Римского государства (расширение политических прав всадников, хлебные раздачи или дотации городскому плебсу, наделение земель сельской бедноты и др.) с опорой на комиции. Зачастую популяров называли «демократической», или «народной» партией. «Отцами-основателями» движения популяров считали Гракхов.^[96]

Следует отметить, что оба термина имеют чрезвычайно условное значение: Цицерон мог назвать оптиматом и угодного ему политика, и писмоносца Филотима из числа либертинов (К Аттику. IX. 7. б).^[97] Популярами же он,^[98] а за ним и другие авторы именовали политиков, которые выдавали себя за блюстителей интересов плебса, боролись против сената, опирались на поддержку комиций и сходов, использовали соответствующие аргументы, лозунги и т. п.^[99] Казалось бы, все очевидно — речь идет о презренных демагогах. В то же время Цицерон мог объявить своих противников лже-популярами, а себя — истинным популяром (Об аграрном законе. II. 7).^[100] Так что слово это в устах одного и того же человека могло иметь как положительный, так и отрицательный смысл.^[101]

В принципе, несмотря на всю условность обоих терминов, деление римских политиков на оптиматов и популяров возможно, но с важными оговорками. Вопервых, оно пригодно только для ситуаций, когда на повестку дня ставились принципиальные вопросы — о наделении земель, хлебных раздачах, изменении государственно правовых процедур в сторону расширения прав комиций. Неверно называть популяров «народной партией», поскольку римский народ отнюдь не был единым (см. ниже), да и борьба за права всадников, которую вели популяры, имела к интересам простых людей довольно отдаленное отношение. Вовторых, оптиматов и популяров правильнее считать не «партиями» или группировками — речь здесь может идти лишь о крупных политических блоках, поскольку в таких важных случаях враждующие группировки обычно объединялись. А это было одной из важнейших сторон деятельности популяров.

Между тем выход из кризиса в результате победы одного из этих блоков был невозможен — слишком уж разными были интересы каждого из слоев римского общества. Сенаторы и особенно нобилитет не были

расположены делиться властью с кем бы то ни было. При этом они яростно грызлись между собой. Всадники вполне могли объединиться с *patres* в борьбе против городской «черни» (*plebs urhand*) — они не оказали в решающий момент никакой поддержки Гаю Гракху, столь много для них сделавшему.^{102} Сами всадники также не были едины; раньше их считали классом дельцов, но при более внимательном изучении вопроса выяснилось, что среди них было немало землевладельцев, чьи интересы заметно отличались от интересов купцов, банкиров и откупщиков (публиканов).^{103}

То же самое можно сказать о городском и сельском плебсе — городские простолюдины получали какую-то долю ренты, которую платили крестьяне за пользование арендованными у государства землями.^{104} И всем вместе им не было дела до нужд италийских союзников и провинциалов. А потому во многом прав был Р. Сайм, когда писал, что «содержание и направленность политической жизни в Римской республике определялись не борьбой партий на современный парламентский манер, не мнимой оппозицией между сенатом и народом, *optimates* и *populares*, *nobiles* и *homines novi*, но борьбой за власть, богатство и славу».^{105}

Схватка за власть, как известно, закончилась установлением принципата. Единовластие принцепсов позволило решить или серьезно смягчить многие важные проблемы, мучившие государство больше столетия. Но для этого пришлось сокрушить многовековое правление сената, что в сознании многих римлян (и прежде всего правящей верхушки) являлось лекарством горше болезни.^{106} Поистине это был «кризис без альтернативы».^{107}

Глава 2

ПОТОМОК ЛЮБИТЕЛЯ СТОЛОВОГО СЕРЕБРА

Сулла появился на свет в 138 году,^{108} в консульство Публия Корнелия Сципиона Назики Серапиона и Децима Юния Брута. Первый остался в истории как организатор расправы с Тиберием Гракхом, а второй руководил боевыми действиями в бою со сторонниками Гая в 121 году (Орозий. V. 12. 7; Ампелий. 19.4; 26.2). Тогда же, в год рождения будущего диктатора, он во главе своих легионов разгромил непокорных лузитан и дошел до самой Атлантики. Как писал через три столетия Луций Флор, «с победой дойдя до побережья Океана, [Децим Брут] с ужасом и священным трепетом увидел солнце, закатывающееся в море, огонь его, погруженный в воды, и только тогда повернул боевые знамена» (П. 17. 12).

О детстве Суллы почти ничего не известно. Но, зная римские обычаи, мы можем кое-что домыслить с большой степенью вероятности. О появлении потомства соседей оповещали венками, вывешенными на дверях. Отец, если он признавал новорожденного своим законным отпрыском, брал малыша на руки. Затем младенца купали, заворачивали в пеленки и укладывали в колыбель. Мальчика на девятый день трижды обносили вокруг очага и давали ему имя; Суллу нарекли в честь отца Луцием. На шею его должны были повесить детский амулет — буллу, в почтенных семьях золотой, а в более скромных — из менее дорогих металлов или из кожи. В этот день, именовавшийся *dies lustricus*, устраивался семейный праздник — собирались близкие, для очищения матери и ребенка приносилась жертва Юноне и божествам детства, после чего, конечно, следовало угощение.

По римским поверьям, о младенце заботилось множество божеств. Так, богом первого крика считался Ватикан, первое слово внушал Фабулин, Кунина стерегла колыбельку, Оссипага укрепляла кости, Эдуса и Потина учили его есть и пить.^{109} Однако и людям приходилось проявлять бдительность, ибо новорожденного следовало охранять от самых разных напастей — от страшных стриг (этим словом называлась не только безобидная сова-сипуха, но и ночная ведьма, пьющая кровь),^{110} сглаза, колдовства. Плиний Старший в своей «Естественной истории» подробно

перечисляет средства против сглаза: черный камень антипат, кораллы, янтарь, от колдовства — золотые амулеты, от испуга и для легкого прорезания зубов — волчий зуб; все это подвешивалось на шею малыша (XXVIII. 257; XXXIII. 84; XXXII. 24; XXXVII. 50; 145).^{111}

В семьях, преданных старинным традициям, ребенка кормила мать.^{112} Однако во времена поздней Республики все чаще обращались к услугам кормилицы (nutrix),^{113} что вызывало гнев моралистов — так, философ Фаворин, живший во II веке н. э., говорил, что женщина, отказывающаяся от кормления, мать лишь наполовину (Авл Геллий. XII. 1. 6). Была кормилица и в семье Суллы. Об этом мы знаем из анонимного сочинения «О знаменитых мужах» (75.1), где рассказывается следующая история: «Когда кормилица несла его (Суллу) в младенчестве на руках, какая-то встречная женщина сказала ему: «Здравствуй, младенец, счастливый и для себя, и для государства»,^{114} и хотя сейчас же стали спрашивать, кто это сказал, найти ее не удалось».

История эта сочинена в духе римских легенд — достаточно вспомнить рассказ о старухе, которая явилась к царю Тарквинию Гордому продавать книги с Сивиллиными оракулами, а потом исчезла, и больше ее никто не видел (Авл Геллий. I. 19. 2–9). Что-то подобное рассказывали и о Цицероне, кормилице которого явился во сне призрак и возвестил ей, что ее вскормленник принесет великое благо римлянам (Плутарх. Цицерон. 2.2). Сулла же или кто-то из его сторонников, сочиняя упомянутый выше сюжет, хотели показать, что уже тогда ему сопутствовало счастье.^{115}

Когда отпрыск обеспеченных родителей подрастал, к нему приставляли «педагога», обычно раба или отпущенника из числа греков — чтобы мальчик учился у него греческому языку.^{116} Таковой наверняка был и у юного Луция Суллы, который в совершенстве овладеет греческим. В круг знаний аристократа входил, однако, не только язык Гомера и Платона. Он должен был знать историю своего семейства. Когдато патрицианская фамилия Сулл блистала на политическом небосклоне Рима. Первым из ее представителей, о котором мы хоть что-то знаем, был Публий Корнелий Руфин, диктатор в 334 году. Его сын, которого звали так же, дважды добивался консулата, в 290 и 277 году, а в 285 м, как и отец, занимал должность диктатора. Будучи консулом в первый раз, он вместе со знаменитым Манием Курием Дентатом разгромил самнитов, а во время второго консульства, пришедшегося на войну с Пирром, овладел Кротонем. Однако Руфина при всех его военных талантах отличала любовь к стяжательству. Когда он поблагодарил известного неподкупностью Гая

Фабриция Лусцина, к тому же своего врага, за поддержку во время консульских выборов, тот ответил: «Я предпочитаю чтобы меня обобрали согражданин, чем продал с торгов враг». Однако в 275 году, став цензором, Лусцин изгнал Руфина из сената за то, что тот имел дома 10 фунтов серебряной посуды.^{117}

Потомкам Руфина уже не удалось достичь консулата вплоть до 88 года — по-видимому, как из-за дурной репутации предка, так и по причине собственных ограниченных способностей,^{118} а может, в какой-то степени и невезения. Сын опозоренного консуляра стал первым из представителей семейства, получившим когномен^{119} «Сулла». Это имя связано с внешностью его носителя^{120} и восходит, возможно, к слову *suga* — икра ноги.^{121} Первый из Сулл упоминается около 250 года в качестве фламينا Юпитера (*flamen Dialis*),^{122} чей сан налагал на его обладателя многочисленные ограничения: он не имел права разводиться и жениться вторично даже после смерти супруги, видеть войско, садиться на коня, покидать город не более чем на две ночи и т. д.,^{123} что препятствовало политической карьере.^{124}

Сын фламينا, Публий Сулла, входил в состав коллегии децемвиров для совершения священнодействий (*decemviri sacris faciundis*), а в 212 году, в разгар Второй Пунической войны, занимал почетную должность городского претора.^{125} С его пребыванием на этом посту связана любопытная история. Претор предыдущего года Марк Эмилий передал ему найденные им пророческие стихи прорицателя Марция. В одном из его предсказаний речь шла о поражении при Каннах, в другом — о необходимости ежегодного проведения игр в честь Аполлона ради изгнания врагов из Италии. Эти игры, *ludi Apollinares*, и были тогда впервые устроены Суллой в Большом цирке на деньги, выданные сенатом, а также на взносы сограждан, которые претор повелел им сделать своим эдиктом (Ливии. XXV. 12. 315).

Макробий рассказывает об этом несколько иначе, сообщая, однако, интересные подробности: «Во время Пунической войны эти игры на основании Сивиллиных книг были впервые устроены по совету децемвира Корнелия Руфа, который по этой причине получил когномен «Сивилла», а затем из-за искажения имени стал впервые именоваться Суллой» (Сатурналии. I. 17. 27). Такая этимология понравилась Суллам куда больше, нежели та, что связывала их прозвище с икрами. Поэтому на монете, отчеканенной, по-видимому, сыном претора 212 года, мы видим голову

Сивиллы на носу корабля. Впоследствии о происхождении этого когномена от имени Сивиллы писал и вольноотпущенник Суллы-диктатора Корнелий Эпикад (см. Харисий. ПО. 13. Изд. Кейля). Однако сам диктатор признавал истинной традиционную версию и считал первым носителем своего фамильного имени отца претора 212 года, фламина Юпитера, и не упоминая о Сивилле.^{126} Ничего не пишет о ней и Ливии в пассаже об играх в честь Аполлона. Так что принимать всерьез рассказы Корнелия Эпикада и Макробия не приходится.^{127} Но благодаря им мы узнаем о тщеславном желании Сулл дать более «возвышенное» объяснение своего когномена.

Сын первого устроителя *ludi Apollinares*, Публий, также достиг должности претора, которую занимал в 186 году, управляя Сицилией (Ливии. XXXIX. 6. 2; 8.2). Другой представитель фамилии, Сервий Сулла,^{128} по-видимому, в 175 году был претором и наместником Сардинии, а в 167-м вошел в состав сенатской комиссии, прибывшей в только что разгромленную Македонию.^{129} Сын претора 186 года Луций, отец диктатора, был авгуром.^{130} О его политической карьере сведений нет, хотя есть серьезные основания полагать, что он являлся наместником Азии,^{131} а прежде соответственно добился претуры.

Таким образом, максимумом, которого смогли достичь предки Суллы, начиная с прапрадеда, была должность претора. Да и ее они занимали не всегда — ни о прадеде, ни об отце диктатора таких сведений нет. К тому же, как пишет Плутарх, потомки Корнелия Руфина «жили в постоянной бедности» (Сулла. 1.2). Это, возможно, преувеличение, поскольку дед Суллы был наместником Сицилии, а его предполагаемый брат Сервий — Сардинии.^{132} С другой стороны, то, что Публий и Сервий управляли столь богатыми провинциями, отнюдь не означает *a priori*, что они серьезно увеличили там свои состояния, — память о судьбе пращура, исключенного из сената за сребролюбие, могла сдерживать их аппетиты. Впрочем, речь идет, по всей видимости, об относительной бедности — по сравнению с другими семействами, которые в эпоху великих завоеваний нажили немалые богатства.

Но вернемся к юному Луцию. Мы не знаем, сколько лет ему было, когда его постигло горе — умерла мать, имя которой до нас не дошло. Плутарх пишет, что у него была мачеха, которая любила его как сына (Сулла. 2.7). Позволим себе предположить, что она знала его с детства — ведь чем меньше ребенок, тем больше нежности он вызывает.

Как известно, римские мальчишки играли в солдат (как во все

времена), гладиаторов, цирковых возниц, судей, бросали камни «блинчиком».^[133] Наверняка и Сулла предавался подобным забавам, и было бы очень интересно узнать, как он вел себя во время этих игр, давало ли о себе знать его честолюбие, действовал ли он обдуманно или предавался азарту. Но если об Алкивиаде, Александре или Катоне Младшем такие рассказы Плутарх сохранил, то о детстве будущего диктатора он ничего не сообщает.

Не знаем мы и о том, как и у кого Сулла учился. Посещать занятия римские дети, как и сейчас, начинали обычно с семи лет. В начальной школе обучались до 11–12 лет, постигая там основы чтения, письма и счета. Правда, то же самое иногда делалось и в домашних условиях — Август учил внуков начальным знаниям сам, говоря, что при выборе между возвращением в школу и смертью предпочтительнее второе (Светоний. Август. 64.3; Августин. О граде Божием. XXI. 14). Это и неудивительно — методы подачи материала были достаточно примитивными, слишком многое приходилось воспринимать на слух, а за ошибки учителя частенько бивали учеников. При домашнем обучении такие неприятности если и случались, то, конечно, реже. Какой из вариантов выпал на долю Суллы, неизвестно.

Затем, если позволяли финансовые возможности родителей, дети обучались у грамматика (примерно до 15 лет). Здесь им объясняли разницу между гласными и согласными, обучали четкому произношению, склонению, спряжению, метрике, знакомили с тропами и фигурами речи, приступали к чтению образцов литературы, сначала латинской, а потом и греческой. Чтение представляло немало трудностей — буквы писались слитно, без знаков препинания. Учили тексты наизусть, слушали комментариев к ним, писали сочинения, разбирались в тонкостях мифологии, чтобы лучше понимать древних авторов. Много времени, конечно, уделялось греческому, который играл тогда ту же роль, что и французский в Новое время.

Высшей ступенью образования была риторская школа, где обучали ораторскому искусству. Во II веке до н. э. такие школы были только греческими. Вот что пишет Светоний о методах риторов: «Был обычай каждый раз поразному украшать речения образами, примерами и притчами, а повествование вести то вкратце и сжато, то многословно и обильно; иногда перелагали греческие сочинения и восхваляли или порицали великих мужей; даже указывали на некоторые порядки общественной жизни как на полезные и необходимые или как на ненужные и пагубные; часто обосновывали или опровергали достоверность сказаний». Те, кто

постиг приемы красноречия, приступали к декламациям — речам на заданную тему. Ими занимались и много лет спустя после окончания риторской школы — Цицерон декламировал до сорока лет, пока не стал претором (Светоний. О грамматиках и риториках. 25.8 и 3).

На занятиях Сулла явно не терял времени даром — впоследствии Саллюстий напишет, что молодой человек был весьма искушен в латинской и греческой словесности.^{134} Он будет сочинять комедии на латинском, а мемуары напишет погречески (см. ниже). Стало быть, у родителей хватило денег на хорошее образование для сына^{135} — надо думать, он посещал риторскую школу; не исключено, что он завершил свое образование в Греции, как тогда часто делали юноши из солидных семейств.^{136}

Настал день, когда Сулла надел мужскую тогу — *toga virilis*. Мы не знаем, сколько лет ему тогда было; при Республике эту процедуру проходили обычно в возрасте 15–17 лет. Церемония проводилась на форуме в присутствии родителей, родственников и друзей семьи юношей, чьи полные имена заносились в список граждан. Дома устраивался праздник: молодые люди снимали с себя детскую тогу — *toga praetexta* или *toga puerilis* — и вместе с буллой посвящали ларам — покровителям домашнего очага.^{137}

Когда Пушкин заканчивает краткое повествование о детстве Онегина, он дает его знаменитую «внешнюю» характеристику:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно.
[...]
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре...

Нечто подобное мы читаем о Сулле у Саллюстия: «В знании греческой и латинской словесности он не уступал ученым людям, отличался огромной выдержкой, был жаден до наслаждений, а еще больше до славы.

На досуге он любил предаваться роскоши, но плотские радости все же никогда не отвлекали его от дел... Он был красноречив, хитер, легко заводил дружбу, в делах умел необычайно тонко притворяться; был щедр на многое, а более всего на деньги» (Югуртинская война. 95.3). Конечно, кое-что из этой характеристики относится к более позднему времени — ни щедрости на деньги, ни роскоши в юности себе Сулла позволить не мог. Но готовность быть таким, видимо, давала о себе знать уже тогда. Мы еще не раз будем возвращаться к оценкам Саллюстия.

Вскоре дни даже скромного благополучия подошли к концу. Вот что пишет Плутарх: «Сулла вырос в небогатой семье, а с молодых лет ютился у чужих, снимая за небольшую плату помещение, чем ему и кололи глаза впоследствии — счастье его казалось несообразным с его достоинством». Один вольноотпущенник, приговоренный к смерти во время диктатуры Суллы, попрекал его тем, «что тот долгое время жил с ним под одной крышей и сам он платил две тысячи нуммов за этаж, а Сулла — три за нижний, так что вся разница в их положении измерялась одной тысячей нуммов или двумястами пятьюдесятью аттическими драхмами»^{138} (Сулла. 1. 3 и 7).

Ситуация, описанная Плутархом, требует разъяснений. Конечно, бедность, постигшая Суллу, была весьма относительной — он платил за квартиру 3 тысячи сестерциев, что втрое превышало доход среднестатистического работника. А ведь у него имелись и другие расходы. По приблизительным подсчетам, Сулла тратил не меньше 9 тысяч сестерциев, для чего ему требовалось состояние примерно в 150 тысяч сестерциев. Поэтому всерьез о бедности говорить не приходится.^{139} Во всяком случае, голодать ему не довелось, жил он все же на нижнем этаже, да и квартиры за такие деньги предоставлялись достаточно благоустроенные.^{140}

Но при таком состоянии нечего было и думать о политической карьере и даже вообще о праве называться нобилем.^{141} Как уже говорилось, начать движение по *cursus honorum* могли только люди, обладавшие всадническим цензом, то есть имуществом стоимостью не менее 400 тысяч сестерциев, о которых Сулла тогда мог только мечтать.^{142} Но дело было не только в формальном статусе. Жизнь сенатора требовала больших представительских расходов, которые оказывались не по карману даже многим *patres*.^{143} Прежде всего сенатору полагалось иметь собственный особняк в Риме (или хотя бы снимать его), а не ютиться в многоквартирном доме (инсуле) — на это, очевидно, и намекал приговоренный к смерти

вольноотпущенник. Кроме того, нужно было держать множество слуг, роскошно принимать гостей, завести приличествующую рангу свиту и т. д. {144} Ни о чем подобном Сулла с его скудным по таким меркам состоянием не мог и мечтать. В глазах большинства нобилей он выглядел «деклассированным элементом». {145}

Что же случилось? Почему будущий владыка Рима вдруг оказался в столь незавидном положении? Плутарх объяснял это бедностью его семьи, но мы видели, что у нее вполне хватало денег, чтобы дать ему солидное образование. Однако при этом он роняет фразу, которая многое объясняет, — Сулла ничего не унаследовал от отца (Сулла. 1.4). К тому же писатель говорит о том, что в многоквартирном доме жил только наш герой, но не его родитель, который к этому времени, очевидно, умер. Почему Сулластарший оставил сына в столь затруднительном положении — из-за ссоры с ним или потому, что и впрямь был беден, сведений нет. Но вероятнее все же, по-видимому, второе. {146}

На какие же средства жил тогда отец Луция? Ответ напрашивается сам собой — влезал в долги. Сыну он, видимо, что-то оставил, {147} но вместе с имуществом это были те же долги — возможно, превышавшие размеры наследства. С собственным домом для их уплаты пришлось распрощаться. Любопытно, что о долгах его сына Плутарх ничего не пишет, хотя это придало бы колорита рассказу о нужде и лишениях героя. По неосведомленности? Не исключено. Но куда вероятнее другое — больших долгов у Суллы просто не было. Это можно объяснить как его умением взять себя в руки и ограничить расходы, так и тем, что нищему юнцу никто займы много и не дал бы.

Но ведь у молодого человека была весьма благосклонная к нему мачеха. Ее часто считают богатой дамой, {148} однако в источниках на сей счет ничего конкретного не говорится. Конечно, определенное состояние у нее было, и очень возможно, что именно благодаря ее помощи Сулла и держался на плаву. Но ведь ей приходилось содержать и себя, и вряд ли она согласилась бы жить в инсуре, чтобы на сэкономленные деньги пасынок, пусть и любимый, переехал в отдельный дом.

В условиях, когда путь в дома «порядочных» людей Сулле был заказан, {149} он «проводил целые дни с мимами и шутами, распутничая вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собирал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьянствовал в их обществе, состязаясь с ними в остроловии... Эта распущенность, видимо, и породила в нем болезненную склонность к чувственным наслаждениям и

неутолимую страсть к удовольствиям, от которой Сулла не отказался и в старости. Еще молодым человеком он имел любовную связь с актером Метробием», ^{150} игравшим женские роли; связь эта будто бы продолжалась с перерывами до конца дней диктатора (Плутарх. Сулла. 2. 4–7; 36.1; Афиней. VI. 261с).

Дружба нобилия с такой публикой считалась делом особенно неприличным — общением с ней Суллу попрекали едва ли не больше, чем бедностью. ^{151} Женские роли в представлениях мимов исполняли не мужчины, как в трагедии, а женщины — как правило, отпущенницы. ^{152} Мимы, в отличие от исполнителей трагедии, играли без масок, а потому ради пущего эффекта гримасничали, сколько душе угодно. Для увеселения публики за словом в карман они не лезли и выражались крепко. Поэтому исполняемые ими сцены были грубоваты и зачастую непристойны. ^{153} Однако в глазах Суллы, любившего не только веселье, но и откровенность, это, по-видимому, выглядело достоинством. Как человек общительный и легко заводивший дружбу, да еще и отпрыск знатного рода, снизошедший до презренных мимов, он наверняка встречал радушный прием в их среде и пользовался там немалым влиянием.

Но можно предположить с большой вероятностью и еще кое-что. Для человека XXI столетия не секрет, как тесно связан артистический мир с криминальным. Вряд ли в последний век Римской республики было иначе. Так что будущий диктатор общался наряду с людьми сцены и с джентльменами удачи. Вряд ли он извлек из этого серьезные материальные выгоды. Но когда Сулла займется политикой, многое в его взглядах и поступках будет напоминать о преступном мире.

Афиней сообщает, что Сулла писал комедии на латинском языке (VI. 261с). У некоторых ученых это вызывает сомнения — считают, что он не писал, а читал (и с удовольствием) комедии аттелланы, начавшие появляться именно тогда. ^{154} Однако непонятно, на чем основаны подобные сомнения. Приличия Суллу вряд ли сковывали — сама по себе дружба с мимами уже была «неприличной», а снявши голову, по волосам не плачут. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодой нобиль, понимавший толк в слове, сочинял комедии, которые потом разыгрывали его друзья-артисты, и даже, быть может, внес свой вклад в развитие жанра аттелланы. ^{155}

Но почему Сулла, получивший хорошее образование, не попробовал себя в качестве судебного оратора? Ведь Саллюстий отмечает присущее ему красноречие. ^{156} В случае успеха это обещало известность и немалые

доходы, а то и другое открывало путь к политической карьере. Как известно, Цезарь не брезговал в молодости выступлениями в суде, хотя успех и не сопутствовал ему.^{157} Считал ли Сулла такой путь недостойным себя, как иногда думают?^{158} Скорее всего, просто не имел к этому склонности. Судя по всему, он не стремился блеснуть риторикой и в более поздние годы — Цицерон в трактате «Брут», посвященном истории римского красноречия, о нашем герое как о мастере слова не упоминает, хотя не умалчивает даже о второстепенных и посредственных ораторах.

Однако, избегая такой карьеры, Сулла пока не спешил прославиться и на военном поприще, которое считалось самым престижным и в случае удачи давало больше шансов на успех в политике, чем деятельность оратора или юриста. К тому же для занятия должности квестора, которая открывала путь в сенат, соискатель должен был предварительно принять участие в десяти походах (Полибий. VI. 19. 1–5). Саллюстий уверяет, однако, что Сулла был совершенно несведущ в военном деле,^{159} из чего делает вывод о том, что до своей квестуры в 107 году он оставался сугубо штатским человеком.^{160} Не исключено, впрочем, что в одной-двух кампаниях молодой человек все же побывал, но ничем там не отличился и не приобрел того опыта, который давали положенные десять походов. Однако в равной степени возможно, что до указанного времени он и впрямь постигал военную науку только по книгам. Сомнительно, что он захотел бы идти на войну рядовым. Подобающая его происхождению должность военного трибуна была выборной и предполагала принадлежность к всадническому сословию,^{161} чем Сулла похвастаться не мог. На то, чтобы стать легатом кого-либо из полководцев, ему пока рассчитывать тоже не приходилось. Так что лучше было пока подождать. А что до обязательности десятилетней службы, то в конце II века это правило, судя по всему, соблюдалось не слишком строго.^{162}

Однако Сулла преуспел на другом «фронте» — он пользовался успехом у женщин. До нашего времени дошли его изображения лишь в зрелом возрасте, однако и они позволяют почувствовать пронизывающий взгляд диктатора, который при необходимости бывал тяжелым и труднопереносимым, но мог и обвораживать. На многих дам, во всяком случае, он производил неотразимое впечатление. Красавцем Сулла не был,^{163} но по-своему внешность его была весьма интересной. Обаяния ему придавали голубизна глаз, белизна (или, если угодно, бледность) кожи, рыжеватые волосы — недаром его предков звали Руфинами.^{164} Но главное — Сулла прекрасно умел притворяться, иначе говоря, играть —

общение с мимами, вероятно, развило в нем актерские задатки. А это в сердечных делах едва ли не важнее всего.

Молодой человек не преминул извлечь выгоды из симпатий, которые вызывал у прекрасного пола. Он стал любовником «общедоступной, но состоятельной женщины по имени Никопола»,^{165} которая была заметно старше Суллы,^{166} коль скоро умерла еще до начала его карьеры. Она завещала ему свое имущество, что было для молодого человека очень кстати. Завещание в его пользу составила и мачеха будущего диктатора, которая, как уже упоминалось, питала к нему самые добрые чувства. Кто из двух женщин умер раньше и какой срок разделял их кончины, равно как и сколь долгим было время, которое Сулле пришлось провести в стесненных обстоятельствах, мы не знаем. Но эти годы не прошли для него даром: он закалился, увидел жизнь не одного только «высшего общества» и, познав нужду (пусть и относительную), теперь уже готов был любой ценой драться за «место под солнцем». Добившись «степеней известных», Сулла уже не позволит соперникам лишить себя завоеванных позиций.^{167}

Но все это будет позже. А сейчас его переполняли надежды на лучшее будущее. Не приходится сомневаться, что из инсулы, сколь бы благоустроенной там ни была его квартира, он переехал в собственный дом (вероятно, дом мачехи). А главное — Сулла добился избрания в квесторы на 107 год до н. э. В то время ему шел тридцатый год.

Глава 3

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА

Итак, Сулла начал свою политическую карьеру. Но ее частью была и личная жизнь. К несчастью, Плутарх, рассказывая о пяти браках нашего героя, не уточняет, когда тот женился в первый, второй и третий раз. Первой его супругой была некая Илия, которая родила ему дочь. Однако род Илиев в источниках не упоминается,^{168} а единственная Илия, знакомая античной традиции, — мать Ромула, известная более как Рея Сильвия.^{169} Поэтому высказывалось предположение, что в тексте Плутарха допущено искажение имени и на самом деле речь идет либо о Юлии, либо Элии — второй жене Суллы, и тогда получается, что одна женщина представлена как две и диктатор был женат не пять раз, а четыре.^{170} Второй вариант представляется более сомнительным, а вот в пользу первого есть некоторые косвенные аргументы.

Дело в том, что первым командующим Суллы, как мы увидим, станет Гай Марий. Это могло быть случайностью, а могло и не быть. Сам Марий был женат на Юлии. Не исключено, что именно это обстоятельство и помогло Сулле поступить под начало подающего надежды полководца и возвыситься самому. Но такое возможно лишь при условии, что его первой супругой являлась именно Юлия,^{171} родственница жены Мария. Источники не называют покровителей молодого человека при выборах в квесторы;^{172} кто знает, может быть, это были Юлии? А может, все было совершенно по-другому.

Какие же события привели Суллу под знамена его будущего врага Мария?

К югу и западу от римской провинции Африка, созданной на территории, прилегавшей к поверженному Карфагену,^{173} лежала обширная область Нумидия. Во время Второй Пунической войны нумидийский вождь Масинисса (Масанасса) сначала вместе с карфагенянами воевал против римлян, а потом со вторыми против первых и, благодаря римской поддержке, стал царем своей страны. Полибий пишет, что он был «достойнейшим и счастливейшим» из царей своего времени, «царствовал шестьдесят лет с лишним, обладая прекраснейшим здоровьем, и дожил до глубочайшей старости: ему было тогда девяносто лет от роду».

Масинисса «всю жизнь не знал каких-либо козней против своей власти, никаких домашних раздоров» (Полибий. XXXVII. 10. 1–6).

Возможно, эта характеристика и приукрашивает действительность, но крепость здоровья и прочность власти царя оспаривать не приходится. Он умер в 148 году, когда уже началась последняя война римлян против старинного врага нумидийцев — Карфагена, Третья Пуническая, в развязывании которой Масинисса сыграл немалую роль. Его царство унаследовали сыновья Миципса, Мастанабал и Гулусса. Двое последних умерли от болезней (или от яда?) уже в 139 году,^{174} и старший стал единоличным правителем, поскольку самому младшему из братьев, Стембану, было на момент смерти отца четыре года — еще одно доказательство телесной крепости Масиниссы (Полибий. XXXVII. 10. 5). Саллюстий преувеличивает, когда говорит, что смерть последнего стала концом его державы (Югуртинская война. 5.5). Миципса получил эллинское образование и много сделал для культурного развития страны. Ко времени его правления относятся древнейшие надписи на территории Нумидии, сделанные на пунийском языке. Продвинулась вперед урбанизация, особенно в столице Цирте (нынешняя Константина в Алжире). Правда, при этом царе на страну обрушилось нашествие саранчи, приведшее к немалым жертвам из-за начавшегося голода.^{175} Миципса оставался верным вассалом Рима, отправляя ему помощь во время войн с испанскими племенами.^{176} О войнах же в самой Африке, равно как и о раздорах в его правление, сведений нет; власть оставалась стабильной, да и умер владыка Нумидии в своей постели.

Правда, чем дальше, тем острее вставал вопрос о наследовании: у царя было трое сыновей — Гиёмпсал, Адгербал и Миципса, люди, по-видимому, более чем средних способностей. Наряду с ними он воспитывал своего племянника Югурту, сына Мастанабала от наложницы, то есть бастарда. В 134–133 годах Югурта принял участие в Нумантинской войне на стороне римлян во главе отряда нумидийских всадников и снискал славу своей доблестью. У него сложились добрые отношения с командующим Сципионом Эмилианом — патроном Нумидии и самым влиятельным римским политиком того времени (Саллюстий. Югуртинская война. 5–9; Appian. Иберика. 89. 387).

Все это увеличило влияние Югурты у себя на родине, и за три года до смерти Миципса усыновил его, как кого-то четырехлетнего Стембана. Когда же в 118 году царь скончался, его племянник и оставшиеся к тому времени сыновья, Адгербал и Гиёмпсал, поделили царство. В воздухе

пахло грозой — ведь кого-то Миципса унаследовал владения двух рано умерших братьев, и теперь ситуация повторялась;^{177} не захочет ли кто-либо из братьев опробовать тот же вариант, для верности применив оружие?

Грозные события не заставили себя ждать слишком долго. Уже в 116 году Югурта напал на владения Гиёмпсала и захватил их, а его самого убил во время переговоров, готовясь совершить нападение и на Адгербала. Тот, очевидно, не надеясь на собственные силы, обратился с жалобой в Рим. В итоге сенат отправил в Африку комиссию из десяти человек во главе с недругом Югурты, палачом Фрегелл и гракханцев Луцием Опимием.^{178} Комиссия произвела новый раздел Нумидии. В результате сын Миципсы получил часть страны, имевшую выход к морю и граничившую с римской провинцией, а Югурте достались внутренние земли (Саллюстий. Югуртинская война. 916; Ливии. Периоха 62; Орозий. V. 15. 3).

Югурту такой раздел не устроил, тем более что он явно стремился к единоличной власти над страной. Поэтому вскоре властитель Западной Нумидии напал на владения кузена. Войска Адгербала потерпели поражение, а ему самому пришлось запереться в столице Цирте. Не надеясь на поддержку подданных, он обратился в Рим с жалобой на двоюродного брата, и сенат отправил в Нумидию послов для ознакомления с ситуацией. Однако Югурта и не подумал прекратить боевые действия, и послы убыли ни с чем. После нового отчаянного призыва Адгербала с мольбой о помощи в Африку приехали римские представители во главе с самим принцепсом сената Марком Эмилием Скавром. Они потребовали остановить войну. Однако и на сей раз Югурта проигнорировал требования римлян. Вскоре он взял Цирту и расправился с Адгербалом, а заодно и с италийцами, принимавшими участие в обороне города. Нумидия была теперь в его власти. Но завоеванное предстояло удержать в борьбе с многократно превосходящим врагом — в 111 году сенат объявил ему войну. Югурта отправил послов в Рим, чтобы уладить неприятности, но в ответ получил требование *deditio* — полной и безоговорочной капитуляции (Саллюстий. Югуртинская война. 20–27; Диодор. XXXIV. 31; XXXVIII. 14; Ливии. Периоха 64; Орозий. V. 15. 1 и 3).

В Африке высадились римские легионы во главе с консулом Луцием Кальпурнием Бестией, чьим легатом стал упомянутый Марк Скавр. В ходе успешного наступления Бестия захватил несколько городов, много пленных и принудил царя к капитуляции. По ее условиям Югурта выплачивал контрибуцию и выдавал 30 слонов. Однако в Риме такой договор вызвал

возмущение. Властителя Нумидии (кстати, обладавшего правами римского гражданства), обещав ему неприкосновенность, вызвали в Рим для выяснения вопроса о том, не подкупил ли он римских военачальников. Там же находился еще один претендент на нумидийский престол — Массива, сын Гулуссы, то есть двоюродный брат Югурты. Последний организовал убийство Массивы и скрылся (Саллюстий. Югуртинская война. 28–35; Диодор. XXXIV 35a; Ливии. Периоха 64; Орозий. V 15. 4–5).

Сенат не утвердил мира, заключенного Кальпурнием Бестией. В ПО году в Африку прибыл новый консул, Спурий Постумий Альбин. Однако царь, опираясь на поддержку населения и чередуя партизанскую войну с переговорами, затянул боевые действия до зимы. Альбин уехал в Рим для проведения комиций, а замещавший его брат Авл потерпел поражение под Сутулой^[179] и вынужден был заключить мир, по условиям которого его армии надлежало покинуть Нумидию в течение десяти дней. Сенат не признал и этого договора, решив продолжать войну. В Риме по закону Мамилия начались расследования дел политиков, обвинявшихся в получении взяток от нумидийского царя (Саллюстий. Югуртинская война. 36–40; Ливии. Периоха 64; Орозий. V. 15. 6).

В этих событиях много неясного. Почему вдруг Югурта решился напасть на братьев, находившихся под защитой Рима? Почему он так легко добивался успеха? Почему игнорировал требования римлян, уже не раз доказавших, сколь опасно соперничество с ними? Почему римские военачальники не разгромили его, а после капитуляции выдвинули столь мягкие условия?

Саллюстий, наш главный источник по этой теме, все объясняет необузданным властолюбием нумидийского царя и его коварством, с одной стороны, и продажностью римской верхушки — с другой. Когда Югурта воевал под Нуманцией, циничные юнцы-нобили якобы подговаривали его действовать смелее и становиться царем всей Нумидии в обход остальных родственников, а если в Риме кто проявит недовольство, таких можно подкупить (Югуртинская война. 8.1). Именно так, согласно Саллюстию, Югурта и поступил, убив братьев и подкупив сенаторов, а также главу сенатской комиссии Опимия. Поэтому тот произвел раздел Нумидии будто бы в его пользу (13. 7–8; 15–16, 20.1). Именно из-за царских денег Луций Бестия и Марк Скавр пошли на позорный мир с врагом (29. 1–6). Подчиненные Бестии за взятки вернули Югурте его слонов и перебежчиков (32. 3–4). Не исключает Саллюстий мздоимства и со стороны Спурия Постумия (36.3). Подкуп центуриона и целых подразделений

вспомогательных войск помогает царю разгромить Авла Постумия (38.6).

Итак, выходит, подкуп — «страшное оружие Югурты». ^{180} Но так ли это на самом деле? Что получил за свои деньги властитель Нумидии? Казалось бы, странный вопрос — все то, что перечислено выше. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что Саллюстий, желая показать честолюбие и коварство царя и продажность римской верхушки, ретуширует, а то и просто искажает события. В частности, раздел Нумидии был проведен отнюдь не в пользу Югурты — ему достались территории пусть и большие, но куда менее освоенные, чем Адгербалу. К тому же последний, имея общую границу с римской провинцией Африка, имел возможность получить оттуда помощь. ^{181}

Чтобы сбить читателя с толку, Саллюстий пишет (16.5), будто владения Адгербала имели лишь внешние преимущества (*specie quam usu*), а Югурте достались территории с большим числом возделанной земли и более многочисленным населением (*agro virisque opulentior*). ^{182} Удивительно, что такое решился утверждать человек, назначенный в 46 году наместником Нумидии и потому неплохо знавший ее — на самом деле все обстояло иначе. ^{183} Не только городская жизнь, но и сельское хозяйство в прилегавших к бывшим владениям Карфагена областях Восточной Нумидии были развиты куда лучше, чем в Западной. ^{184} Конечно, на землях Югурты жили лучшие воины, что доказывается его последующей победой над кузеном. ^{185} Но, владея богатой Восточной Нумидией, он мог просто перекупить воинов Адгербала — особенно если следовать образу мастера коррупции, нарисованного Саллюстием. К тому же, если бы Адгербалу дали западную часть Нумидии, он оказался бы зажат между владениями Югурты и его тестя, мавретанского царя Бокха, без возможности напрямую получить помощь из римской Африки.

Не удалось Югурте подкупить и два последующих посольства — он просто проигнорировал их требования. Кстати сказать, Саллюстий твердит о продажности Марка Скавра, возглавлявшего последнюю из миссий (15.5; 28.4; 29.2). Но все же он не пишет, будто ему дали взятку, когда он приезжал к Югурте во время войны с Адгербалом, — это должен понять сам читатель. ^{186} Как гласит латинская поговорка, *sapienti sat*, умному достаточно. Что же дал подкуп посольства Скавра, на который намекает Саллюстий? Ничего. Все равно царю объявили войну и потребовали от него полной и безоговорочной капитуляции.

Но ведь как долго церемонились с агрессором! Отправляли к нему целых три посольства, отдали ему половину царства, хоть и не лучшую

(могли бы вообще ничего не давать), а потом еще дважды пытались уговорить — прямо мюнхенский сговор какой-то! А когда-, наконец, начали воевать, предпочли быстро заключить позорный мир. Неужели не обошлось без взяток? Особенно легко в это поверить современному читателю, постоянно узнающему из телепередач и газет о скандалах «наверху».

Так-то оно так, но следует помнить, что мы в данном случае заложники главного источника — труда Саллюстия. Являлся ли в глазах сенаторов Югурта агрессором с самого начала? Трудно было поверить, что он один напал сразу на двух братьев. Саллюстий сам признает, что Гиемпсал презирал Югурту как бастарда (Югуртинская война. 11.3). Так почему бы сыновьям Миципсы не составить заговор против низкородного кузена? ^{187} Мы не знаем, существовал ли такой заговор, но важно, как мог преподнести события сам Югурта, и это выглядело бы правдоподобно. К тому же он напомнил о своих заслугах перед Римом в Нумантинской войне и о дружбе с самим Сципионом Эмилианом (15.1; 22.2). Да и вообще соседние с Римом царьки обычно имели там покровителей, которые защищали их интересы. Это было в порядке вещей, и лишь стараниями недругов действия патронов Югурты были представлены как измена. ^{188}

И еще один чрезвычайно важный момент, о котором сознательно умолчал Саллюстий: в 113 году началась нелегкая война Рима с германскими племенами кимвров (см. о ней ниже). Шли бои во Фракии, где племена скордисков разбили Порция Катона. В таких условиях распря между нумидийскими царьками вызывала у сената мало интереса. ^{189} Стоило крепко поразмыслить, кому помогать — рисковавшему за Рим жизнью Югурте или вызывающему презрение своим бессилием Адгербалу? ^{190} Ведь второе означало долгую и тяжелую войну, и понять осторожность сената можно. ^{191} Собственно, занятость Рима на стольких фронтах объясняет и упорство Югурты — он, видимо, рассчитывал, что у римлян просто не дойдут до него руки. Да и, вообще говоря, римских интересов он формально не задевал, пока во время взятия Цирты не уничтожил группу италийцев.

Понятно становится и поведение римских военачальников в Нумидии — они вовсе не саботировали ведение боевых действий. Кальпурний Бестия просто захватил то, что было захватить легче всего, а дальнейшая война требовала большого напряжения сил и значительных подкреплений. Мог ли он рассчитывать на них в условиях германской угрозы? Сомнительно. К тому же Югурта придерживался партизанской тактики,

которая при поддержке населения давала ему возможность сопротивляться очень долго. Благоразумные Луций Кальпурний и Марк Сквавр предпочли «мягкую» капитуляцию. Они защитили честь Рима с минимальными затратами,^{192} и упрекать их, в сущности, не в чем.^{193} Так поступил, например, в 151 году в Испании проконсул Клавдий Марцелл. В условиях одновременной тяжелой войны на юге и в центре Пиренейского полуострова, когда сил для решительной победы на обоих фронтах не хватало, он убедил кельтиберов признать полную и безоговорочную капитуляцию, *deditio*, а в обмен выдвинул приемлемые условия мира. Стороны пришли к соглашению, сенат не без ворчания утвердил договор, и на восемь лет в Ближней Испании воцарилось спокойствие.^{194}

В Нумидии ситуация была сходной, и почему было не попробовать тот же трюк? Но у Кальпурния и Сквавра он не вышел — «партия войны» в Риме оказалась сильнее. Экстремисты добились продолжения борьбы «до победного конца», не зная и не желая знать, насколько трудная задача стоит перед римскими войсками. Даже когда за дело возьмутся «всерьез», конфликт затянется еще на долгих четыре года. Это ли не доказательство правоты Кальпурния Бестии и Эмилия Сквавра, якобы продавших Югурте?^{195}

А как же поездка Югурты в Рим? Почему его там не схватили? Саллюстий уверяет, что на сходке от него потребовали назвать имена сенаторов, которым он давал взятки, но подкупленный им плебейский трибун Бебий запретил ему отвечать, и народ ушел, «осмеянный» (Югуртинская война. 34.1). После убийства Массивы Югурте велели уехать из Рима, и он, уезжая, воскликнул: «Продажный город! Он погибнет, как только на него найдется покупатель!» (35.10).

Но и здесь все не так просто. Далеко не все в сенате выступали за войну. А без его санкции магистраты вряд ли решились бы арестовать царя. Об убийстве и говорить не приходится — Югурта наверняка следил за своей безопасностью. Что же касается случая на сходке, то где уверенность, что Саллюстий правильно передал случившееся? Ее участники не могли быть беспристрастными свидетелями. Да и мемуаров из них наверняка никто не оставил. А с какой чудовищной силой и скоростью «сплетни в виде версий» искажают подлинные факты, хорошо известно. Кроме того, от царя требовали выдать имена мнимых взяточников, но кого он мог назвать? Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Вполне возможно, что Бебий просто запретил Югурте произнести речь в свое оправдание.^{196} А «взяточников» — Луция Опимия, Луция Бестию,

Спурия Альбина — осудили и без его показаний (Цицерон. Брут. 128). Марку Скавру не только удалось избежать суда, но и самому войти в состав комиссии по расследованию коррупции и добиться избрания в цензоры на 109 год.^{197} Это и неудивительно — ведь комиссия, по-видимому, была назначена сенатом, принцепсом которого Скавр являлся.^{198} Саллюстий же, к слову сказать, хотя и твердил о взяточничестве нобилей, сам с неодобрением писал, что следствие (quaestio) велось «строго и придиричиво, в угоду толкам и разыгравшимся страстям народа» (Югуртинская война. 40.5).^{199}

Что же касается отъезда Югурты, то только Саллюстий пишет, будто таковой состоялся по приказу сената — остальные источники^{200} сообщают о бегстве,^{201} что куда более правдоподобно. Ведь с гибелью или изоляцией царя исчез бы виновник войны, и если сенат не принял решение об аресте царя сразу, он мог принять его позже, благо убийство Массивы давало подходящий повод. Что же касается знаменитой реплики о «продажном городе», то она, естественно, является плодом творчества Саллюстия^{202} и вызывает массу вопросов: о какой продажности речь? Что смог купить за свои деньги сам Югурта, который уезжает, ничего не добившись?^{203} Еще в древности Луций Анней Флор простодушно заметил: поскольку в лице Югурты «Рим уже имел покупателя, но ускользнул от него, стало ясно, что он устоит» (III. 1. 18).^{204}

Все это, конечно, не означает, что Югурта не давал взятки вообще. Но те из сенаторов, кто придерживался менее воинственной позиции по отношению к нему, делали так отнюдь не из любви к золоту.^{205} Наиболее дальновидные из числа patres не хотели, чтобы Рим, выражаясь современным языком, получил свой Вьетнам или Афганистан.^{206}

Однако Югурта, человек, бесспорно, умный и талантливый, все же явно недооценил врага. Он зашел слишком далеко^{207} — проигнорировал требования двух (!) посольств сената, перебил италийцев,^{208} находившихся в Цирте, и забрал их имущество, да и казненный им Адгербал был другом и союзником римского народа (Диодор. XXXIV. 31). К тому же царь задел интересы римских коммерсантов,^{209} в доле с которыми бывали и весьма влиятельные сенаторы. После расправы с италийскими купцами в Цирте римские дельцы, разумеется, боялись вести дела в Нумидии, а вскоре и вовсе началась война, лишившая их возможности заниматься бизнесом в тех краях. Любопытный факт: Саллюстий постоянно подчеркивает, что именно простой народ

возмущался бездействием нобилей перед лицом наглой агрессии и толкал сенат на решительные действия (Югуртинская война. 30.1; 32.1; 33.3; 40.3). Казалось бы, какое дело было низам до ситуации в Нумидии? Может, Саллюстий опять дал волю фантазии? Отнюдь нет: желающих устроить шумный митинг и покритиковать на нем власть имущих в Риме всегда хватало. Но их требовалось организовать. Видимо, именно римские дельцы, прежде всего всадники, этим и занимались. Именно всаднические суды вынесли обвинительные приговоры Опимию, Бестии, а позднее Постумию.^{[\[210\]](#)}

Но вернемся к событиям войны. Постумия Альбина сменил консул 109 года Квинт Цецилий Метелл. Он повел войну, сочетая силовые приемы с дипломатией и подкупом: благодаря умелой организации продвижения войск мешал врагу вести партизанские действия, закреплялся в городах, непокорные области предавал огню и мечу, в сражении при Мутуле разбил самого Югурту, но главное — начал склонять на свою сторону его приближенных. Царь предлагал мир, но Метелл отказывался гарантировать ему главное — жизнь и свободу ему и его сыновьям. Поэтому властитель Нумидии продолжил борьбу. Население поддерживало его, и время от времени он добивался успехов — ему удалось отстоять от римлян Заму и на короткое время захватить Вагу, жители которой перебили римский гарнизон. Югурту поддержал его тесть — мавретанский царь Бокх (Саллюстий. Югуртинская война. 43–62; 66–77; 80–82; Аппиан. Нумидика. 2–3; Флор. III. 1. 10–12; Дион Кассий. XXVI. 89. 1; Орозий. V. 15. 7–8).

В ходе боевых действий выдвинулся военачальник из незнатного рода, уроженец Арпина Гай Марий. В свое время, как и Югурта, он сражался под Нуманцией и, подобно нумидийскому принцу, заслужил похвалу Сципиона Эмилиана. Отголоском этого стала легенда о том, как на пиру кто-то воскликнул, будет ли у римского народа еще такой защитник, как Сципион, и тот, «хлопнув лежащего рядом с ним Мария по плечу, ответил: «Будет, и, может быть, даже он»» (Плутарх. Марий. 3. 4–5).

Марий начал политическую карьеру при поддержке Метеллов, клиентом которых был его отец. Неудивительно, что именно поэтому консул 109 года взял его с собой в качестве легата. Арпинат снискал себе славу доблестного воина, пользовался популярностью в армии, но все это имело смысл для честолубивого Мария лишь постольку, поскольку способствовало его политической карьере. А он уже успел побывать квестором, плебейским трибуном и претором (минуя эдилитет), оставалась лишь вершина — консулат. Минимальным возрастом для избрания

считались 43 года,^{211} а Марию уже вот-вот должно было исполниться 50!^{212} И он обратился к Метеллу с просьбой отпустить его в Рим на консульские выборы. Тот, если верить Саллюстию, ответил, что не все должны желать всего, а арпинату не поздно будет избираться и вместе с сыном самого Метелла — тогда еще двадцатилетним юнцом. Однако Марий продолжал настаивать на своем и даже будто бы повел агитацию в армии против командующего.^{213} В конце концов тот сдался и позволил ретивому подчиненному уехать, понимая, что Марий ему больше не помощник. К тому же последний прибыл в Рим всего за две недели до выборов — успеет ли он провести агитацию? Однако слава арпината в Риме была достаточно велика — говорят, что воины постоянно писали домой, будто война не кончится, пока он не возглавит армию. Некоторые плебейские трибуны дополнительно рекламировали низкородного, но доблестного воина. Уверяли, будто Метелл нарочно затягивает войну, чтобы подольше наслаждаться властью командующего.^{214} В итоге Марий был с триумфом избран консулом. Народное собрание по предложению плебейского трибуна Тита Манлия Манцина вручило ему командование в войне с Югуртой, хотя недавно сенат продлил полномочия Метеллу. Теперь это решение стало недействительным (Саллюстий. Югуртинская война. 63–65; 73. 2–7; Диодор. XXXIV. 38; Беллей Патеркул. П. 11. 1–2; Плутарх. Марий. 7–8; Дион Кассий. XXVI. 89. 2–4).

Античные, а вслед за ними и многие современные авторы зачастую рассматривают успех Мария как победу народа над знатью. Древние писатели приписывают подобные суждения и самому Марию, который будто бы говорил, что знатность зависит не от происхождения, а от доблести (virtus)^{215} и что его консулат — трофеем, вырванный у нобилей. Саллюстий добавляет, что впервые за много лет homo novus получил консулат, который аристократия ревностно оберегала от незнатных, передавая его «как бы из рук в руки» (Югуртинская война. 63.7; 73.7; 85; см. также: Плутарх. Марий. 9.2; Экуперанций. 2.8Z).

Во всем этом немало преувеличений публицистического характера — Саллюстий писал, проецируя на события II века представления собственной эпохи, и, говоря о делах прошлых, постоянно намекал на настоящее. Конечно, Марий вполне мог насмехаться над родовитыми полководцами, якобы затягивавшими войну. Но мысль о virtus как о мере знатности, по-видимому, в то время еще не пробила себе дорогу.^{216} Кроме того, вряд ли он решился бы противопоставить себя всей аристократии — это было слишком рискованно.^{217} Поражение потерпел не нобилитет, а

Метеллы.

Но как homo novus Марий сумел одолеть столь влиятельное и знатное семейство? О его могуществе в те времена говорят хотя бы такие факты: в 123 году консулом стал Квинт Цецилий Метелл Балеарский; в 119-м — Луций Метелл Далматский; в 117-м — Луций Цецилий Метелл Диадема; в 115-м — Марк Метелл, зять Метелла Далматского; в 113-м — Гай Метелл Капрарий, в 109 году — Квинт Метелл, впоследствии получивший прозвище Нумидийского, — начальник Мария. И это не считая того, что в 115 и 111 годах консулами были родственники Метеллов — Марк Скавр и Сципион Назика. Аналогичная картина и в отношении цензуры: в 120-м одним из цензоров являлся Метелл Балеарский, в 115-м — Луций Метелл (Далматский или Диадема — неясно, но в любом случае Метелл), в 109-м — Марк Скавр.^{218}

Но подобное могущество не могло не вызвать зависти и недовольства у других. В начале II века примерно такое же влияние имел клан Сципионов, но это кончилось добровольным изгнанием его главы — победителя Ганнибала Сципиона Африканского. Теперь настала очередь Метеллов понять, что надо делиться. «Предполагаемая монополия этой фамилии на высшую должность в два последних десятилетия была не по нутру другим аристократам, и удар по господству Метеллов, откуда бы он ни исходил, не мог не вызвать одобрения в определенных кругах».^{219} Правда, вместо кого-либо из аристократов избрали безродного Мария, но периодически нобили допускали в свои ряды новичков — в 146 году консулом стал Луций Муммий, в 132-м — Публий Рупилий, в 130-м — Марк Перперна, в 116 году — Гай Лициний Гета, всего за девять лет до Мария. Так что Саллюстий очередной раз лукавил, говоря будто знать уже много лет никого не подпускала к высшей должности.^{220}

Правда, нельзя отрицать: на сей раз именно популярность Мария сыграла большую роль в том, что верхи позволили ему получить консулат. Еще более серьезным актом стало вручение Марию командования во исполнение решения сената, который уже продлил полномочия для ведения войны в Нумидии Метеллу. Но ведь в сенате решающий голос имели консуляры, большинством из которых являлись представители фамилии Метеллов и их ставленники. Почему же они стерпели унижительное для них решение комиций? Видимо, Метеллы чувствовали сильнейшее недовольство их всевластием со стороны других сенаторов. При попытке оспорить волю народного собрания оппозиционеры могли сокрушить Метеллов, и те решили не рисковать.

Сложилась как раз та самая ситуация, о которой шла речь в первой главе: раздоры внутри правящего класса позволили народу выступить в качестве арбитра. Подчеркнем: именно арбитра, а не самостоятельной силы, ибо Мария поддержали не только простолюдины и всадники,^{221} но и значительная часть сената, не испытывавшая симпатий к Метеллам.

Итак, Марию предстояло на деле доказать, что он ничуть не худший полководец, чем военачальники-нобили. Консул, сам почти два года проведший в Нумидии, понимал, что война предстоит нелегкая.^{222} Свою деятельность он начал с того, что потребовал у сената пополнений, предложил поступить под его начало тем из воинов, кого знал по прежней службе, — ему нужны были не просто воины, а закаленные ветераны, которые смогли бы превратить новобранцев в настоящих солдат. Опытные бойцы, как почти во все времена, были в дефиците,^{223} но Марий, по-видимому, нашел немало желающих служить под его началом. Он также начал собирать вспомогательные отряды из числа союзников.

Сенат не препятствовал начинаниям Мария, надеясь, по словам Саллюстия, что набор в легионы, мероприятие непопулярное, создаст ему трудности (Югуртинская война. 84. 2–3). Так думали, очевидно, не все *patres*, а лишь враждебные консулу «выскочке», но трудности и в самом деле могли появиться — проблемы не только с опытными бойцами, но и с рекрутами вообще возникали в то время постоянно.^{224}

Однако Марий сделал, что называется, ход конем — он настолько понизил ценз, что теперь в армию могла попасть основная масса так называемых *capite censi* и пролетариев, то есть тех, кто не имел имущества.

Эта мера вызвала бурю возмущения у античных авторов. Плутарх пишет, что консул зачислил «в войско много неимущих и рабов, которых все прежние полководцы не допускали в легионы, доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным — тем, чье имущество как бы служило надежным залогом» (Марий. 9. 1). В прежние времена народ, «неутомимо перенося военные тяготы, прилагал все усилия, чтобы полководцам не пришлось просить идти на военную службу неимущих, чья чрезмерная бедность подозрительна, и потому он не доверял им оружия», но «Гай Марий нарушил этот прекрасный обычай, включив в число воинов неимущих»^[1] (Валерий Максим. П. 3. I).^{225} «Когда Марий набирал войско, то первым из всех повел на войну неимущих, ненадежных и бесполезных граждан, чтобы таким способом отблагодарить народ, который помог ему добиться желаемой почести» — консулата (Эксуперанций. 2.9Z). «Одни

объясняли это недостатком порядочных граждан, другие — честолюбием консула, ибо именно эти люди [неимушие] прославили его и возвысили, а для человека, стремящегося к господству, наиболее подходящие люди — самые нуждающиеся, которые не дорожат имуществом, поскольку у них ничего нет, и все, что приносит им доход, они считают честным» (Саллюстий. Югуртинская война. 86.3). Им вторят и современные историки, говоря об «армии нового типа»,^{226} о лишенных «подлинного патриотизма» наемниках,^{227} готовых идти за своим полководцем, только бы он обеспечил им победу и добычу, о том, что «новации Мария при наборе легионов стали, вероятно, важнейшим среди факторов, которые сделали возможными гражданские войны, закончившиеся лишь с установлением принципата».^{228}

Все это и так, и не так. Неизвестно, как оценивали «революционность» военной реформы Мария современники, — ведь знать о предстоящих гражданских войнах они еще не могли.^{229} В конце концов, ценз для граждан во II веке понижали не раз,^{230} и Марий просто довел дело до логического завершения.^{231} Конечно, свою роль в профессионализации армии это сыграло, но сей процесс займет не одно десятилетие и завершится, в сущности, лишь при Империи.^{232}

К тому же армия была лишь инструментом, который использовали в своих интересах полководцы, чаще всего нобили, и именно борьба между нобилиями за первенство сведет в могилу Республику.^{233} Саллюстий, как мы видели, связывал прием Марием в войско неимущих с его стремлением к господству. Но, создав «армию нового типа», консул «выскачка» поведет ее не на Рим, а на Югурту, а затем против германцев, после разгрома которых распустит солдат. А легионы на город двинет патриций Сулла.^{234} И Жером Каркопино, говоривший об отсутствии «подлинного патриотизма» у солдатпролетариев (см. выше), не обвинит Суллу в том, что он — не патриот.^{235}

Между тем *capite censi* и пролетарии понемногу записывались в войско Мария. Среди них наверняка было немало тех, кто горланил на митингах, где плебейские трибуны обвиняли виднейших сенаторов в продажности. Вступая в армию, они обретали надежду на будущее: при удаче их ждала добыча, может, даже чин центуриона и — предел мечтаний — земельный участок.^{236} Это позволило бы им превратиться из люмпенов в уважаемых людей хотя бы в одном из итальянских городов. Конечно, на такое можно было рассчитывать лишь при чрезвычайном везении, многих ждала гибель

в боях или от болезней, но жизнь в Риме таила не меньше опасностей — грязь, нищета, плохая и скудная еда, тесные и неудобные жилища в инсулах, пьяные драки, те же болезни и многое другое. В любом случае перед новобранцами открывалась возможность увидеть иные страны, испытать новые впечатления, к тому же теперь они были не презируемыми изгоями, а защитниками отечества. Поэтому за Марием, если верить Саллюстию, пошло даже больше людей, чем первоначально предполагалось (Югуртинская война. 86.4).^{237}

Фактическая отмена ценза при наборе в армию повлекла за собой изменения в ее структуре и обучении. Если раньше в соответствии с имущественным положением легионеры делились на принцепсов, гастатов и триариев, то есть солдат первого, второго и третьего рядов, то теперь это деление исчезло, ибо цензовые различия утратили значение. Соответственно унифицировалось обучение воинов. Благодаря множеству добровольцев численность легиона увеличилась с 4200 до 5000–6200 человек. Если прежде легионы подразделялись на 30 манипул (100–120 солдат), то теперь манипулы стали сводиться в когорты, по десять в каждом легионе (примерно 500 человек). Сами легионы состояли из римских граждан, а во вспомогательных войсках (*auxiliae*) и коннице все больше возрастала роль союзников Рима.^{238} Особенную известность снискали испанские всадники и балеарские пращники.

Итак, предстояла новая кампания в Африке. Марий отправил туда легата Авла Манлия с деньгами для уплаты жалованья, новым оружием, продовольствием, а по окончании набора в легионы прибыл сам. Метелл был крайне уязвлен тем, что его отстранили от руководства боевыми действиями, которые он вел весьма успешно. По словам Саллюстия, он «не огорчился бы так сильно, если бы отнятую у него провинцию отдали кому-либо другому, только не Марию». Поэтому Метелл не пожелал даже встречаться с Марием, чтобы передать под его начало войско, — это сделал его легат Публий Рутилий Руф (Саллюстий. Югуртинская война. 82.3; 86.5; Плутарх. Марий. 10.1).

Сам полководец отбыл в Рим, где, по словам Саллюстия, неожиданно для себя встретил радужный прием, «ибо ненависть улеглась, и народ оценил его так же, как отцы-сенаторы» (Югуртинская война. 88.1). Удивляться этому не приходится — часть сторонников Мария отбыла вместе с ним, а у Метелла и его друзей было достаточно клиентов, чтобы организовать ему восторженную встречу. Однако это лишь часть правды — плебейский трибун Манлий Манцин, по чьему предложению Марию

поручили ведение войны в Нумидии, обрушивался во время сходов с нападениями на Метелла.^{239} Тот не остался в долгу: «Что касается его, квириты, поскольку он чересчур высокого мнения о себе, если постоянно называет себя моим врагом, то я его ни другом себе не признаю, ни за врага не считаю, более говорить о нем не буду» (Авл Геллий. VII. 11. 2–3)*. В 106 году Метелл отпраздновал триумф и получил почетное прозвище Нумидийского (Беллей Патеркул. II. 11. 2).

Марий тем временем взялся за дело, и, надо заметить, весьма грамотно. Он обрушился на еще неразоренные области, давая воинам возможность обогатиться за счет грабежа, причем солдаты получили в свое распоряжение всю добычу, тогда как обычно полководцы требовали сдавать ее в их распоряжение и лишь потом выдавали какую-то долю захваченного.^{240} Это, естественно, стимулировало активность воинов. Но главное, пожалуй, было в другом — требовалось превратить массу новобранцев в настоящих бойцов. Поэтому Марий завязывал мелкие стычки, в которых новички чувствовали себя куда увереннее, чем если бы их сразу бросили в серьезные операции. Набравшись опыта, они, если верить Саллюстию, стали столь же доблестными, сколь и ветераны. Строго следил полководец и за дисциплиной (Югуртинская война. 87. 1–3; 88.2).

Наконец Марий приступил к более масштабным действиям. Он нанес несколько ударов по отрядам Югурты и его союзников гетулов, когда те свозили добычу, захваченную при набегах на римских союзников. Под Циртой потерпел поражение сам царь. Следующим шагом римлян стало наступление на стратегически важные города. Первой такой операцией стала экспедиция против города Капса в Юго-Восточной Нумидии — по преданию, его основал сам Геракл. Жителей Капсы Югурта освободил от податей, а потому пользовался их особой поддержкой. Саллюстий уверяет, что причиной похода против нее стало желание Мария повторить успех Метелла, когда тот захватил лежавшую в безводной местности Талу, где хранились сокровища царя; Капса находилась южнее, и воды там было еще меньше (Югуртинская война. 75–76; 89. 4–6).

Объяснение Саллюстия может показаться наивным, но оно становится понятным, если учесть, что консулат Мария подходил к концу. Отчитаться в Риме одними лишь успехами в обучении новобранцев он, естественно, не мог. А вот взятие Капсы могло бы стать тем громким успехом, который показал бы, что новый командующий ничуть не уступает прежнему и достоин оказанной ему чести.^{241} Тогда можно было бы рассчитывать на продление полномочий в следующем году. Кроме того, в Капсе, как и в

Тале, хранились сокровища нумидийского царя (Страбон. XVII. 3. 12). Это позволяло, с одной стороны, лишний раз ослабить финансовое могущество Югурты, с другой — дать пожить воинам.

Заготовив необходимые припасы, Марий стремительным маршем выступил через пустыни к Капсе. Когда до города оставалось несколько переходов, легионы двигались по ночам — для сохранения секретности, а также во избежание дневного зноя (впоследствии Суворов также будет практиковать ночные марши в жарких валашских степях). Когда утром войска подошли к Капсе, многие ее жители, ничего не подозревая, вышли за стены. Внезапной атакой римляне застигли их на равнине и захватили ворота. Это избавило их от необходимости осаждать город, находившийся на холме высотой 345 метров.^{242} Последовала капитуляция, однако Марий проигнорировал ее — способных носить оружие мужчин перебили, остальных жителей продали в рабство, город предали огню, а добычу поделили между воинами. «Это преступление против права войны совершилось не из-за алчности и злобы консула, но оттого, что само место было выгодно для Югурты и почти недоступно для наших, и еще оттого, что нумидийцы — племя неверное и ненадежное, которое ни добром, ни угрозой не сдержишь» (Саллюстий. Югуртинская война. 90–91).

В те времена не существовало понятия «военное преступление», но совершенное Марием и его людьми можно назвать именно так, да и Саллюстий подразумевает, в сущности, то же самое. Другое дело, что писатель считает подобные действия допустимыми — ведь нумидийцы все равно восстали бы, что же церемониться с «изменниками». Он много рассуждает о коварстве и вероломстве нумидийцев, но ведь речь шла просто о нежелании местных жителей подчиняться захватчикам. Саллюстий сам был наместником Нумидии, хорошо поживился там^{243} и наверняка видел то же самое — неприятие римского владычества. И смысл его комментария к разгрому Капсы прост — с ними только так и надо.

Военного значения операция, по-видимому, не имела — город было не удержать,^{244} и Марий, вероятно, с самого начала уготовил ему ту участь, которая его и постигла. Однако психологический эффект оказался велик: римские воины окончательно уверовали в доблесть и удачу своего командующего,^{245} к тому же щедро вознаградившего их за трудный поход грабежом города с царскими сокровищами;^{246} нумидийцы стали бояться его куда больше прежнего, по словам Саллюстия, сильнее, чем боятся смертного;^{247} в Риме, наконец, полководцу продлили полномочия на следующий год. «Отныне Марий был не консул, но проконсул».^{248}

С началом новой кампании^{249} Марий продолжил наступление на города. Одни он брал штурмом, другие жители оставляли сами, боясь той же участи, что постигла Капсу и ее население; и те, и эти пункты предавались огню.^{250} «Повсюду стояли стенания и лилась кровь», — бесстрастно констатирует Саллюстий (Югуртинская война. 92.3). Как гласит восточная пословица: разве горячится мясник, когда режет барана? Операция заняла не меньше нескольких месяцев, но Марий знал, что именно такие акции лучше всего способствуют полному покорению Нумидии.^{251}

Эти жестокости совершались и во время марша Мария на запад Нумидии — вероятно, чтобы удержать от активных действий мавретанского царя Бокха, тестя Югурты.^{252} Следующей крупной целью главных сил римлян стала крепость, находившаяся недалеко от реки Мулукка. В мулуккской цитадели, как и в Капсе, хранились царские сокровища. И, как и Капса, эта цитадель находилась на возвышенности, но не просто на холме, а на скалистой горе. К стенам вел лишь один узкий проход, и о взятии ее штурмом нечего было и думать.

Саллюстий утверждает, что Марию «помог не столько расчет, сколько случай»: некий воинлигур из вспомогательных отрядов нашел тропинку, которая вела наверх и не была видна из крепости. Командующий велел проверить, насколько возможен подъем по этой тропе, и некоторые из участвовавших в «экспертизе» усомнились в успехе. Тем не менее полководец решил рискнуть. Во главе с лигуром, чье имя Саллюстий так и не назвал, группа воинов забралась наверх и напала на нумидийцев с тыла в тот момент, когда они отражали натиск главных сил римлян. Саллюстий избавляет читателя от описания начавшейся резни, но не забывает иронически заметить, что «опрометчивость Мария принесла ему славу, несмотря на его промах» (Югуртинская война. 92–94; см. также: Фронтин. III. 9. 3; Флор. III. 1. 14).

Рассуждения о случайности происшедшего, разумеется, не приходится принимать всерьез — сомнительно, что лигур проводил разведку по собственной инициативе. Единственное, что оставалось делать, когда обычным штурмом крепость было взять невозможно, — это изучать подходы к цитадели, и лигур наряду с другими воинами, очевидно, просто выполнял приказ полководца — хотя, надо признать, весьма толково и добросовестно. Поэтому отнюдь не обычное везение, а тщательный подход к делу, умение идти на разумный риск и грамотная организация штурма позволили Марию добиться успеха.

И вот как раз после взятия мулуккской цитадели Саллюстий заводит речь о Сулле, который прибыл из Италии с конницей, «набранной в Лации и у союзников» (Югуртинская война. 95.1). Правда, в действительности, по-видимому, квестор появился в Нумидии еще до мулуккской операции, но по соображениям композиции писатель не упомянул о нем.^[253] Между тем присутствие его конницы имело немалое значение в условиях угрозы со стороны Бокха.^[254]

Почему Сулла оказался именно в рядах армии Мария? Очевидно, это был его собственный выбор.^[255] А ведь был и другой консул, Луций Кассий Лонгин, который отправился в Галлию воевать с гельветами. Однако мы уже говорили, что Сулле, если он женился не на Илии, а на Юлии, было сподручнее служить под началом Мария, чья супруга происходила из того же рода. Кроме того, Марий выбился «из грязи в князи», ценил людей за способности, сам был человеком талантливым — на него имело смысл делать ставку. Особенно Сулле, видимо, мечтавшему доказать, что бедность и упадок его фамилии уже позади. И он не прогадал: его полководец, Гай Марий, выйдет из войны победителем, а Кассий Лонгин потерпит поражение и погибнет в бою с гельветами.

Злые языки уверяли, будто Марий был не слишком-то доволен тем, что ему достался квестор, проводивший свою прежнюю жизнь, предаваясь любовным утехам, винопитию, увлечению театром и прочим предосудительным с точки зрения сурового арпината вещам (Валерий Максим. VI. 9. 6). К тому же Сулла не имел боевого опыта. Но поначалу «не сведущий в военном деле, он в короткий срок постиг все до тонкости. Вдобавок он дружески обращался с солдатами, многим оказывал услуги, когда — отвечая на просьбу, а когда и по собственному почину, принимал же услуги неохотно и возвращал скорее, чем взятое взаймы, меж тем как сам ответных одолжений ни от кого не требовал, напротив — старался, чтобы как можно больше людей были у него в долгу, вел и шутливые, и серьезные речи с воинами самого низкого звания, заговаривал со многими и на лагерных работах, и в походе, и на караулах, но при этом никогда не задевал доброго имени консула или иного уважаемого человека — как в обычае у низкого честолюбия, — и лишь старался никому не уступить первенства ни в совете, ни в делах, а многих и оставлял позади. Такими повадками и правилами он быстро приобрел величайшее расположение Мария и солдат» (Саллюстий. Югуртинская война. 96).

Эта характеристика весьма любопытна. То, что Сулла, не имея боевого опыта, довольно быстро освоил Марсовы премудрости, удивления не

вызывает — он наверняка читал трактаты о полководческом искусстве, тренировался в юности во владении оружием, а военное дело того времени было не слишком сложным, и нескольких недель практики командования хватало, чтобы овладеть его основами.^{256} Сулла же пробыл на фронте куда дольше, да и способностями природа его не обделила.

Что же до умения обращаться с людьми, то здесь, помимо природных задатков, Сулле помогло общение с актерской публикой — уж ее-то представители были и впрямь самого низкого рода. В то же время артисты как натуры тонко чувствующие, умеющие перевоплощаться, острые на язык, вероятно, развили в нем те же качества. Актерское мастерство, усвоенное Суллой ничуть не хуже, чем военное, еще не раз сослужит ему службу.

И еще: Саллюстий неспроста оговаривает, что квестор не отзывался дурно о вышестоящих лицах. Это очевидный намек на Мария, который поносил Метелла, когда тот не пускал его в Рим на выборы консула (Югуртинская война. 64.5).^{257} Но сравнение это не вполне корректно: когда Марий начинал службу, он тоже наверняка не злословил о командирах. Квестор еще не имел причин для вражды с главнокомандующим. Они появятся позже, когда Сулла уже не будет подчиненным Мария. Тогда и средство борьбы будет иным — не только клеветнические речи, но и оружие. Однако все это еще впереди.

И все же привыкание к новой обстановке, по-видимому, потребовало от Суллы известных усилий: одно дело актерская компания, другое — военный лагерь. Кроме того, природа тех краев куда как отличалась от италийской: огромные безлесные пространства, покрытые кустарником степи и горы, солончаки, жаркие дни и холодные ночи, когда может замерзнуть вода. Ни мягкой постели, ни роскошных бань, ни изысканных блюд. Но Сулла с честью выдержал испытание.

А что же делал Югурта, пока основные силы противника во главе с Марием воевали в Западной Нумидии? Времени даром он не терял и сумел отбить у римлян Цирту,^{258} захваченную ими еще в конце 108 года.^{259} Марий двинулся на отвоевание столицы Нумидии. Однако путь ему преградили объединенные силы Югурты и Бокха. Римляне были оттеснены на холмы. Сулла же получил приказ остаться с всадниками у источника — в противном случае, очевидно, римляне могли остаться без воды, так что задача была весьма ответственной и к тому же опасной. Цари уже считали себя победителями, однако они недооценили противника: на рассвете, когда

их воины уснули после ночных пиршеств, Марий организовал нападение на варваров и обратил их в бегство (Саллюстий. Югуртинская война. 97–99; Орозий. V. 15. 10–17).^{260}

После этого римляне продолжили марш на Цирту. Правый фланг наступавшей армии охраняла кавалерия Суллы, левый — вспомогательные отряды во главе с легатом Авлом Манлием (Саллюстий. Югуртинская война. 100.2). Если верить античным источникам, то в предыдущей битве враг был разгромлен наголову. Но всего через четыре дня Югурта и Бокх выставили новую армию — очевидно, недавнее поражение отнюдь не было столь тяжелым. По-видимому, Марию просто удалось прорваться через ряды врагов, нанеся им серьезные потери.

Завязалась новая схватка. Югурта попытался обмануть врагов, крича, будто только что убил самого Мария. Да и натиск варваров был достаточно силен сам по себе, коль скоро ряды римской армии заколебались. Однако Сулла с конницей атаковал фланг мавретанских войск. Марий воспользовался замешательством противника и организовал контрудар. В итоге нумидийцы и мавретанцы потерпели полное поражение (Саллюстий. Югуртинская война. 101; Орозий. V. 15. 18).

Бокху пришла пора задуматься: не ошибся ли он, поддержав зятя в борьбе против столь опасного врага? Конечно, родственные узы — дело святое, но стоит ли ради них рисковать своими владениями, а то и короной? В конце концов мавретанский царь направил к римлянам послов с предложением о переговорах.^{261} Марий не стал отказываться и поручил дипломатическую миссию проквестору Луцию Сулле и легату Авлу Манлию (Саллюстий. Югуртинская война. 102.2; Диодор. XXXIV. 39).

Саллюстий мастерски изображает диалог Бокха и Суллы. Последний велеречиво рассуждает о том, что царь, «наилучший из людей», пятнает себя союзом с таким негодяем, как Югурта; что римляне привыкли искать себе друзей, а не рабов, а потому дружба с ними выгодна; не стоит испытывать судьбу, правящую всеми делами человеческими, и отказываться от мира с римлянами, пока они к нему готовы; каковы же римляне в бою, царь и сам знает (Югуртинская война. 102. 511). За всем этим стоит горькая ирония — своего друга и союзника Адгербала римляне бросили в беде, и никаких выгод он от дружбы с ними не получил,^{262} рассуждения о том, что Бокх — наилучший из людей, не столько дань этикету, сколько издевка — Саллюстий постоянно подчеркивает коварство и непостоянство царя (см. 88.6; 102.15; 103.2; 108.3; 113.2); Югурту, своего зятя, мавр все же выдаст (Плутарх. Сулла. 3.5). Да и завершение речи

Суллы обнажает суровую истину — военная сила римлян царю хорошо известна.

Бокх отвечал, что в свое время отправлял послов в Рим с предложением дружбы, но его инициативу отвергли. Воюет он с римлянами потому, что они вторглись в ту часть Нумидии, которая теперь принадлежит ему по праву войны (то есть попросту обещана Югуртой как плата за союз против Рима). Впрочем, царь готов отправить в Рим послов для ведения переговоров, если Марий не возражает (Саллюстий. 102. 12–14).

У Аппиана, напротив, речь перед Бокхом держит Манлий (Маллий). Он объяснил царю, что Западную Нумидию, на которую претендует царь мавров, римляне в свое время даровали Масиниссе, оставляя за собой право в любой момент отобрать ее. Это они и сделали, ибо Югурта стал их врагом (Нумидика. 4. 2–3). По-видимому, говорили с Бокхом оба полководца, хотя Сулла в мемуарах упомянул только о себе.

Царь снарядил посольство из пяти человек. В дороге их ограбили разбойники-гетулы. Вскоре послы встретились с Суллой, который принял их милостиво. По Саллюстию, он научил мавров, как говорить с Марием, по Аппиану — как говорить потом со своим царем (Саллюстий. Югуртинская война. 103. 2–7; Плутарх. Сулла. 3.3; Аппиан. Нумидика. 5.1). Вероятнее второе, ибо инструкции о беседе с римским главнокомандующим они уже получили от Бокха. По всей видимости, послы хотели предложить Марию встречу со своим владыкой. Марий, приняв мавретанских представителей, заявил, что ни о какой встрече до выдачи Югурты нечего и говорить (Дион Кассий. XXVI. 89. б).^{263} Затем он разрешил трем из них отправиться в Рим в сопровождении квестора Гнея Октавия Русона; на это время было установлено перемирие.^{264} Двое послов вернулись к царю и рассказали ему о приеме в римском лагере, в том числе и о доброжелательстве Суллы — так, по крайней мере, утверждает Саллюстий (или сам Сулла в мемуарах?). Сенат ответил послам Бокха, что готов простить его выступление на стороне Югурты, а другом и союзником признает его лишь тогда, когда мавретанский властитель этого заслужит (Саллюстий. Югуртинская война. 104). Царь понял намек — речь шла, разумеется, о выдаче Югурты.^{265}

Переговоры продолжились. Для этого Бокх попросил прислать к нему Суллу — вероятно, помня гостеприимство, которое тот оказал его послам, ограбленным гетулами.^{266} Сулла, которого Марий облек полномочиями пропретора, то есть дал ему высшую власть римских магистратов — империй, — выехал в сопровождении отряда легионеров, всадников,

лучников, балеарских пращников и когорты легковооруженных пелигнов. Навстречу ему направился сын Бокха Волукс с тысячей кавалеристов, и дальнейший путь Сулла проделал в его сопровождении. Вскоре показался лагерь Югурты. Саллюстий описывает драматическую сцену: римляне заподозрили мавретанского царевича в измене, ибо он заманил их в засаду. Сулла, считавший так же, даже будто бы хотел прогнать его (интересно, как можно запросто прогнать тысячу всадников?). Однако Волукс сумел убедить не в меру подозрительных римлян не делать глупостей: Югурта во всем зависим от его отца и не решится напасть на послов, сопровождаемых сыном Бокха, а потому надо спокойно идти через нумидийский лагерь. Сулла внял здравому совету и смело прошел через лагерь Югурты (Югуртинская война. 105–107).

Итак, римское посольство предстало перед Бокхом. Сюда же приехал представитель Югурты Аспар. Мавретанский владыка прислал к Сулле Дабара, сына одного из бастардов Масиниссы, Массуграды. Дабар был известен как сторонник римлян, и потому именно ему царь поручил передать Сулле, что готов выполнить волю римского народа, то есть выдать Югурту. Римлянин ответил, что в присутствии нумидийского представителя он будет говорить кратко, а переговоры о сути дела поведет лишь в присутствии узкого круга лиц — близких царю людей, которые не допустят утечки информации (Саллюстий. Югуртинская война. 107.7109.3).

Во время официальной встречи с Бокхом и Аспаром Сулла спросил властителя Мавретании, чего римлянам ждать от него — мира или войны. Хитрый мавр, как было уговорено заранее, ответил, что еще не принял окончательного решения, и предложил посланцам Мария явиться через десять дней. Однако ночью Бокх вызвал к себе Суллу. Согласно Саллюстию, он напомнил, что поднял оружие только для защиты границ, и выразил готовность отказаться от союза с Югуртой, намекнув, впрочем, что готов и на иные уступки. Сулла отвечал, что мало предоставить Югурту собственным силам — нужно выдать его римлянам, если Бокх желает дружбы и союза с римлянами. Тогда он получит вдобавок и земли в Западной Нумидии, на которые претендует. Последний указал, что ему нелегко презреть родство с нумидийским царем и договор с ним, тем более что его подданные ненавидят римлян. Вероятно, Сулла вновь напомнил о силе римской армии, равно как и о том, что пока мавры вели войну лишь на территории Нумидии; но неужели они хотят подвергнуть бедствиям войны собственные земли? Так или иначе, царь сдался: он продемонстрировал присутствовавшим при переговорах вельможам, что иного выхода, кроме

выдачи Югурты, у него нет и склоняют его к этому не эгоистические соображения, а жестокая необходимость. Придя к соглашению по главному вопросу, Бокх и Сулла расстались (Саллюстий. Югуртинская война. 109–111).

Дальнейшее напоминает детектив и мало похоже на правду: будто бы Бокх пригласил к себе Аспара и сообщил ему о возможности заключения мира с римлянами. Аспар выехал к Югурте и передал ему эту весть. Нумидиец заявил, что готов выполнить то, что от него требуют, но Рим уже не раз нарушал заключенные договоры (с Луцием Бестией и Авлом Постумием), а потому нужен залог соблюдения договора. Таковым может послужить Сулла, если захватить его — не оставят же соотечественники в беде столь знатного человека! Бокх, поколебавшись, согласился и теперь каждой стороне обещал выполнить ее пожелания — Югурте, что выдаст Суллу, а Сулле, что выдаст Югурту. Накануне решающего дня он, как говорят, продолжал размышлять в одиночестве, и лишь выражение лица выдавало его тайные мысли (Саллюстий. Югуртинская война. 112–113; Плутарх. Сулла. 3.6).

По-видимому, вся эта история, равно как и основная часть рассказа о посольствах Суллы и выдаче ему Югурты, взята из мемуаров диктатора. {267} Откуда было Сулле знать, что говорил Бокх Аспару? Кто ему рассказал об ответе Югурты? И уж никто не мог ему поведать о выражении лица мавра в ночь накануне решающего дня. В эпизоде с ночными размышлениями царя лишь оговорка «рассказывают» {268} отличает историка от поэта. {269}

На деле все было явно прозаичнее: Плутарх пишет, что Бокх в письме Марию отказывался выдать Югурту, на деле же замыслил противоположное (Марий. 10.4). Если это письмо было отослано перед вторым визитом Суллы в ставку мавра, что представляется наиболее вероятным (обычная дипломатическая маскировка для непосвященных), то становится ясно — все решилось еще до отъезда Суллы, {270} а он лишь выполнил приказ. {271} Правда, нельзя не признать, что дело было все-таки опасным и требовало умения молниеносно ориентироваться в обстановке. Но ни мужества, ни инициативы Сулле было не занимать — поэтому ему, собственно, и поручили выполнить столь ответственную задачу. Справился он с ней великолепно.

Итак, наступил день, когда должна была решиться судьба войны. Бокх и Сулла подъехали к холму, куда вскоре прибыл и Югурта. Его люди

согласно предварительной договоренности были безоружны — прекрасное доказательство того, что они и не думали захватывать главу римского посольства. Из засады выскочили воины Бокха, которые тотчас перебили свиту нумидийского царя, а его самого схватили и выдали Сулле. Тот немедленно доставил его к Марию (Саллюстий. Югуртинская война. 113. 4–7; Диодор. XXXIV. 39; Ливии. Периоха 66; Беллей Патеркул. П. 12. 1; Флор. III. 1. 17; Плутарх. Марий. 10.7; Сулла. 3.6; О знаменитых мужах. 75.2; Орозий. V. 15. 8).

Это означало конец войны. Марий мог вздохнуть свободно — ведь если бы конфликт продолжился, неизбежно встал бы вопрос — чем Марий лучше оклеветанного им Метелла, если не может одолеть Югурту за те же два года, которые провоевал Метелл? Правда, как мы увидим ниже, это не спасло арпината от враждебных толков, но общее настроение было в его пользу — победителей не судят.

Остаток лета 105 года Марий потратил, по-видимому, на разгром последних очагов сопротивления и устройство оккупированных территорий. ^{272} Он широко раздавал права римского гражданства в этих краях тем, кто его поддерживал. ^{273} Некоторым из гетулов, выступивших на стороне римлян, римский главнокомандующий пожаловал владения в Западной Нумидии (Псевдо-Цезарь. Африканская война. 56.3). Бокх, надо полагать, получил земли в тех же краях, примерно до Ампсаги. ^{274} Свою провинцию Африка римляне за счет Нумидии расширять, по-видимому, не стали. ^{275} Аннексия нумидийских территорий могла привести к новым столкновениям с местными племенами, да и страна была слишком разорена, чтобы ее земли представляли серьезный интерес. ^{276} Той частью Нумидии, которая сохранила остатки независимости, стал управлять сводный брат Югурты Гауда. ^{277} В последующие десятилетия нумидийцы еще не раз напомнят о себе активным участием в гражданских войнах Рима.

Счастливые победители, нагруженные добычей, возвращались в Италию. С собой они везли плененного Югурту с двумя сыновьями (Ливии. Периоха 67). Их провели в триумфе Мария, который состоялся 1 января 104 года (Саллюстий. Югуртинская война. 114.3). После окончания торжества Югурту отправили «в тюрьму, где одни стражники сорвали с него одежду, другие, спеша завладеть золотыми серьгами, разодрали ему мочки ушей, после чего его голым бросили в яму, и он, полный страха, насмешливо улыбаясь, сказал: «О Геракл! Какая холодная у вас баня!» ^{278} Шесть дней боролся он с голодом и до последнего часа цеплялся за жизнь,

но все же понес наказание, достойное его преступлений.^{279} Говорят, что во время триумфа несли три тысячи семь фунтов золота, пять тысяч семьсот семьдесят пять фунтов серебра в слитках и двести восемьдесят семь тысяч драхм звонкой монетой» (Плутарх. Марий. 12. 46).^{280} Так закончилась Югуртинская война.

Глава 4

В БОЯХ С ГЕРМАНЦАМИ

Итак, победа! Но предаваться ликованию было рано — над Римом нависла грозная опасность, какой не было со времен Ганнибала. Речь шла о германцах.

В 110-х годах германские племена кимбров и тевтонов, жившие на стыке современных границ Дании и Германии, покинули родные места и двинулись на юг. Еще в древности высказывалось мнение о том, что причиной этих миграций послужили наводнения. Посейдоний, а вслед за ним и Страбон не согласились с этим и предположили, что кимбры и тевтоны в принципе были кочевниками (Страбон. VII. 2. 1–2).^{281} Плутарх вообще утверждает, что кимбрами у германцев называют разбойников (Марий. 11.5). Однако те, кого критиковали Посейдоний и Страбон, возможно, были не так уж и не правы. Между Ютландией и Германией лежит довольно узкий перешеек, и если приливы там становились более интенсивными, то это могло вполне привести к серьезным трудностям для местного населения. Свою роль сыграла, очевидно, и перенаселенность,^{282} вызванная не только высоким уровнем рождаемости, но и примитивностью хозяйства.

«Это было странное шествие... Весь народ двинулся с женами и детьми и со всем скарбом на поиски новой родины. Жильем служили им повозки... Под кожаной крышей повозки помещались утварь, женщины, дети и даже собаки. Жители юга с удивлением смотрели на этих высоких стройных людей с темно-русыми волосами и светло-голубыми глазами, на их сильных, статных женщин, мало уступавших ростом и силой своим мужьям, на детей со старческими волосами, как их называли италийцы... Нравы кимбров были грубы. Мясо часто ели сырым. Своих королей-предводителей они выбирали из самых храбрых воинов, по возможности самых высоких ростом. Подобно кельтам и вообще варварам, они нередко заранее улаживались с противником о дне и месте боя и перед началом боя вызывали отдельных неприятельских воинов на поединки... Кимбры дрались храбро, считали смерть на поле брани единственной приличествующей свободному человеку. Зато после победы они предавались самым диким зверствам. Заранее давали обет принести в жертву богам войны всю военную добычу. В таком случае уничтожали всю

кладь врага, убивали лошадей, а пленников вешали на месте или сохраняли в живых только для того, чтобы принести в жертву богам».^[283]

Страбон красочно описывает эти жертвоприношения. В походе кимврских женщин сопровождали жрицы — седовласые, в одеждах из белого льна, подпоясанные бронзовым поясом и босые. «С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь навстречу пленникам, надевали на них венки и затем подводили их к медному жертвенному сосуду вместимостью около двадцати амфор; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадания, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу» (VII. 2. 3).

Кимвры и тевтоны дошли до Герцинского леса в нынешней Чехии, но местные племена бойев дали им отпор. Тогда они повернули на запад и достигли Истра (Дуная). По дороге к ним присоединились многие кельтские племена. Страбон уверяет, что прежде мирные геллы (тоже кельты), увидев, сколько золота приобрели кимвры разбоем, присоединились к ним (VII. 2.2). Вопрос об этническом составе варварского войска остается открытым. Описанные современниками обычаи и имена кимвров и тевтонов являются скорее кельтскими, чем германскими, да и само слово «кимвры» сходно с самоназванием кельтов-валлийцев *Oymgi*, означающим «сородичи». Возможно, правы историки, считающие, что эти племена оказались на севере Европы в глубокой древности, еще до разделения кельтов и германцев — двух ветвей индоевропейских переселенцев.

Продвигаясь далее на запад, германцы (или все же кельты?) атаковали и разгромили племя нориков в современной Австрии. Римский консул 113 года Гней Папирий Карбон, опасаясь за судьбу Италии, занял альпийские перевалы, а затем двинулся навстречу германцам, обвиняя их в нападении на нориков — друзей римского народа. Тевтоны, шедшие, очевидно, в авангарде, заявили, что не знали о дружбе нориков с римлянами, и обещали воздерживаться впредь от подобных действий. Карбон притворился, будто удовлетворен ответом тевтонов, и даже дал им проводников, которые на деле должны были заманить германцев в засаду. Однако те оказались не столь простоваты, как рассчитывал консул, и нанесли римлянам тяжелое поражение в битве при Норее. От полного разгрома войско Карбона спасла только непогода — туман и гроза с ливнем. Разбив римлян, тевтоны соединились со своими основными силами (Аппиан. Кельтика. 13; Ливии. Периоха 63; Беллей Патеркул. П. 12. 2; Страбон. V. 1. 8).

Очевидно, эта версия носит антиримский характер — тевтоны в ней выглядят образцовыми блюстителями международного права, а Карбон — низким обманщиком, на пустом месте спровоцировавшим войну, да к тому же еще и дураком и неудачником, который и надуть-то доверчивых варваров не сумел. На Италию, как покажут последующие события, они идти явно не собирались, но наверняка вторглись бы на территории, находившиеся в сфере влияния Рима. К тому же в районе Норей, где произошло сражение с германцами, находились месторождения золота и железа (Страбон. V. 1. 8). Пускать в такие края пришельцев сенат явно не соби́рался, а посему столкновение становилось практически неизбежным. Но удар первыми нанесли римляне, напавшие на тевтонов за пределами своих границ. К тому же удар оказался неудачным.

Путь на Италию был открыт, однако германцы не спешили напасть на нее — очевидно, это в их планы не входило; надо думать, им пока хватало для разграбления заальпийских земель. Однако римлян соседство с ними в восторг не приводило. В 109 году пришельцы обратились к консулу Марку Юнию Силану с ходатайством о предоставлении им земли для проживания, однако получили отказ. Тогда они дали ему сражение, в котором, как и в 113 году, одержали победу (Ливии. Периоха 65; Беллей Патеркул. П. 12. 2; Флор. III. 3. 4).

В 107 году коллега Мария по консулату Луций Кассий Лонгин начал было теснить союзных кимврам и тевтонам гельветов, но попал в засаду на территории Дофине (юго-восток Франции). В битве погибли сам Кассий, а также его легат Луций Калыгурний Пизон Цезонин, консул 112 года и дед тестя Цезаря.^{284} Другой легат консула, Гай Попилий Ленат,^{285} был блокирован врагами в лагере и вынужден заключить с ними договор на тяжелых условиях — выдать заложников и половину имущества; Аппиан уверяет, будто римлян даже провели под ярмом, но это, видимо, позднейший домысел (Орозий. V. 15. 23–24; Ливии. Периоха 65; Цезарь. Записки о галльской войне. I. 12. 7; 14.7; Аппиан. Кельтика. 1.8). Плебейский трибун Гай Целий привлек Попилия к суду, и тому пришлось удалиться в изгнание (Орозий. V. 15. 24; Цицерон. О законах. III. 36).^{286}

Вдохновленный победами кимвров и тевтонов, в 106 году против римлян восстал галльский город Толоза (совр. Тулуза) — столица вольковтектосагов, которые в свое время держали под контролем многие иберийские, кельтские и Лигурийские племена от Северн до Средиземного моря.^{287} Жители Толозы впустили германцев к себе, обезоружив римский гарнизон, однако консул Квинт Сервилий Цепион сумел с помощью измены

завладеть городом. В местном святилище, где хранились сокровища, захваченные в прежних походах галлов, а также приношения богам частных лиц, римский военачальник захватил 100 тысяч фунтов золота и 10 тысяч фунтов серебра. Он отправил их в союзную римлянам Массалию (совр. Марсель), но по дороге на обоз с богатствами напали разбойники, отбившие сказочную добычу. На след утраченных сокровищ напасть не удалось, и недруги стали обвинять Цепиона в причастности к ограблению (Орозий. V. 15. 25; Страбон. IV. 1. 13; Юстин. XXXII. 3. 10; Дион Кассий. XXVII. 90).

В 105 году разразилась катастрофа. Германцы и галлы перешли в наступление и разгромили отряд одного из легатов консула Гнея Маллия (Манлия) Максима — консуляра Марка Аврелия Скавра. Сам Скавр был сброшен с коня и взят в плен победителями. «Приглашенный ими на совет, он не сделал и не сказал ничего, что не подобало бы римлянину, занимавшему столь почетные должности. Поэтому он был убит» (Транш Лициниан. XXXIII. 11F). Как рассказывает Ливии, Скавр отговаривал кимбров от перехода через Альпы, предупреждая их о непобедимости римского народа. Один из германских вождей, Бойорикс, в ярости убил его (Периоха 67).

«После этой победы кимбров, — продолжает Граний Лициниан, — устрешенный консул Маллий призывал Цепиона в слезных письмах объединить войска и противопоставить галлам^{288} усилившуюся армию, но не смог убедить его. А [Цепион], переправившись через Родан,^{289} стал хвастаться перед воинами, что подаст помощь напуганному консулу, не захотел совместно обсуждать с ним план боевых действий и не пожелал выслушивать представителей, которых прислал сенат, чтобы [Цепион и Маллий] пребывали в согласии и совместно действовали во благо республики»*. Цепион стоял ниже Маллия по положению, поскольку тот был действующим консулом, а сам Цепион — лишь проконсулом, но зато он принадлежал к куда более знатному роду.^{290} Однако солдаты заставили Цепиона пойти на встречу с Маллием, понимая, к чему может привести вражда двух военачальников. Встреча состоялась, но командующие лишь еще больше перессорились (Транш Лициниан. XXXIII. 1112F; Дион Кассий. XXVII. 91; Орозий. V. 16. 2).

Тем временем кимбры отправили к римлянам послов для переговоров. Однако они, естественно, сначала явились к Маллию как консулу, что уязвило Цепиона. Когда же представители германцев пришли и к нему, он устроил им дикую сцену и будто бы даже чуть не убил их. В конце концов

проконсул решил самостоятельно напасть на кимбров, опасаясь, что Маллий и без него разгромит их. 6 октября состоялась битва при Араузионе (совр. Оранж), закончившаяся полным разгромом армии Цепиона. Вскоре та же участь постигла и оставшееся в одиночестве войско Маллия. Погибли двое сыновей консула. Победителям удалось захватить оба римских лагеря, что случалось крайне редко. Уверяли, будто погибло 80 тысяч римских воинов и 40 тысяч обозников и маркитантов, а спаслось только десять человек — цифры явно фантастические,^{291} но показывающие, какое впечатление произвела на римлян катастрофа (Ливии. Периоха 67; Беллей Патеркул. П. 12. 2; Флор. III. 3. 4; Граний Лициниан. XXXIII. 12F; Орозий. V. 16. 2–4 и др.).

Хотя обычно римские военачальники не несли за свои неудачи никакой ответственности, на сей раз случилось поинному, поскольку поражение вызвало политический кризис.^{292} Цепион, по справедливости сочтенный главным виновником поражения, по возвращении в Рим был лишен проконсульских полномочий и вообще права заседать в сенате — страшный позор для консуляра, да еще представителя столь знатного рода (Асконий.). Вскоре ему придется испытать еще большие неприятности, но об этом позже.

Саллюстий пишет, что сообщение о страшном разгроме под Араузионом пришло в Рим незадолго до вестей о пленении Югурты (Югуртинская война. 114. 1–3). Узнав о поражении, римляне стали звать «Мария встать во главе войска. Он был вторично избран консулом, хотя закон запрещал избирать кандидата, если его нет в Риме и если еще не прошел положенный срок со времени предыдущего консульства.^{293} Народ прогнал всех, кто выступал против Мария, считая, что не впервые законом жертвуют ради общественной пользы». Вспоминали, как на 146 год избрали консулом Сципиона Эмилиана, хотя он еще не был даже эдилом. А ведь тогда речь шла только о разрушении Карфагена, тогда как теперь — о судьбе государства (Плутарх. Марий. 12. 1–2). Можно вспомнить и о другом прецеденте, когда консулом на 205 год избрали деда Эмилиана, будущего победителя Ганнибала Сципиона Африканского, которому не исполнилось к тому времени и тридцати.^{294} Но в случае с Марием имело место двойное отступление от закона — и это при том, что по происхождению он был для нобилей никем.

Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство — впервые в римской истории два года подряд оба консула были «новыми людьми» — в 105 году Публий Рутилий Руф и Гней Маллий Максим, в 104-м — Гай

Марий и Гай Флавий Фимбрия. Конечно, многим нобилям это не нравилось, однако после араузионского разгрома не могло идти и речи о том, чтобы избрать консулом кого-либо другого вместо победителя Югурты. Думать аристократы могли что угодно, но открытых возражений, по-видимому, не высказывали.^{295} К тому же некоторые влиятельные аристократические фамилии, прежде всего родственники по линии жены Юлии Цезари, и вовсе поддержали Мария. И все же главную роль сыграла поддержка простонародья и всадников, которые были рады «утереть нос» высокомерным нобилям и увидеть на вершине власти «своего» человека, способного к тому же избавить Рим от грозной опасности. Как писал Саллюстий, «все надежды и вся сила государства собрались в ту пору в нем одном» (Югуртинская война. 114.4).

Однако недоброжелатели Мария не унимались, тем более что он сам, если верить источникам, дал повод к нареканиям: после триумфа полководец «созвал на Капитолии сенат и, то ли по забывчивости, то ли грубо злоупотребляя своей удачей, явился туда в облачении триумфатора, однако заметив недовольство сенаторов, вышел и, сменив платье, вернулся в тоге с пурпурной каймой» (Плутарх. Марий. 12.7; Ливии. Периоха 67). Облачение это — пурпурный плащ с золотыми звездами, тога с пальмовидными узорами, скипетр — уподобляло его обладателя Юпитеру.^{296} Нетрудно вообразить себе брезгливую гримасу на физиономиях высокородных консуляров, когда они увидели это: «Как объяснить такое поведение? Вполне извинительная рассеянность, безумная гордыня или отсутствие такта?»^{297}

Дело, по-видимому, в следующем. Триумф состоялся 1 января, то есть в первый день года, когда консулы вступали в должность, и Марию, равно как и его коллегу Флавию Фимбрию, предстояло совершить жертвоприношение по этому поводу и устроить торжественное заседание сената на Капитолии.^{298} Однако там же, на главном холме Рима, происходили завершающие триумф церемонии.^{299} И то и другое по времени совпало. Нетрудно представить, как все это вскружило голову Марию. Неудивительно, что он решил показать высокомерным нобилям, кто теперь «на коне».

Но таким ли уж страшным нарушением выглядел его поступок? Вообще ношение триумфальных одеяний вне победных торжеств не было новостью. Победителю Македонии Луцию Эмилию Павлу, например, даровали право появляться в них на играх в цирке (О знаменитых мужах. 56.4). Такой же почести удостоился впоследствии и Гней Помпей (Беллей

Патеркул. П. 40. 4).^{300} Правда, в обоих случаях были приняты соответствующие постановления, а в случае с Помпеем — даже закон. Марий же действовал самовольно. «Неслыханная наглость», — высокомерно бросает Жером Каркопино,^{301} которому куда милее враг Мария — Сулла. Неслыханная ли? Отнюдь: еще в 396 году нечто подобное позволил себе Марк Фурий Камилл, успешно завершивший десятилетнюю осаду этрусского города Вейи. Во время триумфа он позволил себе проехать на колеснице, запряженной четверкой белых коней, которые являлись атрибутом Юпитера. Это, разумеется, вызвало скандал (Ливии. V. 23. 5–7; Плутарх. Камилл. 7. 1–2).^{302} Сципион Африканский в 187 году, в годовщину мира с Карфагеном 201 года, надел венок триумфатора и предложил согражданам отправиться с ним на Капитолий возблагодарить Юпитера (Валерий Максим. III. 7. 1e).^{303}

Любопытно отметить, что Цицерон, не раз говоривший как о достоинствах, так и о недостатках своего земляка Мария,^{304} о подобном эпизоде не сообщает и, напротив, подчеркивает его познания в истории и праве (За Бальба. 46–47).^{305} Можно не сомневаться, что великий оратор знал об истории с появлением Мария в сенате в триумфаторском одеянии, но не воспринимал ее как нечто неслыханное. Конечно, поступок этот был достаточно экстравагантным (но ведь не постеснялся же победитель Югурты выставить свою кандидатуру в ходе консульских выборов на 104 год, хотя это предполагало двойное отступление от закона). Однако, несмотря на ропот кое-кого из сенаторов, сей случай не повредил репутации арпината — друзья сочли это «милой шуткой», а его врагов в то время не особенно слушали. А после побед Мария над кимврами и тевтонами попрекать его такими мелочами и вовсе было неуместно. Вспомнили об этом эпизоде, видимо, благодаря мемуарам недругов полководца — Суллы или Рутилия Руфа.

Но праздновал победу не только Марий. Сулле, как и его командующему, было чем похвастаться: шутка ли, он взял в плен самого Югурту! Такими подвигами никто из его предков похвалиться не мог, разве что вороватый герой войн с самнитами Корнелий Руфин. Однако реакция на хвастливые речи Суллы была разной. Один из его недоброжелателей язвительно бросил ему: «Ну где тебе быть порядочным человеком, если, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?» «Хотя и тогда нравы не сохраняли прежней строгости и чистоты, но под тлетворным воздействием соперничества в роскоши и расточительстве стали портиться, тем не менее равный позор навлекал на себя и тот, кто промотал свое

богатство, и тот, кто не остался верен отцовской бедности», — философски замечает по этому поводу Плутарх (Сулла. 1.4–5).

Но дело было не в состоянии нравов. В Сулле справедливо видели человека Мария, под чьим начальством он служил. Понося его, метили в командующего. И ему, очевидно, намекали не столько на его увеличившееся состояние (он разбогател еще прежде, благодаря завещаниям Никополы и своей мачехи), сколько на методы обогащения — ведь он был квестором, то есть отвечал за финансы. Однако справедливости ради заметим, что Сулла мог пополнить кошелек не столько за счет хищений — вряд ли суровый Марий стал бы терпеть такое, — сколько благодаря дружбе с Бокхом.^{306}

Однако другим хвастовство бывшего квестора оказалось на руку — не из симпатий к нему самому, конечно, а из желания уязвить его «выскочку» командующего. Завистники полководца упорно твердили, что мощь Югурты сломил уже Метелл — подлинный его победитель, справедливо получивший прозвище Нумидийского. Да и завершил войну не Марий, а Сулла, ибо именно он взял в плен неуловимого царя. Сам Сулла, как уверяет Плутарх, заказал себе перстень, на печатке которого была изображена выдача ему Югурты Бокхом (Марий. 10. 8–9; Сулла. 3. 7–9; см. также: Валерий Максим. VIII. 14. 4; Плиний Старший. XXXVII. 9).^{307} Марий будто бы был этим втайне уязвлен, но не стал придавать случившемуся значения, ибо тогда Сулла еще немного стоил в политике, а потому предпочел воспользоваться его услугами в предстоящей войне с германцами (Плутарх. Сулла. 3.7; 4.1; Марий. 10.9). «Недавние события со всей ясностью продемонстрировали досадную нехватку в Риме талантливых военных, и Марий не собирался терять отличного офицера в тот момент, когда предстояла схватка с варварскими ордами», — замечает по этому поводу Артур Кивни.^{308}

Эта трактовка, по всей видимости, восходит к воспоминаниям Суллы и вызывает немалые сомнения. То, что Марий не беспокоился из-за хвастовства своего бывшего квестора, вполне объяснимо: ведь хвалясь собственной удачей, тот одновременно возвеличивал и своего патрона Мария. Да и отсылая его к Бокху, главнокомандующий не мог не понимать, что Сулле достанется немалая доля славы. Но вряд ли это смущало его — все делать самому невозможно. Рассуждения о том, что Сулла тогда ничего не значил в политике, могут восходить опятьтаки к мемуарам диктатора — мол, недооценил его неотесанный Марий, не разглядел в нем любимца богов, проницательности не хватило.

И еще: если некоторые нобили трактовали хвастовство Суллы не в пользу Мария, то другие, как мы видели, щелкали по носу самого хвастуна, упрекая его в нечестном обогащении. А безусловные сторонники Мария, надо думать, не видели ничего дурного в похвальбе Суллы. Квестор и впрямь показал себя с лучшей стороны — умеет Марий выбирать дельных помощников! Да и главная его заслуга в том, что он смог претворить в жизнь мудрые планы своего командира. Не исключено, что победитель Югурты отчески пожурил своего бывшего квестора за несдержанность и порекомендовал вести себя скромнее, если тот не хочет навлечь на себя новых насмешек со стороны недругов. Такие советы Сулла впоследствии, возможно, и представил как недовольство Мария. А пока он явно продолжал пользоваться доверием полководца. [{309}](#)

Поэтому все рассуждения Плутарха, а вслед за ним и современных историков об охлаждении между Марием и Суллой уже в то время выглядят не слишком убедительно. Перед их глазами стоят события, которые произойдут спустя шестнадцать лет — лютая вражда двух полководцев, начало гражданской войны, погоня сыщиков Суллы за Марием, убийства одним сторонников другого... Психологически вполне объяснимо, что истоки их вражды искали во временах более ранних. Тот же Плутарх (и не он один) вполне искренне считал, что Сулла и Цезарь, коль скоро они достигли высшей власти, вполне осознанно стремились к ней задолго до того, как появились шансы на ее обретение (Сулла. 7.1; Цезарь. 11. 3–6). Между тем очевидно, что пока не возникли реальные перспективы добиться господства в государстве, не возникало и подобных планов.

Итак, впереди была война с кимврами, тевтонами и союзными им галльскими племенами гельветов, амбронов, вольковтектосагов и др. К ней прибавилась в том же году и еще одна — на Сицилии вспыхнуло новое грандиозное восстание рабов, усмирённых было за тридцать лет до того после тяжелой борьбы. По сути, Марий стал в этих условиях «некоронованным царем мировой империи». [{310}](#)

Варвары не спешили нападать на Италию. После битвы при Араузионе они разделились: кимвры отправились грабить земли Южной Галлии (Лангедок) и Северо-Восточной Испании (Арагон), тевтоны — остальную Галлию. [{311}](#) Это дало Марию возможность серьезно заняться подготовкой армии. Фронтин пишет (IV. 2. 2), что Марий предпочел возглавить не закаленную в боях с Югуртой африканскую армию, а остатки разбитых под Араузионом войск, которыми тогда командовал другой консул 105 года Публий Рутилий Руф (см. также: Валерий Максим. II. 3. 2; Вегеций. III. 10).

Фронтин объясняет это тем, что солдаты Рутилия отличались лучшей дисциплиной. Легионеры самого Мария, выходит, им не чета? Удивляться столь нелестным намекам не приходится: Рутилий Руф, бывший легат Метелла, не любил Мария и в своих сочинениях не скупился на колкости по его адресу (см.: Плутарх. Марий. 28.8). Вероятно, то, о чем пишет Фронтин, — одна из них.

Значит ли сказанное, что арпинат отказался от услуг ветеранов Югуртинской войны? Разумеется, нет — африканская армия не была распущена.^{312} Просто он не счел необходимым сразу после войны в Африке направлять ее на новую, еще более тяжелую.^{313} По-видимому, часть ее воинов влилась в галльскую армию Мария^{314} и составила ее ядро,^{315} чтобы делать из тех, кого разбили под Араузионом, настоящих солдат. Любопытно, что командовавший ими до Мария Рутилий Руф не погнушался призвать «тренеров» из гладиаторской школы Марка Аврелия Скавра — того самого, что погиб незадолго до битвы под Араузионом (Валерий Максим. II. 3. 2).

Полководец взялся за дело по-настоящему. «В походе Марий заставлял солдат много бегать, совершать длинные переходы, готовить пищу и нести на себе всю поклажу, и с тех пор людей трудолюбивых, безропотно и с готовностью исполнявших все приказания стали называть «мариевыми мулами»...^{316} Суровость, с какой командовал Марий, и неумолимость, с какой налагал наказания, представлялись теперь воинам, которых он отучил от нарушений дисциплины и неповиновения, справедливыми и полезными, а спустя недолгое время, привыкнув к его неукротимому нраву, грубому голосу и мрачному виду, они даже стали говорить, что все это страшно не им, а врагам» (Плутарх. Марий. 13–14).

Здесь, по-видимому, Марию весьма пригодился опыт службы под началом Сципиона Эмилиана: когда тот прибыл под Нуманцию, он также занялся наведением порядка в разложившейся армии.^{317} Сципион также «избавил» воинов от лишней поклажи и обоза, принуждал к тяжелым земляным работам, устраивал длинные переходы, считая, что тем, кто боится испачкаться в крови врага, не мешает запачкаться в грязи (Флор. II. 18. 10).

Но не только это позаимствовал Марий у сурового победителя Карфагена и Нуманции: Сципион умел требовать с воинов, но и сам показывал им пример (Аппиан. Иберийские войны. 85. 368). Так же поступал и Марий: он «не избегал больших трудов и не пренебрегал малыми; он превосходил равных себе благоразумием и

предусмотрительностью во всем, что могло оказаться полезным, а воздержанностью и выносливостью не уступал простым воинам, чем и снискал себе их расположение. Вероятно, лучшее облегчение тягот для человека видеть, что другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное — видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности, и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними» (Плутарх. Марий. 7.3–5).

Тренируя воинов, Марий проводил в жизнь принципы своей военной реформы, предусматривавшей унификацию обучения. По-видимому, он руководствовался тем вполне здравым соображением, что такая система больше соответствовала требованиям времени, а потому через нее желательнее пропустить максимальное число воинов. Единообразие коснулось не только тренировки и снаряжения, но и боевых значков — если прежде перед легионами носили изображения волков, кабанов, минотавров и коней, то теперь Марий заменил их своей личной эмблемой — орлом, который отныне на века станет символом римских легионов (Плиний Старший. X. 16).

Помимо личного примера Марий привлекал сердца солдат тем, что справедливо вершил суд. На сей счет античные авторы рассказывают одну любопытную историю, которая вызвала особое восхищение риториков и моралистов.^{318} Племянник полководца,^{319} военный трибун Гай Лузий, «человек вообще неплохой, но одержимый страстью к красивым юнцам», влюбился в одного из своих молодых солдат — не то Требония, не то Гая Плотия, не то Аррунтия.^{320} Лузий не раз пытался совратить его, но каждый раз неудачно. Тогда он, отослав слугу, вызвал солдата ночью. Тот явился, но когда трибун попытался овладеть им насильно, молодой человек выхватил меч и заколол его, предпочтя «совершить опасное, чем стерпеть постыдное» (Цицерон. За Милона. 9).

Дело принимало крайне неприятный оборот — воин убил своего начальника, да еще и родственника командующего. К тому же в палатке не было свидетелей. Когда уезжавший по делам Марий возвратился в лагерь, он предал солдата суду за убийство командира. Никто не вступился за обвиняемого. Тогда он сам произнес речь в свою защиту, подкрепив ее показаниями тех, кто видел, как Лузий пытался соблазнить его прежде и

даже предлагал немалые деньги. «Удивленный и восхищенный Марий приказал подать венок, которым по обычаю предков награждают за подвиги, и, взяв его, сам увенчал Требония за прекрасный поступок, совершенный в то время, когда особенно были нужны благие примеры» (Плутарх. Марий. 14. 5–8; Изречения царей и полководцев. 83.3; Валерий Максим. VI. 1. 12; Квинтилиан. Воспитание оратора. III. 11. 14; Цицерон. За Милона. 9 и др.).

Нетрудно себе представить, какое впечатление произвел этот жест на присутствовавших, а затем и на прочих римлян, когда они о нем узнали. То, что полководец оправдал убийцу своего племянника и военного трибуна, понять можно — обвиняемый представил свидетелей домогательств Лузия, а к гомосексуализму римляне, в отличие от греков, относились неприязненно (во всяком случае, в то время). Родственные связи сами по себе тоже спасали далеко не всегда. Как выразился еще тремя веками раньше афинский полководец и политик Фокион, отказавшись поддержать своего зятя в суде: «Я брал тебя в зятя в расчете на честь, а не на бесчестье» (Плутарх. Фокион. 22.4). Но Марий еще и наградил за убийство собственного племянника как за подвиг! Такой поступок мог поссорить его с родней, однако он был человеком достаточно волевым и властным, чтобы испугаться подобных «мелочей» — на кону стояло слишком многое.

И победитель Югурты не ошибся: соотечественники оценили его справедливость. «Этот случай, — как рассказывает Плутарх, — стал известен в Риме, что немало способствовало третьему избранию Мария в консулы. К тому же, ожидая летом варваров, римляне не желали вступать с ними в бой под началом какой-нибудь другого полководца» (Марий. 14.9). Коллегой его в этом году стал Луций Аврелий Орест.^{[\[321\]](#)}

А что же Сулла? Его ожидал новый театр войны: вместо бескрайних степей и пустынь под палящим солнцем Нумидии — роскошные поля и рощи Южной Галлии, но также и предгорья Альп с их суровой и прекрасной природой, обвалами и лавинами, которые подчас могут быть вызваны громким криком или щелканьем бича.

Сулла продолжал пользоваться доверием Мария, который поручил ему весьма серьезную задачу — подавить сопротивление вольковтектосагов, которое не прекратилось после взятия их столицы Толозы Цепионом.^{[\[322\]](#)} Легат выполнил порученное ему дело и даже взял в плен вражеского вождя Копилла (Плутарх. Сулла. 4.2). Ему явно везло на пленение неприятельских предводителей — сначала Югурта, теперь Копилл.^{[\[323\]](#)} Фигура, конечно, не

столь масштабная, но все же волькитектосаги занимали огромную территорию между Северными и Пиренеями.^{324} Не совсем справедливо утверждать, что захват Копилла не повлиял на исход войны^{325} — конечно, с кимврами и тевтонами борьба предстояла и дальше, но война с самими вольками прекратилась. О их сопротивлении мы более не слышим.

В следующем году Сулла стал военным трибуном (Плутарх. Сулла. 4.1). Для избрания на эту должность ему, надо думать, пришлось ехать в Рим. По возвращении в армию он вновь получил ответственное задание — удержать от войны против римлян племя марсов, покинувшее родные края, чтобы присоединиться к движению других германских народов.^{326} По-видимому, это было одно из тевтонских племен, о котором сообщают Страбон и Тацит.^{327} И на сей раз Сулла блестяще справился с заданием, проявив теперь уже не военные, а дипломатические способности — он сумел не только удержать марсов от вражды, но и склонить их к дружбе и союзу с римлянами (Плутарх. Сулла. 4.2).

Тем временем Марий перешел Альпы и разбил лагерь близ реки Родан (Рона). Туда свезли «много продовольствия, чтобы недостаток самого необходимого не вынудил Мария вступить в битву до того, как он сам сочтет нужным. Прежде подвоз всех припасов, в которых нуждалось войско, был долгим и трудным, но Марию удалось облегчить и ускорить дело, проложив путь по морю. Устье Родана, где волнение и прилив оставляют много ила и морского песка, почти на всю глубину занесено ими, и поэтому грузовым судам трудно и опасно входить в реку. Послав туда праздно стоявшее войско, Марий прорыл огромный ров и, пустив в него воду из реки, провел достаточно глубокий и доступный для самых больших судов канал к более удобному участку побережья, где прибой не затруднял сток речной воды в море. И поныне еще канал носит имя Мария» (Плутарх. Марий. 15.1–4; см. также: Плиний Старший. III. 34; Помпоний Мела. II. 78). Впоследствии римляне передали канал союзной Массалии в благодарность за участие в войне с германцами. Это принесло массалиотам огромные доходы за счет взимания пошлин с плававших по Родану судов (Страбон. IV. 1. 8). Марию же строительство канала позволило не только облегчить подвоз продовольствия, но и занять солдат работой, без которой в отсутствие боевых действий армии угрожало падение дисциплины.^{328} Несомненно, возведение канала стало одной из предпосылок будущей победы над тевтонами.^{329}

Однако варвары все не появлялись, а именно угроза с их стороны была опорой положения Мария. Чтобы укрепить свои позиции, он пошел на

союз с одним из самых ярких политиков того времени — плебейским трибуном Луцием Апулеем Сатурнином. Это была чрезвычайно колоритная личность. Цицерон отзывался о нем как о самом красноречивом из «смутьянов» после Гракха (Брут. 224; За Сестия. 101). Сатурнин начал политическую карьеру в 104 году, когда его избрали квестором, и тотчас его постигла серьезная неудача: он исполнял обязанности в порту Рима, Остии, отвечая за снабжение города хлебом, но когда цены начали расти, сенат передал заботу о подвозе зерна Марку Скавр. Недоброжелатели уверяли, будто Сатурнин проявил неспособность и нерадение (Диодор. XXXVI. 12). Однако более вероятно другое. Успешная борьба с дороговизной продуктов могла принести огромную популярность, и Скавр предпочел, чтобы лавры достались ему, а не безродному квестору. Это было тем проще, что он являлся принцепсом сената.^{330} По уверению Цицерона, именно после такого афронта Сатурнин и стал «популяр», то есть демагогом и противником «добропорядочных» граждан (Об ответе гаруспиков. 43).

Если этот случай и не стал главной причиной, определившей выбор Сатурнина, то он, во всяком случае, сильно ускорил его «созревание» как оппозиционного политика. Плебейскими трибунами обычно становились примерно через пять лет после квестуры,^{331} Сатурнин же добился своего избрания в плебейские трибуны уже на следующий год.^{332}

Сама судьба свела его с Марием. Первый хотел отомстить знати и сделать карьеру, второй — удержать завоеванные позиции; ни тот ни другой не были своими людьми в кругу нобилей. «С помощью трибуна Марий сохранял возможность оказывать прямое давление на сенатскую олигархию. Сатурнин же, опираясь на имя и власть Мария, мог организовывать успешные политические акции».^{333} Таким образом, в политике он был мечом, победитель Югурты — щитом.

Итак, трибун приступил к делу. Он провел закон об оскорблении величия римского народа (*lex Appuleia maiestatis*),^{334} по которому привлекли к суду «героев» араузионского разгрома Квинта Сервилия Цепиона и Гнея Маллия Максима. Особый накал страстей вызвало дело Цепиона, которого обвинял другой плебейский трибун, Гай Норбан. Квинт Сервилий, очевидно, вызывал у судей-всадников особую ненависть, и не только потому, что являлся главным виновником араузионской катастрофы. В свое консульство в 106 году он провел закон о передаче половины мест в комиссиях присяжных сенаторам и тем потеснил всадников, из которых по судебному закону Гая Гракха эти комиссии комплектовались полностью. *Patres* были в восторге и называли его «патроном сената».^{335} Теперь

помимо прочего приходилось расплачиваться и за это (Цицерон. Об ораторе. П. 199).

Впрочем, борцы за авторитет сената не бросили Цепиона в беде. За него вступились враждебные «демагогам» плебейские трибуны Тит Дидий и Луций Аврелий Котта, пытавшиеся наложить вето на решение суда. Не остался в стороне и принцепс сената Марк Эмилий Сквавр. Но Дидия и Котту прогнали силой, а Сквавра — к радости Сатурнина — даже ранили в голову камнем (Цицерон. Об ораторе. П. 199).

Цепиону помимо араузионского разгрома припомнили и исчезновение толозанского золота, которое он не уберег от разбойников — если вообще не был с ними заодно, как уверяли в пылу спора обвинители.^[336] Очевидно, ему предъявили обвинение в казнокрадстве (*de peculatu*).^[337] В итоге произошло невероятное: Цепиону пришлось не только отбыть в изгнание, но и лишиться имущества, которое распродали с торгов — впервые после изгнания последнего царя Тарквиния, как пишет Ливии (Периоха 67). Валерий Максим уверяет, что Цепиона даже заключили в тюрьму, откуда ему помог спастись плебейский трибун Луций Регин (IV. 7. 3). В другом месте он представляет дело так, будто виновник араузионского разгрома и вовсе окончил дни в заключении (VI. 9. 13). Последнее совершенно невероятно, ибо точно известно, что Цепион умер в изгнании в малоазийском городе Смирне (совр. Измир).^[338] Пришлось удалиться из Рима и Маллию (Транш Лициниан. 13F).^[339] Сатурнин и Норбан могли торжествовать победу; какникак, не каждый день удастся добиться осуждения двух консуляров, а уж распродажа имущества — случай и вовсе неслыханный.^[340] Успех был тем более полным, что Цепион принадлежал к одной из знатнейших фамилий Рима, тесно связанной с врагами Мария — Метеллами.^[341]

Не обошел своим «благосклонным» вниманием Сатурнин и самого Метелла Нумидийского. Тот был избран цензором вместе со своим двоюродным братом Метеллом Капрарием (случай исключительный!). Какой предлог для атаки на него избрал плебейский трибун — неизвестно, хотя подлинные причины ясны: Метелл Нумидийский был врагом Мария, главного союзника Сатурнина. Кроме того, в силу своих взглядов и социального положения он не мог одобрять действий трибуна, подрывавших авторитет нобилитета и сената. Сатурнин осадил Метелла в его доме, а когда тот бросился в поисках убежища на Капитолий, устремился в погоню. Спасли консуляра и триумфатора всадники, которые вмешались в ситуацию и выбили (очевидно, с помощью вооруженных слуг

и рабов) людей Сатурнина с Капитолия (Орозий. V. 17. 3). В следующем году, когда Сатурнин уже перестал быть трибуном, Метелл попытался властью цензора вывести его из сената вместе с еще одним «смутьяном» — Сервилием Главцией. Но второй цензор, Метелл Капрарий, не решился поддержать двоюродного брата — видимо, боясь народных волнений (Цицерон. За Сестия. 101; Аппиан. ГВ. I. 28. 127–128; Орозий. V. 17. 1). Зато оба пришли к согласию, когда решили не вносить в списки граждан некоего Луция Эквиция, при поддержке Сатурнина выдававшего себя за сына Тиберия Гракха. Вопрос обсуждался в комициях, и приглашенная туда сестра Гракха и вдова Сципиона Эмилиана Семпрония не признала Эквиция членом своей фамилии, несмотря на недовольствие народа (Валерий Максим. III. 8. 6; IX. 7. 1; О знаменитых мужах. 62.1).^{342}

Но истинно царский подарок сделал Сатурнин Марию, когда предложил закон, по которому ветераны Югуртинской войны могли получить по сто югеров земли в Африке. Это было своего рода продолжением дела Гая Гракха, основавшего колонию в Карфагене. Конечно, подобное сравнение могло вызвать упреки со стороны оптиматов, но у такого проекта Сатурнина была и положительная сторона — в стороне оставался болезненный вопрос о разделе *ager publicus* в самой Италии, который мог вызвать особое раздражение правящего класса.^{343}

В целом римская верхушка предпочла не оказывать противодействия реформе.^{344} Но все же кое-кто из недовольных решил проявить активность. Один из них, трибун Бебий, попытался помешать принятию *lex agraria* — совсем как в свое время Октавий, воспротивившийся предложению Тиберия.^{345} В 133 году противостояние двух трибунов приобрело драматический характер и кончилось отстранением от должности одного из них. А сейчас все разрешилось куда проще: Бебия прогнали камнями. Комиции утвердили предложение Сатурнина (Светоний. О знаменитых мужах. 73.1).

Аграрный закон пришелся как нельзя кстати. Предстояли тяжелые бои с германцами, и в их преддверии Марию очень важно было показать воинам: если они победят, о них позаботятся, им есть за что сражаться. К слову сказать, поселения марианских ветеранов, основанные в Африке по этому закону, существовали еще при Империи.^{346}

Между тем внезапно умер коллега Мария по консулату Аврелий Орест (Плутарх. Марий. 14.11). Обычно в таких случаях выбирали так называемого консуласуффекта, но на сей раз ничего подобного не произошло — прекрасное доказательство непререкаемого авторитета

победителя Югурты. Однако год подходил к концу, а вместе с ним и консульские полномочия Мария. Полководец, «оставив во главе войск Мания Аквиллия, явился в Рим. Поскольку консульства домогались многие знатные римляне, Луций Сатурнин... выступил с речью и убеждал [народ] избрать консулом Мария. Когда же тот стал притворно отказываться, говоря, что ему не нужна власть, Сатурнин назвал его предателем отечества, бросающим свои обязанности полководца в такое опасное время. Все явно видели, что он лишь неумело подыгрывает Марию, но понимая, что в такой момент нужны решительность и удачливость Мария, в четвертый раз избрали его консулом» (Плутарх. Марий. 14. 11–14; Ливии. Периоха 67).

«Без сомнения, ситуация была деликатной для Мария, который сам председательствовал в комициях и потому лишь с натяжкой мог выдвинуть свою кандидатуру, особенно если учесть, что он добивался третьего консульства подряд, а это было совершенно ненормально и незаконно». Но следует ли отсюда, что описанная Плутархом сцена имела место в действительности?^{347} Вполне вероятно, что рассказ греческого автора восходит к мемуарам Суллы или еще кого-то из его врагов, кто вполне мог приписать Марию притворство, тем более неуместное в столь опасной для государства ситуации.^{348} Однако вряд ли эпизод является выдумкой от начала до конца. Иногда достаточно лишь немного сместить акценты, и картина приобретает совершенно иной вид. То же, по всей видимости, произошло и здесь.

Прежде всего удивляет глупость Мария и Сатурнина: зачем они устроили этот безвкусный спектакль, если все и так готовы были проголосовать за Мария? Очевидно, ситуация выглядела не столь безоблачно: соскучившиеся по высшей должности нобили, что называется, «дышали в спину» удачливому арпинату, засидевшемуся в консулах. К тому же, если требовалось сохранить за Марием командование в условиях военной угрозы, достаточно было продлить ему полномочия, то есть сделать его проконсулом, как это произошло во время Югуртинской войны.^{349} Но речь шла о спасении государства, а не о заморской войне. В таких условиях Марий должен не просто командовать армией, но возглавлять государство, а для этого нужно сохранить за ним консулат — так или примерно так могли рассуждать его сторонники.

Отказывался ли арпинат от участия в выборах? Если исходить из сведений Плутарха — да, но его версия восходит к недругам полководца, и потому полностью доверять ей нельзя. Позволим себе немного

пофантазировать. Слыша упреки тех, кто жаждал консулата, в том, что он и так уже слишком долго занимает высшую должность, Марий мог ответить: я готов отказаться от участия в выборах, если того пожелает народ. Сатурнин заметил на это: в условиях, когда враг у ворот, отказ выглядел бы изменой. В позднейшей передаче все эти «мог» и «бы» исчезли, и Марий с Сатурнином предстали в рассказах недругов законченными дураками, которые не смогли никого обмануть. Конечно, в любом случае оба лукавили, но одно дело — соблюдать политес, и совсем другое — выглядеть дешевыми комедиантами. А что до замечания Плутарха, будто «все явно видели» притворство Мария и Сатурнина, то под «всеми» автор обычно подразумевает себя и своих друзей. В данном случае в роли автора выступает тот современник событий, у которого Плутарх (или его источник) позаимствовал этот сюжет.

Коллегой Мария на сей раз стал Квинт Лутаций Катул, о котором Плутарх пишет как о человеке, «почитаемом знатью и в то же время угодном народу» (Марий. 14.14; см. также: Диодор. XXXVIII / XXXIX. 4. 2). Он был потомком консула 242 года Гая Лутация Катула, победителя карфагенян в морском сражении при Эгатских островах, завершившем 23летнюю Первую Пуническую войну. Зачастую избрание Квинта Катула считают победой знати, которая, не в силах помешать успеху Мария, хотя бы провела своего человека в консулы,^{350} а арпинату пришлось согласиться с таким выбором.^{351}

Однако такой взгляд на события — явное заблуждение. Ведь и в 103 году коллегой Мария был аристократ Луций Аврелий Орест, потомок двух консулов.^{352} Кроме того, Катул принадлежал хотя и к знатной, но пришедшей в упадок фамилии:^{353} после 221 года^{354} ее представители не упоминаются среди римских магистратов.^{355} Правда, они продолжали пользоваться определенным весом в глазах нобилей, коль скоро женой Квинта Катула стала дочь одного из знатнейших римлян, консула 140 года Квинта Сервилия Цепиона.^{356} Но все же на выборах в консулы на 106, 105 и 104 годы Катул потерпел поражение — три неудачи подряд означали погружение в политическое небытие. На 103 год он даже и не выставлял свою кандидатуру.

И вдруг — о чудо! — в 102 году он становится консулом! С чего вдруг нобили, прежде равнодушно наблюдавшие за его неудачами, оказали ему поддержку? Решающую роль сыграла, надо думать, позиция Мария. По-видимому, он не просто «согласился» взять Катула в коллеги, а сам активно выступил за его избрание.^{357} Почему так поступил победитель Югурты,

понятно: мать Катула позднее стала супругой одного из Цезарей,^{358} а с ними, как известно, Марий был в родстве. К слову сказать, Юлии Цезари на тот момент так же, как Корнелии Суллы и Лутации Катулы, утратили прежнее влияние и стремились вернуть его.^{359} Избавляя Катула от политической смерти, арпинат наверняка рассчитывал приобрести в его лице благодарного союзника. Это усилило бы позиции Мария в двойне, поскольку пошло бы и на пользу его союзникам Цезарям. Увы, он жестоко ошибся, но поймет это позднее.

С появлением на сцене Квинта Лутация Катула изменилась судьба Суллы. Плутарх пишет, будто полководец почувствовал, что своими успехами «восстановил против себя Мария, который уже не хотел поручать ему никаких дел и противился его возвышению». Поэтому-де Сулла и сблизился с Катулом, «прекрасным человеком, хотя и не столь способным полководцем» (Сулл. 4.3–4). Катул «в военном отношении был ничтожеством и потому, как, по-видимому, полагал Сулла, не сможет впоследствии украсть славу его побед, но, как окажется потом, в этом отношении он жестоко ошибался. Марий охотно отпустил Суллу. Он не забыл, как тот хвастался несколькими годами раньше [пленением Югурты], а новая выходка Суллы^{360} должна была еще больше вывести его из себя».^{361}

Казалось бы, все ясно — столкнулись два честолюбия, повторялась история вражды между Марием и Метеллом.^{362} Но не забудем: Плутарх опирался прежде всего на воспоминания диктатора, который не упускал случая сказать о Марии что-либо нелестное и продемонстрировать, что тот завидовал и вредил ему с самого начала. Поэтому определенно можно утверждать лишь одно: Сулла поступил под начало Катула, под чьим командованием и служил до конца войны.^{363} А вот почему — уже другой вопрос. Позволим себе предположить следующее. Марий прекрасно знал, что его коллега по консулату не блещет военными дарованиями. Однако он отнюдь не желал, чтобы германцы разгромили Катула, и решил помочь ему, отправив в его штаб одного из лучших своих офицеров — Суллу.^{364} Причем дело было не только в дарованиях последнего. Сулла был человеком того же круга, что и Катул, и тот гораздо легче нашел бы общий язык с ним, чем с менее родовитыми помощниками Мария. Так что речь шла не о конфликте с полководцем, а о новом ответственном поручении. И решение главнокомандующего направить к Катулу именно Суллу для обеспечения взаимодействия, как мы увидим ниже, вполне себя оправдало.

По-видимому, именно тогда, а не сразу после Югуртинской войны и началось постепенное охлаждение между Марием и Суллой. Последний явно чувствовал себя более уютно в штабе рафинированного аристократа Катула, нежели доблестного, но не слишком утонченного Мария. Квинт Лутаций Катул был человеком высокой культуры, видным оратором и писателем. Цицерон вывел его в качестве одного из участников знаменитого диалога «Об ораторе». Он писал о коллеге Мария: «Квинт Катул отличался широкой начитанностью, необычайной мягкостью, как в характере, так и в слоге, безупречной чисто-той латинского языка; это можно видеть и по речам, и особенно по его книге о своем консульстве и других деяниях». Правда, «чистота его речи славилась только потому, что у него были приятный голос и мягкое произношение» (Цицерон. Брут. 132; 259). Но это уже, что называется, детали. Ясно, что для Суллы, также не чуждого изящной словесности, Катул был куда более приятным собеседником,^[365] чем неотесанный Марий. Не могла ему не импонировать и мягкость его нового начальника, контрастировавшая со строгостью и взыскательностью Мария.

Сближало обоих нобилей и еще кое-что. Если все-таки первой женой Суллы была именно Юлия (см. выше), то он приходился родственником Катулу, также связанному узами родства с Юлиями. Но главное — оба принадлежали к фамилиям, чья слава осталась позади, и оба, надо полагать, мечтали вернуть эту славу собственными деяниями. И им это удастся, хотя и поразному.

Армии Катула предстояло защищать альпийские перевалы от кимвров, которые вернулись из Испании, отброшенные кельтиберами (Ливии. Периоха 67). Узнав о наступлении кимвров по дороге через перевал Бреннер, Катул двинулся вверх по долине Атесиса, чтобы остановить врага, пока тот не вышел на равнины, где ему будет трудно противостоять. Под Тридентом римская конница под командованием Эмилия Скавра, сына принцепса сената, столкнулась с кимврами. Вместо того чтобы уклониться от боя и немедленно предупредить Катула, кавалерия вступила в схватку с врагом.^[366] Некий Луций Опимий убил одного из неприятелей в поединке (Ампелий. 22.4), чем вернул славу своему роду, опозоренному осуждением консула 121 года, убийцы Гая Гракха.^[367] Однако вскоре кимвры обратили римских всадников в бегство. Скавр-старший, недавно защищавший разгромленного Цепиона, вынужден был теперь продемонстрировать принципиальность: он запретил сыну показываться ему на глаза, и несчастный покончил с собой, не выдержав позора (Ливии. Периоха 68;

Фронтин. IV. 1. 13; Валерий Максим. V. 8. 4; О знаменитых мужах. 72.10).
[{368}](#)

Кимвры стремительным броском переправились на другой берег реки, отрезая Катулу пути к отступлению.[{369}](#) Римлянам нужно было отойти на другой берег реки, на котором к тому же стоял неприятель. Катул велел одному из отрядов имитировать сооружение лагеря на соседнем холме. Кимвры наметили место для собственного лагеря и рассеялись по окрестным полям для грабежа, решив, что римляне, оставшись на этом берегу, теперь уже никуда не денутся. Воспользовавшись этой оплошностью, Катул переправился через реку (Фронтин. I. 5. 3).

Между тем в конце 106 года Марий добился одного из самых блестящих своих триумфов. Тевтоны, прошедшие огнем и мечом почти всю Галлию, были отброшены племенами бельгов[{370}](#) и повернули к Средиземному морю. Вместе с ними шло союзное им галльское племя амбронов. Марий преградил варварам путь и нанес им сокрушительное поражение в знаменитой битве при Аквах Секстиевых на юге Галлии.[{371}](#) Ходили самые невероятные слухи о числе убитых варваров — говорили о 140, 150 и даже 200 тысячах павших,[{372}](#) а также о 80 и даже 90 тысячах пленных.[{373}](#) Ближе к истине сведения Плутарха о ста тысячах убитых и пленных (Марий. 21.4), особенно если учитывать захваченных римлянами женщин и детей.[{374}](#) Рассказывали также, что триста германских женщин просили позволить им служить рабынями в храме Цереры и Венеры,[{375}](#) но им отказали, и они покончили с собой, убив перед этим своих детей (Пероним. Письма. 123.8). Вероятно, это были жрицы, сопровождавшие германцев в походах.[{376}](#)

Награда не заставила себя ждать: Марий вновь был избран консулом, причем заочно (Ливии. Периоха 68; Плутарх. Марий. 22.4; Евтропий. V. 1. 4). Кроме того, как пишет Плутарх, сенат охотно предоставил ему триумф, но он отказался — «то ли не желая лишать этой чести своих соратников-воинов, то ли стараясь ободрить народ перед лицом надвигающейся опасности и для этого как бы вверяя судьбе города славу своих прежних подвигов, чтобы после второй победы вернуть ее себе еще более блестящей» (Марий. 24.1; см. также: Ливии. Периоха 68). Марий и его сторонники настолько не сомневались в конечном успехе, что уже тогда отчеканили денарии в честь победы не только над тевтонами, но и над кимврами.[{377}](#)

На фоне блистательного успеха Мария при Аквах Секстиевых

действия его коллеги выглядели особенно неудачно. Катул отступил к Атесису. У брода через реку по обоим берегам они соорудили сильные укрепления, а также навели переправу, «чтобы помочь стоявшему за рекой отряду, если варвары прорвутся через теснины [в Альпах] и нападут на него». Германцы же из бравады будто бы «нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам» — как тут не вспомнить суворовских чудо-богатырей! После этого германцы, «став лагерем неподалеку от римлян и разведав брод, стали сооружать насыпь: подобно гигантам, срывали они окрестные холмы и бросали в воду огромные глыбы земли вместе с вырванными с корнем деревьями и обломками скал, так что река вышла из берегов, а по течению они пускали тяжелые плоты, которые с силой ударялись об устои [возведенного римлянами] моста и расшатывали их. Очень многие римские солдаты в испуге стали покидать большой лагерь и разбегаться» (Плутарх. Марий. 23. 2–4; см. также: Флор. III. 3. 12).

Какая яркая картина: тут и сорванные холмы, и обломки скал, и выдранные с корнем деревья — словом, варвары-разрушители, не знающие меры и готовые сражаться с самими богами. Все это по духу очень напоминает гигантомахию со знаменитого алтаря Атталидов в Пергаме, где в иносказательной форме показана борьба с малоазийскими кельтами — галатами.^{378} Вероятно, все эти фантастические подробности, равно как и само сравнение кимвров с гигантами,^{379} восходят к воспоминаниям Катула.^{380} Чтобы оправдать свои первоначальные неудачи, он был, конечно, не прочь изобразить врагов полусказочными чудовищами, способными напугать римских воинов (но, разумеется, не самого консула!).

Что же произошло в действительности? Солдаты Катула, видя, как враги переправляются через реку, резонно предположили, что противник скоро обойдет их с флангов. Правда, даже при численном перевесе германцы, возможно, не смогли бы овладеть главным римским лагерем. Но римские воины могли испугаться осады на измор. Кроме того, в большинстве своем легионеры Катула явно не имели еще должного опыта и подготовки — не все умели тренировать войска так, как Марий. «Сравни с обученным воином необученного — скажешь, что это баба», — говорил Цицерон (Тускуланские беседы. П. 37). Потому неудивительно столь нервное поведение солдат консула.

Но еще более любопытно происшедшее потом. Воины, как уже говорилось, начали в беспорядке отступать. «И тут Катул показал, что он,

как положено благородному и безупречному полководцу, больше заботится о славе сограждан, чем о своей собственной. Не сумев убедить солдат остаться и увидев, что они в страхе собираются в путь, он приказал снять с места орла, бегом настиг первых из отступавших и пошел впереди, желая, чтобы позор пал на него, а не на отечество, и стараясь придать бегству вид отступления, возглавленного полководцем. Варвары, напав на лагерь за Натисоном, взяли его, но восхищенные римлянами, оборонявшимися с доблестью, достойной их отчизны, отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке.^{381} Бык этот впоследствии, после битвы [при Верцеллах], был захвачен и перенесен в дом Катула как его доля добычи. Затем, рассеявшись по стране, лишенной защиты, кимвры опустошили ее» (Плутарх. Марий. 23. 5–7; Изречения царей и полководцев. 84).

Но не все искали спасения в бегстве. Один из легионов (по-видимому, неполного состава) остался в лагере и попал в окружение. Руководивший им трибун не решался идти на прорыв. И тогда центурион-примипил Гней Петрей из Атины решился на невероятное — он убил своего начальника, взял на себя руководство и вывел легион из окружения.^{382} Хотя за такое самоуправство он мог бы поплатиться жизнью, произошло то же, что и в случае с убийством Гая Лузия — его удостоили неслыханных для человека его ранга почестей.^{383} Он совершил жертвоприношение вместе с Марием и Катулом, одетый в подобающую лишь магистратам тогу претексту, и получил почетнейший венок за снятие осады, *corona obsidionalis* (Плиний Старший. XXII. 11).

Таким образом, Катул едва не утратил контроль над армией и сумел сохранить его, лишь возглавив беспорядочное отступление. Однако в мемуарах, к которым явно восходит этот рассказ, горе-полководец предпочел подчеркнуть другое — в отличие от непутевых воинов он готов был спасти от позора отечество.^{384} А вот о подвиге Петрея и его солдат Катул, вероятно, решил не упоминать — зачем? Слишком невыгодное сравнение. Да и награды храбрый центурион получил не от одного Катула, но и от Мария.^{385}

О Сулле применительно к этим событиям мы не слышим; по-видимому, в воспоминаниях он предпочел о них умолчать.^{386} Одни ученые задаются вопросом о том, какова была его роль в успешном осуществлении отхода после фиаско под Тридентом,^{387} другие подозревают, что он несет свою долю ответственности за постигшие армию Катула неудачи.^{388} Но прежде чем делать какие либо выводы, рассмотрим

данные источников.

Плутарх пишет, будто Сулла, «пользуясь доверием Катула в самых важных и значительных делах, прославился и вошел в силу» (Сулла. 4.4). Намек очевиден: не то было при Марии, который все больше «затирал» своего бывшего квестора.^{389} Однако, как мы уже указывали, вряд ли это так. А если Сулла и рассчитывал прославиться в качестве легата при неспособном Катуле, то он ошибся.^{390} Его успехи при новом командующем оказались куда более скромными.^{391} Сулла, как пишет Плутарх, покорил «большинство альпийских варваров» (Сулла. 4.5). Каких именно, однако, не уточняется. Думается, такая небрежность не случайна — победы легата были не так уж значительны, и излишняя конкретность могла лишь испортить впечатление.^{392}

Рассказывает Плутарх и еще об одном эпизоде: в какой-то момент в армии началась нехватка продовольствия, и Сулла взял на себя заботу о снабжении. Он сумел запасти его столько, «что воины Катула не только сами не знали ни в чем нужды, но смогли поделиться с людьми Мария. Этим Сулла, по собственным его словам, сильно озлобил Мария» (Сулла. 4. 5–6). Последнее утверждение оставим на совести его автора,^{393} а вот то, что полководцы и их воины оказывали друг другу товарищескую поддержку, очевидно — совсем не то было под Араузионом. Как видим, Сулла оправдал надежды, которые возлагал на него Марий, отсылая к Катулу, и обеспечил определенное взаимодействие между двумя армиями.

Но из этих рассказов Плутарха следует и еще один вывод: некоторое время Сулла действовал отдельно от остальных сил, а потому, возможно, отсутствовал, когда Катул откатывался под ударами врага. Кроме того, было бы не совсем справедливо требовать, чтобы он исправлял все промахи командующего: не забудем, что Сулла еще не имел опыта руководства армией из двух легионов. Однако сам он вряд ли был доволен тем, что оказался вдали от главных событий, разыгравшихся под Аквами Секстиевыми. И как бы хорошо Сулла ни относился к Катулу, он наверняка предпочел бы быть сейчас под знаменами Мария. Может, как раз это и имел в виду диктатор, когда жаловался в мемуарах, что Марий не дает ему ходу — а как иначе было оценить службу под началом Катула?^{394}

Итак, казалось бы, все очевидно: Катул показал себя далеко не с лучшей стороны — он не смог дисциплинировать армию, его воины бежали под натиском варваров. И тем не менее ему продлили полномочия на следующий год.^{395} Не вызывает сомнения, что без ходатайства Мария

это было бы невозможно. Почему он так держался за Катула? Не исключено, что многоопытный полководец и не ждал особых успехов от коллеги. В конце концов, кимвры в Италию не проникли, а все остальное особого значения не имело. На фоне неудач Катула лишь ярче блистали его собственные успехи.

Тем временем кимвры проводили остаток зимы в Северной Италии, в области венетов. «В Венетии с ее самым мягким в Италии климатом их грубость усыпило милосердие самой земли и неба. Когда же их совершенно изнежили печеный хлеб, вареное мясо и сладость вина, пришел Марий» (Флор. III. 3. 13). Дион Кассий уверял, будто кимвры совершенно утратили прежнюю силу оттого, что жили теперь не под открытым небом, а в домах, мылись теплой водой, а не купались в холодных реках, как раньше, питались же разными лакомствами вместо прежнего сырого мяса (XXVII. 94. 2). Как тут не вспомнить о Ганнибале, чью армию будто бы погубила зимовка в полной соблазнов Капуе! Но как в первом, так и во втором случае мы имеем дело с морализаторской легендой. Варвары попрежнему оставались грозными врагами, и римлянам оставалось лишь благодарить свою счастливую судьбу, что кимвры и тевтоны не пошли на Рим вместе.

Марий в ту пору «отбыл к Катулу, ободрил его и вызвал своих солдат из Галлии. Едва они явились, Марий перешел Эридан, ^{396} чтобы не пропустить варваров в глубь Италии. ^{397} Но кимвры уклонялись от боя, говоря, что ожидают тевтонов и удивляются их задержке, — то ли они в самом деле ничего не знали об их гибели, то ли притворялись, будто не верят этому известию. Тех, кто сообщал им о разгроме тевтонов, они подвергали суровому наказанию, а к Марию прислали посольство с требованием предоставить им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мария, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда». Послы, поняв насмешку, стали бранить Мария, говоря, что ему придется дать ответ кимврам — сейчас же, а тевтонам — когда они будут здесь. «Да они уже здесь, — ответил Марий, — и негоже вам уйти, не обняв ваших братьев». С этими словами он велел привести связанных тевтонских царей, которых секваны ^{398} захватили в Альпах во время бегства. Когда послы рассказали об этом кимврам, они тотчас же выступили против Мария, не двигавшегося с места и лишь охранявшего свои лагерь» (Плутарх. Марий. 24.225.1).

Противники долго примеривались друг к другу. Марий, находившийся в начале 101 года под Плаценцией (совр. Пьяченца), совершил ряд маневров, соединился с Катулом и загнал неприятеля в ограниченное пространство между Альпами, нынешним Туринном и Сезией. В стратегическом плане он уже выиграл войну, ибо снабжение десятков тысяч германцев на столь узком участке было затруднено.^{399} Но предстояло ее выиграть еще и тактически, тем более что противник не собирался уходить из Италии. В конце концов Марий прекратил передвижения, явно провоцируя врагов на битву.^{400} В июле 101 года «царь» кимвров Бойорикс, подъехав к римскому лагерю, предложил договориться о месте и дне битвы — распространенный у многих древних народов обычай,^{401} сохранявшийся очень долго; как известно, еще Петр I и Карл XII заключили подобное соглашение накануне Полтавской баталии. Марий отвечал, что не в обычае у римлян совещаться с врагами о сражении, но для германцев он сделает исключение.^{402} Решено было сойтись на третий день на так называемых Раудийских полях близ италийского города Верцеллы (совр. Верчелли) (Плутарх. Марий. 24. 4–5; Орозий. V. 16. 14).

Плутарх объясняет выбор поля тем, что на нем было удобно действовать и римской коннице, и развернутому строю германцев (Марий. 25.5). Объяснение очень странное — о римской кавалерии в сражении не упоминается. Да и могла ли она на равных противостоять германской? Бой под Тридентом показал, насколько это сомнительно. При Аквах Секстиевых важнейшую роль сыграл удар из засады, нанесенный спрятавшимися на холме воинами, а на Раудийских полях холмов не было. В связи со всем этим высказывалась мысль, что земли за Верцеллами представляли большой экономический интерес для римских дельцов, с которыми был связан Марий. Эти края не были еще в собственности римского народа. И потому-де, чтобы завладеть ими и исправить сей юридический «просчет», консул решил разгромить врага именно там — в угоду римскому бизнесу и, разумеется, себе.^{403} Думается, однако, что можно обойтись и без столь хитроумных построений. Просто победитель Югурты чувствовал себя достаточно сильным, чтобы разбить врага и на холмах, и на плоской равнине. Что он и сделал.

Под командованием Мария находилось 52 300 человек; 32 тысячи составляли его собственные воины и 20 300 — части Катула (Плутарх. Марий. 26.6). Численность германцев неизвестна. Они наверняка понесли тяжелые потери в предшествующих сражениях с римлянами, а также с кельтиберами в Испании, не говоря уже о болезнях. По современным

подсчетах, их численность составляла примерно 150 тысяч человек, включая женщин и детей. Боевые же силы состояли из 30–33 тысяч пехотинцев и 15 тысяч всадников.^{404} Другие авторы пишут о 25–30 тысячах (правда, и число римлян снижая до 35–40 тысяч).^{405} Возможно, эти цифры занижены, тем более что они принадлежат немецким историкам, которые симпатизировали своим предкам-германцам. Но в любом случае не приходится говорить об огромных полчищах варваров, которые Плутарх (или его источник) сравнивает с «безбрежным морем» (Марий. 26.2).

Знаменитое сражение при Верцеллах состоялось 30 июля 101 года. Марий выстроил свою армию на выдвинутых вперед флангах, а командование центром поручил Катулу. Катул, а также Сулла утверждали позднее, будто главнокомандующий поступил так из недоброжелательства: он надеялся, что центру, стоявшему в глубине построения, возможно, вообще не придется принять участие в бою и стяжать славу (Плутарх. Марий. 26. 6–8). Всерьез воспринимать столь дикое объяснение невозможно:^{406} воины Катула были хуже подготовлены, чем ветераны Мария,^{407} и полководец предпочел поставить перед ними оборонительную задачу, поскольку наступательные действия требуют большего опыта и выучки. Если бы легионы Катула пошли в наступление и потерпели бы неудачу, он потом утверждал бы, будто его нарочно бросили в атаку на слишком сильного врага, чтобы погубить.

Кимвры же, согласно Плутарху, построились квадратом со стороной в 30 стадий, то есть 5,5 километра. Однако это означает, что даже при самых широких интервалах их численность достигала нескольких миллионов человек. Поэтому либо длина и ширина строя, либо его форма указаны неверно.^{408} Да и вряд ли кто-либо из римлян мог точно установить эти параметры на глазок, а самих германцев такие подробности вряд ли интересовали.

Германская конница, «числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а врукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами» (Плутарх. Марий. 25. 10–11).

И еще о вооружении, на сей раз римском. «Считается, что именно в этой битве Марий впервые ввел новшество в конструкцию копья. Раньше наконечник крепился к древку двумя железными шипами, а Марий, оставив

один из них на прежнем месте, другой велел вынуть и вместо него вставить ломкий деревянный гвоздь. Благодаря этому копье, ударившись о вражеский щит, не оставалось прямым: деревянный гвоздь ломался, железный гнул, искривившийся наконечник просто застревал в щите, а древко волочилось по земле» (Плутарх. Марий. 25.2).

Ход битвы не вполне ясен. Беда в том, что наиболее подробное ее описание приводит Плутарх, который сам дает понять, что опирается на мемуары ненавидевших Мария Катула и Суллы (Марий. 25.6 и 8; 26.6 и 10; 27. 6–7). В их изложении Марий выглядит завистливым, глупым и некомпетентным. Есть и немало фактических несуразностей. По сведениям Плутарха, битва началась с атаки кимврской конницы. Она шла не прямо на римлян, а уклонялась вправо, тем самым завлекая неприятеля в промежуток между своими рядами и германской пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость, но стоило одному из солдат крикнуть, что враг отступает, как остальные бросились преследовать его. Марий совершил жертвоприношения, воскликнул: «Победа моя!» — и двинулся преследовать врага. Однако поднялось облако пыли, в котором его легионы долго блуждали по равнине. Пехота кимвров по «счастливой случайности» натолкнулась на войска Катула, и именно здесь, в центре, завязалось главное сражение. Врагам слепило глаза солнце, они задыхались в пыли, тогда как солдаты Катула даже не покрылись потом. Вид огромного числа врагов не пугал их, ибо из-за поднявшейся пыли они видели лишь первые ряды германцев (Плутарх. Марий. 26). Другие авторы уверяют, будто Марий, используя опыт Ганнибала, намеренно построил армию с таким расчетом, чтобы туман скрывал его легионы от неприятеля, солнце ослепляло врагов, а пыль от поднявшегося ветра неслась им в глаза (Фронтин. П. 2. 8; Флор. III. 3. 15; Орозий. V. 16. 14–15; Полиен. VIII. 10. 3).^[409]

Отметим прежде всего самые очевидные нелепости. Марий не мог приносить жертвы уже после начала битвы — это всегда делалось загодя.^[410] Трудно поверить, что из-за крика одного воина, будто враги бегут, солдаты помчались бы преследовать германцев, — очевидно, Катул намекал на недисциплинированность легионеров Мария. Сравнение, правда, и тогда получалось не в его пользу — сам он не смог в прошлом году удержать армию от бегства, а Марий — лишь от наступления.

Еще более смехотворно выглядят рассуждения Катула о том, что его воины не потели и не задыхались, несмотря на напряжение битвы. Если говорить о тумане, ветре и солнце, которые благодаря мудрым расчетам

Мария^{411} оказались на руку римлянам, то день битвы был назначен заранее и направление ветра, равно как и туман, никто предвидеть не мог.^{412} Кроме того, когда войска сторон смешались, пыль перестала нестись в лицо наступающим, ибо в тесноте боя ветру и пыли негде было разгуляться. А если бы кимвры повременили с атакой, то солнце стало бы светить им уже сбоку.

И уже просто как откровенная глупость звучат утверждения о том, что воины Мария долго блуждали по равнине, а кимврская пехота тем временем по «счастливой случайности» натолкнулась на легионы Катула. На что же ей было еще наталкиваться, кроме как на центр римской армии? Представить же себе победителя Югурты и тевтонов блуждающим по Раудийским полям со многими тысячами воинов и вовсе невозможно.^{413}

Так что же произошло на самом деле? Вероятно, «левый фланг, где находилась половина войск Мария, двинулся против конницы кимвров и отбросил ее... но затем нанес было удар в пустоту, как это случается при обходных маневрах; далее можно предположить, что правый фланг совершил соответствующий маневр, благодаря чему оба фланга сошлись близ лагеря кимвров».^{414} Где произошла встреча обоих крыльев, неизвестно — важно, что она произошла. Тем временем «пехота кимвров вступила в дело. Несмотря на то, что их утомило расстояние, которое им пришлось покрыть, измучила жара и слепило солнце, они все же вступили в схватку с центром римской армии. Почти не замечая того, кимвры постепенно втягивались в полукруг между сильными флангами римлян. В этот момент ловушка захлопнулась. Марий, возвратившись со свежими силами после разгрома конницы варваров, обрушился на тыл [вражеской] пехоты. Битва превратилась в резню, и к закату Италия была избавлена от германской угрозы».^{415}

Таким образом, Марий реализовал план в духе операции Ганнибала при Каннах.^{416} Именно умелый обходной маневр с охватом неприятельских флангов сближает оба сражения, а вовсе не трюк с ветром, солнцем и пылью, как думали Флор и Орозий.

Античные писатели, почти не интересуясь тактическими деталями битвы, подробно описывают при этом последние сцены трагедии. «Большая и самая воинственная часть врагов погибла на месте, — пишет Плутарх, — ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленными к нижней части панциря. Римляне, которые, преследуя варваров, достигали вражеского лагеря, видели там страшное зрелище: женщины в черных

одеждах стояли на повозках и убивали там беглецов — кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей, а мужчины, которым не хватило деревьев, привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными» (Марий. 27. 1–4).

«Почти столь же ожесточенно [как и мужчины] сражались женщины: поставив в круг повозки и [образовав] подобие лагеря, они бились и долго отражали сверху атаки римлян. Но затем, когда римляне устрашили их, убивая невиданным способом — отсекая макушки с волосами и обезображивая [неприятеля] столь отвратительной раной, — оружие, приуготовленное против врагов, они обратили против себя» (Орозий. V. 16. 17)*.

Сейчас мы уже не можем проверить, насколько правдоподобны эти кровавые подробности. Ясно одно: бойня была страшной, победа — полной. Называли самые разные цифры потерь. Одни говорили о 65,^[417] другие — о 120,^[418] третьи — о 140 тысячах убитых.^[419] В вопросе о числе пленных, однако, наблюдалось удивительное единодушие — таковых захватили, по данным разных авторов, 60 тысяч (Ливии. Периоха 68; Плутарх. Марий. 27.5; Евтропий. V. 2. 2; Орозий. V. 16. 16). Беллей Патеркул без уточнений просто пишет более чем о ста тысячах убитых и пленных (П. 12. 5). Как мы уже говорили в связи с битвой при Аквах Секстиевых, с учетом женщин и детей такая цифра вполне возможна.^[420] Но кто считал груды мертвых тел?

Среди погибших был кимврский «царь» Бойорикс, который убил перед битвой при Араузионе Аврелия Скавра и с которым Марий договаривался о месте и времени сражения при Верцеллах. Погиб и другой германский предводитель — Лугий. В плен попали вожди Клаодих и Цезорикс (Орозий. V. 16. 20; Флор. III. 3. 18). Имен прочих источники не называют. Свои потери римляне сосчитали очень скромно — всего 300 человек (Флор. III. 3. 14; Евтропий. V. 2. 2). Но это еще очень честно, если сравнивать с лживыми до неприличия реляциями других полководцев — Красе уверял, что положил в бою 12 тысяч воинов Спартака, потеряв всего трех солдат убитыми и семерых ранеными, а Лукулл возвестил о гибели едва ли не 60 тысяч понтийских и армянских солдат при пяти убитых и 100 раненых у римлян (Annum. ГВ. I. 119. 552; Плутарх. Лукулл. 28. 7–8).

Важнейшую роль в победе сыграли италийские союзники. И Марий, прекрасно понимая это,^[421] не поскупился на награды им: он даровал права римского гражданства ни много ни мало двум когортам жителей Камерина! Впоследствии его обвиняли за такую щедрость в нарушении закона, но полководец будто бы ответил: «Грохот оружия заглушал голос закона» (Плутарх. Марий. 28.3; Цицерон. За Бальба. 46; Валерий Максим. V. 2. 8).

После боя разгорелся спор между воинами Мария и Катула о том, кто из них стяжал большую славу. «Третьейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула» (Плутарх. Марий. 27.7). Кроме того, из захваченных 33 боевых значков только два взяли солдаты Мария (Евтропий. V. 2. 2). Наконец, Катул похвалялся тем, что в его лагерь доставили доспехи и трубы врагов, тогда как воины Мария расхитили невоенное имущество неприятеля (Плутарх. Марий. 27.6).

Все это, бесспорно, восходит к мемуарам Катула и Суллы,^[422] которые стремились доказать, что Марий, как и в Нумидии, присвоил себе чужую победу. Почему так поступил Сулла, понятно. Но что толкнуло на откровенную ложь Катула? Причин тому несколько. Прежде всего, конечно, он завидовал «выскочке» из Арпина.^[423] Однако дело не только в этом. Его, очевидно, мучила мысль, что он кругом обязан Марию, который сделал его консулом и поделился с ним славой победы и триумфа. А ведь Катул — представитель древнего рода, его пращур завершил битвой при Эгатских островах Первую Пуническую войну. Ему ли чувствовать себя должником Мария, чьи предки не были даже квесторами? Как известно, лучший способ избавиться от долга — убить кредитора. Это и попытался сделать неблагодарный Катул — уничтожить репутацию победителя кимвров и тем возвысить свою.

Конечно, центр под руководством Катула и Суллы сыграл немалую роль, но, во первых, отнюдь не вопреки плану главнокомандующего, как уверяли оба этих военачальника, и, во вторых, без умелого обходного маневра столь внушительного успеха достичь бы не удалось.^[424] Да и посмел ли в те дни Катул заикнуться о том, будто он — истинный победитель? Он писал об этом лишь в мемуарах, рассчитанных на определенный круг людей. Споры же солдат в таких случаях — обычное дело, и мы не знаем, принимал ли в них участие Катул. О результатах

«третейского суда» послов из Пармы Плутарх дипломатично умалчивает, но даже если они и признали правоту воинов Катула, то удивляться не приходится — пармских делегатов было нетрудно обмануть,^{425} показав им ту часть поля боя, где солдаты Мария просто не появлялись.

Что же до трофеев, то спустя несколько лет, когда появились воспоминания Катула, никто уже не мог проверить, что именно принесли в лагерь его воины, а что — воины Мария. В отношении боевых значков вопрос обстоит несколько сложнее — их, несомненно, учитывали, и Катул наверняка мог доказать свою правоту документально. По крайней мере, ему не было смысла выдумывать, ибо ложь могла быстро выйти наружу. Но и это не должно вводить в заблуждение. Когда воины Мария нанесли удар по кимврской пехоте с тыла и исход битвы стал ясен, они атаковали лагерь врага. (Как мы видели, сражение за него было отнюдь не легким — если так отчаянно оборонялись женщины, что же сказать о мужчинах?) Трофеи же, находившиеся на поле боя, достались солдатам Катула. Боевые значки германцы несли либо впереди, либо в глубине строя. Туда легионеры Мария просто не стали прорубаться за отсутствием необходимости, потому-то им и досталось так мало германских штандартов. Но их славы это, естественно, не умаляет.

Рим ликовал. Уверяли, будто весть о победе принесли сами боги. «В тот же день, — рассказывает Луций Флор, — когда произошла битва, видели перед храмом Поллукса и Кастора юношей, вручавших победные послания претору, а в театре много раз слышался голос: «Да славится победа над кимврами!»» (III. 3. 20). Иными словами, весть о разгроме германцев принесли в Рим сами Диоскуры. Согласно легенде, в свое время они же сообщили и о победе над македонским царем Персеем при Пидне — опятьтаки в тот самый день, когда она была одержана (Флор. П. 12. 14–15).

Плутарх пишет, будто «все требовали», чтобы Марий один справил оба триумфа — и над тевтонами, и над кимврами. «Но он сделал это вместе с Катулом, потому что хотел и в счастья казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести» (Марий. 27. 910; см. также: Цицерон. Тускуланские беседы. V. 56). Подразумеваются, надо полагать, воины последнего.

Впрочем, и здесь сквозит недоброжелательство недругов Мария^{426} — он-де хотел лишь казаться умеренным, а не быть им, а может, и вовсе

боялся солдат Катула. Но как ни объяснять действия полководца, он все равно проявил великодушие к коллеге.^{427} Очевидно, победитель кимвров считал его своим союзником — претензии на то, что именно он, Катул, является главным героем верцелльской баталии, прозвучат позднее. Хотя противодействия его воинов триумфу опасаться не приходилось, без нужды злить их тоже было ни к чему. Могла проявить недовольство и часть нобилитета.^{428} Да и в конце концов, во время победного торжества вся слава и восторг народа все равно, надо полагать, достались Марию, а Катул выглядел лишь его бледной тенью.^{429}

Обнаружил умеренность арпинат и еще в одном: ему предложили в порядке исключения справить два триумфа — над тевтонами и кимврами по отдельности, но он благоразумно предпочел ограничиться одним (Ливии. Периоха 68). Как все это отличалось от времен победы над Югуртой, когда Марий, едва вкусивший высшей славы, явился в сенат в триумфаторском облачении! Теперь он куда лучше разбирался в политике и сделал правильные выводы — нескромность сердит окружающих, особенно если они чувствуют твое превосходство.

Но до конца сохранить умеренность ему не удалось — и немудрено. Народ почитал Мария как бога. Даже те, кто прежде не любил арпината, признавали его спасителем отечества (Ливии. Периоха 68). Мария называли третьим основателем Рима после Ромула и Фурия Камилла. За трапезой ему посвящали часть яств и совершали возлияния наравне с богами (Плутарх. Марий. 27.9; Валерий Максим. VIII. 15.7). Сам полководец не отставал от своих почитателей и также уподоблял себя небожителям: подобно Либеру-Вакху, он теперь пил вино из чаши-канфары и при этом сравнивал свои победы с победами Либеры в Азии (Плиний Старший. XXXII. 150; Валерий Максим. III. 6. 6). Столь откровенное стремление римского политика сблизить себя с божеством встречается в источниках впервые.^{430}

Чтобы увековечить свои подвиги, Марий еще после триумфа над Югуртой воздвиг монумент, к которому теперь прибавил еще один. Кроме того, он за счет взятой у варваров добычи основал храм Чести и Доблести.^{431} Катул же построил (также за счет добычи) роскошный особняк на Палатине, а также портик — на месте дома консула 125 года Марка Фульвия Флакка, разрушенного в 121 году после гибели хозяина во время гракханской смуты. И дом, и портик Катула были украшены реликвиями кимврской войны — своего рода музей боевой славы.^{432} Тогда же, очевидно, он украсил двумя статуями работы великого Фидия (или даже

построил) храм Фортуны нынешнего дня, которой принес обет в начале битвы при Верцеллах (Плиний Старший. XVII. 2; Плутарх. Марий. 26.2).

Победу Мария прославляли служители муз — совсем еще молодой поэт Авл Лициний Архий, грамматик Луций Плотий и, вероятно, другие, чьи имена история не сохранила (Цицерон. За Архия. 5; 19–20). О том, чтобы такой чести удостоился Катул, мы не знаем. Он решил «исправить» положение и сам взялся за перо. Что представляли собой его мемуары о кимврской войне, мы уже знаем. А вот когда они появились на свет — неизвестно. Может, всего через несколько месяцев, а может, — и лет. Уже во времена Цицерона их мало кто читал (Цицерон. Брут. 133). И только благодаря пересказу Плутарха мы получаем представление об этом образчике генеральской похвалы, густо замешанном на зависти и недоброжелательстве.

Что же делал в это время Луций Сулла? Без сомнения, он принял участие в триумфе. Окрыляли ли его новые надежды? Или он сокрушался, что из-за бездарности Катула не смог совершить всего, что было в его силах? Или же сердился на Мария, который удалил его от себя накануне решающих событий и не дал отличиться? Никто не знает. В любом случае у него были поводы для недовольства — вся слава досталась Марию и Катулу, пусть и не в равной степени, а о нем, Сулле, по-видимому, не вспоминали. Хотя, как остроумно заметил один из биографов диктатора, на трофеях Катула можно было написать: «Дар Луция Корнелия Суллы».^[433] Судя по всему, не отдал должного своему легату Катул и в мемуарах.^[434] И Сулле оставалось лишь усваивать горький опыт — рафинированный аристократ и тонкий ценитель слова лишь с виду был «прекрасным человеком». Внешность, как известно, обманчива...

Глава 5

МЕЖ ДВУХ ВЕЛИКИХ ВОЙН

Последний год II столетия до н. э. запомнился не только победой над кимврами. Вновь напомнил о себе политический союзник Мария — Луций Апулей Сатурнин. В это время в Рим прибыли послы понтийского царя Митридата VI Евпатора. Сатурнин заявил, будто они дают взятки сенаторам, которые таким образом продают интересы Рима — совсем как во времена Югурты.^[435] Он подверг оскорблениям и самих послов. Недруги бывшего трибуна воспользовались его несдержанностью и подговорили понтийцев подать на него в суд. Обвинители-сенаторы были настроены очень сурово, и поговаривали, что дело может дойти до смертного приговора — впрочем, вряд ли обоснованно.^[436] Однако изгнание тоже вряд ли устроило бы Сатурнина — это означало серьезный удар по карьере, если вообще не крах всех надежд. Тогда он, облачившись в рубище, обратился к народу с мольбой о помощи и будто бы даже пал на колени, хватал людей за руки, обнимал их ноги и кричал, что становится жертвой несправедливости сенаторов, ибо его враги являются одновременно и обвинителями, и судьями. Большинство этих деталей, вероятно, присочинены врагами Сатурнина, но своей цели он достиг: простолюдины повалили в суд, члены которого не осмелились вынести обвинительный приговор любимцу толпы (Диодор. XXXVI.15).

Кто знает, может, именно под влиянием этих событий плебейский трибун Гай Сервилий Главция^[437] выступил с проектом судебного закона. В частности, он вновь предложил полностью укомплектовывать комиссии присяжных всадниками. Как уже говорилось, такой порядок установили по инициативе Гая Гракха и частично изменили в соответствии с законом Сервилия Цепиона в 106 году, когда половина присяжных опять стала назначаться из сенаторов. По всей видимости, проект Главции обрел силу закона (Цицерон. За Сква 2d; За Рабирия. 20; Брут. 224; Асконий. 19).

Цицерон весьма нелицеприятно отзываясь о Сервилии Главции: «человек самого низкого происхождения»; «он был самым бессовестным человеком на памяти людской, но оратором тонким, ловким и на редкость остроумным» (Брут. 224); «человек порочный, но остроумный» (За Рабирия Постума. 14). В 102 году, когда Метелл Нумидийский пытался вывести из сената Сатурнина, то же он пытался сделать и с Главцией, но столь же

неудачно (см. выше). Конечно, и оценки Цицерона, и выпад Метелла обуславливались политическими причинами, а потому судить о подлинных недостатках Главции, равно как и Сатурнина, не так просто. Посмотрим, каковы были их действия, которые зачастую говорят куда больше, чем пространственные характеристики.

Теперь оба политика выступили вместе.^{438} Аппиан сообщает, что во время выборов в плебейские трибуны председательствовавший на выборах^{439} Главция не возражал против вторичного избрания Сатурнина. Тот добился успеха, причем, как пишет Ливии, при поддержке Мария (Периоха 69). Это отнюдь не значит, что полководец привел на выборы своих ветеранов — вполне хватило бы и его устных выступлений в пользу Сатурнина. Сам Главция стал претором.

Однако речами дело не ограничилось. Некий Авл Нунний^{440} открыто поносил Сатурнина и Главцию и, как они опасались, мог помешать им в случае победы на выборах в трибуны (ГВ. I. 28. 127–128). Правда, он шел последним, поскольку остальные девять трибунов были избраны (Валерий Максим. IX. 7. 3). Тем не менее Сатурнин и Главция решили «подстраховаться» и организовали нападение на Нунния. Тот попытался спрятаться в какомто из ближайших домов, но был там настигнут и убит. Ливии обвиняет в этом воинов — несомненно, марианских. Злые языки утверждали, будто затем избрали самого Сатурнина, причем голосовали рано утром, с участием одних лишь сторонников «демагога», поскольку большинство избирателей еще не явились. Это была очевидная ложь, призванная подчеркнуть незаконность выборов Сатурнина. Сам же Нунний, по уверению Аппиана, уже якобы выиграл выборы, что, однако, противоречит прочим источникам — историк явно передавал враждебные слухи (ГВ. I. 28. 127–128; см. также: Ливии. Периоха 69; Плутарх. Марий. 29.1; Валерий Максим. IX. 7. 3; Флор. III. 16. 12; О знаменитых мужах. 73.5; Орозий. V. 17. 3).^{441}

Что же касается Мария, то он, по словам Плутарха, добивался шестого консульства так, как другие не борются и за первое. «Обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе, лишенной этих свойств. Однако, как утверждают, честолюбие делало его робким на гражданском поприще, ропот толпы пугал его, присущие ему в битвах непоколебимость и стойкость покидали его в народном собрании, и любой мог хвалой или хулой заставить его воспрянуть или пасть духом» (Марий. 28.2). Правда, ни одного примера в

доказательство этого тезиса Плутарх не приводит. Да и кто мог в те дни говорить колкости победителю кимвров? Всякий, кто осмелился бы на это, рисковал испытать на себе ярость толпы.

Но нетрудно понять, почему Марий усердно обхаживал народ: если прежние его консульства обуславливались военной необходимостью, то теперь она отпала.^[442] Чувствуя растущую оппозицию, полководец вновь прибег к помощи Сатурнина.^[443] Во многом благодаря этому он добился внушительного успеха: консулами стали не только он сам, но и его союзник Луций Валерий Флакк, которого недруги называли не коллегой, а подручным Мария. К тому же потерпел поражение давний недруг последнего, Метелл Нумидийский.^[444] Недоброжелатели говорили, будто арпинат повлиял на толпу с помощью своих воинов, а кроме того, щедро раздавал деньги (Плутарх. Марий. 28. 7–8; Ливии. Периоха 69).

Несомненно, ветераны Мария активно агитировали за своего полководца, но вряд ли они могли настолько запугать комиции, что те проголосовали не только за него, но и за ничем не примечательного Флакка. Все объяснялось просто — Марий пожинал плоды побед над германцами (Беллей Патеркул. П. 12. 6). Как именно льстил он народу, мы не знаем. Речь идет об обыкновенных предвыборных выступлениях, и было бы странно ожидать, что кандидат в консулы стал бы разговаривать с избирателями иначе. Рассказывают, что Сципион Назика «во время выборов в эдилы, по обычаю кандидатов очень крепко пожимая некоему крестьянину руку, загрубевшую от трудов, в шутку спросил, не имеет ли тот привычки ходить на руках. Эти слова, подхваченные теми, кто стоял рядом, услышал народ, что стало причиной поражения Сципиона: ведь все сельские трибы, сочтя, что он насмехается над их бедностью, обратили свой гнев против его злоречивого остроумия»*, наставительно заключает Валерий Максим (П. 7. 5).^[445] Такова ли была истинная причина поражения не в меру языкастого соискателя, не так уж важно — сказка ложь, да в ней намек.

Итак, Марий стал консулом в шестой раз. Позднее Саллюстий скажет, что во время Югуртинской войны впервые был дан отпор высокомерию знати (Югуртинская война. 5.1). Он почти прав, но со сдвигом на несколько лет: в войну нанесли удар лишь по Метеллам, а теперь, когда Марий стал раз за разом избираться в консулы, не давая занять эту должность нобилям, они стали раздражаться все больше. Конечно, аристократы признавали, что он — наилучшая кандидатура в условиях кимврского нашествия. Но это не значит, что они были в восторге от постоянных переизбраний Мария.^[446]

Поэтому ему ставили каждое лыко в строку: он грубый, необразованный мужлан, который не знает ничего, кроме военного дела, и даже не владеет греческим,^{447} да и победы его раздуты: Югуртинскую войну выиграл Метелл, самого царя взял в плен Сулла, истинный победитель при Верцеллах — Катул. (Не смогли подыскать лишь того, кто выиграл за Мария битву при Аквах Секстиевых.) К тому же он якшается с грязными демагогами вроде Сатурнина.

Конечно, неотесанным солдафоном Марий не был — какникак, он происходил из всаднической семьи и определенное образование получил, иначе просто не смог бы заниматься государственной деятельностью.^{448} Как уже упоминалось, Цицерон отмечал его осведомленность в истории и праве (За Бальба. 46–47). Правда, незнание греческого налагало на него в глазах рафинированных нобилей клеймо недоучки (вспомним, что за незнание французского помимо прочего дворяне презирали Аракчеева). Когда в начале I века в сенат прибыл в качестве родосского посла ритор Аполлоний Молон, он мог говорить без переводчика^{449} — все сенаторы его понимали (или притворялись, что понимали, не желая прослыть невеждами). Если бы не амбиции Мария, ему, конечно, простили бы пробел в образовании. Но спустить это выскочке, осмелившемуся пять раз подряд стать консулом? Как замечает Плутарх, такой чести удостоивался лишь герой древности Марк Валерий Корвин, «но у того между первым и шестым консульствами протекло сорок пять лет, а Марий после первого получил еще пять как единый дар судьбы» (Марий. 28.9).^{450}

Разговоры о присвоении Марием чужих успехов — это, конечно, обыкновенная пропагандистская «утка». Если применительно к Югуртинской войне еще можно было доказывать, что Метелл закончил бы ее не хуже Мария (но закончил все-таки Марий!), то победа над германцами была целиком его заслугой. Особенно это бросалось в глаза после позорных поражений, понесенных военачальниками-нобилями.

Несмотря на разговоры злопыхателей, год начинался для Мария удачно — сам он стал консулом, Сатурнин — плебейским трибуном, Главция — претором. Второй консул, Валерий Флакк, — их союзник. Это открывало широкие возможности, которыми члены коалиции не преминули воспользоваться. По-видимому, именно тогда^{451} Сатурнин предложил закон о снижении цен на хлеб, продававшийся городской бедноте (*plebs urbana*), до 5/6 асса за модий.^{452} Городской квестор Сервилий Цепион, сын араузионского «героя», доказывал разорительность такой меры. Сенат постановил, что вынесение этого проекта на голосование будет

рассматриваться как антигосударственное деяние. Другие трибуны также наложили вето на предложение Сатурнина. Его это, однако, не остановило. Тогда Сервилий Цепион со своими сторонниками из числа «лучших людей» явился в комиции, сломал мостки и опрокинул урны для голосования (Риторика для Геренния. I. 17; 21). Однако люди Сатурнина взяли верх и закон был принят.

Еще более жаркие страсти разгорелись вокруг другого проекта. Сатурнин предложил новый земельный закон. О разделе земель в Италии речи опять не шло. Предлагалось вывести колонии в Сицилию, Македонию, Ахайю.^[453] Отдельный проект предусматривал раздачу земель в Галлии, которые недавно занимали кимвры, а теперь они перешли в собственность римского народа.^[454] Каждому ветерану, как и в 103 году, предполагалось дать по сто югеров. Затраты на реализацию закона предполагалось покрыть за счет золота толозанского храма, а за отсутствием таковых — за счет денег, полученных от продажи имущества Цепиона,^[455] который это золото не уберег. Руководить реализацией аграрных мероприятий должен был Марий (Аппиан. ТВ. I. 29. 130; О знаменитых мужах. 73.5; Цицерон. За Бальба. 48–49).

Если в 103 году законопроект Сатурнина не вызвал серьезного сопротивления, то теперь обстановка изменилась. И понятно почему. Дело было не только в нежелании верхушки «потакать» «черни». Нобилитет опасался дополнительного роста влияния Мария, который должен был руководить реализацией закона.^[456] Как скажет впоследствии Катон Младший, «не столько я боюсь раздела земель, сколько награды, которой потребуют за него эти совратители и потатчики народа» (Плутарх. Катон Младший. 31.7). Впрочем, даже если *patres* и не опасались возможной диктатуры Мария — она, по сути, уже имела место во время войны с германцами, — сама мысль о раздаче земли народу иначе как по инициативе сената обычно вызывала у большинства из них ярость. А когда обнищавшие крестьяне приходили в Рим и перебивались подачками патронов и случайными заработками, враги аграрных законов первыми выступали против снижения цен на хлеб для городских бедняков. Они сами создавали замкнутый круг, разорвать который можно было только с помощью насилия.

Законопроект Сатурнина утверждал новый принцип: если при Гракхах предполагалось наделение землей римских граждан, то теперь речь шла о воинах^[457] — если они гражданами не являлись, то при поселении в колонии становились таковыми. Чтобы предотвратить обструкцию со

стороны сенаторов, Сатурнин предложил обязать их принести клятву на верность аграрному закону через пять дней после его принятия под угрозой изгнания и штрафа в 20 талантов.^{458} Комиции утвердили соответствующее решение. Затем Сатурнин назначил день для рассмотрения проекта в комициях и, как пишет Аппиан, разослал гонцов по деревням, чтобы на голосование явились селяне, наиболее заинтересованные в утверждении закона.^{459} Прежде всего трибун рассчитывал на ветеранов Мария (ГВ. 1.29.131–132).

Однако городская беднота, утверждает Аппиан, встретила закон отрицательно, ибо он был направлен на пользу италийским союзникам (ГВ. 1.29.132). Действительно, раздача земель не в самой Италии, а за ее пределами как нельзя больше устраивала союзников, ибо в этом случае их собственные земли под раздел не попадали. Кроме того, многие из них сами могли рассчитывать на получение участков, а также на получение прав римского гражданства (*civitas Romano*).^{460} Правда, если дарование союзникам земли в провинции никак не затрагивало городские низы,^{461} то вопрос о гражданстве задевал их самолюбие.^{462} И хотя Сатурнин, вероятно, снискал симпатии римских простолюдинов проведением хлебного закона,^{463} это не мешало им выступать против уступок италийцам.

При обсуждении законопроекта в комициях, разумеется, разгорелись жаркие споры. Нобили активно возражали против его утверждения. Когда в небе прогремел гром, чернь подняла крик, ибо это считалось дурным знамением, а стало быть, дальнейшие прения были невозможны. Однако Сатурнин, не растерявшись, с издевкой заметил: «Если вы не успокоитесь, то сейчас пойдет град» (Аппиан. ГВ. 1.30.133; О знаменитых мужах. 73.7). Строго говоря, он и не был обязан обращать внимание на гром, ибо знамением, которого у богов не спрашивали, разрешалось пренебречь (Плиний Старший. XXVIII.17).^{464} Однако не полагалось игнорировать возражения других трибунов, которые выступили против законопроекта Сатурнина. Но еще во время суда над Цепионом он показал, что и это для него не помеха — их, как и в тот раз, прогнали с ростр.^{465} Наконец недруги трибуна взялись за дубины. Сначала успех сопутствовал им, но затем людям Сатурнина удалось взять верх (Аппиан. ГВ. I. 30. 133–134).

Теперь оставалось добиться утверждения *lex agraria* (аграрного закона) сенатом — строго говоря, это была мера компромиссная, братья Гракхи обходились без нее. Правда, их печальная судьба свидетельствовала против такой практики. Сатурнин, за спиной которого стояли Марий и его

ветераны, казалось бы, мог чувствовать себя уверенно. Но сам Марий, по-видимому, не хотел идти на разрыв с сенатом, в котором как консуляр занимал видное место. К тому же реализация закона при активном противодействии сената стала бы почти невозможной. Однако было ясно, что большинство *patres* не намерено утверждать аграрный закон. Марий заявил, что по доброй воле этого не сделает, ибо нельзя навязывать сенату какие бы то ни было решения, хорошие или дурные. Так же высказалось и большинство сенаторов (Плутарх. Марий. 29.2–5; Аппиан. ГВ. I. 30.135).

Но когда прошло пять дней и настал срок присяги, Марий созвал сенат и заявил, что народ добивается утверждения *lex agraria*, а потому лучше его не злить и принести требуемую клятву, но с оговоркой: повиноваться этому закону, когда он таковым станет, — намек на то, что он был принят насильственно и при дурных знамениях. Потом, когда селяне разойдутся, можно будет не признать столь сомнительное решение комиций (Плутарх. Марий. 29.6; Аппиан. ГВ. I. 30. 136). Несложно представить, что сказал бы Марий, если бы впоследствии его упрекнули в двуличии: обращать внимание на случайные знамения не обязательно, а что до насилия, то за дубины первыми взялись враги законопроекта.^{[\[466\]](#)}

Однако оправдываться не потребовалось, ибо всеобщее внимание отвлекла судьба Метелла Нумидийского. Марий первым принес присягу перед квесторами в храме Сатурна, где хранилась государственная казна. Прочие сенаторы, понимая, что сторонники Сатурнина не намерены шутить, поступили таким же образом. Против был лишь Метелл Нумидийский — злейший враг победителя Югурты, который понимал, что аграрный закон может лишь усилить влияние Мария. Он наотрез отказался присягать. «Дурной поступок, — заявил он друзьям, — это подлость; поступить хорошо, ничем при этом не рискуя, может всякий, но лишь доблестному мужу присуще поступать хорошо, невзирая на риск» (Плутарх. Марий. 29. 6–8; Аппиан. ТВ. I. 31. 137–138).

В принципе, конечно, отказ Метелла не имел значения для принятия закона. Однако дала о себе знать старая вражда. «У Мария не было в сенате худшего врага, чем человек, который восемь лет назад стремился помешать ему впервые стать консулом. Что же касается Сатурнина и Главции, то они не забыли, как Метелл, будучи цензором в 102 году, пытался лишить их senatorского ранга». ^{[\[467\]](#)} К тому же его удаление лишило бы противную сторону авторитетного лидера. Сатурнин послал служителя, который должен был удалить строптивца из сената. За него вступились другие трибуны. На сей раз Сатурнин не решился прямо проигнорировать их

мнение, а вместе с Главцией начал разжигать гнев народа, говоря, что нуждающиеся так и не получают земли. В конце концов он предложил закон об изгнании Метелла, мотивируя это, очевидно, тем, что не может оставаться гражданином тот, кто не подчиняется законам.^{468} Сторонники Метелла готовы были защищать его с оружием в руках. Однако он посоветовал им разойтись и не начинать из-за него распрю: «Если дела пойдут лучше и народ одумается, я вернусь по его призыву, а если все останется попрежнему, то лучше быть подальше». После этого Метелл удалился на Родос, а земельный закон вступил в силу (Плутарх. Марий. 29. 912; Аппиан. ТВ. I. 31–32; Ливии. Периоха 69; Флор. III. 16. 3–4; Орозий. V. 17. 4 и др.).

Итак, Сатурнин и Марий достигли успеха. Им удалось не просто провести аграрный закон и отправить в изгнание Метелла — они смогли объединить вокруг себя значительную часть сенаторов, всадников, простого народа, а также италийских союзников. Они имели поддержку в лице ветеранов. Иными словами, они достигли того, о чем только могли мечтать Гракхи, и даже большего.^{469} Сатурнин добился новых успехов — он в третий раз стал плебейским трибуном и провел на эту должность Луция Эквиция, перед тем брошенного в тюрьму по приказу Мария, но освобожденного толпой (Валерий Максим. III. 2. 18; IX. 7. 1; Аппиан. ТВ. I. 32. 141; 33. 146).

Однако дни реформаторов-экстремистов были сочтены. Произошло следующее. Главция решил баллотироваться на консульских выборах, хотя это было незаконно — требовалось соблюдение двухгодичного интервала между занятием должностей претора и консула.^{470} В итоге его кандидатуру отклонили (Цицерон. Брут. 224). Первым на высшую должность был избран Марк Антоний. Одним из претендентов на второе место являлся Авл Постумий Альбин (он в итоге и одержал победу), другим — Гай Меммий, тот самый, который в 112 году агитировал толпу против сторонников примирения с Югуртой. Его убили дубинами какие-то темные личности — как уверяли, люди Сатурнина и Главции (Аппиан. ГВ. I. 32. 142; III. 16. 5; О знаменитых мужах. 73.9; Орозий. V. 17. 5).^{471}

Не вполне понятна цель убийства, если его совершили Сатурнин и Главция — последнего все равно отстранили от участия в выборах, и гибель Меммия ему ничего не давала. И почему умертвили именно Меммия, а не другого кандидата, более знатного Альбина? К слову сказать, последний был весьма заинтересован в гибели Меммия, своего конкурента.

К тому же один из Постумиев, консул 111 года Спурий, был осужден во время Югуртинской войны в ходе процессов, во многом инспирированных Меммием. Еще вероятнее причастность к случившемуся Скавра, враждовавшего с Меммием с тех же времен (Саллюстий. Югуртинская война. 32.1).^{472} Свалили же ответственность на Сатурнина, который, как считалось, в свое время организовал убийство Нунния. (В конце концов, заказчики могли заплатить за «операцию» кому-либо из людей трибуна, чтобы обвинение против последнего выглядело правдоподобнее.^{473}) Никакой возможности оправдаться ему не дали, и озвучить иную версию оказалось некому — все античные авторы воспроизвели мнение противников трибуна.

Что бы ни случилось в действительности, ответственными за случившееся объявили Сатурнина и Главцию. Если история с Нуннием не имела для них в свое время последствий, то теперь ситуация изменилась. Против «демагогов» сплотилась вся знать — «Октавии, Метеллы, Юлии, Кассии, Катоны, Помпеи», перечисляет Цицерон, и это далеко не все (За Рабирию. 21). Но самое главное — распался их союз с Марием. Вряд ли ему понравилась история с Эквицием, брошенным в тюрьму по его приказу и освобожденным толпой явно не без участия Сатурнина.^{474} Цицерон упоминает о том, что Главция, поначалу прославлявший победителя кимвров, теперь поносил его (Об ответах гаруспиков. 51). Марий в долгу не остался: именно он (или его коллега и союзник Валерий Флакк) отклонил на выборах кандидатуру Главции.^{475}

Но что вызвало такую перемену? «Марий испугался им самим вызванных демонов», — утверждал Моммзен.^{476} Сатурнин собирался идти явно дальше, чем того хотел победитель кимвров.^{477} Бесспорно, последний уж слишком сросся с сенатской средой, в которой занимал почетное место как консуляр. Пойти на разрыв с ней он, разумеется, не мог. Бесконечно лавировать между буйными «демагогами» и «порядочными» людьми — тоже. Половинчатая позиция навлекла на него неудовольствие обеих сторон. Очевидно, она-то и послужила причиной разногласий с Сатурнином и Главцией. Явно возникла опасность, что Сатурнин как опытный политик и организатор перехватит контроль над его ветеранами. Да и вообще популярность трибуна слишком возросла, и на ее фоне не столь уж блистала слава победителя кимвров.^{478} К тому же против «демагогов» помимо сенаторов выступили многие всадники, прежде превозносившие Главцию за судебный закон. Очевидно, буйства Сатурнина и его союзников причиняли слишком много беспокойства горожанам и

мешали деловой активности.^{479} Разрыв стал неизбежен. Неприятность ситуации для Мария состояла в том, что отказ от союза с «демагогами» не обещал ему симпатий противной стороны — для большинства нобилей он оставался наглым выскочкой. Приходилось из двух зол выбирать меньшее.

Античные авторы вслед за врагами полководца с удовольствием подчеркивали двуличие Мария, оказавшегося между молотом и наковальней. Вот любопытный рассказ на эту тему. «Когда ночью к нему пришли первые люди в государстве и стали убеждать его расправиться с Сатурнином, Марий тайком от них впустил через другую дверь самого Сатурнина и, солгав, что страдает расстройством желудка, под этим предлогом бегал через весь дом то к одним, то к другому, подзадоривая и подстрекая обе стороны друг против друга» (Плутарх. Марий. 30.3). «Все это, конечно, чистейшая выдумка, но характеризует поведение Мария с аристофановской меткостью». ^{480}

Не является выдумкой, однако, предложение консулу со стороны лидеров сената совместно выступить против «бунтовщиков». Времени на раздумье у него почти не было. Мы не знаем, как протекал разговор. У Мария имелись вполне уважительные причины для отказа: бесспорных доказательств причастности Сатурнина к убийству Меммия нет, к тому же речь идет о плебейском трибуне, чья личность священна и неприкосновенна. Но главное: расправа с Сатурнином выставила бы Мария предателем по отношению к бывшему соратнику. Этого-то, очевидно, и добивались лидеры сената — тогда они смогли бы сполна насладиться унижением наглого «выскочки». Другое дело, что об этом также вслух не говорилось; формально речь шла, надо полагать, о предложении Марию стать еще раз спасителем отечества, на сей раз от внутреннего врага. Тогда он мог рассчитывать на примирение с вождями нобилитета.

Понимал ли победитель кимвров, что это ловушка и что уничтожение им Сатурнина не принесет ему пользы? А ведь в свое время консул 133 года Муций Сцевола отказался выступить против Тиберия Гракха, хотя его и назвали за это изменником (Плутарх. Тиберий Гракх. 19. 4–5; Валерий Максим. III. 2. 17). Почему бы не последовать его примеру? Но на это победитель при Верцеллах не решился.^{481} Сцевола был нобилем высшей пробы, с вереницей предков и большими связями, тогда как Марий ни тем, ни другим похвастаться не мог. Арпината могли просто запугать: если он не возглавит борьбу с Сатурнином, то завтра ему не подадут руки в курии, рядом с ним никто не сядет, а его мнение не будет стоить и гроша. Не лучше ли стать вождем сената и народа и покарать по заслугам

распоясавшихся «демагогов», которые к тому же слишком многое позволяют и в отношении самого Мария?

И еще одно обстоятельство. Если консул хотел предотвратить расправу над недавними соратниками, которая несмываемым пятном легла бы на его репутацию, то ему лучше всего было самому возглавить операцию против них.^[482] В этом случае он мог держать ситуацию под контролем. Решение было принято.

В итоге сенат издал чрезвычайное постановление, *senatusconsultum ultimum* (Цицерон. За Рабирия. 20; Против Каталины. I. 4; О знаменитых мужах. 73.10). Поразительно, но имя Главции, чье соперничество как будто стало причиной убийства Меммия, в нем не упоминалось (Цицерон. Против Каталины. III. 15). Впрочем, на такие мелочи никто внимания не обращал — нобили жаждали расправиться прежде всего с ненавистным Сатурнином. Принцепс сената Марк Скавр, отличный актер, устроил целый спектакль — он явился с оружием и призвал защищать свободу и законы (Валерий Максим. III. 2. 18). «Из храма Санка и из государственных арсеналов римского народа по распоряжению консула Гая Мария было роздано оружие» (Цицерон. За Рабирия. 20). Сатурнин созвал своих сторонников и даже будто бы обещал свободу рабам. Уверяли, что соратники называли его при этом царем — самое страшное обвинение в глазах сенаторов. Но силы были неравны. В сражении на форуме^[483] люди Сатурнина потерпели поражение и отступили на Капитолий.

Однако Марий приказал перерезать водопровод, и жажда заставила осажденных сдаться под честное слово. Консул перевел пленных в Гостилиеву курию и оставил там под охраной. Казалось, он избежал самого худшего — гибели бывших соратников.

Но Марий уже не контролировал ситуацию: группа сторонников сената^[484] ворвалась в курию и расправилась с арестованными.^[485] Правда, никто из участников «операции» не осмелился взять на себя ответственность за убийство трибуна — его убийцей объявили Сцеву, раба некоего Сервилия Квинта Кротона, который в награду получил свободу. (Голову погибшего, как говорили, показывал на пирах сенатор Гай Рабирий.) Там же погибли и другие сторонники Сатурнина — квестор Гай Сауфей и Квинт Лабие. Главцию вытащили из дома одного из Клавдиев и также убили. Брат Сатурнина Гней Корнелий Долабелла, пытаясь спастись, бежал через овощной рынок, но его вместе с неким Луцием Гиганием настигли и также предали смерти. Погиб и Луций Эквиций. Дом Сатурнина разрушили, имущество «смутьянов» конфисковали (Цицерон. За Рабирия.

20 и ел.; Аппиан. ГВ. I. 32. 14333. 146; Плутарх. Марий. 30. 2–5; Веллей Патеркул. П. 12. 6; Валерий Максим. VI. 3. 1с; Флор. III. 16. 5–7; О знаменитых мужах. 73. 10–12; Орозий. V. 17. 610).

Сенат мог праздновать победу: опасные бунтовщики усмирены, спокойствие восстановлено, выскочкаконсул опозорен. Ведь он не только предал недавних союзников, но и совершил клятвопреступление, ибо обещал Сатурнину и его сторонникам неприкосновенность, а их перебили (Цицерон. За Рабирию. 28). Но дело было не только в репутации. Аграрный закон, за который столько бился Сатурнин и на который так рассчитывал Марий, остался лишь памятником права — сенат провалил его реализацию (Цицерон. За Бальба. 48). В 100 году в Цизальпинскую Галлию была выведена лишь одна колония Эпоредия (Веллей Патеркул. I. 15. 5).^[486] Мариева колония на Корсике, которая, как иногда считают, появилась после закона 100 года,^[487] могла возникнуть и раньше.^[488] В любом случае это была капля в море.

Но сенат играл с огнем. Ветераны Мария, не получив долгожданной земли, затаили злобу и мечтали о мести.^[489] К тому же сенат позволил себе слишком многое: был убит, как и в 133 году, плебейский трибун, Сатурнин, а также претор Главция и квестор Сауфей, хотя действующих магистратов, согласно закону, нельзя было не то что убить, но даже отдать под суд. «Дошло до того, — меланхолически замечает Аппиан, — что никого более уже не могли защитить ни свобода, ни демократический строй, ни законы, ни сан» (ГВ. I. 33. 146). Придет время, и многих из тех, кто глумился над трупами Сатурнина и его сторонников, постигнет подобная же участь. Они будут клясть Мария за жестокость и беззаконие, но вряд ли кто-то из них вспомнит, что он лишь идет по их стопам.

Однако все это было еще впереди, а сейчас начиналось десятилетие, которое кажется мирным на фоне предшествующих смут и кровавой гражданской войны, ожидающей Римское государство в ближайшем будущем. А пока Рим «приблизился к блаженному состоянию тех государств, которые вообще не имеют истории».^[490] История в это десятилетие, конечно, была — не было лишь историка, который взялся бы за подробный и детальный рассказ об этих годах. Дело в том, что «античных историков интересовали преимущественно кровопролития и смуты; а эта декада, до самого своего завершения, предоставляет мало образцов как того, так и другого».^[491] Тем не менее 90е годы I века очень важны для судеб Римского государства. Именно в это время, столь плохо

нам известное, вызревали события, которые в конце десятилетия приведут к грандиозному внутривластическому кризису — Союзнической войне, а затем и к первой гражданской войне в истории Рима. В это же самое время на Востоке все более крепла Понтийская держава Митридата Евпатора, все чаще требовалось римское вмешательство в запутанные восточные дела. В итоге, как известно, Рим получил вдобавок к внутреннему кризису кризис внешний — Первую Митридатovu войну.

Пока же в Риме один за другим идут громкие судебные процессы. В этом нет ничего необычного — римляне любили судиться: Катон Старший, например, последний раз в жизни выступил обвинителем в суде в возрасте девяноста лет (Плутарх. Катон Старший. 15). Процессы, более или менее громкие, происходили постоянно, и, наверное, все заметные римские политики бывали хотя бы раз в жизни кем-нибудь в чем-нибудь обвинены. Но обычно эта судебная борьба остается в тени более ярких событий; в нашем же случае таких событий нет; а раз нет событий — нет историков. Однако ситуация не совсем безнадежна благодаря сочинениям светоча римского красноречия — Марка Туллия Цицерона. Как известно, он много выступал в качестве судебного оратора, хорошо знал прецеденты и «судебную историю» Рима, неоднократно ссылаясь на знаменитые процессы прошлого. А наиболее острая борьба в те годы происходила как раз в судах — здесь сводили старые счеты, закрепляли достигнутую после разгрома «мятежа» Сатурнина победу, здесь обменивались ударами враждующие политические группировки.

Итак, Сатурнин погиб. Однако гибель «смутьяна» отнюдь не означала окончательного и бесповоротного краха его дела — во всяком случае, оставались в силе некоторые из его законов, в числе плебейских трибунов 99 года было как минимум двое его приверженцев, а Метелл Нумидийский пока еще оставался в изгнании. При таком политическом раскладе неудивительно, что первой жертвой возобновившейся борьбы стал персонаж, которому не доверяла ни та, ни другая сторона. Среди товарищей Сатурнина по должности был некий Публий Фурий, сын вольноотпущенника.^{492} В 102 году Метелл Нумидийский, будучи цензором, по неизвестным причинам отнял у него государственного коня, то есть исключил из всаднического сословия. Это послужило причиной жестокой ненависти Фурия к Метеллу (Дион Кассий. XXVIII. 95. 2).

Чтобы получить возможность отомстить, Фурий добился должности плебейского трибуна и активно содействовал изгнанию своего врага, а когда после гибели Сатурнина встал вопрос о возвращении Метелла из изгнания, он, опираясь на поддержку Мария, наложил на возвращение свое

вето (Аппиан. ГВ. I. 33. 147; Орозий. V. 17. 11). Его не тронули даже мольбы сына Метелла, который просил его «в присутствии народа со слезами и земными поклонами» (Аппиан. ГВ. I. 33. 147). Все просьбы остались безрезультатными, и единственное, что Метелл-младший получил в результате — это своего рода моральную компенсацию, прозвище Пий (Pius), то есть Благочестивый, данное ему согражданами.^[493] Лучше всех отношение квиритов к поступку Метелла-сына выразил Валерий Максим: «Метелл Пий благодаря своей неколебимой любви к изгнаннику-отцу добился при помощи слез столь же славного прозвища, какого другие добиваются при помощи побед» (V. 2. 7)**. Прозвище действительно было славным: именно так, Благочестивым, именовался прародитель римлян Эней (и, кстати, среди прочего — тоже за любовь к отцу, которого он на своих плечах вынес из горящей Трои!). Поэтому поступок Метелла ставил его в один ряд с прославленными героями прошлого.

Вражда с Метеллом Нумидийским была единственной точкой соприкосновения интересов Фурия и Сатурнина.

Поэтому, осуществив свою месть, он не стал поддерживать мятежного трибуна и покинул ряды его сторонников (Дион Кассий. XXVIII. 95. 3).^[494] Более того, после гибели Сатурнина он даже предлагал конфисковать в казну его имущество (Орозий. V. 17. 10). В результате он стал чужаком для обеих враждующих сторон: приверженцы погибшего Сатурнина рассматривали его как изменника, нобили не могли простить ему борьбу против возвращения Метелла.

В результате по окончании срока трибуната, в 99 году, он был привлечен к суду Публием Апулеем Децианом, судя по имени — представителем рода Дециев, усыновленным либо самим Сатурнином, либо кем-то из его родственников.^[495] Подробнее всех об этом процессе рассказывает Валерий Максим. По его словам, «П. Дециану, мужу безукоризненной честности, принесли гибель собственные слова: ведь, обвиняя перед рострами П. Фурия за порочнейшую жизнь и в какой-то части своей речи осмелившись упомянуть о смерти Сатурнина, он не только не добился осуждения по этому делу, но и сам получил наказание, предназначенное Фурию» (VIII. 1. Осужденные. 2)**. Дециану не помогло добиться успеха даже то «горячее одобрение со стороны честных людей», о котором упоминает Цицерон (В защиту Гая Рабирия. 24), — по-видимому, всякое напоминание о недавнем кровопролитии тогда было нежелательно и выглядело подозрительным. Однако, если преследование со стороны его бывших «товарищей по партии» и оказалось неудачным, Фурию все-таки

не удалось избежать наказания. На этот раз удар был нанесен с противоположной стороны.^[496] Обвинителем выступил плебейский трибун Гай Канулей, поставивший Фурию в вину те помехи, которые он чинил возвращению Метелла Нумидийского. До судебного приговора, однако, дело не дошло — Фурия растерзала разъяренная толпа, состоявшая, видимо, из клиентов Метелла и его сторонников (Аппиан. ГВ. I. 33. 148; Дион Кассий. XXVIII. 95. 3).

Однако Фурий был, в сущности, фигурой, уже сыгравшей свою роль. Были персонажи и посерьезнее. Один из плебейских трибунов 99 года, Секст Тиций, выступил в качестве настоящего политического наследника Сатурнина. Т. Моммзен дает ему едкую характеристику: «Это был Алкивиад в карикатуре, более сильный в танцах и игре в мяч, чем в политике; главный талант его заключался в том, что он разбивал по ночам статуи богов на улицах».^[497] Эта характеристика очень пристрастна: Цицерон, правда, устами оратора Марка Антония характеризует его как «гражданина беспокойного и мятежного» (Об ораторе. II. 48), но в другом месте он говорит о нем как о человеке «весьма говорливом и довольно умном» (Брут. 225). В любом случае мы знаем о нем слишком мало, чтобы быть столь категоричными. Стоит вспомнить и то, что один из проведенных им законов — о назначении квесторов в провинции — продолжал действовать спустя четверть века после его принятия.^[498] Секрет скверной репутации Тиция кроется не в его политической бездарности, а в том, что он попытался провести аграрный закон, выдержанный в духе законов Сатурнина. Этой мерой он приобрел большую популярность у народа, чего нельзя сказать о верхах. Против законопроекта решительно выступили другие трибуны и консул Марк Антоний. Несмотря на их сопротивление, закон был принят, но тотчас же отменен решением коллегии авгуров как принятый вопреки праву (Цицерон. О законах. II. 31; Об ораторе. II. 48; Валерий Максим. VIII. 1. Осужденные. 3; Обсеквент. 46).

Еще одной атакой на победителей было привлечение к суду Луция Валерия Флакка, будущего консула 86 года, уже известным нам Апулеем Децианом (Цицерон. За Флакка. 77). Ни формулировка обвинения, ни исход дела нам неизвестны — но можно не сомневаться, что случайностью все это не было. Обвиняемый приходился двоюродным братом коллеге Мария по консульству 100 года, который активно участвовал в разгроме мятежа Сатурнина (Цицерон. За Рабирия. 27); похоже, здесь ведущую роль играло желание отомстить за смерть этого демагога.^[499] Таким образом, можно

считать, что 99 год прошел в попытках приверженцев Сатурнина вернуть утраченные позиции.^{500} Однако все эти попытки ни к чему не привели, и следующий год был ознаменован полной победой правящей олигархии.

Своего рода прологом к этой победе была гибель от рук толпы Публия Фурия, о которой уже говорилось. Это было знаковое событие: погиб человек, который в общественном мнении являл собой одну из главных помех возвращению в Рим Метелла Нумидийского. Когда же прошли выборы консулов на 98 год, стало ясно, что Метелл будет возвращен из изгнания в ближайшем будущем. Консулами стали два человека, имевшие репутацию непоколебимых защитников status quo в государстве и борцов с демагогами, — Квинт Цецилий Метелл Непот, близкий родственник изгнанника, и Тит Дидий, который, как уже говорилось, несколькими годами ранее защищал на суде Цепиона-старшего и при этом подвергся насилию со стороны толпы.

То, что эти люди не замедлят вернуть Метелла, было очевидно для всех. Марий, не желая видеть торжества своего старого недруга, отправился на Восток, объявив, что делает это во исполнение своего старого обета, чтобы принести жертвы Великой Матери богов (Плутарх. Марий. 31.1). К тому, чем он занимался на Востоке, мы вернемся чуть позже; что касается Рима, здесь свершилось то, чего его противники добивались два года и что он не захотел видеть — по предложению плебейского трибуна Калидия было принято решение о возвращении Метелла Нумидийского (Валерий Максим. V. 2. 7; О знаменитых мужах. 62.3).

Сам Метелл в это время находился в Азии, в Траллах. Согласно традиции, письмо с известием о том, что он может вернуться в Рим, застало его в театре. Как рассказывает Валерий Максим, он «ушел из театра не раньше, чем закончилось представление, не выдал своей радости никому из сидевших вокруг, но сохранил в тайне [охватившее его] великое ликование» (IV. 1. 13)**. Когда он вернулся в Рим, ему не хватило дня для того, чтобы принять у ворот поздравления от всех встречавших его (Аппиан. ГВ. I. 33. 149). Если даже здесь есть некоторое преувеличение, верить рассказу о всеобщем ликовании (скорее даже демонстративном ликовании) можно. Важен был в данном случае не столько сам Метелл, сколько то, что его возвращение символизировало окончательную победу над приверженцами Сатурнина. Что касается «виновника торжества», то триумфальное возвращение из изгнания было последним событием его жизни, о котором мы знаем. Несмотря на то, что его возвращение потребовало таких титанических усилий, Метелл больше не вмешивался в политику и,

видимо, вскоре умер. Была ли его смерть естественной? Цицерон утверждает: «Кв. Варий, человек негоднейший... убил Друза кинжалом, а Метелла — ядом» (О природе богов. III. 81). Какой подарок для историков, пылающих ненавистью к римским «демократам», — ведь «демократы стали искать спасения в союзе с убийцами и отравителями»!^{501} Но обвинения в убийстве политических противников были обычным делом в общественной жизни Рима.^{502} Так что верить здесь Цицерону на слово вряд ли стоит, тем более что и обвинение Квинта Бария в убийстве Друза, как мы увидим, вряд ли обоснованно.

Теперь настала очередь рассчитаться с теми, кто пытался продолжить дело Сатурнина. Как и возвращение Метелла, судебные процессы носили откровенно демонстративный характер. В 98 году к суду привлекли и Апулея Дециана, и Секста Тиция. Первый из них был обвинен в том, что сокрушался о смерти Сатурнина во время речи, которую держал против Публия Фурия (Цицерон. За Рабирия. 24; Валерий Максим. VIII. 1; Осужденные. 2). Он был признан виновным и отправлен в изгнание; в схолиях к Цицерону есть указание на то, что он отправился в Понт, где присоединился к Митридату Евпатору. Однако вероятность этого очень мала,^{503} и, скорее всего, обвинение Дециана в переходе на сторону непримиримого врага Рима является просто логическим заключением схолиаста на основе комментируемого им пассажа из речи Цицерона «За Флакка».^{504}

Что касается Тиция, то ему вменили в вину то, что он хранил у себя дома изображение Сатурнина (Цицерон. За Рабирия. 24–25; Валерий Максим. VIII. 1; Осужденные. 3). Как похоже это обвинение на те, которые в большом количестве знала наша недавняя история! Закрепляя победу, сторонники олигархии старались расправиться не только с людьми, но и с самой памятью о мятежном трибуне.

На 98 год приходится еще один знаменитый процесс. На сей раз удар был нанесен по старому сподвижнику Мария, его коллеге по консульству 101 года — Манию Аквилию. К сожалению, подробности этого дела нам неизвестны. Обвинителем выступил Луций Фуфий, оратор, о котором Цицерон оставил противоречивые свидетельства. С одной стороны, он осуждает его устами Марка Антония и Луция Красса,^{505} с другой — отмечает, что рвение Фуфия при обвинении Мания Аквилия снискало ему награду и известность (Об ораторе. П. 91; III. 50; Брут. 222; Об обязанностях. П. 50). Стоял ли ктонибудь за ним, мы не знаем; но то, что Марий воспринял это обвинение как направленное лично против него,

видно из того, что он счел необходимым обеспечить поддержку обвиняемому своим присутствием на процессе.

Защитником Аквиллия был Марк Антоний. Цицерон рассказывает: «Я вспоминаю речь Марка Антония в суде над Манием Аквилием, — сколько было в ней силы, сколько внушительности! Так как был он оратором не только искусным, но и смелым, то, почти уже закончив речь, он вдруг схватил самого Мания Аквиллия, вытащил его напоказ и разорвал на нем тунику, чтобы видели судьи и римский народ все рубцы от ран, принятых им прямо в грудь; а сам повел рассказ и о той ране в голову, которую Аквиллий получил от вражеского вождя. Так и убедил он тех, кому предстояло вынести приговор, что не для того судьба вырвала у вражеских копий человека, который и сам не щадил себя, чтобы здесь на его долю выпала не народная хвала, а жестокость судей» (Против Верреса. П. 5. 3). Аквиллий, несомненно, не был невинной жертвой, но искусство защитника сделало свое дело, и его оправдали.

Почему Марк Антоний, который, насколько нам известно, никак не был связан ни с Аквилием, ни с Марием, выступил защитником на этом процессе? Ответа на этот вопрос нет, но, возможно, он и на самом деле считал, что заслуги Аквиллия перед народом перевешивают его прегрешения. Что касается Мария — то для него, как раз вследствие выступления Антония в качестве защитника, процесс Аквиллия в определенном смысле стал этапным. Именно после этого он начал постепенно восстанавливать свое пошатнувшееся положение и приобретать новые связи внутри нобилитета.^{506} Вряд ли тот же Антоний был ему по сердцу, и трудно ожидать, что между ними могло возникнуть сотрудничество, основанное на взаимном доверии.^{507} Но жестокая политическая необходимость вынуждала его искать поддержку в среде правящей олигархии. Именно поэтому он женит своего сына на дочери Луция Красса, породнившись таким образом не только с ним, но через него — и с Муцием Сцеволой. Это, конечно, не означало его сотрудничества с Метеллами,^{508} но и вождем антиметелловской группировки в сенате он не был, да и вообще его в этот период вряд ли можно считать лидером какой-либо группировки.^{509}

Итак, к середине десятилетия напряжение в борьбе между группировками спало — *рах domi foresque fuit* (мир был дома и за пределами государства), как написал позже Юлий Обсеквент (гл. 50).

Что же делал в это беспокойное время наш герой? Его биография в 90-

е годы полна загадок и белых пятен. Плутарх рассказывает: «Сулла думал, что достаточно уже прославил себя воинскими подвигами, чтобы выступить на государственном поприще, — сразу после похода он посвятил себя гражданским делам; он записался кандидатом в городские преторы, но при выборах потерпел неудачу. Виновницей тому была, по его мнению, чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая — в случае, если он, прежде чем стать претором, займет должность эдила, — великолепной травли африканских зверей, она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдильскую должность» (Сулла. 5. 1–2).

Первый же вопрос, который встает перед нами, — как понимать выражение «сразу после похода», то есть когда именно Сулла предпринял попытку выставить свою кандидатуру на должность? Предлагалось три варианта: провал Суллы на выборах в преторы и претора датировались соответственно 95 и 93 м.,^[510] 97 и 95 м.,^[511] 99 и 97 годами.^[512] Наиболее вероятной представляется третья датировка.^[513] Следовательно, первая попытка Суллы приходится на 99 год, когда он мог быть избранным в предусмотренном законом возрасте (*suo anno*) и, в силу этого обстоятельства, имел все шансы на успех. Однако в том, что касается должности, на которую Сулла решил баллотироваться, Плутарх не вполне точен: он не мог выставить свою кандидатуру на должность городского претора, поскольку выбирали на должность претора вообще, а затем уже городской претор избирался из преуспевших кандидатов при помощи жребия.^[514] Как бы то ни было, выборы Сулла проиграл; однако обвинения в адрес черни как виновницы его неудачи вряд ли состоятельны, во всяком случае в той трактовке, в какой они содержатся в сочинении Плутарха. Скорее, его поражение объясняется политическими баталиями 99 года и попытками сторонников Сатурнина вернуть свое влияние, о которых шла речь выше. В таких условиях Сулле, представителю аристократического рода, не замеченному ни в малейшей симпатии к демагогам, конечно, не приходилось рассчитывать на победу — и именно здесь, по-видимому, сказала свое слово «чернь», о которой пишет Плутарх. С другой стороны, кое-кто из нобилей мог видеть в нем недавнего помощника ненавистного Мария. Интересно, пытался ли помочь Сулле его недавний командующий Катул, который многим был обязан ему? Сомнительно; учитывая, что в мемуарах Катул приписал успешные действия своих войск при Верцеллах исключительно себе, он был человеком не только нескромным, но и неблагодарным. Помощи от него ждать не приходилось.

Но вернемся к рассказу Плутарха. Допустим, что он понимает все

правильно. Мог ли Сулла, потерпев поражение на выборах в преторы и идя навстречу пожеланиям толпы, выдвинуть свою кандидатуру в эдилы? По традиции эдилы избирались поочередно — в нечетные годы курульные, избиравшиеся первоначально только из патрицианских родов, в четные — плебейские.^{515} Принадлежа к патрицианскому роду Корнелиев, Сулла мог претендовать на должность курульного эдила — но в том случае, если бы он выставил свою кандидатуру в 102 году на 101й, в 100 году на 99й и т. д. Таким образом, на выборах 99 года Сулла в любом случае не мог выдвинуть свою кандидатуру в эдилы, а ранее он находился на театре боевых действий и уже только поэтому не мог участвовать в выборах. К счастью, должность эдила не входила в *cursus honorum* и не была обязательной для успешной политической карьеры. Выставляя свою кандидатуру в преторы, Сулла руководствовался точным расчетом: преторов было шестеро, а не двое, как курульных эдилов, и, соответственно, шанс быть избранным существенно увеличивался.^{516} Кроме того, если даже мы допустим, что Сулла вдруг решил избираться в эдилы — он ставил себя этим в невыгодное положение. Между эдилитетом и претурой должно было пройти два года,^{517} так что, избираясь эдилом в 99 году, Сулла откладывал бы следующую курульную должность до 96го.^{518}

Наступил следующий год — и Сулла повторил попытку, на этот раз успешно. Какими средствами он добился должности — вопрос без ответа. Плутарх утверждает, что он расположил народ в свою пользу лестью и подкупом, и приводит в подтверждение этого следующий анекдот: «Цезарь, которому Сулла в гневе пригрозил употребить против него свою власть претора, издевательски ответил ему: «По праву ты считаешь своей эту власть — разве ты не купил ее?»» (Сулла. 5.5). Однако подобные обвинения обычны для политической полемики самых разных времен и потому не могут быть восприняты слишком серьезно.^{519}

Из событий, связанных с претурой Суллы, известно, что он все-таки дал игры, которых ожидал от него народ.^{520} Как городской претор, он отвечал за устройство игр в честь Аполлона, которые устраивались ежегодно и именовались *ludi Apollinares*. Эти игры были впервые устроены в 212 году в соответствии с Марциевыми пророчествами, одно из которых гласило: «Если желаете, римляне, изгнать врага, эту чуму, издалека пришедшую, надо, думаю, посвятить Аполлону игры; да повторяются они ежегодно, Аполлону приятные» (Ливии. XXV. 12. 9). Игры эти, как уже говорилось, основал городской претор Публий Корнелий Сулла, предок

нашего героя (Ливии. XXV. 12. 4; XXVII. 23. 5). Во время их проведения «зрители в венках молились и приносили обеты, матроны взывали к богам; народ угощался под открытым небом, двери были настежь и день этот отметили различными молебствиями» (Ливии. XXV. 12. 15).

Можно смело утверждать, что Сулла, когда давал эти игры спустя 115 лет после их учреждения, приложил все усилия, чтобы оказаться достойным своего предка. Действительно, как отмечает его современный биограф, он «получил возможность представить культ Аполлона в некотором роде как семейное дело и подтвердить предназначение рода Корнелия Суллы Руфина организовывать *ludi Apollinares*». ^[521] Игры, устроенные Суллой, запомнились всем: ^[522] для происходившей на них травли зверей Сулла, впервые в истории римских игр, выставил сотню самцов львов («гривастых», как их называет древний автор), полученных от Бокха (Плиний Старший. VIII. 53). При этом, также впервые, во время травли львы были не привязаны и их приканчивали стрелки, присланные все тем же Бокхом (Сенека. О скоротечности жизни. 13.6).

После завершения срока своей магистратуры Сулла получил назначение на Восток, как обычно считается — в Киликию. Подчинение этой области Риму началось в самом конце II века и было тесно связано с борьбой против пиратов. Еще в 102 году ее получил в качестве провинции Марк Антоний (Ливии. Периоха 68; Цицерон. Об ораторе. I. 82, П. 2; Брут. 168; Юстин. Пролог к книге 39). ^[523] Но под провинцией в данном случае подразумевалась не присоединенная к Риму область, а территория, на которой военачальник должен был вести боевые операции — именно так понимали слово «провинция» в прежние века. Мы не знаем, кто стал преемником Антония по должности и действовал в Киликии в 100/97 годах. Вероятнее всего, это был Сулла, именуемый в источниках претором Киликии (Аппиан. ГВ. I. 77. 350; Митридатика. 57.231; О знаменитых мужах. 75.4). Ему поручили вернуть на царство Ариобарзана (Ливии. Периоха 70; Плутарх. Сулла. 5.6).

Данное ему поручение было не из легких. Киликия была известна своими пиратами — настолько знаменитыми, что этноним «киликиец» у римлян стал обозначать пирата вообще. ^[524] Расцвет пиратства в этом регионе начался примерно с середины II века и был связан с «ничтожеством царей, преемственно правивших Сирией и одновременно Киликией», как пишет Страбон. Вторым важным фактором была выгодность торговли рабами. «В особенности побуждал к насилиям

приносивший огромные выгоды вывоз рабов; ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко, а именно Делос, который был способен в один день принять и продать десятки тысяч рабов. Отсюда пошла даже поговорка: «Купец, приставай и выгружай корабль, все продано». Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов. Ввиду такой легкости сбыта пираты появились в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов», — описывает сложившуюся в Киликии ситуацию Страбон (XIV. 5. 2. С. 668–669).

Как правило, в отличие от знаменитых авантюристов Нового времени, античные «джентльмены удачи» безымянны. И все-таки имена некоторых из них до нас дошли. Так, Флор рассказывает: «При вожаке Исидоре они довольствовались ближайшим морем, расположенным между Критом, Киреной, Ахайей и заливом Малей, которое из-за награбленной добычи стали называть Золотым» (II. 41. 3).^[525] Несмотря на то, что Флор называет это море «ближайшим», достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, сколь обширным был ареал пиратских подвигов Исидора. Конечно, до того момента, когда набеги пиратов станут бедствием и для Италии, причем даже в ближайших окрестностях Вечного города, должны были еще пройти долгие годы, но на Востоке с проблемой пиратства римлянам пришлось столкнуться почти сразу же после приобретения провинции Азия. Борьба с пиратами, а также с племенами разбойников-горцев была одной из главных задач Суллы в Киликии, и хотя источники на сей счет молчат,^[526] несомненно, что он вел такую борьбу до тех пор, пока не получил другое, гораздо более важное поручение.^[527] Оно было связано с противодействием набиравшему силу грозному врагу Рима — Митридату VI Евпатору, царю Понта.^[528]

Этот монарх, наделенный редкостными личными качествами, сочетавший в себе черты типичного восточного деспота и эллинскую образованность, производил неизгладимое впечатление как на современников, так и на потомков. Цицерон считал Митридата вторым полководцем после Александра (Учение академиков... 3). Беллей Патеркул говорил, что в ненависти к римлянам царь Понта был подобен Ганнибалу (II. 18. 1). Про него говорили, что он приучал тело к ядам, принимая противоядия, и владел 22 или даже 25 языками. Уверяли, будто телом Митридат был «крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных

расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу шестнадцатью лошадьми» (Аппиан. Митридатика. 112. 550; 111. 537; Плиний Старший. XXV. 6; Авл Геллий. XVII. 17. 2; Орозий. VI. 5. 6 и др.).

Вызревание угрозы со стороны Митридата римляне, поглощенные большими внешними войнами и внутренними смутами, проглядели.^[529] Митридат унаследовал понтийский престол около 120 года после смерти отца, Митридата V Эвергета. Считается, что этот монарх серьезно воспринимал свои обязанности в качестве «друга и союзника римского народа»,^[530] хотя в то же время не забывал и об интересах собственного царства, при каждом удобном случае округляя свои владения и расширяя сферу влияния. Митридат Евпатор унаследовал после отца царство, в которое входили собственно Понт, часть Пафлагонии и южное побережье Черного моря с богатыми греческими городами.^[531] Митридат начал расширять свои владения, действуя, как и его отец, преимущественно дипломатическими методами и присоединяя территории, на которые у него были какие-либо законные права. Видимо, первым объектом экспансии стала Малая Армения (Софена), которую, как принято считать, он получил по завещанию (Страбон. XII. 3. 28. С. 555). Затем к Понту были присоединены Колхида, Боспор, Херсонес, Ольвия и Тира. По всей видимости, вскоре после этого в сферу влияния державы Митридата попадают и западнопонтийские города — Томы, Истрия, Каллатис и др. Итогом явилось создание обширной державы, со всех сторон окружавшей Понт Эвксинский,^[532] который стал «внутренним морем» Понтийского царства.^[533]

Митридат обычно старался найти законный предлог для территориальных приобретений, будь то завещание в его пользу, обращение к нему за помощью и т. д. Кроме того, предметом его вожделений долгое время были земли, не слишком связанные с Римом; посему их захват понтийским царем не беспокоил сенат.^[534] Следует учесть и тяжелые войны, которые вели римляне в конце II века. На этом фоне «первое вмешательство Евпатора в дела соседей казалось не более чем незначительным инцидентом».^[535] Предоставленный самому себе, Митридат мог без особых опасений заниматься расширением своих владений.

Ситуация кардинальным образом меняется, как только Митридат направляет свою экспансию в регион, находившийся в сфере римских интересов. Здесь римляне старались не допустить усиления одних царств за счет других. Поэтому Митридату пришлось искать союзника, который

разделил бы с ним риск неудач и плоды побед. Таким союзником стал царь Вифинии Никомерд III. Объектом их совместных действий стала Пафлагония, которую они поделили между собой примерно в 108/107 году.^{536} Как и ранее, притязания Митридата выглядели законно (что он старательно подчеркивал) — имелось завещание, по которому эту область получил его отец (Юстин. XXXIV. 4. 5; XXXVIII. 5. 4–6, 7. 10).

После захвата части Пафлагонии Митридат обращает взоры на Каппадокию, в дела которой, впрочем, он вмешивался и ранее. В 117/116 году был вероломно убит царь Каппадокии Ариарат VI. На период малолетства его сына регентство получила Лаодика, сестра Митридата и жена покойного царя. Ответственность за это убийство Юстин возлагает на каппадокийского вельможу Гордия, действовавшего якобы по наущению Митридата (XXXVIII. 1. 1). Это вполне может быть правдой, а может, и нет — Митридат во время убийства был еще слишком юн, чтобы вынашивать планы, которые ему приписываются.^{537} Во всяком случае, оставшаяся без царя страна представляла лакомый кусок, и в нее вторгся бывший союзник Митридата, вифинский царь Никомерд III.

У Никомера не было никаких оснований притязать на Каппадокию, и потому его вторжение носило откровенно разбойный характер; сыновья Ариарата VI были лишены своих законных прав, а власть Никомера над Каппадокией удерживалась при помощи оставленных им там гарнизонов. Митридат немедленно отреагировал на этот акт агрессии: он отправил войско, которое изгнало захватчиков.^{538} Таким образом, создавалось впечатление, что справедливость была на стороне Митридата, выступавшего в поддержку законного наследника против узурпатора.^{539} Однако здесь события приняли неожиданный оборот: чтобы создать видимость прав на каппадокийский престол, Никомерд заключил с царицей тайное соглашение и вступил с ней в брак (Юстин. XXXVIII. 1. 4–5). Теперь Митридату пришлось бороться и с родной сестрой, но это его не остановило — Лаодика вместе с вифинцами была изгнана из страны.

Итак, царем Каппадокии был провозглашен Ариарат VII Филометор, человек еще молодой, но тем не менее не захотевший быть игрушкой в руках Митридата.^{540} Независимость от Митридата он продемонстрировал практически сразу же, отказавшись вернуть из изгнания убийцу своего отца Гордия и подготовившись, если потребуется, к вооруженной борьбе. Митридат, не решившись на открытое сражение, вступил в переговоры и собственноручно убил племянника при личном свидании с ним. После этого подлого убийства он посадил на каппадокийский трон послушного

правителя — им стал один из его сыновей, принявший имя Ариарата IX. Реальная власть при этом, по-видимому, принадлежала наместникам Митридата, своим произволом вызвавшим ненависть каппадокийцев. Они восстали и изгнали чужеземцев и поставленного ими царя (Юстин. XXXVIII. 1, 7 ел.; 2. 1; Мемнон. 30.1). Эти события и кратковременное управление страной Ариаратом VIII, братом убитого царя, послужили поводом для новой понтийской интервенции, вернувшей власть сыну Митридата. [{541}](#)

Именно с этого момента начинается непосредственное вовлечение в конфликт Рима — развитие событий, которое спустя десятилетие вылилось в Первую Митридаатову войну. Нельзя сказать, что Рим совсем не реагировал на развитие событий на Востоке. Еще после раздела Пафлагонии между Митридатом и Никомедом сенат направил на Восток посольство, которое потребовало вернуть пафлагонцам их прежнее положение (Юстин. XXXVII. 4. 4). Агрессоры проигнорировали это требование (причем особенно нагло держал себя не Митридат, а Никомед [{542}](#)), но сенат не предпринял против них никаких мер — возможно, под действием взяток (Диодор. XXXVI. 15. 1), если только посольство от Митридата в Рим имело своим предметом пафлагонский вопрос. [{543}](#)

Затем, как уже говорилось, на Восток отправился Гай Марий. Плутарх утверждает, что отправился он в эту поездку среди прочего и в надежде подстрекнуть Митридата к войне с Римом — победитель кимвров надеялся получить в ней командование, покрыть себя новыми лаврами и укрепить свое пошатнувшееся политическое положение. «Поэтому, хотя Митридат принял его любезно и почтительно, Марий не смягчился и не стал уступчивее, но сказал царю: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают», — и этим поверг в страх Митридата, часто слышавшего язык римлян, но впервые узнавшего, какова бывает откровенность их речей» (Плутарх. Марий. 31. 3–5).

Этот рассказ неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, [{544}](#) которые вполне справедливо указывают на то, что трактовка этой поездки Плутархом довольно наивна. Действительно, вряд ли можно было рассчитывать возбудить войну одними словами, не располагая при этом армией, [{545}](#) да и трудно было сомневаться в том, что Митридат не решится на конфликт. [{546}](#) С другой стороны, если Марий отправился в поездку всего лишь для того, чтобы не видеть возвращения Метелла в Рим, отдаленное царство Каппадокия было достаточно странным убежищем.

^{547} Это царство на протяжении ряда лет было «горячей точкой». ^{548} Учитывая, что уже вскоре после миссии Мария сенат переходит к решительным действиям против Митридата в этом регионе, можно предположить, что его поездка носила инспекционный характер и он должен был на месте ознакомиться с обстановкой. ^{549} Таким образом, личные цели Мария совпадали здесь с интересами государства. Эта поездка, чем бы ни руководствовался лично Марий, имела далеко идущие последствия для анатолийской политики Рима, определив отношение к Митридату и его притязаниям и побудив к более активным действиям против его происков в Каппадокии. ^{550}

Тем временем и сам Митридат, может быть, приняв во внимание совет Мария, посчитал необходимым оправдать свои действия в глазах римлян, тем более что в Риме уже находились домогавшийся каппадокийского престола самозванец и бывшая регентша Лаодика, признавшая этого самозванца своим сыном. Посольство Митридата в Рим возглавил Гордий, регент при малолетнем Ариарате IX. Однако сенат на этот раз проявил твердость, и оба претендента остались ни с чем. Более того, им было приказано очистить захваченные территории: Митридату — Каппадокию, а Никомену — Пафлагонию (Юстин. XXXVIII. 1. 10; 2. 4–7). ^{551}

Сразу после решения сената по каппадокийскому вопросу начались неожиданности. Согласно рассказу Юстина, сенат предоставил Каппадокии свободу, но «каппадокийцы» (видимо, имеется в виду в первую очередь местная знать) просили восстановить у них монархию; получив разрешение сената, они избрали царем Ариобарзана, принадлежавшего к местному аристократическому роду (XXXVIII. 2. 8; см. также: Страбон. XII. 2. 11. С. 540). Исследователи по большей части считают, что, если Ариарат IX был посажен Митридатов на каппадокийский трон примерно в 101/100 году, то избрание Ариобарзана следует отнести к 96/95 году. ^{552} Однако далее начинаются разногласия. Долгое время считалось, что Ариобарзана сразу после воцарения изгнали из царства, он бежал в Рим и был восстановлен на троне пропретором Луцием Корнелием Суллой в 92 году. Но, как выяснилось, дело обстояло несколько сложнее. ^{553} К моменту римского вмешательства в Каппадокии боролись за власть две группировки — пропонтийская во главе с Ариаратом IX и Гордием и романофильская во главе с Ариобарзаном. Верх на выборах, в какой бы форме они ни проходили, одержали приверженцы Ариобарзана, причем он был утвержден сенатом. ^{554} Однако Гордий не подчинился, и Ариобарзану пришлось бежать. При этом нет нужды считать, что неудачливый царь

отправился прямо в Рим — скорее, он нашел убежище в римской провинции.

Здесь для Суллы и настало время действовать. Плутарх пишет: «После претуры Суллу посылают в Каппадокию, как было объявлено, чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле — чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу. Войско, которое Сулла привел с собой, было невелико, но с помощью ревностных союзников он, перебив много каппадокийцев и еще больше пришедших им на подмогу армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана» (Сулла. 5. 6–7).

Этот рассказ демонстрирует, что Плутарх довольно плохо понимал политическую ситуацию времени восточного командования Суллы. Во всяком случае, его противопоставление «как было объявлено» и «на деле» не имеет никакой ценности, поскольку обуздать Митридата в тех условиях и означало пресечь его попытки утвердить свое влияние в Каппадокии. Гораздо интереснее другое: кто были эти пришедшие на помощь Гордию армяне? Именно их присутствие на стороне каппадокийцев является одним из основных аргументов в пользу того, чтобы датировать командование Суллы 92 годом. Армяне, с которыми сражался Сулла, могли прийти только из царства Тиграна, связи которого с Митридатом и Гордием сомнений не вызывают; а раз так — событие это не могло иметь место ранее 95 года, когда Тигран Великий, до этого бывший заложником при парфянском дворе, стал царем Армении (Юстин. XXXVIII. 3. 1; Страбон. XI. 14. 15. С. 532).^{555} Но сразу же после прихода к власти он был занят покорением Софены, поэтому следует признать маловероятным его вмешательство в это время еще и в каппадокийские дела; лишь к 92 году он укрепился у власти настолько, что смог послать помощь Гордию.

Ученые поразному пытались разрешить эти трудности. Некоторые из них считали, что Сулла столкнулся лишь с небольшими передовыми отрядами Тиграна, а затем в мемуарах, послуживших источником для Плутарха, преувеличил свои успехи в борьбе с армянскими войсками и их численность.^{556} Но, может быть, армяне в рассказе Плутарха были не воинами Тиграна, а наемниками, которых понтийский стратег Архелай набирал в соседней Софене?^{557} Или они являлись уроженцами Малой Армении, которая находилась под властью Митридата и военные контингенты из которой несли службу даже в отдаленных от ее территории районах Понтийской державы?^{558} Не послал ли Митридат какие-то

подразделения из Малой Армении, организованные по этническому принципу, на помощь своему сыну и Гордию?

Наконец, еще одно возможное решение: Сулла оставался на Востоке не один год, а несколько, вплоть до 93 или 92 года.^{559} Ведь Сулла, вернувшись в Рим, мог выставить свою кандидатуру в консулы на 94 год, но не сделал этого. Почему? Может, он просто не собирался претендовать на высшую должность в государстве?^{560} Но честолюбия ему было не занимать, да и возраст позволял — положенные 43 года ему уже исполнились. Может, он боялся не выдержать конкуренции с более влиятельными соперниками? Однако вряд ли положение было столь безнадежным, что умевший и любивший рисковать Сулла не попытал бы счастья хотя бы раз. Вероятнее, что он просто не имел возможности выставить свою кандидатуру из-за отсутствия в городе.^{561}

Второй аргумент в пользу этой гипотезы связан с расстановкой сил на Востоке. Если Сулла вернулся в Рим в 95 году, то Ариобарзан получил слишком большую мирную передышку — вряд ли Митридат и Тигран дали бы ему спокойно править целых пять лет, если бы их не сдерживало присутствие Суллы с войском, пусть небольшим, но все-таки римским.^{562} Что касается возможности такого развития событий, то существует целый ряд относящихся к этому времени примеров, когда наместники удерживали свою провинцию в течение нескольких лет. «На этой стадии Киликия, в отличие от Сицилии и Азии, была в первую очередь и прежде всего военной provincia, где любой командир мог ожидать постоянной борьбы с пиратами. Для этой provincia ежегодная преемственность не была ни необходимой (она не была достаточно богатой), ни желательной (по крайней мере, когда там находился способный командир), ни — на этой стадии административной истории Рима — удобной».^{563}

Во время пребывания Суллы в Каппадокии произошло еще одно событие, важность которого никто в те времена не понял, — Сулла встретился с парфянским посольством и тем самым положил начало отношениям двух мировых держав. Вновь предоставим слово Плутарху: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо, счастью своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла — одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя — и во время переговоров сидел посередине. Оробаза парфянский царь за это впоследствии казнил, а Суллу

одни хвалили за то, что он унизил варваров, а другие хулили за наглость и непомерное тщеславие» (Сулла. 5.8–9).^{564}

Этот рассказ порождает множество вопросов. Прежде всего: почему прибыло парфянское посольство? Были ли парфяне представителями мирного государства, не стремящегося к экспансии,^{565} а римляне агрессорами? Какие вопросы должно было решить посольство? Чем закончилась миссия Оробаза? Прямых ответов на них в источниках нет.

Думается, что встреча эта была неизбежной «в силу встречного направления удара — Рима на Восток, Парфии на Запад».^{566} Парфянские властители в те времена думали о захвате не только Вавилонии или Месопотамии.^{567} Их целью были, говоря словами Тацита, «древние границы персов» (Анналы. VI. 31), иначе говоря, берега Черного и Эгейского морей. Но почему посольство прибыло именно сейчас?^{568} Вероятнее всего, парфянский посол прибыл для изучения ситуации в Каппадокии на месте — «и обнаружил, что на границах Парфянской империи объявилась новая держава».^{569} Ситуация в этом случае выглядит следующим образом.

Прибывшее на Евфрат посольство имело целью встречу не с римским магистратом, а с представителями тех сил в Каппадокии (будь то Ариобарзан или кто-либо еще), которые противостояли Гордию. Основания для такой встречи были вескими — за спиной Гордия стоял Тигран II Армянский, рост амбиций которого представлял для Парфии если и не прямую угрозу, то предмет некоторого беспокойства. Вполне естественно, что глава такой миссии, встретив в районе, куда он был направлен, представителя государства, отношений с которым доселе не было, постарался выяснить, друг перед ним или враг. Сулла же, со своей стороны, приняв участие во встрече Ариобарзана и парфянского посла, продемонстрировал, кто является истинным хозяином в Каппадокии.^{570} Может быть, именно это допущение постороннего, «северного варвара», на переговоры, которые должны были вестись между царями, и было тем умалением достоинства парфянского властителя, за которое Оробаз, если верить Плутарху, заплатил головой?^{571}

Какой итог имели эти переговоры? Действительно ли Сулла «провел настоящий раздел мира»?^{572} Во всяком случае, формального договора между двумя империями заключено не было за отсутствием необходимости. К действиям Тиграна римляне проявляли мало интереса, в каппадокийские дела, куда они были вовлечены, парфяне не вмешивались,

а «граница по Евфрату» в это время существует только в воображении современных историков — вдоль великой реки располагались государства, сохранявшие независимость (по крайней мере, формально), и никто тогда не мог предвидеть аннексии Помпеем Сирии и переноса границы вплотную к рубежам Парфянской державы. Итак, формальный договор заключать было незначительно из-за отсутствия спорных проблем или общих интересов. Именно поэтому нет ни малейшего намека на обсуждение проблемы в сенате и ратификацию договора.^[573] Вместе с тем Парфянское царство рассматривалось в дальнейшем как невраждебное Риму. Между двумя государствами установилась «дружба» в тогдашнем политическом смысле — неформальные отношения, не связанные с заключением договора и принятием на себя каких-либо обязательств, кроме обязательства не предпринимать против своего «друга» враждебных действий. Именно таким отношениям, как нам кажется, более всего соответствует имеющаяся у нас скудная информация о встрече Суллы с парфянским посольством. Прибыв в Рим, он, несомненно, должен был поставить сенат в известность об этой встрече, только и всего. Формальный договор был делом будущего.

Что касается отношения к этому договору в Риме, то тех, кто одобрял поведение Суллы, было гораздо больше, чем его хулителей.^[574] Прошли те времена, когда эллинистические монархи могли мнить себя равными Риму. Рим помнил, как склонился перед откровенной грубостью римского посла Гая Попилия Лената сирийский царь Антиох IV, которому было предложено дать ответ, не выходя из очерченного на земле круга (Ливий. XLV. 12. 5). В Риме видели, как униженно держался вифинский царь Прусий, даже назвавший себя однажды «вольноотпущенником римского народа» (Полибий. XXX. 19. 1–7).^[575] Разумеется, к парфянскому царю отношение было такое же, ставшее уже привычным, — как к младшему партнеру; иначе и не мог вести себя римский магистрат, не умаляя «достоинства римского народа». Что касается тех, кто осуждал поведение Суллы, то они, несомненно, делали это не из принципиальных соображений, а из личной вражды. Как известно, римские политики (да и не только римские) имели обыкновение обвинять своих противников во всех смертных грехах, не заботясь о том, справедливо обвинение или нет. Объектом таких обвинений и стал Сулла, а Плутарх донес до нас память о них.

На Востоке случился еще один эпизод. Согласно Плутарху, среди спутников Оробаза был некий халдей, «который, посмотрев в лицо Сулле и познакомившись с движениями его духа и тела — не мельком, но, изучив

их природу согласно с правилами своей науки, — сказал, что человек этот непременно достигнет самого высокого положения, да и сейчас приходится удивляться, как он терпит над собой чью-то власть» (Сулла. 5. 10–11). Видимо, эта история была достаточно широко известна. Во всяком случае, Беллей Патеркул, довольно скупой на подробности, тоже рассказывает, что во время встречи с парфянами^[576] «некие маги определили по родимым пятнам на его теле, что его будущая жизнь и посмертная память достойны богов» (П. 24. 3). Источником рассказа об этом пророчестве являются, конечно, мемуары самого Суллы. Вероятно, какое-то предсказание действительно было. Он интерпретировал его «в свете доминирующего — можно сказать, почти навязчивого — мнения, которое имел о себе, а именно что он обладает *felicitas* (счастьем)»,^[577] независимо от того, имел ли он такие представления уже ранее или они впервые были внушены ему только сейчас этим безымянным прорицателем-халдеем.

Возвращаясь в Рим, Сулла имел все основания гордиться: в очень трудных условиях он провел блестящую военную кампанию, победоносно решил поставленную перед ним задачу да к тому же еще впервые вступил в контакт с неизвестным дотоле государством! При таких успехах будущее, несомненно, рисовалось ему в радужных тонах.^[578] Но этим мечтам суждено было разбиться о прозу жизни. Цицерон рассказывал о себе, что после своей квестуры на Сицилии он, пребывая в уверенности, что Рим полон славою его имени и деяний, спросил у своего приятеля, как оценивают его деятельность на острове. В ответ оратор услышал: «Погодика, Цицерон, а где же ты был в последнее время?» (За Планция. 64; см. также: Плутарх. Цицерон. 6.3). Примерно в таком же положении оказался и Сулла. Вечный город жил своей жизнью, и ему было мало дела до блестящих успехов одного из наместников.

Что же происходило тем временем в Риме?

В 95 году вновь начинаются громкие судебные процессы. Первой их жертвой чуть не стал Квинт Сервий Цепион-младший. Как уже говорилось, он активно сопротивлялся закону Сатурнина о ценах на хлеб, и теперь ему это припомнили. Его насильственные действия в те горячие дни были расценены как оскорбление величия римского народа, и он был привлечен к ответственности (Риторика для Геренния. I. 17; II 21). Его обвинителем выступал «самый красноречивый из тех, кто жил за стенами нашего города», — Тит Бетуций Бар из Аскула (Цицерон. Брут. 169). Разумеется, *patres* не могли отдать его на растерзание, хотя его защита и не

может похвастаться таким перечнем знатных людей, как защита его отца. ^[579] Ответ на речь Бетуция для Цепиона составил Луций Элий Стилон, «человек выдающийся, один из достойнейших римских всадников, на редкость начитанный в греческой и латинской литературе». Защитную речь на суде произнес Луций Кресе, хотя она оказалась не очень убедительной, будучи «слишком длинна для похвальной речи при защите и коротка для обычной судебной» (Цицерон. Брут. 162; 169; 205–206, 162). Тем не менее Цепион был оправдан всадническим судом, поскольку его дело не затрагивало интересов всадников.

В ответ на это в суде была предпринята контратака, причем обвинение тоже апеллировало к событиям восьмилетней давности и приписывало обвиняемому то же самое преступление, в котором пытались уличить Цепиона. Речь шла о Гае Норбане, который в 103 году вел активную атаку на Цепиона-старшего с применением насильственных действий. Теперь ему были вменены в вину насилие и пренебрежение трибунским вето (Цицерон. Об ораторе. П. 107–109, 197–199; Валерий Максим. VIII. 5. 2). Обвинителями выступили молодой Публий Сульпиций ^[580] и почтенный уже к тому времени Марк Эмилий Скавр (Цицерон. Об ораторе. П. 89; 107–109; 203; Об обязанностях. П. 49; Апулей. Апология. 66; Валерий Максим. VIII. 5. 2). Совершенно неожиданно для лучших граждан в защиту этого, по выражению Цицерона, «мятежного и ни к чему не пригодного гражданина» (Об обязанностях. П. 49) выступил известный оратор Марк Антоний. Это делается понятным, если вспомнить, что Норбан в свое время был квестором Антония и его защита была непреложным долгом последнего («Ведь он, по завету предков, должен быть мне вместо сына», — говорит Антоний в диалоге Цицерона «Об ораторе» (П. 200), даже если и не была ему по сердцу. Во всяком случае, неудача судебного преследования и оправдание Норбана отнюдь не помешали Антонию сохранить добрые отношения с его главным обвинителем, Публием Сульпицием. ^[581]

Вероятно, можно согласиться с утверждением, что эти процессы показали неэффективность старых методов политической борьбы при помощи судебных обвинений: какой в них оставался смысл, если приговор можно было предвидеть с самого начала? Именно это побудило правящую олигархию вновь заговорить о судебной реформе; непосредственным предлогом здесь послужило знаменитое дело Публия Рутилия Руфа. ^[582] Началось оно с наместничества в Азии великого понтифика Квинта Муция Сцевола (консула 95 года), легатом которого был Рутилий. ^[583] Об этом наместничестве сохранились самые восторженные отзывы примерно

такого характера: «Немалой была и блестящая слава Кв. Сцеволы, коллеги Л. Красса по консулату, управлявшего Азией столь безупречно и столь твердо, что сенат своим декретом объявил впредь Сцеволу образцом и нормой исполнения служебных обязанностей для отправляющихся в эту провинцию магистратов» (Валерий Максим. VIII. 15. 6)**. Нелишне добавить, что это «безупречное управление» длилось всего девять месяцев (Цицерон. Письма к Аттику. V. 17. 5), после чего Сцевола отбыл в Рим, оставив дела на попечение Рутилия Руфа. Однако он успел сделать очень многое, издав, в частности, тщательно продуманный эдикт, в котором, среди прочего, гарантировал грекам суд по их собственным законам в тех делах, которые не касаются римлян (Цицерон. Письма к Аттику. VI. 1. 15).

Сцевола был образцово-показательным наместником, а потому пресекал злоупотребления, которые позволяли себе в провинции римские публиканы и их агенты, что навлекло на него особую ярость вовлеченного в деловые операции всадничества. Однако сам он избежал преследования по причинам, которые остаются неясными. Скорее всего, его спасло не только высокое положение, на которое, как правило, всё списывают.^[584] Впервые, высокое положение само по себе не давало гарантий от осуждения, а вовторых, таковым мог похвастаться и Рутилий — не рядовой сенатор, а консуляр. И все же он был более удобной мишенью, чем куда более знатный Сцевола.^[585] Возможно, дело в том, что последний всего лишь подготовил и издал эдикт, а его практическое осуществление выпало на долю Рутилия. Всадники же на его примере хотели продемонстрировать свою власть в судах тем, кто не хотел с ними считаться.^[586]

Своего они добились — дело Рутилия действительно стало «образцом» и вошло в поговорку, но как символ неправого суда и осуждения невинного.^[587] Обвинителем выступил некий Апиций, про которого говорили, что он превзошел мотовством целый свет (Афиней. IV 168d). Обычно считают, что таким образом наносился удар по одной из основных фигур в группировке Метеллов, но уже давно отмечено, что эта группировка применительно к 90-м годам является фикцией, изобретением современных историков — в это время на политической арене нет ни одного скольконибудь заметного Метелла.^[588] Рутилий в этом смысле был одинокой фигурой: его старый патрон, Метелл Нумидийский, с которым он делил тяготы кампании против Югурты, сошел с политической арены, а завести новые связи с представителями наиболее влиятельных семей он, видимо, не смог.^[589] Поэтому в суде его защищали всего два человека — Муций Сцевола и его собственный юный племянник Гай Аврелий Котта.

Сам Рутилий Руф, подражая Сократу, не стал умолять судей о снисхождении и прибегать к риторическим ухищрениям, одеваться в рубище, приводить на суд рыдающих родственников, как делали многие, а просто изложил аргументы в свою защиту (Цицерон. Об ораторе. I. 228–229). Но в любом случае приговор был предрешен: Рутилия признали виновным и приговорили к конфискации имущества и изгнанию (Цицерон. О природе богов. III. 80; 86; Сенека. О провидении. 3. 4, 7; Дион Кассий. XXVIII. 97. 2–3). Таким образом, это был первый обвинительный приговор, вынесенный всадническим судом за длительное время.^{590}

Это было странное изгнание: Рутилий отправился в ту самую провинцию, за «вымогательства» в которой его привлекли к суду, — и там ему организовали пышную встречу, так что в итоге, как замечает Дион Кассий, полученные дары принесли ему еще большее состояние, чем то, которое было у него конфисковано. Сначала он обосновался в Митилене на Лесбосе, где и пережил учиненную Митридатом в 88 году резню его соотечественников. Затем Рутилий перебрался в Смирну, где и провел остаток жизни, не выказывая никакого стремления вернуться в Рим (XXVIII. 97. 4; см. также: Валерий Максим. II. 10. 5; Цицерон. За Рабирия Постума. 27).

Дело Рутилия Руфа окончательно разрушило то хрупкое согласие между всадниками и лидерами сената, которое, как кажется, на время установилось после гибели Сатурнина.^{591} Как впоследствии напишет Цицерон, «суды были в руках всаднического сословия, и после осуждения П. Рутилия никто не казался столь невинным, чтобы их не бояться» (За Скавра. 2)**. Удивляться этому страху не приходится: под судом оказался сам принцепс сената Марк Эмилий Скавр, обвинителем которого выступил Квинт Сервилий Цепион. Причиной была, согласно Асконию, какая-то «ненависть из-за посольства в Азию»; возможно, основанием для этой ненависти были слухи о том, что Скавр получил взятку от Митридата. Дело, правда, закончилось ничем — Скавр выдвинул против Цепиона встречное обвинение, которое должно было рассматриваться раньше его собственного дела (Цицерон. За Скавра. 2; Асконий. 21 С; Валерий Максим. III. 7. 8). Результатом было то, что *patres* почувствовали свою уязвимость перед всадническими судами, и вновь серьезно встал вопрос о судебной реформе.

Вот в такой обстановке оказался вернувшийся с Востока Сулла — причем нет особой разницы, произошло это в 95 или 91 году: в первом случае он оказывался в эпицентре борьбы, развернувшейся вокруг

процессов Цепиона и Норбана, во втором — в нервной обстановке, сложившейся после осуждения Рутилия и судебных нападков на Скавра. Он и сам едва не попал под суд. «По возвращении Суллы в Рим Цензорин обвинил его во взяточничестве, потому что из дружественного и союзного царства он вернулся с большой суммой денег, собранной вопреки закону», — сообщает наш основной источник, Плутарх (Сулла. 5.12).^{592} Кто такой был этот Цензорин и почему он выдвинул обвинение?

Гай Марций Цензорин принадлежал к одной из наиболее известных плебейских семей, которая претендовала на происхождение от царей Нумы Помпилия и Анка Марция. Первый представитель этой семьи, за историчность которого можно ручаться, Гай Марций Рутул, был четырежды консулом (357, 352, 344, 342 годы), а также первым плебеем, назначенным на должность диктатора (356 год) и избранным цензором (351 год) — именно за это его потомки получили когномен Цензорины.^{593} Однако времена менялись, и некогда знатный род пришел в упадок. Последний Цензорин получил консульскую и цензорскую должности более чем за полвека до нашего персонажа (в 149 и 147 годах); дядя Цензорина, выдвинувшего обвинение против Суллы, был коллегой Гая Гракха по трибунату и, вероятно, разделил его судьбу.^{594} Обвинитель Суллы был еще молод: известно, что он был монетным триумвиром где-то в первой половине восьмидесятых,^{595} а должность эту обычно занимали молодые люди в самом начале их политической карьеры.^{596} Таким образом, выступление против Суллы, скорее всего, было первой политической акцией молодого человека. Иногда предполагают, что за его спиной стоял Марий,^{597} однако это допущение вовсе не обязательно: Цензорин мог увидеть в преследовании Суллы прекрасную возможность для саморекламы, столь важной для римских политиков в начале их карьеры.^{598}

Однако дальнейшее было полной неожиданностью: Цензорин не явился в суд и отказался от обвинения (Плутарх. Сулла. 5.12). Почему он это сделал? Потратил ли Сулла на то, чтобы заставить Цензорина замолчать, часть полученных от Ариобарзана денег?^{599} Или у обвинителя не было свидетелей, которые бы подтвердили его обвинение, хотя при этом он все-таки достиг того, чего хотел — Сулла был полностью дискредитирован и выбыл из политики на четыре года.^{600} Имело ли преследование целью не допустить Суллу к консульским выборам на 91 год и было замято (возможно, под действием подкупа со стороны Суллы), как только миновали избирательные комиции?^{601} Все это вполне вероятно,

[{602}](#) но, увы, недоказуемо. [{603}](#)

Возможен и еще один ответ, основанный на том, что мы знаем о характере Цензурина. Цицерон пишет: «Гай Цензорин, довольно сведущий в греческой словесности, излагал свои мысли с легкостью и исполнял свои речи с приятностью, но был ленив и ненавидел суд» (Брут. 237). Может быть, как раз в этой «лени и ненависти к суду» и заключается разгадка? «Он был молодым человеком. У него было много времени. Если понадобится — другие удобные случаи позволили бы ему использовать суд как ступеньку в своей карьере». [{604}](#)

Итак, суд не состоялся. До крайности маловероятно, чтобы выдвинутые Цензурином обвинения могли отвлечь Суллу от политической карьеры. Стоит вспомнить, что привлеченный к суду в 95 году Норбан стал претором в 90 м, а судимый в один год с ним Цепион — еще в 92 или 91 году. [{605}](#) Но это были люди, против которых выдвигались очень серьезные обвинения, которые прошли через судебный процесс, но не обладали такой верой в свою счастливую звезду, какой обладал Сулла. Если их карьере судебные процессы не были помехой — могло ли помешать Сулле обвинение, не доведенное до суда? [{606}](#) И Сулла вновь окунается в политическую жизнь столицы, где тем временем происходят очень важные события.

Глава 6

ИТАЛИЯ В ОГНЕ

Приговор всаднического суда Рутилию вызвал всеобщее возмущение. Именно он стал поводом к новой крупномасштабной попытке реформ (Беллей Патеркул. П. 13. 2; Флор. III. 17. 3). Осуществить ее взялся плебейский трибун 91 года Марк Ливии Друз. Он был сыном одноименного плебейского трибуна 122 года, который своими демагогическими выступлениями подрывал авторитет Гая Гракха. Впоследствии этот трибун стал консулом 112 года и цензором 109го, а кроме того, справил триумф над скордисками.^{607} Но потомкам он запомнился в первую очередь все-таки как противник Гракха, человек, который впервые попытался перехватить инициативу у реформаторов.

Древние авторы с похвалой отзываются о качествах Друзамладшего. Он был благороден, неподкупен, великодушен, красноречив,^{608} исполнен честолюбия.^{609} Рассказывают, будто архитектор предложил за пять талантов так спроектировать его дом, чтобы туда не могли заглядывать соседи. Друз отвечал: «Возьми десять и сделай весь мой дом прозрачным, чтобы граждане видели мою каждодневную жизнь!»^{610} (Беллей Патеркул. П. 14. 3; Плутарх. Наставления о государственных делах. 800F). Будучи квестором в Азии, «он не хотел пользоваться никакими знаками отличия, дабы ничто не казалось более заметным, чем он сам» (О знаменитых мужах. 66.3). Другие, напротив, упрекали его в высокомерии, а то и в мздоимстве. Уверяли, что он выдал мавретанскому царю Бокху за взятку враждебного тому царька Магульсу, которого потом бросили под ноги слону.^{611} Нумидийского царевича Адгербала он тайно принял в свой дом заложником в расчете на выкуп (О знаменитых мужах. 66. 6–7). Передавали, наконец, что после его смерти осталось десять тысяч фунтов серебряной утвари (Плиний Старший. XXXIII. 141).^{612} Предка Суллы выгнали в свое время из сената, как мы помним, всего за десять фунтов. Но в эпоху поздней Республики такая строгость была уже анахронизмом.

Марк Ливии придерживался вполне «благонадежных» взглядов: в свое время, будучи еще совсем молодым человеком, выступил с другими нобилиями против Сатурнина (Цицерон. За Рабирия. 21). Любопытно, что он предпочел стать плебейским трибуном лишь после эдилитета, хотя обычно

происходило наоборот. Видимо, он и не собирался поначалу быть трибуном, однако осуждение Рутилия и нападки на Скавра произвели на него впечатление. Ведь это были люди, не просто уважаемые в среде нобилитета, но и близкие его семье: Рутилий был женат на тетке Друза по отцу, а Скавр вместе с Друзомстаршим исполнял обязанности цензора в 109 году.^[613]

Друз, как в свое время Тиберий Гракх, пользовался поддержкой некоторых видных сенаторов, прежде всего влиятельных консуляров Марка Скавра и Луция Красса. То же можно предположить и в отношении еще одного консуляра, Марка Антония, друга и единомышленника Красса, а также городского претора 91 года Квинта Помпея Руфа.^[614] Друзьями самого трибуна были молодые нобили, эдилиций (бывший эдил) Гай Юлий Цезарь Страбон Вописк — тот самый, что обвинил Суллу в «покупке» претуры, а также квестории Гай Аврелий Котта и Публий Сульпиций (Цицерон. О своем доме. 50; Об ораторе. I. 24; 97; П. 12; 16; О природе богов. III. 80). Сульпиций станет через три года трибуном и погибнет, а Котте еще удастся в 75 году стать консулом.

Веллей Патеркул так формулирует принцип, которым руководствовался новоиспеченный трибун: «Предложенное Друзом было как бы приманкой, чтобы, соблазнив толпу меньшим, добиться большего» (П. 13. 2). Он выдвинул серию законопроектов — предложил законы: о выведении колоний; о новых хлебных раздачах (или о снижении цен на хлеб); о передаче комиссий присяжных от всадников сенаторам; о введении в сенат 300 всадников. Этим предполагалось удовлетворить и *patres*, и всадников, и простонародье (Ливии. Периоха 71; Аппиан. ГВ. I. 35. 156–158; О знаменитых мужах. 66.4).

Самый же смелый свой план Друз пока держал при себе. Речь шла о даровании прав римского гражданства италийским союзникам (Ливии. Периоха 71; Аппиан. ГВ. I. 35. 155; Флор. III. 17. 6; О знаменитых мужах. 66.11). Подобное предложение в свое время погубило карьеру Гая Гракха, и Друз не спешил — чтобы выступать с таким проектом, нужно завоевать непререкаемый авторитет. Для этого требовалось время. Самые влиятельные сторонники трибуна, Скавр и Крассе, ратовали за передачу судов присяжных сенаторам и потому поддерживали реформатора. Но они вряд ли согласились бы с планами превращения италийцев в *cives Romani*.^[615] — всего за четыре года до этого Крассе вместе со Сцеволой издал закон о лишении римского гражданства италийцев, получивших его не по праву. И пока Друз вел тайные совещания с италийцами, очевидно,

уговаривая их не торопиться.

Земельный закон был задуман с размахом: речь шла, видимо, о раздаче всех оставшихся общественных земель в Италии и на Сицилии. Реформатору приписывают фразу: «Я не дам возможности другим быть щедрыми, если только они не пожелают переделить небосвод и топи болот» (Флор. III. 17. 6; О знаменитых мужах. 66.5). Речь шла, конечно, о новых «смутьянах» вроде Гракхов и Сатурнина, которые не смогли бы теперь приманивать народ земельными раздачами. По мнению Друза, раздача должна быть произведена от имени верхов, что укрепило бы авторитет власти.^[616]

Особенно много споров вызвали проекты судебной реформы и пополнения сената. Patres не желали пускать в свою среду стольких всадников, а те не хотели расставаться с всевластием в комиссиях присяжных (Аппиан. ТВ. I. 35. 159–160; О знаменитых мужах. 66.10). Однако Друза это не остановило. Более того, он добавил к судебному законопроекту еще одну клаузулу: именно сенаторы должны производить следствие по делам о взяточничестве.^[617] Трибун объединил все проекты в рамках одного, хотя закон Цецилия — Дидия запрещал это, и поставил их на голосование в комициях (Цицерон. О своем доме. 41).

Однако планам Друза оказали отчаянное сопротивление его враги во главе с консулом того года Луцием Марцием Филиппом и личным врагом трибуна Квинтом Сервилием Цепионом — тем самым, что пытался помешать хлебному закону Сатурнина в 100 году. Филипп в конце 100х годов сам выступал с аграрным законопроектом, заявив, что в Риме нет и двух тысяч состоятельных людей. Впрочем, он легко отказался от своего проекта, а впоследствии хвастался, что добился всех магистратур, не устраивая для народа никаких развлечений — такой же «щедростью», впрочем, будет похваляться и друг Друза Гай Котта (Цицерон. Об обязанностях. П. 59; 73). Что же касается Цепиона, то он также в свое время дружил с будущим трибуном, но потом поссорился с ним по неясным причинам.^[618] Любопытно, что в свое время Цепион привлекал Филиппа к суду, хотя, по всей видимости, неудачно (Флор. III. 17. 5). Теперь они забыли о прежней вражде и выступили вместе против ненавистного трибуна.^[619] Античные авторы считают, что Цепион выражал интересы всадников, недовольных проектами Друза (Цицерон. Брут. 223; Флор. III. 17. 4). Ученые XIX–XX веков писали то же самое о Филиппе.^[620] Однако невозможно себе представить, чтобы гордые нобили пошли в услужение безродным всадникам. Скорее, речь шла просто о совпадении интересов

сторон.^{621}

Страсти накалялись. Друз будто бы даже угрожал, что сбросит Цепиона с Тарпейской скалы, а Филиппа велел на какое-то время бросить в тюрьму. По дороге консулу так сдавили горло, что у того пошла кровь. Издеваясь над чревоугодием Филиппа, Друз съязвил, что это рассол из маринованных тунцов. В конце концов комиции под давлением сторонников Друза, среди которых было множество италийцев, утвердили законопроект (Ливии. Перियोха 71; Валерий Максим. IX. 5. 2; Флор. III. 17. 8–9; О знаменитых мужах. 66. 810). Реформатор достиг такого влияния, каким не мог похвастаться ни один из прежних трибунов.^{622}

Друз инициировал и еще одну меру — выпуск серебряных монет с примесью 1/8 меди (Плиний Старший. XXXIII. 46). Иногда это объясняют нехваткой средств на реализацию хлебного закона,^{623} но денег в казне на тот момент хватало.^{624} Вероятно, порчей монеты и связанным с ней падением курса Друз хотел уменьшить реальную стоимость долгов, которыми на тот момент были опутаны крупные землевладельцы, прежде всего сенаторы.^{625} Впрочем, вполне вероятно, что эта финансовая мера так и осталась на бумаге.^{626}

А вот аграрный закон начал претворяться в жизнь. Как следует из надписей, Друз лично принял участие в выводе колоний (Inscr. It. XIII. 3. 74).^{627} Плутарх сообщает, что его отец намеренно отказывался от такой деятельности, когда боролся с Гаем Гракхом — он хотел показать свою личную незаинтересованность, тогда как Гракх сам активно участвовал в реализации своих проектов (Гай Гракх. 10.1). Неизвестно, правда, основали ли хоть одну колонию по инициативе Друза-старшего, так что, возможно, ему и участвовать было не в чем. Но он сформулировал принцип, воплощенный в жизнь другими. Впоследствии Цицерон скажет: заботишься о народе — докажи, что не для себя (Об аграрном законе. П. 22). Если политик заботился о знати, тогда ему свою честность доказывать нобилиям, разумеется, не требовалось. Друз же младший показал, что принципы — принципами, а жизнь — жизнью.

Однако Луций Филипп не унимался. Он призывал сенат выступить против законов Друза, которые были приняты с применением насилия и вопреки закону Цецилия — Дидия. Но большинство *patres* проявляло колебания и нерешительность.^{628} В ярости Филипп заявил, что ему придется поискать другой сенат, поскольку с нынешним управлять государством невозможно. 13 сентября Друз созвал *patres* — видимо, чтобы осудить наглое заявление консула. Единомышленник трибуна Луций

Лициний Крассе обрушился на Филиппа с упреками — оскорблено достоинство сената! Тот пригрозил ему штрафом. Тогда Крассе, один из лучших ораторов своего времени, выступил со страстной речью против Филиппа: «Не имущество мое надо тебе урезать, если хочешь усмирить Красса: язык мой тебе надо для этого отрезать! Но даже будь он вырван, само дыхание мое восславит мою свободу и опровергнет твой произвол!» Говорили, что консул направил к оратору ликтора, чтобы тот утихомирил его, но Крассе, отстранив ликтора, бросил в лицо Филиппу: «Ты для меня не консул, раз я для тебя не сенатор!» Однако речь отняла у оратора слишком много сил, что привело к тяжелой болезни (или обострило ее), и через неделю он скончался. Трибун-реформатор лишился одного из самых влиятельных союзников (Цицерон. Об ораторе. III. 1–7; Валерий Максим. VI. 2. 2).^{629}

Тем временем к Филиппу прибыли этруски и умбры, обеспокоенные аграрным законом Друза, — очевидно, речь шла о крупных землевладельцах, боявшихся пострадать от новых разделов в пользу колонистов.^{630} Аппиан без обиняков пишет, что прибывшие из Этрурии и Умбрии явились по вызову консулов^{631} якобы для выступления против законов Друза, а на деле — чтобы убить его (ГВ. I. 36. 163). Это, видимо, преувеличение — за убийцами можно было и не посылать так далеко, но ясно, что Филипп готовился к очередной атаке.

Новым козырем стали сведения о связях Друза с италийцами. Диодор приводит клятву, которую они принесли на верность трибуну: союзники клялись Юпитером Капитолийским, Вестой, Марсом и другими богами, что будут иметь общих с Друзом врагов и друзей, не щадить себя для его блага, если же он добьется для них прав римского гражданства, считать величайшим своим благодетелем, а Рим — своим отечеством (XXXVII. 11). Иногда этот документ считают фальшивкой, сочиненной врагами Друза уже позднее.^{632} Но тогда клятва звучала бы более антиримски, чтобы придать веса обвинениям в адрес Друза и его единомышленников.^{633}

А вот то, что текст клятвы попал в руки Филиппа и что он публично зачитал ее, вполне возможно.^{634} Кроме того, еще весной Друз счел нужным предупредить Филиппа о возможном покушении со стороны италийцев во время праздника на Альбанской горе (О знаменитых мужах. 66.12). Эта странная осведомленность явно навлекла на трибуна подозрения в связях с заговорщиками.^{635}

Наконец, один из видных италийских деятелей, Попедий Силон, в 91 году приехал в Рим и несколько дней жил в доме Друза. Рассказывали, что

Попедий обратился к юным племянникам Друза, Катону Младшему и его брату Цепиону, с просьбой похлопотать перед дядей о правах союзников. Катон отказался, и тогда Попедий, выставив его за окно, стал трясти мальчика и делать вид, будто разожмет сейчас руки, но Катон остался непреклонен (Валерий Максим. III. 1. 2; Плутарх. Катон Младший. 2. 1–5). Если учесть, что будущему борцу за Республику было тогда четыре года, несерьезность всей этой истории становится очевидна.^[636] К тому же Друз и так держал сторону италийцев, и в особых хлопотах нужды не было. Но само пребывание Силона в доме плебейского трибуна также вызывало подозрения.^[637]

Ко всему прочему Филипп, консул и авгур, мог наблюдать знамения и толковать их не в пользу Друза, как это уже делали в свое время враги Гая Гракха.^[638] Уверяли, будто в окрестностях Арреция преломленный хлеб кровоточил, под Сполетием видели огненный шар, затмевавший солнце, в Риме ударила молния в храм Благочестия, еще где-то шел каменный дождь (Обсеквент. 54; Орозий. V. 18. 3–6).

Но это было лишь «довеском». На первом месте стояли обвинения Друза в связях с италийцами. Уравняться с ними в правах не хотели не только многие сенаторы, но и всадники и даже городская чернь, гордившаяся своим исключительным положением. Не меньшую роль, вероятно, играли опасения олигархии, что в случае реализации собственных планов Друз обретет огромную власть.^[639] И это при том, что и теперь его влияние было беспрецедентным. Очевидно, этим и воспользовался Филипп, выложивший весь компромат на Друза, какой только смог добыть или сфабриковать. «Обвинения были столь тяжелыми, впечатление в сенате — столь сильным, отсутствие самого смелого защитника [Красса] столь пагубным, что можно было ожидать не более и не менее как *senatusconsultum ultimum*, то есть объявления Друза врагом и вручения консулам чрезвычайных полномочий для расправы с ним».^[640] До этого, правда, не дошло, но законы Друза сенат объявил недействительными — они, как уже говорилось, противоречили закону Цецилия — Дидия, запрещающему объединять разнонаправленные проекты в рамках одного. Друз не стал применять трибунское вето против этого решения, но заметил, что в будущем сенат ждет возмездие, ибо с прочими он отменяет и закон о передаче судов присяжных в руки *patres*, призванный служить благу нобилитета (Диодор. XXXVII. 10. 3; Цицерон. О законах. П. 31; О своем доме. 41).

Все, чего с таким трудом добился Друз, в одночасье рухнуло. Почему

он не стал налагать вето на решение сената? Пример Гракхов и Сатурнина уже показал всю бесполезность этого. К тому же одно дело давить на комиции, а другое — на сенат, ради которого он и боролся за судебный закон. В конце концов, если *patres* не видят дальше собственного носа и считают, что главное — личный покой, то пусть наслаждаются им. Но когда они поймут, что вечно прятать голову под крыло невозможно, может быть уже поздно.

Нетрудно представить себе настроение италийских соратников Друза. Конечно, им было безразлично, в чьих руках окажутся в Риме суды присяжных и по какой цене будут продавать хлеб римской бедноте. Однако они, похоже, понимали, что после афронта, постигшего Друза, и речи не может идти о даровании им прав гражданства. Сами собой их руки ложились на мечи. Но главный удар ждал впереди.

Друз, как пишет Аппиан, почти не выходил на улицу и работал дома. Однажды он отпускал от себя посетителей и вдруг вскрикнул: «Я ранен!» (По другой версии, он в это время возвращался домой с форума.) Кто нанес удар, неизвестно. Через несколько часов трибун умер. Перед смертью, как говорили, он обратился к присутствовавшим с горделивыми словами: «Будет ли у республики гражданин, подобный мне?» (Аппиан. ТВ. I. 36. 164; Ливии. Периоха 71; Беллей Патеркул. П. 14. 2; Ампелий. 19.6; 26.4; О знаменитых мужах. 66.12; Орозий. V. 18. 7).^[641] Виновниками случившегося считали и Луция Филиппа, и Квинта Цепиона, и трибуна следующего года Квинта Бария, о котором еще пойдет речь (Цицерон. О природе богов. III. 81; Ампелий. 19.6; 26.4; О знаменитых мужах. 66.13).

Однако эта версия, хотя и является общепринятой, представляется маловероятной. Странно, что Друза убили в собственном доме, да еще в присутствии немалого числа людей, но при этом исполнители ушли незамеченными. Выходит, «работали» профессионалы высшего класса. Но почему же их не задействовали раньше, когда Друз представлял куда большую опасность? Эти вопросы снимаются, если предположить, что трибун умер естественной смертью, как о том прямо пишет Флор (III. 17. 9). Анонимный автор рассказывает, как однажды Друз упал во время собрания то ли в припадке эпилепсии, то ли потому, что глотнул козлиной крови. Плиний Старший пишет, что он поступил так, чтобы обвинить в отравлении своего недруга Цепиона. Италийцы приносили обеты о выздоровлении трибуна (XXVIII. 148; см. также: Светоний. О знаменитых мужах. 66. 11–12).

Поскольку автор трактата «О знаменитых мужах», рассказывающий эту историю, не связывает ее с убийством реформатора, которое описывает

отдельно, может возникнуть впечатление, что эти события произошли в разное время.^{642} Посему возможна такая трактовка. Друз действительно упал посреди собрания — дала о себе знать болезнь, возникшая на почве нервного перенапряжения последних месяцев и вообще слабого здоровья. Аппиан, как уже говорилось, пишет, что трибун почти не выходил из дому — очевидно, из-за болезни.^{643} У италийцев было время узнать об этом и начать приносить обеты богам за его выздоровление. Что же касается эпизода с мнимым убийством, то тут, очевидно, уже началась агония, сопровождавшаяся сильным кровотечением — кровь Друза обрызгала стены дома и лицо его матери Корнелии (Риторика для Геренния. IV. 31). Это, разумеется, истолковали как результат ранения. Что же касается крика трибуна о том, будто он ранен, то подобным образом могли истолковать любой его возглас, вызванный резким приступом боли.

Ходил также слух, будто Друз покончил с собой (Сенека. О краткости жизни. 6.2). Однако всерьез его никто не воспринял. Почти никто не сомневался, что произошло убийство: все трибуны-реформаторы — братья Гракхи, Сатурнин — погибали насильственной смертью. Не могло же здесь произойти иначе! Младший современник Друза Цицерон уверенно говорил о его умерщвлении (О природе богов. III. 81). С такой же уверенностью, не подкрепленной никакими фактами, многие до сих пор пишут об отравлении Александра Невского в ханской ставке или о самоубийстве Николая I.

Сенат не назначил следствия в связи со смертью Друза — другого в тех условиях ожидать не приходилось.^{644} Повторялась ситуация со Сципионом Эмилианом, также скончавшимся при не вполне ясных обстоятельствах в 129 году; сенат тогда также не стал расследовать случившееся (Цицерон. За Милона. 16; Дион Кассий. XXXVIII. 27. 3).

Какой бы смертью ни умер Друз, ясно одно: очередная попытка реформирования Республики потерпела крах. Впереди ее ждали десять лет кровавой смуты.

Как же все это затронуло Суллу? Прямо о его позиции в тех событиях нигде не говорится. Известно, однако, о его дружбе с Марком Порцием Катонем, женатым на сестре Друза Ливии (Плутарх. Катон Младший. 2.2; 3.3). Этот Катон (между прочим, отец знаменитого недруга Цезаря Катона Утического) был единомышленником трибуна, а посему не исключено, что и будущий диктатор придерживался сходных взглядов. Впоследствии он, однако, долгое время выступал против претензий италийцев на римское гражданство, из чего можно сделать вывод, что он перешел на сторону

недрузгов Друза.^{645}

Но равным образом допустим и иной ход мысли. Дружба с кем-либо не подразумевала политического единомыслия — достаточно вспомнить Аттика, который поддерживал прекрасные отношения и с Цезарем, и с Цицероном, и с Катонем.^{646} К тому же Сулла мог разделять идею передачи судов присяжных сенаторам и пополнения сената наиболее «благонадежными» из числа всадников, но отнюдь не приветствовать дарование *civitas Romana* италийским союзникам.

В том же году произошло еще одно любопытное событие. «Желая польстить римскому народу и в то же время угодить Сулле, Бокх поставил на Капитолии статуи Победы с трофеями в руках, а подле них золотое изображение Югурты, которого Бокх передает Сулле. Когда рассерженный Марий собрался было уничтожить эти изваяния, а сторонники Суллы готовились встать на его защиту и раздор между приверженцами того и другого едва не вверг в пламя весь город, тогда-то разразилась, сдержав на этот раз распрю, давно уже угрожавшая Риму Союзническая война» (Плутарх. Сулла. 6. 1–3; О знаменитых мужах. 75.6).

Артур Кивни задается вопросом: с чего это вдруг Бокх решил продемонстрировать свою приязнь к старому другу, да еще в столь острый момент? По его мнению, Сулла хотел укрепить этим актом единство сената после того раскола, который внесла в него деятельность Друза, и сделать это, разумеется, к своей выгоде. Он не сомневается в том, что Марий и впрямь собирался разрушить установленную Бокхом скульптурную группу.^{647} Не возражают и другие историки.

Разумеется, Марий имел основания для недовольства этой «лживой и нескромной рекламой», призванной приписать славу пленения Югурты не ему, а его бывшему квестору.^{648} Но все остальное — вымысел Плутарха или, точнее, тех, у кого он черпал информацию. Сам на подобное безобразие Марий не решился бы, а еще одного Сатурнина, который взял бы на себя подобную грязную работу, у него не было.

Мы уже видели, что Сулла в воспоминаниях неустанно подчеркивал свою вражду с Марием еще со времен Югуртинской войны — тот-де был неспособен делиться славой и потому не выносил слишком яркого и талантливую Суллу. Очевидно, и на этот раз именно мемуары диктатора послужили источником для Плутарха. В его рассказе случившееся показано через призму последующих событий.^{649} В нем уже все готово для гражданской войны: у Мария — свои сторонники, у Суллы — свои. Виновник едва не разразившейся смуты, естественно, Марий. Однако

будущий диктатор был тогда не столь крупной фигурой, чтобы на равных тягаться даже с утратившим былое влияние победителем кимвров, — в конце концов, и сам Сулла, всего лишь преторий, оставался пока аутсайдером.

Все это, правда, не снимает вопроса о причинах пропагандистской акции Бокха, совершенной, несомненно, с подачи видных римских политиков.^{650} Вряд ли авторитета Суллы хватило бы, чтобы протащить подобное решение без дополнительной поддержки. Очевидно, постарались недоброжелатели Мария, которые были рады сделать ему очередной «подарок», а увеличения авторитета Суллы они не боялись — никто не мог и представить, что всего через три года он добьется консулата, а через девять лет станет владыкой Рима. И памятников побед Мария не пощадит.

Но это будет чуть позже. А сейчас Италию и Рим ожидала кровавая драма Союзнической войны.

Италийцы, возлагавшие столько надежд на Друза, были в ярости. Римляне не только не желают даровать союзникам гражданство, чего те давно заслужили, но и убили их заступника! Ну что ж, если они не хотят уступить добром, придется брать свое силой. Тайные организации италийцев пришли в действие: разрабатывались планы выступления, договаривались о взаимодействии, для верности производили обмен заложниками. Диодор рассказывает (XXXVII. 1. 3), будто десять тысяч заговорщиков загодя двинулись в Рим, пряча под одеждой оружие, чтобы заставить сенат дать союзникам права римского гражданства, а в случае отказа предать город огню и мечу, но Гней Домиций Агенобарб уговорил их вернуться назад и не угрожать сенату, а договориться с ним по-хорошему.^{651} Однако после смерти Друза на такое рассчитывать не приходилось.

Сенат, чувствуя приближение грозы, разослал своих эмиссаров по Италии, чтобы выяснить обстановку на местах. В пиценский город Аскул прибыли претор Квинт Сервилий^{652} и его легат Фонтей, которым сообщили об обмене заложниками между заговорщиками. Сервилий явился на справлявшееся тогда городское празднество и обрушился на аскуланцев с речами, полными угроз. Те, видя, что их замыслы открыты, решили более не таиться и убили Сервилия и Фонтея. Затем они расправились и с остальными римлянами, находившимися в городе, а их имущество разграбили (Аппиан. ГВ. I. 38. 171–173; Диодор. XXXVII. 13. 2; Ливии. Периха 72; Беллей Патеркул. П. 15. 2; Флор. III. 18. 9; Орозий. V. 18. 8).

Теперь уже взялись за оружие и марсы, и марруцины, и пицентины, и пелигны, и вестины, и самниты, и луканы, и япиги — почти все народы Центральной и Южной Италии. Они предложили сенату даровать им права римского гражданства — ведь во многом именно потом и кровью союзников создано могущество Рима. Сенат ответил, что если италийцы сожалеют об аскуланском инциденте, то пусть тогда пришлют посольство — очевидно, из глав своих общин. Подобное предложение союзники принять не могли, и война стала неизбежной (Аппиан. ГВ. I. 39. 176–177; Беллей Патеркул. П. 15. 2; Флор. III. 18. 3).

Столицей восставших стал главный город небольшого племени пелигнов Корфиний, который инсургенты называли Италией^{653} или Италикой (Беллей Патеркул. П. 16. 4; Страбон. V. 4. 2). Корфиний «по самому своему положению не был и не мог быть городом, который стал бы мозгом или сердцем нации, как Париж или Лондон» — даже в годы расцвета он не превышал в окружности 2600 метров. Решение повстанцев избрать своим центром столь небольшой пункт было не случайным — италийцы хотели видеть не Италию увеличенной в размерах столицей, будь то Рим или Корфиний, но столицу — маленькой Италией.^{654} Было, правда, и еще одно соображение: этот город стоял в конце Валериевой дороги, которая пересекала Италию и вела в края марсов — самых активных участников восстания (Диодор. XXXVII. 2. 4; Страбон. V. 3. 11). Да и вообще Корфиний стоял на стыке путей, соединявших Пицен с повстанческими районами на юге Апеннинского полуострова.^{655}

В Корфиний заседал италийский сенат, состоявший, в отличие от римского, из 500 человек (Диодор. XXXVII. 2. 5). Если в Риме этот орган включал отбывших свой срок магистратов, то здесь, очевидно, речь шла о представителях, избранных общинами — участницами восстания.^{656} Текущими делами ведали два консула — марс Квинт Попедий Силон и самнит Гай Папий Мутил, а также 12 преторов^{657} (против шести у римлян) — Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнаций, Марк Лампоний, Гай Видацилий, Герий Азиний, Веттий Скотон и др. Повстанцы чеканили монеты, символизировавшие победу над Римом, — на одних италийский бык попирает римскую волчицу, на других была изображена увенчанная лаврами Италия, на третьих — Виктория с лавровой ветвью.^{658}

Верность Риму сохранили латины, италийские греки и, разумеется, римские колонии на территории Италии. Этруски и умбры также не присоединились к восставшим, однако в их рядах не было единства —

крупные землевладельцы тяготели к Риму, но они представляли лишь часть местного общества.^[659]

Между тем в Риме решили «разобраться» с потерпевшими поражение реформаторами. Плебейский трибун Квинт Варий Север Гибрида провел закон об оскорблении величия римского народа, по которому подлежали суду те, кто словом или делом подталкивал союзников к восстанию (Асконий. 22 и 79С; Валерий Максим. VIII. 6. 4; Аппиан. ТВ. I. 37. 165).^[660] Конечно, понимать такую формулировку можно было поразному — одни в бунте италийцев винили тех, кто шел им на уступки, другие возлагали ответственность на «твердолобых». Но сейчас верх взяли сторонники «жесткой» линии и речь шла о сенаторах, сочувствовавших Друзу.^[661] Под суд попал сам принцепс сената Эмилий Скавр — ему, впрочем, было не привыкать, он судился всю жизнь, выступая то как истец, то как ответчик.^[662] Такой крепкий орешек оказался не по зубам обвинителю. «Варий из Сукрона утверждает, что Эмилий Скавр призывал к оружию союзников, а Скавр это отрицает. Кому вы больше поверите?» (О знаменитых мужах. 72.И).^[663] Удар был не в бровь, а в глаз: Скавр напоминал о происхождении Бария из Сукрона — города в Испании. Трибун, хотя и принадлежал к числу римских граждан, не то что для Рима, но даже для Италии был чужаком. И как смеет этот наглец, давал понять подсудимый, нападать на самого принцепса сената? Скавр был оправдан.^[664]

Привлекали к суду и другого видного человека — Марка Антония, консула 99-го и цензора 97 года, триумфатора, одного из лучших ораторов того времени (Цицерон. Тускуланские беседы. П. 57). Но и он, по видимому, избежал опасности — вновь обвинители не рассчитали свои силы. Удалось оправдаться, судя по всему, и претору 91 года Квинту Помпею Руфу (Цицерон. Брут. 304).^[665] Другим подсудимым повезло куда меньше. В изгнание пришлось уйти Гаю Аврелию Котте, Луцию Меммию, Муммию Ахейскому,^[666] Луцию Кальпурнию Бестии^[667] — видимо, тому самому, что уже однажды был несправедливо осужден во время Югуртинской войны.^[668] Вообще суды до окончания войны рассматривали только дела по закону Бария, с какого-то момента отложив все прочие иски (Аппиан. ГВ. I. 37; Цицерон. Об ораторе. III. 11; Брут. 205; 303–304).^[669] В ожидании грядущих бедствий рассказывали о недобрых знамениях: домашние собаки бродили с воем, точно волки; скот покинул стойла и пастбища и разбежался по лесам и горам; в Кумах статуя Аполлона

источала пот (Обсеквент. 54; Орозий. V. 18. 9).^{670}

Стороны приготовились к схватке. Итальянцы мобилизовали порядка ста тысяч человек.^{671} Примерно такими же были и силы римлян,^{672} хотя, как добавляет Аппиан, они частично состояли из итальянцев, продолжавших сохранять верность Риму (ГВ. I. 39. 177). В целом, конечно, потенциал Рима превосходил возможности союзников,^{673} но успеет ли он реализовать свой перевес? И что, если те из итальянских общин, которые пока сохраняли лояльность, перейдут на сторону инсургентов? Об этом в сенате старались не думать. Воистину, «никогда со времен войн с самнитами и Пирром, даже в самые черные дни после Канн, римское господство над Италией не подвергалось столь тяжелым испытаниям»!^{674}

На войну выступили оба консула 90 года — Луций Юлий Цезарь^{675} и Публий Рутилий Луп. Первому достался, выражаясь современным языком, южный фронт, второму — северный. Легатами обоих стало немало прославленных военачальников. Под командованием Цезаря служили консул 97 года Публий Лициний Крассе, справивший триумф над лузитанами (отец триумвира Марка Красса); консул 98 года Тит Дидий, отпраздновавший триумфы над скордисками и кельтиберами; герой битвы при Аквах Секстиевых Марк Клавдий Марцелл; знатный, но ничем не зарекомендовавший себя Публий Корнелий Лентул;^{676} а также Луций Корнелий Сулла. Под началом Рутилия оказались сам Гай Марий; участник боев с фракийцами будущий консул и триумфатор Гней Помпеи Страбон (отец Помпея Великого); а также двое нобилей, не прославивших себя громкими подвигами, — Гай Перперна и Валерий Мессала. В качестве проконсулов приняли командование консул 91 года Секст Юлий Цезарь и злейший враг Друза Квинт Сервилий Цепион, в ранге пропретора — Луций Порций Катон.^{677}

«Стратегия повстанцев, которую они, разумеется, планировали заранее, состояла в том, чтобы вести наступление на всех фронтах; ее главной задачей являлся захват латинских колоний и в целом римских анклавов внутри зоны, контролируемой ими самими».^{678} В соответствии с этими принципами итальянцы и начали действовать.

Начало войны оказалось неудачным для римлян. Веттий Скатон разбил Луция Цезаря под Эзернией; сама Эзерния, старинная латинская колония, была осаждена. Сулла, по словам Орозия, прибыл с 24 когортами под Эзернию и нанес врагам тяжелые потери. Фронтин же рассказывает, что Сулла, застигнутый среди теснин неприятелем, завел переговоры с итальянским командиром Дуилием. Воспользовавшись ослаблением

бдительности повстанцев, он сумел увести войско у них из-под носа с помощью нехитрого трюка — трубач создавал «эффект присутствия», тогда как прочие воины улизнули из лагеря с обозом и боевыми машинами. По-видимому, смысл этой не вполне ясной операции таков: Сулла прорвал кольцо блокады и подвез продовольствие осажденным, что позволило им еще какое-то время продолжать оборону.^{679} Если же это была попытка снятия осады, то она не удалась.^{680} Вскоре Эзерния пала, сломленная голодом (Аппиан. ТВ. I. 41. 182; Фронтин. Стратегемы. I. 5. 17; Орозий. V. 18. 16).^{681}

Из-за наступления италийцев армия Публия Красса была отрезана в Лукании,^{682} Марк Лампоний разбил ее и отбросил к Грументу. Марк Эгнаций овладел Венафром, Папий Мутил — Нолой,^{683} Стабиями, Саперном, Гай Видацилий — Канузием, Венузией и, видимо, Салапией. Однако вскоре Цезарю удалось разбить Папия под Ацеррами — первый серьезный успех римлян в ходе Союзнической войны.^{684} Ацерры были важным стратегическим пунктом, обеспечивавшим связь между Капуей и крупной латинской колонией Беневент. В итоге «на этом фронте сложилась патовая ситуация, которая продемонстрировала, что наступление повстанцев в Кампании, несмотря на первоначальные успехи, выдохлось».^{685} Войска провозгласили Цезаря императором, а сенат еще и повелел гражданам снять сагумы — военные плащи, в которые они облачились с началом войны в знак особой опасности, — и вновь надеть тоги (Аппиан. ТВ. I. 41–42; Ливии. Периоха 73; Орозий. V. 18. 11 и 14–15).

На северном фронте дела также шли с переменным успехом; от повстанческих отрядов Публия Пресентия потерпел поражение Гай Перперна; Рутилий Луп отстранил незадачливого военачальника от командования и слил остатки его войска с корпусом Мария. Но и сам консул вскоре показал, что он воюет не лучше Перперны. Не послушав Мария, который советовал не спешить с битвой и для начала обучить войска, Рутилий двинулся на врага.^{686} При переправе через Толен^{687} он попал в засаду, подстроенную Веттием Скатоном, потерпел полное поражение и погиб. Скорбь по погибшим в Риме была столь велика, что сенат велел впредь хоронить павших там, где они погибли, чтобы не производить дурного впечатления на горожан. Правда, Марию удалось спасти часть войска и нанести ответный удар Скатону, но это был лишь частичный успех. Вскоре катастрофа постигла и армию проконсула Цепиона. Недавно он сумел прорваться из окружения, в которое его взяли повстанцы, и ему вручили равную с Марием власть. Однако вскоре стало

ясно, сколь неуместным был этот укол самолюбию Мария. Попедий Силон заманил войско Цепиона в ловушку и учинил ему разгром. Остатки его армии перешли под командование Мария, который фактически стал командующим северным фронтом (Аппиан. ГВ. I. 43–44; Овидий. Фасты. VI. 563; Дион Кассий. XXIX. 98. 1–2; Обсеквент. 55; Евтропий. V. 3. 2; Орозий. V. 18. 11–14).^{688}

Ободренные успехом повстанцы нанесли поражение Луцию Цезарю близ реки Вольтурн^{689} и преследовали его до Теана. Наступая на северозапад, они столкнулись с Марием. Аппиан пишет, что совместно с ним действовал и Сулла, который будто бы сыграл решающую роль в битве.^{690} Сражение произошло в местности, покрытой виноградниками, — как предполагают, к югу от Фуцинского озера.^{691} Погибло до шести тысяч марсов, семь тысяч попало в плен. Возможно, именно в этом сражении пал военачальник марруцинов Герий Азиний, о чьей гибели сообщает Ливии (Периоха 73; см. также: Аппиан. ГВ. I. 46. 201–202; Плутарх. 33.3).^{692}

Некоторые ученые подозревают, что Аппиан ошибся и вместо Суллы речь должна идти о легатах Валерии Мессале^{693} или Сервии Сульпиции,^{694} действовавшем в северных районах Италии, тогда как Сулла воевал на юге. Другие источники о Сулле вовсе не упоминают и честь победы приписывают одному Марию (см.: Ливии. Периоха 73; Плутарх. Марий. 33.3; Орозий. V. 18. 15).^{695} Окончательно разрешить эти противоречия невозможно.^{696} Но вот что интересно: если Аппиан ошибся, то Сулла не совершал никаких подвигов в 90 году; если же он прав, то вряд ли верны разглагольствования диктатора о давней вражде с Марием — со своими недругами он не сотрудничал. Впрочем, этот сюжет восходит к просулланским источникам^{697} и ход их рассуждений очевиден: хотя Марий и ненавидел Суллу, последний все же ради общего дела пошел на сотрудничество с ним и разгромил италийцев, причем именно его войска сыграли главную роль в сражении.^{698}

Впоследствии диктатор рассказывал, что видел под Лаверной, в землях пелигнов, как из-под разверзшейся земли вырвался язык пламени и уперся в небо. Прорицатели якобы заявили, что это предрекает приход к власти в государстве мужа с прекрасной и необычной внешностью, который прекратит смуты. Сулла будто бы уже тогда решил, что речь идет о нем^{699} — рыжеватые волосы отличают его от других людей, а доблесть свою он доказал многими подвигами (Плутарх. Сулла. 6. 11–13; Орозий. V. 18. 5).

Правда, первый год Союзнической войны не принес ему особой славы.^{700} Но и горечи поражения тоже.

Не слишком гладко шли дела у италийцев и на другом участке северного фронта — в Пицене. В сражении у Фалернской горы объединенные силы Видацилия, Лафрения и Веттия разбили войско Помпея Страбона и заперли его в латинской колонии Фирме. Однако осаду города повели отряды одного Лафрения — его сотоварищи, очевидно, решили, что он справится с Помпеем один. Эта ошибка дорого обошлась союзникам. Пополнив армию новобранцами, римский военачальник дождался подхода корпуса Сервия Сульпиция и вырвался навстречу ему. Италийцы потерпели серьезное поражение. Развивая успех, Помпей взял в кольцо стратегически важный город Аскул, а затем разгромил войско пицентинцев, в честь чего сенаторы облачились в парадные одежды (Аппиан. ТВ. I. 47; Ливии. Периоха 75; Орозий. V. 18. 17). Под влиянием этих успехов Помпей добился победы на консульских выборах на 89 год. Его коллегой стал другой отличившийся в боях командир — Луций Порций Катон.^{701}

Почему же этой чести не удостоился Марий? Плутарх, озвучивая враждебную полководцу версию, пишет: «Эта война с ее бедствиями и превратностями судьбы настолько же увеличила славу Суллы, насколько отняла ее у Мария. Он стал медлителен в наступлении, всегда был полон робости и колебаний, то ли потому, что старость угасила в нем прежний пыл и решительность (ему уже было больше шестидесяти пяти лет), то ли потому, что, страдая болезнью нервов и ослабев телом, он, по собственному признанию, лишь из боязни позора нес непосильное для него бремя войны... В конце концов по причине телесной немощи и болезни он сложил с себя обязанности полководца» (Марий. 33. 1–2 и 6).

Однако эти рассуждения выглядят по меньшей мере странно. Если говорить о славе Суллы, то она еще была впереди — в 90 году его успехи оставались весьма скромными. Добровольно сложить командование Марий не мог — ему его просто не продлили.^{702} И уж тем более не приходится всерьез воспринимать разглагольствования о робости и вялости полководца. Конечно, ему приходилось проявлять осторожность, но враг был силен, а его собственные воины не имели выучки и опыта. Зато успехи Мария говорили сами за себя, особенно в сравнении с катастрофами, постигшими Рутилия Лупа и Сервилия Цепиона.^{703} Все объяснялось очень просто — сенат не желал нового возвышения победителя кимвров.

Новые консулы, видимо, не горели желанием заполучить такого легата — Катон был его врагом, а Помпеи просто не нуждался в нем. Иметь подобного подчиненного означало рисковать собственной славой.^{704} Поэтому сенат избавился от Мария при первом же удобном случае,^{705} то есть по истечении срока легатских полномочий. А что до болезни, то это могло быть откровенным издевательством со стороны его врагов — мало ли кого отправляли в отставку «по состоянию здоровья»...

Все это, однако, не снимает еще одного вопроса — почему Марий не попытался добиться еще одного консулата и вновь сыграть роль спасителя государства? Плутарх не сообщает о его участии в выборах на 89 год, хотя выше рассказывает о таком куда менее значимом сюжете, как провал на выборах в эдилы (Марий. 5. 1–3). Посему можно не сомневаться, что победитель германцев и не пробовал попытать счастья. Почему? Очевидно, из-за отсутствия шансов на успех. Нового возвышения Мария нобилитет не желал — арпинат и так уже был консулом шесть раз, тогда как после Сципиона Эмилиана этой чести и дваждыто больше никто не удостоивался. В 98 году он благоразумно отказался от участия в цензорских выборах, то же самое сделал и теперь, чтобы не терпеть унижительного провала.

Хотя римляне отразили первый натиск союзников и даже добились в ряде случаев серьезных успехов, общее положение оставалось тяжелым; одно дело остановить и потеснить врага, другое — выиграть войну. Росли трудности с комплектованием армии. Подкрепления приходили отовсюду — из Испании, Цизальпинской Галлии, с Сицилии, даже из Нумидии.^{706} В войско приходилось зачислять даже вольноотпущенников (Ливии. Периоха 74; Annum. ГВ. I. 49. 212; Макробий. Сатурналии. I. 11. 32).^{707}

Положение еще более осложнилось осенью, когда стало известно, что к движению готовы примкнуть прежде лояльные этруски и умбры.^{708} И в октябре 90 года^{709} консул Луций Цезарь издал закон, согласно которому те из повстанцев, кто сохранял верность Риму, получали права римского гражданства (Цицерон. За Бальба. 21; Annum. ГВ. I. 49. 212–213; Авл Геллий. IV. 4. 3). Это стало первой серьезной уступкой италийцам.^{710} Она повлияла на настроения в Этрурии, общины которой предпочли в большинстве своем сохранить верность (Аппиан. ГВ. I. 49. 213). Те же, кто восстал, были разбиты Катонем. Взбунтовавшимся было умбрам нанес поражение легат Авл Плотий (Ливии. Периоха 74; Орозий. V. 18. 17).

10 декабря 90 года вступили в должность новые плебейские трибуны. Среди них были Марк Плавтий Сильван и Гай Папирий Карбон. В начале

89 года они предложили еще один закон, получивший их имя. Он предполагал дарование *civitas Romana* представителям союзных общин в течение двух месяцев — подразумевалось, что те, кто оказывает римлянам сопротивление, также может воспользоваться этой милостью, если сложит оружие (Цицерон. За Архия. 7). Правда, римляне и здесь сжульничали — новые граждане не вливались в состав 35 старых триб, что могло обеспечить им численный перевес, а образовывали восемь (позднее десять) дополнительных. Как бы они ни голосовали, повлиять на решение 35 остальных триб они не могли. Это в недалеком будущем вновь посеяло семена раздора (Беллей Патеркул. П. 20. 2; Аппиан. ГВ. I. 49. 214–215; 53. 231).

Плавтий провел и еще один закон — о комплектовании чрезвычайных судебных комиссий, рассматривавших дела по закону Бария. Теперь присяжные назначались не из одних только всадников, а свободно избирались по трибам (Асконий. 79С). В результате такой перемены в комиссии попали люди, придерживавшиеся иных взглядов, чем судьи предшествующего состава. Неудивительно, что вскоре Квинт Барий был осужден^{711} на основании собственного закона (Цицерон. О природе богов. III. 81; Брут. 305).^{712} Привлекался к суду и его коллега по трибунату Гней Помпоний,^{713} но ему, видимо, удалось оправдаться (Асконий. 79С).^{714}

Война продолжалась. Зимой 90/89 года у римлян стояло под оружием не менее 15 легионов.^{715} Помпеи Страбон, действовавший на севере, пошел на переговоры с Веттием Скатоном, но они завершились ничем (Цицерон. Филиппики. XII. 27). Его войска продолжали осаду Аскула. Он разбил шедших на подмогу городу марсов, а затем разгромил корпус повстанцев, который направлялся в Этрурию, чтобы поддержать угасавшее там восстание (Ливии. Периоха 74; Аппиан. ГВ. I. 50. 216; Орозий. V. 18. 18).

Консул Порций Катон повел наступление на марсов, но после первых успехов погиб в сражении при Фуцинском озере. Лживые языки уверяли, будто его убил сын Мария, ибо Катон похвалялся, что добился побед, каких и Марию не одержать (Ливии. Периоха 75; Аппиан. ГВ. I. 50. 217; Орозий. V. 18. 24). Погиб и другой римский военачальник, консуляр и триумфатор Тит Дидий, незадолго до этого взявший Геркуланум (Овидий. Фасты. VI. 567–568).

Суллу же сия чаша миновала. Однако год начался для него

неприятным инцидентом, также связанным с гибелью римского военачальника, но не от рук врагов. Легионы Суллы предприняли осаду Помпеи, в которой участвовали и силы флота во главе с легатом Авлом Постумием Альбином,^{716} которого воины вскоре забросали камнями. Многие офицеры, очевидно, настаивали на жестоком наказании виновных,^{717} но «Сулла оставил столь тяжкий проступок безнаказанным и даже гордился этим, не без хвастовства говоря, что благодаря этому его люди, дескать, станут еще воинственнее, искупая храбростью свою вину» (Плутарх. Сулла. 6.16; Полиен. VIII. 9. 1). По словам Орозия, он заявил, что кровь согражданина можно искупить лишь кровью врага (V. 18. 23).

По странной иронии судьбы, за три века до этого, в 414 году, воины убили представителя того же рода — жестокого военного трибуна с консульской властью Марка Постумия Регилльского. Но тогда нескольких обвиненных в случившемся казнили или принудили покончить с собой (Ливий. IV. 50. 5; 51. 3). Правда, речь теперь шла только о легате, но и его умерщвление было делом чрезвычайным и требовавшим самого сурового наказания.

В этой истории много неясного. Ливий и Валерий Максим пишут, что воины заподозрили Постумия в измене,^{718} а Орозий говорит о его высокомерии, что более вероятно, — какникак представитель одной из знатнейших фамилий Рима! Причем, если Валерий Максим и Орозий не ошибаются, он был консуляром.^{719} Но вот вопрос: Орозий называет Постумия легатом Суллы. Так ли это? Плутарх пишет, что Альбина убили воины именно Суллы. Но у Ливия говорится о том, что он начальствовал над флотом и принял смерть от рук своих воинов. В рассказе о гибели легата о Сулле Ливий и Валерий Максим вообще не упоминают (Ливий. Периоха 75; Валерий Максим. IX. 8. 3; Плутарх. Сулла. 6.16; Орозий. V. 16. 22).^{720}

На основании всего этого можно предположить следующее. Постумий не был легатом Суллы,^{721} а лишь взаимодействовал с ним.^{722} Воины же, убившие его, названы подчиненными Суллы потому, что он принял над ними командование после гибели Альбина.^{723} Но в любом случае такое поведение Суллы являлось беспрецедентным. Разумеется, дело было не только в том, что он хотел укрепить боевой дух солдат. Будущий диктатор начал «воспитывать» лично ему преданную армию, готовую идти за него в огонь и в воду.^{724} И, как покажет недалекое будущее, не без успеха.

Однако совсем безнаказанными убийцы Постумия, возможно, все-таки не остались. Мы уже приводили слова Суллы о том, что солдаты,

совершившие столь неслыханный проступок, будут лучше сражаться во искупление вины. Очевидно, такую возможность он им немедленно предоставил, и многие ли уцелели после боя? Это, кстати, позволяло ему сказать тем, кто требовал расправы над убийцами Постумия, что наказать их нельзя, ибо они погибли.

А пока Сулла начал наступление в Кампании и в конце апреля захватил Стабии (Плиний Старший. III. 70). Под Помпеями^{725} у него произошло столкновение с повстанческим командиром Луцием Клуенцием, чей лагерь находился всего в трех стадиях (0,6 километра) от него. Один из римских отрядов потерпел поражение и бежал, но затем Сулла взял реванш. После некоторых перемещений он дал решающий бой Клуенцию, который начался с поединка галла огромного роста с низкорослым мавретанцем из войска Суллы.^{726} Как обычно, Давид победил Голиафа, а корпус Клуенция был разгромлен. Побежденные бежали в Нолу, но их пускали только в одни ворота, чтобы с бегущими не проникли и римляне. Это увеличило потери италийцев. Всего погибло будто бы 50 тысяч человек — несомненно, очередные «охотничьи рассказы» из мемуаров Суллы.^{727} Сам Клуенций также погиб в бою (см.: Аппиан. ТВ. I. 50. 217–221; Евтропий. V. 3. 3).

Но даже если полководец и преувеличил потери повстанцев, успех был действительно серьезным. Очевидно, именно за эту победу войско увенчало его почетным венком, *corona graminea*.^{728} Польщенный Сулла приказал изобразить торжественную сцену награждения в росписи на своей тускуланской вилле, которая впоследствии принадлежала Цицерону (Плиний Старший. XXII. 12). Будущий диктатор намекал, что он — преемник славы древнего героя Публия Деция Муса, которого войско удостоило той же награды в 343 году, когда он спас окруженное теми же самнитами войско и организовал успешный удар по ним (Ливии. VII. 37. 2).^{729} Можно не сомневаться, что тогда же армия удостоила Суллу почетного титула императора, полагавшегося победоносным полководцам.

Именно перед сражением под Нолой случилась история, о которой потом много говорили: перед сражением римский командующий приносил жертвы, и из-под алтаря выползла змея. Гаруспик Гай Постумий, предсказывая успех, стал призывать Суллу атаковать самнитов, что тот и сделал. В итоге он не только разбил неприятеля, но и захватил его лагерь, а по Цицерону, служившему тогда под его началом, — даже два (О дивинации. I. 72; см. также: Валерий Максим. I. 6. 4). Если случай с огненным столбом под Лаверной можно было толковать как угодно, то здесь не возникало никаких сомнений: Сулла — любимец богов, умеющий

к тому же понимать их волю.

Затем победоносный полководец подступил к гирпинскому городу Эклану. Его жители как будто ожидали шедших на выручку луканов. Сулла, догадываясь об этом, дал им на размышление всего час, а тем временем обложил деревянную стену Эклана хворостом и через час поджег ее. Жители сдались, но римский военачальник все равно отдал город на разграбление — ведь жители сдались не по доброй воле, а под давлением обстоятельств (Аппиан. ТВ. I. 51. 222–223). Не менее вероятно, что он хотел также дать солдатам поживиться.

Веллей Патеркул рассказывает, что вместе с Суллой сражался его прадед, кампанец Минаций Магий. Он набрал среди гирпинов легион, во главе которого и воевал против повстанцев. Во главе этого войска Минаций еще под руководством Дидия участвовал во взятии Геркуланума, а под началом Суллы — в осаде Помпеи и взятии Компсы (П. 16. 2). Вероятно, именно с ним связан дошедший до нас отрывок из мемуаров Суллы.^{730} Он гласит: «Если случится, что вы теперь поразмыслите обо мне, то вы поймете: лучше мне быть вашим согражданином, чем врагом, и лучше мне сражаться за вас, чем против вас, и причиной тому будут как мои заслуги, так и заслуги моих предков» (Авл Геллий. XX. 6. 3)*. Возможно, эта витиеватая речь принадлежит Минацию и обращена к Сулле, который понял намеки кампанца и даровал ему права римского гражданства, а сыновья последнего стали впоследствии преторами (Веллей Патеркул. П. 16. 3).^{731}

После взятия Эклана Сулла стал покорять и другие города гирпинов. Многие из них сдались и избежали участи Эклана. Упомянутую же Компсу, по-видимому, взяли с боем — иначе зачем было бы Веллею Патеркулу специально оговаривать участие своего прадеда в ее покорении? Так или иначе, вскоре все племя гирпинов было покорено, что явилось тяжелым ударом для дела восставших (Аппиан. ТВ. I. 51. 223; Ливии. Периоха 75).^{732}

После этих успехов Сулла вторгся в Самний. Поскольку он нанес удар там, где его не ожидали,^{733} то добился полного успеха. Самниты понесли большие потери, а их военачальник Папий Мутил получил ранение и бежал в Эзернию — ту самую, которую в прошлом году пытался спасти Сулла. Тот захватил лагерь Мутила и атаковал один из главных городов Самния — Бовиан, куда перебрался италийский сенат из-за наступления римлян на Корфиний.^{734} В Бовиане находилось три цитадели. Сулла отправил в обход один из отрядов, поручив ему захватить одну из этих цитаделей и

дать знать об успехе дымовым сигналом, а сам выстроил войска перед основными силами неприятеля. Когда его отряд взял первую цитадель, командующий двинул армию на самнитов и после ожесточенного трехчасового боя овладел Бовианом. Столица восставших была перенесена в Эзернию.^{735} Вскоре Сулле сдалось еще несколько мелких племен. Правда, в Кампании оставалась непокоренной Нола, под стенами которой будущий диктатор одержал столь блестящую победу, но она, казалось, вот-вот падет (Аппиан. ТВ. I. 51. 223–225; Ливии. Периоха 75; Флор. III. 18. 3).^{736}

Конечно, говорить о покорении самнитов, как то делают Ливии и Флор, нельзя — они еще покажут себя. Но после таких успехов Сулла доносил о их полном разгроме, и те, кто хотел верить ему, величали его победителем самнитов. Именно их предки в свое время заставили римскую армию сдаться в Кавдинском ущелье в 321 году и провели ее под ярмом. И хотя римляне уже не раз и не два жестоко отомстили за унижение, им было приятно еще раз насытиться кровью и слезами старинных врагов. Бесспорно, это делало Суллу главным героем кампаний того года.^{737} Теперь он мог подумать и о консульстве, о котором его отец, дед, прадед и мечтать не могли. А потому не приходится всерьез воспринимать слова Плутарха о том, будто Сулла невысоко ставил консульство по сравнению с тем, что готовил для себя в будущем (Сулла. 7.1).^{738} Плутарх, как обычно, забегают вперед: он знал о начавшейся вскоре гражданской войне, а Сулла — нет. Ливии же замечает по поводу надежд полководца на высшую магистратуру: «Редко притязал в Риме на консульскую должность кто-то другой, еще до консулата совершив столько подвигов» (Периоха 75).

Союзническая война заканчивалась. Гай Косконий захватил Салапию, Канны, Венузию и разбил самнитского вождя Требация на реке Ауфид,^{739} Апулия почти полностью была им покорена. (Его преемник Цецилий Метелл Пий, будущий шурина Суллы, победит в сражении самого Попедия Силона, который тогда же и погибнет — это, правда, произойдет уже в 88 году.) Помпей Страбон покорил марруцинов, вестинов, пелигнов, марсов. Осенью 89 года он после почти годовой осады взял твердыню мятежного Пицена — Аскул.^{740} Вообще этот полководец не уступал славой своих подвигов Сулле. Но примечателен он не только победами. За заслуги в осаде Аскула Помпей Страбон награждал римским гражданством целую турму испанских всадников — около 30 человек (ILS. 8888). Конечно, Марий в свое время пожаловал то же самое двум когортам камерийцев, то есть почти тысяче воинов, но это были все-таки италийцы, а теперь речь

шла о провинциалах.^{741} Кроме того, Помпеи провел закон о даровании прав латинского гражданства общинам по ту сторону реки Пад (Плиний Старший. III. 138; Асконий. 9С). Он очень уютно чувствовал себя на севере Италии и явно не собирался расставаться с положением некоронованного властителя тех краев.

Римляне и выиграли, и проиграли Союзническую войну. В чисто военном отношении, конечно, они одолели мятежных италийцев, но вряд ли их победа стала бы возможной без политических уступок, применения старинного принципа «разделяй и властвуй». Верные союзники Рима и менее стойкие повстанцы получили *civitas Romana*, тогда как самые упорные борцы, самниты и луканы, своей кровью оплатили их гражданские права.

Но Рим не только вынужден был отчасти поступиться монополией на господствующее положение. Побеждая италийцев, он побеждал самого себя, ибо уничтожал тех, чьими руками вчера еще завоевывал мир. «Римляне предпочли, обессилев сами, дать права гражданства побежденным и надломленным, чем сделать то же самое, пока были сильны обе стороны», — писал Беллей Патеркул (П. 17. 1). По его словам, война унесла 300 тысяч жизней (П. 15. 3). И хотя эта округленная цифра изрядно преувеличена,^{742} ясно, что военной мощи Римской державы был нанесен тяжелый удар.

Задумывался ли обо всем этом Сулла? Вряд ли. Последствия войны скажутся намного позднее, а сейчас он радовался своим победам и славе и собирался пожинать их плоды. Впереди его ждал консулат.

Глава 7

НАЧАЛО СМУТЫ

89 год подходил к концу. Вместе с ним близилась к завершению и Союзническая война. В ноябре перед армией Помпея Страбона капитулировал после почти годичной осады Аскул, и сенат очень надеялся на добычу, захваченную в городе. Победоносному военачальнику был дарован триумф — единственный за всю Союзническую войну. 25 декабря состоялось его празднование. Одна из пленниц, шедших перед колесницей победоносного полководца, несла на руках младенца. Никому и в голову прийти не могло, что этот ребенок, Публий Вентидий Басе, впоследствии будет ревностно служить Цезарю и достигнет «степеней известных», став плебейским трибуном, затем претором и, наконец, консулом, войдя в состав коллегии понтификов. Он прославит свое имя тем, что в 38 году нанесет сокрушительное поражение парфянам в битве при Гиндаре и будет удостоен триумфа, хотя таковой ему и не полагался — Вентидий был тогда не самостоятельным командующим, а подчинялся Марку Антонию. Правда, недоброжелатели не забыли о том, что в свое время победитель парфян брал подряд на поставку мулов и экипажей, и писали на стенах стишки следующего содержания:

Сбегайтесь, все авгуры и гаруспики!

Случилось ныне чудо небывалое:

Ведь мулов прежде чистивший стал консулом.^{743}

Но вернемся в декабрь 89 года, когда Помпеи Страбон купался в лучах славы. Несмотря на оказанную ему честь, он тотчас дал понять, как мало интересуют его нужды сограждан. Величие триумфа, как считалось, зависело во многом от того, какую сумму внес триумфатор в казну.^{744} Сенат очень надеялся на пополнение бюджета за счет аскуланской добычи — Орозий писал, что отцам города не хватало денег для хлебных раздач и пришлось продавать общественные участки вокруг Капитолия (V. 19. 26–27). Подобный финансовый кризис не разражался в Риме уже больше ста лет, со времен Второй Пунической войны.^{745} Однако Помпея Страбона мало беспокоили трудности казны. По закону полководец не был обязан

отдавать добычу или доходы от ее продажи в казну, и он воспользовался этим правом, предоставив сенату самостоятельно разбираться с финансовыми проблемами. Не приходится удивляться, что Помпей Страбон снискал себе репутацию эгоиста и корыстолюбца (Плутарх. Помпеи. 1.4; Граний Лициниан. 23F). Но не приходится удивляться и его поступку — ему надо было «подкармливать» свое войско, чтобы сделать его, если понадобится, орудием в борьбе за власть.

По-видимому, тогда же, в самом конце декабря, произошли события, которые можно считать своего рода прологом гражданской войны, уже стоявшей у ворот. В пределы римской провинции Азия вторгся понтийский царь Митридат VI Евпатор. Это был отнюдь не столь грозный противник, какими были кимвры, тевтоны или восставшие италийские союзники. Но в Азии вели дела многие деловые люди Рима, с которыми были тесно связаны весьма влиятельные сенаторы. Доходы от богатейшей провинции Республики стали поступать в казну Понта, а не в эрарий, что подстегнуло финансовый кризис. Проценты по долгам подскочили. Ростовщики требовали скорейшей уплаты долгов. Должники же, естественно, тянули, ссылаясь на внешние и внутренние неурядицы, а некоторые даже вспомнили о Генуциевом законе 342 года, воспрещавшем давать деньги в рост,^{746} и стали на его основании грозить не в меру ретивым финансистам судом. Городской претор Авл Семпроний Азеллион предложил кредиторам и должникам решить вопрос в судебном порядке. Однако закон Генуция никто формально не отменял (его просто не соблюдали), и у ростовщиков могли возникнуть серьезные трудности, поскольку тяжбы пришлось бы вести не с безвестными людишками, а с весьма почтенными персонами, которые в соответствии со своим положением и задолжали больше других.

Поэтому ростовщики предпочли более короткий путь: когда претор совершал жертвоприношение у храма Диоскуров, в него полетели камни — как говорили, по наущению плебейского трибуна Луция Кассия. Опасаясь худшего, Азеллион бросился бежать и пытался спрятаться в ближайшей таверне, но был убит. Попытки найти виновных ни к чему не привели, несмотря на то, что преступление совершилось не во мраке ночи, а среди бела дня в присутствии множества людей (Аппиан. ГВ. I. 54; Ливии. Эпитома 74; Валерий Максим. IX. 7. 4).^{747}

Таковы были некоторые последствия начавшейся Митридатовой войны. Существованию Рима действия царя не угрожали, а вот по кошелькам многих его граждан ударили очень чувствительно. Соответственно возрастала ценность победы в этой войне. Кроме того,

успех в ней представлялся не столь уж трудным делом — силы Митридата явно уступали силам Рима, и он решился на выступление только потому, что его толкнула на это провокационная политика римских послов, а также Союзническая война, отвлекшая на себя основные ресурсы римлян. Победа над понтийским царем, таким образом, сулила славу, добычу и значительный рост политического влияния тому, кто ее одержит. Войну, учитывая ее значение, должны были поручить, разумеется, одному из консулов, а потому нетрудно представить, сколько появилось желающих добиться победы на консульских выборах.

Источники называют следующих кандидатов: консул заканчивавшегося года Гней Помпей Страбон; его дальний родственник Квинт Помпей Руф; снискавший себе славу на полях Союзнической войны Луций Корнелий Сулла; победитель Югурты и кимвров Гай Марий; наконец, известный оратор Гай Юлий Цезарь Страбон Вописк. Плюсы и минусы положения каждого из них были таковы. В отношении Помпея Страбона сразу следует оговориться: он считается кандидатом в конце 89 года ^[748] на основании сообщения Веллея Патеркула о его обманутой надежде продлить консульство (*frustratus spe continuandi consulatus*), то есть получить его и на следующий год. Однако если бы Помпей Страбон вынашивал такие планы, то не стал бы удерживать при себе аскуланскую добычу — ясно, что такая жадность лишала его всякой надежды на популярность и, разумеется, шансов на победу во время выборов. Но известно, что Помпей добивался консулата на 86 год, и Беллей мог просто проявить неточность, употребив слово «продление» — со времени первого его консульства прошло уже два года. Недоразумением являются и сведения о борьбе за консулат на 88 год Гая Мария, но об этом ниже.

Сложности возникли в связи с кандидатурой Гая Юлия Цезаря Страбона Вописка — по-видимому, того самого, который в свое время без обвиняков заявил Сулле, что тот купил свою преторскую должность. Он не снискал себе лавров на полях сражений, но был известен как прекрасный оратор. По словам Цицерона, Цезарь Страбон «превзошел всех своих предшественников и современников жизнерадостностью и тонким остроумием; правда, его красноречию явно не доставало силы, зато никогда и никто не обладал в большей степени юмором, прелестью и очарованием» (Брут. 177).

Однако на пути Цезаря Страбона к высшей магистратуре стояло одно обстоятельство — он успел побывать лишь квестором и эдилом, но не достиг еще претуры, без чего не мог добиваться консульства. Требовалось особое разрешение сената или комиций. Очевидно, он получил немалую

поддержку — прежде всего от своего рода, ведь его брат Луций Юлий Цезарь был консулом 90-го и цензором 89 года, личностью весьма влиятельной. Единоутробным братом обоих Цезарей был пользовавшийся большим (хотя и не вполне заслуженным) авторитетом коллега Мария по консулату 102 года Квинт Лутаций Катул. С дочерью Луция Цезаря был обручен один из лучших ораторов того времени, бывший консул и цензор Марк Антоний. Да и независимо от связей с фамилией Цезарей многих сенаторов вряд ли прельщала перспектива увидеть победителем Митридата Суллу — кому, как не ему, поручат командование в войне с понтийским царем, стань он консулом? А ведь тогда влияние Суллы неминуемо вырастет. Между тем его персону, несмотря на блестящие победы в сражениях с италийцами, восторга у многих нобилей явно не вызывала: человек из захудалого рода, но с непомерными амбициями, явно нечистый на руку да к тому же спустивший воинам с рук убийство легата Альбина — от такого можно ждать всего. А вот Цезарь Страбон — человек вполне респектабельный, куда более приличного происхождения. Пусть он не снискал лавров выдающегося полководца, но зато и в таких дурных делах, как выскочка Сулла, не замечен.^[749] Правда, впереди война с Митридатом, но Цезарь, если ему придется командовать, может взять с собой толковых легатов, которые проведут операции за него.^[750]

Что же касается еще одного кандидата, Помпея Руфа, то известно, что в 99 году, будучи плебейским трибуном, он вместе с Луцием Порцием Катонем внес предложение о возвращении Метелла Нумидийского из изгнания (Орозий. V. 17. 11); в 91 году он был городским претором и запретил сыну консула 121 года Фабия Максима Аллоброгского по своему усмотрению пользоваться отцовским имуществом в наказание будто бы за разгульный образ жизни (Валерий Максим. III. 5. 2); как уже говорилось, он привлекался к суду по закону Бария, но, видимо, сумел оправдаться. Цицерон отзываясь о нем как о посредственном ораторе, который к тому же нередко писал свои речи не сам, а с помощью Луция Элия Стиллона (Брут. 206; 306).^[751] Таким образом, хотя Помпей Руф в определенных ситуациях вполне мог проявить твердость характера, в целом он был личностью не слишком яркой — «малопримечательный родственник Помпея Страбона», как выразился на его счет один из современных ученых.^[752] Однако это могло принести ему и пользу — такой человек не слишком опасен.

А что же Сулла? Нельзя сказать, что он терял время даром. Его блестящим предвыборным ходом стал союз с одной из самых известных

фамилий Рима — Метеллами, скрепленный браком с двоюродной сестрой главы клана — претора 89 года Метелла Пия. Ради этого он развелся с предыдущей женой Клелией под предлогом ее бесплодия.^{753} Цецилия Метелла стала уже четвертой супругой Суллы. С ИлиейЮлией, которая, как уже говорилось, помогла его карьерному росту, он расстался вскоре после Югуртинской войны, чтобы жениться на некоей Элии, о которой нам ничего не известно. Не больше сведений и о Клелии, брак с которой продолжался шесть или семь лет. Римские женщины того времени, за редчайшим исключением, проходят по страницам истории бледной тенью своих мужей.

Метелла не была исключением, хотя брак с ней оказался для Суллы весьма полезным. Трудно было представить себе более выгодную партию — дочь консуляра, цензория, триумфатора и верховного понтифика Метелла Далматского, племянница консуляра, цензория и триумфатора Метелла Нумидийского, наконец, вдова принцепса сената Марка Скавра.^{754} Нередко Метеллов считают чуть ли не самым влиятельным кланом в те годы, однако это не совсем так^{755} — за предыдущие два десятилетия лишь один из них достиг консульской должности, да и то уже десять лет назад, в 98 году. Так что союз был выгоден обеим сторонам — Метеллы привлекают на свою сторону блестящего полководца, «героя дня»,^{756} а он получает их поддержку на выборах. Кроме того, Сулла заключил союз с другим кандидатом Квинтом Помпеем, чей сын женился на его дочери от первой жены (Ливии. Эпитома 77; Appim. ГВ. I. 56. 247; Беллей Патеркул. П. 18. 6).^{757}

Однако Цезарь Страбон не собирался отступать. По-видимому, он чувствовал сильную поддержку, да и ставки были высоки — он мог стать командующим в войне против Митридата, победа над которым сулила многое. Возможно, именно те, кто стоял за его избрание, стали поговаривать, что Сулладе недостоин такой жены, как Метелла (Плутарх. Сулла. 6.19), ибо уступает ей знатностью. Вообще этот брак мог у многих вызвать неприятные ассоциации — ведь покойный муж Метеллы, Марк Скавр, был принцепсом сената. Уж не метит ли так же высоко и Сулла?^{758}

Но Цезарю Страбону пришлось столкнуться с сопротивлением плебейских трибунов Публия Сульпиция и Публия Антистия (за их спиной стояли, очевидно, весьма влиятельные лица). Еще недавно Цезарь и Сульпиций были приятелями и держали сторону Друза (см. выше),^{759} но времена изменились. Сторонники обоих начали выяснять отношения,^{760} и дело дошло до кровопролития. Цезарь даже здесь не упустил случая

блеснуть остроумием: когда один из его приверженцев, Помпоний, слишком уж хвалился своей раной на лице, полученной в борьбе со сторонниками Сульпиция, Цезарь заметил ему: «Когда убегаешь, ни в коем случае не оглядывайся» (Квинтилиан. Обучение оратора. VI. 3. 75). Однако цветы элоквенции положения не спасли — в конечном счете он проиграл выборы.^{761} Схватки между его сторонниками и людьми Сульпиция стали провозвестием грядущей смуты — недаром комментатор Цицерона Асконий назвал их «причиной гражданской войны» (25С).

Остается выяснить, что же делал Марий, который жаждал получить командование в войне с Митридатом. В выписках из Диодора Сицилийского, сделанных уже в византийскую эпоху, сохранилось упоминание о борьбе между Марием и Цезарем Страбоном за консулат (XXXVII. 2. 12). Стало быть, Марий тоже был кандидатом во время выборов на 88 год? Думается, как и в случае с Помпеем Страбоном, здесь явное недоразумение. Сообщение Диодора сохранилось только в извлечении. Переписчик мог упростить события, следуя нехитрой логике: вскоре Сульпиций отнимет командование в войне против Митридата у Суллы и передаст его Марию (об этом ниже), а потому и в этот раз он наверняка боролся с Цезарем Страбоном, имея в виду ту же цель: добиться консулата для Мария, чтобы тот смог благодаря должности получить и руководство в войне с Митридатом. Посему в извлечении говорится о столкновении с Цезарем Мария, под которым подразумевается Сульпиций.^{762} К этому можно добавить и еще один аргумент: если уж победитель кимбров и стал бы бороться за консулат, то прежде всего с Суллой, ибо именно он, овеянный славой побед на полях Союзнической войны, был наиболее опасным соперником.

Между тем Марий действительно жаждал возглавить поход на Восток. Вот что рассказывает об этом Плутарх: «Марий, из честолюбия не желая признавать себя старым и слабым, ежедневно приходил на [Марсово] поле и упражнялся там вместе с юношами, показывая, как легко он владеет оружием и как крепко сидит в седле, несмотря на старость, сделавшую его тело неповоротливым, грузным и тучным... Достойные граждане при виде подобных занятий жалели этого жадного до славы человека, который, став богатым из бедного и великим из ничтожного, не ведает, что и его счастью положен предел, не довольствуется созерцанием достигнутых благ и спокойным обладанием ими». Правда, старый полководец уверял, будто хочет подготовить к военным тяготам сына, но мало кто в это верил (Марий. 34.5–6). Странно было бы ожидать, чтобы римский военачальник

повел себя как эллинский философ — страсть к приумножению славы была у римлян в крови.

Да и не только о славе шла речь — Марий вряд ли мог забыть о тех блаженных для него временах кимврской войны, когда он год за годом переизбирался на консульскую должность, делал своими коллегами кого хотел и вообще вершил важнейшие дела в государстве. Не эти ли воспоминания мучили полководца, которому Плутарх через 200 лет давал запоздалый совет удовольствоваться прежними дарами судьбы?

И все же свою кандидатуру на выборах на 88 год он, по всей видимости, не выставил. Почему? Об этом, как и о многом другом, источники молчат. Но коекакие предположения на сей счет высказать можно. Марий был человеком неглупым и умел иногда вовремя отступить — как уже говорилось, в 98-м он предпочел отказаться от участия в цензорских, а в 90-м — в консульских выборах, понимая, что успеха не добьется (Плутарх. Марий. 30. 5–6). Вполне вероятно, что и теперь старый полководец решил проявить благоразумие и не состязаться с Суллой, чьи победы в Союзнической войне выглядели эффектнее на фоне его собственных более скромных успехов. К тому же Сулла заручился поддержкой Метеллов — заклятых врагов Мария. Конечно, он рисковал, ибо бывший подчиненный мог лишить его возможности снискать лавры победы над царем Понта, но неудачное участие в выборах, по-видимому, ничего не изменило бы, а лишь добавило бы горечи к поражению. К тому же в это беспокойное время все могло измениться в самую последнюю минуту...

Итак, выборы закончились победой Корнелия Суллы и Помпея Руфа. Пятидесятилетний полководец добился консулата поздно — через семь лет после обычного для этого возраста в 43 года, пропуск которого усложнял победу на последующих выборах. Успех открывал перед Суллой захватывающие дух перспективы, о которых не могли и мечтать его ближайшие предки.

Между тем из Азии поступали дурные вести. Поначалу от понтийцев терпели поражение лишь союзные римлянам малоазийские царьки, но теперь очередь дошла и до римских войск. В плен попал глава римского посольства консуляр Маний Аквиллий, которого Митридат в конце концов подверг жестокой казни. Но самое страшное, что в Эфесе царь издал приказ об уничтожении на подвластных ему территориях всех римлян, италийцев и их рабов. Погибли тысячи людей. Кровь невинно убиенных взывала к мести. Сулла был назначен командующим в войне с

Митридатом^{763} и уже, очевидно, предвкушал сладость победы. Однако на его пути неожиданно возникли препятствия.

Античные авторы уверяют, что Марий, желая любой ценой получить командование в войне, заключил тайное соглашение с плебейским трибуном Публием Сульпицием — тем самым, который совсем недавно помешал Цезарю Страбону стать консулом. Портрет трибуна Плутарх рисует самыми мрачными красками — очевидно, со слов его недругов: Сульпиций был дерзок, «восхищался Сатурнином и во всем подражал ему, упрекая последнего лишь за нерешительность и медлительность» (Марий. 35.1). Он-де «не знал себе равных в самых гнусных пороках, так что не стоило и задаваться вопросом, кого он превосходит испорченностью: можно было спрашивать только, в чем он испорченнее самого себя. Жестокость, дерзость и жадность делали его нечувствительным к позору и способным на любую мерзость» (Сулла. 9. 1–2).

Куда более благосклонен к трибуну Цицерон: «Сульпиций из всех ораторов, которых я когда-либо слышал, был, бесспорно, самый возвышенный и, так сказать, самый патетический», наряду с Гаем Аврелием Коттой он стоял «намного выше своих современников» (Брут. 203, 204). Цицерон даже сделал Сульпиция одним из участников диалога «Об ораторе». Говоря же о политической деятельности трибуна, он мягко замечал, что его, «из наилучших побуждений противодействовавшего Гаю Юлию [Цезарю Страбону], который незаконно домогался консульства, веяние благосклонности народа увлекло дальше, чем сам Сульпиций хотел» (Об ответах гаруспиков. 43). Во всяком случае, он был яркой личностью, не лишенной, конечно, пороков — как и большинство римских политиков. Подчас эти политики позволяли себе чересчур многое, и в этом отношении трибун не отстал от них. Но обо всем по порядку.

Когдато Сульпиций был одним из членов группировки Ливия Друза, но к тому времени она уже распалась — об этом свидетельствует хотя бы его столкновение с Цезарем Страбоном, также принадлежавшим к сторонникам Друза.^{764} Вмешательство Сульпиция и Антистия в консульские выборы на 88 год произвело на многих нобилей положительное впечатление — Цицерон называет это «правым делом», *causa vera*, причем впоследствии никому не ведомый прежде Антистий сделает успешную карьеру судебного оратора (Брут. 226–227).^{765} Правда, вряд ли к этому с одобрением отнеслись сторонники избрания Цезаря Страбона, но они были в явном меньшинстве. Поэтому Сульпиций, очевидно, надеясь на поддержку влиятельных лиц — хотя бы Суллы и

Помпея Руфа,^{766} которым он помог своими нападками на Цезаря,^{767} — выступил с серией важных законопроектов.

Как уже говорилось, те из италийцев, кто вовремя прекратил сопротивление, получили по закону Юлия права римского гражданства, но их не распределили по существующим 35 трибам, а создали восемь новых. Это во многом обесценивало полученные ими права, ибо не позволяло влиять на общее положение дел в государстве — как бы ни проголосовали восемь италийских триб, важнее было мнение остальных 35. И вот Сульпиций выступил с законопроектом о распределении новых граждан (*cives novi*) и вольноотпущенников по старым трибам. Кроме того, он предложил возвратить изгнанников,^{768} а также исключить из сената тех, чей долг превышал 2 тысячи денариев (Аппиан. ТВ. I. 55. 242–243; Плутарх. Сулла. 8. 4–5; Ливии. Эпитома 77).

Законопроекты вызвали бурю возмущения — по-видимому, сенаторов с долгами на тысячи денариев было немало,^{769} но главное — Рим мог лишиться последнего преимущества перед италийцами, которые теперь заполонили бы старые трибы и стали принимать угодные им решения, не считаясь с «природными» римлянами. Недруги трибуна уверяли, будто он продавал вольноотпущенникам и пришлым права римского гражданства. Говорили, что он называет 600 своих приверженцев из числа всадников «антисенатом» — в пику сенату настоящему.

Среди противников предложенных нововведений оказались и оба консула. Желая сорвать принятие упомянутых законов, они объявили неприсутственные дни. Сульпиция это не остановило. Он ежедневно выступал на народных сходках^{770} и в конце концов заявил протест, считая объявление неприсутственных дней незаконным и требуя поставить свои законопроекты на обсуждение. Сулла и Помпеи Руф, естественно, отказались. И тогда трибун решил опробовать метод, давший нужные результаты во время консульских выборов на 88 год. Плутарх пишет, что Сульпиций окружил себя тремя тысячами телохранителей, вооруженных мечами, и вот теперь эти люди принялись за дело: они окружили консулов и стали угрожать им расправой, если те не отменяют неприсутственные дни. Начались кровавые схватки между сторонниками и противниками законопроектов Сульпиция. Вполне возможно, что тот воспринял противодействие Суллы и Помпея Руфа как черную неблагодарность — ведь совсем недавно он помешал Цезарю Страбону стать консулом в обход закона и тем помог победить на выборах Сулле и Помпею Руфу.^{771} Они же в ответ мешают ему проводить в жизнь законы, которые к тому же их

самых никак не затрагивают. В одной из стычек погиб сын Помпея Руфа, выступивший, согласно Аппиану, с речью против предложений трибуна.

Что же касается Суллы, то он укрылся... в доме Мария.^{772} Говорили, будто он вбежал туда неожиданно для преследователей, сам же он писал в воспоминаниях, что его отвели туда под конвоем для разговора с Марием.^{773} Однако вполне вероятно, что Сулла укрылся у старого полководца по собственной воле — конечно, между ними бывали трения, но, в конце концов, они прослужили вместе не один год, да и не Марий ли вывел его в люди? Может, Сулла надеялся убедить своего бывшего начальника вмешаться и положить конец безобразиям^{774} — ведь отступился же тот двенадцать лет назад от бунтовщика Сатурнина. О сговоре между Марием и Сульпицием консул и не подозревал. Можно себе представить его удивление, когда он узнал о нем; во всяком случае, когда Сулла вышел оттуда, он отменил неприсутственные дни (Плутарх. Марий. 35.2–4; Сулла. 8. 6–7; Appian. ГВ. I. 55–56; Беллей Патеркул. П. 18. 5; Ливии. Эпитома 77 и др.). По-видимому, победитель кимвров дал понять своему бывшему подчиненному, что лучше не упорствовать. Тому пришлось подчиниться, и Помпею Руфу ничего не оставалось, как последовать его примеру. Злые языки (уж не сам ли Сулла?) уверяли, будто Сульпиций лишил Помпея консульской власти, на что не имел никакого права (Плутарх. Сулла. 8.8). Однако всерьез воспринимать эти слухи не приходится, учитывая, что о них сообщает только Плутарх, да и то в одной лишь биографии Суллы, в данном случае основывавшейся на далеко не беспристрастных мемуарах диктатора. Если бы такой беспрецедентный случай действительно имел место, то можно не сомневаться, что другие источники о нем не умолчали бы.^{775}

Между тем Сульпиций поспешил воспользоваться отменой неприсутственных дней и провел в комициях свои законопроекты. Но к ним прибавился еще один, ради которого, по словам Аппиана, будто бы все и затевалось — закон о передаче командования в войне с Митридатом Марию, под чье начало должна была перейти армия Суллы (ГВ. I. 56. 249). После бурных событий предшествующих дней уже не имело значения, что подобные назначения — прерогатива сената, а не комиций,^{776} и что Марий не занимает какой-либо должности, которая позволила бы ему принять командование.^{777} Однако это обстоятельство обошли — по всей видимости, победитель кимвров и Югурты получил полномочия проконсула.^{778} Говорить о законности сего решения также не приходится, но кто думал о законах после кровопролития на улицах Рима?

Случившееся показало, кто стоял за спиной Сульпиция. Античные авторы уверяли, что сговор между полководцем и плебейским трибуном существовал с самого начала (так же считают и современные исследователи). Кое-кто даже писал, будто законопроект о передаче руководства походом против Митридата был также внесен изначально (Ливии. Эпитома 77; Беллей Патеркул. П. 18. 5; Плутарх. Сулла. 8.5).^{779} Однако все эти авторы явно находятся под влиянием мемуаров Суллы, да и изложение их довольно сумбурно.^{780} Истинная картина представляется иной: Сульпиций предложил свои законопроекты, однако натолкнулся на сопротивление консулов. Вот тут-то он и вступил в союз с Марием,^{781} который мобилизовал своих сторонников и помог трибуну добиться своего силой.^{782} Однако в награду старый полководец, по-видимому, потребовал провести закон о передаче ему командования на Востоке.^{783} Теперь он мог вернуть себе прежнее положение и снискать новые лавры.

Для самого же Суллы это была катастрофа — все надежды на блестящее будущее рушились. Можно себе представить, какая ярость охватила его. Он с таким трудом достиг славы и почета, добился консулата, о котором и не мечтали его отец, дед, прадед, прославил себя громкими победами, и вот теперь, когда он стоит на пороге величайшего свершения, выживший из ума старик, которому мало шести консулатов и двух триумфов, хочет отнять у него законный трофей, как отнял в свое время у Метелла!^{784} А с ним еще наглый трибун, возомнивший себя новым Гракхом или Сатурнином. Однако он, как видно, забыл, чем кончили эти смутьяны. Ну что ж, придется напомнить ему о не столь давнем прошлом...

Сулла поспешил к своей армии в Кампании, где догорали последние очаги Союзнической войны. Его легионы осаждали непокорную Нолу, тогда-то оказавшуюся неприступной для Ганнибала; штаб-квартира этих войск находилась в Капуе, куда и прибыл ее командующий (Аппиан. ТВ. I. 56. 248).^{785} Он созвал воинов на сходку и произнес перед ними подстрекательскую речь. Консул обличал Мариа и Сульпиция, которые силой провели в народном собрании законопроект о лишении его руководства армией и тем самым совершили беззаконие в отношении его, консула, высшего магистрата Республики; пострадала его *dignitas*, достоинство римского аристократа. Но самое главное — Марий наверняка наберет армию для войны с Митридатом из своих ветеранов, и именно им, а не солдатам Суллы достанутся слава и добыча.^{786} Как показали последующие события, Сулла лгал, но мог ли он быть уверен, что разговоры о беззакониях произведут на его воинов должное впечатление и

что они пойдут за ним на Рим? А вот перспектива остаться без добычи в не такой уж сложной, как казалось, кампании против понтийцев — это совсем другое дело.^{787} Неудивительно, что легионеры криками выразили поддержку своему полководцу и потребовали вести их на Рим (Аппиан. ГВ. I. 57. 250–252).

Вскоре из Рима прибыли военные трибуны, которые должны были передать армию под командование Мария, предварительно отстранив Суллу. Однако трибунов ожидала печальная участь — разъяренные солдаты побили их камнями.^{788} Их кровь стала доказательством преданности сулланских воинов своему императору. Как видим, «опыт» с Альбином, безнаказанно убитым в предыдущем году, не прошел даром.^{789} Но почему с прибытием трибунов мятеж не прекратился? Ведь стало ясно, что легионеров Суллы не заменят ветеранами Мария, так что бояться было нечего. Однако все не так просто. Марий мог чуть позже заменить сулланских центурионов на своих собственных.^{790} Центурионам Суллы это, естественно, не понравилось бы. А именно они держали в руках армию^{791} и, надо думать, настроили подчиненных соответствующим образом. Им достаточно было указать, что Марий, в отличие от их собственного командующего, любит строгую дисциплину. С ветеранами Суллы он уж конечно церемониться не будет, напротив, не откажет себе в удовольствии покуражиться над ними — его тяжелый нрав всем известен. А вдруг он не отдаст им на разграбление города Азии? Позаботится ли он, чтобы им после войны дали землю, как он добился того в свое время для собственных солдат?^{792} Словом, причин опасаться Мария у воинов Суллы хватало.^{793}

Тем временем находившийся при войске прорицатель Гай Постумий — тот самый, что предсказал победу под Нолой, — принес жертвы и, если верить Плутарху (то есть, очевидно, мемуарам Суллы),^{794} объявил: пусть-де его держат связанным до сражения, а если Сулла не добьется успеха, казнят — настолько очевидно жертвы говорили о грядущей победе консула.^{795} Горевшие ненавистью легионы начали марш на Рим.^{796} Если о раздумьях Цезаря на берегу Рубикона рассказывали многие,^{797} но не он сам, то с Суллой получилось наоборот — кроме как от него, мы ни от кого не слышим о его сомнениях. Скорее всего, это рисовка мемуариста.^{798} Не произнося никаких исторических фраз вроде «жребий брошен»^{799} и явно не испытывая особых колебаний, он двинул войска на Вечный город. Правда, высшие офицеры, за исключением одного квестора,^{800} покинули

Суллу и отбыли в Рим — они не могли не понимать, что последний совершает беззаконие еще большее, чем его враги. Это означало неминуемое унижение сената, авторитет которого в глазах большинства нобилей стоял еще высоко — они сами и их родственники входили в его состав или собирались попасть туда. Да и вообще «нестандартность» действий Суллы пугала их. Его же самого уход почти всех высших офицеров не остановил и решения идти на Рим не изменил.^{801} К тому же его действия одобрил коллега по консулату, Квинт Помпей Руф^{802} — очевидно, не только в силу родственных отношений, но и из желания отомстить за смерть сына от рук людей Мария и Сульпиция.

Узнав о случившемся, перепуганный сенат выслал навстречу легионам Суллы преторов Марка Юния Брута и Сервилия (Плутарх. Сулла. 9.3). Согласно Аппиану, преторы спросили,^{803} для чего консул идет на Рим. Тот отвечал, что собирается избавить родину от тиранов (ГВ. I. 57. 254) — ведь Сульпиций и Марий учинили произвол на улицах Рима и силой заставили народное собрание принять угодные им законы. Воины осыпали преторов градом оскорблений, сорвали с них тоги и сломали фасции (пучки розог с воткнутыми в них топорами) — знаки их власти (Плутарх. Сулла. 9.4).^{804} Командующий и не подумал вмешаться и не вынес солдатам хотя бы словесного порицания.

Ночью, как пишет Плутарх, Сулла увидел во сне каппадокийскую богиню — это была «то ли Луна, то ли Минерва, то ли Беллона.^{805} Сулле снилось, будто богиня, представ перед ним, протягивает ему молнию и, называя по имени каждого из его врагов, повелевает поразить их, и, пораженные молнией, они падают и исчезают» (Сулла. 9.8). Вполне возможно, что так оно и было — ведь сны отражают помыслы человека, а кто усомнится в намерении Суллы истребить своих врагов! Так или иначе, он продолжил марш на Рим.

Сульпиций и Марий, очевидно, не ожидали такого поворота событий. Конечно, они сами совершили незаконные действия, но насилия на улицах Вечного города уже совершались не раз, а вот поход на Рим римских же легионов был делом неслыханным. Плутарх пишет, что марианцы перебили многих сторонников Суллы (Марий. 35.7; Сулла. 9.1), но это скорее всего выдумка, призванная оправдать действия мятежного консула.^{806} Они лихорадочно готовились отразить удар войск Суллы, но вряд ли кто-то сомневался, на чьей стороне в случае столкновения будет победа. Сенат, явно не питавший симпатий к новым господам Рима, в то же время еще меньше хотел, чтобы в город ворвались солдаты Суллы, а потому вновь

направил к нему послов. Встреча произошла, видимо, у пересечения Латинской и Лабиканской дорог, примерно в 25 километрах от Рима.^[807] Эмиссары сената обратились к консулам с просьбой подождать с наступлением и не устраивать лагерь ближе, чем в 40 стадиях от города,^[808] а тем временем будет восстановлена справедливость. Аппиан уверяет, что это было вызвано желанием Мария и Сульпиция потянуть время и лучше подготовиться к обороне (ГВ. I. 57. 255), но и тут наверняка мы имеем дело с очередным домыслом: подготовиться к отражению атаки опытных воинов Суллы простая отсрочка не помогла бы. Требовалось выставить равноценную им армию, о чем речи, разумеется, не шло. А вот договоренность с консулами позволила бы избежать крупных неприятностей.

Но Сулла и Помпеи были полны решимости идти до конца и, на словах пообещав не двигаться дальше, в действительности немедленно продолжили наступление (Плутарх. Сулла. 9.10; Аппиан. ГВ. I. 57. 256). Чтобы оправдать такое вероломство, они, видимо, и ссылались на то, будто переговоры — лишь уловка Мария и Сульпиция. Сулла отправил вперед своих офицеров Луция Басила и Гая Муммия, которые овладели Эсквилинскими воротами и стеной рядом с ними (Помпеи Руф тем временем захватил Коллинские ворота). «Хотя отряд Басила, ворвавшись в Город, стал одолевая врага, многочисленная толпа безоружного народа остановила его продвижение и оттеснила назад к стене» (Плутарх. Сулла. 9.11). Тем временем подошли наспех собранные отряды Мария и Сульпиция, навстречу которым вышли воины Суллы. Здесь, у Эсквилинского форума,^[809] в первый и последний раз скрестили оружие лучшие полководцы Рима — «уже не как во время распри, но по правилам войны — под звуки труб, со знаменами впереди» (Аппиан. ГВ. I. 58. 259). «Гражданская война приобрела характер войны против внешнего врага».^[810] А внешнему врагу римляне пощады не давали...

На что надеялся опытный Марий? Неужели он думал, что сумеет оказать успешное сопротивление закаленным ветеранам Союзнической войны? Вряд ли. Не исключено, что старый полководец рассчитывал на психологический эффект — быть может, воины Суллы ужаснутся при мысли о том, сколь неслыханное дело творят, когда увидят, что едва ли не весь Рим поднялся против них?^[811] Так или иначе, но известного успеха он добился — толпа стала теснить воинов. Тогда Сулла «громким голосом отдал приказание поджигать дома и, схватив пылающий факел, сам кинулся вперед, а лучникам дал приказ осыпать кровли домов зажигательными

стрелами.^{812} Он не следовал заранее намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим. Перед глазами его были одни враги, и он, нисколько не задумываясь о друзьях, родственниках, домашних, нимало не сочувствуя им, прокладывал себе путь огнем, не разбирающим правых и виноватых» (Плутарх. Сулла. 9.11–13).^{813} В конце концов Сулла вызвал подкрепления и направил их в обход по Субурской дороге. Их удар решил исход схватки. Марий, оттесненный к храму Земли, призвал к борьбе свободных и будто бы даже рабов (в обмен на свободу), но поддержки не получил — вступить в бой с вооруженными до зубов ветеранами Суллы желающих не было. По Плутарху, к марианцам присоединилось лишь трое рабов, по Аппиану — ни одного. (Впрочем, обращение Мария к рабам, безусловно недопустимое с точки зрения римлян, могло быть очередной «уткой» сулланцев.)

Сулла вывел войска на Священную дорогу (Via Sacra); здесь он подверг публичному наказанию тех, кто под шумок занялся мародерством. Впереди оставалась последняя операция — захват Капитолия, где все еще находились люди Мария и Сульпиция. Эта операция, по-видимому, не потребовала много времени; весь Рим теперь был в руках консулов.^{814} Марий, Сульпиций и их приверженцы, видя свое полное поражение, бежали из Рима. По городу были расставлены караулы. Консулы всю ночь обходили посты, следя за соблюдением порядка — лишние эксцессы только осложнили бы обстановку (Аппиан. ГВ. I. 58–59; Плутарх. Сулла. 9.10–14; Флор. III. 21. 6–7; Орозий. V. 19. 4–5).

Итог случившемуся подводит Франц Фрёлих: «Когда Кориолан настолько поддался ненависти к плебсу и [плебейскому] трибунату, что повел вражеские войска на родной город; но затем в последний момент повернул обратно, и хотя сам он погиб, Рим был спасен; Сулла, напротив, не остановился перед его стенами и с помощью легионов, предназначенных для войны с внешним врагом, поведя правильное наступление... сделался господином Города».^{815} Можно согласиться с тем, что марш на Рим не был хладнокровным и тщательно обдуманной мерой^{816} — ведь и сам диктатор впоследствии утверждал в мемуарах, «что дела, на которые он отваживался по внезапному побуждению, удавались ему лучше тех, которые он считал хорошо обдуманными» (Плутарх. Сулла. 6.8). Уж не о взятии ли Вечного города вспоминал он прежде всего, когда писал об этом?

Понимал ли Сулла, что начал гражданскую войну? Едва ли — ничего подобного в истории Рима еще не было, и вряд ли кто-то думал о том, что она начнется. Но разве не догадывались консулы, что ставят себя в крайне

сложное положение? Взять Рим оказалось нетрудно, однако они стали похожи на охотника, поймавшего волка за уши. Ведь рано или поздно придется объяснять, как они посмели без разрешения сената, вопреки всем обычаям ввести войска в пределы померия. Но Сулла, по-видимому, смотрел на ситуацию просто — врага нужно уничтожить. Главное ввязаться в драку, а там будет видно, как скажет почти через две тысячи лет Наполеон. Однако Сулла исходил, по-видимому, не только из этого. В его характере было доводить начатое дело до конца. Вопрос о будущем он откладывал на потом. Впрочем, это будущее вполне поддавалось прогнозированию хотя бы в общих чертах — после наказания смутьянов можно будет идти на войну с Митридатом, победа над которым искупит все прежние грехи. Сулла верил в свою звезду, и эта вера, как показали последующие события, не обманула его.

Сейчас же нужно было заниматься насущными делами. На следующий день Сулла и Помпеи собрали сходку, на которой выступили с речами, оправдывавшими их действия. Они сетовали на то, что государство уже долгое время находится во власти демагогов, чьи беззакония и толкнули их на жесткие меры. Как отреагировали слушатели, неизвестно, но, видимо, мы не ошибемся, если вспомним пушкинское «народ безмолвствует». Впрочем, молчание — знак согласия. Большого пока и не требовалось.

Куда важнее было убедить в своей правоте сенат. Консулы могли сослаться на примеры прошлого — усмирение сторонников Гая Гракха и Луция Сатурнина, сопровождавшееся не меньшим, если не большим кровопролитием. Вот и теперь кара обрушилась на мятежного трибуна Публия Сульпиция и его клику, терроризировавшую народное собрание. Но мешала одна трудность — в случаях с Гракхом и Сатурнином сенат принимал особое постановление, *senatusconsultum ultimum*.^[817] Сулла же и Помпеи действовали на свой страх и риск, по сути, узурпировав полномочия сената. Более того, они проигнорировали просьбы его послов и закрыли глаза на то, как обошлись их воины с преторами — магистратами римского народа. Впоследствии Сулла ссыался на то, что *patres* действовали по указке Мария и Сульпиция (Плутарх. Сулла. 9.3), но не мог же он сказать это в глаза сенаторам! Ничего, кроме возмущения, подобные речи не вызвали бы — независимо от того, были они правдой или нет.

Так или иначе, Сулла выступил в курии^[818] и не только представил аргументы в защиту своих действий, но и предложил объявить Мария, Сульпиция и их приверженцев врагами (*hostes*). Это отменяло всякую необходимость судебного разбирательства, в ходе которого могли

прозвучать неприятные для консулов речи, к тому же могли вмешаться плебейские трибуны.^{819} Объявленных же «врагами» в случае поимки предполагалось без долгих разговоров предать смерти (Аппиан. ТВ. I. 60. 271).

Прежде ничего подобного в римской истории не случалось. Конечно, имели место бессудные расправы над братьями Гракхами, Сатурнином, а в незапамятные времена — над Спурием Мелием.^{820} Однако Мелия убил начальник конницы Сервий Агала, за чьей спиной стоял диктатор Квинций Цинциннат, в силу своих полномочий имевший право предать смерти любого гражданина. Убийства же Гракхов и Сатурнина, строго говоря, не были вполне законными, хотя в отношении сторонников Гая Гракха и Сатурнина сенат, как уже говорилось, и принял *senatusconsultum ultimum* — не даром в 63 году Цезарь привлечет к суду по обвинению в убийстве Сатурнина сенатора Гая Рабирия. Да и само убийство, к слову сказать, юридически было результатом не решения сената, а самосуда толпы.^{821} Кроме того, оно произошло в Риме. Согласно же закону Порция, гражданин, которому грозила смертная казнь, мог уйти в изгнание.^{822} Марий, Сульпиций и их приверженцы так и сделали, бежав из города. Однако мы не знаем, говорили ли об этом в сенате в тот день, когда Сулла внес свое, мягко говоря, необычное предложение. Вспомнили о другом. Валерий Максим рассказывает (III. 8. 5), что ни один сенатор не посмел противиться воле грозного консула (возможно, это преувеличение), и лишь консул 117 года Квинт Муций Сцевола Авгур^{823} не побоялся выразить протест: Сулла может призвать своих воинов, которыми он окружил курию, может грозить смертью, но ему никогда не добиться, чтобы он, Сцевола, объявил врагом Мария, спасшего Рим. Конечно, можно объяснить смелое выступление Сцеволы тем, что его внучка была замужем за сыном Мария, однако речь его свидетельствует о чем-то большем, чем обычная родственная солидарность: он не просто отказался поддержать неслыханное предложение Суллы, но и осудил его за произвол по отношению к согражданам и, что было особенно возмутительно с точки зрения почтенного консуляра, — к сенату.

Однако выступление Сцеволы осталось гласом вопиющего в пустыне (шум одобрения, возможно, и был, но открыто никто не высказался). Слишком многие сенаторы не любили не в меру честолюбивого, надменного и неотесанного Мария. Конечно, он спас Рим от лютых врагов, но такие же заслуги имели многие — Фурий Камилл, Фабий Кунктатор, Сципион Африканский. При этом никто из них не посмел явиться в сенат в

триумфальном одеянии и не водил дружбу с трибунами-бунтовщиками вроде Сатурнина и Сульпиция. К тому же Марий — выскочка, не с его благородным происхождением шесть раз становиться консулом, чего уже более ста лет не удаивались и куда более знатные люди с не меньшими заслугами перед Римом. Вряд ли сенаторам нравилось и до неприличия упорное стремление Мария добиться новых триумфов и консулатов — надо же и другим дать простор. В конце концов, старый интриган сам был виноват в случившемся — не устроил он вместе с Сульпицием беспорядков на улицах города, не лиши Суллы командования, последний не двинулся бы на Рим, и не пришлось бы шестикратному консулу теперь скрываться, словно беглому рабу. Так стоит ли из-за него ссориться с консулами, которые еще, чего доброго, возьмут курию в осаду?^{824}

Между тем очевидно, что если бы *patres* прислушались к мнению Сцеволы, Сулле, вероятно, пришлось бы уступить — вряд ли он посмел бы применить к ним силу. Прояви сенаторы перед лицом такой угрозы твердость, их авторитет только выиграл бы.^{825} Однако у них явно не было желания на собственной шкуре проверять, насколько серьезно настроен Сулла. Холодный расчет уступил место страху и мелочному недоброжелательству.

В итоге сенат, а затем и комиции^{826} объявили врагами римского народа самого Гая Мария, старшего из его сыновей Гая, а также Публия Сульпиция, Публия Корнелия Цетега, Квинта Грания, Публия Альбинована, Марка Летория, Квинта Рубрия Варрона и других^{827} — всего двенадцать человек (Аппиан. ТВ. I. 60. 271). Их имущество подверглось конфискации, а вслед за самими «врагами» направили погоню. Сульпиций спрятался в имении под Лаврентом, но был выдан собственным рабом. Сулла в награду за услугу даровал рабу свободу, но в наказание за предательство господина велел сбросить его со скалы (Плутарх. Сулла. 10.2; Ливии. Эпитома 77). Высланные консулами всадники захватили трибуна и обезглавили его. «Отрубленная голова Сульпиция, выставленная перед рострами напоказ, стала предвестием неминуемых проскрипций» (Беллей Патеркул. П. 19. 1). Если по смерти Тиберия Гракха много говорили о святотатственном убийстве плебейского трибуна, чья личность неприкосновенна, то теперь об этом речи не шло — ко многому уже привыкли...

Что же касается Мария, то его бегство может послужить отличным сюжетом для приключенческого романа или сказок «Тысячи и одной ночи». ^{828} Он добрался до своего имения Солония, а оттуда в Остию. Там он сел на корабль, приготовленный одним из его друзей, Нумерием, и вместе с

пасынком Гранием вышел в море. Однако на море началось очень сильное волнение, и Мария стала мучить морская болезнь. Он сошел со спутниками на берег около Цирцей и проблуждал с ними до ночи в поисках пищи. По дороге Марий ободрял товарищей, говоря, что верит в свою судьбу — в молодости, живя в деревне, он подхватил полый плаща падающее орлиное гнездо с семью птенцами, а это, как предсказали гадатели, сулило ему семикратное обладание высшей властью. Другими словами, его ждет еще и седьмое консульство, а стало быть, все закончится хорошо.^{829} На следующий день ему сообщили, что сюда скачут всадники, разыскивающие его. Беглецы поспешили к морю и увидели там два грузовых судна. Граний сумел доплыть до одного из них и отправился на остров Энарию. Удалось добраться до другого корабля и его отчиму, хотя двум рабам стоило немалых трудов удержать на поверхности воды грузного Мария.

Как раз в этот момент появились преследовавшие его всадники. Они потребовали, чтобы судовладельцы либо пристали к берегу, либо бросили беглеца в воду. После некоторых колебаний хозяева корабля ответили, что не выдадут Мария, молившего их о защите, и поплыли дальше. Однако вскоре они стали на якорь у болотистого устья реки Лирис и предложили изгнаннику выйти на сушу, чтобы поесть и отдохнуть, а они подождут, пока подует попутный ветер. Несмотря на опасность погони, он сошел на землю, очевидно, и впрямь нуждаясь в отдыхе и еде.^{830} Матросы же вскоре подняли якорь и уплыли в море, «полагая, — как пишет Плутарх, — что выдать Мария бесчестно, а спасти его опасно» (Марий. 37.8).

Оставленный всеми беглец добрался по бездорожью^{831} до хижины старого рыбака и стал просить, чтобы тот спрятал его, обещая потом щедро наградить. Рыбак сжалился над ним и отвел его в тесную пещеру недалеко от реки, для маскировки набросал сверху тростника, веток и травы и там оставил Мария. Однако вскоре появились преследователи, посланные Геминием из Таррацины, лютым врагом полководца. Они стали кричать на рыбака, требуя, чтобы тот рассказал им, где он прячет «врага римского народа». Марий разделся и спрятался в болотной жиже — очевидно, боясь, что его прежнее убежище вот-вот станет известно врагам. Однако брошенная одежда, видимо, и выдала местонахождение беглеца^{832} — вскоре его вытащили из болота и повели в Минтурны. Здесь пленника разместили в доме некоей Фаннии, по делу которой он вынес в 100 году позорящий ее приговор.^{833} Однако женщина не питала к Марию ненависти и приняла его радушно.^{834} Он же, если верить Плутарху, заявил ей, что верит в свою удачу, ибо перед самым домом Фаннии

навстречу ему выбежал осел, который, «весело и лукаво взглянув на Мария, сперва остановился против него, потом пронзительно закричал и запрыгал от радости». А поскольку он сразу же бросился к источнику, чтобы напиться, и не притронулся к корму, то Марий сделал вывод, что спасение ему придет с моря, а не с суши (Марий. 38. 7–9; см. также: Валерий Максим. I. 5. 5; Граний Лициниан. 1516F). Остается лишь удивляться проницательности полководца, столь хорошо разбиравшегося в настроениях ослов, однако в его судьбе было столько необычного, что в народе верили самым невероятным предзнаменованиям, связанным с его именем.^[835]

Появление Мария в Минтурнах поставило местных магистратов — дуумвиров — и членов городского совета в сложное положение. Наиболее почтенные горожане были тесно связаны с заклятыми врагами Мария — Метеллами, — но среди простых людей Марий пользовался чрезвычайной популярностью; законность приказа о его убийстве, учитывая условия, в которых сенат издал его, могла вызывать сомнения.^[836] Поэтому никто не решался взять на себя неприятную роль палача. Дальнейшее выглядит сюжетом, достойным романтической баллады: лишить Мария жизни согласился какой-то галл или кимвр.^[837] Однако, когда варвар вошел в дом, где находился победитель при Верцеллах, ему показалось, будто в темноте глаза полководца горят ярким огнем, а его голос из тьмы грозно вопрошает: «Неужели ты дерзнешь убить Гая Мария?» Варвар бросился бежать, бросив меч, и закричал: «Я не могу убить Гая Мария!» После этого жители и старейшины Минтурн, то ли увидев в происшедшем знамение, то ли устыдившись и вспомнив, что хотят лишить жизни человека, спасшего Италию, раскаялись в первоначальном своем намерении и решили помочь ему (Плутарх. Марий. 39. 1–4; Annum. ГВ. I. 61; Ливии. Эпитома 77; Валерий Максим. П. 10. 6; Беллей Патеркул. П. 19. 3–4).

Затем «все должностные лица вместе вошли к Марию и, окружив его, отвели к морю... Дорогу к морю преграждала посвященная Марике роща, которую там чтили как святыню и заботились, чтобы ничто внесенное в нее не выносилось обратно. Чтобы обойти ее кругом, нужно было потратить много времени, и тогда один из старейших провожатых вскричал, что ни одна дорога не заповедна, если по ней идет к спасению Марий, первым взял на плечи часть поклажи, которую несли на корабль, и прошел через рощу. Добрая воля спутников помогла быстро собрать все необходимое, некий Беллей предоставил Марию судно, а потом, изобразив все эти события на картине, посвятил ее в храм^[838]» (Плутарх. Марий. 39–40).

Более кратко, но с не меньшим пафосом описал эти события Цицерон: «Разве жители Минтурн, которые спасли Мария от меча гражданской войны и нечестивых рук, дали кров и отдых ему, измученному голодом, усталостью и бурями, снарядили в дорогу, предоставили корабль и его, когда он покидал землю, которую спас, провожали с молитвами, напутствиями и слезами, не снискали этим навек добрую славу?»* (За Планция. 26).^{839}

Как видим, Цицерон ничего не сказал ни об осле, ни о варваре-палаче.^{840} Вытекает ли отсюда, что все эти детали не заслуживают доверия? Что касается осла, то это явно фольклорная подробность,^{841} а вот поведение германца (или галла) представляется вполне объяснимым. Он был общественным рабом и, очевидно, выполнял грязную работу городского палача. Вряд ли речь шла о том, что он вызвался убивать Мария добровольно — ему просто велели выполнить его обязанности. С учетом этой поправки все встает на свои места: варвар вошел в помещение, где должен был казнить пленника, но тот надменно спросил его: неужели он посмеет убить самого Мария? Узнав, с кем имеет дело, палач, естественно, оробел — он не мог не знать, что у простых горожан полководец пользуется популярностью. А если они отомстят? А если объявятся родственники? О кровной мести варвар, особенно если он был германцем, наверняка знал не понаслышке. Не приходится удивляться, что он отказался убивать Мария. Магистраты же, по-видимому, объявили это божественным знамением и, ссылаясь на волю небожителей, отпустили победителя Югурты и кимвров.^{842}

Так начались заморские странствия несгибаемого арпината. «Фортуна сохранила его для новой войны» (Флор. III. 21. 8). Как заметил Теодор Моммзен, неизвестно, благодарил ли Сулла свою счастливую звезду за то, что ему не довелось стать убийцей Мария, но сведений о том, что власти Минтурн и сам город были наказаны за содействие изгнаннику, нет.^{843}

Соратникам полководца удалось уйти, по-видимому, без особого труда, поскольку все усилия были брошены на поиски двух главных зачинщиков — Мария и Сульпиция.^{844} Один из Граниев бежал, как уже говорилось, на Энарию, сын Мария Гай — в Африку,^{845} Децим Брут — в Дальнюю Испанию (Плутарх. Марий. 35.12; Граний Лициниан. XXXV. 16F). В свое время они вернутся в Рим, и отнюдь не с намерением явить образцы милосердия. Но это будет уже много месяцев спустя, когда Сулла покинет Италию.

Объявление Мария, Сульпиция и их приверженцев врагами римского народа было лишь одним из мероприятий победившей стороны. Наряду с ним приняли еще одно решение — об отмене всех законов Сульпиция (Аппиан. ТВ. I. 59. 268). Если отмена законов об исключении из сената тех его членов, чей долг превышал 2 тысячи денариев, и передаче командования от Суллы Марию представляется вполне очевидной, того же нельзя сказать о самом главном — распределении италийцев и вольноотпущенников по 35 трибам. «Если бы Сулле хватило мудрости и великодушия издать заново этот закон от собственного имени, беспорядков и кровопролития, последовавших вскоре, можно было бы избежать». ^[846] Впоследствии ему придется сделать это, но лишь после огромных жертв и страданий, которые выпадут на долю Италии. Точно так же, когда в 103 году сенат не хотел давать землю воинам Мария, тот в союзе с Сатурнином добился своего, и хотя Сатурнин погиб, а Марию пришлось вскоре отойти в тень, наделы остались за солдатами. То же произошло и во время Союзнической войны, когда «римляне предпочли, обессилев сами, дать права гражданства побежденным и надломленным [италийцам], чем сделать то же самое, пока были сильны обе стороны» (Беллей Патеркул. П. 17. 1). Но у этой неразумной, на взгляд мирного обывателя, стратегии была своя логика — тех, кто уступает без борьбы, могут счесть слабым и не удостоить какого бы то ни было уважения.

Однако консул не ограничился отменой прежних законов, а ввел новые. Прежде чем вести о них речь, нужно оговориться, что в источниках нет ясности относительно их датировки. Дело в том, что Аппиан, достаточно подробно описывающий мероприятия Суллы в 88 году (ГВ. I. 59), отнес к ним ряд законов, изданных им позднее, уже во время диктатуры. Кроме того, неясна суть некоторых законов. Все это превращает любую трактовку вопроса не более чем в гипотезу. Тем не менее мы позволим себе высказать свои соображения. Можно не сомневаться, что именно в 88 году был издан закон об обязательном предварительном обсуждении всех вопросов в сенате до того, как их поставят на рассмотрение в комициях. Это позволяло избежать инициатив, подобных Сульпициевым, — сенат не допустил бы ничего подобного, да и напасть на сенат трибуны не решились бы. Тогда же был проведен закон о выводе новых колоний — о нем определенно сообщает Ливии (Эпитома 77). Фест (516L) рассказывает еще об одном законе, бесспорно относящемся к 88 году — так называемом *lex unciaria*. К несчастью, текст не вполне исправен, и о сути закона нельзя высказаться определенно — ясно лишь, что он касался долгового вопроса. Одни ученые считают, что проценты

ограничивались $\frac{1}{12}$ капитала для 10-месячного года и $\frac{1}{10}$ для 12-месячного.^{847} Другие полагают, что прощалась $\frac{1}{10}$ долга и фиксировались проценты на будущее.^{848} Так или иначе, речь шла о попытке ослабить долговое бремя, но, как и соответствующие меры Цезаря, попытке половинчатой — вряд ли иные были возможны.

Аппиан также сообщает об ограничении власти плебейских трибунов, пополнении сената и реформе народного собрания. Первые два из этих мероприятий, по-видимому, были проведены позднее,^{849} что же касается реорганизации комиций, то есть основания думать, что она состоялась уже в 88 году.^{850} Суть этой реформы состояла, вероятно, в том, что трибутные комиций лишились законодательных прав, которые были переданы центуриатным комициям.^{851} Никаких сведений об отмене такой системы нет, да и вообще, кроме Аппиана, никто о столь серьезном решении не сообщает.^{852} Отсюда напрашивается простой вывод — новая система практически не успела заработать и была отменена всего через несколько месяцев, когда Сулла уже отбыл на Восток, и более не возобновлялась (см. ниже).^{853}

Об эффекте принятых консулами мер неизвестно. Обстановка оставалась для них не слишком благоприятной — сенат отнюдь не приветствовал законопроекты Сульпиция и меры, которыми он их проводил, равно как и перспективу нового возвышения Мария, но методы Суллы шокировали римскую верхушку еще сильнее.^{854} Объявление врагом «великого Мария» вызвало скандал. Плутарх пишет, что если бы во время Сульпициевой смуты Марий выдал Суллу на расправу его недругам, то «остался бы полным хозяином положения, и все же он Суллу пощадил, а немного спустя, когда Марий сам оказался в такой же крайности, с ним обошлись совсем по-иному» (Суллa. 10. 2–3). Те же речи, вероятно, звучали и из уст современников Суллы. Легко представить себе разговоры тех, кто поддержал на выборах в декабре 89 года Цезаря Страбона, — лучше уж было в обход закона избрать его, человека из хорошей фамилии, чем этого любимца Марса, выскочку и наглеца, употребившего собственные таланты во зло отечеству и наполнившего Рим своими головорезами. Пока они ведут себя тихо, но где это слыхано, чтобы воины вообще находились в Вечном городе иначе как во время триумфа?

Неудивительно, что во время выборов протее Суллы, его племянник Секст Ноний Суфен, потерпел поражение (Плутарх. Сулла. 10.5).^{855} Зато стал трибуном племянник победителя кимвров Марк Марий Гратидиан.

[{856}](#) Правда, Сулле удалось провалить кандидатуру подозрительного ему Квинта Сертория (Плутарх. Серторий. 4.6),[{857}](#) но это было слабым утешением (с Серторием ему еще придется встретиться). Не лучше обстояло дело и на консульских выборах, где забаллотировали еще одного сторонника Суллы — Публия Сервилия Ватия.[{858}](#) И это несмотря на то, что в октябре того же года он справил триумф — единственный триумф за внешнюю войну между 93 и 81 годами.[{859}](#)

Высшую должность получили в итоге Гней Октавий и Луций Корнелий Цинна (Плутарх. Сулла. 10.5). Октавий принадлежал к почтенной фамилии, представители которой появляются на римской политической сцене еще в III веке. Его дед ездил в Сирию во главе посольства, контролировавшего сожжение военного флота Селевкидов и выведение из строя сирийских боевых слонов, и был за это убит в Лаодикее неким Лептином. Отец Октавия занимал консульскую должность в 128 году. Сам Гней принял участие в политике, по-видимому, во время борьбы с Сатурнином. В 90 году он стал претором, как и Сулла, минуя должность эдила, и отправился на Восток; почитатели культа Посейдона из Берита поставили ему тогда статую на Делосе, остатки которой найдены археологами.[{860}](#)

Что же касается другого консула, Луция Корнелия Цинны, то о нем известно куда меньше. Он принадлежал к числу патрициев и носил довольно редкий когномен. Его отцом был, по-видимому, консул 127 года, также Луций Цинна. Не позднее 90 года сын последнего занимал должность претора, а в 89-м в качестве легата вместе с Метеллом Пием нанес несколько тяжелых поражений марсам, после чего они начали просить мира.[{861}](#) Как видим, в отличие от своего коллеги, он имел заметные достижения на военном поприще, которые, надо думать, и помогли ему стать консулом. Следует отметить, что и тот и другой не имели связей ни с Суллой, ни с Марием.[{862}](#) Вероятно, отсутствие таких связей обеспечило им поддержку тех политиков, кто жаждал стабильности, и сыграло немалую роль в их победе на выборах.

Таким образом, неудачи Суллы при попытке провести своих кандидатов свидетельствуют не только о неприязни к нему в высших кругах римского общества, но и о том, что он не осмелился оказать давление на предвыборную кампанию.[{863}](#) Как пишет Плутарх, Сулла делал вид, будто ее исход его радует — «ведь благодаря ему народ, дескать, и пользуется свободой поступать как хочет». Он, по словам того же автора, оказал Цинне поддержку при соискательстве консулата, чтобы умерить

ненависть толпы к себе (Сулла. 10.6). Думается, однако, что здесь источник Плутарха слукавил — речь могла идти не о «помощи» Суллы, а лишь о том, что он не чинил Цинне препятствий.^{864}

Однако Сулла решил все же хотя бы немного подстраховаться, чтобы после его отбытия на войну с Митридатом не началась новая распря. По словам того же Плутарха, он взял с Цинны «скрепленное страшными клятвами обещание поддерживать дело Суллы».^{865} Цинна поднялся на Капитолий и, держа в руке камень, принес присягу на верность, скрепив ее таким заклятием: пусть будет он, если не сохранит доброго отношения к Сулле, вышвырнут из города, подобно этому камню, брошенному его собственной рукой. После этого в присутствии многих свидетелей он бросил камень на землю» (Сулла. 10. 6–7).^{866}

Пройдет совсем немного времени, и Цинна выступит в пользу важнейшего из законов погибшего Сульпиция — о распределении италийцев по 35 трибам. Вновь прольется кровь, Цинна потерпит поражение и поспешно покинет город, а сенат лишит его консулата. Подчеркнуть порочность Цинны и была призвана история с его клятвой — он обещал сохранять лояльность Сулле, а сам пожелал восстановить отмененный им закон Сульпиция, за что и принужден был бежать из Рима. Однако сам рассказ, несмотря на несколько наигранный пафос, не является выдумкой^{867} — церемонии такого рода упоминают и другие античные авторы.^{868}

Обычно исследователи передают рассказ Плутарха о клятве Цинны без всяких сомнений в его точности. Между тем принятие этого сюжета безо всяких поправок заставляет думать, что Цинна приносил присягу один. Однако он наверняка не согласился на такое унижение, а заставить его Сулла вряд ли бы смог — как мы видели, он после взятия Рима старался действовать по возможности корректно. Да и что заставило бы Суллу заподозрить в Цинне бунтовщика? Предположения о том, что между ними случались стычки еще во время Союзнической войны,^{869} ничем не доказаны. Если бы Цинна дал понять, что собирается восстанавливать важнейший из законов Сульпиция, его бы не избрали^{870} — новая смута римской верхушке была не нужна. То, что он вообще не являлся креатурой Суллы, — опятьтаки не аргумент, то же относилось и к Октавию. Но, может быть, Октавий принес присягу вместе с Цинной? Плутарх об этом умалчивает, хотя и не говорит прямо, что Октавий не прошел через ту же процедуру.^{871} Между тем это предположение наиболее логично,^{872} поскольку все расставляет на свои места: Сулле подозрительны оба

консула, в то же время вдвоем им будет не унизительно приносить клятву, да и сенат возражать не станет — ведь он не заинтересован в очередной междоусобице. Бесполезность всего мероприятия наверняка и тогда не вызывала сомнений. Вреда от него, впрочем, тоже не было.

Для сохранения спокойствия сенат пошел и на иные меры. Клятвы и благопожелания сами по себе прекрасны, однако не заменят нескольких легионов. Но откуда взять армию, которая обеспечила бы порядок в отсутствие Суллы? Проводить новый набор? Дело хлопотное и дорогостоящее, Риму и так приходится содержать немало войск. Стало быть, надо использовать имеющиеся силы, поставив во главе их надежного человека, кровно заинтересованного в сохранении *status quo*. Сулла таковым быть не может, поскольку вскоре убывает на Восток. Но есть еще его коллега Квинт Помпей Руф, который по понятным причинам будет со всей энергией отстаивать нынешний порядок. Какую же армию ему передать для выполнения этой задачи? И тут вспомнили о стоявшем в Пицене войске Помпея Страбона. Это-то войско и решили передать Помпею Руфу, а нынешнего командующего сместить, ^{873} ибо в прошлом году он продемонстрировал полное пренебрежение к нуждам государства, отказавшись передать в казну аскуланскую добычу. Настал момент сбить с него спесь и напомнить, что он командует лишь до тех пор, пока это угодно сенату и римскому народу. А со временем, если появится повод, рассчитаться с ним за высокомерие и нерадение о нуждах *res publica*. Во всяком случае, о дальнейшей карьере он может забыть.

Однако все обернулось совершенно иначе. Сложно сказать, почему сенат и консулы решили, что Помпей Страбон так легко согласится сдать командование. Ведь Сулла уже сам наглядно продемонстрировал, как нужно бороться за сохранение власти над войском. Тем более что история с аскуланской добычей показала способность командующего пиценской армией на самые дерзкие поступки. И все же никому не пришло в голову, что он пойдет на крайние меры.

Однако Помпей Страбон явно не собирался уходить на покой — он не для того почти три года водил свои легионы в битвы с италийцами, щедро награждал солдат и командиров, завязывал тесные отношения с общинами Северной Италии, став некоронованным властителем тех краев, чтобы теперь так просто растерять плоды своих трудов. И кого ему назначили в преемники? Жалкого Помпея Руфа, не выигравшего ни одной битвы и трусливо бежавшего от бандитов Мария и Сульпиция!

Правда, когда коллега Суллы прибыл в ставку командующего пиценской армией, тот не стал выказывать своих истинных чувств, на

словах согласившись подчиниться приказу и передать Помпею Руфу командование. Однако эта «идиллия» продолжалась недолго: когда консул собирался совершать жертвоприношение,^{874} воины Помпея Страбона набросились на него и убили. Страбон отечески пожурил солдат, но этим и ограничился. Руководство армией, разумеется, осталось за ним.

Удивляться случившемуся не приходится — Помпеи Страбон достаточно сделал для того, чтобы «приручить» руководимые им легионы — если он даровал римское гражданство, двойной паек, ожерелья, фалеры и многое другое целой турме испанских всадников, то римлян награждал еще щедрее. Такой полководец их вполне устраивал, и менять его на ничем не прославившегося Помпея Руфа они явно не собирались.

Такое произошло в истории Рима впервые (Беллей Патеркул. П. 20. 1). В незапамятные времена, в 414 году, как уже говорилось, воины забросали камнями военного трибуна с консульской властью Марка Постумия (Ливии. IV. 50. 5), но случаев расправы армии с консулом еще не было. Можно представить себе подавленное настроение сенаторов, которые могли убедиться — рассчитывать на спокойствие в Италии после отбытия армии Суллы на Восток не приходится. Однако реакции на случившееся не последовало — попытка наказания виновных означала войну с закаленной в боях пиценской армией, чего никто не хотел. Не стал делать резких движений и сам Сулла. Правда, как утверждает Аппиан, после гибели коллеги он на всякий случай обзавелся телохранителями (ГВ. I. 64. 286).

Между тем вступили в должность магистраты следующего года. Сулле сенат продлил полномочия, однако его подстерегали новые неприятности — плебейский трибун Марк Вергилий (или Вергиний) выдвинул против него обвинение (Цицерон. Брут. 179; Плутарх. Сулла. 10.8). Плутарх уверяет, будто он действовал по указке Цинны. Источники не сообщают о формулировке обвинения, но действия Суллы предоставляли для этого богатый выбор: издевательства над преторами — послами сената, ввод войск в Рим, убийство плебейского трибуна. Одни ученые вслед за Плутархом считают, что Вергилий (или стоявший за его спиной Цинна) намеревался тем самым «попугать» Суллу и ускорить его отъезд на Восток, чтобы развязать Цинне руки для оппозиционных действий.^{875} Другие полагают, что цель состояла, напротив, в осуждении Суллы и лишении его проконсульского империя.^{876} Третьи уклончиво пишут о намерении еще больше раздуть антисулланские настроения, чтобы тем легче ниспровергнуть изданные им недавно законы.^{877}

Прежде всего нужно заметить, что нет бесспорных доказательств

причастности Цинны к акции Вергилия — очевидно, Плутарх сделал такой вывод с учетом последующих действий Цинны. Правда, Дион Кассий утверждает, что Цинна торопил Суллу с отъездом на Восток в связи с необходимостью дать отпор Митридату (XXX–XXXV. 102. 1). Но это автор достаточно поздний; руководствуясь той же логикой, что и Плутарх, он мог приписать Цинне разговоры, ходившие среди прочих недругов Суллы. У последнего было и без того много влиятельных врагов, которые не отказались бы отомстить ему. К тому же Вергилий, зная о непопулярности консула прошлого года, мог действовать и самостоятельно, чтобы сделать себе имя.

Можно ли было привлечь Суллу к ответственности до истечения его проконсульских полномочий? Обычно считается, что нет. Но есть основания думать, что по закону Меммия позволялось лишить империя его носителя, если он отказывался прибыть в Рим^{878} и ответить на выдвинутые против него обвинения. После этого его вполне могли осудить.^{879} Сулла не стал впутываться в процесс и отправился на войну с Митридатом, «пожелав и обвинителю, и судьям долго здравствовать» (Плутарх. Сулла. 10.8). Отказавшись явиться в суд, будущий диктатор тем самым поставил под сомнение и собственную репутацию, и законность своих мероприятий.^{880} К тому же он уже второй раз продемонстрировал небрежение к плебейскому трибуну.^{881}

Сулла ехал на Восток. Понимал ли он, что обстановка в Риме накалена и что до новой смуты совсем недалеко? Но его лично она не могла затронуть — Митридат позаботился о том, чтобы проконсул больше думал теперь о делах внешних, чем внутренних. Правда, в Риме оставалась семья, но в случае необходимости она могла бежать, да и посмеют ли смутьяны, если они появятся, тронуть представительницу такой знатной фамилии, как Метеллы? Его же самого ждут сейчас подвиги и слава. Кто потом посмеет бросить камень в победителя Митридата? А если посмеет, пусть пеняет на себя...

Глава 8

«ШУМЯТ ЗНАМЕНА БРАННОЙ ЧЕСТИ»

После того как Сулла покинул Восток, обстановка там стала быстро накаляться. Назревал военный конфликт, которого так жаждали одни римские политики и так хотели отсрочить другие. На политической арене появился еще один амбициозный властитель — царь Великой Армении Тигран Великий. Если раньше его имя в связи с событиями в Каппадокии не упоминается, и, как было сказано выше, остается только гадать, из его ли царства пришли на помощь Гордию армяне или нет, то теперь он вмешивается в конфликт лично.

Молодой амбициозный царь из династии Арташесидов взошел на престол в 95 году до н. э. после смерти своего дяди Артавазда. После присоединения Софены, которое было одним из первых его государственных мероприятий, он не только объединил большую часть тогдашней Армении (включавшей, как известно, весь восток современной Турции), но и вплотную подступил к границам Каппадокии. Митридат не мог не воспользоваться таким развитием ситуации. При посредстве все того же неудачливого претендента на каппадокийский престол Гордия он подбил Тиграна начать войну с Ариобарзаном; соглашение двух царей было скреплено браком Тиграна и Клеопатры, дочери Митридата. Властители договорились о разделе Каппадокии, причем территория доставалась Митридату, а люди — Тиграну. Видимо, царь Армении остро нуждался в людских ресурсах — он не раз переселял в свои наследственные владения жителей покоренных им земель.^[882] Итак, армянские полководцы Митраас и Багой совершили вторжение в Каппадокию, изгнали Ариобарзана, и Митридат вновь передал управление страной своему сыну Лжеариарату IX (Юстин. XXXVIII. 3. 1–2 и 5; Annum. Митридатика. 10.33; Страбон. XI. 14. 15. С. 532).

Одновременно понтийский царь получил возможность для вмешательства в Вифинии.^[883] Около 94 года умер старый союзник Митридата, а затем его соперник в борьбе за Каппадокию, Никомед III, оставив престол своему сыну Никомеду IV Филопатору (Аппиан. Митридатика. 7.23; Мемнон. 30.3; Граний Лициниан. 29F; Юстин. XXXVIII. 3. 3). Однако вопрос о престолонаследии осложнился тем, что у Никомеда IV был сводный брат, незаконный сын Никомеда III — Сократ

Хрест. Вот этот-то честолюбивый бастард и объявил о своих правах на престол. Отец щедро наделил Сократа, оставив ему в наследство город Кизик и 500 талантов; но ему этого было мало — и он отправился в Рим, стремясь добыть для себя царскую власть. Получив отказ,^[884] он направился к Митридату, который помог ему военной силой; Никомед бежал в Рим, а Сократ Хрест утвердился в Вифинии (Грант Лициниан. 2930F; Мемнон. 30.3; Ливии. Периохи 74, 76; Юстин. XXXVIII. 3. 4; Аппиан. Митридатика. 10. 32. 57. 232). Таким образом, в конце 90х годов Митридат вновь контролировал Каппадокию и присоединил к этому еще и контроль над Вифинией — стратегически двумя наиболее важными территориями в Малой Азии. Цари обоих этих царств, как обычно, бежали в Рим, и сенат вновь принял меры для восстановления status quo, направив в 90 году в Азию комиссию во главе с Манием Аквилем (Аппиан. Митридатика. 11. 33; Юстин. XXXVIII. 3. 4).

«Выбор Аквилля был ошибкой, почти провокацией», — комментирует это событие Теодор Рейнак.^[885] Однако это был вполне закономерный шаг.^[886] Аквиллий, чей отец в свое время организовал провинцию Азия, наверняка имел на Востоке обширную клиентелу, и именно это обеспечило успех его миссии^[887] — поручение было выполнено им быстро и хорошо. Возможно, при назначении Аквилля сыграла свою роль и его близость к Марию, который мог поддержать это назначение своим, правда, несколько пошатнувшимся к этому времени, авторитетом.

Для умиротворения Митридата простого появления Аквилля оказалось недостаточно,^[888] однако когда он стал активно набирать большое войско из галатов и фригийцев, понтийский царь очистил Каппадокию, а Сократ Хрест был им убит (Мемнон. 30.3; Юстин. XXXVIII. 5. 8). В очередной раз Митридат продемонстрировал готовность немедленно отступить от своих притязаний при первых признаках недовольства со стороны римлян; однако на сей раз последовало продолжение, которого он, видимо, не ожидал.

Маний Аквиллий не удовлетворился возвращением трона Ариобарзану и Никомеду, но, побуждаемый корыстолюбием,^[889] стал вместе с Луцием Кассием, наместником Азии, подстрекать их к нападению на царство Митридата. Более осторожный Ариобарзан уклонился от этого, но Никомед, сильно задолжавший римским ростовщикам и потому более зависевший от командующего, поддался на уговоры и атаковал территорию Понта (Юстин. XXXVIII. 5. 10; Аппиан. Митридатика. 11. 35–37; Дион Кассий. XXX. 99. 1).

Действовал ли Аквиллий по собственной инициативе, превышая данные ему полномочия, или за его спиной стоял более влиятельный политик — например, Гай Марий? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Казалось бы, имя Мария напрашивается само собой: ведь его авторитет к тому времени ослабел, победителю кимвров не дали стяжать новую славу в ходе Союзнической войны, и он жаждал очередной раз выступить в роли «спасителя отечества». Не исключена и материальная заинтересованность со стороны Мария, если только Никомед имел перед ним какие-либо долги.^{890} Однако нельзя не учитывать и того, что миссия была отправлена на Восток во время великой смуты в Италии. Никто не знал, как долго продлится Союзническая война; для еще одного широкомасштабного военного предприятия просто не было сил. Кроме того, при обычном ходе дел Марию не приходилось и думать о получении еще одного консулата и консульского командования, а сам Аквиллий и его товарищи не обладали империем и потому не могли вести войну. Таким образом, никто из них не имел прямой выгоды от развязывания конфликта. В начале военных действий Аквиллий был всего лишь военным легатом Кассия, на которого, следовательно, ложилась основная ответственность за случившееся. Но Кассий не был связан с Марием. Так что вряд ли победитель кимвров и его окружение добивались войны с Митридатом.^{891} Таким образом, скорее всего, именно непродуманные и своекорыстные действия Аквиллия, членов его комиссии и римских магистратов на Востоке спровоцировали кризис, который вызревал уже давно и начался в самый неподходящий для Рима момент.^{892} Корыстолюбие Мария Аквиллия и его товарищей лишь ускорило не к пользе для римлян начало тех событий, которые рано или поздно должны были произойти.

Первой реакцией на агрессию Митридата, стремившегося выставить себя обиженной стороной, было посольство к римским представителям. Пелопид, глава этого посольства, в своей речи напоминал римлянам о старинной дружбе и союзе Понта с Римом и просил обуздать Никомеда. После препирательств Пелопида с представителями Никомеда римские послы вынесли свое решение: «Мы бы не хотели, чтобы и Митридат претерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед претерпел ущерб». Не давая Пелопиду вступить в дальнейшую дискуссию, они выставили его из совета (Аппиан. Митридатика. 12–14).

Тогда Митридат, совершив вторжение в Каппадокию, вновь изгнал

оттуда Ариобарзана, посадил на трон собственного сына и отправил Пелопида к римским послам с оправданием своих действий. На этот раз понтийский посол укорял Аквилия и его товарищей тем, что они натравливают на Митридата Никомеда и Ариобарзана, обещал, что Митридат подаст жалобу на их действия в сенат и расписывал, сколь велики силы царя. В результате Пелопиду приказали больше не являться в римский лагерь и под конвоем отправили восвояси (Аппиан. Митридатика. 15–16).

Это было равносильно объявлению войны, и стороны немедленно начали к ней готовиться. Согласно Аппиану, они собрали огромные армии: у Митридата только своих войск было 250 тысяч пехоты и 40 тысяч всадников да еще 130 боевых колесниц и флот из 400 кораблей. Три римских полководца — Маний Аквиллий, Луций Кассий и Квинт Оппий — имели примерно по 40 тысяч пехотинцев и по 4 тысячи всадников (Митридатика. 17. 59–63). Маний Аквиллий, расположившись в долине реки Сангария, прикрывал самый удобный путь для вторжения в Вифинию, Кассий приготовился двинуться из Фригии через Галатию в центральный Понт, Оппий защищал границы Каппадокии. [\[893\]](#)

Первая встреча войск Митридата с армией Никомеда произошла на равнине у реки Амнейона. Вифинцы потерпели сокрушительное поражение — большая часть их войска погибла, были захвачены много пленных и лагерь Никомеда с большими запасами денег (Аппиан. Митридатика. 18). Всех пленных Митридат отпустил по домам, снабдив их деньгами на дорогу; тем самым были заложены основы политики, которая должна была склонить на его сторону сердца местного населения.

Затем очередь дошла и до римских войск. В сражении при Пахии полководцы Митридата Неоптолем и Нееман наголову разбили отряд Мания Аквилия. Сам он с уцелевшими воинами бежал в Пер гам, а оттуда в Митилену, что на Лесбосе. Проконсул Азии Гай Кассий, набравший войско в значительной мере из местных жителей, понял, что туземцы отнюдь не стремятся воевать с Митридатом, и распустил их, а сам с римскими солдатами отступил в Апамею. Понтийский царь осадил Лаодикею, где укрылся римский военачальник Квинт Оппий, и предложил горожанам выдать его. Лаодикейцы так и сделали, наемники же Оппия ушли из города. Издеваясь над Оппием, царь велел его ликторам идти впереди, словно тот продолжал оставаться римским должностным лицом, однако других неприятностей с римлянином не случилось. Иная судьба постигла Мания Аквилия, подстрекавшего малоазийских царьков к агрессии против понтийского монарха: Митридат приказал водить Аквилия по городам

своего царства и стегать его кнутом, заставляя при этом выкрикивать свое имя и ранг. В Пергаме это мрачное путешествие закончилось — Аквилию влили в глотку расплавленное золото, словно удовлетворяя страсть римлян к чужим богатствам (Аппиан. Митридатика. 19–21).^{894}

Прежде чем вторгнуться на территорию римской провинции Азия, Митридат, кроме военных приготовлений, осуществлял еще и подготовку пропагандистскую. Юстин передает содержание речи, с которой он обратился к своим воинам на сходе перед началом кампании. Конечно, трудно представить, чтобы ее слушали десятки тысяч воинов одновременно, но поверим нашему автору на слово, тем более что речь отражает вполне реальные мотивы Митридатовой пропаганды. Прежде всего надлежало развеять миф о непобедимости римлян — и Митридат обращается к примерам из далекого и близкого прошлого. Разве римляне не были трижды побеждены Пирром? Разве не вел Ганнибал в Италии войну на протяжении шестнадцати лет? И разве те солдаты, к которым он сейчас обращается с речью, не нанесли поражения Аквилию? Далее, ситуация сейчас складывается для войны благоприятно: римляне заняты другими войнами и внутренними раздорами, и надо пользоваться удобным моментом, поскольку вопрос стоит о том, кто лучше сможет этим моментом воспользоваться. Ведь римляне, в сущности, уже начали войну — он во всем оказывал им повиновение, а они с каждым днем вели себя все более и более жестко. Вообще, римляне преследуют царей не за их поступки, а за их силу и могущество; они «взяли себе за правило — ненавидеть всех царей, очевидно, потому, что у них были такие цари, от одного имени которых они краснеют». У римского народа душа волчья, вечно голодная, жадная до крови, власти и богатств; римские цари — просто «скопище бродяг»; и если римляне создали свою державу с помощью жестокости и несправедливостей (чему посвящена вся речь), то он, Митридат, единственный из всех царей владеет не только отцовским, но и чужестранными царствами, приобретенными при помощи наследования и благодаря его чрезвычайной щедрости (Юстин. XXXVIII. 4–7).

Воодушевив своих воинов такой речью, завершает свой рассказ об этом выступлении царя Юстин, Митридат начал войну против Рима (XXXVIII. 8. 1). Точнее, наверное, было бы сказать не «войну», а триумфальное шествие, поскольку сопротивления ему на первых порах не оказывал почти никто. Да и какое может быть сопротивление — азиатским эллинам явилось сошедшее на землю божество, сам Дионис, новое воплощение Александра Великого! Люди рассказывали о нем чудеса: о рождении Митридата возвещали знамения, предрекая ему будущее

величие; в течение семидесяти дней в небе была видна комета, занимавшая четвертую часть неба и пылавшая ярким огнем, затмевая солнце. В его детскую колыбельку ударила молния и сожгла его пеленки, не оставив на теле младенца никакого следа, кроме шрама на лбу (Плутарх. Застольные беседы. 624а). В ранние годы он был гоним своими опекунами, измышлявшими против него разного рода коварства, которые Митридат счастливо избежал (Юстин. XXXVII. 2. 1–5). В зрелом возрасте молния ударила в его личные покои и сожгла только стрелы в колчане царя, не коснувшись его самого (Плутарх. Застольные беседы. 624б). Все эти биографические подробности явно указывают на связь Митридата с образом Диониса, которого точно так же не тронули молнии Зевса, испепелившие его мать Семелу, а затем, прежде чем он был принят в число олимпийцев, преследовала своими кознями Гера. Подобно Дионису, Митридат в молодости много странствовал, «бродил по лесам, ночевал в разных местах на горах, так что никто не знал, где он находится» (Юстин. XXXVII. 2. 8), причем инкогнито обошел всю Азию и Вифинию и вернулся в свое царство, когда все уже считали его погибшим. Даже выпить этот необыкновенный правитель мог больше других людей: «Он вообще в питье превосходил всех своих современников, за что и получил прозвище Дионис» (Плутарх. Застольные беседы. 624а).

А некоторые счастливыцы демонстрировали новенькие, недавно отчеканенные монеты, с которых смотрел юный царь, чьи черты вызывали воспоминание о великом македонском завоевателе, — в этом сильно идеализированном изображении физиономические детали портрета понтийского царя и отличительные черты портрета Александра Великого «настолько слились друг с другом, что объединились в блестящий обобщающий образ». Митридат был изображен на них так, «как он видел себя и как он хотел, чтобы его видели другие: как новый Александр». ^[895]

Такие изображения ко многому обязывали — и Митридат делал все, чтобы слухи о появлении «клона» Александра получали новую и новую пищу. Уходили по домам отпущенные им пленники из числа местных жителей, призванных под оружие для борьбы с ним, — и повсюду говорили о его человеколюбии: не просто отпустил вооруженных врагов, но еще и деньгами снабдил (Аппиан. Митридатика. 18. 69, 19. 73; Диодор. XXXVII. 26). (Римляне, к слову сказать, такой щедрости не проявляли.) Случилось так, что, как и во времена Александра, землетрясением была разрушена Апамея — Александр дал деньги на ее восстановление, и Митридат от него не отстал и выделил 100 талантов (Страбон. XII. 8. 18. С. 579). Митридат прибыл в Эфес — и вот, поднявшись на крышу знаменитого храма

Артемиды (который после учиненного Геростратом пожара был отстроен с еще большим великолепием), он пустил стрелу из лука, надеясь, что она пролетит дальше, чем стрела, в свое время выпущенная Александром и пролетевшая целый стадий (около 180 метров). Длина полета стрелы обозначала пределы, на которые распространяется право убежища, предоставленное храму (Страбон. XIV. 1. 22–23. С. 641). На пути через Фригию Митридат счел нужным еще раз напомнить об Александре, остановившись на том самом месте, где в свое время останавливался и тот: разумеется, такое совпадение стоянок было истолковано как счастливое предзнаменование.^[896] Наконец, бесценный подарок поднесли «новому Александру» жители острова Кос, которые встретили понтийского царя с радостью. Этим подарком была мантия Александра Великого, которую Митридат впоследствии носил (Аппиан. Митридатика. 20.76; 23.92, 117.577).^[897] Итак, Митридату, как кажется, успешно удавалась роль нового Александра, идеального царя, благодетеля и спасителя эллинов.^[898]

На первых порах эта пропаганда в сочетании с мощью понтийской армии дала некоторые результаты: на сторону Митридата один за другим перешли города Азии — Магнесия на Меандре, Эфес, Митилена, Кавн, Адрамиттий, Пергам (Аппиан. Митридатика. 21. 81, 23. 88–91). Продвижение Митридата по Азии сопровождалось всеобщим ликованием (Цицерон. За Флакка. 60; Юстин. XXXVIII. 3. 8; Аппиан. Митридатика. 21. 81; Диодор. XXXVII. 27. 1). В городах в его честь устраивались грандиозные празднества. Плутарх упоминает одно из них, когда в Пергаме при помощи сложных приспособлений на Митридата сверху опустили изображение Победы с венцом в руке. Итак, «отняв Азию у римлян, а Вифинию и Каппадокию у тамошних царей, он обосновался в Пергаме, наделяя своих друзей богатствами, землями и неограниченной властью» (Сулла. 11. 1–3).

Однако отнюдь не все было столь безоблачно, как хотелось бы Митридату. Поддержка со стороны азиатских городов была отнюдь не единодушной,^[899] и в ту картину, в которую наши источники хотят заставить нас поверить, стоит внести некоторые коррективы. Мемнон в общем виде сообщает о том, что одни города Азии сами перешли на сторону царя, а другие он захватил. Соппротивление Митридату оказали Магнесия на Сипиле, ликийцы и памфилийцы и особенно Стратоникея (Павсаний. I. 29. 5; Ливии. Периоха 81; Плутарх. Наставления по управлению государством. 809С; Аппиан. Митридатика. 21.82, 61.250; Мемнон. 31.3; Орозий. VI. 2. 2; Евтропий. V.5).^[900] Некоторые города хоть

и сдавались, но не сразу: например, жители Лаодикеи на Лике, которую охранял Квинт Оппий, первоначально оказывали сопротивление и сдались только после того, как Митридат обещал им неприкосновенность в обмен на выдачу Оппия (Аппиан. Митридатика. 20. 78–79; Страбон. XII. 8. 16. С. 578; Ливии. Периоха 78).

Еще труднее было подчинить своей власти острова — стойкое сопротивление оказал Родос, от которого войска Митридата были вынуждены отступить. Силой Митридату пришлось покорять Эвбею и Делос, о событиях на котором еще придется говорить более подробно (Аппиан. Митридатика. 24–28; Плутарх. Сулла. 11.5; Мемнон. 32.14; Беллей Патеркул. П. 18. 3; Флор. I. 40. 8; Страбон. X. 5. 4. С. 486; Павсаний. III. 23. 3). Хиос вроде бы сдался, но во время осады Родоса корабль с этого острова совершил в отношении царя то, что он расценил как настоящий «теракт»: «Во время сражения, когда царь плыл мимо своих кораблей и побуждал своих, хиосский союзный корабль в сутолоке ударил в царский корабль, который дал течь. Царь, сделав тогда вид, что он ничего не заметил, впоследствии наказал и рулевого, и подштурмана и почувствовал сильную неприязнь по отношению ко всем хиосцам» (Аппиан. Митридатика. 25. 101).

В целом поведение азиатских городов перед лицом войск понтийского царя было очень разным — от тех, кто полностью перешел на сторону Митридата (число таких городов было невелико), до тех, кто любой ценой отстаивал интересы римского дела и не боялся вооруженной конфронтации с Митридатом (их тоже было относительно немного).^[901] Типичным же поведением для городов Азии в это время было сохранение лояльности римлянам, предоставление им убежища после поражения — и переход на сторону Митридата при приближении понтийской армии с показной демонстрацией преданности новому господину.^[902]

Но потеря территорий на Востоке была еще не самым страшным. Худшее для потомков Ромула было впереди — в Эфесе царь издал приказ об уничтожении римлян, италийцев^[903] и их рабов — «бесцельный акт слепой зверской мести», по выражению Теодора Моммзена.^[904] Имуущество убитых предписывалось разделить на две части, одну из которых следовало передать в царскую казну, другую оставить местным властям, коим исполнение приказа и поручалось. Укрывательство или погребение римлян каралось смертью.

Античные авторы с жуткими подробностями описывают начавшуюся расправу — как тех, кто обнимал статуи богов, оттаскивали прочь и

предавали смерти, как топили тех, кто пытался спастись вплавь, как убивали даже в храмах, как не щадили жен и детей римлян и италийцев и т. д. Погибло будто бы от 80 до 150 тысяч человек.^{905} В этом еще в древности видели проявление ненависти жителей Азии к римлянам (Аппиан. Митридатика. 22. 91). Однако далеко не везде приказ царя выполнялся с надлежащим рвением: если в Эфесе, Пергаме, Кавне, Траллах, Адрамиттии несчастных римлян и италийцев убивали без всякой жалости, то в Смирне, Магнесии, на Косе репрессий не было. Иногда римляне всего лишь меняли тогу на греческий гиматий, и одно это спасало их от гибели. Уцелел даже консуляр-изгнанник Публий Рутилий Руф, просто перебравшийся в Смирну, где его соотечественников не трогали. И никаких наказаний за такой откровенный саботаж царского распоряжения не последовало.^{906} Может, античные авторы преувеличили строгость приказа Митридата, а может, строгость эта смягчалась необязательностью в его исполнении. А уж что в источниках явно завышено, так это число убитых.^{907} Однако в любом случае погибла не одна тысяча римлян, и этого было достаточно, чтобы вызвать ярость в Риме. Кровопролитие сделало невозможным примирение не столько между Митридатом и римлянами, сколько между местным населением и их прежними господами.^{908}

Тем временем пламя войны перекинулось и в Балканскую Грецию. В то время в Афинах жил некий Афинион, сын египетской рабыни и философа-перипатетика, тоже Афиниона. После смерти отца он завладел наследством, незаконно вписал себя в списки граждан и стал полноправным афинским гражданином. Затем он был учителем-софистом в Мессении и Фессалии, скопил на этом деле немалое состояние и вернулся в Афины. К этому времени молва об успехах Митридата в борьбе с римлянами достигла Афин, «ощущение пьянящей свободы перенеслось весной 88 года с арены событий на греческий материк»^{909} — и Афинион был отправлен к царю с посольством. Там ему удалось войти к Евпатору в доверие (несомненно, понтийский царь понял истинную цену этого человека, но счел полезным поддержать его в данный момент). В своих письмах к согражданам Афинион похвалялся своим влиянием на Митридата, сулил щедрые дары от него и городу в целом, и отдельным гражданам, обещал избавление от римских податей и восстановление демократии.

Афиняне клюнули на эту приманку. Когда Афинион возвращался в родной город, за ним были высланы боевые корабли с серебряным

паланкином. «Навстречу ему высыпал почти весь город, сбежалось множество зевак, дивясь небывалому повороту фортуны: выскочка Афинион в философском своем плаще, даже издали не выдавший пурпура, теперь въезжает в Афины в паланкине с серебряными ножками и пурпурными покрывалами — даже из римлян никто так не роскошествовал над Аттикой! Поглазеть на это сбежались мужчины, женщины и дети; они возлагали на Митридата небывалые упования» (Афиней. V. 213c).

Вернувшийся Афинион занял дом афинского богача Диэя, откуда вышел к народу в белоснежном, волочащемся по земле плаще, окруженный толпой прислужников, имея на пальце перстень с портретом царя. Обратившись к народу с речью, он превознес успехи Митридата, заявив, что пророчества предвещают ему власть над всем миром, а затем призвал афинян: «Не потерпим замкнутых, заброшенных храмов, гимнасиев, безлюдного театра, безмолвия в судах! Не потерпим, афиняне, молчания священного голоса Иакха, закрытия великого храма двух богинь, безгласия в философских школах!» (Афиней. V. 213d). Воодушевленная его призывами толпа выбрала его стратегом гоплитов, то есть предоставила военную должность, которая облегчила в дальнейшем захват власти. Афинион сам назначил себе товарищей по должности, а уже через несколько дней проявил себя подлинным тираном. Многим «добропорядочным гражданам» пришлось покинуть Афины, причем расставленная тираном у всех ворот стража не выпускала их из города, и они спускались со стен на веревках. Однако таких беглецов преследовали посланные Афинионом конники и убивали на месте или возвращали в Афины в оковах.^{910} В городе их ждала не лучшая судьба: после суда, когда сам тиран подсчитывал голоса и опускал камешки, они предавались казни. В городе было объявлено, чтобы после захода солнца все сидели по домам и не ходили по улицам с фонарями. Разумеется, Афинион забыл о своих антиримских лозунгах, которые позволили ему прийти к власти, и сейчас даже публично выражал римлянам сочувствие — видимо, надеясь, что римляне в условиях ожесточенной борьбы с Митридатом посчитают его своим союзником, окажут ему поддержку и помогут удержать власть.^{911}

Однако сила обстоятельств толкнула его на конфликт с римлянами. Правление Афиниона, заботившегося только о расправе с врагами, истинными и мнимыми, и о личном обогащении, довело Афины до продовольственного кризиса. Даже ячмень выдавали гражданам «птичьими пайками» — по хойнику на четыре дня (хойник, или 1,094 литра, считался дневной нормой). К тому же Афины лишились острова Делос, который не

поддержал Митридата.^{912} Для того чтобы восстановить афинский контроль над ним, Афинион организовал экспедицию, которую возглавил еще один философ, перипатетик Апелликон. Однако этот образованный книголюб (он купил библиотеку Аристотеля и множество других книг) оказался никчемным полководцем: переправившись на Делос и расположившись там лагерем, он не позаботился об охране ни с суши, ни с моря. Этим воспользовался римский претор Луций Орбий: безлунной ночью он напал на спящих и пьяных афинян, перебил 600 человек и взял в плен около четырех тысяч (похоже, цифры сильно преувеличены). Сам Апелликон сумел бежать, а остатки его армии, которые пытались спрятаться в крестьянских домах, Орбий сжег вместе с домами. На месте победы он приказал установить трофей и алтарь со стихотворной надписью (Афиней. 214d215b).

Провалом этой экспедиции заканчивается длинная выписка из исторического труда Посейдония, которая сохранилась в сочинении Афинейя «Пир мудрецов». Что было в Афинах дальше и чем закончилась недолгая тирания Афиниона — мы не знаем. Но зато нам известно, что Митридат сам решил заняться покорением Эллады и с этой целью направил туда своего полководца Архелая, «поручив ему любыми средствами или добиться дружбы с ней, или принудить ее к этому силой» (Аппиан. Митридатика. 27. 106). Архелай с большим войском двинулся на Делос, захватил его, перебив при этом до 20 тысяч человек, в большинстве своем италийцев, захватил священную казну и отправил ее в Афины с Аристионом — новым претендентом на тираническую власть в городе.^{913}

Подобно Афиниону и Апелликону, Аристион был философом и принадлежал к школе эпикурейцев. Архелай отправил с ним две тысячи воинов, опираясь на копья которых, он сумел захватить власть в Афинах (Аппиан. Митридатика. 28. 108–109). Новый тиран поспешил засвидетельствовать свою верность понтийскому монарху выпуском монет с понтийскими династическими символами и легендой ЦАРЬ МИТРИДАТ [И] АРИСТИОН на реверсе.^{914} Как водится, Аристион получил поддержку низших слоев населения. Павсаний прямо говорит, что «он убедил не всех, но только простой народ и из простого народа особенно беспокойную часть» (I. 20. 5). Неудивительно и то, что состоятельные афиняне сохранили сочувствие к римлянам — «эти люди, подавленные оружием Митридата, находились в самом плачевном положении, поскольку город был занят врагами и осажден друзьями. Душой они были за стенами города, а телом, — будучи рабами необходимости, — внутри него», —

рассказывает римский историк о времени, когда к городу подступил Сулла (Беллей Патеркул. П. 23. 5). Какими друзьями афинянам оказались римляне, мы еще увидим.

Сам Архелай в те годы покорял греческие полисы. Согласно Плутарху, он, «выступив из Афин... склонил к отпадению от Рима все греческие племена до границ Фессалии», то есть всю Среднюю и Южную Грецию (Сулла. 11.5). Аппиан уточняет эту информацию: «К Архелаю присоединились ахейцы и жители Лаконии и вся Беотия за исключением Феспий» (Митридатика. 29.112). Таким образом, вдобавок к потере Азии перед римлянами встала вполне перспектива утраты владений в самой Элладе, так что нужно было принимать срочные меры. Первым вступил в бой с понтийскими войсками Квинт Брутий Сура, легат Гая Сентия, наместника Македонии. С небольшим войском^[915] Сура двинулся из Македонии против Метрофана, полководца Митридата, который действовал в Северной Греции против оставшихся лояльными Риму Эвбеи, Магнесии и Деметриады.^[916] В морском сражении он потопил один понтийский корабль и захватил другой. Метрофан, пользуясь попутным ветром, бежал, а Сура захватил Скиаф — находящийся напротив Магнесии остров с одноименным городом, где враги хранили захваченную добычу. При всем своем «безупречном благородстве», о котором пишет Плутарх, с захваченными варварами он не церемонился: рабов (правда, не всех, а только некоторых) приказал повесить, а свободным отрубил руки (Аппиан. Митридатика. 29. 113–114).

После этого успеха Сура провел зиму 89/88 года в Херонее,^[917] а с наступлением нового сезона двинулся в Беотию против Архелая. Получив в качестве подкрепления из Македоний еще тысячу человек пеших и конных, он вступил с понтийской армией в сражение в тех самых местах, которые уже приобрели печальную славу двести пятьдесят лет тому назад и которым еще предстояло снискать славу в ближайшем будущем — у Херонеи. Сражение (или, скорее, несколько небольших, но упорных сражений) длилось три дня. Согласно Плутарху, Сура задержал Архелая и оттеснил его к морю; вообще, «дела у него шли лучше, чем он мог надеяться» (Сулла. 11. 4–5). Однако этот рассказ вызывает недоумение: выстоять в бою против понтийской армии отряд Суры мог, но как незначительные силы римлян сумели оттеснить понтийцев к морю? Плутарх явно чего-то недопонимает. Более реальную картину рисует Аппиан. По его рассказу, первоначально бои шли с равным успехом, но затем на помощь Архелаю пришли лаконяне и ахейцы. Сура как разумный

командир понял, что теперь у него нет шансов держаться дальше, и двинулся на Пирей. Но Архелай, двигаясь по морю, опередил его и занял афинскую гавань первым (вот оно, плутарховское «оттеснил к морю»!) (Митридатика. 29. 114–115).

Между тем весной нового 87 года Сулла наконец покинул Италию и, переправившись через Адриатическое море, высадился с войском в Диррахии или в Аполлонии и по Эгнациевой дороге двинулся через горы в Верхнюю Македонию, а оттуда в Фессалию.^[918] Его авангардом командовал Луций Лициний Лукулл, который, встретившись с Брутием Сурой, от имени своего командующего приказал ему вернуться в Македонию и не вмешиваться в войну, которую должен вести Сулла (Плутарх. Сулла. 11.8).

Сам же главнокомандующий в ту пору продвигался через Фессалию, собирая на предстоящую кампанию деньги, союзников и продовольствие и в ней, и в соседней Этолии — обе эти области сохраняли верность Риму. Впрочем, приводить к повиновению силой не пришлось и те полисы и области, которые встали на сторону Митридата, — они сами через послов выразили покорность (Плутарх. Сулла. 12.1). Достаточно было армии Суллы появиться в Беотии, как почти вся она вновь признала власть Рима (Аппиан. Митридатика. 30. 116–117). Видимо, очень быстро был установлен контроль и над Пелопоннесом — во всяком случае, именно там находились монетные дворы, на которых под наблюдением Лукулла чеканилась монета на военные нужды (Плутарх. Лукулл. 2.2).^[919] Было это еще в 87 году, поскольку следующей зимой Лукулл уже был направлен Суллой за кораблями в Египет.

Итак, Сулла был готов помериться силами с Архелаем и Аристионом. Он привел с собой пять легионов, то есть примерно 25–30 тысяч солдат (Аппиан. Митридатика. 30. 116). Если принять во внимание собранные им союзнические контингенты, то не будет преувеличением признать, что в целом его силы насчитывали 30–40 тысяч человек.^[920] С этими силами он двинулся на главный опорный пункт Митридата в Элладе — Афины. Сам город занимал Аристион с частью сил, а основные силы врага во главе с Архелаем находились в Пирее. Соответственно и Сулла разделил свою армию на две части — отправив одну из них осаждать Аристиона, сам он двинулся против Пирея, то есть избрал более сложную задачу. Дело в том, что Пирей был очень хорошо укреплен. Как рассказывает Аппиан, стены его, построенные еще при Перикле, имели 40 локтей (примерно 18 метров) в высоту и были сделаны из больших четырехугольных каменных блоков

(Митридатика. 30.119). Кроме того, не было никакой надежды взять город измором, поскольку он снабжался с моря, где господствовал флот Митридата. Оставалось одно — штурм.

Видимо, надеясь взять Пирей решительным натиском, Сулла заготовил длинные лестницы и повел свои легионы на штурм пирейских стен. Однако воины Митридата храбро защищались, и после титанических усилий, подвигов и неудач Сулле стало ясно, что без осадных работ не обойтись. Тогда он приступил к правильной осаде. Отступив в Элевсин и Мегары, он занялся сооружением осадных машин. Все необходимые материалы и рабочих он получил из Фив, но так как многие машины рушились под своей тяжестью или сгорали, подожженные врагами, вскоре для них не стало хватать дерева. Тогда Сулла, не испытывая никаких сомнений, приказал вырубить две рощи, которые к тому времени уже прочно вошли в историю философии — Академию и Ликей (Плутарх. Сулла. 12.4; Аппиан. Митридатика. 30.121). Это был первый из тех поступков, абсолютно хладнокровно совершенных римским полководцем, которые повергли в шок всю Элладу, уже привыкшую к тому, что она своим культурным наследием «победителей диких пленила». Одновременно с этим солдаты Суллы сооружали огромную земляную насыпь, предназначенную для размещения осадных машин. На ее сооружение пошли камень, дерево и земля, полученные из разрушенных Суллой до конца Длинных стен. Работы были столь масштабными, что, если верить Плутарху, только на сооружении осадных машин были задействованы десять тысяч пар мулов (Сулла. 12.3).

Тем временем из Италии пришли удручающие известия: верх в Риме взяли враги Суллы во главе с Марием и Цинной, а сам он объявлен вне закона (об этом речь пойдет ниже). Это означало, что рассчитывать на какое-либо финансирование военных действий не приходится и, более того, следует ожидать прибытия преемника по командованию. Второе было не так страшно — Сулла располагал армией, которая уже однажды продемонстрировала, что готова с оружием в руках отстаивать его интересы и, разумеется, свое право на военную добычу. А вот источник, из которого можно было черпать денежные средства, нужно было найти незамедлительно, тем более что события показывали — осада Афин и Пирея будет долгой, нелегкой и дорогостоящей. Решение было найдено простое и, с точки зрения греков, ужасающее: взять деньги из сокровищниц наиболее почитаемых святилищ Эллады.

В первую очередь пострадал храм Зевса Олимпийского, где сокровищ было особенно много; меньше дали храм Асклепия в Эпидавре и храм

Аполлона в Дельфах, сокровища которого были основательно разграблены фокидянами (Диодор. XXXVIII. 7; Павсаний. IX. 7. 4). Однако и в Дельфах еще оставалось чем поживиться. Так, оттуда была взята серебряная бочка — последняя оставшаяся невредимой из четырех, некогда пожертвованных Аполлону знаменитым лидийским царем Крезом (Геродот. I. 51). Эта бочка была так велика и тяжела, что ее пришлось разломать на куски и в таком виде нагрузить на вьючных животных (Плутарх. Сулла. 12.9). Дельфийские жрецы пытались повлиять на Суллу. По рассказу Плутарха, он написал дельфийским амфиктионам, что сокровища бога лучше перевезти к нему, поскольку у него они будут целее, а если он и воспользуется ими, то возместит взятое в прежних размерах. «Вслед за тем он послал туда своего друга, фокидянина Кафиса, приказав ему принять каждую вещь по весу. Кафис прибыл в Дельфы, но не решался прикоснуться к святыням и пролил много слез, оплакивая при амфиктионах свою участь. И когда кто-то сказал ему, что слышал, как зазвучала находящаяся в храме кифара, Кафис, то ли поверив этому, то ли желая внушить Сулле страх перед божеством, написал ему об этом. Но Сулла насмешливо ответил, что удивляется Кафису: неужели тот не понимает, что пением выражают веселье, а не гнев, и велел своему посланцу быть смелее и принять вещи, которые бог отдает с радостью» (Сулла. 12.6–8). Пожалуй, Плутарх не прав, когда говорит, что Сулла ответил насмешливо — он в данном случае говорил не как циник [\[921\]](#) или атеист; это был ответ человека, самообладание которого основывалось на непоколебимой вере в свое счастье, *felicitas*, в то, что сами боги желают, чтобы он позаимствовал необходимые деньги из их храмов. [\[922\]](#)

Впечатление, которое произвели действия Суллы на греков, трудно передать. Спустя два века Павсаний злорадно сообщал своим читателям: «За такое безумное глумление над эллинскими городами и над богами эллинов его постигла самая отвратительная из всех болезней: он весь покрылся вшами» (IX. 33. 4). Тогда же Плутарх раздражается длинной морализующей тирадой: грекам «вспомнились Тит Фламинин, Маний Ацилий и Эмилий Павел: один из них выгнал из Греции Антиоха, двое других разгромили в войнах македонских царей, и все же они не только не тронули эллинских святилищ, но даже сами пополнили их новыми дарами, почтили и возвеличили. Да, но ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержанными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим, и сами, обладая царственной возвышенностью духа, соблюдали умеренность в расходах, ограничиваясь скромными и строго определенными тратами, а лесть войску почитали

более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием и, нуждаясь в войске больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самое родину» (Сулла. 12. 912).

В оправдание Суллы можно сказать только одно — его действия были продиктованы жестокой военной необходимостью,^{923} но когда война завершилась, он постарался возместить храмам потерю сокровищ. С самого начала он обещал возместить взятое в прежних размерах, то есть не просто конфисковывал и грабил,^{924} но брал в долг (Плутарх. Сулла. 12.6; Аппиан. Митридатика. 54. 217). Сразу же после побед в Греции Сулла действительно возместил убытки, пожертвовав богам земли, «чтобы обеспечить им ежегодные доходы» (Диодор. XXXVIII. 7). Из этих земель мы конкретно знаем только о землях фиванцев, которые не проявили должной верности римлянам и за то были наказаны: половина их владений была отдана «Пифийскому и Олимпийскому богам».^{925} Именно с этого времени, по мнению Павсания, Фивы впали в «крайнюю степень слабости» (IX. 7. 6). Так что можно считать, что размер территории, отторгнутой Суллой, был немалым.

Между тем осада Пирея продолжалась. Солдаты Суллы копали по направлению к морю глубокий ров, который должен был затруднить действия неприятельской конницы на равнине. Ни одного дня не проходило без столкновений у рва или у стен, иногда эти стычки переходили в крупные сражения. Однажды двое рабов из Пирея при помощи надписи на свинцовом шаре, заброшенном из пращи в римский лагерь, известили Суллу, что на следующий день Архелай планирует большую вылазку — он намеревается с пехотой атаковать работающих римлян с фронта, а конница его тем временем ударит по ним с флангов. Сулла по достоинству оценил эту информацию и приготовился к отпору. Когда на следующий день Архелай начал атаку по задуманному им плану, на понтийцев обрушился отряд, заблаговременно укрытый Суллой в засаде, и они, понеся большие потери, отступили в крепость (Аппиан. Митридатика. 31).

Много сюрпризов преподносили и осадные работы. В результате упорного труда насыпь достигла наконец уровня стен Пирея и на ней теперь можно было располагать метательные орудия. Архелай, в свою очередь, стал сооружать башни на стенах, где располагал свои орудия.

Видя, что объем работ сильно увеличился и нужны еще люди, он послал за подкреплениями на Халкиду и другие острова, а в тех войсках, которые у него уже были, вооружил даже рабов. Однажды ночью он сделал стремительную вылазку и сжег одну из двух сооруженных римлянами «черепах» со всей находящейся в ней техникой. Солдатам Суллы пришлось ее восстанавливать, и эта работа заняла десять дней (Аппиан. Митридатика. 31).

Когда к Архелая прибыло подкрепление во главе с фракийцем Дромихетом, понтийский полководец почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы рискнуть на открытое сражение. Часть воинов он вывел в поле, расставив их у самой стены, с тем чтобы находящиеся на стене пращники и лучники могли поражать римлян, а часть поставил у ворот с зажженными факелами — их задачей было совершить в удобный момент вылазку и поджечь римскую осадную технику. Это было одно из самых ожесточенных сражений во время осады, когда успех клонился то на одну, то на другую сторону. Первоначально понтийцы дрогнули под напором римлян и попятились к стенам, но Архелай остановил их и снова повел в бой. На этот раз стали отступать римляне^{926} и, возможно, обратились бы в бегство, но легат Суллы Луций Лициний Мурена заставил их повернуть назад. Исход боя решил римский «штрафбат»: один из легионов с прикомандированными к нему штрафниками находился на заготовке леса и не участвовал в сражении. Он подошел в самый решающий момент и переломил ситуацию на поле боя, яростно обрушившись на понтийцев. Те, не выдержав натиска, в панике побежали к стенам Пирея. Во время этого преследования погибло около двух тысяч воинов Архелая, а сам он, до конца пытавшийся восстановить порядок и отразить вражескую атаку, был отрезан от ворот и спасся только благодаря тому, что его подняли на стену на веревке. Что касается штрафников, то Сулла снял с них позор бесчестья,^{927} а остальным выдал большие подарки.

Эта победа имела для римлян значение скорее психологическое, чем стратегическое — Пирей попрежнему был неприступен, а армия Архелая сохраняла численный перевес. Но и Архелай понял, что одного только численного превосходства для победы над римлянами маловато.^{928} Сулла вынес еще один важный урок из происходящих событий: победу добыть будет очень сложно, если неприятельский флот сохранит свое господство на море. Он обратился за помощью к родосцам, но те боялись царского флота, «ибо Митридат был владыкой моря». Тогда Сулла дал поручение Луцию Лукуллу тайно переправиться в Александрию и привести корабли

от царей, обладающих флотом приморских городов (Аппиан. Митридатика. 33. 131–132).

Поручение было опасным — море находилось в руках врагов, к тому же дело происходило в разгар сезона зимних бурь; тем не менее Лукуллу с шестью легкими суденышками удалось проскользнуть мимо царских кораблей и добраться до Крита, который он привлек на сторону римлян, а затем до Кирены. Однако здесь счастье ему изменило: он встретился с кораблями находившихся на службе у Митридата пиратов, потерял большую часть своих судов, но сам все-таки сумел спастись и добраться до Александрии Египетской. Здесь ему был оказан торжественный прием — навстречу ему вышел весь флот в великолепном убранстве, как при встрече царя, он получил кров в царском дворце, куда до него не допускался ни один полководец, на его содержание было отпущено вчетверо больше средств, чем обычно. Такие почести не были случайными — как показали дальнейшие события, хитрый царь Птолемей IX не собирался оказывать помощь, которую у него просили; но, по восточному обычаю, постарался смягчить предстоящий отказ чрезвычайными почестями послу. Здесь мы пока и оставим Лукулла, томительно ожидающего царского ответа и не желающего скрасить ожидание даже посещением египетских достопримечательностей — ведь «это прилично делать досужему путешественнику, разъезжающему в собственное удовольствие, а не тому, кто, как он, оставил своего полководца в палатке, в открытом поле, неподалеку от укреплений врага» (Плутарх. Лукулл. 2. 3–9).

Одновременно с этими событиями велась осада Афин, население которых начало испытывать трудности с продовольствием. Архелай, зная об этом, решил оказать горожанам помощь. Пирейские информаторы Суллы тотчас сообщили ему об этом при помощи очередного письма, и Сулла, устроив засаду, напал ночью на обоз с продовольствием и захватил его. ^[929] Случилось так, что в тот же самый день была одержана еще одна победа: неподалеку от Халкиды легат Суллы Мунаций напал на Неоптолема, полководца Митридата. Было убито около 1500 понтийцев, взято в плен и того больше. Видимо, Сулла усмотрел в таком совпадении особую милость богов, потому что решился на новый штурм Пирея. Под покровом ночной темноты, воспользовавшись тем, что стражи спят, римляне придвинули к стенам лестницы и поднялись наверх. Одни из стражников были перебиты на месте, другие бросились в город, сея панику и крича, что стены захвачены врагом. Но часть стражи вступила в бой и, перейдя в нападение, убила предводителя ворвавшихся легионеров, а остальных оттеснила назад. Сражение шло всю ночь и весь следующий

день. Сделавшие вылазку понтийцы рвались захватить и сжечь римскую осадную башню, но римляне упорно ее отстаивали и в конце концов отстояли (Аппиан. Митридатика. 34).

Снова началась осада и «война двух башен». Архелай приказал соорудить огромную башню на стене прямо напротив римского осадного сооружения, которое понтийцам не удалось сжечь в ту бурную ночь. С этих башен враги взаимно осыпали друг друга всеми видами метательных снарядов; наконец Сулла, установив на своей башне катапульту, выпускавшую по двадцать тяжелых свинцовых снарядов разом, расшатал башню Архелая и сделал ее неустойчивой, так что тот счел за лучшее вывести из нее своих людей, а саму башню переместить со стены вниз.

Пока происходили все эти бои, инженерные работы по сооружению насыпи не прерывались. Но вот наконец настал тот момент, когда на ней можно было устанавливать осадные орудия. Их стали придвигать и втаскивать на насыпь — но в это время она вдруг начала стремительно проседать. Это Архелай не сидел сложа руки, а подвел под нее подкоп, незаметно вынося из него землю. Римляне успели оттащить орудия и вновь насыпать землю на нужную высоту. Однако понтийский подкоп дал Сулле хорошую возможность для ответных мер — и вот, идя по следам понтийских «кротов», римляне начали подкапываться под крепостную стену. Это была трудная и опасная работа, тем более что под землей, в кромешной тьме, римские воины сталкивались с понтийцами и вступали с ними в ожесточенные схватки. Когда подкоп был подведен под самую стену, Сулла приказал бить по ней тараном — и в конце концов она рухнула прямо напротив сооруженной Архелаем осадной башни. Это сооружение стало следующей целью атаки — на ее штурм были брошены самые отважные воины с лестницами; ее осыпали горящими снарядами, и она запылала. Одновременно с этим при помощи пакли были подожжены и основания стены, которые держались деревянными балками; когда эти балки сгорели, рухнули еще несколько участков стены, а воинам, которые стояли на ее сохранившихся частях, казалось, что стена у них под ногами сотрясается и вот-вот упадет. Казалось, успех был близок. В проломе Сулла возвел сторожевое укрепление, которое стало опорным пунктом для его воинов. Он постоянно сменял уставших, бросал в пролом все новые и новые свежие отряды со штурмовыми лестницами, подбадривал дрогнувших, то уговаривая их, то угрожая им, в общем, деятельно руководил штурмом. Однако численное превосходство понтийской армии все еще продолжало сказываться. Архелай сменил дрогнувших воинов новыми отрядами и вновь и вновь бросал их в атаку на римлян. Обе

стороны сражались с исключительным мужеством, но, как известно, потери штурмующих обычно больше, чем у обороняющихся. В конце концов Сулла, озабоченный понесенным уроном, к удивлению неприятеля, велел протрубить сигнал к отходу.

Воины Архелая, отбив штурм, всю ночь трудились над восстановлением разрушенной части стены. Кроме того, изнутри, в районе бывшего пролома, было возведено дополнительное укрепление в виде полумесяца. Таким образом, Сулла, когда вновь решился на штурм и вошел в город на месте старого пролома, оказался в крайне затруднительном положении, попав под обстрел с флангов, и вновь был вынужден отступить. Таким образом, все попытки взять Пирей закончились ничем, и Сулла, продолжая его осаду, перенес главный удар на Афины.

Здесь шансов на успех было гораздо больше. По мнению Плутарха, «выжди Сулла немного, он без малейшей опасности взял бы Верхний город, уже доведенный голодом до крайности, но, стремясь поскорее возвратиться в Рим из боязни, как бы там не произошел новый переворот, он торопил события, не останавливаясь в ходе войны перед опасными предприятиями, многочисленными сражениями и громадными расходами, не говоря о прочих приготовлениях» (Сулла. 12. 2). Наверное, эти соображения верны лишь отчасти. Безусловно, Сулла стремился поскорее вернуться в Италию, но для этого необходимо было добить врага. Но вот взять Верхний город, то есть Афины, раньше, чем это произошло на деле, он вряд ли мог. Одно дело осаждать их, имея в тылу надежно заблокированного в Пирее и измотанного сражениями врага. И совсем другое, когда этот враг полон сил и, не будучи ничем связан, готов ударить в тыл при первой возможности. Кроме того, к моменту, когда Сулла решительно приступил к осаде, афиняне уже изнемогали от голода. В городе перерезали весь скот, варили и ели шкуры животных и жадно пили отвар из них; как говорили, уже были даже случаи людоедства.^{930} Чтобы сделать блокаду города еще более плотной, Сулла приказал обнести его рвом, чтобы оттуда никто не мог выбраться даже поодиночке (Аппиан. Митридатика. 38. 147).

Если верить Плутарху, в осажденном городе не бедствовал один Аристион со своими собутыльниками: «Хотя медимн^{931} пшеницы стоил тогда в Афинах тысячу драхм, а люди питались девичьей ромашкой, росшей вокруг акрополя, варили сандалии и лекифы, Аристион проводил время в ежедневных попойках и пирушках, военных плясках и насмешках над врагами, не тревожась о том, что священная лампада богини^{932}

потухла из-за недостатка масла. Верховной жрице, которая попросила у него половину гектея^[933] пшеницы, он послал перцу, а членов совета и жрецов, умолявших его пожалеть город и заключить соглашение с Суллой, разогнал стрелами» (Сулла. 13. 3–4). Насколько этот рассказ верен? С одной стороны, ничего невозможного в этом нет; с другой — это вполне могли быть слухи, служившие для полной дискредитации Аристиона, которому Плутарх и так дает самую негативную характеристику.^[934] Однако чего у афинского тирана не отнимешь, так это стойкости. Поднимаясь на городскую стену, он осыпал оттуда насмешками самого Суллу и его жену Метеллу,^[935] чем вызывал у римлянина дикую ярость (Плутарх. Сулла. 13.1).

Однако даже Аристиону стало ясно, что сопротивление с каждым днем делается все более безнадежным, и он решился пойти на переговоры. К Сулле отправились двое его «собутельников», как их определяет Плутарх. Вновь в такой характеристике можно усомниться. Судя по содержанию их речи, это были люди образованные и риторически грамотные. Они «важно повели речь о Тесее, об Эвмолпе, о Персидских войнах, так что Сулла сказал им: «Идитека отсюда, милейшие, и все свои рассказы прихватите с собой: римляне ведь послали меня в Афины не учиться, а усмирять изменников»» (Плутарх. Сулла. 13.5). Вряд ли послы не думали о судьбе города, в чем их обвиняет Плутарх. Скорее, ссылки на славное прошлое должны были, по их мнению, смягчить римского командующего. Они уже знали, что римляне являются поклонниками их культуры, но еще не знали, что весь филэллизм у римских политиков заканчивается там, где он вступает в конфликт с интересами Вечного города.^[936]

Осада продолжалась. Но вот однажды шпионы доложили Сулле, что в Керамике старики, беседуя друг с другом, ругают Аристиона за то, что он не охраняет подступы к стене у Гептахалка, в единственном месте, где через нее можно перебраться.^[937] Сулла ночью сам отправился на разведку на местности. Убедившись, что подслушанный разговор — не просто старческая болтовня и место действительно удобно для приступа, он решил штурмовать город с этой стороны. И вот в ночь на мартовские календы (1 марта) 86 года воины стали подниматься на стену в указанном месте. Первым на нее взобрался Марк Атей, который тут же вступил в бой с неприятельским воином и нанес ему такой удар по шлему, что меч у него в руке сломался. Тем не менее он не отступил, но продолжал упорно отстаивать захваченное им место. Тем временем сам Сулла обрушился на стену между Пирейскими и Священными воротами. Почти

беспрепятственно, так как ослабевшие люди не могли долго оказывать сопротивление, обрушив стену и сровняв ее с землей, он вступил в город. Обставлено это было театрально: вступление в Афины грозного полководца произошло в полночь, «под рев бесчисленных труб и рогов, под победные клики и улюлюканье солдат», под вопли и стоны уже начавшейся вокруг беспощадной резни, во время которой не щадили ни женщин, ни детей. «Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, залитому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь, не говоря уже о тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг площади обагрила кровью весь Керамик по самые Двойные ворота, а многие говорят, что кровь вытекла за ворота и затопила пригород. Но сколь ни велико было число людей, погибших насильственной смертью, не меньше было и тех, что покончили с собой, скорбя об участи родного города, который, как они думали, ожидало разрушение. Это наполняло отчаянием лучших граждан — они боялись остаться в живых, не надеясь найти в Сулле никакого чувства меры, ни малейшего человеколюбия», — рассказывает Плутарх (Сулла. 14).

Насколько был виноват в происходящем сам Сулла? Аппиан прямо говорит, что Сулла, разгневанный переходом Афин на сторону врага и оскорблениями, которые были ему нанесены, приказал истребить всех горожан (Митридатика. 38. 148). Однако Плутарх просто говорит о позволении грабить и убивать, которое было дано Суллой солдатам (Сулла. 14.5). Думается, к истине здесь ближе Плутарх: воинам, раздраженным долгой осадой, тяготами войны и тем, что никакой добычи они еще не захватили, не нужно было приказывать, достаточно было просто позволить. В общем, как справедливо писал академик С. А. Жебелев, «взятие Афин сопровождалось, конечно, тем, что вообще бывает при взятии города после продолжительного, упорного сопротивления».^[938]

Резня длилась всю ночь; утром о пощаде взмолились как сторонники Суллы из числа афинян, так и сенаторы из его окружения. «Когда в ноги Сулле повалились с мольбою изгнанники Мидий и Каллифонт, когда с просьбой пощадить город обратились к нему также соратники-сенаторы, он, и сам уже пресытившись местью, произнес несколько слов в похвалу древним афинянам и сказал, что дарует немногих многим, милуя живых ради мертвых» (Плутарх. Сулла. 14.9).^[939] Впоследствии Сулла, может быть, немного рисуясь, говаривал, что он считает своими самыми большими удачами, во первых, то, что с ним дружил Метелл Пий, а во вторых, что он мог сжечь Афины, но пощадил их (Плутарх. Изречения

царей и полководцев. 202D).^[940] Но пощада — пощадой, а политика — политикой, и Сулла объявил афинянам, что он дарует городу свободу, но, так как они воевали с ним, отнимает у них право голосования (правда, было обещано, что это право будет возвращено их потомкам) (Аппиан. Митридатика. 38. 150).

Что касается тирана, то он бежал и укрылся на Акрополе с немногими сообщниками. Чтобы у Суллы не было готового деревянного материала для осады Акрополя, он приказал сжечь находившийся рядом Одеон (не исключено, правда, что поджог этот был произведен грабившими город воинами Суллы и лишь задним числом приписан Аристиону). Ведение осады (скорее всего, недолгой) Сулла поручил Гаю Скрибонию Куриону, которому в конце концов Аристион и сдался. Аппиан утверждает, что это произошло в скором времени (Митридатика. 39. 151). Плутарх рассказывает, что причиной капитуляции стала нехватка воды, но когда Аристион спускался с Акрополя, хлынул ливень^[941] — очевидный знак богов, дававших понять, на чьей они стороне. Надо думать, этот эпизод тоже украсил мемуары Суллы, который любил писать о таких знаках.

По словам же Плутарха, «тиран стойко продержался немалое время» (Сулла. 14.11). Акрополь не был подготовлен к длительной обороне; его защитников вынудили к сдаче голод и жажда,^[942] а капитулировали они до взятия Суллой Пирея, поэтому вероятнее все-таки выглядит версия Аппиана.^[943] Из числа сдавшихся Сулла казнил самого Аристиона, его свиту и тех, кто занимал при нем какую-либо официальную должность; остальные защитники Акрополя получили пощаду.^[944]

Ликвидировав последний очаг сопротивления в Афинах, Сулла вновь начал штурм Пирея. Он «не стал ждать, пока сможет взять Пирей осадой, но двинул против него стенобитные орудия, метательные машины и стрелков; двинул и большое количество людей, которые под прикрытием «черепашек» стали подкапывать стены, также и когорты воинов, которые, пуская копья и стрелы в стоящих на стенах, часто их поражали. И он подкопал и разрушил стены в виде полумесяца, которые были еще очень сырыми и слабыми, поскольку были построены недавно. Так как Архелай предвидел это и раньше, то перед ними внутри одних укреплений он выстроил много других. Сулле приходилось непрерывно вести бой, ибо он попадал с одного укрепления на другое такое же; но он был неутомим в своей настойчивости; он часто сменял (утомленные) войска и, обходя солдат, побуждал их к работе, указывая на то, что им осталось сделать последнее небольшое усилие, чтобы сбылись их упования и надежды на

добычу. Да и сами воины, считая, что это действительно конец их трудов, горели честолюбивым желанием совершить это великое и славное дело — овладеть столь крепкими стенами» (Аппиан. Митридатика. 40. 153–155). В конце концов Архелай оставил стены и отступил в портовую часть Пирея, откуда на кораблях отплыл в Фессалию. Произошло это, скорее всего, не потому, что его силы окончательно истощились — просто с падением Афин дальнейшая оборона Пирея утратила всякий смысл.^[945]

Плутарх говорит, что, захватив Пирей, Сулла сжег большую часть его зданий, в том числе и арсенал Филона — здание, построенное во второй половине IV века и вмещавшее до тысячи судов (Плутарх. Сулла. 14.13). Во время раскопок в Пирее найдено одно из сооружений, погибших во время этого пожара. 8 июля 1959 года на углу улиц Филона и Георга I во время работ по укладке труб рабочие обнаружили несколько лежащих друг на друге мраморных и бронзовых фигур. Затем, уже в результате планомерных раскопок, неподалеку от них были найдены еще несколько статуй. Все найденные памятники искусства относились к разным периодам и никак не были связаны друг с другом тематически. Среди них были Афина, Артемида, курос (стоящий обнаженный юноша — возможно, Аполлон) и мраморные гермы — четырехгранные каменные столбы, увенчанные мужской бородатой головой (вероятно, Гермеса).^[946] Раскопки показали, что все эти памятники искусства находились в небольшом каменном здании (его длина была всего 5,7 метра), которое погибло в результате пожара, а найденная в его развалинах монета позволяет датировать пожар 87/86 годом. Существует довольно вероятное предположение, что все эти статуи Аристион вывез в Афины с Делоса, предназначая бронзу для вторичного использования — скорее всего, изготовления монет.^[947] Однако сделать это он не успел: здание, в котором находились статуи, погибло во время пожара — и так они, целые и невредимые, дожидались, пока их не извлекут из земли современные археологи.

Взятие Афин и Пирея было серьезной победой — Митридат теперь не имел в Греции важного опорного пункта, и его полководцам приходилось рассчитывать только на силу понтийской армии. Однако Архелай, даже покинув Пирей, «все еще стоял на якоре у Мунихии, не желая очистить море, но и не стремясь к схватке с римлянами, а считая разумным затянуть военные действия, чтобы оставить противника без припасов» (Плутарх. Сулла. 15.1). Сулла оказался в трудном положении. С одной стороны, Аттика была удобна для битвы с приближающимися понтийскими войсками — ее рельеф позволял выбрать место, где не смогут действовать

конница и боевые колесницы варваров. С другой стороны, над римским войском нависла угроза голода — Аттика вообще была скудна припасами, а тут ей нужно было прокормить многотысячную армию. Поразмыслив и, видимо, решив, что голод представляет большую угрозу, чем оставление удобного для битвы места, Сулла, хотя многие не одобряли этого его решения, двинулся в Беотию. Архелай немедленно направился вдоль побережья, мимо Беотии в Фессалию, к находившимся там войскам Митридата.

Еще когда шла осада Афин, в Македонии появилась новая понтийская армия во главе с сыном Митридата Аркафием. Македония была легко покорена, так как в это время там почти не было римских войск; оставив страну на попечение сатрапов, Аркафий двинулся в Грецию, но заболел и умер неподалеку от горы Тисайон в Фессалийской Магнесии (Аппиан. Митридатика. 35. 137). После его смерти войско возглавил Таксил; оно, согласно Плутарху, насчитывало 100 тысяч пехотинцев, 10 тысяч всадников и 90 серпоносных колесниц (Сулла. 15.1). Вероятно, эти цифры восходят к мемуарам Суллы, всегда стремившегося преувеличить численность врага. ^[948] Архелай, отплыв от берегов Аттики, прибыл к этой армии и возглавил ее. Собрав в Фермопилах остатки своих войск и войск Дромихета, он присоединил их к армии Таксила. Как пишет Аппиан, «то были фракийцы, жители Понта, скифы, каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы и жители других стран, которые недавно были завоеваны Митридатом, — всего сто двадцать тысяч человек. Начальники у них были над каждой частью свои собственные, над всеми же главнокомандующим был Архелай» (Митридатика. 41. 158–159).

Что касается Суллы, то для него концентрация войск представляла гораздо более трудную задачу. ^[949] Он легко мог присоединить находившийся на Халкиде отряд Мунация, но опасная ситуация сложилась с легионом, который из Фессалии вел на помощь Луция Гортензий. ^[950] Поскольку ожидать подкреплений из Италии в это время уже не приходилось, возможно, это были остатки македонской армии. ^[951] Проход из Фессалии в Беотию был перекрыт понтийской армией, а в теснинах римлян подстерегали варвары. Однако из трудного положения Гортензия выручили местные жители. Плутарх рассказывает: «Гортензия провел другою дорогою наш земляк Кафис. ^[952] Обманув варваров, он вывел его через Парнас к самой Титоре, которая была тогда не городом, как ныне, но крепостцою на крутой скале; в древности там укрылись и спасли свою жизнь и имущество бежавшие от Ксеркса фокейцы. Гортензий

расположился лагерем и днем отразил натиск врагов, а ночью, преодолев трудный спуск к Патрониде, присоединился к вышедшему ему навстречу Сулле» (Сулла. 15. 3–4). Теперь армия Суллы стала сильнее на целых шесть тысяч человек, хотя все еще существенно уступала по численности врагам; римский полководец «вел с собою италийцев, тех эллинов или македонян, которые недавно перешли к нему от Архелая, а также кое-кого из соседних городов; все вместе они не составляли даже третьей части неприятельского войска» (Аппиан. Митридатика. 41. 159).

Сначала Архелай со своими войсками отошел к Фокиде, куда за ним последовал и Сулла; понтийский главнокомандующий надеялся, что римляне примут сражение, и постоянно провоцировал их на это. Но Сулла, понимая, что местность неблагоприятна для битвы, не принимал вызова. Поняв, что попытки эти ни к чему не приведут, Архелай двинулся в направлении Халкиды; армия Суллы последовала за ним. Наконец, неподалеку от Херонеи Архелай стал лагерем, и Сулла понял, что лучшего места ему не найти.^[953] Лагерь понтийцев находился между двумя горами — Аконтием и Гедилием, а с тыла находилась третья гора — Гипантейон. Таким образом, «у Архелая в тылу были крутые горы, которые не позволяли нигде сразу пустить в дело все войско, так как на такой неровной местности он не имел возможности выстроить его целиком; в случае же поражения отступление по кручам было невозможно» (Аппиан. Митридатика. 42. 161). Сам Сулла разбил свой лагерь на большом и плодородном холме под названием Филобеот, находящемся посреди Элатьейской равнины и хорошо обеспеченном водой (Плутарх. Сулла. 16. 1).

Вид варварского войска внушил римлянам страх, так что, возможно, нет большого преувеличения в описании, даваемом Плутархом: вопреки желанию Архелая, понтийские военачальники «выстроили войско к бою, покрыв всю равнину конями, колесницами, щитами. Воздух не вмещал крика и шума, поднятого множеством племен, одновременно строившихся в боевой порядок. Даже чванливая пышность драгоценного снаряжения отнюдь не была бесполезна, но делала свое дело, устрашая противника: сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетаясь с блеском меди и железа,^[954] — все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину, так что римляне сгрудились в своем лагере, и Сулла, который никакими уговорами не мог вывести их из оцепенения, ничего не предпринимал, не желая применять силу к уклоняющимся от битвы, и с трудом сдерживал себя, глядя на варваров, с хвастливым смехом

потешавшихся над римлянами» (Сулла. 16. 3–5).

Тогда Сулла применил «лекарство против страха», многократно испытанное римскими полководцами: он заставил воинов работать, отводя русло реки Кафиса и копая рвы. Легионеры не получали никакой передышки, а за нерадивость их сурово наказывали, так что в конце концов отвращение к тяжелому труду оказалось гораздо сильнее, чем страх перед многократно превосходящим их по численности неприятелем. На третий день работ воины стали в один голос требовать, чтобы Сулла вел их в бой. На это полководец сказал, что слышит жалобы не от желающих сражаться, а от не желающих работать; если же кто действительно хочет скрестить оружие с врагом, то пусть они отправляются вон туда — и Сулла указал в сторону акрополя давно разрушенного македонянами города Парapotамии. Холм, на котором находился акрополь этого города, был хорошо защищен природой, и Сулла увидел, что понтийцы направляются, чтобы его занять. Солдаты Суллы успели вовремя и отразили натиск варваров. Тогда Архелай попытался захватить Херонею, и Сулла тотчас же отправил для ее защиты одного из своих военных трибунов, Авла Габиния, и с ним легион римских солдат. Кроме того, на защиту города бросились херонейцы, служившие в армии Суллы, и из планов его захвата ничего не вышло.

Одновременно с этим, видимо, осуществлялась и своеобразная идеологическая обработка войска. Распространялись слухи о знамениях, которые предвещали грядущий успех: «Из Лебадии римлянам были присланы благоприятные вещания Трофония и предсказания победы. Об этом у местных жителей существует множество рассказов, а в «Воспоминаниях» самого Суллы, в десятой книге, написано, что когда Херонейское сражение было уже выиграно, к нему пришел Квинт Титий, человек отнюдь не безвестный среди тех, что вели торговые дела в Греции, и сообщил, что Трофоний предсказывает в ближайшее время и на том же месте еще одну битву и победу. После этого строевой солдат по имени Сальвиен принес от бога ответ, какой оборот примут дела в Италии. Об обличье бога оба рассказали одно и то же: он показался им прекрасным и великим, подобным Зевсу Олимпийскому» (Плутарх. Сулла. 17. 2–4). Сулла, как оказалось, не только сам верил в свою счастливую звезду, но и умел заставить поверить в нее других. И как знать, что подействовало на его солдат больше — изнуряющие работы или уверенность в удаче Суллы Счастливого, подкрепленная изъяснениями божественной воли?

Итак, две попытки Архелая улучшить свое положение закончились неудачно. Надо полагать, на римлян они оказали обратное действие, вселяя уверенность в конечном успехе дела. Теперь Сулла стоял прямо напротив

лагеря Архелая, у подножия Гедилия, и выжидал удобного случая для битвы. Случай выпал достаточно неожиданно. Переждав но новом месте один день, Сулла оставил там Мурену с легионом и двумя когортами для того, чтобы мешать противнику выстроиться в боевой порядок, а сам отправился осматривать Фурий — скалистую вершину неподалеку от Херонеи, которая была занята понтийцами. Двое херонейских граждан, Гомолоих и Анаксидем, обратившись к Сулле, сообщили, что они знают тайную тропу, неизвестную неприятелю, которая выведет римлян прямо на вершину Фурия, над головами врагов, так что можно будет атаковать их с тыла и перебить камнями или согнать на равнину. Габиний засвидетельствовал благонадежность, мужество и верность этих людей, и Сулла решил действовать по их совету. Пока херонейцы обходили Фурий, он выстроил свои войска, приняв командование над правым флангом. Левый фланг он вверил Мурене, а легатов Гальбу и Гортензия с запасными когортами поставил в тылу на высотах.

Совершив свой обходной марш, отряд под начальством Эриция обрушился на находившихся на вершине понтийцев. Этот неожиданный удар привел их в замешательство и обратил в бегство. «Многие погибли от руки товарищей, ибо понеслись вниз по склону, натываясь на собственные копья и сталкивая друг друга со скал, а неприятель, напиравший сверху, поражал их в спину, не защищенную доспехами, так что павшие при Фурии исчисляются тремя тысячами», — повествует об этом избиении Плутарх (Сулла. 18. 1–2).

Самое худшее для понтийской армии было, однако, впереди. Беглецы, кинувшись к своему лагерю, с перепугу налетели на уже выстроенную к бою фалангу и смешали ее ряды. Военачальникам пришлось вместо того, чтобы следить за ходом битвы, приводить в порядок расстроенные ряды своих солдат; когда же порядок был восстановлен, было уже поздно. Сулла, заметив смятение в рядах врага, тут же двинул в атаку свой фланг, так что за тот промежуток времени, который потребовался вражеским командирам, чтобы восстановить строй, римляне успели уже преодолеть открытое пространство, необходимое для разгона серпоносным колесницам. «Дело в том, — поясняет Плутарх, — что главное для этих колесниц — продолжительный разбег, который сообщает стремительность и мощь их прорыву сквозь неприятельские ряды, а на коротком расстоянии они бесполезны и бессильны, словно стрелы, пущенные из плохо натянутого лука. Так и вышло в тот раз у варваров, и римляне, отразив вялое нападение лениво двигавшихся первых колесниц, с рукоплесканиями и смехом потребовали новых, как они обычно делают на бегах в цирке»

(Сулла. 18.3).^{[1955](#)}

Затем в схватке сошлась пехота. По рассказу Плутарха, римляне, охваченные гневом, бросились на сомкнутый строй варваров, оцетинившийся копьями, побросав свои дротики и только с мечами в руках: «Дело в том, что в первых рядах вражеского строя они увидели пятнадцать тысяч рабов, которых царские полководцы набрали по городам, объявили свободными и включили в число гоплитов. Какойто римский центурион, говорят, сказал, что только на Сатурналиях случалось ему видеть, чтобы рабы пользовались свободой, да и то лишь в речах» (Сулла. 18. 5–6). Рабам удавалось какое-то время сдерживать натиск легионеров, но постепенно они начали пятиться, поражаемые дротиками и зажигательными снарядами, которые метали римляне из задних рядов, а затем и обратились в бегство.

Тем временем Архелай задумал обойти римлян с фланга и начал движение; это не ускользнуло от внимания Гортензия, который беглым шагом устремился со своими когортами ему наперерез. Однако понтийский командующий, бросив против него две тысячи всадников, оттеснил римлян к склонам горы, отрезал от основных сил и начал охватывать в кольцо. Сулла, следивший со своего правого фланга за ходом битвы, тотчас, взяв с собой часть воинов, попытался прийти на помощь попавшим в беду соратникам; однако Архелай, догадавшись об этом перестроении по поднявшейся пыли, оставил Гортензия в покое и перенес удар на правый фланг, оставшийся без командующего. Одновременно с этим на левом римском фланге Таксил атаковал Мурену, так что и там сложилось тяжелое положение. Если верить Плутарху, Сулла какое-то время пребывал в растерянности, не зная, где его присутствие окажется нужнее, но затем решил вернуться к себе на правый фланг, а на левый отправил Гортензия с четырьмя когортами.

Появление Суллы на правом фланге решило дело. Фланг и без того выдержал натиск понтийцев, а когда появились свежие силы, он перешел в атаку, и враги не выдержали. Не давая себе передышки, Сулла тут же устремился на левый фланг, но там воины Мурены тоже уже перешли в наступление. Началось повальное бегство понтийской армии — ее центр, увидев, что бегут оба фланга, последовал их примеру. Место, необдуманно выбранное Архелаем для лагеря, стало ловушкой для его воинов. Не имея пространства ни для того, чтобы спастись бегством, ни для того, чтобы перестроиться и встретить атаку врага, понтийцы были прижаты к скалам и там истреблены до последнего.

Многие панически бегущие воины устремились к лагерю, но

обнаружили, что его ворота заперты — Архелай надеялся таким способом вновь обратить свое войско против врагов.

Однако это была заведомо нереальная затея — «не имея у себя ни военачальников, ни руководителей, чтобы выстроить их в порядке, не узнавая своих военных значков, брошенных, как это бывает в беспорядочном бегстве, они без труда были избиты: одни из них — врагами, так как не успели развернуться против них, другие же — своими собственными товарищами, так как они в беспорядке метались в большом количестве на узком пространстве. Они вновь бросились к воротам лагеря и толпились вокруг них, упрекая тех, кто их не впускал. С упреками они указывали им на их общих отеческих богов, на другие их близкие отношения, говоря, что они погибают не столько от врагов, сколько от тех, которые с таким презрением не хотят их принять к себе. Наконец Архелай, позднее, чем это было нужно, открыл ворота и принял их, вбежавших туда в полном беспорядке. Увидав это, римляне, усиленно побуждая друг друга, бегом бросились вслед за бегущими, ворвались в лагерь и тем окончательно закрепили победу» (Аппиан. Митридатика. 44. 171–172).

Таков был конец этой битвы, произошедшей весной 86 года.^[956] Из понтийской армии уцелело будто бы лишь десять тысяч человек, которые добрались до Халкиды. Римляне, как говорили, потеряли всего 14 или 15 человек, из которых двое просто заблудились и к вечеру вернулись в лагерь (Плутарх. Сулла. 19.8; Аппиан. Митридатика. 45.174). Эта цифра римских потерь восходит к «Мемуарам» Суллы и потому вряд ли соответствует истине.^[957]

На месте боя Сулла воздвиг два трофея. На них он написал имена Марса, Победы и Венеры — в знак того, что своим успехом не менее обязан счастью, чем искусству и силе. «Один трофей, в память о сражении на равнине, Сулла поставил там, где началось отступление воинов Архелая, бежавших до ручья Мола, а другой воздвигнут на вершине Фурия в память об окружении варваров, и греческие письма на нем называют героев этого дела — Гомолоиха и Анаксидама», — пишет хорошо осведомленный о местных достопримечательностях Плутарх (Сулла. 19.10). Об этих трофеях упоминает и Павсаний: «У херонейцев на земле есть два трофея, которые поставили римляне и Сулла, победив войско Митридата под начальством Таксила» (IX. 49. 7). Легко представить, какой сенсацией стало обнаружение фрагментов одного из этих трофеев — того, который стоял на вершине Фурия. Открытие совершилось 17 февраля 1990 года. Конечно, полностью трофей до нас не дошел, но его мраморное основание

сохранилось неплохо. На нем читается трехстрочная надпись:

Гомолоих
Анаксидам
Лучшие.^[958]

Интересна и надпись от имени Суллы, которая, согласно Плутарху, была на трофеях. Из трех названных им имен появление Марса и Виктории вполне понятно — это боги, связанные с войной и победой, и кому как не им приносить благодарность, одержав верх над врагом? Но вот появление в этой троице Венеры, которая привычно воспринимается нами как богиня, весьма далекая от войны, может вызвать удивление. Однако при ближайшем рассмотрении все становится на свои места: вопервых, Венера, как богиня-прародительница римлян, проявляла заботу о том, кто вел борьбу в защиту ее потомков.^[959] С другой стороны, она была у римлян и богиней удачи^[960] и поэтому непосредственно связывалась со счастьем (felicitas) самого Суллы.^[961]

Похоже, уже в это время Сулла претендовал на совсем уж особые отношения с богиней. Плутарх уверяет, что на трофеях Суллы в Беотии его имя было написано в следующем виде: «Луций Корнелий Сулла Эпафродит (Любимец Афродиты)» (Суллы. 34.4). Появляется Венера и на его монетах. Так, на аверсе сулланского ауреуса времени войны с Митридатом изображена голова Венеры и Купидон, держащий над ней пальмовую ветвь; на реверсе — особый вид священного сосуда и авгурский жезл (литуус) между двумя трофеями. Легенда этой монеты гласила: IMPER ITERU(M) (Император вторично).^[962] Изображение Венеры должно было указать на нее как дарительницу победы, а священные предметы — на легитимность положения Суллы. «Если циннанцы считали Суллу врагом отечества, боги, очевидно, придерживались другого мнения, поскольку они видели в нем законного защитника Рима, посылали ему благоприятные знамения и благословляли его кампании. И ни одно божество не благоволило к нему больше, чем Венера... Покровительница Суллы, защитника ее потомков, она чествовалась на его монетах как подательница победы».^[963]

Помощь богов была отнюдь не лишней для Суллы — не успел он одержать победу над Архелаем, как пришли известия о прибытии ему на смену нового командующего — коллеги Цинны по консульству 86 года Луция Валерия Флакка (Плутарх. Сулла. 20.1; Annum. Митридатика. 51.205; ГВ. I. 75. 346). Зачем он был послан? Аппиан и Плутарх

подчеркивают, что на словах его задачей была борьба с Митридатом, а на деле с Суллой. Разумеется, это объяснение, восходящее к мемуарам последнего, вряд ли верно — хотя бы потому, что двух легионов, с которыми Флакк высадился в Эпире, было явно недостаточно для борьбы с пятью сулланскими легионами. Может быть, надеялись на то, что легионы Суллы перейдут под знамена нового командующего? Но в это время циннанцы уже не были столь наивны, чтобы рассчитывать на подобное развитие событий — опыт 88 года не прошел для них даром.^[964] Мемнон (34.1) говорит, что Флакк был послан для сотрудничества с Суллой в том случае, если последний признает власть сената. Но как тогда мыслилось положение обоих командующих? Признание Флакком власти Суллы было так же маловероятно, как и то, что Сулла признает первенство Флакка. Вероятнее всего, Флакк должен был разгромить в Азии Митридата, пока Сулла будет воевать в Греции.^[965]

Но поход армии Флакка сразу же сложился неблагоприятно. Еще при переправе из Брундизия его флот попал в бурю и потерял много кораблей, а затем его остатки подверглись нападению кораблей Митридата, вновь понеся большие потери (Аппиан. Митридатика. 51. 206). Все это не могло способствовать его популярности у солдат — поход еще как следует не начался, а армия уже несла потери. Кроме того, играли свою роль и скверные личные качества Флакка, его корыстолюбие и жестокость. Итогом было то, что передовой отряд его армии сразу же перешел на сторону Суллы, и возникла вполне реальная угроза, что этому примеру последуют все остальные. Предотвратило такое развитие событий только вмешательство Гая Флавия Фимбрии, одного из офицеров Флакка,^[966] который умел ладить с солдатами лучше, чем это получалось у командующего.

Сулла, узнав о прибытии Флакка, двинулся ему навстречу в Фессалию. Обе армии расположились друг напротив друга при Мелитее, на северном склоне Офризских гор, и их столкновение казалось неизбежным.^[967] Внезапно ситуация круто изменилась. Впервые, Сулла получил известие о прибытии в Элладу новой армии врага: ему сообщили, «что в тылу у него опять действует, опустошая все на своем пути, царская армия, численностью не уступающая прежней. В Халкиду со множеством кораблей прибыл Дорилай, который привез восемьдесят тысяч отборных воинов»^[968] Митридата, наилучшим образом обученных и привыкших к порядку и повиновению, тотчас вторгся в Беотию и овладел всей страной. Невзирая на сопротивление Архелая, Дорилай очень хотел принудить

Суллу вступить в бой, а насчет предыдущего сражения говорил, что не без предательства, дескать, стала возможной гибель такого огромного войска» (Плутарх. Сулла. 20. 2–3).

Вовторых, Флакк убедился в том, что у него нет никакой надежды переманить на свою сторону солдат Суллы, которые отнюдь не собирались изменять своему победоносному вождю в пользу совершенно неизвестного правительственного военачальника.^{969} Более того, у его солдат увеличился соблазн дезертировать, и чем дольше две армии стояли друг напротив друга, тем больше у Флакка становилось шансов остаться генералом без армии. Поэтому он счел за лучшее сняться с лагеря и уйти в Македонию для того, чтобы оттуда переправиться в Азию и нанести удар по Митридату в его владениях. Возможно, такое поведение Флакка было результатом договоренности между ним и Суллой — два полководца распределили между собой области, в которых им предстояло вести войну, причем наиболее трудные задачи достались Сулле, который оттягивал на себя значительную часть сухопутных сил Митридата. Что касается действий Флакка в Македонии, то они, кажется, дают основания усомниться в его характеристике как бездарного полководца.^{970} Хотя мы не знаем подробностей его боевых операций, однако в результате их Македония оказалась возвращена под власть Рима.^{971}

Пройдя через Македонию, армия Флакка достигла Византии, а оттуда переправилась в Азию, где захватила Халкедон. Таким образом, действия ее развивались вполне успешно, но тут конец военной карьере и жизни Флакка положил вспыхнувший в его армии мятеж. Устроил этот мятеж уже упоминавшийся Фимбрия, который, наряду с военными талантами и умением ладить с солдатами, обладал и многими дурными качествами — был «человек неслыханной дерзости» и «весьма жестокий» (Орозий. VI. 2. 9; О знаменитых мужах. 70.1). Мятеж начался в Византии. Однажды за столом Фимбрия повздорил с квестором Флакка; когда дело было вынесено на рассмотрение главнокомандующего, Флакк вынес решение не в пользу Фимбрии. Последний, обидевшись и, по-видимому, считая себя человеком незаменимым, пригрозил, что покинет армию и уедет в Рим. Реакция командующего на это была для него неожиданной: Флакк не стал уговаривать его остаться, а назначил на его место другого человека, причем Фимбрии было обещано, что он будет отправлен в Рим, хочет он того или нет (Аппиан. Митридатика. 52. 207; Дион Кассий. XXX–XXXV. 104. 4). Тогда тот решил взбунтовать солдат, благо почва для этого была готова. Психологию своих подчиненных он знал хорошо и обвинение против

Флакка выдвинул, с их точки зрения, самое чудовищное — утаивание добычи (Дион Кассий. XXX–XXXV. 104. 3). Воспользовавшись тем, что командующий отправился в Халкедон, Фимбрия отобрал инсигнии у Терма, которого Флакк оставил своим заместителем, и объявил, что войско верило командование ему (Аппиан. Митридатика. 52. 208).

Разгневанный Флакк попытался погасить мятеж, но у него ничего не вышло — Фимбрия прогнал его из Византии, а затем и из Халкедона. Флакк бежал в Никомедию, но его настигли и там, извлекли из колодца, где он прятался, и убили: «Человека, бывшего консулом римского народа и главнокомандующим в этой войне, убил человек, бывший частным лицом и последовавший за ним по его дружескому приглашению. Отрубив Флакку голову, он бросил ее в море, а остальное тело бросил без погребения и объявил себя предводителем» (Аппиан. Митридатика. 52. 209–210). Все это, однако, будет несколько позднее. А пока не знающий своего будущего Флакк двинулся в Македонию, а Сулла обратил свои усилия против новой понтийской армии.

Дорилай, приведший с собой отборное понтийское войско, рвался вступить с Суллой в бой, невзирая на предупреждение уже имевшего печальный опыт борьбы с римлянами Архелая. Однако его пыл был охлажден небольшой стычкой с врагом у местечка Тилфоссия, во время которой он имел возможность убедиться в превосходстве боевой выучки римской армии. Тогда он, как и до него Архелай, решил затягивать войну, вынуждая противника к растрате сил и времени (Плутарх. Сулла. 20.4). Сулла оказался в очень невыгодном положении — война могла затянуться надолго, а медлить было нельзя. Поэтому он решился на сражение в условиях, которые, казалось, обрекали его на неминуемое поражение, так как сражаться предстояло на равнине, весьма благоприятной для действий вражеской конницы. «Среди всех равнин Беотии, отличающихся обширностью и красотой, лишь та, что примыкает к Орхомену, совершенно лишена деревьев и простирается до самых болот, в которых теряется река Мелан, берущая свое начало под городом орхоменцев. Это единственная из греческих рек, которая велика и судоходна в верховьях, а к летнему солнцестоянию разливается, подобно Нилу, и возвращает растения, подобные нильским — только здесь они малорослы и не приносят плодов. Но протяженность ее невелика, почти вся вода вскоре теряется в глухих болотах и лишь небольшая часть ее вливается в Кефис — как раз там, где на болоте больше всего тростника, который идет на флейты» — так описывает Плутарх место будущего сражения (Сулла. 20. 6–7).

Именно здесь, в этой живописной местности, раскинул свой лагерь

Архелай, а напротив него встал Сулла. Чтобы как-то воспрепятствовать действиям конницы, которая составляла основную ударную силу понтийцев, Сулла приказал копать на равнине рвы шириной около трех метров. Архелай, видимо, поняв, что Сулла пытается лишить его тактического преимущества, велел своей армии немедленно атаковать римлян. С атаки на легионеров, копавших рвы, и началась битва при Орхомене.^[972] Понтийская конница широким потоком хлынула на римлян и смяла не только тех, кто занимался оборонными работами, но и часть выстроенных для боя легионеров. Началось бегство, которое в любой момент могло стать паническим и остановить которое нужно было любой ценой.^[973] «Тогда Сулла, спрыгнув с коня и схватив знамя, сам кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: «Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните, что на вопрос: «Где предали вы своего императора?» — вам придется отвечать: «При Орхомене»».^[974] Конечно, рассказ этот восходит к рассказу о битве самого Суллы, который явно приукрасил происшедшее.^[975] Позднее подобную историю рассказывали о Цезаре в битве при Мунде.^[976] Но в целом он отражает реальность — Сулле пришлось личным примером воздействовать на своих дрогнувших воинов.

Появление полководца остановило бегущих, солдаты вновь были готовы идти в бой. В это время с правого фланга на помощь Сулле подошли две свежие когорты и с их помощью варваров удалось оттеснить. «Когда победа стала склоняться на сторону римлян, Сулла, вновь вскочив на коня, стал объезжать войско, хвалить его и подстрекать рвение» (Аппиан. Митридатика. 49.196). Однако продолжать сражение он не стал, а отошел и дал своим воинам позавтракать, после чего вновь вывел их на рытье рвов. Это вызвало новую атаку понтийцев, в более строгом порядке, чем прежде, и, видимо, по всему фронту. Подробностей ее мы практически не знаем. Известно только, что в ней, доблестно сражаясь на правом фланге, погиб Диоген, сын или пасынок Архелая, а теснота на поле битвы была такая, что понтийские лучники, на которых наседали римляне, не могли натянуть луки и, сжимая в руках пучки стрел, орудовали ими наподобие меча (Плутарх. Сулла. 21.6; Аппиан. Митридатика. 49.197). Наконец понтийцев загнали в их лагерь, где они провели тяжелую ночь, страдая от ран и горя о погибших. Что касается Суллы, то, успешно проведя первый день битвы, он не намерен был упускать победу и потому расставил по всей равнине сторожевые посты, которые должны были заметить, если армия Архелая задумает ночью начать отступление (Аппиан. Митридатика. 50. 198).

Утром Сулла продолжил свои земляные работы, на этот раз уже в непосредственной близости от понтийского лагеря — на расстоянии не больше одного стадия (около 178 метров). Понтийцы, видимо, не пытались больше мешать осадным работам Суллы; поняв, что силы врага на исходе, он «стал горячо убеждать свое войско последним усилием закончить войну, так как враги уже неспособны противостоять им, и повел их к валу Архелая. То же самое в свою очередь по необходимости происходило и у врагов: их предводители обходили свои отряды, указывали на угрожающую опасность и на позор, если они не отразят от вала врагов, уступающих в численности» (Аппиан. Митридатика. 50. 199).

Именно в этот момент, видимо, происходит та последняя атака понтийцев, о которой говорит Плутарх (Сулла. 21. 4).^[977] Архелай, видя, что боевое счастье склоняется на сторону врага, попытался отстоять хотя бы лагерь. Видимо, атака понтийцев была отчаянной, но остановить римлян они не смогли; по словам Аппиана, в этом бою «и с той и с другой стороны было совершено много боевых подвигов» — но в итоге понтийцы вновь отступили под защиту укреплений своего лагеря. Однако и эта защита не была надежной: римляне, прикрывшись сверху щитами, уже разрушали угол укрепленного вала. Тогда находившиеся на валу воины Архелая приготовились к рукопашной схватке в проломе стены, выстроившись напротив него с обнаженными мечами. Вид варваров, готовых, как казалось, биться до конца, привел римлян в замешательство и никто из легионеров не решался первым броситься на них. Тогда легат легиона Луций Минуций Басил первый устремился в атаку и обрушил удар на вражеского воина, который осмелился скрестить с ним оружие. Увлеченные его примером, в лагерь врагов устремились и другие воины, так что понтийцы, столь грозные на вид, не смогли им противостоять.

«Произошло бегство и избиение варваров; одни из них были захвачены, другие загнаны в близлежащее озеро, и, не умея плавать, они на своем непонятном варварском языке призывали тех, которые их бы убили», — рассказывает о разгроме армии Архелая Аппиан (Митридатика. 50. 201–202). «Кровь убитых наполнила болота, озеро было завалено трупами, и до сих пор, по прошествии почти двухсот лет, в трясине находят во множестве варварские стрелы, шлемы, обломки железных панцирей и мечи», — добавляет «местного колорита» Плутарх (Сулла. 21.8). Сам Архелай бежал с поля битвы, укрылся в какомто болоте, а затем, раздобыв маленькое суденышко, переправился на Халкиду. Там он предпринял попытку вновь собрать армию, но, видимо, собирать было уже нечего — как пишет Аппиан, он вызвал к себе лишь «частично кое-где сохранившиеся» войска

Митридата (Митридатика. 50. 202).

Кампания 86 года была, таким образом, успешно завершена. На следующий день после сражения получили награды отличившиеся в бою воины, в том числе и Басил. Беотия, которая при приближении армии Дорилая вновь перешла на сторону Митридата, была разграблена — видимо, именно в это время Сулла, как уже говорилось, передал Дельфийскому храму половину земли, ранее принадлежавшей Фивам. Думается, в это время, а не после битвы при Херонее произошел и еще один инцидент, описанный Плутархом: когда полководец праздновал победу в Фивах, соорудив театр у Эдипова источника, «судьями на состязаниях были греки, вызванные из других городов, так как к фиванцам Сулла питал непримиримую вражду» (Сулла. 19.12). Если считать, что это произошло после Хероней, то такая ненависть может показаться непонятной; но после вторичной измены Фив во время похода Дорилая такое поведение римского полководца выглядит вполне естественным. Завершив все эти дела, Сулла расположился на зимние квартиры в Фессалии, где он ожидал прибытия флота, за которым послал Лукулла. Не зная, чем завершилась эта миссия, и понимая, что флот в любом случае необходим для кампании 85 года, он начал строить корабли.

Что же тем временем происходило в Азии? Если 89–88 годы были ознаменованы победным шествием Митридата от города к городу и почти всеобщим ликованием, то 87-й можно назвать годом обманутых ожиданий. Лозунги, которые провозглашал Митридат, были близки сердцу эллинов, но реальность оказалась куда более суровой. Ведение боевых действий требовало все больше и больше денег, которые получали за счет повинностей, наложенных на греческие города. Кроме того, греки получили хорошие уроки мстительности и жестокости Митридата. Первыми пострадали галаты. Митридат, обоснованно или нет, решил, что они не будут хранить ему верность при приближении Суллы. Поэтому он пригласил к себе галатских тетрархов с семьями на «дружеский пир», где все они были беспощадно перебиты, кроме троих, которые успели бежать (Аппиан. Митридатика. 46. 178–179).^[978] Именно оставшиеся в живых тетрархи организовали сопротивление Митридату в Галатии, не дав укрепиться там посланному царем в качестве сатрапа Евмаху.

Затем пришел черед хиосцев, на которых царь затаил зло еще со времени «теракта» во время боя с родосцами. Все началось с того, что царь конфисковал имущество жителей Хиоса, которые бежали к Сулле, что в общем-то было вполне законно. Затем устроили следствие, которое должно

было выяснить, кто еще из граждан является сторонником римлян — эта мера уже открывала возможность для произвола и сведения счетов. Наконец на Хиос явился с войском полководец царя Зенобий, якобы для того, чтобы переправить эту армию в Грецию. Видимо, хиосцы не чувствовали за собой вины, поскольку появление на их территории воинов Митридата их не насторожило. Ночью, пока они спали, воины Зенобия заняли стены и укрепления города, а днем граждане были созваны на народное собрание. Когда они собрались, то он сказал им, что царь подозрительно относится к их городу из-за тех жителей, которые держат сторону римлян, но что «он перестанет так относиться, если вы передадите оружие и в качестве заложников дадите детей виднейших из граждан» (Аппиан. Митридатика. 46.182). Хиосцам пришлось подчиниться, и их оружие вместе с заложниками было отправлено в Эритры.

Несмотря на обещание Зенобия, после выполнения требований царя его отношение ничуть не изменилось. Письмо, пришедшее от него, согласно Аппиану, гласило: «Вы склоняетесь на сторону римлян; и многие из вас и сейчас находятся у них, и вы пользуетесь имуществом римлян, не внося нам (указанной) доли. Кроме того, в битве под Родосом ваша триера ударила в мой корабль и причинила ему повреждение. Я сам (без вашей просьбы) вменил это в вину одним только кормчим, давая вам случай спастись и почувствовать мое великодушие. И вот лучших своих граждан вы тайно послали к Сулле, и ни на кого из них вы не указали и не донесли мне, что они это сделали не по общему решению, а это вы должны были бы сделать, если бы вы не были их соучастниками. Тех, которые злоумышляли против моей власти, злоумышляли на мою жизнь, мои друзья присудили к смерти, я же вас наказываю штрафом в 2000 талантов» (Митридатика. 47. 183–184).

Таким образом, хиосцы оказались полностью во власти «зондеркоманды» Зенобия. Они хотели отправить посольство к Митридату — Зенобий им не позволил. Соппротивление было немыслимо, поскольку их дети находились в заложниках, но если бы даже они решились пожертвовать детьми, оружия все равно не было. К тому же город был полон вооруженными понтийскими воинами, так что оставался только один выход — послушно внести требуемые суммы. На выплату штрафа были пущены все украшения храмов и женские драгоценности, и все равно сумма оказалась неполной. Тогда Зенобий довел план Митридата до конца и осуществил депортацию хиосцев: он «собрал их всех в театр, и, поставив войско с обнаженными мечами вокруг театра, заняв дороги от театра до моря, он повел туда хиосцев, вызывая каждого в отдельности из театра, и

посадил на корабли, отдельно мужчин, отдельно их женщин и детей, причем конвой по варварскому обычаю позволял себе по отношению к ним оскорбления. Когда затем они были доставлены к Митридату, они были отправлены им к Понту Эвксинскому» (Аппиан. Митридатика. 47. 186).

Обращение с хиосцами вызвало у азиатских эллинов настоящий шок — такого они не ждали. Неудивительно поэтому, что, когда Зенобий подошел со своим войском к Эфесу, где Митридат поставил управлять городом Филопемена, отца одной из его жен Монины, ^[979] жители не захотели впускать в город вооруженных понтийцев. Они потребовали, чтобы Зенобий оставил оружие у ворот и вошел в город лишь с несколькими сопровождающими, и тот был вынужден подчиниться. В городе он объявил, чтобы эфесцы собрались на собрание, однако горожане, наученные горьким опытом Хиоса, отказались сделать это немедленно и перенесли собрание на следующий день. Однако Зенобий до этого собрания не дождался: ночью он был схвачен, брошен в тюрьму и там убит, а горожане «заняли свои стены, распределили все население на отряды, собрали с полей все съестное и вообще поставили свой город на военное положение» (Аппиан. Митридатика. 48. 188).

До нас дошел декрет, принятый в Эфесе в связи с этими событиями. В нем предусматриваются меры по установлению в городе гражданского согласия и подготовке к обороне, но в данном случае интереснее другое — как именно эфесцы оправдывают свое поведение. В форме обращения к сообществу граждан в декрете говорится: «Митридат, каппадокийский царь, нарушив договоры с римлянами и собрав силы, попытался стать господином над странами, ему совершенно не принадлежащими. И сперва обманом захватив расположенные вблизи от вас города, он овладел и вашим городом, устранным и многочисленностью войска, и неожиданностью нападения; а народ ваш, изначально хранивший благорасположение к римлянам, когда представился случай для того, чтобы участвовать в общем деле, постановил провозгласить войну с Митридатом за гегемонию римлян и всеобщую свободу» (SIG3. 742)**.

Конечно, эта надпись искажает события и старается сделать по возможности минимальными неприятные в данной обстановке воспоминания о ликовании, с которым греки встречали понтийского царя всего каких-нибудь полтора-два года назад. Теперь война против Митридата выглядит как «общее дело», в котором жители Эфеса спешат принять участие. Интересно и то, как обозначены в декрете цели войны. Здесь очень важно точное понимание слова, которое употреблено в

греческом оригинале. Иногда его передают как «господство»^[980] или «владычество».^[981] Сразу же бросается в глаза нелогичность такого перевода: как можно вести войну одновременно и за чужеземное господство, и за всеобщую свободу? Это вещи несовместимые. Поэтому, конечно, война шла не за римское господство, а за римскую гегемонию в том смысле, в каком понимали это слово греки. Понятие это выражало первенство среди эллинов, но первенство, основанное на принципах уважения лидера союзниками и добровольного вручения ими власти гегемону.^[982] В этом смысле она вовсе не мыслилась чем-то противоположным свободе и потому стоит рядом с ней в эфесском декрете.

Под влиянием событий в Эфесе по всей территории оккупированной Митридатом Азии прокатилась волна мятежей и заговоров. С восставшими городами Митридат поступал со своей обычной в таких случаях жестокостью; кроме того, поняв, что жители полисов настроены против него, Митридат пошел на экстраординарные меры: он «дал свободу греческим городам, объявил об уничтожении долгов, метеков в каждом городе сделал полноправными гражданами, а рабов — свободными, понадеявшись, как это и действительно случилось, что должники, метеки и рабы будут на его стороне, считая, что только под властью Митридата за ними неизменным останется дарованное право» (Аппиан. Митридатика. 48. 189–190). Разумеется, такие меры, обеспечивая Митридату опору среди городских низов, неполноправного и бесправного населения, должны были еще больше рассорить его не только с основной массой граждан, но, что было куда опаснее, с городскими верхами.

Реакция не заставила себя ждать: было раскрыто несколько заговоров против царя, составленных греками, часть которых входила в его ближайшее окружение, а остальные имели доступ к царю. Аппиан рассказывает: «В это время составили заговор против Митридата Миннион и Филотим из Смирны, Клисфен и Асклепиодот с Лесбоса; все они были люди, знакомые с царем, а Асклепиодот был даже некогда близким другом. Донос на заговорщиков сделал сам Асклепиодот и для того, чтобы не было сомнений, дал возможность из-под какого-то ложа услышать речи Минниона. Когда заговор был раскрыт, они были казнены после страшных мучений. Подозрение в подобного рода намерениях нависло теперь над многими. Когда из числа жителей Пергама было арестовано восемьдесят человек, составивших такой же заговор, и в других городах ряд лиц, то Митридат послал повсюду своих людей, которые по доносам, в которых каждый указывал на своего врага, казнили до 1600 человек» (Митридатика.

48. 191–193).

К этой напряженной ситуации прибавились активные действия двух легионов Флакка, во главе которых теперь стоял Фимбрия. Даже враждебная ему традиция не может преуменьшить его успехов. Против него выступил Митридат, сын Митридата, с которым были, если поверить Мемнону, лучшие понтийские военачальники — Таксил, Диофант и Менандр. Однако Фимбрия разгромил врага в сражении при Риндаке. Как рассказывает Фронтин, он насыпал с флангов валы, перед фронтом вырыл ров. Затем он держал солдат на валах до тех пор, пока неприятельская конница не вошла в узкий проход между укреплениями. Ударив на нее, он перебил шесть тысяч понтийцев (III. 17. 5; Мемнон. 34.2).

Затем он двинулся на Пергам и изгнал оттуда Митридата (Ливии. Периоха 83; О знаменитых мужах. 70. 2; Орозий. VI. 2. 10; Аппиан. Митридатика. 52. 210). Нет никаких подробностей того, как это произошло, — кажется странным, как могла небольшая армия заставить царя покинуть хорошо укрепленную цитадель. Скорее всего, сыграли свою роль два фактора: у Митридата не хватало сил для обороны, а позиция городского населения становилась все более недружественной по отношению к понтийцам. Во всяком случае, Митридат бежал в Питану и оттуда разослал приказы своим эскадрам собираться к нему в этот порт. Здесь, в Питане, можно было раз и навсегда покончить с понтийским монархом, и Рим был бы избавлен от еще двадцати лет страха за свои восточные владения. Непосредственным виновником того, что война не была закончена, стал Лициний Лукулл.

Все время, пока шли основные бои в Греции, он трудился над задачей, которую поставил перед ним командующий. Правда, царь Птолемей уклонился от союза с римлянами, и, продержав посольство у себя, отпустил его ни с чем, хотя и дал Лукуллу корабли, которые сопровождали его до Кипра. Там Лукулл чуть было не попал в засаду, устроенную врагами, но благополучно избежал ее с помощью хитрости: сделав вид, что он намерен зимовать на Кипре и вытащив корабли на берег, он, как только задул попутный ветер, отплыл от острова и, идя днем и ночью, благополучно достиг Родоса. Там он получил корабли и с этим флотом начал свои операции в Эгейде. Он склонил к переходу на сторону римлян граждан Коса и Книда, вместе с ними совершил поход на самосцев, очистил своими силами от царских войск Хиос и освободил Колофон (Плутарх. Лукулл. 3. 2–4). Таким образом, к весне 85 года и на море постепенно устанавливался римский контроль. Вслед за освобождением от понтийцев материковой Греции пришел черед островов Эгейды.

Как раз в это время Митридат и был осажден в Питане Фимбрией. С суши царя надежно блокировали валом, возведенным по приказу Фимбрии (Аппиан. Митридатика. 52. 210), но оставалась еще дорога бегства по морю. Тутто неподалеку и появился Лукулл со своим флотом. Фимбрия тотчас попросил его «прийти со своими кораблями и помочь изловить самого ненавистного и враждебного из царей, чтобы не ушла от римлян эта драгоценная добыча, ради которой было принято столько ратных трудов, — Митридат, который уже попал в западню и окружен тенетами!». Однако красноречие посланий Фимбрии не принесло результатов: Лукулл отказался от совместных действий, и Митридат на своих кораблях сумел отплыть в Митилену. За этот поступок Лукулла порицали уже в древности: «Слова Фимбрии были далеко не лишены смысла... Но Лукулл, по-видимому, ставил свой долг перед Суллой превыше как собственного, так и государственного блага», — упрекает его Плутарх (Лукулл. 3.8). Митридат был бы захвачен, если бы Луций Лукулл «предпочел гражданским распрям заботу о государстве», — вторит через несколько столетий язычнику Плутарху христианин Орозий (VI. 2. 10; см. также: Ливии. Периоха 83; Аппиан. Митридатика. 52). «Первая Митридатова война наглядно продемонстрировала, сколь вопиющим образом препятствуют политические приоритеты гражданской войны ведению римлянами войны внешней», — пишет по сему поводу современный историк.^[983]

Справедливо ли их благородное негодование? И да и нет. Иногда допускают, что эскадра Лукулла была недостаточно сильна, чтобы заблокировать Митридата.^[984] Однако победы Лукулла над понтийским флотом в самом ближайшем будущем говорят об обратном. Да и вряд ли такой аргумент обошли бы вниманием античные авторы. Рассуждения о том, что сам Фимбрия по завершении операции мог предоставить Лукулла своей судьбе,^[985] также малоубедительны — а что, собственно, угрожало его сильной эскадре? Понтийцы на море были не так уж сильны, а марианцы вообще не имели флота. О том, как выглядел поступок сулланского командира с точки зрения староримской морали, и вовсе говорить не приходится.

Но староримская мораль не учитывала ситуации гражданских войн. Ведь речь шла не просто о сотрудничестве с лютым врагом — и каким! «Негодяем, который недавно из властолюбия убил своего друга и полководца» (Плутарх. Лукулл. 3.8).^[986] Но дело даже не в этом — ведь слава победы досталась бы Фимбрии, а не Сулле и Лукуллу.^[987] Что это для них означало, догадаться нетрудно. Да и нужно ли им было вообще

добивать царя? Как мы увидим ниже, ответ на этот вопрос не так однозначен, как может показаться.

После этого Лукулл дважды встречался с царским флотом и дважды нанес ему поражение — у Лекты Троадской и у Тенедоса, где он обратил в бегство превосходящие силы Неоптолема, одного из военачальников Митридата (Плутарх. Лукулл. 3. 8–9). Одержав эти победы, он присоединился на Геллеспонте к главным силам римлян.

Фимбрия, потерпев неудачу с захватом в плен Митридата, продолжил свое победное шествие по Азии, наказывая сторонников царя и опустошая их земли. Так он дошел до Илиона и осадил его. Жители города, увидев, что оказались в бедственном положении, отправили к Сулле послов и заявили, что хотят сдаться. Тот принял их сдачу и велел передать Фимбрии, чтобы он не трогал илионцев. В ответ на это Фимбрия пустился на хитрость, похвалив граждан города за то, что они уже стали друзьями римлян. Но ведь и он сам тоже римлянин, то есть принадлежит к народу, который, будучи потомками Энея, состоит с троянцами в родстве; поэтому жители Илиона могут без страха впустить его внутрь стен. Илионцы поверили этим красивым словам и открыли перед ним ворота. Войдя в город, Фимбрия приказал избивать всех подряд и все предал пламени; тех же, кто ходил послами к Сулле, он предал всевозможным мучениям. «Он, не щадя ни святынь, ни тех, кто бежал в храм Афины, сжег их вместе с храмом. Он срыл и стены, и на следующий день он сам обошел город, следя за тем, чтобы ничего не осталось от города. Илион, испытывавший худшее, чем во времена Агамемнона, погиб от рук «родственника»; не осталось целым ни одного алтаря, ни одного святилища, ни одной статуи» (Аппиан. Митридатика. 53. 212–213). Этим своим «подвигом» Фимбрия очень гордился, говоря, что он на одиннадцатый день захватил этот город, который Агамемнон, располагавший силами всей Греции и флотом в тысячу кораблей, с трудом взял лишь на десятый год. Страбон донес до нас горький ответ, который дал один из пленных горожан: «Да, но у нас не было такого защитника, как Гектор» (XIII. 1. 27. С. 594).^[988]

Пока Фимбрия разорял и покорял Азию, добившись в этом немалых успехов и став господином большей ее части (Ливии. Периоха 83), а Лукулл очищал от врагов греческие острова, Сулла вступил в переговоры с Архелаем. Инициатива исходила от понтийца, который отправил к Сулле своего тезку, делосского купца Архелая, с «многообещающими предложениями».^[989] Сулла согласился на личную встречу, которая произошла на территории Беотии, близ Делия. Как рассказывает Плутарх,

Архелай убеждал Суллу оставить Азию в покое и, взяв у царя деньги, триеры и сколько понадобится войска, плыть в Рим, чтобы начать войну со своими противниками.^[990]

Как видим, многообещающие предложения сводились в данном случае к тому, чтобы Сулла с царскими деньгами, флотом и войском мирно убрался восвояси. Со своей стороны он выдвинул предложение лично Архелая — явно не без издевки: свергнуть Митридата, стать вместо него царем и союзником римского народа, а также выдать римлянам флот.^[991] В ответ на отказ Архелая совершить предательство последовала гневная тирада Суллы: «Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб, или, если угодно, друг царяварвара, не соглашаешься на постыдное дело даже ради таких великих благ, а со мною, Суллою, римским полководцем, смеешь заводить разговор о предательстве! Будто ты не тот самый Архелай, что бежал от Херонеи с горсткой солдат, уцелевших от стодвадцатитысячного войска, два дня прятался в Орхоменских болотах и завалил все дороги Беотии трупами своих людей!» В ответ на это Архелай будто бы простерся ниц и умолял Суллу прекратить военные действия и примириться с Митридатом (Плутарх. Сулла. 22. 3–9).

Условия, которые выдвинул Сулла для такого примирения, были следующие: Митридат должен передать римлянам весь тот флот, который находился у Архелая, возвратить им пленных, перебежчиков, бежавших рабов, вернуть на прежнее местожительство хиосцев и всех других, кого он насильно переселил в Понт, вывести гарнизоны из всех укреплений, за исключением тех, которыми он владел до начала войны, выплатить расходы за войну, которые Сулле пришлось произвести из-за него;^[992] наконец, Митридату предлагалось удовольствоваться властью над одним только его наследственным царством (Аппиан. Митридатика. 55. 222–223). Последнее требование означало, что Митридат должен был уйти из Азии и Пафлагонии и вернуть Вифинию Никомеду, а Каппадокию — Ариобарзану.

Архелая эти требования не показались чрезмерными, и он сообщил о них царю. Сам он остался при Сулле, дожидаясь ответа от Митридата, но, видимо, в характере ответа не сомневался, потому что сразу же начал выводить отовсюду понтийские гарнизоны (Аппиан. Митридатика. 55. 224). Сулла относился к нему с подчеркнутым уважением, заботился о нем во время болезни, подарил большой участок земли на Эвбее и объявил его другом и союзником римского народа (Плутарх. Сулла. 23. 1–4).

Однако уважение уважением, а война войной. Опыт говорил Сулле, что кампания может продолжиться в любой момент и расслабляться нельзя

ни ему самому, ни его войнам. Поэтому, продвигаясь через Македонию к Геллеспонту, он одновременно с этим совершал экспедиции в земли энетов, дарданов, синтов — племен, соседних с Македонией, которые, по видимому, действуя в союзе с Митридатом, постоянно на нее нападали. Этими небольшими походами Сулла решал одновременно две задачи: упражнял свое войско и одновременно обогащал его (Аппиан. Митридатика. 56. 224).

Наконец прибыли послы Митридата. Оказалось, что он согласен на все условия, но возражает против того, чтобы уйти из Пафлагонии. По Плутарху, он также не соглашался с требованием о выдаче флота (Сулла. 23.6; см. также: Аппиан. Митридатика. 56). Митридат при этом прибег к аргументу, который, с его точки зрения, должен был показаться Сулле весомым: по словам царя, он «получил бы гораздо больше для себя, если бы стал вести переговоры с другим вашим полководцем, Фимбрией» (Аппиан. Митридатика. 56. 225). Тем самым делался дипломатичный намек на не вполне легальный статус Суллы как командующего в этой войне. Неудивительно, что Сулла пришел в ярость. Он заявил послам: «Что вы говорите? Митридат притязает на Пафлагонию и спорит о флоте? А я-то думал, что он поклонится мне в ноги, если я оставлю ему правую его руку, которою он погубил столько римлян! Но погодите, скоро я переправлюсь в Азию, и тогда он заговорит по-другому, а то сидит в Пергаме и отдает последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!» (Плутарх. Сулла. 23. 6–7). Что касается Фимбрии, то он свое наказание еще получит (Аппиан. Митридатика. 56. 225).

В этой сцене, конечно, много наигранного. Возможно, Сулла кое-что преувеличил, описывая ее в мемуарах. Но в целом она похожа на правду — вспомним, как Наполеон с расчетливой яростью бил сервизы, чтобы «урезонить» австрийских представителей. Римский же полководец лишь немного покричал на послов. Возможно, он и правда был разгневан. По римским понятиям, войну следовало закончить лишь со смертью царя, пролившего столько крови квиритов. Сулла и так рисковал репутацией, выдвигая «до смешного» легкие условия, а Митридат еще упрямится! Эта вспышка гнева испугала послов, и они замолчали; а Архелай постарался смягчить гнев римского полководца и настоял на том, чтобы его самого отправили к царю — он или убедит Митридата принять мир на тех условиях, которые предложил Сулла, или покончит с собой (Плутарх. Сулла. 23.8–9).

Отправив Архелая к Митридату, Сулла решил подкрепить это посольство действиями — сам он опустошил земли фракийского племени

медов, совершив поход на их город Кипселу, а Лукулла с флотом отправил к Абидосу в Троаде (Плутарх. Сулла. 23.10; Аппиан. Митридатика. 56. 226). Эти действия, а также успехи Фимбрии заставили Митридата поторопиться с заключением мира, и он выразил согласие на личную встречу с Суллой, которая и состоялась в Дардане в Троаде. Плутарх передает яркие подробности этой встречи: Митридат явился со всей пышностью, характерной для восточных монархов, — его сопровождали 200 военных кораблей, 20 тысяч гоплитов, шесть тысяч всадников и множество серпоносных колесниц. Эскорт Суллы был гораздо скромнее — всего четыре когорты пехоты и 200 всадников (Плутарх. Сулла. 24.1).

Однако в этом описании можно усомниться: если бы свита Суллы была столь маленькой, что помешало бы Митридату совершить на него нападение? Моральные соображения? Но не помешали же они тогда-то понтийскому царю убить Ариарата VIII прямо во время переговоров. Поэтому, как ни впечатляет картина, нарисованная Плутархом, ее вряд ли можно считать достоверной. Скорее, все обстояло так, как это изображено у Аппиана: войска стояли напротив друг друга, а полководцы с маленькими свитами встретились в долине на виду у двух армий (Митридатика. 56. 227).

Царь вышел навстречу Сулле и протянул ему руку. Римлянин спросил, готов ли тот заключить мир на условиях, согласованных с Архелаем. Митридат, собиравшийся еще поторговаться, молчал, чтобы не обязывать себя согласием и не провоцировать разрыв отказом. «Просители говорят первым и молчать могут победители», — надменно бросил Сулла (Плутарх. Сулла. 24.2). Однако царь не сдавался. Он попытался возложить вину за случившееся на самих римлян — они-де из-за денег, которые брали попеременно то у него самого, то у Никомеда и Ариобарзана, спровоцировали войну. «То, в чем можно было бы упрекнуть большинство из вас, римляне, это — корыстолюбие. Война была вызвана вашими военачальниками, и все, что я совершил для самозащиты, мне пришлось делать скорее по необходимости, чем по своему желанию», — закончил свою речь Митридат (Аппиан. Митридатика. 56. 228–229).

Однако все эти обвинения не могли смутить Суллу. Он заметил, что «давно слыхал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии», без труда подыскивая оправдания «подлым и незаконным» делам (Плутарх. Сулла. 24.3). Царь не согласен, что на каппадокийский престол посадили Ариобарзана, — но почему он молчал раньше, когда мог попытаться переубедить римлян? Он обижен за то, что римляне отняли у него Фригию? Но эта область была получена за взятку, так что никаких

прав на нее понтийские цари не имеют. А почему Митридат подсылал к Никомеду убийцу, подстрекал Сократа Хреста отнять у него власть, почему он изгнал из царства Ариобарзана, ничем его не обидевшего? После ответа на обвинения в адрес римлян последовала атака на самого Митридата: «У тебя издавна было это предрешено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, ты придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, что ты отправлял посольства к соседним царям, строил корабли, созывал и кормчих, и штурманов» (Аппиан. Митридатика. 57. 230–234).

Далее Сулла указал на все несправедливости и жестокости, которые совершил Митридат, а также и на то, что в Европу, куда римляне запретили даже ногой ступать всем азиатским царям, он привел огромное войско и лишь после того, как оно было разгромлено, завел другие речи. «Я удивляюсь, что сейчас ты защищаешь справедливость того, в чем ты через Архелая приносил свои извинения. Или, когда я находился далеко, ты меня боялся, а когда я тут, ты считаешь, что пришел сюда судиться? Для этого время прошло, так как ты начал войну с нами, а мы уже стали решительно защищаться и будем защищаться до конца», — завершил свою речь полководец (Аппиан. Митридатика. 58. 235–239).

Если верить Аппиану, Митридат был устрaшен этой речью, однако, думается, термин «страх» здесь не самый удачный. Просто он почувствовал, что уступок ему добиться не удастся — и согласился на выдвинутые Суллой условия, тем более что они не были очень уж суровыми. Он согласился выплатить контрибуцию,^[993] передать 70 триер, предоставить отряд в 500 лучников, вывести войска с захваченных территорий и вернуться в свои наследственные владения (Митридатика. 55; см. также: Плутарх. Сулла. 22.9; 23.6; 24.6; Ливии. Периоха 83; Мемнон. 35.2–3; Граний Лициниан. 2627F).

«Те, кто упрекает Суллу за то, что он не продолжил войну или не добился более суровых условий мира, вольно или невольно полагают, что Митридат был одним из тех царьков, которые, потерпев полное поражение, лишь ожидали решающего удара. Нет ничего более далекого от истины. Действительно, Митридат понес тяжелые потери, но он попрежнему обладал огромными ресурсами и управлял могущественным царством. Коротко говоря, Понт оставался великой державой, способной сопротивляться еще долгое время. Остановив войну в данный момент, Сулла ясно показал, что признает эти факты, и даровал царю условия,

которые соответствовали ситуации». [\[994\]](#)

Следовало бы указать и еще на одно важное обстоятельство. Вполне возможно, что Сулла и принудил бы Митридата к куда более унижительному миру. Но он собирался воевать в Италии, для чего ему требовались не просто воины, а воины лично преданные, готовые идти за него в огонь и в воду. Хватило ли бы того, что осталось бы от его армии в случае продолжения войны с Митридатом, для разгрома «смутьянов» в Италии? Так что на счету был каждый воин. А в случае победы над врагами в Риме кто посмеет упрекнуть Суллу в том, что он заключил с царем мир «не на тех» условиях?

Совсем недавно Сулла кричал на Архелая, который-де предлагал ему измену, советуя взять войско, корабли и деньги царя и плыть в Италию на войну со своими врагами в Риме. В сущности, римлянин так и сделал. Конечно, он потеснил Митридата в Азии, от чего его отговаривал Архелай, но в остальном последовал его рекомендациям — даже флот не отнял, ибо что для понтийского царя были 70–80 триер? Иными словами, Сулла совершил ту самую измену, одна лишь мысль о которой приводила его в благородное негодование. Но у гражданской войны своя логика. Для борьбы со «смутьянами» в Риме Сулла нуждался в деньгах и кораблях, и Митридат ему их предоставил. Так что впору говорить о союзе, как многие историки Дарданский договор и называют. [\[995\]](#)

Но будущий диктатор прекрасно понимал, что слишком мягко обошелся с понтийским царем, заслуживавшим смерти, с точки зрения римлян, за избиение тысяч квиритов. А потому оставил за Римом право пересмотреть условия мира. Дело в том, что договор был заключен устно, и Митридат прекрасно понимал, что это означает — не раз и не два сенат отрекался от соглашений, подписанных его полководцами. То же могло произойти и сейчас. Царь еще не один год добивался утверждения условий мира сенаторами, [\[996\]](#) но безуспешно. Точку в его взаимоотношениях с Римом поставила Третья Митридатова война, начавшаяся в 73 году и закончившаяся гибелью царя через долгих десять лет.

Глава 9

ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ

Что же происходило в Риме, пока Сулла воевал с Митридатом?

После его отъезда на Восток сторонники Мария начали уговаривать Цинну выступить за возвращение победителя кимвров из изгнания. Итальянцы со своей стороны будто бы дали ему взятку в 300 талантов за то, чтобы он выступил за распределение новых граждан (*cives novi*) по всем 35 трибам. Даже если какие-то деньги консул и получил, вряд ли, конечно, его политическая позиция определялась столь меркантильными мотивами. Очевидно, он просто решил опереться в своей деятельности на итальянцев, что могло принести (и принесло) немалые дивиденды. Это естественным образом вело его к союзу с марианцами, которые в прошлом году вместе с Сульпицием отстаивали то же решение. Они же, разумеется, стали выступать за возвращение из изгнания Мария и его сторонников (Appian. ГВ. I. 64. 287–288).^{997}

В конце концов Цинна выступил в комициях с предложением распределить новых граждан по трибам и вернуть изгнанников. Противников этого проекта возглавил его коллега Гней Октавий. Его, очевидно, в массе своей поддержал городской плебс, который, как и нобилитет, был против уступок итальянцам.^{998} Большинство плебейских трибунов наложили вето на предложение Цинны. Его сторонники из числа итальянцев, прибывшие в Рим с оружием, потребовали снятия вето. Сенат, по-видимому, издал *senatusconsultum ultimum*.^{999} Люди Октавия (по Аппиану, без приказа с его стороны) напали на них и учинили побоище. Аппиан уверяет, что, когда они одолели приверженцев Цинны, тот бросился бежать по городу, обещая рабам свободу.^{1000} В конце концов ему пришлось скрыться из Рима.^{1001} Сенат отстранил его от должности и назначил на его место фламينا Юпитера Луция Корнелия Мерулу, не связанного ни с Суллой, ни с Цинной (ГВ. I. 64–65; см. также: Цицерон. Против Катилины. III. 24; За Сестия. 77; Филиппики. VIII. 7; Ливии. Периоха 79; Плутарх. Марий. 41. 1–2; Серторий. 4.8; Беллей Патеркул. П. 20. 2–3; Флор. III. 21. 10; Экуперанций. 4. 22–26Z).

Опальный консул обратился к войскам Аппия Клавдия, осаждавшим Нолу. Он заявил, что низложен незаконно, и призвал оказать ему поддержку. Солдаты Клавдия перешли на его сторону. Затем он начал

объезжать италийские города, не без успеха уговаривая их помочь ему. Его армия начала расти. Сенат, в свою очередь, призвал на помощь легионы Помпея Страбона из Пицена, а затем и Метелла Пия, шурина Суллы, из Самния. Последнему было велено заключить мир с самнитами, но те выдвинули неприемлемые для римлян условия и лишили сенат своей поддержки. Что же касается Помпея, то он хотел, чтобы ему гарантировали вторичное избрание в консулы. Сенат и здесь проявил «принципиальность». В итоге командующий пиценской армией отказался от активных боевых действий и тем дал возможность Цинне набрать силу (Аппиан. ТВ. I. 65–66; Ливии. Периоха 79; Беллей Патеркул. П. 21. 2; Граний Лициниан. 20– 21F; Дион Кассий. XXX–XXXV. 102. 7).

Узнав о происшедшем, Марий, который тем временем успел побывать на Сицилии и затем высадился в Африке, переправился на остров Керкину, а оттуда в Италию. По дороге он набрал отряд в шесть тысяч добровольцев, в том числе, как говорили, и рабов. Цинна отправил ему приглашение присоединиться к нему — старый полководец пользовался огромным авторитетом и у римлян, и у италийцев, а потому лучше было сделать вид, что он лишь следует за законным консулом Цинной, а не идет возглавить все движение. Впрочем, Марий как будто и не стремился к первенству — он не принял знаков проконсульской власти, которые прислал ему Цинна, и подчеркнуто подчинился ему (Плутарх. Марий. 41.342.1; Аппиан. ГВ. I. 67. 305–307; Флор. III. 21. 10–11; Орозий. V. 19. 8).

Однако именно Марий взял на себя руководство операциями по блокаде Рима. Близлежащие города были захвачены, Вечный город наглухо отрезан от подвоза продовольствия. К осаждающим присоединились самниты, чьи условия Цинна принял. После нескольких сражений защитники Рима перешли к пассивной обороне. В их войсках началась эпидемия, от которой умерло, по данным античных авторов, 17 тысяч человек, в том числе и не спешивший воевать Помпеи Страбон. Его воины, ветераны Союзнической войны, не желали подчиняться бездарному консулу Октавию, а Метелл Пий, к которому они явились с просьбой принять их под свое начало, велел им возвращаться под командование консула. В итоге они перешли на сторону Цинны. Метелл признал последнего законным консулом, из-за чего Октавий обвинил его в измене. В ответ Метелл удалился из-под Рима, предоставив принципиального Октавия своей участи. Сенат вынужден был в этих условиях сдать на милость Цинны, который обещал, что по его приказу не будет казнен ни один человек, но посоветовал Октавию удалиться из города во избежание трагических «недоразумений». После этого осаждающие вступили в Рим.

Правда Марий отказался войти с ними, поскольку не было отменено решение о его изгнании, но Цинна через комиции быстро исправил это «упущение» (Плутарх. Марий. 42–43; Appian. ГВ. I. 67–70; Флор. III. 21. 12–13; Граний Лициниан. 1824F; Дион Кассий. XXX–XXXV. 102. 9; Орозий. V. 19. 919).

Как и следовало ожидать, победители начали чинить расправу над неугодными. Одним из первых погиб Гней Октавий, отказавшийся бежать и спокойно восседавший в своем курульном кресле на Яникульском холме. Он явно подражал древним сенаторам, которые в 390 году ожидали вошедших в город галлов, сидя у собственных домов, и были ими перебиты^{1002} — своего рода ритуальное самозаклание во имя спасения общины. Убил Октавия Гай Марций Цензорин — тот самый, что несколько лет назад угрожал Сулле судом.

Та же участь постигла и Гая Юлия Цезаря Страбона Вописка, неудачно претендовавшего на консулат в конце 89 года, а также героя Союзнической войны консула 90 года Луция Юлия Цезаря. Во избежание казни пришлось покончить с собой консуляру и триумфатору Публию Лицинию Крассу и его сыну, тогда как еще один его отпрыск, Марк Крассе, будущий победитель Спартака и триумвир, сумел бежать. Бывший приятель Мария, выдающийся оратор Марк Антоний, спрятался у одного из своих клиентов, но раб гостеприимного хозяина проговорился об этом, и в убежище Антония нагрянули солдаты. По легенде, он так заворожил их своим красноречием, что они никак не решались исполнить жестокий приказ, пока не явился их командир, военный трибун Анний. Он недрогнувшей рукой убил оратора, отрубил ему голову и доставил ее обрадованному Марию. Погибли и другие, менее известные лица — Публий Корнелий Лентул, Атилий Серран,^{1003} Марк Бебий, Гай Нумиторий. Головы убитых сенаторов выставлялись на роствах, пример чему подал Сулла, поступив так с головой Публия Сульпиция.^{1004} Античные авторы особенно возмущаются бесчинствами бардиеев — «гвардии» Мария из числа бывших рабов. Они грабили и убивали своих господ и насиловали их жен и дочерей (Плутарх. Марий. 42–44; Appian. ГВ. I. 71–73; Беллей Патеркул. II. 22. 3; Флор. III. 21. 13–14; О знаменитых мужах. 69.1; — Евтропий. V. 7. 3; Эксуперанций. 4. 27Z; Орозий. V. 19. 19).

Свой успех Марий и Цинна закрепили «избранием» себя в консулы. Победитель кимбров мог радоваться: еще никто из римлян не был консулом семь раз! Однако он еще не насытил свою месть. В день его вступления в должность плебейский трибун Попилий Ленат сбросил со скалы трибуна

минувшего года Секста Луцилия — очевидно, по указанию Мария (Ливии. Периоха 89; Плутарх. Марий. 45.3; Дион Кассий. XXX–XXXV. 102. 12 — без имени Луцилия).^{1005}

Про Квинта Анхария рассказывали еще более жуткую историю: его «повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие. С тех пор это стало служить как бы условным знаком: всех, кому Марий не отвечал на приветствие, убивали прямо на улицах, так что даже друзья, подходившие к нему, чтобы поздороваться с ним, были полны смятения и страха» (Плутарх. Марий. 43. 5–6; Флор. III. 21. 16). Аппиан же пишет, что Анхария зарезали после того, как тот подошел к Марию на Капитолии, надеясь примириться с ним, но был все же убит по его приказу (ГВ. I. 73. 337). Однако рассказ Плутарха настолько потрясает воображение, что именно его пересказывали потом историки Нового времени.^{1006} Между тем он мало похож на истину.^{1007} По-видимому, Анхария привели на Капитолий для совершения казни, и он просил Мария, явившегося для жертвоприношения по случаю вступления в должность консула, о помиловании. Тот не ответил, и несчастного умертвили.^{1008} Остальное дорисовало богатое воображение Плутарха.

Но странно: своего злейшего врага, проявившего черную неблагодарность, Квинта Лутация Катула, Марий тронуть не посмел. Цинна же не решился поднять руку на Луция Корнелия Мерулу, ставшего консулом вместо него. Обоих лишь вызвали в суд. Мария просили пощадить Катула, но он будто бы повторял: «Смерть ему». Катул удушил себя дымом от очага, а Мерула вскрыл себе вены (Цицерон. Тускуланские беседы. V. 56; Диодор. XXXVIII. 4. 2–3; Беллей Патеркул. II. 22. 4; Плутарх. Марий. 44.8; Флор. III. 21. 15–16; Аппиан. ГВ. I. 74. 341–343). Не вполне понятно, собирались ли Цинна и Марий казнить обоих — ничто не мешало им это сделать и без суда, да и вообще удивляет, что их не убили сразу, в первые дни после вступления марианцев в Рим.

Марий «отомстил всей своре аристократов, которая отравляла ему радость побед и подливала горечь к его поражениям. За каждый булавочный укол он мог отплатить ударом кинжала», — писал выдающийся немецкий историк Теодор Моммзен.^{1009} Однако арпинат мстил не только за обиды былым врагам, но и за «предательство» прежним друзьям — Катулу, Антонию, Цезарям.^{1010} Суллу объявили врагом римского народа. Его дом разрушили, имущество конфисковали,^{1011} Метелла бежала в Грецию. Законы Суллы, разумеется, были отменены (Аппиан. ГВ. I. 73. 340; 77.351; 81.370 и др.).

Происшедшее повергло римскую элиту в шок. Античные авторы поносили Мария и Цинну за жестокость, перечисляли имена убитых, рассказывали подробности расправ. Возникает впечатление, что погибли тысячи людей. Однако это не так. Поражало не число убитых — при репрессиях после гибели Гая Гракха лишь по приговорам судов погибли три тысячи человек. Никогда еще террор не обрушивался на нобилитет и вопреки воле сената — одно это казалось кощунством. Жертвами расправ стало не менее пяти человек, в то или иное время облеченных консульской властью, — Гней Октавий, Луций Юлий Цезарь, Публий Лициний Крассе, Квинт Лутаций Катул, Гней Корнелий Мерула и, возможно, Гай Атилий Серран. Если погибало несколько сот простолюдинов, это «наверху» никого не интересовало, но мужи консульского достоинства! Неудивительно, что имена Мария и Цинны были обречены в античной литературе на брань и поношение. Кроме того, сторонники Суллы были заинтересованы в преувеличении масштабов марианской резни, чтобы оправдать последующий сулланский террор.^{[11012](#)} Но даже симпатизировавший Сулле Беллей Патеркул признавал: «Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа [Мария], не последуй за ней вскоре сулланская» (П. 22. 1).

Следует заметить, что в сравнении с Суллой марианцы пока проигрывали: он ограничился расправой лишь с несколькими людьми и быстро прекратил бесчинства солдат, сейчас же произошло по-другому. Причем насилия творили вместе с прочими презренные рабы, а их жертвами становились иногда те же нобили.

Однако дни Мария были сочтены. Ему уже перевалило за семьдесят, а испытания последних месяцев могли бы сломить и более молодых. Пока шла борьба, старый полководец держался на нервах. Но когда все кончилось, силы стали покидать его; у старика начался плеврит. Говорили, что в последние дни жизни Марий бредил, ему мерещились сражения в Азии, куда он собирался идти походом. 13 (или 17) января 86 года его не стало (Плутарх. Марий. 45. 412; Ливии. Периоха 80).^{[11013](#)}

Казалось бы, можно вздохнуть свободно — страшный старик, не думавший ни о чем, кроме мести, умер. Террор прекратился. Бесчинствовавших бардиеев по приказу Цинны окружили отряды Сертория — того самого, которому Сулла помешал стать плебейским трибуном — и без жалости перебили (Плутарх. Марий. 44.10; Серторий. 5.7; Аппиан. ГВ.

I. 74. 344–345; Орозий. V. 19. 24).

Однако смерть Мария означала почти неминуемый разгром врагов Суллы, которых условно называют марианцами или циннанцами. Никто из их лидеров не мог на равных противостоять Сулле, и из-за отсутствия не только военных талантов (таковые, возможно, были, однако не проявились), но и должного авторитета. Но это станет ясно лишь четыре года спустя.

На похоронах Мария произошел крайне неприятный инцидент — Гай Флавий Фимбрия ранил Квинта Муция Сцевола Понтифика, а потом грозился вызвать его в суд за то, что почтенный консуляр не принял меч всем телом (гладиаторский термин!) (Цицерон. За Росция. 33). Дело, по-видимому, удалось замять; почему «мальчишке» Фимбрии сошло с рук такое деяние, остается лишь догадываться — ведь присутствие в Риме такого уважаемого человека, как Сцевола, как бы легитимизировало режим, [{1014}](#) и подобные выходки могли обойтись марианцам недешево.

Хотя репрессии в начале 86 года прекратились, кое-кто из нобилей предпочел уехать к Сулле [{1015}](#) — Гай Антоний, Луций Манлий, Мунаций Планк, а также, возможно, Марк Теренций Варрон Лукулл, Марк Юний Силан, Гней Корнелий Долабелла, Публий Сервилий Ватия, [{1016}](#) Квинт Лутаций Катул — сын консула 102 года. [{1017}](#) Но многие предпочли отбыть в другие края: Метелл Пий — в Африку, Марк Кресе (будущий триумвир) — в Испанию, Марк Цецилий Корнута — в Галлию. [{1018}](#) В любом случае, когда Беллей Патеркул утверждал, будто Рим покинули большинство нобилей, он явно ошибался. [{1019}](#) В Риме остались такие уважаемые люди, как Квинт Муций Сцевола (несмотря на покушение Фимбрии), Квинт Марций Филипп, Марк Перперна, Луций Валерий Флакк. Невзирая на резню, учиненную марианцами, отношение к Сулле лучше не стало, и вряд ли его в тот момент всерьез считали защитником дела знати. [{1020}](#) Все жаждали покоя, и циннанский режим его обеспечивал. Мирились даже с тем, что Цинна, подобно Марию, избирался в консулы год за годом — с 86 по 84й.

На место умершего Мария был избран Луций Валерий Флакк — родственник коллеги Мария по консулату 100 года, впоследствии принцепса сената. Именно он провел закон, призванный смягчить остроту долгового вопроса: разрешалось избавиться от долга, заплатив его четверть, причем не серебром, а медью (Саллюстий. О заговоре Катилины. 33.2). Беллей Патеркул назвал этот закон «позорнейшим» (II. 23. 2), отражая, очевидно, мнение финансистов. Другие же отзывались о нем благосклонно, считая его заботой о плебсе (Саллюстий. О заговоре

Катилины. 33.2). К тому же он позволил государству выплатить значительную часть своих долгов (Цицерон. За Фонтея. 1). Хотя эта мера была достаточно суровой и вызвала возмущение кредиторов, она позволила хоть как-то сдвинуть долговой вопрос с мертвой точки. Конечно, финансисты получили лишь малую долю того, на что претендовали. Но, во первых, они и без того достаточно наживались на ростовщических операциях, а во вторых, получили хоть что-то, тогда как прежде им не платили ничего.^{1021}

В то же время Цинна и его соратники взяли курс на стабилизацию денежного обращения, которое было дезорганизовано из-за массы недоброкачественных монет. Вскоре после установления нового режима заведовавшие чеканкой Луций и Гай Меммии наладили выпуск полноценной монеты.^{1022} Кроме того, претор Марк Марий Гратидиан в 86 или 85 году издал эдикт о введении твердого курса денежного обращения, за что благодарные сограждане установили на многих улицах Рима его статуи, перед которыми жгли восковые светильники (Цицерон. Об обязанностях. III. 80; Плиний Старший. XXXIII. 132; XXXIV. 27; Сенека. О гневе. III. 18). Этот эдикт предотвращал дальнейшую девальвацию, что служило известной компенсацией финансистам за закон Валерия Флакка. Но он был выгоден и простым людям, которые получали жалованье в звонкой монете, — солдатам, наемным рабочим и т. д.^{1023} Этим, очевидно, и объясняется чрезвычайная популярность Мария Гратидиана в Риме. Впоследствии, однако, он дорого заплатит за свой эдикт.

Еще одной проблемой, стоявшей перед новым режимом, были отношения с италийскими союзниками. Цинна добился их поддержки в обмен на обещание распределить их по 35 трибам, в результате чего они получили бы преобладание над «старыми» гражданами за счет численности. Настало время выполнять обязательства. Многие историки считали, что марианцы не спешили с этим, ибо число *cives novi* росло медленно, да и право голосования они получили лишь в 84 году.^{1024} К тому же цензорами, которые должны были вносить новых граждан в списки, были Марк Перперна и Луций Марций Филипп. А Филипп, как известно, еще недавно яростно выступал против Друза с его планами даровать *civitas Romana* италийцам, и от него энтузиазма в таком деле ожидать не приходилось.^{1025} Но косвенные данные позволяют заключить, что новый режим все же сдержал слово.^{1026} Другое дело, что союзники на тот момент могли уже ожидать большего — введения своих представителей в сенат и даже избрания на высшие должности. Но здесь мы вступаем уже

в область гипотез.

Новый режим подчеркивал единение Рима и Италии, а также наступление эры процветания. На монетах того времени мы видим похищение сабинянок — напоминание о слиянии римлян и сабинян; Януса — бога «иммигранта», покровителя иноземцев; Феронию — сабинскую богиню свободы; Тита Тация, сабинского царя и соправителя Ромула — пример того, что и чужеземцы могут добиться в Риме высокого положения; четвертого римского царя Анка Марция, который, согласно легенде, даровал римское гражданство многим латинам; Викторию — олицетворение мира и согласия; Аполлона, воплощавшего в глазах италийцев мир, безопасность и культуру; Вакха, которого чеканили на своих монетах повстанцы во время Союзнической войны.^{1027}

Самой трудной проблемой для нового правительства был Сулла. Руководители режима понимали, что нельзя дать ему самостоятельно победить Митридата — он вернется в Италию как спаситель отечества, тогда как циннанцам будет нечем подтвердить свое умение защищать Рим. Но чем кончилась экспедиция Валерия Флакка, мы уже знаем. Теперь удар обрушился на его, с позволения сказать, «преемника», Фимбрию — как говорили древние, недолго удерживается власть, добытая преступлением (Курций Руф. Х. 1. 6). Сулла подступил к Фиатирам, где стояло войско неприятелей-римлян, и расположился в двух стадиях от него. Он потребовал от марианского полководца передать ему армию, которой он командует не по закону. Фимбрия не остался в долгу и с издевкой отвечал, что Сулла тоже командует не по закону. Воины Суллы стали окружать в своем лагерь фимбрианцев, которые начали перебегать на их сторону.^{1028} Фимбрия созвал сходку и убеждал воинов не покидать его, но те заявили, что не будут воевать с согражданами, после чего он, как уверяет Аппиан, бросился им в ноги, чем вызвал еще большее отвращение.

Число перебежчиков выросло, и Фимбрия будто бы стал подкупать командиров, а затем собрал их и потребовал, чтобы подчиненные поклялись ему в верности. Самые преданные из их числа стали требовать поименного принесения клятвы. Но когда глашатай вызвал ближайшего помощника полководца, Нония, тот отказался присягать. Фимбрия обнажил меч и хотел убить непокорного, но со всех сторон поднялся крик, и полководец отказался от своего намерения. Он будто бы подослал во вражеский лагерь раба, соблазнив его деньгами и обещанием свободы, и приказал ему убить Суллу. Но раб выдал себя нерешительностью, был

схвачен и во всем сознался. Тогда сулланцы стали поносить Фимбрию, называя его Афинионом — так звали вождя второго сицилийского восстания рабов. Он пытался вызвать Суллу на переговоры, но тот не явился сам, а прислал к нему Рутилия Руфа. Это, естественно, обидело Фимбрию. Он будто бы стал просить простить ему ошибки, совершенные по молодости лет, и Рутилий обещал ему беспрепятственный проход до побережья, если тот хочет отплыть из Азии. Тогда Фимбрия заявил, что «у него есть другая, лучшая дорога, удалился в Пергам и, войдя в храм Асклепия, поразил себя мечом, Так как этот удар был для него неудачен, он велел своему рабу прикончить его. Раб убил своего господина, а за господином и себя» (Аппиан. Митридатика. 59–60; Диодор. XXXVIII. 8. 4; Ливии. Периоха 83; Страбон. XIII. 8. 27; Веллей Патеркул. II. 24. 1; Плутарх. Сулла. 25. 1–3; О знаменитых мужах. 70.4; Орозий. VI. 2. 11).
[{1029}](#)

Рассказ этот явно основан на свидетельствах недругов Фимбрии,
[{1030}](#) а потому многие его детали вызывают сомнение. Выходит, что воины последнего исключительно по собственному почину стали перебегать на сторону Суллы. Аппиан не забывает упомянуть о том, что Фимбрия пытался подкупить своих воинов, но умалчивает об аналогичных действиях его врага (Митридатика. 59.242). Однако будущий диктатор неплохо умел агитировать вражеские войска, не гнушаясь и подкупом — с этим мы еще столкнемся. Очевидно, то же имело место и сейчас, но об этом источник Аппиана, дружественный Сулле, по понятным причинам упоминать не стал. Причем подкупать нужно было не все войско, а лишь наиболее авторитетных центурионов.

Очень подозрительно выглядит и рассказ о рабе, которого Фимбрия якобы подослал к вражескому военачальнику для его убийства. Доказательство таких намерений — одно лишь признание самого раба, который мог быть обычным перебежчиком, готовым наговорить на своего хозяина что угодно. Остается только удивляться, что современные историки продолжают всерьез воспринимать всю эту историю. И уж совсем трудно поверить, что гордый Фимбрия стал бы бросаться в ноги своим подчиненным — подобных примеров очернения врага пропаганда всех времен знает предостаточно.

Не все ясно и со смертью Фимбрии. Казалось бы, версия о его самоубийстве выглядит вполне логично. После измены армии он стал никем,
[{1031}](#) а потому неудивительно, что при своем неукротимом характере он предпочел смерть позору. Сулла это прекрасно понял и отпустил

неистового Фимбрию именно потому, что знал — для опозоренного мятежника все кончено. Он верно все рассчитал и сполна насладился его унижением.

Почему он покончил с собой в храме? Случай, прямо скажем, исключительный. Высказывалась мысль, что Сулла отпустил поверженного военачальника лишь для виду, а сам продолжал вести за ним слежку. Загнанный в угол Фимбрия пытался найти в храме убежище, однако понял, что ему не уйти, и покончил с собой.^[1032] Иными словами, самоубийство было вынужденным. Но эта гипотеза имеет уязвимые места. У Плутарха говорится, что Фимбрия покончил с собой не в храме, а в лагере (Сулла. 25.3). Кроме того, у Аппиана он не просто отказывается бежать из Азии, но еще и говорит, что у него есть «лучшая дорога», то есть смерть. Вряд ли этот гордый и заслуживающий уважения ответ вымышлен — все античные авторы отзывались о Фимбрии дурно и приукрашивать его не стали бы. Да и вообще Сулле ни к чему было убивать совершенно не опасного для него Фимбрию. Время кровавых расправ наступит позже, после победы в Италии.

По словам Аппиана, Сулла разрешил похоронить тело самоубийцы его вольноотпущенникам, заметив, что не хочет подражать Марию и Цинне, которые лишали своих жертв погребения. О таком запрете Аппиан пишет и в другом месте (ГВ. I. 73. 338). Но рассказы о терроре марианцев восходят к сообщениям их врагов. Известно, что у Катула, злейшего врага Мария, могила была (Флор. III. 21. 26). Правда, его не казнили, а довели до самоубийства, но понятно, что для марианцев он все равно оставался врагом. По-видимому, в первые часы после расправы тела опасались подбирать, и создавалось впечатление, что умерщвленных запрещено хоронить. К тому же Цинна быстро начал налаживать отношения с сенатом, и в этих условиях невозможно представить себе, чтобы он не дал возможности предать погибших погребению.

Итак, войско, совсем недавно убившее прежнего командующего, ради того, чтобы получить нового, удобного ему, с легкостью предало и второго. В чем причина такого непостоянства? Дело, видимо, не в одном подкупе, хотя свою роль он, бесспорно, сыграл. Агитаторы Суллы могли напомнить воинам Фимбрии, что за убийство Валерия Флакка их в Риме ничего хорошего не ждет. А вот если перейти на сторону Суллы, который имеет немало шансов на победу в схватке с марианцами, то с них за содеянное никто не спросит. Кроме того, для фимбрианцев было куда почетнее служить под командованием проконсула, представителя знатной фамилии,

[{1033}](#) явно превосходившего родовитостью «выскочку» Фимбрию. Да и для чего вообще нужно было сражаться с солдатами Суллы? Неизвестно еще, чья возьмет. [{1034}](#) Наконец сыграло свою роль то, что сулланские агитаторы оказались на высоте задачи и смогли доходчиво объяснить все это воинам Фимбрии, не забывая, очевидно, подкреплять слова звонкой монетой. [{1035}](#)

Сулла не только превратил Фимбрию в ничто, но и воспользовался его именем, чтобы унять волнения в собственной армии. Дело в том, что воины будущего диктатора были недовольны Дарданским миром — царь смог уйти с награбленными в римских владениях сокровищами домой, не ответив за массовые убийства римлян в 88 году (Плутарх. Сулла. 24.7; Граний Лициниан. 26F). К тому же солдаты были недовольны тем, что им не придется теперь пограбить богатые города Азии, на что они явно рассчитывали. [{1036}](#) Оправдываясь, Сулла заявил, что Митридат мог объединиться с Фимбрией, а с двумя такими противниками совладать не удалось бы (Плутарх. Сулла. 24.7). Даже симпатизирующие Сулле историки признают это ложью, [{1037}](#) причем гнусной вдвойне, ибо именно Фимбрия, презрев политическую вражду, предлагал Лукуллу вместе пленить понтийского царя. Чем это кончилось, известно.

Теперь настало время наказать отступников и вознаградить за верность союзников в Азии и Греции. Разумеется, покарать греческие города, поддержавшие Митридата, можно было очень жестоко, но доводить дело до крайности было не в интересах самого Суллы. Конечно, наиболее одиозные персонажи были казнены; но главным наказанием являлся все-таки денежный штраф — предстояла война с марианцами, которая, как было ясно, потребует огромных расходов. Поэтому наказанием, наложенным на провинцию в целом, стала выплата огромной суммы в 20 тысяч талантов (Плутарх. Сулла. 25.4; Лукулл. 4.1; 20.4). Ранее исследователями, склонными подчеркивать беспощадность римской политики, эта цифра принималась как размер только военной контрибуции, [{1038}](#) и к ней прибавляли еще столько же — денежные выплаты находившимся на постое солдатам за шесть месяцев. [{1039}](#) Однако это, конечно, преувеличение: войска Суллы явно не находились на зимних квартирах в течение полугода, а кроме того неизвестно точно, какое число воинов получило эту плату. В любом случае постоем были обременены в первую очередь наиболее виновные перед римлянами общины, так что говорить о том, что тяжесть этой повинности легла на провинцию в целом, не приходится. Скорее, эти 20 тысяч талантов включали в себя

контрибуцию и налог за пять прошедших лет (соответственно 8 и 12 тысяч талантов).^{1040} Как справедливо отмечалось, такой размер контрибуции не кажется слишком большим, особенно если учесть, что Митридат требовал 2 тысячи талантов с одних только хиосцев.^{1041}

Налагая на провинцию эти выплаты, Сулла счел нужным обосновать свои действия перед теми, на кого налагалось наказание. Он приказал, чтобы к нему в Эфес со всех городов явились влиятельные граждане, и произнес перед ними речь, которую передает Аппиан. Конечно, она воспроизводит то, что сказал Сулла, далеко не буквально, но в общем и целом ее содержание следует признать достоверным. В первую очередь, как водится, Сулла напомнил эллинам о тех благодеяниях, которые они получили от римлян, — ведь даже когда они поддерживали мятеж Аристоники и боролись с Римом четыре года, они не были наказаны и за 24 года «дошли до высокой степени благосостояния и блеска как в жизни и привычках частного обихода, так и в государственных учреждениях»; однако вследствие такого продолжительного мира и роскоши жизни они вновь обнаглели и поддерживали Митридата. Конечно, за это их уже постигла кара — убийства и конфискации, которые произвел в их городах понтийский царь («так что вы сразу можете видеть на себе и сравнивать, чье покровительство вы предпочли бы»), а некоторых покарала и римляне — «но нужно возложить ответственность за все содеянное и на вас всех сообща... Но да не придут никогда на мысль римлянам ни такие нечестивые избиения, ни безумные конфискации или подстрекательства к восстанию рабов, или другие варварские поступки». «Щадя племя и имя эллинов и их славу в Азии, ради столь дорогого для римлян своего доброго имени», Сулла предписал немедленно внести налоги за пять лет и уплатить военные расходы, которые уже произведены и которые еще будут. Распределить эти новые подати по городам Сулла брался лично, а на тех, кто их не внесет, обещал наложить наказание как на врагов (Аппиан. Митридатика. 62).

Эта речь была выдержана во вполне традиционном для римских политиков духе. Примерно в таком же духе будет говорить через сорок лет триумвир Марк Антоний, тоже объявляя эллинам Азии о наложенных на них денежных взысканиях. Всякий раз, когда вставал вопрос о деньгах, эллины оказывались в чем-нибудь виноваты, и только милостью римлян объяснялось то, что они не были «наказаны по заслугам». При этом аппетиты все росли, и со временем сумма, взысканная Суллой, действительно стала казаться скромной.^{1042}

Для сбора этой суммы вся Азия была разделена на 44 податных округа. Это не значит, что Сулла покусился на «святое» — отменил введенную в Азии Гаем Гракхом для сбора налогов откупную систему.^{1043} Вряд ли Сулла был так неосторожен, чтобы отдалить от себя публиканов путем рассчитанной атаки на их финансовые интересы. С другой стороны, сбор денег при помощи римских публиканов в 84 году был просто невозможен — на Востоке купеческие компании понесли тяжелые потери во время резни 88 года, а в Риме их капиталы контролировали враги Суллы. Таким образом, из сбора контрибуции их исключила необходимость, а не политика.^{1044}

Сбор контрибуции был для городов очень обременительным. «Города, не имея средств и занимая под огромные проценты, стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимнасии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние. Так были собраны и доставлены Сулле деньги, и несчастьями была исполнена Азия до предела: на ее берега совершенно открыто нападали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налеты» (Аппиан. Митридатика. 63. 261–262). Конечно, высказываемое дальше Аппианом предположение, что Сулла, желая еще сильнее наказать греков, сознательно не вел борьбу с разбойниками, несостоятельно, да Аппиан и сам это понимал и потому дальше указал и более реальную причину — он торопился в Рим для борьбы со своими противниками. Что же до откупной системы, то после временной приостановки из-за войны она уже в 70-х годах вновь действовала вполне исправно.^{1045}

Кроме наложенной на Азию денежной подати, города, которые особенно провинились перед римлянами, получили на постой солдат, причем на очень тяжелых условиях. «Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по четыре тетрадрахмы и кормить обедом его самого и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду — отдельно для дома и для улицы» (Плутарх. Сулла. 25. 4–5). Смысл этой меры в наказании не просто «предателей» греков, а именно частных лиц, поскольку контрибуции оплачивали из общественных средств — недаром Аппиан пишет, что городам приходилось закладывать театры и гимнасии. Если бы богачи раскошались, то на такие меры идти не пришлось бы. И чтобы состоятельная верхушка, отвечавшая за позицию своих общин в ходе войны, не радовалась легкой жизни, Сулла «пожаловал» ее постоем солдат.

Судьба каждого конкретного города была тесно связана с его позицией

в период военных действий, и те из них, которые активно поддерживали Митридата, не могли рассчитывать на снисхождение, даже если они приняли участие в антимитридатовском движении в конце войны.^{1046} Список городов, наказанных за союз с Митридатом, не столь уж велик — во всяком случае, не больше списка награжденных городов; кроме того, следует отметить, что все эти города были наказаны в соответствии с римскими понятиями о справедливости — их вина была несомненной. В целом порядок в провинции был восстановлен сравнительно быстро; во всяком случае, после отбытия Суллы из Азии сопротивляться продолжала только Митилена, но этот город, выдав Мания Аквилія Митридату, не мог надеяться на пощаду.^{1047}

Провинившихся городов, видимо, было недостаточно для размещения всей армии — как кажется, на зимних квартирах находились не все воины Суллы. Тацит рассказывает любопытный эпизод, имевший место более века спустя. Когда города Азии спорили между собой, в каком именно из них следует возвести храм императора Тиберия, и дело это рассматривалось в сенате, представители Смирны ссылались, среди прочего, на то, что когда войско Суллы «из-за суровой зимы и отсутствия теплой одежды оказалось в бедственном положении и об этом было сообщено в народном собрании, все присутствующие на нем сбросили свое платье и отослали его нашим легионам» (Анналы. IV. 56). Весь контекст этого рассказа говорит в пользу того, что воины находились не на постое в городе, а в полевом лагере — вряд ли иначе они бы так страдали от холода. Это делается понятным, если учесть, что Смирна не запятнала себя в годы войны с Митридатом, будучи занята его войсками, и подняла против него восстание при первом удобном случае (Орозий. VI. 2. 8). К тому же именно в ней жил Публий Рутилий Руф, которого Сулла высоко ценил. Так что город этот, который Цицерон называет «древнейшим и вернейшим союзником римского народа» (Филиппики. XI. 2. 5), не нес тягот постоя, и его помощь римлянам была добровольным актом.^{1048} Между прочим, даже спустя сто лет эта услуга, видимо, была признана весомой, и сенаторы, вынося решение о храме, из всех городов предпочли Смирну.

Те города, которые пострадали за свою верность римлянам, Сулла вознаграждал восстановлением их свободы и рядом привилегий. В их число, основываясь на нынешнем состоянии источников, можно включить следующие пункты: Илион, острова Хиос и Родос, федерацию ликийских городов, Магнесию на Сипиле, Табы, Стратоникею, остров Кос, Термесс, Лампсак, Аполлонию в Лидии, Алабанду, Метрополис.

Чтобы лучше представить, как и за что Сулла награждал города Азии, обратимся к самой обширной надписи, относящейся к этим событиям — сенатусконсульту о Стратоникее (81 год).^{[1049](#)} Этот документ содержит ряд привилегий, которые, по представлению Суллы, получили жители Стратоникии Карийской. Кроме возобновления старинного союза с Римом, эти привилегии включали в себя право пользоваться теми законами, которые существовали в полисе до начала войны, утверждение всех постановлений, сделанных в ходе войны и всех пожалований, сделанных городу Суллой, предоставление права убежища (асилии) храму Гекаты, поручение следующим наместникам Азии позаботиться о восстановлении утраченной жителями города собственности, освобождение плененных в ходе войны горожан, ряд почетных привилегий для стратоникейских послов в Риме.

За что получил город этот впечатляющий список привилегий? Ответ содержится в первых же строках документа: «Известно нам, что вы и ваши предки поступали по всей справедливости по отношению к нашей гегемонии, и во всяческом положении искренно сохраняя верность по отношению к нам в войне с Митридатом, первыми в Азии вступили в борьбу с ним». Далее в декрете неоднократно упоминается набор качеств, которые стратоникейцы хранили в отношении римского народа: они «дружбу, верность и благорасположение к римскому народу всегда соблюдали до конца, и в мирное, и в военное время», поднялись на борьбу с Митридатом «первыми в Азии» и «наихрабрейше противостояли силам и мощи царя», а также оказали помощь римлянам воинами, провизией и большими тратами общественных средств; в целом поведение стратоникейцев в этой войне определяется как «величие духа». Митридат в этом документе обвиняется в том, что он «жесточайше тиранил Азию», а стратоникейцы сражались «за города Азии и Эллады»**.

Подобного же рода характеристики поведения полиса и характера войны присутствуют и в других документах этого времени — сенатусконсультах о Табах^{[1050](#)} и фасосцах.^{[1051](#)} Материал надписей замечательным образом совпадает в характеристиках и оценках событий, и это не может быть простой случайностью. Конечно, общность стилистических оборотов в приведенных текстах легко объяснима официально-риторическим стилем этих памятников, но при этом важно помнить, что «стиль отражает устойчивую систему взглядов, «систему фраз», которая гораздо шире, чем то или иное произведение, созданное в данном стиле. Семантика стиля... вскрывает всё мировоззрение целиком...

Целью стилистического анализа должна стать система взглядов, породившая систему фраз». ^{1052} Если придерживаться достаточно традиционного взгляда, согласно которому сущность римской политики составляло беспощадное господство, ^{1053} то риторическое оформление сенатусконсультов будет признано в лучшем случае лицемерием. Но при этом забывают провести очень важное разделение — между завоеванием и управлением. Известный испанский философ Хосе Ортега и Гассет писал по этому поводу: «Стабильное и нормальное отношение между людьми, которое называется правлением, никогда не основано на применении силы... Наполеон напал на Испанию, оккупировал ее на некоторое время, но он не правил в Испании ни одного дня. Так случилось именно потому, что за ним стояла сила — сила, но не более того. Не следует смешивать понятия «агрессия», «нападение» и «правление». Правление — это нормальное осуществление власти. Прочной будет лишь та власть, которая опирается на поддержку общественного мнения... Любая смена власти, любая смена правящих сил есть не что иное, как смена мнений». ^{1054}

Именно такая «смена мнений» происходит на Востоке в период Первой Митридатовой войны. Сулла не просто возвращает под власть Рима отпавшие города Азии — он еще и демонстрирует, что союз с Республикой гораздо выгоднее, чем война. На фоне общего разорения территорий, где шли боевые действия, привилегии, полученные верными союзниками Рима, выглядели особенно весомо. «Эти и подобные пожалования в Азии должны были значить много для того, чтобы побудить восточные города к осознанию железной власти Рима над их будущим и его готовности вознаградить их лояльность». ^{1055} Урок, который азиатские эллины получили от Суллы, не был напрасным — когда спустя десять с небольшим лет Митридат вновь вторгнется в римскую провинцию, сопротивление ему окажет первый же большой город, который он встретит. Еще могущественный, не добытый Суллой в военном отношении, Митридат бесповоротно проиграл ему политически. Вся его дальнейшая борьба была лишь затянувшейся агонией.

Итак, самые неотложные дела на Востоке были завершены. Можно было возвращаться в Италию. Осада непокорной Митилены и сбор дани были поручены Лукуллу, которому в итоге так и не довелось участвовать в гражданской войне. Как силы, которые должны были обеспечить на Востоке порядок, были оставлены два легиона, которые достались Сулле от Фимбрии и которые в дальнейшем по его имени называли фимбрианцами.

[{1056}](#) Когда на Восток прибыл для борьбы с Митридатом Луций Лициний Лукулл, эти легионы перешли под его командование. В лице фимбрианцев Лукулл получил под свое командование людей, которые совмещали в себе дух профессиональных солдат с авантюрными наклонностями.[{1057}](#) В дальнейшем это роковым образом сказалось на судьбе самого Лукулла: во время похода на Артаксату (Арташат), столицу Армении, фимбрианцы подняли мятеж и не дали ему довершить разгром армянского царя.[{1058}](#) Однако их дальнейшие смуты не должны заслонять очевидного: это были очень боеспособные подразделения, и если Сулла не взял их с собой в Италию, то только потому, что нельзя было доверять легионам, которые предали одного командующего и допустили смерть другого.

Упорядочив дела в провинции, Сулла переправился в Грецию. Весной 84 года он «отплыл из Эфеса со всеми кораблями и на третий день вошел в гавань Пирея» (Плутарх. Сулла. 26.1). В Греции он провел год. Здесь, когда он находился в Афинах, его стал мучить недуг, «болезненное оцепенение и тяжесть в ногах — то, что Страбон называет «детским лепетом подагры». Перебравшись из-за этого в Эдепс, он лечился теплыми водами и развлекался, проводя время в обществе актеров» (Плутарх. Сулла. 26. 4–5). Видимо, эта болезнь, а не только переговоры, которые он вел с римским правительством, задержала его в Греции на такой длительный срок.

Ко времени этого лечения относится эпизод, который исторически малозначителен, но хорошо демонстрирует ту репутацию, которую Сулла имел в Элладе. Плутарх рассказывает: «Раз, когда он прогуливался по берегу моря, какие-то рыбаки поднесли ему несколько великолепных рыб. Узнав, что рыбаки из Галей, Сулла, обрадованный подарком, спросил: «Так кто-то из галейцев еще жив?» (Преследуя врага после победы при Орхомене, Сулла разрушил сразу три беотийских города — Анфедон, Ларимну и Галею.) У рыбаков от ужаса отнялся язык, но Сулла, улыбнувшись, разрешил им удалиться, не страшась за будущее: дескать, заступники, с которыми они к нему пришли, неплохи и заслуживают внимания» (Сулла. 26. 3–4). Бедные рыбаки понимали: наигранное удивление Суллы может обернуться тем, что он прикажет вырезать остатки их сограждан, начав, разумеется, с них самих.

Находясь в Афинах, Сулла принял посвящение в Элевсинские мистерии. Посвящение это, конечно, было почетным — вряд ли от Суллы потребовалось проходить обычную сложную подготовку.[{1059}](#) Видимо, посвящение в популярные эллинские мистерии составляло часть той идеологической подготовки к войне, которую вел Сулла. Разумеется,

посвященный — человек особый, выделяющийся из числа других смертных, любимый богами. Так как, как будет показано далее, в своих воинах Сулла все-таки сомневался, может быть, это был один из способов укрепить у войска веру в него и в божественную предопределенность того, что ему предстояло совершить. Кроме того, желание римского полководца, не так давно преподавшего суровый урок всей Элладе, должно было несколько сгладить то впечатление, которое вызвали все совершенные им жестокости.

Что касается новых насилий, грабежей и жестокостей, то о них мы ничего для этого времени не знаем. Думается, что Сулла на этот раз не очень запятнал себя ими — наказания были наложены еще зимой 86/85 года, виновные наказаны — чего же больше? Деньги в его казну поступали из Азии, и немалые. Что касается Греции, то с нее в это время контрибуций, видимо, не взималось. Да и взять, скорее всего, было уже нечего — ведь храмовые сокровища Сулла вычистил еще во время своей первой кампании.

Иное дело — вывоз культурных ценностей. Уж здесь интеллеktуал и эстет Сулла развернулся в полной мере. Согласно рассказу Плутарха, «он забрал себе библиотеку теосца Апелликона,^{[110601](#)} в которой были почти все сочинения Аристотеля и Феофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне» (Сулла. 26. 1–2). По словам Плиния Старшего, он также вывез из Афин в Италию мраморные колонны, предназначенные для храма Зевса Олимпийского, с тем чтобы украсить ими храм Юпитера Капитолийского (XXXVI. 45). Лукиан добавляет к этому, что Сулла увез в Рим картину Зевксиса, изображающую семейство кентавров, — и он же проливает свет на судьбу всех этих памятников искусства: они погибли во время кораблекрушения у Малейского мыса (Зевксис. 3).

Еще одна деталь, связанная с пребыванием Суллы в Греции, — это его дружба с молодым Титом Помпонием, который в дальнейшем получит прозвище Аттик и станет ближайшим другом Цицерона. «Сулла... заехал в Афины и в течение всего пребывания там держал при себе Помпонию, очаровавшись изящными манерами и ученостью молодого человека» (Корнелий Непот. Помпоний Аттик. 4. 1–2). В дальнейшем Сулла предлагал Помпонию сопровождать его в походе на Италию, но осторожный юноша (сумевший благодаря этой осторожности не только выжить в эпоху

гражданских войн, но и ни с кем не поссориться, хотя его друзьями одновременно бывали такие заклятые враги, как, например, Цицерон и Марк Антоний) отказался: «Не зови меня в поход против тех, из-за кого я покинул Италию, дабы не поднять на тебя оружие».

Не забывал Сулла и о собственно римских делах. В конце 85 года он отправил в Рим письмо, где перечислял свои подвиги в Азии, как поступали полководцы, завершившие крупную кампанию.^{1061} Он делал вид, указывает при этом Аппиан, будто не замечает, что объявлен врагом отечества (Митридатика. 60.249). В послании говорилось о быстрой победе над понтийским царем, о подчинении Греции, Македонии, Ионии, Азии, об истреблении 160 тысяч врагов, о том, что он запер понтийского царя в его изначальных владениях (Аппиан. ТВ. I. 76. 347). Между тем, если исходить из интересов Рима, хвалиться Сулле было нечем — он так и не отомстил за римлян, убитых Митридатом в Азии во время резни 88 года, а его подчиненный Лукулл дал царю уйти, хотя Фимбрия предлагал реальную возможность уничтожить властителя Понта.^{1062} Но об этом Сулла предпочел умолчать. Умолчал он и о том, почему не отправляет в Рим контрибуцию, полученную от Митридата, что подобало бы сделать не самозваному, а законному проконсулу римского народа.

Своим письмом Сулла давал понять, что считает изданный против него декрет недействительным. Это был прямой вызов циннанскому режиму.^{1063} И его лидеры приняли меры: начали проводить воинские наборы, ремонтировать корабли сицилийского флота, заготовливать продовольствие и деньги. Они призывали итальянцев готовиться к войне, ведь именно из-за их гражданских прав все и началось (Аппиан. ТВ. I. 76. 348–349; Ливии. Периоха 83).

Вскоре Сулла отправил сенату еще одно послание. В нем будущий диктатор перечислял все свои заслуги, начиная с Югуртинской и кончая Митридатовой войной. «Перечисление всех кампаний, в которых он участвовал, имело целью показать не только то, как велики его заслуги перед Римом — много больше, чем, например, у Цинны, — но и заставить людей задуматься: почему они считают власть командующего, которой он обладает, менее законной, чем та, что была у него прежде, тем более что теперь он достиг куда более впечатляющих успехов».^{1064}

Однако полководец хвалился не только одержанными победами, но и тем, что дал приют у себя тем, кто бежал из Рима от марианцев.^{1065} В награду же, высокомерно продолжал Сулла, недруги объявили его врагом

отечества, разрушили его дом, убили друзей, а жена и дети еле спаслись бегством.^{1066} Теперь он явится на помощь Риму и отомстит негодяям за все содеянное. Но к прочим гражданам, в том числе и недавно ставшим таковыми италийцам, добавлял будущий диктатор, он никаких претензий не имеет (Аппиан. ТВ. I. 77. 350–352; Ливии. Периоха 83).^{1067}

Письмо Суллы произвело в Риме шок. Город обуял страх (Аппиан. ТВ. I. 77. 353). Если до сих пор еще оставалась какая-то тень надежды на мирный исход, теперь и она исчезала — опальный проконсул объявлял циннанцам войну. И его уверения в том, что он не держит зла на большинство сограждан, мало кого убеждали. В 1565 году Иван Грозный тоже будет уверять посадских людей, что у него «гневу на них и опалы никоторыя нет».^{1068}

Сенат, разумеется, не желал войны. Если занять сейчас сторону Суллы, то не жди добра от Цинны. Если наоборот — то можно лишиться головы или, по крайней мере, карьеры в случае победы проконсулабунтовщика. Patres решили попробовать усидеть на двух стульях. Озвучивая их мнение, принцепс сената Луций Валерий Флакк выступил с речью о необходимости направить к Сулле послов.^{1069} Если ему нужна личная безопасность, то пусть он сообщит об этом сенату — видимо, предполагалось, что он должен прибыть в Рим на переговоры. Цинне же было пока приказано приостановить военные приготовления. Тот обещал, но по отъезде послов продолжил подготовку к боевым действиям (Аппиан. ГВ. I. 77. 353–354; Ливии. Периоха 83).

Суллу такой вариант вполне устраивал. И дело не в том, будто он хотел договориться с противниками мирным путем.^{1070} Отнюдь. Он собирался вести войну на уничтожение, но в этом случае необходимо было ослабить врага. В данном случае — вбить клин между циннанцами и сенатом, что ему и удалось. Правда, ответ patres показывал, что многого от них не добьешься — опальному проконсулу, в сущности, предлагали просто положиться на милость сената, как то было еще с Гаем Гракхом.^{1071} Но ведь предложение можно и отвергнуть — диктовать условия сенат не мог.

Между тем Цинна и Карбон обеспечили свое переизбрание в консулы на следующий 84 год и вскоре приступили к более активным действиям: не дожидаясь установления навигации, они начали переправу через Адриатическое море из Анконы в Либурнию (Аппиан. ГВ. I. 77. 354). По-видимому, Цинна собирался возобновить операции против иллирийских племен, чтобы закалить новобранцев и вселить в них уверенность в себе,^{1072} а затем выступить против Суллы в Греции и разгромить его

совместно с армией Луция Сципиона, также действовавшей тогда в Иллирии.^{1073}

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Хотя Цинна и не был неопытным в военном деле человеком,^{1074} он допустил серьезный просчет. Мало того что против Суллы бросили новобранцев, не видевших необходимости в войне и боявшихся грозных сулланских ветеранов, их отправили через бурное море. Правда, первому отряду удалось доплыть до балканского берега, но второй попал в шторм, и те, кто спасся, разбежались по домам, заявив, что сражаться с согражданами не будут. Возмущенный Цинна прибыл в Анкону, чтобы вразумить воинов — в конце концов, в большинстве своем это были италийцы, чьи права он отстаивал, а Сулла признавать не хотел. Однако солдаты явно не хотели сражаться. Когда консул шел через толпу, один из его ликторов ударил воина, загораживавшего ему дорогу. Тот в долгу не остался. Цинна велел схватить смутьяна. Поднялся крик, в командуящего полетели камни, а те, кто стоял рядом, обнажили мечи и прикончили его (Аппиан. ГВ. I. 78. 355–357; см. также: Ливии. Периоха 83; Беллей Патеркул. П. 24. 5; О знаменитых мужах. 69.4; Экуперанций. 4.29Z; Орозий. V. 19. 24).

Плутарх иначе описывает происшедшее. По его словам, поначалу в армии Цинны среди прочих находился молодой Помпеи, будущий противник Цезаря. Однако, испугавшись какихто обвинений, выдвинутых против него, он тайком покинул лагерь. По лагерю пронесся слух, «будто Цинна велел убить юношу. Тогда старые враги и ненавистники Цинны подняли против него восстание. Цинна бежал, но был схвачен каким-то центурионом, преследовавшим его с обнаженным мечом. Припав к ногам врага, Цинна протянул ему свой драгоценный перстень с печаткой, а тот с жестокой издевкой ответил: «Я пришел сюда не скреплять печатью договор, а убить нечестивого и беззаконного тирана». С этими словами он убил Цинну» (Помпеи. 5).

Этот рассказ чрезвычайно интересен, хотя и порождает много вопросов. Почему, например, войско забеспокоилось о судьбе Помпея? Откуда у юноши взялась такая популярность?^{1075} Такое, однако, вполне возможно: Анкона, где произошел бунт, находилась на севере Пицена — области, где отец Помпея имел владения и пользовался огромным влиянием, многие местные жители были его клиентами. Оттуда могли быть набраны многие солдаты и офицеры армии Цинны, которой предстояло воевать против Суллы. Они, разумеется, переносили уважение к Помпею Страбону на его сына (Плутарх. Помпеи. 6.1).^{1076}

И все же сомнительно, что молодой Помпей распространял слухи о своей смерти, чтобы подлить масла в огонь.^{1077} А вот подговаривать солдат не сражаться за Цинну и разойтись по домам Помпей вполне мог и сам подал пример, дезертировав из лагеря. Такое поведение вполне объяснимо: в 87 году он вместе с отцом сражался под Римом против Цинны, который подсылал к ним убийц. К тому же недавно молодого человека привлекали к суду еще за грехи отца, обвинявшегося в хищении государственных денег.^{1078} И хотя Помпей смог оправдаться, получив поддержку от таких влиятельных людей, как Гней Папирий Карбон и Луций Марций Филипп, чувствовал себя при циннанском режиме он явно неуютно.^{1079}

Так или иначе, Цинна погиб. Его убийство было импульсивным, но не бессмысленным актом, как иногда считается.^{1080} Глава режима стал жертвой собственной опрометчивости. Как писал о нем Беллей Патеркул, «о нем можно сказать, что он дерзнул на то, на что не осмелился бы ни один благонамеренный, а также совершил то, чего не смог бы сделать иначе как храбрейший. Он был опрометчив в решениях, но в деле — истинный муж» (П. 24. 5). Враги Суллы лишились еще одного вождя — пусть и не столь авторитетного и талантливое, как Марий, но все же достаточно влиятельного и признанного политическими силами Рима и Италии. Его коллега по консулату Карбон оказался в щекотливом положении. Плебейские трибуны звали его в Вечный город для проведения выборов консуласуффекта^{1081} взамен погибшего Цинны, но он, естественно, предпочитал оставаться на вершине власти один. Осмелевшие трибуны стали угрожать лишить его власти. Карбон, не желая ссориться с сенатом, приехал, наконец, в Рим, но отложил выборы под предлогом неблагоприятных знамений. Затем молния ударила в храмы Луны и Цереры, и авгуры перенесли выборы на день летнего солнцестояния. По-видимому, в дальнейшем вопрос о назначении консуласуффекта не поднимался, и Карбон до конца года оставался единственным консулом (Аппиан. ГВ. I. 78. 358–359; Ливии. Периоха 83; Беллей Патеркул. П. 24. 5).

Как видим, гибель Цинны привела лишь к недолгому политическому кризису, который был сравнительно легко преодолен. Несмотря на разногласия с сенатом и трибунами, хаоса удалось избежать.^{1082} Но интересно и другое. Античные авторы часто называли правление марианцев тиранией.^{1083} Но трибуны повели себя с Карбоном как с обычным магистратом — потребовали провести довыборы и угрожали

лишить его должности. Он, правда, уклонился от этого, но и не наказал дерзких трибунов, когда они сложили с себя власть. Все это мало напоминает тиранию.^{1084}

Тем временем в Рим прибыли послы от Суллы.^{1085} Источники поразному описывают его ответ сенату. По словам Аппиана, опальный проконсул заявлял, что никогда не станет другом людей, совершивших такие преступления (то есть марианцев), но если государство предоставит им возможность спастись, он возражать не будет. Что же до безопасности, то и ему, и тем, кто нашел приют в его лагере, ее обеспечит войско Суллы. Полководец также требовал признать за ним его проконсульскую власть, должность авгура, прежнее имущество и т. д. (ГВ. I. 79. 360–361). В сокращенном же изложении Ливия сообщает лишь о том, что Сулла ограничился просьбой об амнистии изгнанникам (Периоха 84).

Таким образом, проконсул поиздевался над «великодушным» предложением сената изложить пожелания относительно его безопасности — таковую, мол, ему гарантирует собственная армия. Но не вполне ясно, зачем он завел речь о марианцах, другом которым быть не желает, — ведь на сей счет в послании сената ничего не говорилось. Зато говорилось в первом письме самого Суллы. Остается полагать, что он откровенно провоцировал марианцев, не слишком заботясь о примирении. Нередко считается, что проконсул готов был пойти на амнистию своих врагов.^{1086} Но Аппиан пишет лишь об их «спасении», а не о безнаказанности, что правильнее понимать как намек на изгнание, дающее возможность избавиться от смертной казни. Такое право предоставлял римским гражданам закон Порция. Понятно, что подобный оборот марианцев не устраивал. Да и ультимативный тон в послании сенату выглядел совершенно недопустимо. Недаром впоследствии Катон Младший скажет, что хотел бы умереть прежде, чем государство примет условия кого-либо из граждан (Беллей Патеркул. П. 49. 3).

Что же касается Ливия,^{1087} то его версия чрезвычайно выгодна для Суллы и изображает его как миротворца, пекущегося отнюдь не о себе. Любопытно, что речь идет об изгнанниках вообще, а он лично не упомянут, хотя и входил в их число. Сомневаться в таком пожелании проконсула причин нет, но то, что Ливии умолчал о других его требованиях, сомнений не вызывает. К тому же в нашем распоряжении не полный текст его труда, а лишь сокращенное изложение.

Итак, Сулла открыто грозил войной «до победного конца», войной на

уничтожение, не предлагая никакой средней линии.^{1088} Но, действуя с позиции силы, он ничего не терял:^{1089} схватка была в любом случае неизбежна. Правда, угрозы в адрес марианцев слишком уж ясно давали понять, что Сулла и не стремится к миру. Стоило ли так рисковать? Ведь колеблющиеся могли из страха перед резней сплотиться вокруг его врагов. Однако только что взбунтовавшиеся воины убили Цинну, и проконсул мог решить, что большинство и так не станет воевать против него. Как покажет будущее, особой ошибки в этом не было. В любом случае миротворцем Суллу считать не приходится.

Сенат рассмотрел требования самозванного проконсула и пришел к решению о роспуске армий обеих сторон. Ливии уверяет, что имелись в виду прежде всего войска Карбона (Периоха 84). Но проигрывал от такого решения тот, чьи легионы были сильнее, то есть Сулла, а потому решение сената подразумевало в первую очередь его, а не марианцев.^{1090} Это был своего рода ответ на похвальбу Суллы тем, что безопасность ему обеспечивает армия. Тем самым его власть проконсула аннулировалась не только юридически (это сделали уже давно), но и фактически. Об удовлетворении требований Суллы речи не шло, он попрежнему оставался врагом. Ему опять предлагалось положиться на милость сената.^{1091}

Это решение было вполне в духе сенатского большинства^{1092} — точно такое же постановление будет принято им накануне гражданской войны между Цезарем и Помпеем (Аппиан. ТВ. П. 30). Однако ни одна из сторон не собиралась выполнять его.^{1093} Сулла ясно дал понять, что мириться не собирается. Конечно, если бы Карбон поддержал решение сената, то выставил бы будущего диктатора поджигателем войны.^{1094} Однако в этом случае он потратил бы немало времени на повторный сбор войска. К тому же снова вступать в армию италийцы и не захотели бы. Их настроения беспокоили консула. Он начал было брать заложников в италийских городах, но, естественно, натолкнулся на сопротивление. В Плаценции (совр. Пьяченца), например, местный магистрат Кастриций прямо отказался предоставлять ему заложников (Валерий Максим. VI. 2. 10). В конце концов сенат принял постановление прекратить подобные акции. Тогда же, продолжая реализовывать программу уравнивания в правах римлян и италийцев, он даровал последним *ius suffragii* — право голоса. По 35 трибам были распределены получившие *civitas Romana* вольноотпущенники (Ливии. Периоха 84). Все эти меры Ливии приписывает исключительно воле *patres*, но вполне вероятно, что их инициировал сам Карбон для успокоения умов в Италии.

Понять озабоченность консула можно — после кошмара Союзнической войны италийцы явно не хотели без крайней нужды вновь браться за оружие. К тому же Сулла заявил, что не имеет к ним претензий, а это можно было понять как обещание сохранить за ними права римского гражданства и распределение по всем 35 трибам.^{1095} И хотя настороженность и даже враждебность по отношению к нему сохранялась, она все же носила «платонический» характер.^{1096}

Марианцы развернули активную антисулланскую пропаганду. Напоминали о том, что четыре года тому назад Сулла совершил неслыханное дело — взял Рим штурмом. Теперь же у него на уме отнюдь не мысли об исправлении дел в государстве, а конфискации и убийства, причем пострадать могут отнюдь не одни вожди, но и тысячи простых граждан, которых обвинят в поддержке марианцев (Аппиан. ТВ. I. 81–82). Если Сулла чеканил на монетах изображение Венеры Победительницы (Venus Victrix), то его враги противопоставляли этому образ Венеры Прародительницы (Venus Genetrix) и Венеры Плодоносной (Venus Frutis).^{1097} Общественное мнение Рима и Италии в целом было на стороне марианцев, ибо недобрые намерения Суллы были очевидны, как и то, что именно он является инициатором гражданской войны (Аппиан. ТВ. I. 82. 374–375).^{1098}

«Партия мира», рупором которой был принцепс сената Валерий Флакк, умолкла. И дело тут, скорее всего, не в запугиваниях со стороны группировки Карбона. Просто patres поняли, что примирение невозможно и надо ждать первых результатов борьбы, чтобы решить, чью сторону лучше принять.^{1099} Однако они все же издали senatusconsultum ultimum, предоставлявший консулам чрезвычайные полномочия в борьбе с Суллой (Эксуперанций. 7. 43Z).^{1100}

Консулами на 83 год были избраны представители совершенно различных групп правящего класса — знатнейший сенатор Луций Корнелий Сципион Азиаген и «новый человек» Гай Норбан. Сципион недавно воевал в Иллирии и нанес поражение воинственным племенам скордисков (Аппиан. Иллирийские войны. 5. 13–14). В условиях надвигавшейся войны это имело немалое значение. Его коллега Норбан обладал куда более ограниченным военным опытом,^{1101} но был абсолютно благонадежен в политическом отношении. Он был, видимо, первым римским гражданином в своем роду^{1102} и в 103 году, как уже говорилось, выступал обвинителем «героя» араузионского разгрома Сервилия Цепиона. Сципион в этом отношении занимал противоположную

позицию: процесс Цепиона был инспирирован во многом Сатурнином, а Сципион выступил против Сатурнина в 100 году (Цицерон. За Рабирию. 21). Но сейчас это не имело значения, поскольку Сципион готов был сражаться с Суллой (Аппиан. ТВ. I. 82. 373).^{1103}

Что же касается Карбона, то мы не знаем, почему он не стал консулом 83 года — то ли не хватило влияния, то ли он решил, что в данный момент лучше уступить место другим. Он сделался проконсулом Цизальпинской Галлии и в целом сохранял политические позиции.^{1104} Карбон еще вернется на вершину власти, но совсем ненадолго — чтобы с ее высот низвергнуться в небытие.

Обстановка для марианцев осложнялась тем, что стали проявлять активность враги режима, засевшие в провинциях. В Африке начал действовать Метелл Пий, ушедший туда накануне падения Рима в 87 году. Похоже, он заключил секретное соглашение с марианцами, поскольку почти три года мирно пребывал в провинции,^{1105} никем не тревожимый, и сам как будто вел себя лояльно.^{1106} Любопытно, что никого из Метеллов, родственников Суллы и давних врагов Мария, во время резни 87–86 годов не тронули. В 84 году, однако, Метелл вступил в бой с наместником Африки Гаем Фабием Адрианом,^{1107} но потерпел поражение и был изгнан из провинции (Ливии. Периоха 84).^{1108} Вскоре он открыто объявил себя приверженцем Суллы, сторонники которого начали присоединяться к нему (Дион Кассий. XXX–XXXV. 102). Однако когда именно это случилось — до высадки Суллы в Италии или после, — мы не знаем.

Будущий триумвир Марк Кресе, скрывавшийся восемь месяцев в Южной Испании, набрал отряд в 2500 человек и разграбил Малаку (совр. Малага). Поддержки местного населения он, очевидно, не получил, вотвот могли появиться войска марианцев, и Кресе отплыл в Африку и присоединился к Метеллу. Однако позднее он поссорился с ним и отправился к Сулле (Плутарх. Кресе. 6. 1–2).

Таким образом, первые атаки неприятеля оказались неудачными, но и уничтожить союзников Суллы также не удалось. Метелл Пий сам по себе опасности пока не представлял:^{1109} но кто знает, как вырастет его войско в будущем? Но и сделать с ним что-либо тоже было трудно, поскольку Лигурийские горы давали ему надежное прибежище.

Античные писатели рассказывают о знамениях, предвещавших гражданскую войну: в этрусском городе Клузии женщина родила змею, которую бросили в реку, но пресмыкающееся уплыло против течения; разрешился от бремени мул; случилось землетрясение; рухнуло несколько

храмов (Аппиан. ТВ. I. 83. 377; Обсеквент. 57). Вспоминали, наверное, и о давнем предсказании о том, что Рим будет поработен армией, которая явится с Востока, из тех краев, где восходит солнце (Флегон. Удивительное. 32). Именно оттуда и собирался идти на Рим Сулла.^{1110}

Хотя Сулла и хвалился преданностью армии, которая обеспечит безопасность и ему, и беглецам из Рима, он не был уверен, что солдаты пойдут за ним воевать против отечества.^{1111} Проконсул опасался, «как бы они, достигнув Италии, не разбрелись по своим городам. Но воины по собственному почину принесли клятву не расходиться и самовольно не чинить в Италии никаких насилий. Затем, видя, что Сулла нуждается в больших деньгах, устроили сбор пожертвований и вносили каждый по своим возможностям. Сулла, правда, не принял пожертвований, но похвалил своих людей за усердие» (Плутарх. Сулла. 27. 5–6).

Рассказ этот очень любопытен. Нечто подобное рассказывает о Цезаре Светоний: «Когда началась гражданская война, все центурионы всех легионов предложили ему снарядить по всаднику из своих сбережений, а солдаты обещали ему служить добровольно, без пайка» (Юлий. 68.1). Во время той же войны Цезарь сам занял у военных трибунов и центурионов и распределил эти деньги между воинами. В итоге «он выиграл вдвойне: займом привязал к себе центурионов, а щедростью купил расположение солдат» (Цезарь. Записки о гражданской войне. I. 39. 4).

Воины Суллы проявили такую же преданность своему полководцу. Но по собственной ли инициативе они действовали? Думается, что здесь Сулла, не зря вращавшийся в театральной среде, разыграл отличный спектакль. Средств у него, конечно, хватало,^{1112} иначе бы он не стал отказываться от денег, предложенных солдатами. Почему же те решили, что у него трудности с финансами? Ответ прост: потому что Сулла сам создал такое впечатление.^{1113} Для чего? Чтобы испытать верность воинов. Действовал он, надо думать, через центурионов, которые блестяще организовали эту демонстрацию солдатской преданности.

И все же, как следует из мемуаров Суллы, он продолжал испытывать сомнения в надежности своих легионеров (Плутарх. Сулла. 27.11). Казалось бы, все вполне логично: перед ним огромные силы врага, Италия на стороне марианцев, войско и впрямь может не проявить должной твердости. Но уж слишком любил диктатор порисоваться в своих не слишком правдивых воспоминаниях. Вспомним, как он изображал собственные колебания перед походом на Рим, хотя в реальности

действовал чрезвычайно решительно. То же и здесь: воины готовы поставить на карту свои сбережения, которые в случае неудачи не будут возмещены, а Сулла пишет о каких-то их сомнениях. Нет, просто он любил театр, любил драматические эффекты, а что может быть более захватывающим, чем нарисованная им картина? Врагов во много раз больше, собственные солдаты охвачены сомнениями, денег не хватает, но доблестный полководец, верящий в счастливую звезду и благоволение богов, все равно смело бросается в бой и побеждает вопреки всему!

Силы сторон были впечатляющи. В распоряжении консулов находилось не меньше 100 тысяч воинов; к этому, видимо, надо добавить и отряды других военачальников, ^{1114} например Карбона. К тому же выжидали своего часа самниты, которые в решающий момент выставят десятки тысяч бойцов. Сулла мог противопоставить им не менее 40 тысяч закаленных в боях ветеранов (Аппиан. ТВ. I. 79. 363). ^{1115} К тому же в Лигурии находился отряд Метелла, который в скором времени превратится в настоящее войско. Марианцы располагали серьезным перевесом, но нужно было еще реализовать его. Сулла был бесспорным вождем антимарианской группировки, ^{1116} держал свои силы в кулаке, его солдаты были преданы ему, умели воевать куда лучше неприятельских новобранцев и точно знали, за что сражаются. Ничем этим противники Суллы похвастаться не могли. Однако на их стороне была вся Италия. Их воины тоже кое-что умели, а кто не умел — получал шанс быстро научиться. Оставалось выяснить, кто использует свой шанс лучше.

Глава 10

БИТВА ЗА РИМ

Итак, в первых числах мая армада Суллы — от 1200 до 1600 судов — подошла к берегам Италии. Население Брундизия (совр. Бриндизи) не оказало сопротивления — необъяснимым образом марианцы не позаботились о том, чтобы держать столь важный пункт под контролем. Легионы Суллы ступили на землю Апеннинского полуострова, чтобы начать его завоевание, а жители Брундизия получили освобождение от пошлин (Аппиан. ТВ. I. 79. 363–364; Плутарх. Сулла. 27.1).^{1117}

Армия вторжения двинулась к Таренту (совр. Таранто) — очевидно, чтобы облегчить связь с Грецией. Здесь Сулла совершил жертвоприношение,^{1118} во время которого на печени жертвенного животного будто бы увидели очертания лаврового венка с двумя лентами (Плутарх. Сулла. 27.7). Уж очень любил он этот символ триумфа — Плутарх рассказывает, как перед битвой при Херонее ему вынес лавровый венок какой-то военный трибун (Сулла. 17.9).^{1119} Нетрудно догадаться, что оба рассказа восходят к мемуарам диктатора. Но вполне возможно, что воинам рассказали про результаты жертвоприношения — не будут же они, в самом деле, требовать, чтобы им показали жертвенную печень, на которой к тому же при желании можно увидеть что угодно.

Для устрашения врагов и поднятия боевого духа у сторонников Сулла выражал уверенность в грядущем триумфе. Именно в это время (или незадолго до того) увидели свет монеты, на реверсе которых был изображен Сулла на колеснице триумфатора, а над ним — летящая Виктория.^{1120} Это было, возможно, первое изображение еще живущего человека на римских монетах.^{1121} К тому же ему еще никто не назначал триумфа. Правда, еще в 196 году была выпущена аналогичная серия монет в честь победителя Македонии Тита Квинкция Фламинина,^{1122} чей триумф также состоялся только через два года. Но эта чеканка была организована не Фламинином, а его доброжелателями, тогда как Сулла без лишней скромности прославлял себя сам.^{1123}

Продолжая неспешный марш^{1124} по Аппиевой дороге, войска Суллы достигли Сильвия (совр. Гравинади Пулья), что на границе Апулии с Луканией. Диктатор писал в мемуарах, что ему повстречался здесь раб

«некоего Понтия, одержимого божественным наитием, и сказал, что его устами Беллона возвещает Сулле успех и победу в этой войне, но если тот не поторопится, сгорит Капитолий, что и случилось в предсказанный рабом день», 6 июля 83 года (Плутарх. Сулла. 27. 12–13). «Очевидно, когда несколько часов спустя легионы узнали о случившейся катастрофе, они уверовали, что их полководец является воплощением бога на земле», — резюмирует Жером Каркопино.^{1125} Но французский ученый забывает, что весь этот эпизод был рассказан Суллой в мемуарах, где он мог дать волю фантазии. К тому же пожар случился в июле, а в Сильвий его будущий диктатор прибыл уже в мае.^{1126} Потому через несколько часов его легионы узнать ничего не могли.

И еще два момента. Хозяин раба, Понтий, — не кто иной, как самнитский вождь Понтий Телезин,^{1127} с которым Сулле еще придется сразиться не на жизнь, а на смерть.^{1128} А Беллона, богиня войны у римлян, — все та же каппадокийская богиня Ма, которая будто бы приснилась Сулле накануне похода на Рим в 88 году.^{1129}

Войска продолжили путь. Солдаты соблюдали клятву, данную в Греции, и не чинили насилий над мирным населением. Поклонник диктатора Беллей Патеркул писал: «Можно было бы подумать, что Сулла прибыл в Италию не как зачинщик войны, но как провозвестник мира — с такой сдержанностью он вел войско через Калабрию и Апулию, такую заботу проявил о плодах, полях, городах Италии» (П. 25. 1). В это время к Сулле присоединился отряд Метелла Пия (Аппиан. ТВ. I. 85. 383).

Чтобы дойти до Кампании, его легионы должны были вступить в пределы Самния и, видимо, сделали это. Казалось бы, самниты, имевшие к Сулле претензий больше других италийцев, должны были бы попытаться отомстить ему. Но нет, они выжидали,^{1130} получив от марианского режима, по-видимому, меньше, чем желали.^{1131} Однако и на соглашение с его врагом не пошли. Между тем вмешательство самнитов в ход событий могло многое изменить. Впрочем, они могли надеяться на истощение Рима в гражданской войне, после чего можно будет нанести по нему решающий удар. Через полтора года они попытаются сделать это, но... Впрочем, обо всем по порядку.

Наконец в Кампании Сулле преградила путь армия одного из консулов, Гая Норбана. Его легионы стояли на пересечении Аппиевой и Латинской дорог, одновременно прикрывая переправу через реку Вольтурн.^{1132} Почему Норбан и его коллега не попытались разгромить врага совместным ударом, а действовали поодиночке, можно только догадываться. Возможно,

армия Сципиона просто не успела еще подойти, в том числе и из-за умелого маневрирования Суллы, который действовал по внутренним линиям и потому имел больше возможностей для разъединения сил врага. [{1133}](#)

Сулла, однако, не спешил дать бой. Для начала он отправил к врагу послов. О чем они говорили с Норбаном, неизвестно. Ливии уверяет, будто послы «претерпели насилие» от консула (Периоха 85). Однако он опирается на явно просулланский источник, который мог исказить события как угодно. Словесная перепалка или угрожающие жесты вполне могли превратиться под пером недоброжелателей в избиение вестников мира. К тому же мы не знаем, как вели себя сами вестники.

Случившееся было, разумеется, на руку Сулле. Он лишний раз продемонстрировал, что пытался решить дело миром, но с ним не захотели иметь дело и даже оскорбили его послов. Но какие условия предлагал он? Существовали ли гарантии, что проконсул соблюдет договоренность? Ведь в 88 году он обещал сенату, что отсрочит поход на Рим, — и тотчас начал его штурм. Очевидно, Сулла прекрасно знал, что идти на соглашение с ним марианцы не захотят, а потому мог предлагать мир сколько угодно раз — собственно, соглашение ему было и не нужно, ибо не давало возможности расправиться с врагом. Впоследствии Цезарь взял на вооружение его тактику, хотя вообще не любил диктатора и противопоставлял себя ему — он не раз предлагал Помпею мир на условиях обоюдного роспуска войск, но встречал неизменный отказ, чего, надо думать, и добивался.

Первая битва этой войны произошла у Тифатской горы [{1134}](#) и принесла победу армии вторжения — Норбану пришлось отступить в Капую, столицу Кампании. Античные авторы пишут о шести и даже семи тысячах погибших и шести тысячах плененных марианцев, тогда как Сулла потерял будто бы лишь 124 или даже 70 человек (Аппиан. ТВ. I. 84. 382; Плутарх. Сулла. 27.10; Ливии. Периоха 85; Беллей Патеркул. II. 25. 4; Флор. III. 21. 20; Евтропий. V. 7. 4; Орозий. V. 20. 2). Совершенно очевидно, что подобное соотношение потерь — плод творчества Суллы и сочувствовавших ему писателей. [{1135}](#)

К тому же армия Норбана не была разгромлена полностью — ей удалось отступить в Капую и удержать город.

Но это не имело принципиального значения. Сулла выиграл первый бой, а все остальное — детали. Позднее он писал, что именно благодаря победе при Тифатской горе его воины исполнились уверенности и не стали расходиться по домам (Плутарх. Сулла. 27.11). Разумеется, высадившись в

Италии, они прекрасно понимали, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть, и разбредаться в любом случае не собирались. Но сам Сулла, очевидно, до сих пор сомневался в их верности и только теперь вздохнул с облегчением. Впоследствии он рассказывал, будто накануне сражения у Тифатской горы дрались два огромных козла, воспроизводя движения сражающихся воинов. Затем они воспарили над землей и видение исчезло. Существовала и другая легенда — еще до войны в тех краях слышали шум битвы, а потом обнаружили следы людей и коней и измятую траву, что сочли предзнаменованием будущей распри (Обсеквент. 57). Диктатор уверял, будто не стал строить войско, а бросил его в бой, полагаясь на всеобщее воодушевление (Плутарх. Сулла. 27. 811). Вновь мы сталкиваемся с любимой легендой Суллы о самом себе — у негоде лучше получалось то, что он делал не после тщательного обдумывания, а по внезапному побуждению. Странно, конечно, слышать такое от столь опытного военачальника,^{[1136](#)} но ведь он говорил так, когда закончились все бои и походы. Их счастливый исход показывал, что «внезапное побуждение» — это нечто вроде божественного наития, знак свыше. Разумеется, Суллу могли уличить в том, что на деле все было иначе, что он поступал вполне обдуманно и лишь теперь описывает дело так, будто ввязывался в бой «по вдохновению» и т. д. Но какое ему дело до таких разговоров? В конце концов, он — победитель, чье имя будут помнить многие века, а любители копаться в «мелочах» — лишь скучные болтуны, которых забудут раньше, чем истлеют их кости.

Желая возблагодарить богов за победу, Сулла передал местному храму Дианы Тифатской целебные источники и оставил две соответствующие надписи, внутри святилища и снаружи (Беллей Патеркул. П. 25. 4; СІЛ. Х. 3828).^{[1137](#)} Шаг был довольно смелый: с одной стороны, Сулла проявлял благочестие, а с другой — праздновал победу над согражданами. Однако его это не слишком беспокоило. Главное — показать, что он пользуется благосклонностью богов и умеет это ценить, не приписывая все лишь собственным заслугам. И действительно, боги явно держали его сторону: Брундизий не охранялся марианцами, его жители беспрепятственно впустили воинов Суллы и дали им возможность начать завоевание Италии, самниты проявляли странное бездействие, Норбан и Сципион действовали поодиночке. Как тут не поверить в милость бессмертных!

Продвинувшись на северозапад, победоносный проконсул столкнулся между Калами и Теаном с армией Сципиона. Однако и здесь он не стал

торопиться с битвой. Его новым «внезапным побуждением» была отправка нового посольства. Трудно решить, почему Сулла поступил именно так. С одной стороны, конечно, перед ним стояли легионы второго консула, а в Капуе оставалось не разгромленное до конца войско Норбана.^{1138} С другой, можно было рискнуть — уничтожить армию Сципиона одним ударом, и Норбан не успеет помочь коллеге. Казалось бы, Сулла с его авантюрной жилкой под влиянием недавней победы так и должен был поступить. Но это мы знаем исход борьбы, а ему оставалось лишь строить прогнозы. Элементарная логика подсказывала: Норбан в военном деле далеко не первая величина, но полного разгрома все-таки избежал. Сципион же имел опыт масштабных операций и потому мог если и не выиграть, то свести дело к ничьей, которая в победных реляциях превратится в шумный успех. А истиной, как известно, часто становится та ложь, которой все поверили (Курций Руф. VIII. 8. 15). Иными словами, мнимое поражение не менее опасно, чем подлинное, ибо повлияет на настроения в Италии. Тогда могут вступить в дело самниты, чьи земли совсем недалеко. Воспрянет духом армия Норбана. Так зачем рисковать? В ходе переговоров можно приглядеться к противнику да и вообще продемонстрировать свое миролюбие — хотя бы на словах. Если переговоры кончатся ничем, все можно списать на неуступчивых сулланцев.

С виду все шло своим чередом. Сулла заключил перемирие, прислал Сципиону заложников, по трое делегатов с каждой стороны^{1139} начали обсуждать вполне серьезные вопросы — власть сената, вопросы римского гражданства, распределение новых граждан по трибам. Но между тем агенты Суллы начали успешно разлагать войско консула — кого разговорами о бесполезности войны, кого подкупом, кто-то находил старых друзей. Прежде всего, надо думать, «обрабатывали» центурионов. Кое-кто из офицеров Сципиона взирал на это с неудовольствием — все знали о том, что случилось с армией Фимбрии. Среди подчиненных Сципиона был Квинт Серторий^{1140} — тот самый, что по приказу Цинны перебил три года назад рабскую «гвардию» Мария; возможно, он участвовал в переговорах. Он советовал консулу прекратить переговоры, которые являются лишь ширмой для вредной агитации. Понять Сертория можно — в случае победы Суллы он имел все основания опасаться за свою жизнь. Но Сципион, видимо, чувствовал настроения армии — после поражения при Тифатской горе она отнюдь не горела желанием биться со столь опасным врагом.^{1141} К тому же недавняя битва показала, что силой одолеть Суллу

не такто просто.

Наконец какое-то промежуточное соглашение было достигнуто. Сципион отправил Сертория к Норбану, чтобы спросить его мнение. Однако произошло неожиданное: Серторий отклонился от своего пути и захватил Суэссу Аврунку, державшую сторону неприятеля.^{1142} Шаг был на первый взгляд экстремистским, поскольку ставил под угрозу переговоры. К тому же, сколь коварно ни вел бы себя Сулла, агитируя воинов Сципиона, захват города во время перемирия выглядел вопиющим вероломством. Причем если о разложении Сципионовой армии изнутри мало кто знал, то поступок Сертория был на виду.

Но пропагандистская сторона вопроса в столь опасной ситуации имела мало значения. Если бы противникам Суллы потребовалось отступить, то обладание Суэссой обеспечивало безопасный отход по Аппиевой дороге.^{1143} И еще один момент: по всей видимости, город перешел на сторону Суллы не до, а во время переговоров.^{1144} Тогда уже в вероломстве в самую пору обвинить жителей Суэссы, а не Сертория.

Так или иначе, произошло то, что произошло. Сулла заявил протест. Сципион выдал ему его заложников, «чего никто не требовал», как ядовито замечает Аппиан. Вскоре победитель Митридата придвинулся к самому лагерю противника, и тут воины Сципиона начали переходить на его сторону. Ливии уверял, будто Сулла собирался даже штурмовать лагерь, но это, очевидно, толкование задним числом — взять римский лагерь приступом — дело крайне трудное. Скорее всего, он просто хотел пожать плоды своей агитации. Многие античные писатели уверены, что Сулла с самого начала собирался переманить на свою сторону вражеское войско, но вряд ли он настолько мог все просчитать заранее — такой исход мог рассматриваться лишь как один из многих вариантов развития событий.

Сципион и его сын попали в плен. Но в отличие от их воинов, отказались перейти на сторону неприятеля — их, знатнейших людей Рима, слишком унизили, и служить тем, кто так поступил с ними, они не могли. Тем не менее победитель отпустил их — пусть другие аристократы увидят, как он милосерден со знатными. Сулла даже дал им конный эскорт — жест великодушия, которое, впрочем, можно толковать и как презрение. Он будто бы взял со Сципиона слово не выступать против него, которое тот потом нарушил (см. ниже).^{1145} Впоследствии Сулла хвастался, что с 20 когортами, как на подсадных птиц, переманил 40 неприятельских. Видимо, диктатор, как обычно, преуменьшил свои силы (Плутарх. Сулла. 28. 1–5; Аппиан. ГВ. I. 85–86; Цицерон. Филиппики. XII. 27; XIII. 2; Ливии.

Периоха 86; Диодор. XXXVIII. 16; Беллей Патеркул. П. 25. 2–3; Эксуперанций. 7.45Z).^[1146]

Но как ни толковать события, Сулла одержал тройную победу — он не просто лишил врага целой армии, но увеличил за ее счет собственные силы, не потеряв ни одного человека. Кроме того, марианцы были унижены — чего стоит их власть, если целое войско при первой же возможности изменяет ей? Наконец, появился отличный предлог для того, чтобы изменить характер войны — сколько же можно удерживать воинов от грабежей? Надо, наконец, дать им вкусить плодов своей доблести! Да и мягкостью войну все равно не выиграть.

Но перед тем как начать воевать «по-настоящему», Сулла сделал еще один демонстративный жест примирения, вновь отправив делегацию для переговоров к Норбану в Капую. Тот не удостоил чересчур ловкого мастера дипломатии ответом — как пишет Аппиан, боясь, что его армию переманят так же, как переманили армию Сципиона (ГВ. I. 86. 388–389). Недаром Папирий Карбон говорил, что в Сулле уживаются лев и лисица, и от лисицы ему, Карбону, приходится терпеть гораздо больше неприятностей, чем от льва (Плутарх. Сулла. 28.6).

Теперь можно было с «чистой совестью» вести привычную войну — с насилиями, грабежами, убийствами. Как только вернулись послы из Капуи, Сулла предал огню и мечу окрестные селения. Норбан поступил так же с теми областями, которые поддерживали неприятеля.

Тем временем Карбон прибыл в Рим и добился принятия решения, объявлявшего врагами тех сенаторов, которые присоединились к Сулле, — в первую очередь Метелла Пия, остальных источники не называют. Приходится удивляться, что такое постановление было принято лишь через год после выступления Метелла против марианцев. Примерно в это время (6 июля) сгорел Капитолийский храм, что, естественно, восприняли как дурное знамение. Обе стороны, разумеется, обвиняли в случившемся друг друга (Аппиан. ТВ. I. 86. 390–391; Плутарх. Сулла. 27.13; Цицерон. Против Каталины. III. 9; Дионисий Галикарнасский. IV. 62. 6; Тацит. История. III. 72; Обсеквент. 57).

Видя, что победителю Митридата сопутствует успех, в Пицене активизировался молодой Гней Помпеи. Ему исполнилось тогда только 23 года. Он воспользовался той популярностью, которой обладал в Пицене как сын Помпея Страбона, и захватил власть в данной области. В знак этого в городе Ауксима он воздвиг судейское возвышение — трибунал. Особым эдиктом он повелел покинуть Ауксим сторонникам Карбона — братьям

Вентидиям. Этим он, с одной стороны, продемонстрировал свою враждебность марианскому режиму, а с другой — нежелание идти на крайние меры. Остальные приверженцы Карбона^{1147} также бежали из Пицены. Судя по всему, никого из них не казнили. Помпей набрал три легиона и двинулся на соединение с Суллой, причем, по словам Плутарха, не как бессильный беглец, умоляющий о помощи, а как глава войска, оказывающий Сулле важную услугу (Помпей. 6).

Против молодого полководца выступило сразу три марианских военачальника — Гай Каррина, Гай Целий Антипатр^{1148} и Луций Юний Брут Дамасипп. Помпею грозило окружение. Однако он не растерялся и сам выступил навстречу Дамасиппу. Возглавив атаку своих всадников, он метнул дротик в командира отряда галльской конницы врага и поразил его. Лишившись предводителя, остальные неприятельские кавалеристы повернули назад и расстроили ряды пехотинцев. В конце концов марианцы были разбиты, опасность окружения миновала, поскольку вражеские военачальники поссорились и не смогли согласовать свои действия. Правда, подоспела еще одна армия противника во главе с Луцием Сципионом, который после катастрофы под Теаном решил вновь попытаться счастья в ратных делах.^{1149} Но его преследовал злой рок: воины вновь изменили консулу. Увидев солдат Помпея, они начали братание и перешли на их сторону. Недаром Цицерон называл Сципиона «злополучным» (За Сестия. 7). Если под Теаном Сулла хотя бы агитировал его войско, то здесь оно покинуло консула сразу. Объяснить это можно лишь тем, что он набрал его тут же, в Пицене, жители которого держали сторону Помпея. Молодой полководец отправил Сулле сообщение о своих победах и двинулся на соединение с ним (Плутарх. Помпей. 7; Диодор. XXXVIII. 10).

Плутарх утверждает, будто Сулла испугался за Помпея, зная, что ему приходится сражаться с несколькими вражескими армиями, но не ведая еще о его победах, и двинулся ему на помощь. Трудно сказать, так ли это, ибо Плутарх, рассказывая о юности Помпея, склонен сильно преувеличивать его роль.^{1150} Юный военачальник, желая произвести впечатление на главнокомандующего, устроил настоящий парад. Когда Сулла соскочил с коня, Помпей приветствовал его титулом императора... и в ответ услышал то же самое, хотя ни по возрасту, ни по положению этого не заслуживал. Главнокомандующий даже обнажил голову перед молодым военачальником, что нечасто делал даже перед ближайшими соратниками (Сулла. 8. 1–4).

Почему вдруг Сулла проявил такое почтение к «мальчишке»? Конечно,

тот показал себя умелым военачальником, избежав разгрома в достаточно сложной ситуации. Но только ли в этом было дело? Конечно, нет. Помпей контролировал стратегически важный Пицен, который благодаря этому оказывал поддержку антимарианскому блоку (Цицерон. Филиппики. V. 44). А Сулла, как писал сам Плутарх, обычно «обхаживал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем» (Сулла. 6.14).

По словам того же автора, главнокомандующий предложил молодому военачальнику отправиться в Цизальпинскую Галлию, где Метелл Пий, «по-видимому, не совершил ничего достойного тех огромных сил, какие находились в его распоряжении. Помпей заявил, что неблагородно было бы лишать командования человека, старшего годами и превосходящего его славой. Однако если Метелл сам пожелает и сам потребует, то он, Помпей, готов ему помочь. От Метелла пришло соответствующее письмо, и молодой полководец отправился в Галлию, где «не только совершил удивительные подвиги, но и сумел подогреть и разжечь почти угасший от старости воинственный пыл и отвагу Метелла» (Плутарх. Помпей. 8. 5–7).

История эта особого доверия не вызывает.^{[1151](#)} Трудно себе представить, чтобы Сулла предложил не занимавшему даже квесторской должности Помпею заменить двоюродного брата своей жены.^{[1152](#)} Разговоры о старости Метелла и вовсе противоречат фактам — ему было тогда примерно 45 лет.^{[1153](#)} Сомнительно также, что под его командованием находились «огромные силы» — очевидно, именно их нехватка и помешала ему добиться больших успехов в Цизальпинской Галлии. Очевидно, вся эта история была придумана Помпеем или кемто из его доброжелателей.^{[1154](#)}

На сторону Суллы перешел и один из самых влиятельных сенаторов, консул 91 года и цензор 86го, «победитель» Ливия Друза Луций Марций Филипп. Это было важнейшим успехом Суллы, в лагере которого консуляры до сей поры отсутствовали, а самым высокопоставленным из его сторонников являлся претор с проконсульскими полномочиями Метелл Пий.^{[1155](#)} Ему было поручено захватить Сардинию, наместник которой Квинт Антоний Бальб держал сторону марианцев. Филипп справился с задачей — Антоний был убит, остров перешел под власть сулланцев (Ливии. Периоха 86). Та же участь, вероятно, постигла Корсику.^{[1156](#)} Западное Средиземноморье оказалось словно рассечено надвое.

Еще одним нобилем, примкнувшим к будущему диктатору, был Марк Лициний Крассе. Если Помпей не пострадал от марианцев и ему угрожало разве что лишь отсутствие особых перспектив в карьере, то у Красса в 87

году погибли отец и брат. Плутарх сохранил патетический рассказ о том, как Сулла напомнил ему о долге перед их памятью: «Сулла, желая использовать всю бывшую с ним молодежь как усердных соратников, каждого из них приставил к какому-нибудь делу. Красе, которому было поручено отправиться в землю марсов для набора войска, просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил: «Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных — за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!» Получив такую отповедь, задетый за живое Красе тотчас же отправился и, отважно пробившись сквозь неприятельское расположение, собрал многочисленное войско, а затем ревностно помогал Сулле в его борьбе» (Плутарх. Красе. 6. 3–4).

Смешно думать, что Красса послали в столь опасное путешествие без воинов — вопрос об охране здесь, конечно, лишь повод для эффектной фразы. Однако в словах Суллы содержался важный смысл — он лишний раз напоминал, что выступает в качестве мстителя. Он взывал к чувствам родичей убитых — Катиров, Цезарей, Лентиров и других. [{1157}](#)

Но ведь эти и другие подобные речи слышали также и марианцы. Они знали, что пощады им ждать не приходится, хотя никого из них еще не настигла месть Суллы. Вместо обанкротившихся Норбана и Сципиона консулами избрали Карбона и 26-летнего Гая Мария Младшего. Последний не имел права занимать высшую должность в силу возраста, но он мог пренебречь такими мелочами. Ливии даже уверяет, что Марий стал консулом с помощью насилия (Периоха 86). Веллей Патеркул говорит, что он унаследовал отцовскую силу духа и «никогда не ронял славы своего имени» (П. 26. 1). Однако ему недоставало талантов и удачи прославленного родителя. Да и времени у него было совсем немного.

Правда, не обошлось без трений в лагере марианцев. Серторий, в свое время приближенный Цинны, а ныне отошедший в тень, был недоволен избранием «мальчишки» Мария — он явно метил на высшую должность сам. [{1158}](#) Однако ему быстро нашли дело подальше от Рима, отправив наместником в Ближнюю Испанию и поручив попутно навести порядок в Нарбонской Галлии, где назревали волнения. Серторию пришлось подчиниться (Плутарх. Серторий. 6. 1–4; Аппиан. ГВ. I. 86. 392; Экуперанций. 8. 4950Z). Между тем его опыт и способности могли бы пригодиться в борьбе с Суллой.

Консулы решительно взялись за подготовку к новой кампании. На основании сенатского постановления они изыскивали запасы драгоценных

металлов из храмов. Это с лихвой обеспечило финансовые потребности марианцев, поскольку даже после войны в казне оставалось не менее 14 тысяч фунтов золота и 6 тысяч фунтов серебра.^{1159} В армию стали записываться ветераны Мария. Италия выказывала верность консулам (Аппиан. I. 86. 393; Диодор. XXXVIII. 12; Плиний Старший. XXXIII. 16; Валерий Максим. VII. 6. 4).

Однако и Сулла не терял времени даром. Он не обольщался по поводу своих первоначальных успехов, понимая, что главная борьба еще впереди. А потому лучше не рисковать попусту — память о Союзнической войне была слишком свежа. И будущий диктатор решил подстраховаться, пообещав италийцам, что сохранит за ними права римского гражданства и распределение по всем 35 трибам (Ливии. Периоха 86).^{1160} Его вербовщики рыскали по Италии и иногда даже сталкивались с вербовщиками марианцев (Диодор. XXXVIII. 13). Однако последние имели больше успеха, и попытка провести набор в италийских общинах не дала Сулле тех пополнений, на которые он рассчитывал.^{1161}

Молодому Марию предстояло оперировать в Лации и Кампании, Карбону — в Этрурии, Умбрии и Цизальпинской Галлии.^{1162} Первому противостоял Сулла, второму — Метелл и Помпеи. Зима не давала противникам продолжить боевые операции, но с наступлением весны они ринулись в схватку (Аппиан. ГВ. I. 87. 394).

Первое и едва ли не самое важное сражение произошло уже в марте.^{1163} Сулла выступил из Кампании и двинулся в Лаций. По-видимому, он наступал по Латинской дороге на Рим, и задачей Мария Младшего было, разумеется, остановить его.^{1164} Сулла захватил Сетию, а Марий счел нужным отойти на некоторое расстояние. Сражение произошло, видимо, у пересечения Латинской и Лабиканской дорог.^{1165} Незадолго до боя Сулла собирался соединиться с одним из своих легатов, Гнеем Корнелием Долабеллой, однако это ему не удалось — тот был слишком далеко.^{1166} Решив не терять времени, Сулла вступил в сражение с Марием (Плутарх. Сулла. 28. 7–9; Аппиан. ГВ. I. 89. 397). В воспоминаниях он писал, будто накануне ему приснился старший Марий, убеждавший сына остерегаться наступающего дня, который несет несчастье. Мемуарист даже советовал своему верному соратнику Луцию Лицинию Лукуллу «ни на что не полагаться с такой уверенностью, как на то, что укажет ему ночью божество» (Плутарх. Сулла. 28.8; 6.10).

Ход битвы описан в источниках поразному. Плутарх пишет, что войны

Суллы были измучены ливнем, «отдыхали на земле, подложив под себя щиты, и просили отложить сражение. Но когда Сулла нехотя согласился, а солдаты стали насыпать вал для лагеря и рыть ров, на них напал Марий. Гордо скакал он перед строем, надеясь, что рассеет войско, в котором царит замешательство и беспорядок. И тут волею божества свершилось то, что Сулла слышал во сне. Гнев овладел его солдатами и, бросив работу и воткнув свои копья в землю подле рва, они выхватили мечи и вступили в рукопашный бой с противниками. Те долго не продержались, но обратились в бегство, и множество их было убито. Марий бежал в Пренесте,^{1167} но нашел ворота закрытыми. Он обвязался спущенной ему веревкой и был поднят на стену. Некоторые... говорят, что Марий и не заметил, как началось сражение: отдав все распоряжения, измученный бессонницей и усталый, он прилег на землю и заснул где-то в тени, лишь потом, когда началось бегство, его с трудом разбудили. В этом сражении Сулла, говорят, потерял только двадцать три человека, а врагов перебил двадцать тысяч» (Сулла. 28. 10–15).^{1168}

Аппиан гораздо более сух и краток. Он пишет, что Марий храбро сражался, но в какой-то момент левый фланг подался под натиском врага, и пять когорт и две турмы перешли на сторону врага. Войско обратилось в бегство и пыталось укрыться в Пренесте. Однако его жители пустили лишь первых беглецов и потом закрыли ворота, чтобы враги не ворвались в город на плечах отступающих, поэтому Мария втащили на веревках. У стены произошла резня, многих взяли в плен. Среди захваченных были и самниты; Сулла приказал перебить их (ГВ. I. 89. 397–400).^{1169} Спаслось, если верить Диодору, 15 тысяч марианских воинов (XXXVIII. 15).

В рассказе Плутарха мы вновь узнаем тот же «почерк», которым написаны мемуары диктатора.^{1170} Опять сновидение, внезапное начало битвы, победа исключительно благодаря порыву воинов.^{1171} Хотя рассказ принадлежит перу полководца, профессиональных деталей нет — командующий не принимает никаких специальных мер, его заслуга только в том, что он понял волю богов и призывал солдат следовать ей. Автора не смущает даже очевидная нелепость: только что прошел ливень, а Марий во весь опор мчится на врага. Что же за волшебный конь нес его, если он не увязал в грязи? Ведь во всех школьных учебниках рассказывается, что французские рыцари не могли наступать в конном строю в битве при Креси во время Столетней войны, ибо копыта их лошадей вязли в грязи после дождя. Но разве могли смутить Суллу такие мелочи? Он и не рассчитывал на понимание излишне придирчивых читателей. Люди же, способные

проникнуть в суть вещей, должны понять: на его стороне боги, а в таких случаях все становится возможным.

Неудивительно, что мы вновь читаем у Плутарха о незначительных потерях армии Суллы и тысячах убитых врагов, но ничего не узнаем об измене воинов Мария на левом фланге и резне пленных самнитов под стенами Пренесте. Автор сообщает, что под началом Мария находилось 85 когорт (42 500 человек), но умалчивает о численности армии Суллы. Очевидно, она была все-таки больше.

Впрочем, не совсем гладок и рассказ Аппиана. Он явно намекает, что бой был проигран из-за предательства некоторых воинов на левом крыле — так же впоследствии Наполеон сваливал вину за свое поражение под Лейпцигом на измену саксонских войск. Но ведь в нашем случае речь идет лишь о пяти когортах и двух турмах, то есть максимум о 2500 пехотинцах и 60 всадниках. Оказать решающее влияние на ход битвы их позиция вряд ли могла, поскольку они составляли не более чем 1/20 сил Мария. К тому же они не обратили внезапно оружие против товарищей, а просто сбежали к врагу. Да и левое крыло марианского войска стало пятиться еще до этого. Главной причиной его поражения явилось, очевидно, общее превосходство армии Суллы, равно как и его талант военачальника. Тем более что прорыв осуществил ее правый фланг, которым как наиболее почетным, надо думать, командовал сам полководец.

И еще одна деталь: самниты не причинили Сулле никакого зла, когда он наступал на юге Италии в прошлом году. Это весьма облегчило ему успех в Кампании. Тем более щедро он «отблагодарил» их, перерезав самнитов, взятых в плен под стенами Пренесте, — они выступили против него, пусть теперь пеняют на себя! И дело было, очевидно, не только в жестокости Суллы: он хотел подчеркнуть, что ведет борьбу с исконными врагами Рима, а стало быть, войну не гражданскую, а внешнюю.^{1172} И виноват в ней, разумеется, не он, а те, кто выступает заодно с недругами римского народа — самнитами.

Разгром при Сакрипорте наряду с другими победами сулланцев означал перелом в войне. На реке Эзин в Умбрии сошлись армии Метелла Пия и претора Гая Каррины.^{1173} Марианцы были обращены в бегство и понесли тяжелые потери.^{1174} В результате окрестные общины начали переходить на сторону победителей. Карбон поспешил из Аримина против Метелла. Ему удалось задержать дальнейшее продвижение последнего, однако в это время пришло известие о битве при Сакрипорте, что изменило ситуацию (Аппиан. ТВ. I. 89. 395–396). Если исходить из Аппиана, то

именно после этого Карбон начал отходить в Аримин, причем в ходе отступления его кавалерия была разгромлена Помпеем. По-видимому, именно в этот момент к сулланцам сбежал, прихватив казну, квестор Карбона, Гай Веррес^{1175} — тот самый, который впоследствии «прославится» разграблением вверенной ему в управление Сицилии и против которого произнесет свои знаменитые речи Цицерон. Меньше помнят о его конце — алчного Верреса казнят в 43 году по приказу Антония, который позарится на его вазы из коринфской бронзы (Плиний Старший. XXXIV. 6; Сенека Старший. Сватории. 6.3; Лактанций. Божественные установления. П. 4).

Не один Веррес перешел на сторону сулланцев. О Марции Филиппе мы уже говорили. Так же поступили, очевидно, его коллега по цензуре Марк Перперна и принцепс сената Луций Валерий Флакк.^{1176} Против марианского режима выступил брат последнего, Гай Валерий Флакк, консул 93 года, а ныне наместник Трансальпийской Галлии. Среди перебежчиков оказались и менее видные фигуры: Квинт Лукреций Офелла (Афелла),^{1177} Луций Сергей Катилина (тот самый!),^{1178} Публий Корнелий Цетег — один из тех, кого по инициативе Суллы объявили врагом вместе с Марием в 88 году (Аппиан. ГВ. I. 60. 271; 80. 369).^{1179} Несмотря на это, будущий диктатор не отказался от его услуг — пусть все знают, что он готов к сотрудничеству даже с бывшими врагами, если они проявят добрую волю.^{1180}

Но не все были столь податливы. Не уезжал из Рима один из самых уважаемых сенаторов, великий понтифик Муций Сцевола, на которого совершил в свое время покушение Фимбрия. Как мы видели, отказался перейти на сторону Суллы Луций Корнелий Сципион. Когда будущий диктатор предложил то же самое наместнику Сицилии и сыну цензора 86 года Марку Перперне Вейентону, тот ответил, что вскоре высадится в Италии и освободит от осады Пренесте (Диодор. XXXVIII. 14). Правда, свою угрозу он так и не исполнил.

Сулланцы продолжали наступать. Метелл разгромил неизвестного помощника Карбона, причем пять когорт из побежденного войска перешли на сторону победителя. Помпеи нанес поражение Марцию Цензорину около Сены Галльской и разграбил саму Сену (Аппиан. ТВ. I. 88. 401).^{1181}

Сулла же двинулся на Рим, оставшийся без прикрытия. Городской претор Брут Дамасипп, понимая, что удержать его не удастся, решил перед уходом «хлопнуть дверью» — уничтожить кое-кого из тех сенаторов, кто

подозревался в сочувствии Сулле. К тому же, как уверяют многие античные писатели, соответствующий приказ поступил из осажденного Пренесте от Мария, желавшего насладиться местью перед гибелью; впрочем, это может быть позднейшей легендой. Так или иначе, Дамасипп созвал сенат на заседание, в ходе которого расправился с тестем Помпея Публием Антистием и кузеном консула Гнея Карбона Гаем Папирием Карбоном Арвиной. Консул 94 года Луций Домиций Агенобарб бросился бежать из курии, но был убит на выходе, а недалеко от него убили и великого понтифика Муция Сцевола. Уверяли, что он припал к священному пламени Весты и сгорел в нем. Тела погибших бросили в Тибр. Жена Антистия Кальпурния, дочь консула 111 года Луция Бестии, узнав о гибели мужа, пронзила себя мечом, чем снискала похвалу сограждан и потомков как верная супруга (Аппиан. ТВ. I. 88. 403–404; Беллей Патеркул. П. 26. 2–3; Лукан. Фарсалия. П. 126–128; Флор. III. 21. 21; Орозий. V. 20. 4).

Происшедшее потрясло многих римлян — в особенности, конечно, нобилей. Античные авторы впоследствии писали об избиении почти всей знати (Ливии. Периоха 86). Это, конечно, было преувеличением — кроме названных четырех сенаторов никого не убили.^{[1182](#)} Но достаточно того, что погиб Сцевола, который поплатился за свою неизменную лояльность марианскому режиму. Великий понтифик говорил, что предвидел то, что произошло, то есть смуту, но готов скорее принять свою судьбу, чем идти с оружием против отечества (Цицерон. К Аттику. VIII. 3. 6).^{[1183](#)}

Случившееся было Сулле на руку — вряд ли он забыл стычку со Сцеволой в сенате в 88 году. Но главное — появлялся лишний пропагандистский козырь в борьбе против марианцев. Представлялся, кстати, удобный случай заклеить убийц гневной сентенцией, которая затем цитировалась бы историками последующих времен (вроде той, что Сулла бросил Крассу перед его поездкой в земли марсов). Тем не менее источники не сохранили никаких его патетических восклицаний на сей счет. Если Сулла промолчал в 82 году и лишь втихомолку порадовался, то у него была возможность приписать себе какоенибудь изречение в мемуарах. Но нет, словоохотливый Плутарх, обильно цитирующий воспоминания диктатора,^{[1184](#)} ничего подобного не сообщает. Почему? Ответа на этот вопрос источники не дают, однако мы вправе кое-что предположить. Уже говорилось, что к Сулле перебежало немало видных римлян. Однако нобилей высшей пробы среди них были единицы — бесспорно это известно лишь в отношении Марция Филиппа. И заполучить такого уважаемого человека, как Сцевола, к тому же родственника Мария, было

бы очень кстати. Но тот упорно хранил лояльность ненавистным марианцам. То же касалось и Луция Домиция Агенобарба. Теперь обоих, равно как и двух их товарищей по несчастью, постигла заслуженная кара богов. И Сулла, видимо, не захотел проливать лицемерные слезы, а поступил по принципу *de mortuis aut bene, aut nihil* — о мертвых либо хорошо, либо ничего.

Взять Пренесте штурмом было невозможно, и Сулла поручил ведение осады Лукрецию Офелле, а сам двинулся на Рим. Города на пути к нему, понимая бесполезность сопротивления, сдавались без боя. Наконец Сулла подошел к столице. Жители ее страдали от голода — очевидно, из-за того, что сулланцы блокировали пути снабжения.^{1185} Любопытно, что теперь победитель не стал вводить войска в Рим — в этом не было необходимости, да и зачем повторять 88 год?^{1186} Лучше изображать уважение к закону. Легионы расположились на Марсовом поле (Аппиан. ТВ. I. 88–89. 405–408). Сам Сулла, согласно Аппиану, вошел в Вечный город. Однако вряд ли это так — проконсул не имел права пересекать городскую черту. Уж если играть роль блюстителя законности, то до конца, посему полководец, вероятно, остался со своей армией.^{1187}

Сторонники марианского режима бежали из города. Их имущество попало на торги.^{1188} Сулла собрал комиции — вероятно, на Марсовом поле,^{1189} ибо это позволяло принять участие в заседании, не пересекая померия. Да и соседство легионов гарантировало от эксцессов. Сулла обратился к собравшимся с речью, в которой сетовал на неизбежность всего происходящего, — не уточняя, разумеется, сколь велика его ответственность за все это. Он призвал сограждан потерпеть еще немного — вскоре в государстве водворится порядок. По-видимому, на том же собрании марианские лидеры были объявлены врагами римского народа.^{1190} Не вызывает сомнений, что тогда же комиции отменили все постановления, направленные против Суллы и его сторонников. Любопытно, что перед сенатом он выступать не стал. Назначив ответственных за контроль над городом и оставив гарнизон,^{1191} проконсул — теперь уже не самозванный — отбыл на фронт (Аппиан. ТВ. I. 89. 407–408).

Сулла направлялся в Этрурию, где шли жаркие бои. Он разделил армию на две части и взял на себя командование правофланговой колонной, которая наступала по Кассиевой дороге. На реке Кланис^{1192} его кавалерия

встретились с кельтиберской конницей Карбона, которую прислал из Ближней Испании ее новый наместник — Серторий.^{1193} В бою, как утверждает Аппиан, погибло 50 испанских всадников, еще 270 перешли на сторону Суллы, остальных перебили из опасения, как бы не изменили и они.^{1194} Другая, левофланговая колонна двигалась по Клодиевой дороге и нанесла поражение марианцам при Сатурнии (Аппиан. ТВ. I. 89. 409–410). Это был важный успех, поскольку Сатурния находилась вблизи Аврелиевой дороги, откуда шли пути к альпийским проходам и в западные провинции.^{1195}

Карбон же, покинув ставку в Аримине и избежав столкновения с Метеллом и Помпеем, искусным маневром прорвался в Этрурию.^{1196} Близ Клузия он столкнулся с армией Суллы. Казалось, он был обречен на поражение — ведь перед ним не знавший неудач проконсул и его грозные ветераны. Но сражение, длившееся целый день, закончилось вничью.^{1197} Как подчеркивает Аппиан, стороны сражались на равных. В стратегическом отношении Карбон победил, поскольку наступление Суллы остановилось.^{1198} Это была его первая неудача в гражданской войне.^{1199} Но, в общем-то, и последняя.

Успешнее действовали помощники Суллы. Красе, захвативший умбрийский город Тудер (Тудертию),^{1200} поставил под угрозу левый фланг Карбона. Гай Каррина попытался помешать ему, но подоспел Помпей, и в битве на Сполетийской равнине марианцы вновь потерпели поражение, потеряв до трех тысяч человек.^{1201} Победители осадили лагерь Каррины. Карбон направил ему подмогу, но высланный им корпус попал в засаду, подстроенную Суллой, и потерял две тысячи человек. Каррина, правда, сумел вырваться из окружения, воспользовавшись дождливой погодой. Сулланцы заметили какое-то движение у врагов, но не обратили на него особого внимания, и те ушли (Аппиан. ТВ. I. 90. 413–414).

Важного успеха добились сулланцы на юге Италии. С помощью изменников они проникли в один из крупнейших городов Кампании Неаполь, перебили большинство жителей и захватили стоявшие в порту триремы. От избиения спаслись лишь те, кто успел бежать (Аппиан. ТВ. I. 89. 411).^{1202}

Между тем положение в Пренесте становилось все хуже. Осажденные страдали от голода. Зная об этом, Карбон направил на помощь коллеге мощную армию Марция Цензорина — восемь легионов, больше, чем имел Сулла при высадке.^{1203} Однако это была иллюзорная сила^{1204} —

реальная ее численность наверняка уступала штатной. Помпей атаковал Цензорина в узком проходе между Нарнией и Окрикулом (Южная Этрурия) ^{1205} и обратил его воинов в бегство. Остальные укрылись на одном из холмов и были осаждены Помпеем. Однако марианцы обманули бдительность неприятеля, оставив гореть костры, и сумели уйти. Оказавшись в безопасности, солдаты устроили бунт: они обвинили Цензорина в том, что из-за него попали в засаду, целый легион, сохраняя боевые значки, покинул его и вернулся в Аримин — ставку Карбона. Остальные, за исключением семи когорт, разбрелись по домам. С ними Цензорин и вернулся к консулу (Аппиан. ТВ. I. 90. 414–416).

Тогда на помощь Пренесте двинулись объединенные силы италийских союзников. К городу направились войска луканца Марка Лампония, самнита Понтия Телезина и кампанца Гутты. Аппиан пишет, что под их командованием находилось до 70 тысяч воинов. ^{1206} Но Сулла сумел отрезать им путь к Пренесте. ^{1207} Любопытно, что в бой с ними он вступить не рискнул. Марий пытался прорваться из Пренесте собственными силами, но, несмотря на отчаянные усилия, потерпел неудачу (Аппиан. ТВ. I. 90. 416–417).

Успешно действовал и Метелл Пий. Не желая сталкиваться с основными силами Карбона под Аримином, ^{1208} он перевез армию морем, ^{1209} высадился в Равенне и отправился оттуда к Фавенции. Сюда же подоспели войска Норбана, усиленные подкреплениями от Карбона. ^{1210} Вероятно, в надежде на численный перевес Норбан атаковал Метелла всего за час до наступления темноты в местности, покрытой виноградниками и потому непригодной для сражения. В завязавшейся схватке марианцы были разбиты и потеряли девять-десять тысяч убитыми; еще шесть тысяч перешли на сторону победителей (это могли быть пленные). Остальные разбежались, и в строю осталось, согласно Аппиану, не более тысячи человек, с которыми Норбан и вернулся в Аримин (ГВ. I. 91. 418–419; см. также: Беллей Патеркул. П. 28. 1; Орозий. V. 20. 7).

В этих условиях луканский легион под командованием Публия Альбинована заволновался и готов был перейти к сулланцам. Альбинован, чувствуя ситуацию, решил не отставать от подчиненных и вступил в переговоры с врагом, предлагая свои услуги. Хотя он был одним из тех, кого объявили врагом вместе с Марием в 88 году, ему тем не менее гарантировали безопасность, если он совершит «нечто замечательное». Альбинован понял «тонкий» намек и пригласил на пир прочих марианских военачальников, Целия Антипатра Флавия Фимбрию (брата Гая Фимбрии)

и других, менее важных командиров. Всех их перебили — кроме Норбана, который благоразумно воздержался от участия в пире. Альбинован со спокойной душой перешел к сулланцам, как и его воины (Аппиан. ГВ. I. 91. 420–421).^{1211} Конечно, марианцы совершили немало гнусностей во время той войны, но таких подлых методов все же не применяли. Впрочем, это был не последний случай подобного рода.

Успешно действовал и другой сулланский военачальник — Марк Теренций Варрон Лукулл, двоюродный брат Метелла Пия. Осажденный марианцами, он прорвал вражеское кольцо и нанес им поражение под Фиденцией, что на Эмилиевой дороге между Плаценцией и Пармой.^{1212} Плутарх рассказывает, будто перед битвой подул ветерок, который осыпал цветами с соседнего луга шлемы и щиты его воинов. Это воодушевило их, и они разгромили втрое превосходящего неприятеля (16 когорт против 50), перебив 18 тысяч врагов (Сулла. 27. 14–15).^{1213} Рассказ этот, очевидно, восходит к мемуарам Суллы.^{1214} Здесь вновь мы видим знакомые мотивы: численный перевес врага, доброе предзнаменование, воодушевление воинов и, конечно, полная победа (см. также: Ливии. Периоха 88; Беллей Патеркул. П. 28. 1; Орозий. V. 20. 8).^{1215} Но детали сражения, в сущности, не так уж важны. Главное бесспорно: владычество марианцев на севере Италии рухнуло.

Карбон все еще не оставлял надежд на спасение Пренесте. Он отправил на помощь Марию Младшему два легиона под командованием Дамасиппа. И на сей раз Сулла не пожелал вступать в сражение и предпочел отрезать Дамасиппу пути на юг. Карбон после этого бежал в Африку, хотя, как замечает Аппиан, под Клузием он располагал 30 тысячами воинов, не считая двух легионов Дамасиппа и стольких же под началом Гая Каррины и Марция Цензорина. Продолжали сопротивление и самниты (ГВ. I. 92. 423–425). Мы слишком мало знаем о Карбоне, чтобы понять мотивы его в высшей степени неблагоприятного поступка. Проще всего, конечно, предположить, что консул устал от поражений и у него сдали нервы. (Хотя сам он, надо заметить, воевал не так уж плохо — достаточно вспомнить битву при Клузии.) Но думается, что дело несколько сложнее. Африка находилась еще под контролем марианцев, и Карбон, возможно, собирался привести оттуда подкрепления. Другое дело, что отъезд туда даже под таким удобным предлогом в столь ответственный момент все равно был бегством.

Положение марианцев стремительно ухудшалось. После разгрома под

Фавенцией и измены Альбинована с его легионом на сторону сулланцев перешел Аримин, где находилась ставка Карбона. После этого Норбан, отчаявшись в успехе, бежал на Родос. Войска Карбона, стоявшие под Клузием, дали бой Помпею, но потерпели поражение и потеряли будто бы до 20 тысяч человек.^{1216} Цифры эти наверняка преувеличены. Дамасипп, Цензорин и Каррина сохранили часть армии и попытались прорваться к Пренесте, но неудачно.^{1217} Тогда они решили идти на Рим и овладеть им. 31 октября их войска разбили лагерь в 100 стадиях (18 километрах) от города в Альбанской области (Аппиан. ГВ. I. 91. 422; 92. 426–427; 94. 434).^{1218}

С юга к Риму подступала 40-тысячная армия самнита Понтия Телезина и лукана Марка Лампония. Она остановилась в 10 стадиях от Коллинских ворот. Это уже было опаснее: самниты и луканы жаждали мести за обиды, причиненные римлянам как им самим, так и их предкам. Понтий Телезин будто бы даже говорил, что не удастся перебить волков, похитителей свободы Италии (то есть римлян), пока не будет вырублен лес, где они скрываются, а потому собирался разрушить Вечный город до основания (Беллей Патеркул. П. 27. 1–2). Отдать во власть столь лютых врагов Рим было бы страшным позором для Суллы — со времен галльского погрома 390 года иноземное воинство не ступало на священную землю города иначе как в качестве пленников. Правда, приходилось покинуть неузвимую позицию, позволявшую блокировать как сам Пренесте, так и подходы к нему. Этого, возможно, и добивались Понтий и Лампоний,^{1219} чтобы дать Марию еще одну возможность прорваться. Но другого выхода у Суллы не было, и он поспешил к столице, выслав вперед отряд в 700 всадников под командованием Октавия Бальба (Плутарх. Сулла. 29. 1–6; Аппиан. ГВ. I. 93. 428; Флор. III. 21. 23).

Молодые нобили, остававшиеся в Риме, предприняли с рассветом 1 ноября конную вылазку, но потерпели неудачу. «Многие из них были убиты, и среди других благородный и прекрасный человек Аппий Клавдий. В городе началось обычное в таких случаях смятение — крики женщин и беспорядочная беготня, как будто он уже был взят приступом, и тут римляне увидели Бальба: гоня во весь опор, он прискакал от Суллы... Остановившись ненадолго, чтобы дать передышку взмыленным коням, он приказал поскорее взнуздать их снова и напал на противника. Тем временем появился и сам Сулла» (Плутарх. Сулла. 29. 5–7). Он расположил свои легионы напротив Коллинских ворот, близ храма Венеры Эруцины (Аппиан. ГВ. I. 93. 428).

Плутарху не откажешь в писательском таланте — в немногих словах он красочно изобразил момент наивысшего напряжения. Враг у ворот, поражение храбрых юношей из аристократических семей, гибель многих (и, конечно, лучших) из них — и появление Бальба как *deus ex machina*, [{1220}](#) а затем и Суллы. Жители Вечного города, а вместе с ним и читатели Плутарха могли перевести дух.

Но опасность еще не миновала. Армия Суллы сильно утомилась после марша по Пренестинской дороге. Проквестор Луций Манлий Торкват и легат Гней Корнелий Долабелла уговаривали его дать людям отдохнуть — ведь перед ними не многократно битые марианцы, а грозные самниты (очевидно, в штабе Суллы еще не знали об объединении сил тех и других). Но главнокомандующий торопился начать бой. Около трех часов пополудни он дал сигнал к бою (Плутарх. Сулла. 29. 7–8). Картина напоминает ту, что диктатор изобразил в мемуарах применительно к битве при Сакрипорте. [{1221}](#) Спешка объяснялась, по-видимому, тем, что Сулла опасался подхода неприятельских подкреплений. Какое-то время для отдыха (часа два, не больше), конечно, воины получили, однако это был, так сказать, активный отдых — им пришлось оборудовать лагерь. Но затем — в бой.

Сулла, видимо, слишком уверовал в силы своих «чудо-богатырей». Однако он едва не поплатился за такую нерасчетливость. На правом фланге, которым он командовал сам, дела шли хорошо, но вот с левого стали поступать дурные вести. Оставив руководить правым крылом Марка Красса, он поскакал на своем белом коне на выручку. «По этомуто коню узнали его двое из врагов и направили на него свои копья. Сам Сулла этого не заметил, но его конюх успел хлестнуть коня и заставил отскочить его как раз настолько, чтобы копья воткнулись в землю у самого хвоста. Рассказывают, что у Суллы было золотое изваяньице из Дельфов, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами: «О Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?»» (Плутарх. Сулла. 29. 912; см. также: *Annum. ГВ. I. 93. 429*).

Однако даже вмешательство главнокомандующего не изменило положения. Под натиском храбрых самнитов и луканов солдаты Суллы обратились в бегство. Они кинулись к Коллинским воротам. Но воины гарнизона вскоре закрыли их, видя, что в город вместе со своими

проникают и враги. Беглецы получили хороший стимул к тому, чтобы драться до конца. Многие из них погибли, равно как и вышедшие посмотреть на битву горожане. Кое-кто будто бы помчался к Пренесте предупредить Офеллу, что Сулла разбит и погиб, Рим в руках врага и вообще нужно сниматься с лагеря и спасаться (Плутарх. Сулла. 29. 13–15; Аппиан. ГВ. I. 93. 430). Но кто знает, уж не самниты ли с марианцами подослали этих паникеров? А может, их и не было вовсе? Во всяком случае, Офелла продолжал осаду Пренесте и не думал никуда уходить.^{1222}

Плутарх изображает дело так, будто разбитые воины левого крыла сидели в лагере, пока не узнали о победе солдат Красса (Сулла. 30.1). Но где же был в это время неприятель? Очевидно, писатель сгустил краски, чтобы пощекотать нервы своих читателей^{1223} В ожесточенном ночном бою левый фланг обратил врагов в бегство и захватил их лагерь.^{1224} Вероятно, на помощь им подоспели присланные Крассом подкрепления.^{1225} На поле битвы остались Понтий Телезин и марианский командир Авл Постумий Альбин. Беллей Патеркул пишет, что лицо Понтия сохраняло выражение, подобавшее не побежденному, но победителю (Аппиан. ТВ. I. 93. 430–431; Беллей Патеркул. П. 27. 3; см. также: Ливии. Периоха 88; Флор. III. 21. 23; Орозий. V. 20. 9).^{1226}

Глубокой ночью прискакали люди от Красса. Они сообщили, что войска правого крыла, разбив врага, преследовали его до Антемны и там расположились лагерем, а теперь не прочь получить продовольствие из основного лагеря (Плутарх. Сулла).^{1227} Хотя главнокомандующий не спал всю или почти всю ночь, он поспешил к Антемне. Там к нему прислали парламентаря, прося даровать им жизнь, три тысячи уцелевших врагов. Полководец обещал им жизнь, если они нападут на другой отряд неприятеля. Те поверили его посулам и атаковали недавних товарищей по оружию. Уцелевших с обеих сторон разоружили солдаты Суллы (Плутарх. Сулла. 30. 2–3).

Битва за Рим была выиграна.

Глава 11

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!

На следующий день в лагерь Суллы доставили прочих предводителей, пытавшихся спастись бегством, — Марция Цензорина, Гая Каррину, Луция Дамасиппа.^{1228} Им отрубили головы, которые обнесли вокруг Пренесте (Беллей Патеркул. II. 27. 3; Аппиан. ТВ. I. 93. 433; Дион Кассий. XXX–XXXV. 109. 4).^{1229} И все же Марий продолжал сопротивление — либо он надеялся, что гибель нескольких вождей еще не означает разгрома армии, либо лихорадочно обдумывал способы спасения.

Сулла же тем временем занялся «наведением порядка». Под Антемной он обещал сохранить жизнь марианскому отряду, если его воины нападут на своих товарищей, — точно так же поступил Метелл Пий при переговорах с Альбинованом. Но если тот остался жив, когда выполнил поставленное условие, то теперь произошло поиному.

3 ноября Сулла собрал сенаторов в храме Беллоны, за чертой Вечного города, которую не мог пересекать как проконсул. Первый раз за семь с лишним лет обратился он к patres с речью — очевидно, распространяясь о своих подвигах на Востоке, о тяжелом положении государства и о необходимости суровых и спасительных мер. Вдруг издалека стали доноситься чьи-то стоны и крики. Присутствующие, естественно, немного забеспокоились. Но оратор словно ждал этого. «Продолжим, отцы-сенаторы, — хладнокровно бросил он, — это по моему приказу убивают кучку мятежников» (Сенека. О гневе. I. 12. 2; Плутарх. Сулла. 30.4). Его воины умерщвляли несколько тысяч пленных в расположенной по соседству Villa publica — помещении на Марсовом поле, где работали помощники цензоров при переписи населения.^{1230} Среди них были и те, кому под Антемной Сулла обещал жизнь, если они ударят в спину своим. Но кто упрекнет его в нарушении слова по отношению к бунтовщикам, которые вдобавок предали товарищей по оружию?

По всей видимости, именно на этом заседании Сулла предложил особым образом оформить расправу над побежденными: составить списки осужденных на смерть без суда — проскрипции — и опубликовать их. Нечто подобное уже имело место в 88 году,^{1231} когда объявили врагами Мария, Сульпиция и десять их сторонников,^{1232} и напуганные patres, несмотря на протест Муция Сцеволы, в тот раз утвердили предложение

Суллы. Казалось бы, то, что происходило неподалеку, в Villa publica, подсказывало: шутить с победителем не стоит. Однако устроить patres не удалось — ведь Сулла сам сказал, что убивают мятежников. Из присутствовавших себя таковым никто не считал; те, кто боялся его, давно покинули Рим. Остальные же сенаторы считали, что теперь, после свержения марианского режима, их власть восстановлена и не годится в обход сената составлять списки опальных. В итоге сенат отклонил предложение Суллы. [{1233}](#)

Остается только догадываться, какой бранью мысленно осыпал «неблагодарных» сенаторов победитель Италии. Он избавил их от этих мариев, карбонов и дамасиппов, а они вздумали умничать! Ну что ж, придется показать им, кто хозяин в государстве.

Мятежные трибуны — Гракхи, Сатурнин, Сульпиций — обращались к народному собранию, когда сенат не желал их поддерживать. Сулла боролся против смутьянов, убил одного из них, Сульпиция, но... теперь сам поступил так же, как они. Он созвал комиции.

В своей речи оратор много разглагольствовал о собственных победах, а также о трудностях в государстве. Он заявил, что улучшит положение дел, если ему будут повиноваться. Но враги пусть не ждут от него пощады: преторов, квесторов, военных трибунов и прочих высокопоставленных марианцев, как и тех, кто им помогал после того, как Сципион нарушил заключенное с ним, Суллой, соглашение, теперь ждет суровая кара. (Правда, соглашение не было ратифицировано сенатом и даже вторым консулом, Норбаном, а потому не имело силы, но никто, разумеется, и не заикнулся об этом.) После этого он обнародовал первый список осужденных (Аппиан. ТВ. I. 95. 441–442). Очевидно, с одобрения комиций. [{1234}](#)

Правда, некоторые авторы по-другому рассказывают о начале проскрипций. Орозий пишет, что Рим наполнился головорезами Суллы, которые убили множество людей из злобы или жажды добычи. Это вызвало всеобщее негодование, которое выразил Квинт Лутаций Катул, чей отец погиб во время марианских репрессий. Он обратился к Сулле с укоризненным вопросом: «С кем же мы будем жить, наконец, если на войне убиваем вооруженных, а в мирное время — безоружных?» Тогда по совету центуриона-примипила Фурсидия Сулла ввел проскрипции, чтобы упорядочить террор (V. 21. 2–3).

А вот какую историю рассказывает Плутарх: «Кровавым делам в городе не было ни числа, ни предела, и многие, кто и дел-то с Суллой никаких не имел, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая

своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец один из молодых людей, Гай Метелл,^{1235} отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно стало ожидать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим тебя, — сказал он, — не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых». На возражение Суллы, что он-де еще не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать». И Сулла обещал сделать это. Некоторые, правда, приписывают эти слова не Метеллу, а какому-то Фуфидию, одному из окружавших Суллу льстецов. Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек,^{1236} а на третий день — по меньшей мере еще столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамятовал, будут внесены в список в следующий раз» (Суллa. 31.1–6).

У этих историй есть очевидные изъяны. Прежде всего их авторы не учитывают, что между битвой при Коллинских воротах и упомянутым заседанием сената прошло совсем немного времени, один-два дня,^{1237} за которые сулланцы вряд ли могли совершить что-то из ряда вон выходящее. Но даже если так, возникает вопрос: а кого они убили помимо явных марианцев? Ни одного имени, ни одного эпизода. По-видимому, Плутарх и Орозий описали ситуацию, которая возникла после начала проскрипций.

Выходит, оба этих автора (или их источники) все выдумали? Ведь первый писал почти через 200 лет после событий, другой — через 500. Вряд ли речь идет о вымысле, но напутать вполне могли: коль скоро Плутарх и Орозий рассказывают о положении дел после начала проскрипций, то и возмущаться Катул и Метелл могли именно проскрипциями.^{1238} А вот Фуфидий, возможно, имел основания заранее просить Суллу умерить гнев и ввести террор в какое-то русло. Флор пишет, что он даже спас кое-кого от гибели (III. 21. 25). Фуфидий,^{1239} как уже говорилось, был центурионом-примипилом, а потому не принадлежал к верхам общества. И хотя он водил знакомство с весьма высокопоставленными римлянами,^{1240} среди его знакомых людей, далеких от власти, было куда больше, чем у Метелла или Катула. В случае разгула бесконтрольного террора их некому было защитить, публикация списков осужденных внесла бы хоть какую-то ясность. Если именно

такими намерениями руководствовался Фуфидий, то он жестоко ошибся.

Эдикт о проскрипциях предусматривал следующее: того, кто попал в списки «врагов», любой мог безнаказанно убить^{1241} и даже получить за это награду — 48 тысяч сестерциев за голову. Имущество проскрипта конфисковывалось; за его укрывательство грозила смерть; его дети и внуки лишались гражданской чести, права на родительское имущество и не могли занимать магистратур, однако обязаны были нести повинности, связанные с их сословным положением (Плутарх. Сулла. 31. 7–8; Катон Младший. 17.5; Ливии. Периоха 89; Веллей Патеркул. П. 28. 4 и др.).

Таким образом, Сулла предлагал принять участие в избиении проскриптов всем желающим. Кроме того, он заявил, что пополнит список новыми именами, если кого-то забыл, и тем откровенно провоцировал доносительство. Сулла словно кидал кость толпе, которая, как говорил Саллюстий, считала честным все, за что ей платили (Югуртинская война. 86.3). Плутарх писал, что проскрипции были встречены всеобщим недовольством. Но он имел в виду скорее представителей высших классов, против которых в первую очередь и были направлены репрессии. Неудивительно, что Сулла, как указывает Плутарх, не посоветовался с магистратами — их избирали еще при марианцах, и многие из них сами попали в списки осужденных, а другие вряд ли одобрили бы новые бессудные расправы. Да и вообще их мнения не интересовали победителя, оружием доказавшего свое право карать и миловать. Из простолюдинов же кое-кто увидел в проскрипциях неплохую возможность подзаработать и не преминул воспользоваться ею^{1242}. Впрочем, таких «умельцев» было вряд ли много — львиную долю конфискованного захватывали приближенные Суллы.

Чьи же имена значились в первом списке? Разумеется, вожди побежденной группировки: Гней Карбон, Гай Марий, Гай Норбан, Квинт Серторий, но также и Луций Сципион, к числу марианских лидеров не относившийся, но занимавший консульскую должность в 83 году и «нарушивший» соглашение с Суллой. О них сообщает Орозий (V. 21. 3). Но можно не сомневаться, что в списке шла речь вообще о всех сколь-либо заметных марианцах — Гнее Домиции Агенобарбе, Марке Марии Гратидиане, Марке Юнии Бруте, Марке Перперне Вейентоне, Квинте Валерии Соране и других. В последующих проскрипциях упоминались, очевидно, менее именитые люди — представители италийских общин, личные недруги сулланцев и т. п. «И всего более, — как ядовито замечает Аппиан, — свирепствовали против лиц богатых» (ГВ. I. 96. 447). Чего и

следовало ожидать.

Свора убийц с энтузиазмом набросилась на своих жертв. Не вполне ясно, когда казнили Цензорина, Каррину и Дамасиппа — до публикации первого списка или все-таки после, но это, в сущности, не имеет значения. У сикариев, как называли в Риме головорезов, была и другая работа.

Одним из первых убили претора Марка Мария Гратидиана, родственника победителя кимвров. Его вытащили из козьего хлева, где он прятался, привели на могилу Катула и совершили своеобразное жертвоприношение манам^{1243} коллеги Мария. Сказать, что смерть несчастного была мучительной, — не сказать ничего. Ему выкололи глаза, отрезали уши, вырвали язык, отрубили руки, перебили голени, чтобы он «умирал постепенно, теряя один член за другим» (Флор. III. 21. 26; Сенека. О гневе. III. 18). И лишь после, насладившись мучениями обреченного, палачи разрубили его на куски. Как писал полтора века спустя поэт Марк Анней Лукан, Марий Гратидиан стал «жертвой, способной снискать лишь одно отвращение тени» Катула (Фарсалия. II. 175–176). Голову Мария отослали под Пренесте вместе с головами Цензорина, Каррины и Дамасиппа (Орозий. V. 21. 8).

Конечно, и на совести марианцев немало жестокостей. Но ни о чем подобном со стороны последних источники, пристрастно фиксирующие каждое их злодеяние, не сообщают.^{1244} В чем же причина такой свирепости? Конечно, Марий Гратидиан был известным деятелем своей группировки, возможно, участвовал в операциях по разгрому сил сената в 87 году,^{1245} однако чем-то особенным вроде бы не отличился.^{1246} Но так только кажется. Ведь именно он стал автором закона, который стабилизировал денежное обращение и тем отнял у должников надежду на уменьшение долга из-за инфляции. А их среди нобилей, в том числе и сторонников Суллы, было более чем достаточно. Впоследствии Макиавелли скажет: «Люди скорее простят потерю отца, чем потерю имущества».^{1247} Теперь посягнувшим на святое приходилось платить сполна.^{1248}

Античные авторы уверяют, что расправой руководил Луций Сергий Катилина, будущий знаменитый заговорщик. По словам Плутарха, он отнес голову убитого Сулле, после чего отправился к храму Аполлона и омыл руки в священной кропильнице (Сулла. 32.4). Он, как уверяет тот же автор, расправился с Гратидианом в благодарность за то, что Сулла позволил ему внести в проскрипции собственного брата после того, как тот уже был убит

Катилиной (Сулла. 32.3; Цицерон. 10.3). Однако все это вызывает сомнения. Цицерон и Саллюстий, которые при своей неприязни к Каталине вряд ли упустили бы такую колоритную подробность, как братоубийство, молчат о нем. Плутарх же, рассказывавший эту историю, жил почти два столетия спустя и поверил явно вымышленной истории^{1249} — биография легендарного заговорщика еще в Средние века продолжала обрастать самыми невероятными подробностями.^{1250} Не совсем ясно также, почему Саллюстий не упомянул о роли Каталины в дикой расправе с Марием Гратидианом, а Цицерон говорил о ней лишь перед собственным избранием в консулы,^{1251} но не упомянул в речах против Каталины в 63 году. Высказывалось предположение, что казнь Мария совершил друг будущего заговорщика, Катул-младший, мстивший за отца родственнику победителя кимвров.^{1252} Это вполне возможно, но вряд ли Катилина вообще не был причастен к расправе.^{1253} Ему также приписывали убийство Квинта Цецилия, Марка Волумния, Луция Танузия, а также кого-то из Нанниев (Квинт Цицерон. О соискании консульства. 9; Асконий. 84С). Сейчас уже трудно проверить, насколько верны эти слухи, но вряд ли они были совершенно безосновательны.^{1254}

Почему именно Катул руководил расправой? На сей счет сведений нет. Позволим себе еще одно предположение. Дело в том, что Марий Гратидиан, как уже говорилось, был, видимо, трибуном 87 года, который и вызывал в суд Катула-старшего (Бернские схолии к Лукану. П. 173). Погибли также Марк Плеторий, Лукреций Веспиллон, Ветулей, Бурриен и многие другие люди сенаторского и всаднического ранга. Аппиан пишет, что людей убивали там, где настигали — на улице, в домах, в храмах; некоторые в страхе бежали к Сулле, надеясь на его заступничество, но и это их не спасало (ГВ. I. 95. 443).

Античные писатели сохранили несколько историй о гибели римлян, никак не ожидавших расправы. Про некоего Лоллия рассказывали, что он подошел к списку проскрибированных и стал читать его, ничего не подозревая, однако увидел там свое имя и попытался улизнуть, покрыв голову. Его убили тут же, на форуме (Орозий. V. 21. 4). Другой, не названный по имени человек, читая первый список, отпускал язвительные замечания по адресу внесенных в него, но когда увидел, что сам попал во второй, также попытался бежать с покрытой головой и также был застигнут и предан смерти (Диодор. XXXVIII. 19). Может, речь шла все о том же Лоллии,^{1255} а с другой стороны, всякий, заметив свое имя среди проскриптов, захотел бы бежать неузнанным, а посему такое могло

произойти не с одним и не с двумя людьми.

Среди пострадавших оказался и Квинт Аврелий. «Человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он сострадает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: «Горе мне! За мною гонится мое альбанское имение!»^{1256} Он не ушел далеко, кто-то бросился за ним следом и прирезал его» (Плутарх. Сулла. 31. 11–12). А кто-то, очевидно, завладел альбанским поместьем Аврелия.

Еще более драматично описывает царившие безобразия Дион Кассий, опиравшийся на повествования о репрессиях эпохи Империи. Те, кто подходил к спискам опальных, обвинялся в излишнем любопытстве, а те, кто этого не делал, — в пренебрежении распоряжениями властей. Карали даже за слезы или улыбку, появлявшиеся на лицах людей, читавших проскрипции (XXX–XXXV. 107.14–16). Как тут не вспомнить знаменитый рассказ Тацита о соглядатаях Нерона, которые запоминали имена и лица тех, кто не слишком усердно посещал спектакли с участием императора, и о воинах, которые били зрителей, не аплодировавших властителю с должной стройностью! (Анналы. XVI. 5.)

Конечно, в этих рассказах немало чисто литературных черт, что-то в них наверняка преувеличено,^{1257} но факт остается фактом: убивали зачастую людей, не имевших отношения к политике. С одними сводили счеты недруги, других погубило собственное богатство, вызывавшее у многих желание завладеть им путем устранения владельца. Любопытно, что античные писатели, много и охотно повествовавшие об ужасах марианских убийств 87–86 годов, таких сюжетов применительно к ним не рассказывали. Сулла, несомненно, знал о «перегибах», но неизвестно, чтобы он хоть раз отнял у убийц нажитое подобным образом, не говоря уже о каких — то наказаниях. Так что попытки объяснить садистскую жестокость Суллы во время проскрипций тем унижением, которое пережил он, когда его объявили врагом, разрушили его дом, чуть не погубили семью и т. д.,^{1258} не вполне удачны. За это логично было карать недругов, но как объяснить гибель невинных? И все же доля истины в таких рассуждениях есть: Сулла с немалым трудом добился славы и почестей, добился консулата, недоступного его фамилии почти два века, и вот его захотели лишить плодов заслуженного успеха. И те, кто не понял, на чьей стороне справедливость и вовремя не перешел на сторону Суллы, для него просто не существовали. Их судьба его не волновала.

Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов. [{1259}](#)

Источники называют разные цифры погибших во время проскрипций. Аппиан пишет о 40 сенаторах и 1600 всадниках, внесенных в списки опальных уже в начале террора, а затем о 90 сенаторах и 2600 всадниках, убитых и изгнанных при Сулле (ГВ. I. 95. 442; 103. 482). Но сколько из них было уничтожено, неясно. К тому же речь идет, видимо, о жертвах не только Суллы, но и марианцев. [{1260}](#) Валерий Максим сообщает о 4700 умерщвленных проскриптах (IX. 2. 1). Вряд ли, однако, кто-либо вел точную статистику погибших и выживших. К тому же среди палачей было немало простолудинов, которые имели прекрасную возможность сводить счеты с такими же низкородными людьми — мало ли с кем они смогли в свое время поссориться или подраться? Вряд ли имена таких жертв попадали в проскрипции. В списки имело смысл вносить состоятельных людей, чтобы завладеть их имуществом, а бедняки никого не интересовали.

Таким образом террор носил, как обычно это и бывает, бесконтрольный и «неформальный» характер. И когда мы говорим о проскрипциях, мы, конечно, имеем в виду жертв сулланской резни независимо от того, были они внесены в списки или нет. Дионисий Галикарнасский пишет, что при Сулле погибло, не считая убитых в сражениях, 40 тысяч человек (V. 77. 5). Конечно, эта цифра носит условный характер и, по-видимому, преувеличена, поскольку никто всерьез подсчетом жертв не занимался. Но то, что речь должна идти о пятизначных цифрах, сомнений не вызывает.

Это тем более вероятно, что от проскрипций пострадал не только Рим. Страшный удар обрушился на несчастную Италию, подобно тому, как события Варфоломеевской ночи не ограничились одним Парижем. [{1261}](#) Приспешники Суллы рассыпались по ее городам и селениям, грабя и убивая тех, кого считали нужным (Дион Кассий. XXX–XXXV. 109. 9). Яркую картину одной из таких расправ нарисовал в речи «За Клуенция» Цицерон. В самнитском городе Ларине некоего Оппианика обвинили в том, что он организовал убийство своего сонаследника Марка Аврия. Обвинение выдвинул родственник погибшего, Авл Аврий, который стал настраивать жителей Ларина против Оппианика, но тот бежал в лагерь Метелла Пия и присоединился к сулланцам. После их победы он приехал в

родной город во главе отряда и навел там «порядок»: отстранил от власти кваттуорви́ров — членов коллегии четырех, избранных населением и управлявших общиной, — и назначил себя и еще трех человек на их место, ссылаясь на волю Суллы. Затем Оппианик внес в проскрипции и казнил двух Авлов Авриев, в том числе и своего обвинителя, сына одного из них, Гая, а также некоего Секста Вибия. Граждане Ларина не смели и слова молвить, боясь разделить их участь (За Клуенция. 19–25). В другой речи Цицерон рассказывает, что тесть плебейского трибуна Сервилия Рулла округлил свои земельные владения под Казином в Лации, проскрибировав многих видных людей (Об аграрном законе. III. 14).

Как уже говорилось, по римским законам тому, кто хотел избежать смертной казни, позволялось уйти в изгнание. Однако проскрипции этого не предусматривали. Если Сулле было угодно, то проскрипта преследовали повсюду. Консул 83 года Гай Норбан после падения Аримина прекратил борьбу и отбыл на Родос, но это его не спасло — жестокий победитель потребовал выдачи беглеца. Пока местный совет обсуждал, как поступить — ведь под угрозой оказывалась репутация их города как убежища для изгнанников,^{1262} — Норбан покончил с собой на городской площади (Аппиан. ТВ. I. 91. 422). Ливии уверяет, что его уже хотели схватить, но он успел пронзить себя мечом (Периоха 89). Этот пример показывал, что проскриптам нет спасения, что они, выражаясь словами Саллюстия, «стерты с лица земли» (История. П. 14).^{1263}

Впрочем, не ко всем Сулла был так суров. Коллега Норбана по консулату Луций Сципион, которого Сулла обвинял в нарушении мира и внес в проскрипции одним из первых, удалился в изгнание в Массалию (Цицерон. За Сестия. 7). Его там никто не тревожил, и он спокойно дожил там остаток дней — оказавшийся, по-видимому, не столь уж большим.^{1264} По-видимому, Сципиона спасла его знатность, а так же то, что к лидерам марианской группировки он все-таки не принадлежал — Сципион лишь верно служил им. Повезло и некоторым другим, менее родовитым проскриптам — Гнею Децидию, Авлу Требонию, Луцию Фидустию. Фидустий оказался личностью в своем роде уникальной, попав в проскрипции вторично — уже во времена второго триумvirата. На сей раз, однако, ему спастись не удалось.^{1265}

Стоит отметить, что Сулла расправлялся не только с живыми. Он велел вырыть останки Мария и бросить их в Аниен. Памятники его побед были разрушены; восстановление их молва приписывала Цезарю (Цицерон. О законах. П. 56; Валерий Максим. IX. 2. 1; Светоний. Юлий. 11).

Террор позволил обогатиться очень многим приспешникам нового режима. «Сулла, овладев Римом, стал распродавать имущество казненных... и стремился сделать соучастниками своего преступления возможно большее число лиц, и притом самых влиятельных» (Плутарх. Кресе. 2.4). Не исключено, конечно, что Плутарх немного преувеличил — Сулле ни к чему было толкать своих сторонников к участию в дележе «трофеев», ибо они и сами проявляли к тому немало охоты. Во всяком случае, неизвестно, чтобы диктатор склонял к этому кого-то конкретно. Но суть событий от того не меняется.

Богатейшие поместья Секста Росция, стоявшие, по словам Цицерона, 6 миллионов сестерциев, вольноотпущенник Суллы Корнелий Хрисогон купил за 2 тысячи (Цицерон. За Росция. 6). Центурион Луций Лусций, если верить Цицерону, нажил себе состояние не менее 10 миллионов сестерциев. В 64 году его, правда, осудили, но, очевидно, лишь потому, что он не мог похвастаться знатным происхождением и не имел политического влияния (Асконий. 9091C). А вот более родовитым сулланцам это вполне сходило с рук. Особенно «прославился» умением делать деньги на крови Марк Лициний Кресе. Про него говорили, что он скупает за бесценок или выпрашивает себе в дар громадные состояния, а в Бруттии, на юге Италии, внес кого-то в проскрипции без разрешения Суллы, который-де после этого перестал пользоваться его услугами (Плутарх. Кресе. 2.4; 6.8). Но причины размолвки могли быть самыми разными — недаром же Плутарх осторожно пишет: «говорили». Одни говорили одно, другие — другое. Вполне возможно, что Кресе преувеличивал свою роль в битве при Коллинских воротах, приписывая весь успех себе. Нажился на имуществе проскриптов и вовремя перешедший на сторону победителей Марк Эмилий Лепид (Саллюстий. История. I. 55. 18). Прибрал ли что-либо к рукам сам Сулла, неизвестно. Но очевидно то, что он сквозь пальцы смотрел на «проделки» своих приближенных.

Несмотря на то, что имущество проскрибированных уходило за бесценок, общая выручка от его «реализации» составила 350 миллионов сестерциев (Ливии. Периоха 89).^{1266} Подлинная же стоимость проданного, по самым скромным подсчетам, составляла никак не менее 2,3 миллиарда сестерциев.^{1267} Для сравнения заметим, что минимум, которым должен был обладать представитель всаднического сословия, составлял 400 тысяч сестерциев. Конечно, казненные владели куда большими деньгами, но даже в этом случае масштабы конфискаций впечатляют. Сулла не стеснясь говорил, что продает свою добычу

(Цицерон. Против Верреса. П. 3. 81; Об аграрном законе. П. 56).

Тем не менее проскрипции затронули лишь какую-то часть правящего класса, а убитые в италийских городах мало интересовали римлян. Подавляющее большинство их жило своей жизнью, беспокоясь не столько о своей безопасности, сколько о хлебе насущном. Кто-то, наверное, радовался тому, что «богатые тоже плачут». Кто-то погрел руки на несчастье ближних.

Однако все это, разумеется, не дает повода преуменьшать отрицательное значение проскрипций. Это была самая масштабная к тому времени акция по уничтожению одних римских граждан другими.^{[1268](#)} Апологет Суллы Беллей Патеркул писал: «Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа [Мария], не последуй за ней Суллова... В этом государстве, где назначают судебное следствие по поводу оскорбления любого гистриона, открыто устанавливается вознаграждение за убийство римского гражданина, и наибольшую выгоду имеет тот, кто больше убьет; вознаграждение за убийство врага было не больше, чем за убийство гражданина, и каждый должен был сам оплачивать свою смерть» (П. 28. 1 и 3).

Иными словами, террор морально развращал римлян. И хотя большинство их в расправах не участвовало, они привыкали к тому, что жестокость, произвол и несправедливость даже в таких крайних формах вещи вполне обычные и безнаказанные. «Плохая политика портит нравы», — как сказал поэт.^{[1269](#)} Платоновский Сократ рассуждал о том, что заботящиеся о государстве должны «сделать сограждан как можно лучше. Ведь без этого... любая иная услуга окажется не впрок, если образ мыслей тех, кому предстоит разбогатеть, или встать у власти, или вообще войти в силу, не будет честным и достойным» (Горгий. 513e — 514a). Если соотнести эти слова с делами Суллы и его сторонников, то остается лишь горько улыбнуться — о какой честности и о каком достоинстве могла тут идти речь? Царило право сильного, декларации о необходимости наказывать марианцев вряд ли воспринимались всерьез — просто те, кто взял верх, пользовались правом победителя и делали что хотели. Конечно, при Марии и Цинне происходило много неприятного, но чтобы такое?!

Подобным образом понимал случившееся и Саллюстий: «Все начали хватать, тащить; один желал завладеть домом, другой — землями, причем победители не знали ни меры, ни сдержанности и совершали против сограждан отвратительные и жестокие преступления... Удачи ослабляют дух даже мудрых. Как же, добившись победы, могли оставаться

умеренными людьми с испорченными нравами?» (Заговор Катилины. 11.4 и 8). Падение нравов не происходит само по себе, оно начинается, когда для того появляются благоприятные условия. И Сулла, безусловно, этому способствовал.

Слово «проскрипции» стало нарицательным. Его стали применять и к марианским репрессиям (Валерий Максим. V. 3. 3; Евтропий. V. 7. 3). А Евтропий, желая выгородить Суллу, дошел до того, что не только назвал проскрипциями убийства, совершавшиеся марианцами, но и умолчал о сулланских.^{1270} Но тем он лишь еще раз подтвердил тот очевидный факт, что оправдать их невозможно.

Согласно эдикту о проскрипциях, они должны были закончиться 1 июня 81 года (Цицерон. За Росция. 128).^{1271} Но не закончились. Как часто бывало в истории, палачи и доносчики вошли во вкус и продолжали творить свое черное дело без принуждения со стороны диктатора, а иногда и помимо его воли. Между тем гражданская война еще не завершилась. Продолжали оказывать сопротивление многие италийские города — Норба, Нола, Эзерния, Волатерры и, конечно, Пренесте. Марианцы попрежнему удерживали богатейшие провинции — Сицилию, Африку, Ближнюю Испанию. Туда стекались их товарищи, спасшиеся от резни в Италии.

Однако все это уже не могло изменить главного — Сулла и его приверженцы победили. И новым веским доказательством этого стало падение Пренесте. Возможности обороны города были исчерпаны. Марий попытался спастись по подземному ходу. По одной версии, его убили, когда он пытался выйти наружу, по другой — он покончил с собой вместе с младшим братом Понтия Телезина, когда увидел, что подземный ход занят врагами. Публий Цетег, бывший марианец, а ныне перебежчик, уговаривал пренестинцев довериться Сулле и сложить оружие. Измученные голодом и безнадежностью, они сдались на милость победителей (Ливии. Периоха 88; Беллей Патеркул. П. 27. 4; Плутарх. Сулла. 32.1; Аппиан. ТВ. I. 94. 434).^{1272}

Когда голову Мария Младшего доставили Сулле, он саркастически процитировал «Всадников» Аристофана, издеваясь над молодостью консула: «Сначала надо научиться грести, а потом уже братья за руль» (Аппиан. ТВ. I. 94. 435). То, что сражавшийся на его стороне Помпей командовал армией в еще более юном возрасте, разумеется, значения не имело: своим — можно, врагам — нельзя.

Жителей Пренесте ожидала суровая участь — «время милости прошло».^{1273} После капитуляции Офелла немедленно казнил марианских

командиров сенаторского ранга, а остальных взял под стражу. Вскоре в город прибыл Сулла, который начал вершить над ними суд — разумеется, «скорый и правый»: обвиняемые были казнены. Коекого из прочих — вероятно, имевших знакомых среди победителей, — сразу отпустили. Остальных пленников — 12 тысяч человек — он разделил на три группы: римлян, самнитов и пренестинцев. Первых Сулла отпустил, произнеся перед ними речь, в которой объявил им: хотя они и совершили поступки, достойные смерти, он все же прощает их. Испытывали ли помилованные благодарность или затаили злобу? Мы этого уже не узнаем. Но совсем скоро они смогли убедиться в том, как им повезло — всех пренестинцев и самнитов Сулла приказал перебить (Плутарх. Сулла. 32.1; Аппиан. ТВ. I. 94. 436–438).

Это была уже вторая резня такого масштаба после битвы при Коллинских воротах. Плутарх рассказывает на сей счет еще одну драматическую историю. Сулла даровал жизнь хозяину дома, у которого остановился. Но тот гордо заявил, что не желает быть обязанным спасением палачу родного города, и, смешавшись с обреченными на смерть согражданами, погиб вместе с ними (Сулла. 32.2).

Жестокую расправу учинили сулланцы и в городе пелигнов Сульмоне. Он был полностью разрушен безжалостными победителями (Флор. III. 21. 28). Судьба его жителей неизвестна, но обычно в таких случаях мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство.

Еще одним успехом сулланцев стал захват Сицилии Помпеем. По всей видимости, у него была тайная договоренность с наместником острова Марком Перперной Вейентоном^{1274} — тем самым, который похвалялся, что высадится в Италии и освободит от осады Пренесте. Перперна не оказал никакого сопротивления и без лишнего шума покинул Сицилию, избавив ее от тягот бессмысленной войны. К слову сказать, столь же благоразумно поступил в 49 году, во время войны с Цезарем, Катон Младший, не желавший подвергать остров ненужному разорению (Плутарх. Катон Младший. 53.4; Аппиан. ГВ. П. 40; Дион Кассий. XLI. 41. 1). Плутарх пишет, что на Сицилии «Помпеи карал, и то лишь по необходимости, наиболее знатных и явных врагов Суллы, захваченных в плен, остальным же, насколько было возможно, позволял скрыться, а некоторым даже сам помогал бежать» (Помпеи. 10.10). Имен бежавших писатель не называет, но главным из тех, кто спасся таким образом, был, очевидно, сам наместник острова — Марк Перперна.

Иной оказалась участь Гнея Папирия Карбона. Ливии пишет, что он

бежал на остров Коссуру^{1275} (ныне Пантеллерия). Оттуда он послал Марка Брута к Лилибею, что на западе Сицилии, чтобы разведать положение дел. Лодку Брута окружили враги, и он покончил с собой. Вскоре люди Помпея захватили в плен Карбона и привели его к своему командующему. Античные писатели сурово порицали Помпея за то, что тот заставил стоять перед собой пленника, трехкратного консула, а сам, не бывший даже квестором, сидел перед ним. К тому же в 86 году Карбон помог молодому человеку во время судебного процесса. «Но Помпеи всегда без колебания предавал старых друзей, если того требовала ситуация. Связь с Карбоном была для него лишним поводом подчеркнуть преданность Сулле актом примерной суровости».^{1276} В сущности, выбора победитель не имел — если, конечно, рассчитывал на дальнейшую карьеру. Рассказывали, будто обреченный попросил перед казнью дать ему возможность справить нужду, чем, естественно, вызвал насмешки врагов. А Ливии и вовсе писал, будто Карбон умер, «рыдая, как женщина» (Периоха 89; см. также: Валерий Максим. VI. 2. 8; Плутарх. Помпеи. 10. 4–6; Флор. III. 21. 26; Аппиан. ГВ. I. 96. 449; Евтропий. V. 8. 2). Увы, историю писали победители, а Карбон принадлежал к числу побежденных и потому не мог рассчитывать на их снисхождение даже посмертно.^{1277}

Помпеи казнил также и Квинта Валерия Сорана — по-видимому, плебейского трибуна 82 года.^{1278} Он был известен своей ученостью, но совершил чудовищное святотатство, огласив тайное имя богини — покровительницы Рима (Сервий. Комментарий к «Энеиде». I. 277; Плиний Старший. III. 65; Плутарх. Римские вопросы. 61). В его гибели видели воздаяние за этот поступок. Друг Цезаря Гай Оппий рассказывал, будто Помпеи принял Валерия милостиво, во время прогулки выпросил у него нужные сведения, а потом приказал предать смерти. «Однако к рассказам Оппия о врагах и друзьях Цезаря следует относиться с большой осторожностью», — благоразумно оговаривается Плутарх (Помпеи. 10. 7–9).

Но в целом Помпеи вел себя достаточно умеренно. Так, в Гимере он пощадил вожака промарианской группировки Стенния, а тех из своих воинов, которых уличил в грабежах, разоружил. Это, конечно, не означает, что в отношениях между посланцем Суллы и сицилийскими общинами царили идиллические отношения, но в целом провинция отделалась, что называется, легким испугом (Цицерон. Против Верреса. II. 2. 113; Плутарх. Помпеи. 10. 11–14). Помпеи завел здесь обширные связи, в том числе, как это было со Стеннием, в среде бывших марианцев.^{1279}

Следующей целью Помпея стала Африка. В свое время ее наместник Фабий Адриан выбил оттуда Метелла Пия, но в начале 82 года он стал жертвой мятежа: жители Утики сожгли его в собственной палатке (Цицерон. Против Верреса. II. 1. 70; 5. 94; Диодор. XXXVIII. 4; Ливии. Периоха 86; Валерий Максим. IX. 10. 2; Орозий. V. 20. 3). Однако сама провинция осталась под контролем марианцев. Теперь сюда стекались уцелевшие враги Суллы. Их возглавил зять Цинны, молодой Гней Домиций Агенобарб. Возможно, его собственные силы не представляли большой угрозы, однако его поддержал нумидийский царь Иарб, который в свое время изгнал с помощью марианцев прежнего царя Гиемпсала и занял его место.^{1280} Одна часть армии Помпея высадилась в Карфагене, другая — в Утике. На его сторону перешло семь тысяч вражеских воинов. Правда, вскоре кто-то из солдат Помпея добыл немало денег — как все считали, они нашли клад. Тогда остальные воины принялись перекапывать местность, надеясь найти там сокровища карфагенян. Полководцу ничего не оставалось, как с усмешкой наблюдать за достойными лучшего применения усилиями подчиненных, пока те не убедились в их тщетности (Плутарх. Помпеи. 11).

Зато куда больший успех сопутствовал им в борьбе с неприятелем. Несмотря на непогоду, войска Помпея не только разгромили Домиция и Иарба в ожесточенном сражении, но и захватили их лагерь. Оба они попали в плен и были казнены.^{1281} Солдаты провозгласили своего молодого командующего императором. Однако он не остановился на достигнутом, но продолжил наступление и вторгся на территорию Нумидии, чтобы напомнить «варварам»: смута в Риме окончена, и мощь его велика попрежнему. Царскую власть вновь получил Гиемпсал. К победам над врагом Помпеи прибавил победы над львами и слонами, на которых охотился несколько дней. Он говорил, что даже звери Африки должны почувствовать силу Рима (Плутарх. Помпеи. 12; Ливии. Периоха 89; Евтропий. V. 9. 1; Орозий. V. 21. 13). Но дело было, возможно, не только в страсти молодого полководца к кровавому развлечению. Любовь к охоте на столь крупных животных, как львы и слоны, — одна из черт настоящего царя, и успех в ней в глазах местных жителей значил немало.

Последним оплотом марианцев оставалась Ближняя Испания. Ею управлял в ранге проконсула Квинт Серторий — тот самый, что захватил в свое время Суэссу и дал Сулле повод прервать переговоры с Луцием Сципионом. Он показал себя примерным наместником — ограничил злоупотребления своих помощников, отменил постой войск в городах,

снизил налоги, наладил добрые отношения с местной знатью. Заодно он активно готовился к войне с Суллой — вооружил римских поселенцев, запер проходы в Пиренеях, начал строить флот и даже, видимо, заключил тайный союз с киликийскими пиратами (Плутарх. Серторий. 6–7; Эксуперанций. 7.51Z).^{1282}

Однако силы были неравны. Против него выступила армия проконсула Гая Анния Луска, которая после недолгой заминки миновала пиренейские проходы — оборонявший их Ливии Салинатор пал жертвой предательского убийства. Несмотря на всю свою подготовку к войне, Серторий в решающий момент оказался без армии — то ли римские поселенцы вообще не явились под его знамена, то ли разбежались, когда враг занял проходы в Пиренеях. Марианскому наместнику пришлось погрузиться с трехтысячным отрядом на корабли и уходить в открытое море (Плутарх. Серторий. 7. 1–4). Он еще напомним о себе, но это будет лишь через год. А пока сулланцы могли праздновать победу — последняя провинция, находившаяся под властью их врагов, была покорена.

Борьба, как ни странно, продолжалась в Италии. К югу от Пренесте все еще держалась Норба (Норма), старинная колония латинского права. Однако в начале 81 года^{1283} Эмилию Лепиду^{1284} удалось проникнуть в город с помощью измены. Аппиан пишет, что жители, возмущенные изменой, начали убивать друг друга, сами кончали с собой, поджигали собственные дома. Поднялся ветер, пламя разрослось, и Норба сгорела, не оставив победителям добычи (ГВ. I. 94. 439).

Лишь в 80 году пала Нола. Оборонявший ее Папий Мутил, один из консулов восставших италийцев еще во времена Союзнической войны, каким-то образом сумел бежать. Закутав голову, он явился через черный ход в дом своей жены Бастии,^{1285} но она не пустила его — за укрывательство такого гостя ей грозили крупные неприятности. Папий покончил с собой, обрызгав кровью порог дома жены (Ливии. Периоха 89; Граний Лициниан. 32F).

Еще позже, в 79 году, пала Эзерния в Самнии. Ее осадой и взятием руководил, по-видимому, Катилина.^{1286} В том же году прекратили сопротивление и Волатерры в Этрурии. Во время осады бывший претор Гай Карбон, брат казненного Помпеем консуляра, руководивший осадой, пытался подтянуть дисциплину в войсках, но солдаты взбунтовались и забросали его камнями. Спустил с рук им это преступление Сулла, как в свое время убийцам Постумия или нет, — неизвестно. Однако он счел нужным на какое-то время прибыть в лагерь под Волатерры — неясно,

впрочем, до гибели Карбона или после. Когда жители города сдались, из Волатерр вышли проскрипты — видимо, по условиям капитуляции. Однако их нагнали всадники, посланные консулами Аппием Клавдием Пульхром и Публием Сервилием Ватией, которые перебили проскрибированных (Валерий Максим. IX. 7. Военные примеры. 3; Граний Лициниан. 32F; Цицерон. За Росция. 20; 105).

Глава 12

ДИКТАТУРА

Но вернемся в 82 год. Перед Суллой стояла вполне очевидная задача — узаконить свое положение. Он продолжал оставаться проконсулом, что не давало ему права войти в Рим и вершить в нем дела по своему усмотрению.^{1287} Конечно, можно было пренебречь юридическими условностями и исходить из элементарного перевеса сил — с его легионами никто не справился бы. Однако таким путем Сулла пойти не мог, ибо тем самым он признал бы незаконность своей власти. Сломив внешнее сопротивление, он не смог бы преодолеть внутреннее.

В конце концов победоносный полководец «порекомендовал» сенату избрать ввиду отсутствия консулов интеррекса. Patres отдали предпочтение принцепсу сената Валерию Флакку. Ожидали, что тот проведет выборы. Но случилось иное. Сулла, все еще, по-видимому, не вернувшийся из-под Пренесте,^{1288} обратился к нему с письмом. В нем говорилось следующее. По его мнению, было бы целесообразно вернуться к диктаторской форме правления, к которой в Риме не прибегали уже четыре столетия. Тот, кто удостоится избрания, будет править не какое-то заранее определенное время, а столько, сколько потребуется для приведения дел в измученной междоусобицами Римской державе в должное состояние. В завершение автор без ложной скромности указывал, что именно он, по собственному мнению, был бы наиболее полезен Риму на этой должности (Аппиан. ТВ. I. 98. 459–460).^{1289}

Возникает вопрос: почему Сулла говорит, будто диктатуру не вводили уже 400 лет? Ведь последний раз диктатора избирали за 120 лет до этого, на что и указывают в данном случае Беллей Патеркул (П. 28. 2) и Плутарх (Сулла. 33.1).^{1290} Одни считают, что речь в письме шла не о четырех веках, а о четырех поколениях, по 30 лет каждое;^{1291} другие думают, что подразумевается не последняя, а первая диктатура, которую действительно ввели в Риме примерно за 400 лет до того;^{1292} а может, речь вообще шла о царской власти, павшей около 430 лет назад.^{1293}

По-видимому, на самом деле Сулла вспомнил о совершенно особой форме правления, которая существовала в Риме всего один раз — о власти децемвиров. Эта была коллегия из десяти человек, которая должна была

составить первый свод законов Республики (451–449 годы до н. э.). Она избиралась в двух составах, и члены второго состава отнюдь не спешили сложить с себя практически неограниченную власть. Однако в конце концов им пришлось уступить нажиму сената, а их главе, Аппию Клавдию, обвиненному в узурпации власти, — даже покончить с собой. Конечно, прибегать к самоубийству Сулла не собирался, а вот опыт децемвиров решил использовать. Но обо всем по порядку.

Валерий Флакк внес в комиции законопроект о назначении Луция Корнелия Суллы диктатором. Разумеется, возражений не последовало, и победитель Италии и Рима облекся высшей властью в государстве. Это произошло, как считается, в начале декабря 82 года.^{1294} «Было постановлено, что он не несет никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их, кому вздумается» (Плутарх. Сулла. 33. 1–2; Аппиан. ГВ. I. 97. 451). Раньше диктатора назначали для какой-то определенной цели (что, впрочем, не воспрещало ему проявлять себя в любой сфере деятельности). Сулле же изначально поручалось, по сути, переустройство державы, а его должность называлась *dictator legibus scribundis et rei publicae constituendae*,^{1295} то есть диктатор для издания законов и обустройства государства. Примерно так же называлась и магистратура древних децемвиров,^{1296} которая имела и то преимущество, что не была ограничена сроком.^{1297} Но диктатура, разумеется, больше устраивала Суллу — при ней не требовалось даже номинально делиться с властью с коллегами, что произошло бы при восстановлении комиссии децемвиров. Тем самым он совместил преимущества их должности с полномочиями диктатора.^{1298} Это было безусловным новшеством, равно как и то, что Сулле придавалось 24 ликтора даже в пределах померия,^{1299} тогда как его предшественников сопровождала такая свита только вне города, а в его черте — только 12 ликторов (Ливии. Периоха 89; Аппиан. ГВ. I. 100. 465).^{1300}

Любопытно и еще одно обстоятельство. Обычно диктатора назначал консул по инициативе сената, а теперь все произошло по-другому: предложение внес интеррекс, а соответствующее решение приняли комиции.^{1301} Опять, как и в случае с введением проскрипций, Сулла действовал через народное собрание, а не через сенат, чей авторитет и власть он, казалось бы, восстанавливал, борясь с марианскими «тиранами».

Очевидно, на поддержку patres ему рассчитывать не приходилось.^{1302}

Казалось бы, не все ли равно, существовало ли сходство диктатуры Суллы с древним институтом децемвиров? Да и осознавал ли его сам Сулла? Думается, что осознавал, — он был весьма осведомлен о прошлом отечества. Кроме того, один из представителей его рода, Марк Корнелий Малугинский, входил во второй состав коллегии децемвиров, а историю своего рода диктатор тоже знал очень неплохо.^{1303} Что же он хотел сказать намеками на децемвиров? Ответ прост: он давал понять, что Риму предстоят глубокие перемены. Ведь итогом деятельности децемвиров стали знаменитые Законы двенадцати таблиц — первый свод законов Римской республики. В нашем представлении конституция не вызывает особого пиетета, тем более в нашем отечестве. Но, во первых, в древности это воспринималось иначе — недаром многие законодатели подчас почитались как величайшие мудрецы. А во вторых, речь в V веке до н. э. шла о первых законах, и апелляция к ним говорила о многом. Правда, сограждане могли не оценить глубины замысла Суллы, но важно было задать тональность. Да и содержание законов должно было сказать само за себя.

И еще. История любит парадоксы, насмешки, символические совпадения, которые подчас сливаются в одном и том же событии. Так случилось и сейчас. Инициатором избрания Суллы в диктаторы (пусть и формальным, но и форма много значит) стал Луций Валерий Флакк — коллега его злейшего врага Мария по шестому консулату. Он же был назначен помощником диктатора — начальником конницы (magister equitum).^{1304}

Итак, Сулла достиг вершины власти. Теперь он добился своего — еще какие-нибудь тридцать лет назад о его фамилии мало кто помнил, а теперь он распоряжается жизнью и смертью сограждан и подданных Республики. А гордые славными предками Сципионы, Лентулы, Торкваты, Павлы, Гальбы, Марцеллы и прочие затаились и разве что вздыхают о своем ушедшем в прошлое величии. Ныне настал его час, и именно он, Луций Корнелий Сулла, будет вершить судьбы обитаемого мира.

Настала пора заняться водворением конституционного порядка. Видимо, уже в декабре 82 года Сулла провел выборы консулов.^{1305} Ими стали участник битвы при Коллинских воротах патриций Гней Корнелий Долабелла и малоизвестный представитель плебейского рода Марк Туллий Декула. Почему выбор Суллы пал на первого, понятно, но в отношении второго трудно сказать что-либо определенное. Претуру получили племянник диктатора Секст Ноний Суфен — тот самый, что проиграл

выборы плебейских трибунов в 88 году; Гней Корнелий Долабелла — кузен одного из консулов; Марк Минуций Терм, вскоре отправившийся в Азию. Предполагается, что преторами стали также Мамерк и Марк Лепиды, Квинт Лутаций Катул, Гай Папирий Карбон, Гай Клавдий Нерон.^{1306} Все они, за исключением Нония Суфена, были людьми достаточно родовитыми.

По-видимому, именно во время этих выборов произошел один крайне неприятный инцидент. Квинт Лукреций Офелла, только что взявший Пренесте и потому пользовавшийся популярностью у многих сограждан, также выдвинул свою кандидатуру на консульскую должность. Однако прежде он не был даже квестором, что вопиющим образом противоречило традиции. Сулла не желал его победы, о чем дал ему знать. Но Лукреций, очевидно, был опьянен успехом под Пренесте и поддержкой римлян. Кроме того, почему он должен уступать совершенно незначительному Декуле? Во главе толпы сограждан кандидат уже прибыл на форум, но тут его убил посланный Суллой центурион (по некоторым данным — сенатор Луций Беллиен). Толпа схватила убийцу, но диктатор заявил, что тот действовал по его приказу, ибо Лукреций проявил непослушание. И в назидание рассказал басню: «Вши кусали земледельца, когда тот пахал. Два раза он оставлял плуг, снимал исподнее платье и очищал его. А когда вши снова начали его кусать, он, чтобы не приходилось ему прерывать работу, сжег платье. И я советую тем, кого дважды победил,^{1307} не просить у меня в третий раз огня» (Аппиан. ТВ. I. 101. 471–472; Ливии. Периоха. 89; Плутарх. Сулла. 33. 5–6; Дион Кассий. XXXVII. 10. 2; Асконий. 7).^{1308} Возразить было нечего — диктатор имел право убить кого угодно без суда и следствия, что и случилось.^{1309}

Сулла приступил, наконец, к реформам, которые должны были искоренить саму возможность всяких смут в дальнейшем. Все прекрасно помнили, что первыми затеяли распри братья Гракхи — плебейские трибуны. Ту же должность занимали Сатурнин и Главция, когда противостояли «лучшим гражданам». А уж о Публии Сульпиции, который вместе с Марием хотел лишить Суллу командования в войне с Митридатом, и говорить нечего. Вывод напрашивался сам собой: если трибуны — зачинщики смут, то надо лишить их такой возможности. И диктатор нанес удар. Отныне трибуны теряли право законодательной инициативы. Они не могли теперь собирать сенат. Ограничивалось право вето (интерцессии).^{1310} Нетронутым осталось лишь право оказания трибунами помощи и защиты тому или иному лицу, *ius auxilii ferend.*^{1311} В целом их деятельность ставилась в зависимость от предварительных решений

сената. Но главное — трибунам запрещалось впоследствии занимать какие-либо иные магистратуры. Это лишало их надежд на всякую карьеру, а потому отбивало охоту у молодых честолюбивых людей занимать должность трибунов, на что, собственно, и делался расчет (Цицерон. Против Верреса. П. 1. 155; Ливии. Периоха 89; Аппиан. ГВ. I. 100. 467).

В то же время полностью ликвидировать трибунат диктатор не решился. Существование этого института было закреплено законом Дуилия еще в середине V века^{1312} и потому хотя бы в силу давности освящено традицией. Кроме того, трибуны пользовались священной неприкосновенностью, что также придавало им авторитета. Наконец, для простого человека возможность обратиться к трибуну за помощью оставалась последней отдушиной. Поэтому лучше было максимально ослабить трибунат, чем полностью ликвидировать его. Нужно заметить, что при Сулле трибуны «знали свое место». У нас, например, нет сведений, чтобы хоть один из них попытался спасти проскрибированного.

В отношении других магистратур Сулла закрепил порядок, установленный еще законом Виллия в 180 году, — запрещалось исполнять претуру раньше квестуры, а консулат раньше претуры. (Как мы увидим, это было прежде всего по сторонникам самого Суллы.) Кроме того, между магистратурами должен был соблюдаться двухлетний перерыв, а между первым и вторым консулатами — десятилетний. Число преторов увеличивалось до восьми, квесторов — до 20.^{1313} На квестуру можно было претендовать в 30 лет, на эдилитет — в 36, на претуру — в 39, на консулат — в 42 (Аппиан. ГВ. I. 100. 466; Цицерон. К близким. X. 25. 2; Тацит. Анналы. XI. 22).^{1314} Все эти ограничения были навеяны желанием избежать в дальнейшем «вольности» недавнего прошлого, когда Марий, Цинна и Карбон переизбирались в консулы без всяких перерывов, а Марий Младший исполнял ту же должность в 27 лет.^{1315} Квесторы же теперь попадали в сенат не при следующем цензе после отбытия ими должности, как прежде, а сразу же по сложении полномочий.^{1316}

Чтобы ограничить опасно растущую самостоятельность наместников, Сулла издал обобщающий вариант закона об оскорблении величия римского народа (*lex de maiestate populi Romani*). Если раньше такие законы принимались применительно к какой-то определенной ситуации — против тех, кто был подкуплен Югуртой (109 год), кто был ответствен за выступление италийских союзников против Рима (90 год), то теперь устанавливались нормы общего характера.^{1317} Новый закон запрещал наместникам по своей инициативе покидать провинцию, вступать в

союзные царства и вести войны, а также повелевал им выезжать из провинции через 30 дней по прибытии преемника. Этот закон также карал за подкуп, подстрекательство к заговору, дурное управление. Все эти нормы, за исключением срока отбытия наместника из провинции,^{1318} были закреплением прежних норм. Но, собранные в рамках одного закона, они делали подсудным, по сути, любое действие, которое власть признавала неугодным ей (Цицерон. К близким. III. 6. 3; 11.2; Против Пизона. 50).^{1319}

Сулла также постарался отделить консульскую власть от военной — очевидно, чтобы никто не повторил его собственный опыт, когда он в 88 году добился консульства во главе преданной ему армии. Для этого консулы лишались высшей власти — империя — за пределами городской черты Рима и тем самым права командовать войсками (Цицерон. К близким. I. 9. 25).

Сулла сделал поистине царский подарок сенату — вернул под его власть суды присяжных (Беллей Патеркул. П. 32. 2). Это не только укрепляло власть *patres*, но и давало им неплохую возможность наживаться на получении взяток при решении судебных дел, чем они и воспользовались.^{1320} Заодно было поставлено на место и всадническое сословие, которое в прежние времена не прочь было продемонстрировать свою силу приговорами сенаторам. Дело было не в том, что Сулла испытывал какую-то особую ненависть к всадникам,^{1321} — просто он считал, что они должны стоять ниже *patres* и уж тем более не вершить их судьбу. Видимо, тогда же был издан закон, прямо направленный против достоинства всадников, — в театре их лишили права сидеть на специально отведенных для них местах.^{1322}

Кроме того, Сулла решил пополнить сенат, который лишился из-за войн и террора последнего десятилетия около 200 человек, в том числе 24 консуляров и 60 преториев (Евтропий. V. 9. 2; Орозий. V. 22. 4). Для исправления ситуации диктатор сделал сенаторами 300 человек — разумеется, своих приверженцев (Аппиан. ТВ. I. 100. 468; Ливии. Периоха 89). Ливии и Аппиан пишут, что это были всадники, но Саллюстий уверяет, что среди новых *patres* были и простые солдаты (Заговор Катилины. 37.6). Однако здесь мы имеем дело с преувеличениями пропагандистского характера. Речь шла, очевидно, о бывших солдатах, которые дослужились до центурионов-примипилов. Разбогатеv, они вполне могли получить всадническое достоинство, открывавшее дорогу в сенат. В 216 году после гибели множества сенаторов в битвах при Каннах и Тразименском озере

диктатор Марк Фабий Бутеон ввел в сенат 177 человек, в том числе и тех, кто получил за боевые заслуги гражданский венок или привез домой снятые с врага доспехи (Ливии. XXIII. 23. б).^{1323} Но тогда речь шла об отличившихся в боях с карфагенянами, а теперь — о победителях в гражданской войне.

Пополнение сената примечательно и в том отношении, что Сулла взял на себя функции цензоров, которых, кстати, должно было быть двое. Именно они занимались составлением списка сенаторов. При этом собственно ценз не проводился — диктатор действовал келейно, предоставив комициям лишь утвердить списки угодных ему лиц. Таковую же операцию он проделал и с самим народным собранием, даровав права римского гражданства десяти тысячам рабов, принадлежавших проскриптам. Они стали называться в честь своего освободителя Корнелиями и, очевидно, должны были поддерживать его в комициях (Аппиан. ГВ. I. 100. 469). Перемены коснулись и жреческих коллегий. Сулла увеличил число понтификов и авгуров до пятнадцати. Он также отменил выборы на высшие жреческие должности в комициях и восстановил прежний порядок кооптации (Ливии. Периоха 89; Дион Кассий. XXXVII. 37. 1).

Все эти реформы производят странное впечатление. Диктатор, казалось бы, укреплял власть и авторитет сената, ставя под его контроль суды присяжных и деятельность магистратов вплоть до плебейских трибунов. Но в то же время он ввел в его состав триста человек не самого благородного происхождения. В свое время сенат избежал подобного вливания «свежей крови» при Гае Гракхе и Марке Друзе, которых считали опасными смутьянами, но теперь их замысел провел в жизнь, казалось бы, защитник «порядочных» — Сулла.^{1324} Он откровенно проигнорировал мнение «лучших людей», которые вряд ли одобрили бы такую акцию. Многим из них не мог понравиться и рост числа должностей. Если раньше становился консулом каждый третий претор (два из шести), то теперь лишь каждый четвертый (два из восьми).^{1325} Увеличение числа магистратур не коснулось консулата; выход из положения найдут только в эпоху Империи, когда несколько человек будут занимать неполный срок консульскую должность.^{1326}

О даровании прав гражданства десяти тысячам рабов проскриптов и говорить нечего. «Смутьянов» постоянно обвиняли в том, что они призывают к мятежу рабов, обещая им свободу. А борец со смутой Сулла сделал такое, что ни Сульпицию, ни Марию, ни Цинне и в голову бы не

пришло. Марий лишь сделал гражданами две когорты камерийцев, но их было меньше тысячи, и они не были рабами. Корнелии, как предполагается, должны были обеспечивать проведение в комициях угодных Сулле законов — ведь это были молодые и сильные люди.^{1327} Правда, неизвестно, насколько активно они выполняли эту роль. Но в любом случае сенат покорно проглотил самочинные действия диктатора — его полномочия позволяли это...

Очевидно, что уважать сенат, с которым не считался даже восстановитель его прав, никто не собирался. А ведь только в том случае, если *patres* окажутся сильнее магистратов и наместников, сработали бы законы Суллы, ограничивавшие их власть. Очевидно, что уже тогда молодой Цезарь, глядя на происходящее, учился презирать сенат.^{1328} Но вряд ли Сулла планировал тот эффект, который возымели его законы в будущем, — скорее всего, он вообще не задумывался об этом. Он награждал своих сторонников, а как они будут выяснять отношения между собой потом — не его дело.

И все же главная идея сулланского законодательства ясна. В свое время Полибий восторгался римским государственным строем, в котором, по его мнению, разумно сочетались монархия, аристократия и демократия. Однако в условиях гражданских войн такое сочетание позволило «демократам» едва ли не на равных состязаться со сторонниками традиционных порядков. И своими мероприятиями Сулла решил уничтожить губительное для власти аристократов равновесие. Насколько ему это удалось — другой вопрос.

Диктатор также издал массу законов, направленных на решение конкретных проблем: о подлогах и лжесвидетельстве (*de falsis*); о нанесении оскорбления (*de iniuriis*); об убийцах и отравителях (*de sicariis et veneficiis*); о подкупе избирателей в ходе выборов (*de ambitu*); о вымогательствах (*de repetundis*); о хищениях (*de peculatu*).^{1329} Среди этих законов было немало таких, которые повторяли прежние, но встречались и новшества. К таковым относился, например, закон о подлогах и лжесвидетельстве.^{1330} В законе о вымогательствах присутствовала новая санкция — уплата штрафа, в два с половиной раза превышающая подлежащую возмещению сумму.^{1331} Для расследования большинства этих преступлений были созданы соответствующие комиссии.^{1332}

Сулла занялся также исправлением нравов сограждан, ограничив наиболее вопиющие проявления роскоши. Он установил максимальную

сумму расходов на погребение, ввел запреты на некоторые кушанья, ограничил расходы на пиры по особым поводам 300 сестерциями, а на обычные обеды — 30 (Плутарх. Сулла. 35. 3–4; Авл Геллий. П. 24. 11; Макробий. Сатурналии. III. 17. 11). Вряд ли, впрочем, их всерьез соблюдали — в первую очередь, как мы увидим, пример подавал сам диктатор. Как многие его «коллеги» в разных странах и эпохах, он был достаточно равнодушен к деньгам и не ограничивал себя в тратах.

Законы об ограничении показной роскоши богачей издавались в Риме и раньше, и потом, но всегда без особого успеха. Но когда дело дошло до простых людей, все сработало безотказно. Диктатор отменил продажу хлеба беднякам по сниженной цене, введенную еще при Гае Гракхе (Саллюстий. История. I. 55. 11). Это было, пожалуй, наиболее ненавистное нобилиям из новшеств Гая наряду с передачей судов присяжных всадникам. Теперь и эту «занозу» извлекли — очевидно, под предлогом заботы о стабилизации финансов;^{1333} заметим, что марианцы, также столкнувшиеся с нехваткой средств, на подобные меры экономии не пошли. Совсем недавно, во время войны, низы города страдали от трудностей с подвозом продовольствия, а теперь их и вовсе оставляли ни с чем. Иногда, пытаясь оправдать Суллу, указывают, что он затеял грандиозное строительство (см. ниже), которое дало многим беднякам возможность заработать.^{1334} Но в строительстве могло принять участие заведомо меньше людей, чем тех, кто прежде покупал хлеб по льготной цене. Римская беднота вряд ли была в восторге от хлебной «реформы», но ни о каких волнениях в ее среде неизвестно. Сулла уже не раз наглядно продемонстрировал, что с ним шутки плохи, и просить у него огня, как говорилось в рассказанной им басне, желающих не нашлось.

В отношении финансов была принята и другая мера. Некоторые общины, прежде не платившие дань и пользовавшиеся автономией, утратили теперь эти привилегии. Другие, напротив, смогли освободиться от податей, но за соответствующую сумму — вероятно, немалую. Впоследствии, правда, сенат после смерти Суллы вернул их к прежнему положению (Цицерон. Об обязанностях. III. 87; *Annum.* ГВ. I. 102. 475).

При решении долгового вопроса Сулла решил идти по пути инфляции и тем облегчить положение должников (прежде всего нобилей).^{1335} Особым постановлением он узаконил обращение монеты с пониженным содержанием серебра (Павел. Сентенции. V. 25. I).^{1336} Остался в силе закон Валерия Флакка 86 года, значительно облегчавший уплату долгов.^{1337} Конечно, такая политика была выгодна многим нобилиям, на которых

наседали кредиторы. Однако от долгов страдали и крестьяне. А те, кто получал жалование порченной монетой, могли лишь сетовать на изменчивость финансового законодательства.

Надо было еще позаботиться о солдатах — главной опоре Суллы. Если Марию пришлось вступить в союз с Сатурнином, чтобы провести в жизнь закон о наделении своих ветеранов землей, то его противнику ничего подобного не требовалось. Он был диктатором де-юре и де-факто, и уже этого хватало, чтобы решить вопрос. Воины Мария селились где-то на окраинах империи, Сулла же мог позволить себе наделить своих воинов землей в самой Италии, благо многие ее общины оказали сопротивление и заслужили кару. На конфискованных у них землях начали водворяться солдаты и офицеры победившей армии — примерно 120 тысяч человек (Аппиан. ГВ. I. 96. 448; 100. 470; 104. 489).^{1338}

Наиболее активно колонизовались Кампания (Помпеи, Нола, Капуя, Галатия и др.), Этрурия (Волатерры, Флоренция, Клузий, Арреций и др.), Умбрия (Сполетий, Интерамна, Тудер, Америя), Лаций (Ариция, Пренесте, Бовиан, Тускул, Гавис и др.). Одна колония, Алерия, была выведена за пределы Италии — на Корсику.^{1339} Аппиан пишет, что ветераны получили большие наделы (ГВ. I. 104. 489), но сколько именно, мы не знаем. Предполагается, что величина участков колебалась от 10 до 100 югеров в зависимости от ранга и длительности службы.^{1340}

Любопытно, что Самний и Лукания, активно сопротивлявшиеся Сулле, колонизации не подверглись.^{1341} Почему — понятно. Эти области не отличались плодородием, к тому же были страшно разорены в ходе Союзнической и гражданской войн, а их население сильно уменьшилось. Найти среди местных жителей батраков было бы нелегко, да и те, что согласился бы стать ими, вряд ли как следует трудились бы на своих порабощателей. А многие ушли бы в горы и нападали бы на хозяйства ветеранов. Куда лучше ветераны чувствовали себя на плодородных землях Этрурии или Кампании.

Создавая колонии, Сулла убивал сразу трех зайцев: награждал воинов, наказывал итальянцев, создавал себе опору на будущее.^{1342} Иногда пишут о том, что он совершил своего рода революцию.^{1343} Спору нет, такой масштабной раздачи земель простым людям в истории Рима еще не было. Но ведь революция никогда не является самоцелью. Сулланские земельные раздачи приносили выгоду лишь их организатору и получателям наделов. Но в дальнейшем они порождали такие сложности, которые в конце концов ударили по самим ветеранам Суллы. Окрестные жители, даже если они не

были согнаны с занятых ветеранами земель, все равно ненавидели пришельцев и по возможности оказывали им сопротивление. Новые хозяева вели себя как оккупанты, чинили насилия, и восстания против них начались уже в 78 году (Транш Лициниан. 34F). А вот о бунтах против марианских колонистов сведений нет. Сулланские ветераны, чувствуя себя слишком вольготно, зачастую «проедали» дарованное диктатором и через 10–15 лет оказывались у разбитого корыта (Саллюстий. Заговор Катилины. 16.4; 28.4). Так что «кулачное право», с помощью которого Сулла проводил аграрную политику, показало лишь свое бессилие.

Конечно, не вся Италия стала жертвой жестокости победителей. Как мы видели, Брундизий, первым открывший ворота Сулле, получил налоговые послабления. Никак не пострадала Аггулия, пропустившая без боя его легионы.^{1344} По-видимому, то же можно сказать и о других областях Южной Италии. Мы уже говорили о том, будто Сулла рассердился на Красса, проскрибировавшего кого-то в Бруттии без приказа диктатора. Хотя мотивы ссоры с Крассом могли быть иными, но эта история, видимо, отразила тот факт, что на юге Апеннинского полуострова диктатор старался избегать лишнего кровопролития.

За италийцами сохранили права римского гражданства, а также распределение *cives novi* по 35 трибам. Вопрос этот больше не вставал ни тогда, ни позже.^{1345} Сулла раздвинул границы Италии на север, уменьшив территорию Цизальпинской Галлии, преобразованной в проконсульскую провинцию.^{1346} Границей Италии стала река Рубикон, которая обрела известность в последующие века благодаря Цезарю. Что еще более важно, многие города Апеннинского полуострова получили самоуправление.^{1347} Так что далеко не вся Италия пострадала от произвола диктатора. Здесь, как и в Азии, Сулла с успехом реализовывал привычный римский принцип «разделяй и властвуй».

Оставалась еще одна проблема — отношения с ближайшим окружением. Как мы видели, с некоторыми сподвижниками Сулла расстался — отдалил от себя Красса, расправился с Лукрецием Офеллой. И тому и другому он был весьма обязан: первый отличился при Коллинских воротах, второй умело провел осаду Пренесте. Оба были достаточно молодыми людьми. Но оставался еще один представитель «молодежи», самый юный из соратников диктатора, — Гней Помпей.

В начале 81 года он завершил операции на Сицилии и в Африке. Дальнейшее Плутарх излагает следующим образом. Сулла приказал молодому полководцу распустить армию и с одним легионом ожидать

преемника. Солдаты Помпея возмутились. Тот просил их не бунтовать и будто бы даже угрожал самоубийством, если они не утихomiруются. Диктатор же сказал друзьям, что не дело в его возрасте воевать с мальчишками — хватит с него Мария Младшего, который доставил ему столько хлопот. Общественные симпатии, согласно Плутарху, были на стороне Помпея, и Сулла решил не упрямиться. Он позволил ему вернуться, встретил его далеко за пределами города (большая честь!) и приветствовал прозвищем «Великий». Прозвище это закрепилось за Помпеем навсегда. Сам он, опьянев от успеха, стал претендовать на триумф (разумеется, не над марианцами, а над их союзниками-нумидийцами). Диктатор отвечал, что Помпеи не занимал ни преторской, ни консульской должности, какие только и дают подобное право.^{1348} Даже Сципион (будущий Африканский), разбив карфагенян в Испании, не просил триумфа. Однако Помпеи, узнав об этом, будто бы сказал, что люди больше поклоняются солнцу восходящему, чем заходящему. Пораженный Сулла, услышав о столь дерзких словах, вскричал: «Пусть празднует триумф!» (Помпеи. 13–14).^{1349}

Итак, выходит, Сулла спасовал перед открытым бунтом и пошел на поводу у «мальчишки»? Историки вспоминают в данной связи попытку отстранения от командования отца Помпея, Страбона, которая кончилась весьма печально.^{1350} Но это не объясняет, почему диктатор позволил «юнцу» праздновать триумф, на который тот не имел никакого права.

Что же случилось на самом деле? Попробуем взглянуть на события попристальнее. Прежде всего следует отметить: Плутарх — наш единственный источник, и в том, что зачастую он, мягко говоря, не совсем точно описывал события, мы уже могли убедиться не раз. Когда возникла изложенная им версия? И кто ее автор? Очевидно, она появилась много позже смерти Суллы, когда Помпеи стал одним из первых людей в государстве. В 81 году это было отнюдь не очевидно, да и вряд ли юный полководец осмелился бы называть себя восходящим солнцем, а Суллу — заходящим. А вот через 10–15 лет он вполне мог позволить себе такое. Точно так же Помпеи мог выдумать историю о бунте своих войск в Африке, который онде усмирil, хотя с ним и поступили несправедливо. Кто-то из окружавших его писателей — Посейдоний Апамейский или Феофан Лесбосский — подхватил ее, обогатив красочными подробностями.

Стало быть, Плутарх или его источник все выдумали? Точного ответа нет. Мы не знаем, присылал ли в действительности Сулла приказ Помпею распустить войско, за исключением одного легиона. Вся история могла

быть придумана для объяснения того, почему Помпеи явился в Италию со всей армией. В 60х годах, когда политическая обстановка сильно изменилась, ему вряд ли было выгодно лишний раз вспоминать, что Сулла позволил ему это из особого расположения. Куда выигрышнее выглядела история о противостоянии диктатору, благо никто не стал бы проверять наличие в архивах копии его письма Помпею с приказом о роспуске войск. И кто стал бы выяснять достоверность колких реплик, которыми якобы обменивались через посланцев Сулла и Помпеи? А вот то, что диктатор встретил его с почетом и дал ему право на триумф, несмотря на ворчание своих сторонников, было фактом вполне достоверным и всем известным.

Итак, 12 марта 81 года Помпеи отпраздновал триумф.^{1351} Плутарх рассказывает, что воины потребовали от полководца слишком больших подарков, угрожая расстроить торжество. Но тот заявил, что готов отказаться от триумфа, но заискивать перед воинами не станет. Сенатор Публий Сервий Ватия, прежде возмущавшийся амбициями «мальчишки», теперь воскликнул: «Вот теперь я вижу что Помпеи и впрямь велик^{1352} и достоин триумфа!» Плутарх только забыл уточнить, сколько именно воинов пытались шантажировать полководца — их число было, видимо, слишком незначительно, чтобы Помпеи стал беспокоиться. Он захотел пойти на неслыханное новшество — его колесницу должна была везти четверка не коней, а слонов. Но ворота Рима оказались слишком узкими, и от экзотической затеи пришлось отказаться. В остальном триумф прошел успешно и немало способствовал славе молодого полководца (Помпеи. 14; Изречения царей и полководцев. 88.55а; см. также: Цицерон. За закон Манилия. 61; Ливии. Периоха 89; Веллей Патеркул. П. 40. 4; Плиний Старший. VII. 96; VIII. 4; Аппиан. ТВ. I. 80. 368).

Но для чего Сулле понадобилось так привечать молодого полководца? Причины его симпатий нам неизвестны. Конечно, победы Помпея в 82 году в Этрурии во многом обеспечили Сулле успех у стен Рима — если бы не они, у марианцев вполне хватило бы сил разгромить его у Коллинских ворот.^{1353} Но ведь Красе и Офелла тоже имели немалые заслуги, что не спасло одного от опалы, другого — от гибели. Помпеи же, напротив, удостоился неслыханной чести. Вряд ли кто-то теперь объяснит причины благосклонности Суллы. Между тем он не только позволил «мальчишке» отпраздновать триумф, но и решил породниться с ним, хотя и весьма экстравагантным способом. Диктатор велел ему развестись с Антистией, отца которой убили марианцы. Вместо нее Сулла с согласия Метеллы дал Помпею в жены свою падчерицу — дочь Метеллы от первого брака,

которую для этого развели с Ацилием Глабрионом, хотя она и была от него беременна. Мать Антистии, не выдержав позора, покончила с собой, и несчастная женщина осталась доживать век одна.^{1354} А новая жена Помпея вскоре умерла от родов (Плутарх. Помпеи. 9. 2–4; Сулла. 33.4).^{1355} Остается лишь сожалеть, что Шекспир обошел вниманием такой драматический сюжет.

Будущий противник Помпея, Цезарь, повел себя в аналогичной ситуации иначе. Он был женат на дочери самого Цинны, и Сулла пожелал, чтобы молодой человек развелся с супругой столь «сомнительного» происхождения. Но тот неожиданно отказался. Может, он любил жену, а может, надеялся, что новый повелитель долго у власти не продержится и подобная неуступчивость пойдет ему, Цезарю, на пользу.^{1356} Он даже будто бы вынужден был скрываться и дал два таланта командиру сулланского отряда Корнелию Фагитте, который настиг его в Сабинской области. За него просили влиятельные родственники — Мамерк Лепид и Аврелий Котта, а также жрицы-весталки. Античные авторы уверяют, будто Сулла долго отказывался помиловать Цезаря, говоря: «В этом мальчишке сидит сотня Мариев!» Затем, однако, он уступил (Плутарх. Цезарь 1. 1–7; Светоний. Юлий. 1; 74.1). Однако весьма вероятно, что наиболее драматические детали этой истории придуманы Цезарем или его доброхотами уже задним числом.^{1357} Конечно, он мог навлечь на себя неудовольствие Суллы, но вряд ли речь шла о преследованиях. Что же до реплики диктатора о сотне Мариев, сидящих в юном Цезаре, то это типичный у древних авторов пример предсказания задним числом.^{1358}

И еще немного о триумфе. В том же году его справил Гай Валерий Флакк, консул 93 года, затем проконсул Ближней Испании, а позднее — Трансальпийской Галлии. Он успешно сражался с кельтиберами и галлами, был провозглашен своими легионами императором и имел полное право на триумф, но его проконсульство затянулось — может быть, он и не стремился в Рим при марианцах, а наслаждался положением «полудержавного властелина» в своих провинциях. Во время гражданской войны он, как уже говорилось, поддержал Суллу и теперь пожал плоды своих давних подвигов, отпраздновав триумф над галлами и кельтиберами (Грант Лициниан. 3132F).

Еще одним триумфатором стал пропретор Киликии Луций Лициний Мурена, которого Сулла оставил на Востоке, когда уезжал воевать в Италию. В 84 году он провел не слишком удачную операцию против пиратов, а в 83-м ввязался в войну с Митридатом, получившую название

Второй Митридатовой. Причина была банальной — полководец жаждал подвигов, добычи и славы. Первым делом он напал на крупнейший религиозный центр Каппадокии Коману и разграбил очень чтимый местными жителями храм Ма или Беллоны — той самой, которую Сулла считал своей покровительницей. Митридат отправил к диктатору послов с жалобой на Мурену. Не в интересах Суллы было затевать новый конфликт в Азии, ибо исход войны в Италии еще не определился. Но он тем не менее дал понять пропретору, что не возражает против войны с Митридатом. На следующий год Мурена разграбил богатую долину Четырехсот деревень, но в ходе следующей кампании потерпел поражение от понтийского полководца Гордия. Митридат отбил часть Каппадокии и этим удовлетворился.^{1359} Несмотря на все это, Сулла позволил незадачливому Мурене отпраздновать триумф над непобежденным врагом (Транш Лициниан. 31F). Пусть римляне порадуются — ведь при марианцах они не видели победных процессий.

Не забыл, конечно, диктатор и себя. Но о его триумфе чуть ниже.

Сулла мог быть доволен. Он расправился почти со всеми своими врагами, наградил друзей, искоренил, казалось бы, самую возможность смуты. Низкородные поставлены на место — кроме тех, конечно, кто оказал ему самому большие услуги. И никто не посмел попытаться отомстить. Правда, Плутарх рассказывал, что 14-летний Катон Младший, которого часто водили в дом Суллы, видел, как оттуда выносят головы известных в Риме людей, и слышал крики пытаемых. Однажды он спросил своего наставника Сарпедона, почему никто не убьет диктатора. «Его боятся еще больше, чем ненавидят», — отвечал Сарпедон. «Почему же тогда ты не дал мне меч? Я убил бы его и избавил отечество от рабства!» — воскликнул мальчик (Катон Младший. 3. 3–7; см. также: Валерий Максим. III. 1. 2). Вряд ли в доме Суллы пытали и казнили людей; а что до слов Катона, то даже если он и произносил их, дальше разговоров дело не пошло. О взрослых и говорить не приходится. Боги явно благоволили властителю Рима.

Диктатор гордился благосклонностью бессмертных — просто так они своих милостей не раздают. После падения Пренесте он принял прозвище Felix — Счастливый; очевидно, он воспринимал Мария Младшего очень серьезно, если после его гибели решил так называться (Беллей Патеркул. П. 27. 5). Сенат постановил воздвигнуть новому повелителю бронзовую позолоченную конную статую перед рострами — впервые гражданину Рима оказывали такие почести (Цицерон. Филиппики. IX. 13). На

постаменте статуи было начертано: «Луций Корнелий Сулла Феликс, император» (Аппиан. ТВ. I. 97. 451). Изображение диктатора верхом на коне сохранилось и на золотых монетах, где также красовалась надпись: *Lucio Sullae Felici dictatori*, то есть «Луцию Сулле Счастливому, диктатору». [{1360}](#)

Это было необычное, как сказал Плиний Старший, «горделивое прозвище» (XXII. 12). По характеру оно весьма отличалось от тех, что принимали победоносные римские полководцы — Сципионы Африканские, Павел и Метелл Македонские, Максим Аллоброгский и т. д. [{1361}](#) И отнюдь не случайно. Счастье, или, точнее, удачливость (*felicitas*), было важнейшим атрибутом настоящего полководца. Она олицетворяла милость богов, без нее он не мог добиться победы. Но теперь речь шла о чем-то большем — о процветании Рима как о результате его, Суллы, успехов. *Sulla Felix* звучало как синоним *Roma Felix*. [{1362}](#)

Что же касается самого диктатора, то его карьера была отнюдь не сплошной удачей. Он не слишком прославился, воюя под командованием Катула, не с первого раза стал претором, да и его победа над Митридатом была далеко не полной. [{1363}](#) Но кто сейчас посмел бы ему напомнить об этом? 29 и 30 января 81 года Сулла справил пышный триумф [{1364}](#) — формально над Митридатом, которого он, однако, не стал добивать, чтобы с его помощью захватить власть в Римской державе.

«Захваченная у Митридата добыча, великолепная и дотоле невиданная, придавала триумфу Суллы особую пышность, но еще более ценным украшением триумфа и поистине прекрасным зрелищем были изгнанники. Самые знатные и могущественные из граждан, увенчанные, сопровождали Суллу, величая его спасителем и отцом, потому что и вправду благодаря ему вернулись они на родину, привезли домой детей и жен» (Плутарх. Сулла. 34. 1–2; Аппиан. ГВ. I. 101. 473). Вероятно, диктатор очень хотел бы видеть в их числе и чтимого многими «порядочными» Рутилия Руфа, но упрямец не захотел возвращаться в Рим...

Если этот рассказ правдив, то тем самым Сулла открыто давал понять, что триумф он празднует не только над внешним врагом, но и над согражданами. [{1365}](#) Любопытно, что сенат ни при Цинне, ни теперь не объявлял молебствия по поводу побед над «внутренним врагом» (Цицерон. Филиппики. XIV. 23). Подобное было не принято даже в имперскую эпоху. Например, император Септимий Север, разгромив в тяжелой гражданской войне (193–197 годы н. э.) своих противников Клодия Альбина и Песценния Нигера, от триумфа над ними воздержался (Геродиан. III. 9. 1).

Так же поступил и Сулла. Когда несли картины, изображавшие взятие его войсками различных городов, то городов, населенных римскими гражданами, среди них не было (Валерий Максим. П. 8. 7). Так что триумфатор, как видим, не стремился подчеркивать свою победу над согражданами. А что до шествия изгнанников, то Плутарх, писавший почти два века спустя, мог не понять свой источник. Речь шла не о том, что изгнанники шли отдельно от остальных, прославляя вернувшего их на родину Суллу, а участвовали в триумфе наряду с прочими офицерами победившей армии.

Добыча, продемонстрированная во время торжеств, была огромна. Перед зрителями пронесли 15 тысяч фунтов золота и 50 тысяч фунтов серебра, захваченных в Азии, а также 14 тысяч фунтов золота и 6 тысяч фунтов серебра из запасов Мария в Пренесте (Плиний Старший. XXXIII. 16). Если публика знала про богатства из Пренесте, то это был лишний намек на то, что речь шла о победе над марианцами. Но вряд ли ей об этом сообщали.

После триумфа Сулла произнес речь перед народом, в которой перечислил все свои успехи и заявил о желании прозываться Счастливым. Правда, он уже принял это прозвище после падения Пренесте, но публично об этом, возможно, еще не объявлял.

Аппиан рассказывает, что в свое время Сулле был дан следующий оракул (ГВ. I. 97. 453):[1366](#)

Римлянин, мне повинуйся!
Киприда великую силу Роду Энея дала.
Бессмертным богам ежегодно
Первинки не забывай от плодов уделять и подарки
Богу Дельфийскому шли!
У подножия снежного Тавра
Город обширный лежит — он по имени назван Киприды,
В городе том обитают карийцы.
Там сложишь секиру,
И осенит тебя власть своею широкою тенью.

Оракул весьма туманный, как и большинство дельфийских предсказаний. О какой именно власти шла речь, в нем не говорится — ведь Сулла достиг ее, например, став консулом. Впрочем, он сначала дал сбыться пророчеству, а уже потом отправил дары Афродите, хотя оракул

подразумевал обратный порядок действий. Под карийским городом подразумевалась Афродисия в Карий, где находился храм богини любви. Видимо, именно там, согласно дельфийскому предсказанию, Сулла и посвятил Афродите золотой венок и золотую секиру с надписью (Аппиан. ТВ. I. 97. 455):[{1367}](#)

«Сулла владычный дары посвящает тебе, Афродита.
Видел тебя он такую во сне, — ты в доспехах Ареса
Шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша!»

Речь шла, конечно, не о Венере как богине любви, матери всего сущего, Прародительнице (Venus Genetrix), а о Венере Победоносной (Venus Victrix). И вообще Сулла провозгласил себя Эпафродитом, то есть любимцем Афродиты-Венеры (Плутарх. Сулла. 34.4; Аппиан. ГВ. I. 97. 452). Ее культ оказался популярен — впоследствии его «переняли» Помпей и Цезарь. Так что сделать покровительницу Римской державы, мать легендарного Энея, своей личной патронессой было удачным шагом.[{1368}](#) Но преувеличивать значение Венеры в глазах Суллы не стоит — достаточно сказать, что изображение богини на монетах во время его диктатуры почти не чеканилось. Сулла постоянно демонстрировал связь с самыми разными богами: носил при себе золотую фигурку Аполлона; во сне ему являлась Ма-Беллона; на херонейском трофее начертано имя не только Афродиты, но и Ареса с Никой; в Сикионе Сулла сделал посвящения Аресу-Марсу, а после битвы при Тифатской горе облагодетельствовал храм Дианы.[{1369}](#)

И теперь владыка Рима решил не отступать от этого правила. Диктатор решил восстановить сгоревший в июле 83 года храм Юпитера Капитолийского, а также святилище Юпитера Анксурса в Террацине, да и вообще внедрял в умы сограждан представление о себе как о наместнике богов. По его распоряжению восстановили храм Геркулеса Охранителя — стража города, появились или были возведены заново святилища Геркулеса в Тибуре и близ Сульмона. На Эсквiline появилась статуя Геркулеса Сулланского (Hercules Sullanus). На реверсах монет чеканилось изображение этого бога, которому Сулла посвятил десятую долю своих богатств. На монетах и рельефах диктатора не раз появлялась Виктория. В Пренесте было восстановлено святилище Фортуны, в котором одни ученые видят памятник победы, а другие — символ мира и согласия, что, впрочем, не очень вероятно. Что же касается Сатурна, олицетворявшего изобилие и процветание, то его место на монетах занял сам Сулла (Цицерон. За

Росция. 131; Плиний Старший. XXXVI. 45; Валерий Максим. IX. 3. 8; Тацит. История. III. 72; Плутарх. Сулла. 35.1 и др.).^{1370}

Диктатор не ограничивался одними культовыми постройками — отреставрировали форум,^{1371} Гостилиеву курию; по-видимому, произошла и реконструкция Капитолия. В Риме заново вымостили улицы.^{1372} Впервые со времен легендарного Сервия Туллия расширились пределы померия, уже не вмещавшие сильно выросшее население (Тацит. XII. 23; Авл Теллий. XIII. 14. 4). Это ставило Суллу в особое положение — он становился в один ряд с одним из самых почитаемых героев древности, так сказать, отцов-основателей.^{1373} Правда, в источниках говорится, что старинный обычай предоставлял право раздвинуть городскую черту только тем, кто расширил границы Римской державы. Сулла ничем подобным похвалиться не мог.^{1374} Правда, он расширил владения Рима в Италии за счет Цизальпинской Галлии,^{1375} но это был чисто административный акт, тогда как обычай явно подразумевал именно завоевания. Но кто посмел бы напомнить об этом? В умы римлян внедрялось иное: благодаря Сулле Рим переживал обновление, и сам он вполне мог считаться не то что Сервием Туллем, а новым Ромулом.^{1376}

Чтобы окончательно дать почувствовать согражданам, особенно простым, что наступил золотой век, диктатор решил пожертвовать десятую часть своего имущества Геркулесу и на эти средства устроить пиры для римлян — *pollucta* (Плутарх. Сулла. 35.1).^{1377} «Излишек заготовленных припасов был так велик, — рассказывает Плутарх, — что каждый день много еды вываливали в реку, а вино пили сорокалетнее и еще более старое» (Сулла. 35.1). Вероятно, Сулла с умыслом демонстрировал эти излишки — иначе его богатство и щедрость не произвели бы впечатления.

Тогда же, в октябре 81 года, племянник диктатора Ноний Суфен устроил в честь побед дяди над италийскими повстанцами и Митридатом Евпатором игры, *ludi Victoriae sullanae*.^{1378} Для этого из Греции пригласили столько атлетов, что Олимпийские игры в самой Элладе прошли по усеченной программе из-за нехватки участников — ограничились лишь забегом на один стадий.^{1379} Увидели римляне и состязания квадриг. Одним из победителей в них стал, возможно, Гай Антоний Гибрида, впоследствии коллега Цицерона по консулату.^{1380} Предполагают, что какая-то часть празднеств проходила в Пренесте^{1381} — одном из крупнейших культовых центров Италии.^{1382} Было постановлено проводить эти игры ежегодно. Решение такого рода явилось первым в

римской истории; в 36 году аналогичным образом поступит Октавиан в отношении игр в честь победы над Секстом Помпеем (Беллей Патеркул. П. 27. 6; Аппиан. ТВ. I. 99. 463–464; Асконий. 88С).^{1383}

Аппиан пишет, что игры были даны для того, чтобы дать римлянам отдохнуть от выпавших на их долю тягот (ГВ. I. 99. 464). Его сограждане, видимо, и впрямь отдохнули душой впервые за несколько лет, но самого диктатора постигло несчастье. Незадолго до того умер его сын от Метеллы (но не Фавст), а затем смертельно заболела и она сама. Жрецы запретили ему как авгуру подходить к умирающей и осквернять свой дом похоронами. Суеверный Сулла немедленно оформил развод и под этим предлогом велел перенести Метеллу в другой дом. Что чувствовала при этом несчастная женщина, и без того надломленная болезнью? Конечно, требования религии суровы, но ведь римляне не раз находили способ обойти их. Сулла их не нашел. Он любил супругу, но решил не шутить с богами, благоволением которых так дорожил.

Зато при погребении диктатор дал понять, как скорбит по умершей. Ради этого он нарушил им же введенные ограничения на затраты при похоронах, а на последовавших затем пирах ел то, что сам запретил недавними законами против роскоши (Плутарх. Сулла. 35. 2–4). С Цецилией Метеллой были связаны лучшие годы жизни Суллы. Женитьба на ней наряду с победами в Союзнической войне открыла ему путь к консулату. Она сопровождала его в Митридатовой войне. За насмешки над женой он жестоко отомстил не в меру языкастым афинянам. Вместе с Метеллой Сулла вернулся в Рим и познал сладость своей величайшей победы. Теперь все это осталось позади.

Между тем 81 год подходил к концу. Встал вопрос о консульских выборах. В прошлом году выбор диктатора пал на Долабеллу и Декулу. Первый, хотя и был нобилем, не мог тягаться по знатности происхождения с Метеллами, Лентулами, Цепионами или Агенобарбами, а второй был и вовсе незначительной личностью. Теперь Сулла решил назначить на высшую должность куда более видных людей — себя самого и двоюродного брата покойной жены, Квинта Цецилия Метелла Пия. Это было совсем не лишним хотя бы потому, что со смертью Метеллы разрывалась цепочка, связывавшая Суллу с ее семьей. Любопытно, что при этом он продолжал оставаться диктатором.^{1384} Наблюдательный Аппиан заметил по данному поводу, что в его время так поступали принцепсы, объединяя императорскую власть с консульской (ГВ. I. 103. 479). Сходство,

разумеется, не случайное.

Заметим, что второе консульство Суллы отделялось от первого лишь восемью годами, хотя он сам подтвердил необходимость десятилетнего перерыва. Конечно, эта норма могла быть восстановлена им уже после того, как он вступил в должность.^{[1385](#)} Однако это могло служить лишь чисто юридическим оправданием, по сути же Сулла делал для себя исключение. Но на такие детали не обратил внимания ни один античный автор — современники, на чьи свидетельства они опирались, прекрасно понимали, что Сулла в любом случае остается хозяином Рима, власть его — настоящая тирания и в соответствии с законом стал он второй раз консулом или нет, большого значения не имеет. Аппиан прямо пишет о царской и тиранической власти Суллы, что для римской верхушки означало одно и то же (ГВ. I. 3. 10; 98. 456; 99. 462; 101. 473; 103. 481; 104. 487; 105. 491).

Плутарх сохранил для нас любопытное замечание Суллы. Диктатор считал ниспосланной божеством удачей то, что Метелл Пий оказался сговорчивым коллегой, хотя от него можно было ожидать многих неприятностей (Сулла. 6.9). Почему? На сей счет можно лишь строить догадки. Однако еще в 87 году, когда марианцы блокировали Рим, Метелл признал Цинну консулом и удалился в Африку, где спокойно пребывал до 84 года, сохраняя нейтралитет. Правда, затем он сражался с Марием не на жизнь, а на смерть, но вряд ли из расположения к Сулле. Его, знатнейшего аристократа, просто не устраивал марианский режим. Но в то же время ни о каких трениях с диктатором, которые дали бы ему повод опасаться противодействия Метелла во время консулата, мы не знаем. Самое логичное — предположить, что последний был не в восторге от излишне своевольного поведения властителя Рима.

Почему же Метелл проявил неожиданную сговорчивость? Источники вновь молчат, но кое-что мы вправе допустить. Прежде всего ему было грех жаловаться на свое положение — какникак, он занял высшую государственную должность, к которой представители его фамилии не могли пробиться уже 18 лет. Кроме того, Сулла прекрасно умел подольщаться к людям. Проявляя подчеркнутое уважение к мнению коллеги, он вполне мог договориться с ним. К тому же наиболее одиозные в глазах знати мероприятия — террор^{[1386](#)} и пополнение сената — уже закончились, долгой вопрос решился в ее пользу. Наконец, диктатор позволил Метеллу отдать долг благодарности некоему Квинту Калидию — тому самому, который, будучи в свое время плебейским трибуном, внес предложение вернуть из изгнания его отца — Метелла Нумидийского.

Теперь Калидий получил награду — по ходатайству Метелла Пия он был избран претором на 79 год (Валерий Максим. V. 2. 7).

И еще одно обстоятельство не могло не сплотить сулланцев. Дело в том, что в Испании против них поднял восстание один из немногих уцелевших марианцев — Квинт Серторий. Мы уже говорили, что он управлял в качестве проконсула Ближней Испанией, ^{1387} откуда его изгнал в 81 году Гай Анний Луск. Бывший наместник пытался дважды высадиться в Испании, а затем ввязался в распри, охватившие Западную Мавретанию. Он разбил местного царька Аскалида, а также отряд Вибия Пакциана, высланный против него Аннием Луском. Агенты Сертория проникли в Южную Испанию и стали рекламировать там успехи своего предводителя. Некоторые общины воинственных лузитан, проживавших в тех краях, решили пригласить опального марианского проконсула в качестве предводителя, чтобы он помог им воевать против своих сограждан. Набрав небольшую армию, Серторий вторгся в Дальнюю Испанию, которой управлял бывший сулланский центурион-примипил Фуфидий — тот самый, которого считали автором идеи проскрипций. В сражении на реке Бетис (ныне Гвадалквивир) его войско было разбито, и значительная часть вверенной ему провинции перешла под власть Сертория (Плутарх. Серторий. 712). ^{1388}

Эти известия не могли не встревожить диктатора и его окружение. Гражданская война, завершившаяся совсем недавно, начиналась вновь. В такой ситуации раздоры среди сулланцев лишь помогли бы смутьянам. Неудивительно, что если Метелл и имел какие-то претензии к Сулле, он предпочел придержать их при себе или, по крайней мере, не обсуждать публично. В следующем году он направится во главе мощной армии в Испанию на подавление восстание Сертория, одержит там немало побед и заслужит триумф. Но отпразднует его он уже через семь лет после смерти диктатора.

Что вообще представляло собой окружение Суллы? Его ядром были люди идеи, принципиальные сторонники если не всех сулланских мероприятий, то главных из них — усиления власти сената, ограничения власти плебейских трибунов, поражения в правах проскриптов, отмены хлебных дотаций городской бедноте. К числу таких относились Квинт Цецилий Метелл Пий, наряду с Суллой лучший полководец Рима того времени, храбро сражавшийся в Союзнической, гражданской, а затем и Серторианской войнах; Квинт Лутаций Катул — консул 78 года и самый уважаемый из сенаторов в 7060х годах; Луций Лициний Лукулл,

единственный, кто не покинул Суллу во время похода на Рим в 88 году, консул 74 года и герой Третьей Митридатовой войны; Марк Теренций Варрон Лукулл, консул 73 года, который «прославится» в войне с фракийскими племенами не только своими победами, но и зверской жестокостью — отсечением рук пленным; Квинт Гортензий Гортал, перешедший на сторону Суллы еще в 86 году, консул 69 года и крупнейший римский оратор после Цицерона; Публий Сервилий Ватия, который станет консулом 79-го и консуломсуффектом 68 года и за победы над племенами исавров получит прозвище Исаврийский. К числу «твердых» сулланцев можно, по-видимому, отнести также Гнея Корнелия Долабеллу (консул 81 года), Гая Скрибония Куриона (консул 76 года), Гая Аврелия Котту (консул 75 года), Секста Нония Суфены (претор 81 года).

Большинство же составляли люди случайные или готовые изменить свою позицию в зависимости от обстоятельств.^{[\[1389\]](#)} Это Луций и Гай Валерии Флакки, Марк Эмилий Лепид, Марк Лициний Красс, Гней Помпей Магн, Публий Корнелий Цетег и другие. Лепид, неплохо нажившийся на проскрипциях, взбунтуется против сулланцев уже в год смерти диктатора, а Помпей, отрубивший немало голов марианцев, вместе с любителем имущества проскриптов Крассом в 70 году почти полностью отменит законы Суллы. Переменчивость политиков — вещь настолько обыденная, что вряд ли на ней стоит останавливаться особо. Но пока «случайные» сулланцы сохраняли лояльность режиму.

Однако недовольство диктатурой нарастало. Злые языки уверяли, что Сулла с самого утра пьянствовал с мимами, шутами и кифаристами обоих полов, раздавая им земли и доходы целых городов, а также имущество проскриптов, да еще открыто предавался любви с другом юности Метробием, хотя тот уже и утратил былую привлекательность (Плутарх. Сулла. 33.3; 36. 1–2). Так ли это, мы не знаем: правда лишь то, что диктатор не раз отдыхал душой и телом в обществе полюбившихся ему с юности людей сцены. Здесь можно было не думать о сенате, законах, мятежах, соседних царствах и прочем. Плутарх пишет, что на пирах Сулла и слышать не хотел ни о чем серьезном, но при этом готов был выполнить любую просьбу (Сулла. 2.5). Стало быть, и просьбы не были слишком серьезными. Конечно, коекакие деньги, и по своим понятиям немалые, люди сцены от диктатора получали — актеру Квинту Росцию Галлу Сулла даже даровал золотое кольцо, означавшее, что он попадает теперь в сословие всадников (Макробий. Сатурналии. III. 14. 13). Однако это был не мим и не шут, а вполне уважаемый артист, любимец нобилей, которые

толпились вокруг него, «как придворные вокруг восточного монарха».^{[1390](#)} Разговоры же о доходах с целых городов — явное преувеличение. Римскую верхушку бесило, что человек, изображающий из себя нового Ромула и защитника прав сената и нобилитета, явшаемся со столь сомнительной публикой, и недоброжелатели готовы были сочинять про эти встречи любые небылицы. Однако диктатора это не особенно беспокоило.^{[1391](#)}

Еще одним поводом для недовольства «порядочных людей» стало знаменитое дело Росция. На нем мы позволим себе остановиться поподробнее. Секст Росций, богатый землевладелец из италийского города Америи, поддерживавший сулланцев, был убит в Риме, когда возвращался с пирушки. Убийство организовали, по-видимому, его родственники — Тит Росций Капитон и Тит Росций Магн. Предварительно они заключили сделку с вольноотпущенником (либертином) Суллы Корнелием Хрисогоном. В результате имя погибшего было задним числом внесено в проскрипции, хотя 1 июня 81 года, когда их срок истекал, уже давно прошло. Это позволило не только легализовать убийство, но и пустить с молотка имущество Секста Росция как проскрипта, что и было целью «мероприятия». В свое время Квинт Аврелий жаловался, что за ним гонится его альбанское имение; то же случилось и с Секстом Росцием, который, по словам Цицерона, попал в беду из-за множества прекрасных поместий. Их у него было тринадцать. Тремя самыми лучшими завладел Тит Росций Капитон, остальные захватил Росций Магн (Хрисогон, надо думать, удовольствовался деньгами).

Все имущество убитого, оценивавшееся в 6 миллионов сестерциев, продали за 2 тысячи. Его сын бежал в Рим, где нашел защиту у Цецилии, дочери Метелла Балеарского и сестры Метелла Непота. Видные граждане Америи отправили делегацию к Сулле в лагерь под Волатеррами, но Хрисогон убедил их не обращаться к диктатору, пообещав, что уладит дело сам. Росциймладший тем временем, видимо, стал добиваться справедливости через покровителей в Риме, и тогда убийцы выдвинули против него обвинение в отцеубийстве (Цицерон. За Росция. 628). Правда, закон о проскрипциях не запрещал убивать опальных даже их детям, но как преодолели это противоречие обвинители, неизвестно.

Это было первое дело, которое рассматривала комиссия по делам об убийствах, только что начавшая работу (§ 28). Защиту Росция-младшего взял на себя начинающий оратор из Арпина, 26-летний Марк Туллий Цицерон, благодаря чему мы и знаем о деталях дела — правда, только в версии защиты. Однако важно не столько то, в какой мере соответствует эта

версия истине (вряд ли отклонения слишком уж сильны), а тон, которым произнесена речь Цицерона.

Прежде всего оратор заявляет, что сочувствующие Росцию нобили присутствуют в суде, но молчат, желая избежать опасности (*periculum*) (За Росция. 1). Он называет их — Метеллы, Сципионы, Сервилии (§ 15). Дело Росция ведет Марк Валерий Мессала. Чего же боятся столь знатные люди? Прямого ответа Цицерон не дает, но догадаться нетрудно. Он почти с самого начала идет в атаку, доказывая, что за кулисами аферы стоит фаворит диктатора Хрисогон. Намек ясен — он-то и нагоняет страху на именитых доброхотов Росция.^{1392} Вольноотпущенник не просто изображен негодяем. Оратор сравнивает его с одним из самых одиозных марианцев — Фимбрией, который грозился подать в суд на Сцеволу за то, что тот не принял клинок всем телом, когда Фимбрия на него покушался (§ 33–34). Иными словами, чем же победители лучше побежденных? Дело Росция превращается в дело Хрисогона.^{1393}

Казалось бы, зачем это понадобилось? Для того чтобы доказать невиновность подсудимого, аргументов хватало и так. А ведь Хрисогон — вольноотпущенник Суллы. Правда, Цицерон утверждает, что Сулла о его махинациях не знал (§ 21, 25, 26, ПО, 127, 131–132), что вполне вероятно.^{1394} Но дело ведь не в данном конкретном случае, а в том, что такое в принципе возможно — и понятно, благодаря кому.^{1395} Все прекрасно знали, что диктатор водит дружбу с разными сомнительными личностями — актерами, кифаристами, шутами и прочими, среди которых немало либертинов, — и оказывает им милости. Да и любому римлянину было ясно, что патрон отвечает за своих вольноотпущенников, хотя Цицерон для виду это и отрицал (§ 130).

Весьма двусмысленно выглядит защита Суллы от возможных обвинений в причастности к злодеяниям Хрисогона: у него-де много дел, он врачует «упущения прошлого», ему некогда перевести дух, мошенники только и ждут, когда диктатор отвернется, чтобы они могли делать свои грязные дела, он подобен Юпитеру, от которого люди видят не только благо, но и стихийные бедствия, однако не обижаются на него за это (§ 22, 131). Но все это он делает один (*solus*), и не просто занимается делами управления, а царствует (*regere*), то есть является тираном, узурпировав полномочия, при нормальном республиканском режиме разделяемые между разными магистратами. Да и известно, какими «важными делами» занят Сулла — проводит время с мимами и шутами. Говоря о неосведомленности Суллы об аферах Хрисогона, Цицерон употребил слово *imprudente*,

означающее и «по неведению», и «по недалёковидности». Сравнение с Юпитером, отражавшее штампы сулланской пропаганды, отдаёт откровенным сарказмом.^{1396}

Оратор не стесняясь поносит дело победителей. «Если брались за оружие только ради того, чтобы последние люди обогащались чужими деньгами... и если нельзя не только действовать, но и говорить поперек, тогда, значит, этой войною не возрожден, не поднят с одра римский народ, а сокрушен и раздавлен». Правда, Цицерон тут же оговаривается, что «это не так, судьи», но предыдущие слова звучат куда убедительнее (§ 137–138). Он прямо обличает проскрипции, погубившие многих достойных людей. Их гибель он объясняет опятьтаки двусмысленной *imprudencia*, не то неведением, не то недалекостью полководцев-победителей (*imprudentibus imperatoribus*) — Суллы и его помощников. Избиение многих судебных ораторов Цицерон сравнивает с резней при Тразименском озере и Каннах (§ 89), что уподобляет диктатора Ганнибалу — злейшему врагу Рима. Цицерон предупреждает, что если поощрять таких, как Хрисогон, то людей начнут убивать даже у судебных скамей (§ 12). Но ведь это не столько предупреждение, сколько лишь слегка шаржированное изображение недавно закончившегося террора, когда резня шла прямо на улицах. Оратор открыто издевается над законом о проскрипциях, говоря, что не знает точно, был ли это закон Корнелия или Валерия (§ 125), — иными словами, был ли это вообще закон?! Наконец, он напоминает, что сенат не дал согласия на проскрипции (§ 153).^{1397} Столь подробно живописав безобразия нынешнего режима, Цицерон ни слова не сказал о том, в чем конкретно изменилось положение к лучшему после победы сулланцев.

Таким образом, не малопримечательного Хрисогона,^{1398} а самого Суллу избрал дерзкий оратор своей мишенью.^{1399} И хотя он твердил о своей лояльности диктатору, было ясно, что это лишь не слишком тщательная маскировка.^{1400} Удивляет смелость Цицерона, о которой он и сам не без кокетства говорил на процессе (За Росция. 1–2). Правда, риск оправдал себя — суд признал Росция невиновным,^{1401} а его защитник обрел популярность как способный судебный оратор (Цицерон. Брут. 312; 314). Но главное — не последовало никаких репрессий со стороны правящего режима. А ведь диктатор и его приспешники не могли не понимать истинного смысла речи Цицерона. Но, видимо, Сулла считал, что он выше подобных булавочных уколов, да и минимум вежливости молодой оратор соблюл, несколько раз засвидетельствовав ему свое почтение — пусть лишь на словах. Очевидно, несмотря на диктатуру, свобода слова в

Риме была не столь уж мала.

Кроме того, Цицерон прямо дал понять, что «озвучивает» мнение весьма родовитых фамилий — Сципионов, Метеллов, Мессал, Сервилиев (кого именно, правда, неясно). Отсюда, конечно, не следовало, что все эти фамилии целиком были настроены против Суллы. Но и то, что хотя бы некоторые их представители, пусть и младшие,^{1402} проявили оппозиционность, кое о чем говорило.^{1403}

И вот что интересно: тогда же, в 80 году,^{1404} Сулла женился на некоей Валерии. Плутарх описывает это как внешне романтическую историю с мещанским подтекстом: во время гладиаторских игр «случайно поблизости Суллы села женщина по имени Валерия, красивая и знатная родом... недавно разведенная с мужем. Проходя мимо Суллы, за его спиною, она протянула руку и вытащила шерстинку из его тоги и проследовала на свое место. На удивленный взгляд Суллы Валерия ответила: «Да ничего особенного, император, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья». Сулле приятно было это слышать, и он явно не остался равнодушен, потому что через подосланных людей разузнал об имени этой женщины, выведал, кто она родом и как живет. После этого пошли у них перемигивания, переглядывания, улыбки, и все кончилось сговором и браком... Суллу к этому браку... привели чувства отнюдь не прекрасные и безупречные; как юнец, он был покорен смелыми взглядами и заигрываниями — тем, что обычно порождает самые позорные и разнузданные страсти» (Сулла. 35. 511).

Вполне возможно, что Валерия была по сердцу диктатору, но то же наверняка можно сказать и о многих других женщинах. Выбрал, однако, он именно ее. Плутарх сообщает, что она была сестрой видного оратора, сулланца Квинта Гортензия. Но также и Марка Валерия Мессалы — не того ли, что вел дело Росция? Такое вполне возможно.^{1405} В любом случае это была одна фамилия. Характерно и то, что Валерии Мессалы были связаны с марианцами.^{1406} Возможно, именно поэтому с Валерией развелся и ее первый муж.^{1407} Словом, Сулла явно решил перетянуть фрондеров на свою сторону, а заодно обрел семейное счастье. Валерия забеременела от Суллы, но ребенок — девочка — родился уже после смерти отца. Как и положено было в Риме называть таких детей, ее нарекли Постумой.

А вот семейная жизнь одного из ставленников Суллы (да и жизнь вообще) сложилась не слишком удачно. В конце 81 года скончался царь Египта Птолемей IX Сотер П. Из представителей царствующего дома налицо оказалась лишь Клеопатра Береника III. Александрийскую

верхушку правление женщины не устраивало. Через полгода из Рима пригласили бежавшего в свое время к Сулле Птолемея Александра. Аппиан вообще отводит диктатору главную роль в этом деле — он якобы хотел утвердить на берегах Нила своего ставленника и свободно пользоваться ресурсами богатой страны фараонов. Прибыв в Египет, царевич женился на Клеопатре Беренике, которая приходилась ему мачехой, и принял тронное имя Птолемея XI Александра П. Однако всего через 18 или 19 дней по неизвестным причинам он убил супругу. Однако царица пользовалась популярностью у александрийцев, и это привело к катастрофе. Новоиспеченного монарха выволокли из дворца, притащили в гимнасий и там прикончили. Попытка Суллы укрепиться на берегах Нила провалилась. [{1408}](#) Обстоятельства не позволили ему покарать убийц своего ставленника — его власть уже клонилась к закату.

Глава 13

УМЕНИЕ УЙТИ КРАСИВО

Сулла находился у власти уже около двух лет. Он реформировал сенат, магистратуры, суды, финансы, управление провинциями, возвысил одних, унизил других, уничтожил третьих. Поднимались ввысь новые храмы. Пропаганда твердила о наступлении золотого века.

Правда, на окраинах Империи сражался с сулланцами Серторий, Митридат, разбив Мурену в Каппадокии, преспокойно продолжал царствовать в Понте, а александрийцы, убившие поставленного Суллой царя, не понесли никакого наказания. В Риме бойкие ораторы почти открыто критиковали новый режим, а слушатели охотно внимали их крамольным речам. Кто-то, возможно, вспоминал греческий стих: «Часто при распрах почет достается в удел негодяю». [{1409}](#)

Но главное было сделано — восстановлена подлинная республика, а не та, которую довели до жалкого состояния своими новшествами мятежные трибуны и иже с ними. Сенат, очищенный от смутьянов и пополненный надежными людьми, обрел прежнюю власть и может уверенно править державой. Он может не бояться больше всаднических судов, ибо теперь сам контролирует их.

Предстояли консульские выборы на 79 год. Аппиан пишет, что комиции избрали Суллу консулом в угоду ему, но он отказался и провел на эту должность Публия Сервилия Ватия и Аппия Клавдия Пульхра (ГВ. I. 103. 480). История эта весьма загадочна и довольно любопытна. Высказывалось мнение, что диктатор не выдвигал свою кандидатуру на выборах и отказался от переизбрания потому, что нарушил бы в таком случае собственный закон о десятилетнем интервале между первым и вторым консулатами. [{1410}](#) Это вполне возможно, но непонятно другое: шла ли речь о спектакле, позволявшем Сулле продемонстрировать примерное законопослушание, или его соратники проявили излишнюю прыть? Сомнительно, что он ничего не знал о выдвижении его кандидатуры: это делалось не в одночасье, да и не могли сторонники диктатора не понимать, что оказывают ему медвежью услугу — ведь при переизбрании он уподоблялся Марию, Цинне и Карбону. А услужливых дураков в ближайшем окружении Суллы не замечено. Посему остается думать, что он устроил политический спектакль, — если, конечно, история, рассказанная

Аппианом, изложена точно. Следует напомнить, что сцены такого рода устраивал впоследствии и Цезарь, отказывавшийся от знаков царской власти, которую ему публично предлагали. Да и его преемник Октавиан, как известно, в январе 27 года притворно сложил с себя власть, чтобы затем вновь принять ее по настоянию сенаторов.^{1411}

Но если Цезарь и Октавиан прибегали к таким средствам для укрепления власти, то Сулла замыслил иное. Он демонстрировал законопослушание, по-видимому, не ради себя, а ради упрочения созданной им системы — ведь всего через несколько месяцев диктатор, выражаясь современным языком, подал в отставку.

Произошло это, видимо, в январе 79 года, вскоре после вступления в должность новых консулов — Аппия Клавдия Пульхра и Публия Сервилия Ватии.^{1412} К всеобщему удивлению, Сулла объявил о сложении им полномочий, распустил ликторов и заявил, что готов дать отчет о своих действиях всякому, кто пожелает. Аппиан рассказывает, что после этого какой-то юнец стал поносить его и не прекращал браниться до тех пор, пока бывший диктатор не дошел до дому. Тот же, прежде чем войти в дом, заметил: «Этот мальчишка послужит помехой для всякого другого, кто пожелает сложить с себя власть».^{1413} «Прошло короткое время, и римляне поняли, насколько Сулла был прав: Гай Цезарь своей власти не сложил» (Аппиан. ГВ. I. 103. 480–484; 104. 485–487; Плутарх. Сулла. 34.6). Насколько достоверен рассказ Аппиана, мы не знаем, но он отражает если не реальный факт, то черты характера Суллы — умение не обращать внимания на мелочи, а также его блистательный артистизм. Демонстративным равнодушием бывший диктатор добился едва ли не большего, чем юнец — своей выходкой. Он выставил дерзкого в качестве моськи, лающей на слона. Это было хорошим дополнением к главному спектаклю — сложению диктаторских полномочий.

Неожиданная отставка диктатора, естественно, повергла его сограждан в изумление — ведь никто не оспаривал власть повелителя Рима. Это впечатляло куда больше, чем отказ от третьего консульства. Недоумевали античные писатели более позднего времени, теряются в догадках современные ученые. Удивлял не только отказ от абсолютной власти, но и отсутствие у Суллы боязни оказаться частным лицом после того, как он перебил столько людей. Плутарх объяснял поступок Суллы верой в свое счастье, а Аппиан — тем, что он пресытился войнами и властью «и полюбил сельскую жизнь» (Плутарх. Сулла. 35.6; Аппиан. ГВ. I. 103. 482; 104. 490). Современные историки прибегают к более хитроумным

объяснениям. Одни говорят о том, что он сложил диктаторские полномочия еще перед принятием консулата в 80 году, а через год просто истек срок консульской должности, о сложении которой он, как полагается, и объявил. [{1414}](#) Другие пишут, что он столкнулся с организованной оппозицией знати, недовольной его всевластием и монархическими устремлениями. [{1415}](#) Третьи указывают, что ни римское общество, ни сам Сулла еще не готовы были к введению постоянной единоличной власти, диктатура изначально рассматривалась как временная, да и сам диктатор уже был, по-видимому, тяжело болен. [{1416}](#) Указывается, наконец, что Сулла, в сущности, отказался от конкретной должности, но не ушел от политики и продолжал пользоваться серьезным влиянием. [{1417}](#)

С большинством этих суждений трудно спорить. Это мы сейчас знаем, что всего через полстолетия в Риме установилась императорская власть, просуществовавшая пять долгих веков. Сулла этого не знал и ни о какой монархии не помышлял. Он достиг всего, чего хотел, — добился славы и влияния, наградил друзей, покарал врагов. Оставалось лишь наслаждаться достигнутым. Даже его собственное окружение не поняло бы, если бы он продолжал бессменно управлять Римом. Ведь Цезарь, который смеялся над Суллой, отказавшимся от диктатуры, [{1418}](#) был предан даже ближайшими соратниками — он захотел слишком многого. Тем более не мог не чувствовать таких настроений его предшественник, хотя об организованной оппозиции в рядах знати пока еще говорить не приходилось.

Бывший диктатор в общем-то мог не опасаться неприятностей. О каких-либо репрессиях против него не могло идти и речи — консулы были его ставленниками, плебейские трибуны молчали. В Италии жило более 100 тысяч сулланских ветеранов, в заседаниях комиций участвовали многие из десяти тысяч Корнелиев — освобожденных им рабов. Все это обеспечивало Сулле безопасность на случай смут (Аппиан. ГВ. I. 104. 489). Кроме того, на улице его сопровождала густая толпа клиентов, и какому-нибудь убийце-одиночке нелегко было бы прорваться к нему. В доме же он вряд ли принимал кого попало. Конечно, от случайностей не застрахован никто, но Сулла верил в благосклонность богов и не ошибся.

Был ли он доволен созданной им системой? На сей счет источники молчат. Поскольку новые порядки еще не успели показать, насколько они хороши или дурны, у их создателя не было оснований для скоропалительных выводов.

Как уже говорилось, отказ Суллы от полномочий диктатора не означал

ухода из политики — это противоречило бы всей римской традиции. Он, так сказать, лишь перешел в новое качество. Сулла перестал заниматься каждый день массой вопросов как прежде, но берег свое влияние, *auctoritas*, для того, чтобы в наиболее важных случаях бросить его на чашу весов.^{1419} К слову сказать, его формально назначили проконсулом Цизальпинской Галлии (Транш Лициниан. 32F). Однако это было лишь почетное назначение — в «свою» провинцию он не выехал и ею не управлял.^{1420}

Одним из таких случаев стали консульские выборы на 78 год. Главными претендентами были Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катул. Последний был преданнейшим сторонником бывшего диктатора и созданного им порядка, истинным человеком идеи, хотя и отжившей. А вот Марк Лепид являл собой фигуру куда более противоречивую. Он был женат на Апулее — возможно, дочери мятежного трибуна Сатурнина (Плиний Старший. VII. 122). Одного из его отпрысков, по-видимому, усыновил консул 83 года Луций Корнелий Сципион (V. 22. 17). Во время правления Мария и Цинны Лепид оставался в Риме, но во время последнего тура гражданской войны в 83–82 годах перешел на сторону Суллы, разведясь с компрометирующей его женой.^{1421} В 81 году он стал претором и нажился на проскрипциях, а по истечении срока должности управлял Сицилией и обогатился там за счет вымогательств и грабежей.^{1422}

Катула активно поддерживал Сулла, а Лепида — Помпеи (Плутарх. Сулла. 34.7). Почему он, Помпеи, получивший от Суллы триумф, женившийся на его падчерице, вдруг выступил против него? Если исходить из версии Плутарха о предшествующих трениях между ними, вопросов не возникает. Но мы уже показали, что эта версия весьма сомнительна. Откуда же тогда возникли противоречия?

Плутарх уверяет, будто после триумфа Помпею ничего не стоило попасть в сенат, но он-де этого не захотел, пожелав нетривиальных путей карьеры (Помпеи. 14). Однако дело, думается, в другом. Сулла ввел строгий порядок прохождения должностей, который не предусматривал для столь молодого человека, как Помпеи, возможностей занимать магистратуры.^{1423} Конечно, диктатор мог бы сделать для него исключение, но на сей раз он так не поступил. Почему? Конечно, это явно не понравилось бы другим сторонникам Суллы, достигшим более почтенного возраста. А их мнение не было для него пустым звуком. Но ведь он позволил «юнцу» праздновать триумф, хотя и тогда были возражения. Значит, имелись и какие-то иные причины. Какие?

Мы помним, что падчерица Суллы Эмилия, предварительно разведенная с первым мужем, умерла от родов вскоре после брака с Помпеем. Никакой вины последнего в случившемся, разумеется, не было, тем более что Эмилия и забеременела-то не от него. Но это если судить сугубо рационально. Однако Сулла, как мы могли не раз убедиться, не был лишен суеверий. По-видимому, в смерти падчерицы, к тому же дочери любимой Метеллы, он увидел знак свыше — Помпеи в качестве родственника ему не подходит. Тогдато молодой полководец (не без усилий недругов) и оказался на вторых ролях. Теперь же он мог насолить неблагодарному Сулле, для которого столько сделал во время гражданской войны.

Победу на выборах одержали и Лепид, и Катул, но первый получил больше голосов по сравнению со вторым. Бывший диктатор, как пишет Плутарх, встретив радовавшегося победе Помпея, сказал ему: «Как хорошо, молодой человек, разобрался ты в государственных делах, проведя на должность Лепида впереди Катула, человека безрассудного впереди достойного. Теперь уж тебе не спать спокойно — ты сам создал себе соперника» (Суллa. 34. 7–9). В биографии Помпея тот же писатель высказывается более пространно: «Помпеи силой и против воли Суллы^{1424} (!) сделал консулом Лепида, поддержав его кандидатуру и... доставив ему народную благосклонность. Видя, как Помпеи возвращается домой через форум в сопровождении толпы народа, Сулла сказал: «Я вижу, молодой человек, что ты рад своему успеху. Как это благородно и прекрасно с твоей стороны, что Лепид, отъявленный негодяй, по твоему ходатайству перед народом избран консулом, и даже с большим успехом, чем Катул, один из самых добропорядочных людей. Пришла пора тебе не дремать и быть настороже: ведь ты приобрел врага гораздо более сильного, чем ты сам»» (Помпеи. 15. 1–2).

Как видим, в первом случае Сулла скорее подтрунивает над недалёковидным Помпеем, а вот во втором жестко критикует его. В первом случае Лепид лишь «безрассудный», во втором — «отъявленный негодяй». Наконец, в первом случае не сказано о том, что Помпеи действовал «силой». И тут, и там сказано, что он создал себе соперника, но во втором случае добавлено, что сей соперник сильнее-де самого Помпея.

С чего Сулла взял, что Лепид будет врагом молодого полководца? Как обычно, у Плутарха (или его информаторов) последующие события отбрасывают тень на предшествующие. А именно: вскоре после смерти Суллы Лепид поднял восстание под лозунгом борьбы с сулланскими порядками; подавили его Катул и Помпеи. Разумеется, бывший диктатор и

на сей раз все «предвидел» — совсем как в случае с Цезарем, в котором-де сидела сотня Мариев. Высказывалось даже предположение, что Помпеи нарочно поддержал Лепида, чтобы тот начал смуту и дал ему возвыситься в борьбе с ней.^{1425}

Все это, однако, весьма сомнительно. При жизни Суллы Лепид вряд ли позволял себе какие-либо оппозиционные жесты.^{1426} Разве разрешил бы экс-диктатор Лепиду стать консулом, если бы имел на его счет какие-либо сомнения? К тому же речь шла не о конкурентной борьбе между кандидатами на одну должность, а о двух претендентах на два места, соперничества между которыми не было. Возмутила Суллу, по-видимому, не победа Лепида (она не вызывала сомнений изначально), а то, что он, перебежчик и оппортунист, получил больше голосов, чем «свой» Катул, прошедший огни и воды в борьбе с марианцами. Помпеи же в последующие годы постарался представить недовольную реплику Суллы как проявление острой вражды — он с удовольствием изображал из себя человека, осмелившегося бросить вызов грозному повелителю Рима. Разумеется, чтобы поменьше помнили о том, как верно он ему служил. Противники же Помпея из числа консерваторов не стали опровергать его, но сделали акцент на том, что он поддержал бунтовщика Лепида. Замечание о том, что Лепид соперник более сильный, чем Помпеи, возможно, тоже их выдумка — ведь с самим Лепидом Помпеи не сражался, его разбил «добропорядочный» Катул.

Таким образом, Плутарх вновь развил позднейшую версию, искажавшую события из сиюминутных конъюнктурных соображений. Однако все это не значит, что отношения между Суллой и Помпеем были нормальными — ведь никаких магистратур последний пока не занял и в сенат так и не попал. Правда, тут, как уже говорилось, наверняка сыграли свою роль усилия влиятельных соратников Суллы, считавших, что Помпеи и так получил слишком много.

Свободное время бывший диктатор проводил на своей вилле в Кампании, между Кумами и Путеолами.^{1427} Это благодатные края, словно созданные для отдохновения от трудов и забот. Роскошные поля и луга, оливковые рощи, великолепные виноградники, заросли из акаций, мирта, розмарина, животворный морской воздух... Здесь «под сапфировым небом, согретые нежащим теплом, вдыхая напоенный благоуханиями чистый воздух, освежаемые прохладой тирренских вод, жили счастливейшие народы, воспетые поэтами как обитатели преддверия элисия. Да, ни в одном уголке земного шара поэты не могли создать более чарующих

картин», — писал о тех краях Рафаэлло Джованьоли.^{1428} Правда, в Союзническую войну «счастливейшим народам» Кампании пришлось хлебнуть горя, в том числе и по вине Суллы, но в войну гражданскую они не оказали ему сопротивления и пострадали лишь некоторые города. Поместье же бывшего диктатора находилось в самой процветающей части области.

Аппиан пишет, что в путеольском поместье Сулла развлекался охотой и рыбной ловлей (ГВ. I. 104. 488). Наконец он мог отдохнуть душой от бесконечных дел и поражать не своих врагов, а гонимых охотниками животных. Конечно, Сулла не впервые был в этих краях, еще в позапрошлом году он довольно долго пребывал здесь во время кампании против Норбана и Сципиона. Но тогда все его внимание поглощала борьба с марианцами, теперь же их легионы не тревожили его. Правда, еще сопротивлялся Серторий, но он на краю земли, в Испании, и Метелл наверняка разобьет его.

Однако о врагах Сулла все же не забывал, ибо продолжал вести с ними мысленный бой. Его главным занятием стало сочинение мемуаров на греческом языке.^{1429} И в них он нанес, пожалуй, самое страшное поражение своим недругам. Мифы, порожденные им в «Воспоминаниях», до сих пор продолжают владеть умами многих историков. Отчасти тому причиной литературные дарования Суллы, отчасти — его авторитет, а отчасти — почти полное отсутствие источников, которые могли бы изобличить многие из вымыслов маститого мемуариста.

Трудно было отрицать, что Марий — великий полководец и что именно он победил Югурту и германцев. Но что нельзя отрицать, то можно принизить. Вот, например, пленение Югурты. Зачем указывать, что Марий сам поручил Сулле ехать к Бокху захватывать нумидийского царя? Лучше написать, что Бокх сам предложил выдать Югурту Сулле и тот действовал разве что с ведома, а не по прямому приказу Мария. Кто же теперь проверит? Можно таким образом и себя возвеличить, и врага унижить. А кто запрещает написать, что главнокомандующий завидовал Сулле? Тоже теперь не проверишь. Пусть думают, что уже с той поры началась вражда его, Суллы, с Марием. Опятьтаки хороший способ убить двух зайцев: арпинат выставлен злобным завистником, а Сулла, коль скоро есть чему завидовать, — истинный герой Югуртинской войны.

Сложнее с войной против германцев. Катулстарший, в сущности, негодяй, приписавший себе одному заслуги Суллы, — без него этот горе-полководец не удержал бы строй при Верцеллах. Но его жизнь оборвалась

при марианцах, да и сын Катула — преданнейший диктатору человек, а потому не стоит обо всем этом упоминать.^{1430} Лучше отыгаться на том же Марии. Он опять позавидовал успехам Суллы, и томуде пришлось уйти служить к благородному Катулу. На делето, конечно, Марий отправил его к нему сам, но то-то и обидно — пришлось не биться при Аквах Секстиевых, а собирать провиант для обеих армий.

Хороши и дружки Мария. Публий Сульпиций — негодяй, открыто торговавший римским гражданством; Луций Цинна, за взятку в триста талантов выступивший с негодными законопроектами и перебивший множество знатных; Гай Фимбрия, умертвивший консула, а позднее, когда воины от него отвернулись, на коленях умолявший их о спасении.

Но главное — напомнить, что именно он, Сулла, избранник богов. Бывший диктатор не раз писал о божественных знамениях. Например, об огненном столбе, упершемся в небо под Лаверной во время Союзнической войны; о жертвоприношении под Тарентом, когда на печени жертвенного животного увидели очертания венка; о схватке двух козлов накануне битвы при Тифатской горе, чьи призраки затем унеслись в небо. Не забыл Сулла упомянуть и о снах — о явлении ему Ма-Беллоны во время похода на Рим в 88 году и о Марии, перед сражением при Сакрипорте предупреждавшем сына не давать в тот день бой. Написал он и о том, что дела, начатые им по вдохновению, удавались ему лучше, чем обдуманые. Взять хотя бы битву при Орхомене, когда он бросился в гущу врагов, стыдя воинов. Уцелел и победил. При Тифатской горе даже не успел построить войско, как воины устремились на врага. При Сакрипорте солдаты устали, промокли, а Сулла все же дал бой и выиграл. Как тут не поверить в покровительство богов? Может, он что-то забыл или преувеличил, но суть ясна.

Возможно, бывший диктатор рассуждал и не столь прямолинейно и цинично — кто прямо признает себя лжецом? Но в глубине души он не мог не понимать, что слишком часто отступает от истины. Однако Сулла не сомневался в своей правоте. В конце концов, его мемуары — тоже оружие, оружие борьбы с его врагами, а стало быть, и врагами Рима, которому он вернул мир и справедливость. А на войне иногда дозволена и хитрость. Отчего же ради благой цели к ней не прибегнуть и сейчас?

Сулла успел надиктовать 22 книги «Воспоминаний», которые, к слову сказать, посвятил верному Лукуллу (Плутарх. Сулла. 6.10; 37.1). Закончил он это делать за два дня до кончины и будто бы даже успел написать в мемуарах о ней. Ему приснился сын, умерший немного раньше Метеллы. «Дурно одетый, он, стоя у ложа, просил отца отрешиться от забот, уйти вместе с ним к матери, Метелле, жить вместе с ней в тишине и покое»

(Плутарх. Сулла. 37. 1–3). (Любопытное признание того, что Сулла, несмотря на «отставку», жил отнюдь не в «покое»!) Правда, известно, что мемуары немного дописал вольноотпущенник, грамматик Луций Корнелий Эпилад (Светоний. О грамматиках и риториках. 12). Вряд ли он дополнил слишком много,^{1431} но историю об этом сне, если она действительно содержалась в «Воспоминаниях», скорее всего, добавил именно он. Возможно, Эпилад упомянул также о том, что за десять дней до кончины Сулла написал законы для Путеол,^{1432} недалеко от которых находилась его вилла, — там, по словам Плутарха, царила распря, и бывший диктатор, будучи патроном города,^{1433} водворил там мир. Какой характер носила эта распря и какие именно законы написал Сулла, неизвестно — видимо, речь шла о порядке выборов должностных лиц.

Итак, дни Суллы были сочтены. Плутарх рассказывает о страшной болезни, поразившей бывшего диктатора. Тот «вначале и не подозревал, что внутренности его поражены язвами. От этого вся его плоть сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь... все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывались запакощены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком — вот до чего дошло. По многу раз на дню погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало. Справиться с перерождением из-за быстроты его было невозможно, и тьма насекомых делала тщетными все средства и старания». Все этому, указывает Плутарх, способствовало общение Суллы с мимами, шутами и кифаристами (Сулла. 36. 3–6; см. также: Плиний Старший. XI. 114; XXVI. 138; О знаменитых мужах. 75.12).

Рассказ Плутарха породил множество научных гипотез. И сейчас врачи подчас ошибаются в диагнозах, видя больного воочию и имея на вооружении современные технические средства, а уж что говорить о попытках установить, чем болел человек, живший две тысячи лет назад. Вспомнили о басне про земледельца и вшей, которую рассказывал Сулла после убийства Офеллы.^{1434} У Суллы находят то чесотку, то фтириазис, то рак кожи. Вероятнее всего, он страдал лобковым педикулезом, ибо гнездящихся там вшей заметить труднее — ни цирюльник, ни банщик в паховую и подмышечную полости не наведываются.^{1435} Но умер он явно не от этого, ибо от вшей или чесотки вообще умереть нельзя.^{1436}

И еще одно любопытное наблюдение. Плутарх указывает, что от вшей умерли многие знаменитости: аргонавт Акает, поэт Алкман, богослов Ферекид, историк Каллисфен, из римлян — юрист Муций Сцевола, к

которым писатель добавляет еще и вождя первого сицилийского восстания рабов Евна (Сулла. 36. 5–6).

Этот перечень весьма интересен. Откуда он взялся? По-видимому, из сочинений Аристотеля, хранившихся после вывоза из Афин в доме Суллы. Великий философ писал, что вши, рождающиеся в теле от избытка влаги, погубили Алкмана и Ферекида (История животных. V. 557a 3). Грамматик Эпикад просто не мог не посмотреть труды Стагирита и потому наверняка знал об этом его замечании. Будучи предан памяти покойного патрона, он решил придать его не слишком героической смерти более достойный характер. Недоброжелатели, естественно, могли сказать, что вши поразили Суллу из-за неумеренного образа жизни, да и вообще это кара богов за совершенные злодеяния. В появившейся примерно в то время Септуагинте говорилось о гибели от вшей нечестивого селевкидского царя Антиоха Эпифана. О Сулле такие разговоры среди греков тоже ходили, и Эпикад, полемизируя с соотечественниками, поставил смерть патрона от столь экзотической болезни в ряд с кончиной других знаменитостей, так что умереть от вшей теперь становилось как бы и не «стыдно». [{1437}](#)

Как же все-таки умер Сулла? Плутарх и Валерий Максим рассказывают, что он призвал к себе некоего Грания, одного из магистратов Пуतेол. Хитрец задерживал взнос от города на восстановление храма Юпитера Капитолийского в Риме, надеясь, возможно, на скорую кончину бывшего диктатора, после чего вопрос вообще отпал бы. Однако разъяренный его увертками Сулла приказал рабам задушить Грания, поднялся крик и шум, у Суллы прорвался гнойник, его вырвало кровью, началась агония, которая после тяжелой ночи свела больного в могилу. Ему было шестьдесят лет (Плутарх. Сулла. 37. 5–6; Валерий Максим. IX. 3. 8). Это случилось, по-видимому, в марте 78 года. [{1438}](#)

От чего же умер отставной диктатор? Сейчас, конечно, уже трудно дать точный ответ, а потому приходится ограничиться более или менее достоверными гипотезами. Одни пишут об острой печеночной недостаточности, вызванной пьянством, [{1439}](#) другие — о туберкулезном абсцессе. [{1440}](#) В любом случае можно полагать, что болезнь зародилась не за две-три недели до кончины Суллы. Очень вероятно, одной из причин сложения им диктаторских полномочий стала нарастающая хворь, стимулируемая ежедневными перегрузками и, в свою очередь, ослаблявшая организм. Так или иначе, человека, еще недавно наводившего ужас на римлян и их подданных, не стало.

Смерть Суллы вызвала различную реакцию. Одни горевали о великом государственном муже, другие радовались смерти безжалостного тирана, третьи со страхом ожидали новой распри. И она не заставила себя ждать.

Первым поводом для выяснения отношений стал вопрос о погребении бывшего диктатора. Его сторонники предложили провезти тело покойного по Италии, выставить в Риме на форуме и похоронить за государственный счет. Тут-то и проявил себя один из консулов 78 года Марк Эмилий Лепид — он выступил против посмертных почестей тирану. Очевидно, он хотел тем самым обрести сторонников среди недругов Суллы. Однако Лепид переоценил свои силы. Его коллега Катул настоял на первоначальном предложении. Поддержку ему оказал и Помпей, хотя покойный диктатор и не упомянул его в своем завещании в качестве опекуна своих детей Фавста и Фавсты (Плутарх. Сулла. 38.2; Помпей. 15.3; Лукулл. 4.5; Аппиан. ТВ. I. 105. 493–494). Однако Помпею не приходилось выбирать — все-таки именно благодаря Сулле он так рано начал карьеру в большой политике и добился триумфа в обход всех правил. К тому же вряд ли он забыл, как надругалась римская толпа над телом его отца, которое вытащили из гроба и проволокли по грязи (Беллей Патеркул. П. 21. 4; Транш Лициниан. 2223F). Теперь были приняты меры, чтобы ничего подобного не повторилось.^{1441}

Все произошло так, как на том настаивали сторонники покойного диктатора. Его тело провезли по Италии и затем доставили в Рим для торжественного погребения. На траурную церемонию явилось множество ветеранов Суллы в полном вооружении, которые по прибытии выстраивались в должном порядке. Они, разумеется, не допустили бы безобразий. Сбежалось и множество зевак — тех, кто был свободен от работы, как уточняет Аппиан.

Перед телом несли штандарты и фасции, которыми пользовался диктатор при жизни. Далее следовали две тысячи золотых венков, дары от городов, друзей и ветеранов покойного. Процессию сопровождали жрецы, сенаторы и магистраты со всеми знаками власти — инсигниями. Римские матроны принесли столько благовоний, что они заняли, если верить Плутарху, 210 носилок. Из ладана и кинамона были изготовлены статуя почившего и изображение ликтора. Трубачи играли траурные мелодии, воздух оглашали стенания плакальчиков и тех, кто искренне скорбел о Сулле — вероятно, нашлись и такие. Тело его в царском облачении выставили на рострах, и речь над ним произнес Квинт Гортензий Гортал, пользовавшийся славой лучшего оратора того времени.^{1442} (Обычно это

делали сыновья умерших, но Фавст Сулла был еще слишком юн.) Затем самые крепкие из сенаторов подняли тело на плечи и понесли его на Марсово поле. До сих пор, как пишет Плиний Старший, никого из Корнелиев не сжигали. Но дальновидный Сулла завещал предать себя после смерти кремации, чтобы его останки не смогли потом выбросить из земли, как поступили по его приказу с останками Мария.^{1443} Погребальный огонь окружили всадники и войско. «Сильный ветер раздул костер, вспыхнуло жаркое пламя, которое охватило труп целиком. Когда костер уже угасал и огня почти не осталось, хлынул ливень, не прекращавшийся до самой ночи. Так что счастье, можно сказать, не покинуло Суллу даже на похоронах. Надгробный памятник Сулле стоит на Марсовом поле. Надпись для него, говорят, написана и составлена им самим. Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла» (Плутарх. Сулла. 38; Аппиан. ГВ. I. 105–106; Плиний Старший. VII. 187).

Так ушел из этого мира любимец богов Луций Корнелий Сулла Феликс. Когда погибли Гракхи, народ посвящал им первины плодов и совершал жертвоприношения там, где их убили. А вот покойный диктатор такой чести не удостоился — хотя он и вернул знати власть, ей было не по себе от его своеволия, а народу и вовсе не за что было его благодарить. Едва ли не сразу после смерти Суллы вспыхнуло восстание против его ветеранов в Фезулах, а посланный усмирить их Лепид сам взбунтовался против сената, обещая вернуть земли тем, у кого их отобрали в ходе недавних конфискаций. Катул и Помпеи подавили движение, а многие из уцелевших инсургентов ушли в Испанию к Серторию. Метелл Пий, несмотря на достигнутые успехи, не мог в одиночку справиться с ним, и на Пиренейский полуостров отбыл Помпей, которому вручили проконсульские полномочия. Серторианское восстание было подавлено, а его вождь убит собственными приближенными, с которыми вскоре расправились легионы сената.

Несмотря на разгром разного рода мятежников, созданный Суллой порядок просуществовал недолго. Слишком уж откровенно выражал он интересы лишь одного и притом узкого слоя римского общества, утверждая его господство над другими.^{1444} Вскоре после смерти диктатора вновь начали вводить хлебные дотации для римского простонародья. Плебейским трибунам опять разрешили занимать другие magistratury. Получили амнистию уцелевшие участники восстаний Лепида и Сертория. А когда в

70 году консулами стали Помпеи и Кресе, оба видные сулланцы, от сулланской «конституции» осталось и вовсе немного: всадникам вновь передали коллегии присяжных, а кроме того, была фактически восстановлена цензура, причем при первом же цензе из сената удалили 64 человека — видимо, низкородных сторонников Суллы.^{[1445](#)} Правда, меры против проскриптов и их детей остались в силе, и только Цезарь впоследствии вернул им права, но и без этого сулланская система была уже непоправимо подорвана. «Новые люди» вновь получили доступ к консулату, плебейские трибуны все больше напоминали о себе, а удачливые полководцы подумывали о том, как повторить путь Суллы. Как известно, Цезарю это удалось. Он не стал устраивать проскрипции, но и власти не сложил. Однако когда покоритель Галлии пал от рук заговорщиков, его преемники показали, что опыт проскрипций не забыт. Тень Суллы продолжала нависать над Римом. И лишь когда закончились гражданские войны, утихли страсти и ушли из жизни те, кто еще помнил всемогущего диктатора, его образ стал своего рода экспонатом в музее римской истории — одним из самых знаменитых.

Заключение

Перед нами прошла жизнь одного из ярчайших персонажей римской истории — Луция Корнелия Суллы. Он мог быть доволен ею. И дело не только в том, что на его долю выпали два консулата, диктатура, триумф. Этим могли похвастаться многие герои Рима. Главное, что ему, впервых, удалось вывести свою фамилию из второразрядных в самые знаменитые. Вовторых, Сулла стал вершителем судеб отечества, о чем не могли мечтать даже самые знатные и удачливые из его сограждан. В-третьих, он жестоко отомстил врагам и наградил друзей. Последнее было начертано на его гробнице на Марсовом поле.

Однако странным образом (а может, отнюдь и не странным) Сулла не упомянул в своей эпитафии о том, что он сделал для блага отечества, для сограждан. В том-то и дело, что их судьба, по-видимому, не очень-то его интересовала. Главным событием, с которым оказалось навсегда связано имя Суллы, стали не победы над Митридатом или административные реформы, а проскрипции. И хотя его современные апологеты утверждают, что неверно рассматривать деятельность Суллы через призму проскрипций, [{1446}](#) это справедливо лишь отчасти. Произвол и жестокость сопровождали почти все важнейшие его акции. То же, конечно, можно сказать и о многих других римских (и не только римских) полководцах и политиках, но ни с чьим именем в эпоху Римской республики историческая память не связывает террор столь прочно.

Пожалуй, «жестокость и алчность преступника и цинизм маргинала были, наверное, определяющими чертами диктатора и во многом благодаря им он и смог победить». [{1447}](#) Эти качества, заложенные в нем природой, развились под влиянием обстоятельств — не слишком удачная судьба фамилии, бедность (по меркам высшего класса), а также общение с маргинальной публикой, в том числе и криминальной. И эпитафия диктатора — яркий тому пример. В ней ничего не говорится о Республике, о благе народа. Главное — наградить друзей и отомстить врагам. Сулла охотно делал исключения из законов и обычаев для себя и своих приверженцев; укрепляя в теории власть нобилитета, он вводил в сенат своих бывших центурионов; призывая граждан к умеренности, он устроил более пышные, чем позволялось, похороны любимой Метелле и т. д. Во всем этом немало от психологии уголовника, как и в азарте налетчика, вкусе к риску, которыми отмечена карьера Суллы, — чего стоили взятие

Рима и откровенный вызов марианцам в 85–84 годах! И еще один момент: истребляя людей тысячами, он вполне мог пощадить тех, кому посчастливилось угодить ему. Так, Сулла лишь попугал рыбаков из Галей, чьих сограждан безжалостно перебил, и готов был даровать жизнь пренестинцу, в доме которого остановился. Подобные случаи объясняются отнюдь не великодушием, как иногда считают, а тем, что он ценил чужое везение — как и свое. В нем он видел знак богов, в которых верил хотя и по-своему, но глубоко и искренне — как и многие преступники, чья жизнь часто висит на волоске.

Однако Сулла был не только великим авантюристом. Как и основатель принципата Август, он был великим актером. Но если первый император в годы правления старался играть «правильного» республиканца, то диктатор не стеснялся выходить за рамки приличий, охотно эпатировал окружающих — мог не наказывать солдат, убивших своего командира, сделать всадником актера, попросить сенаторов не обращать внимания на крики «кучки негодяев», которых «вразумляли» по его приказу. Его главным спектаклем (также эпатирующим) стали проскрипции, когда он благосклонно взирал на приносимые ему головы убитых и холодно отстранялся от несчастных, которые бросались к нему в ноги с мольбами о пощаде.

Еще одним спектаклем, пусть и не столь ярким, но не менее впечатляющим и к тому же куда более загадочным для многих современников и потомков, стал отказ от власти в 79 году. В нем черты характера Суллы отразились едва ли не сильнее, чем во всех прочих его поступках. Здесь было все — и эпатаж, и актерское мастерство, и полная уверенность в себе, и основанный на ней цинизм. Что могло быть удивительнее — отказаться от того, чего добился такими трудами? Вот в чем истинное величие! То, что «отставка» оказалась во многом условной, поняли не все и не сразу, а великолепно поставленная и сыгранная сцена осталась в памяти навсегда. Но было в поведении Суллы и другое — он вел себя как разбойник, который, собираясь покинуть место, где лежали убитые и ограбленные им люди, спрашивал невольных свидетелей: кто из вас посмеет упрекнуть меня в содеянном? Не посмел никто, кроме несмышленного юнца, и Сулла опять оказался в выигрыше. Как великий актер, он удалился со сцены вовремя и красиво, да еще и сумел при этом на ней остаться.

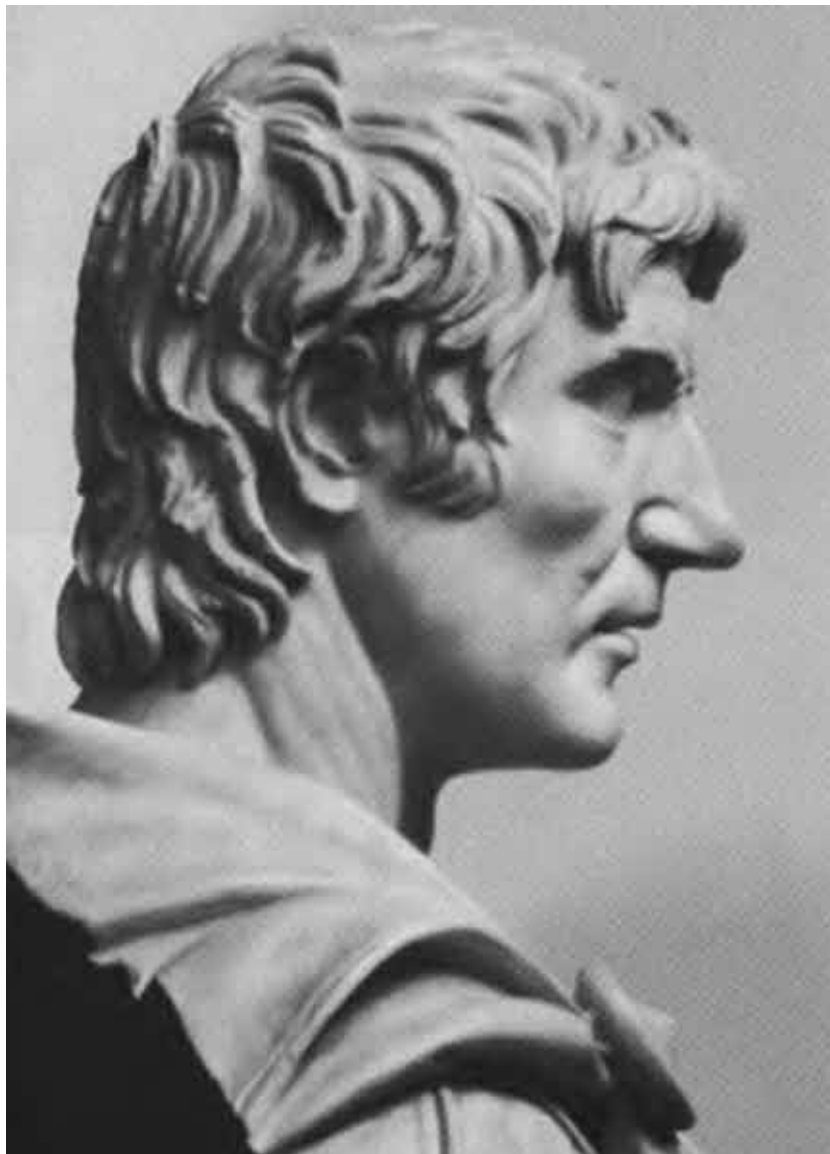
Но он остался не только в римской политике — это большого значения не имело, ибо совсем скоро он умер. Он остался в истории, явив пример удивительнейшей судьбы, перипетии которой способны поразить самое пылкое воображение. А насколько хорошо мы их изобразили и объяснили

— судить читателю.

Краткая хронология жизни и деятельности Суллы

- 138 — рождение Луция Корнелия Суллы.
- Около 115 — женитьба Суллы на Илии (Юлии).
- 107 — квестура Суллы и его отъезд в Африку для участия в Югуртинской войне под командованием Гая Мария.
- 105 — Сулла захватывает в плен нумидийского царя Югурту.
- 104 — 103 — Сулла — легат Мария в войне с кимврами и тевтонами.
- 102 — 101 — Сулла — легат Квинта Лутация Катула в той же войне.
- Около 99 (?) — провал Суллы на выборах в преторы.
- Около 97 — Сулла — городской претор; проведение им ludi Apollinares.
- Около 96–92 — наместничество Суллы в Киликии.
- 91 — установка на Капитолии статуй с изображением выдачи Югурты Сулле.
- 90 — 89 — участие Суллы в Союзнической войне в качестве легата.
- Конец 89 или начало — женитьба Суллы на Цецилии Метелле.
- 88 — первый консулат Суллы. Взятие Суллой Рима и начало гражданской войны. Его первые законы.
- 87 — отъезд Суллы на Восток.
- 87 — 86 — осада Афин и Пирея войсками Суллы.
- 86 — победы Суллы при Херонее и Орхомене.
- 85 — Дарданский мир с Митридатом VI Евпатором.
- 83 — высадка Суллы в Италии.
- 82 — победы Суллы при Сакрипорте и Коллинских воротах.
- 82 — 79 — диктатура Суллы и его законодательство.
- 81 — триумф Суллы. Проведение им игр Ludi Victoriae sullanae.
- Смерть Метеллы.
- 80 — второй консулат Суллы. Женитьба его на Валерии.
- 79 — сложение Суллой полномочий диктатора.
- 78, март — смерть Суллы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Предполагаемое изображение Суллы.

Вид римского Капитолия в I веке до н. э. Реконструкция

Римские актеры. Мозаичное панно.

Доспехи римскою центуриона.

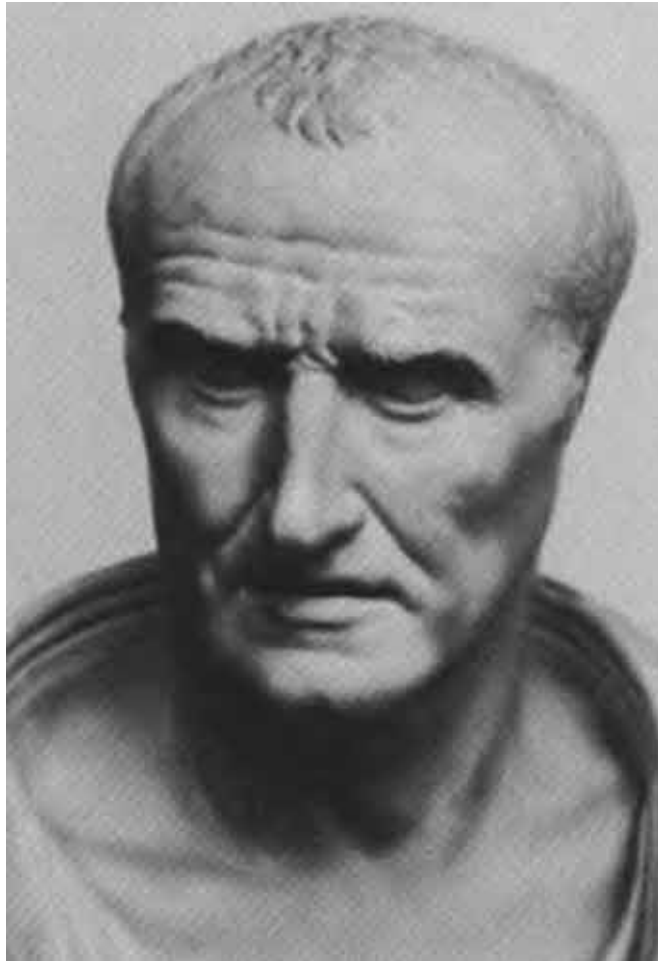

Вид нумидийской столицы Цирты (ныне Константина).

Монета мавретанского царя Бокха — союзника Суллы в Югуртинской войне.

Гай Марий.

Такой ошейник римляне надевали на раба, склонного к побегам.

Наказание раба. Копия с римской фрески.

Монета восставших итальяцев, выпущенная во время Союзнической войны.

Древнеримская вилла. Мозаика из Северной Африки.

Монета понтийского царя Митридата VI Евпатора

Афинский Акрополь во времена осады города Суллой. Реконструкция

Монета, отчеканенная в честь триумфа Суллы.

Проскрипции в Риме. Художник А. Карон.

Храм Сатурна на римском форуме, где хранилась государственная казна.

Храм Весты

Оратор произносит речь перед народом. Римская статуя.

Монета с изображением Суллы.

Современный вид римского форума.

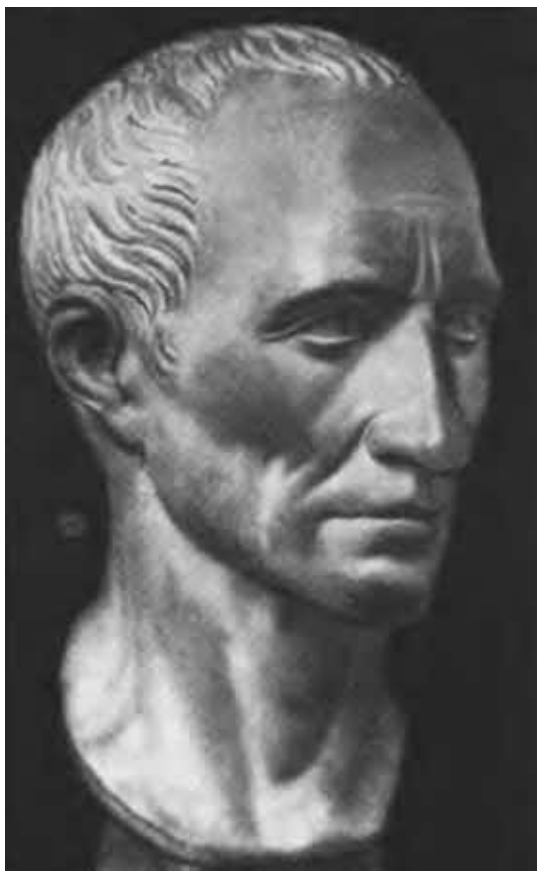
Сулла на триумфальной квадриге

Так могла выглядеть вилла Суллы.

Гней Помпей.

Гай Юлий Цезарь

Сулла в период его диктатуры

Библиография

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1985.

Утченко С..77. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947.

Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002.

Hantos Th. Res publica constituta. Die Verfassung des Diktators Sulla. Stuttgart, 1988.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982.

Letzner W. Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie. Munster, 2000.

Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002.

Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der spaten romischen Republik. Wiesbaden, 1988.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942.

Valgiglio E. Silla e la crisi repubblicana. Firenze, 1956.

Valgiglio E. Plutarco. Vita di Silla. Torino, 1960.

Volkman H. Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der romischen Republik. Munchen, 1958.

При цитировании античных авторов использованы следующие издания:

Аппиан. Римская история. М., 1998.

Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Книги I–VIII. М., 2003.

Бревиарий Юлия Эксуперанция // ВДИ. 2004. № 1. С. 261–269.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М., 1992.

Ливии Тит. История Рима от основания Еорода. Т. I–III. М., 1989–1993.

Малые римские историки. Беллей Патеркул. Луций Анней Флор. Луций Ампейлий. М., 1996.

Мемнон. О Еераклее // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316.

Овидий Назон Публий. Собрание сочинений. Т. III. СПб., 1994.

Павсаний. Описание Эллады. Т. III. М., 1994.

Платон. Сочинения. Т. I. М., 1990.

- Плутарх. Избранные жизнеописания. М.; Л., 1941.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1994.
- Римские историки. М., 1970.
- Саллюстий Крит Гай. Сочинения. М., 1981.
- Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Страбон. География. М., 1994.
- Цицерон Марк Туллий. Речи. Т. II. М., 1994.
- Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Список сокращений

АМА — Античный мир и археология
ВДИ — Вестник древней истории
МНМ — Мифы народов мира
AJA — American Journal of Archeology
AJPh — American Journal of Philology
ANRW— Aufstieg und Niedergang der romischen Welt
CAH — The Cambridge Ancient History
CIL—Corpus inscriptionum latinarum
CPh — Classical Philology
CQ — Classical Quarterly
ILS — Inscriptiones latinae selectae Inscr.
It. — Inscriptiones Italiae.
JRS — Journal of Roman Studies
RE — RealEncyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RFIC — Rivista di filologia e di istruzione classica
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
SIG — Sylloge inscriptiones Graecarum.
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association

---

comments

Комментарии

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 178.

Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 9.

Правда, в сокращенном изложении — периодах или эпитомах.

В нашем главном источнике, биографии Суллы в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, должное внимание уделяется только Первой Митридатовой и гражданской войнам (а также диктатуре), остальным же конфликтам, в которых участвовал Сулла, посвящено лишь по одной главе (Keaveney A. Introduzione [alia biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 254).

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 10.

См. обзор дискуссий: Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993. С. 46–88.

Marquardt J. Romische Staatsverwaltung. Bd. I. Darmstadt, 1957. S. 76–80.

См., напр.: Blazquez / М. Economia de la Hispania Romana. Bilbao, 1975.
Р. 234.

Lintott A. Ж Imperium Romanum: Politics and Administration. L.; N. Y., 1993. P. 50.

См., напр.: Линтотт Э. В. Право и юрисдикция в Римской империи // ВДИ. 1998. № 4. С. 32.

Саллюстий. Заговор Катилины. 12.4. Правда, это реплика писателя, а не представителя власти, к тому же Саллюстий относит ее ко временам добродетельных предков и признает, что в его время все обстоит уже не так прекрасно. Но можно не сомневаться, что он повторял одно из общих мест римской пропаганды.

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 1–2.

Следует оговориться, что народом (*populus*) да и гражданами (*cives*) считались поначалу только патриции (см.: Маяк И. Л. *Populus, cives, plebs* начала Республики // ВДИ. 1989. № 1. С. 66–80).

Санчурский Н. В. Римские древности. М., 1995. С. 68. Правда, и ответственность сенаторов была выше: только они привлекались к суду по делам о вымогательствах в провинциях, а когда комиссии присяжных стали комплектоваться из членов всаднического сословия, лишь сенаторы судьи подлежали суду за взяточничество (Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 33). К тому же их общественное положение влекло за собой большие расходы на представительство, которые многим из них оказывались не по карману (Hawthorn J. R. The Senat After Sulla // Greece and Rome. 2nd Ser. Vol. 9. 1962. P. 55–57).

В конце Республики консулярами стали считать также тех, кто получал знаки консульского отличия, *omamenta* (или *insignia*) *consularia*. Правда, первый случай их дарования зафиксирован источниками лишь в 65 году до н. э. (Ktiber B. *Consularis* // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1138).

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 24.

См.: Санчурский Н. В. Указ. соч. С. 66–67.

О магистратурах, исчезнувших ко времени гражданских войн, речь не идет.

Обычно считается, что квестура стала обеспечивать доступ в сенат только со времен Суллы (см.: Hawthorn J. R. *Op. cit.* P. 53). Однако законы последнего о магистратах в основном лишь закрепляли уже существующее положение; в крайнем случае речь может идти лишь о том, что квесторы зачислялись в сенат при Сулле и позже автоматически, а не при следующем цензе (Seager R. *Sulla* // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 201).

Чаще пишут о народных трибунах, что не совсем точно — сами римляне называли их именно плебейскими (*tribuni plebis*). См.: Маяк И. Л. О переводе термина *tribunus plebis* // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 66–70.

Это называлось правом интерцессии (*ius intercedendi*).

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 26.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 44–58.

Мысль эта была общим местом политических концепций эпохи эллинизма (Walbank F. W. Polybius. Berkeley etc., 1972. P. 13).

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis Konstantin. München, 1988. S. 19.

Hawthorn J. R. Op. cit. P. 54.

North J. A. Democratic Politics in Republican Rome // Past and Present. № 126. 1990. P. 5, 16.

Санчурский Н. В. Указ. соч. С. 117.

«Религиозная жизнь в Риме была отражением политической, где духовная власть, подобно светской, была монополизирована ведущими фамилиями и аккуратно распределена между ними благодаря системе кооптации, контролировавшейся самими жрецами... Религиозный контроль был фундаментом политической власти в республиканском Риме, ни в коем случае не являясь чем-то маргинальным, и не рассматривался как нечто почетное, но неэффективное» (North J. A. Op. cit. P. 17).

Weinstock S. Obnuntiatio // RE. Hbd. 34. 1937. Sp. 1727.

См.: Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 53–59.

North J. A. Op. cit. P. 18, 21.

Институт, строго говоря, не собственно римский, а общеиталийский (Premierstein A. von. Clientes // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 24–25).

Известный пример — триумф Сципиона Африканского, перед чьей колесницей шел в колпаке вольноотпущенника сенатор Квинт Теренций Куллеон, которого Сципион освободил из карфагенского плена (Ливии. XXX. 45. 5).

Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 29; Premerstein A. von. Op. cit. Sp. 26–36.

Правда, как указывает Ф. Миллар, прямо о такой обязанности нигде в источниках не сказано (цит. по: Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 51), но это слишком очевидно вытекает из самой сути отношений патроната и клиентелы, чтобы об этом нужно было специально упоминать.

Трухина Н. Н Указ. соч. С. 29; Premerstein A. von. Op. cit. Sp. 36–42.

«Пересмотр основ обязательственных связей между равными и неравными, особенно клиентских отношений, показал, что эти связи были намного менее крепкими, намного менее предсказуемыми и куда более подверженными изменениям, чем это обычно считалось» (North J. A. Op. cit. P. 9).

Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 34–35 (с библиографией).

См.: Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 46. Прим. 1–2.

См.: North J. A. Op. cit. P. 11.

То же писал В. Йегер еще о раннегреческой аристократии: «Аристократической гордости, с удовольствием взирающей на длинный ряд славных предков, противостоит сознание, что первенствующее положение удерживается только доблестью, благодаря которой оно было достигнуто» (Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 34).

См.: Broughton T. R. S. *Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Atlanta, 1984. P. 526–528, 545–546, 563.

Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 22.

См. напр.: Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 11. Т. П. Уайзмен, соглашаясь с этим определением, прибавляет к нему и другое возможное толкование: всадник, впервые в истории своего семейства попавший в сенат (Wiseman T. P. *New Men in the Roman Senate* (139 B.C. — A.D. 14). Oxford, 1971. P. 1), что, однако, не разделяется некоторыми исследователями (см.: Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 41).

Для тех, чьи предки не входили в сенат, и претура была немалым достижением (Wiseman T. P. *Op. cit.* P. 155).

Беллей Патеркул рассказывает о Муммии, что тот заявил своим воинам, грузившим для отправки в Рим картины греческих художников: «Если с ними что случится, вам придется изготовить новые» (I. 13. 4).

Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 46–47 (с библиографией).

См., напр.: Meier Ch. *Res publica amissa*. S. 15–19, 176–180.

Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 178.

Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 276.

Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellekunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München, 1982. S. 162.

Правда, как иногда указывается, военная добыча была важным подспорьем для крестьян (Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 59–60, 119), из чего теоретически следует, что участие в походах не приносило крестьянам вреда. Но далеко не во всех походах добыча оказывалась достаточной для покрытия убытков, понесенных селянином из-за долгого отсутствия на родине.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 178.

Латинское гражданство (*ius Latii*) предоставляло его обладателям примерно те же имущественные права, какие имели римские граждане.

Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 75.

Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome. L.; Southampton, 1967.
P. 58.

По-видимому, во время своего консульства в 140 году (Badian E. Tiberius Gracchus and the Beginning of the Roman Revolution // ANRW. Bd. 1.1. 1972. P. 692).

См.: Mtinzer F. Sempronius (54) // RE. 2. R. Hbd. 4. 1923. Sp. 1412–1413.

Э. Бэдиан даже сравнивает влияние испанских войн на римское общество с воздействием вьетнамской войны на общество американское (Badian E. *Op. cit.* P. 685) — явно под впечатлением событий 1968 года.

Против него выступил даже собственный родитель, что создало щекотливую ситуацию — власть трибуна вступила в противоречие с властью отца над сыном, в Риме ничем не ограниченной (Münzer F. Raminus (2) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 2497).

Badian E. Op. cit. P. 696.

Lintott A. W. Political History, 14695 B.C. // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 65.

Обычно пишут о 125 гектарах, но югер составляет не 0,25, а 0,252 гектара.

Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 71–73. Обычный надел римского крестьянина составлял 5–7 югеров.

См.: Mtinzer F. Licinius (161) // RE. Hbd. 25. 1926. Sp. 469.

тjто тоже не вызывало восторга у римской верхушки. Когда плебейский трибун Гай Фламиний Непот в 232 году до н. э. добился раздела земель пицентинов и сенонов между простолюдинами, эта мера, по мнению Полибия, явно повторявшего точку зрения «лучших людей», положила начало «порче нравов» у римлян (П. 21. 8).

Lintott A. W. Political History... P. 65

Meyer E. Romische Staat und Staatsgedanke. Zurich, 1975. S. 296.

Lintott A. W. Political History... P. 66.

Badian E. Op. cit. P. 699.

Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. I. Leipzig, 1887. S. 630. Anm. 3. Впрочем, что соответствовало традиции, а что нет, решали сами нобили в зависимости от своей выгоды.

Mtinzer F. Sempronius. Sp. 1419.

Запрет на переизбрание к плебейским трибунам, строго говоря, не относился (Егоров А. Б. Указ. соч. С. 39). Тем более что в предыдущем, 134 году до н. э., несмотря на существовавший запрет, был вторично избран консулом Публий Корнелий Сципион Эмилиан (Mtinzer F. Op. cit. Sp. 1419).

Егоров А. Б. Указ. соч. С. 39–40.

Lintott A. W. Political History... P. 73.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 79.

Поселения гракханских колонистов в тех краях, как ни противились их основанию враги Гракха, существовали еще при Империи (Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 76).

Отчасти, видимо, по примеру эллинистических держав (Bengtson Н. Op. cit. S. 169).

См. напр.: Егоров А. Б. Указ. соч. С. 42; Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 104.

Возможна, впрочем, и иная последовательность законов Гая Гракха, поскольку их хронология неизвестна (Lintott A. W. *Political History*... P. 78).

Эта мера на практике так и не была реализована (Егоров А. Б. Указ. соч. С. 42–43).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 91–92.

Егоров А. Б. Указ. соч. С. 43.

Нельзя не согласиться с оценкой этих судилищ как «квазилегальных» (Heichelheim F. M., Yeo C. A. A History of the Roman People. PrenticeHall, 1962. P. 181). Орозий пишет, что среди казненных было немало невиновных — многим даже не объявляли причину казни (V. 12. 10). По-видимому, это было что-то вроде сталинских «троек».

Heichelheim F. M., Yeo C. A. Op. cit. P. 183.

Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 72.

В русском переводе опечатка — 390 736 (Ливии Тит. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 576).

Bengtson H. Op. cit. S. 170.

См. яркое описание римской сродки: Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 73.

Это было важно, поскольку на сходках, в отличие от комиций, народ мог обсуждать те или иные законопроекты (Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 28).

Mommsen Th. Romische Geschichte. Bd. II. S. 120.

Впрочем, мероприятия в рамках Konkurrenzdemagogie стали проводиться еще до выступления Гая, вскоре после смерти Тиберия (Schneider H. Wirtschaft und Politik. Untersuchungen zur Geschichte der späten römischen Republik. Erlangen, 1974. S. 292).

См.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 20.

Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивает Ф. Миллар, о концепции которого см.: Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 46–60.

«Восстановление законов Гракхов было лозунгом народной партии»
(Klebs E. Appuleius (29) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 264).

Утченко С. Л. Указ. соч. С. 161. О других либертинах оптиматах говорится в речи «За Сестия» (§ 97).

Как предполагает Н. Н. Трухина, само слово «популярны» как политическая оценка стало употребляться еще в середине II века до н. э., то есть до Гракхов (Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 58). Не исключено, однако, что Цицерон, на которого она при этом ссылается, мог применить к более ранней эпохе современный ему термин. Первоначально *popularis* означало земляка или друга (Meier Ch. *Populares* // RE. Splbd. 10. 1965. Sp. 568).

Meier Ch. Populares. Sp. 569.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1986. С. 129.

Meier Ch. Populares. Sp. 568. Точно так же и в наше время слово «демократ» может использоваться и в положительном, и в отрицательном смысле.

Meier Ch. Res publica amissa. S. 135; Bengtson H. Op. cit. S. 170.

См.: Nicolet C. E'ordre equestre a l'epoque Republicaine (31243 av. I.C.).
T. I. P., 1966.

Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 82.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 11.

Ср. известную сентенцию Ливия: «Мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах» (Введение. 9).

Meier Ch. Res publica amissa. S. 201.

Здесь и далее все даты, кроме оговоренных случаев, — до н. э.

Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993.
С. 146.

Вот как описывает стриг Овидий в поэме «Фасты» (VI. 133–140):

Головы их велики, очи зорки, а клюв беспощаден,
В крыльях видна седина, крючьями когти торчат.
Ночью летают, хватают детей в пеленах колыбельных
И оскверняют тела этих младенцев грудных.
Клювами щиплют они, говорят, ребячьи утробы
И наполняют себе выпитой кровью зобы.
Это сипухи. Их так по сипению все называют,
Ибо от них по ночам жуткий разносится сип.

Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000. С. 148–150.

У греков же к услугам кормилиц прибегали с древнейших времен (см.: HerzogHauser G. Nutrix (1) // RE. Hbd. 34. 1937. Sp. 1493).

Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 150.

Puer tibi et reipublicae tuae felix. В. С. Соколов переводит эту фразу как «Здравствуй, младенец, ты добудешь счастье себе и своему государству» (Римские историки IV века. М., 1996. С. 217). Однако в латинском тексте нет будущего времени — Сулла счастлив уже сейчас.

А. Кивни считает, что эта история должна была помочь римлянам забыть о той нужде, которую вскоре пришлось испытать Сулле — уже тогда, в первые же месяцы жизни, он был счастлив (Keaveney A. Young Sulla and the decent stipendia // RFIC. Vol. 108.2. P. 168).

Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 151.

Mtinzer F. Cornelius (302) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1422–1423 (с указанием источников). А. Кивни относит изгнание Корнелия Руфина из сената к 276 году, никак не обосновывая свою точку зрения (Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 6).

Саллюстий пишет о бездеятельности (*ignavia*) предков Суллы (Югуртинская война. 95.3).

Третье имя римлянина, означавшее его принадлежность к той или иной фамилии (например: Публий Корнелий Сципион, Гай Юлий Цезарь и т. д.).

Таких ко гноме нов было немало: Агенобарб — рыжебородый, Бальб — заика, Страбон — косой, Скавр — кривоногий, Лабен — губастый, Капитон — большеголовый, Пульхр — красивый, Лонг — длинный и т. д. Когномен «Руфин», который носили предки Суллы, означает «потомок рыжего».

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L., 1982. P. 6–7.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986. P. 214.

Samter E. Hamines // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 2486–2489.

Keaveney A. Sulla. P. 6.

Он также был и претором по делам иностранцев (Ливии. XXV. 3. 2).

«Л. Сулла во второй книге воспоминаний писал: «Публий Корнелий, который первым стал носить когномен 'Сулла', был назначен фламином Юпитера» (Авл. Геллий. I. 12. 16).

Mtinzer F. Cornelius Sulla // RE. Bd. IV. Sp. 1514. К тому же трудно представить, как имя Сивиллы (Sibylla) могло трансформироваться в Sulla (Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 17).

Возможно, брат Публия (Инар Ф. Сулла. С. 20).

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 402.

Mtinzer F. Cornelius (379) // RE. Bd. IV. Sp. 1517.

Митридат VI напоминал в 85 году до н. э. о своей дружбе с его отцом. (Аппиан. Митридатовы войны. 54. 216) Наиболее вероятно, что Сулластарший был пропретором Азии, ибо именно тогда у него было больше всего возможностей поддерживать «дружбу» с царем Понта (Инар Ф. Сулла. С. 21). К. Крист в своей новейшей биографии Суллы игнорирует эту гипотезу — как, впрочем, и многие другие (см.: Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002. S. 54).

Инар Ф. Сулла. С. 21–22.

Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 152.

Саллюстий. Югуртинская война. 95.3.

Keaveney A. Young Sulla. P. 166.

Инар Ф. Сулла. С. 23–24.

Regner J. Tirocinium fori // RE. 2. R. Hbd. 12. 1937. Sp. 1450–1452.

Под нуммами имеются в виду сестерции, под драхмами — денарии, состоявшие из четырех сестерциев.

Keaveney A. Young Sulla... P. 167. Not. 1.

См.: Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 67–68.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 19.

Keaveney A. Young Sulla... P. 167. № 1.

Hawthorn J. R. The Senat after Sulla // Greece and Rome. 2nd Ser. Vol. 9. 1962. P. 55–57.

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 33.

Carcopino J. Op. cit. P. 21.

Keaveney A. Young Sulla... P. 167.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1522.

Keaveney A. Young Sulla... P. 165; Christ K. Op. cit. S. 54.

Keaveney A. Young Sulla... P. 168.

В переводе В. М. Смиринa фраза о любовной связи Суллы с Метробием из второй главы биографии Суллы отсутствует (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I. М., 1994. С. 505).

Frohlich F. Op. cit. Sp. 1523; Christ K Op. cit. S. 55.

Поэтому можно предполагать, что Метробий был трагедийным актером, а не мимом, как иногда считают (см., напр.: Инар Ф. Сулла. С. 26).

Сергеенко М. Е. Простые люди Древней Италии. М.; Л., 1964. С. 123–124.

Витковская М. Г. Примечания // Афиней. Пир мудрецов. Книги I–VIII. М., 2003. С. 574. Прим. 203.

Keaveney A. Young Sulla... P. 168–169.

Facundus (Саллюстий. Югуртинская война. 95.3).

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 42–43.

Carcopino J. Op. cit. P. 21.

Саллюстий. Югуртинская война. 96.1.

Keaveney A. Young Sulla... P. 171–172.

Lengle J. *Tribunus militum* // RE. 2. R. Hbd. 12. 1937. Sp. 2441–2442.

Keaveney A. Young Sulla... P. 172–173.

Baker G. P. Sulla the Fortunate. The Great Dictator. N. Y, 1967. P. 86.

Плутарх. Сулла. 2. 1–2; 6.13; Инар Ф. Сулла. С. 22; Christ K. Op. cit. S. 55.

Плутарх. Сулла. 2.7.

Инар Ф. Сулла. С. 26; Keaveney A. Sulla. P. 10.

Keaveney A. Young Sulla... P. 171.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 29.

Latte K. IIIa (1) // RE. Hbd 17. 1914. Sp. 9991000.

Miinzer F. Ilia (2) // Ibid. Sp. 1000.

Keaveney A. Young Sulla and the decem stipendia // RFIC. Vol. 108.2. P. 169.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 22.

Совр. Западный Тунис и Восточный Алжир.

Gsell S. Histoire de l'Afrique du Nord. T. VII. P., 1928. P. 136. Not. 4.

Schur W. Micipsa // RE. Hbd. 30. 1932. Sp. 1522–1523.

Слонов Метеллу Македонскому (предположительно в 143 году) и Фабию Максиму Сервилиану, всадников, лучников и пращников — Сципиону Эмилиану (Gsell 5.0p. cit. T. VII. P. 137 с указанием источников).

Lenschau T. Iugurtlia // RE. Hbd. 19. 1918. Sp. 1.

Жест, не слишком уважительный по отношению к Нумидии, — комиссии из десяти человек присылались обычно для установления нового порядка на покоренных землях (Pina Polo F. *Las comisiones senatoriales para la reorganizacion de Hispania* (App., Iber., 99100) // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. Т. 23/2. 1997. Р. 84–91), к числу которых Нумидия формально не относилась. В этом смысле можно согласиться с тем, что сенат видел в разделе Нумидии средство подчинения обоих нумидийских царей (Harris W. V. *War and Imperialism in Republican Rome*. 325– 70 A. C. Oxford, 1979. Р. 249).

Орозий приводит более позднее ее название — Калама (V. 15. 6).

Buchner K. Der Aufbau von Sallusts *Bellum Iugurtbinum*. Wiesbaden, 1953. S. 14.

De Sanctis G Problemi di storica antica. Bari, 1932. P. 201.

Parker V. L. *Romae omnia venalia esse. SaUusf s Development of a Thesis and the Prehistory of the Jugurtine War* // *Historia*. Bd. 53. 2004. P. 412.

Romanelli P. Storia delle province romane dell'Africa. Roma, 1959. P. 76.

Gsell S. Op. cit. T. VII. P. 146.

Buchner K. Op. cit. S. 13.

Parker V. L. Op. cit. P. 414.

Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 105.

Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 14978 B. C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 143–144.

Gsell S. *Op. cit.* T. VII. P. 154–155; Earl D. *The Political Thought of Sallust*. Cambridge. 1961. P. 67.

Б. П. Селецкий отмечает также, что сенат не выступал гарантом проведенного Миципсой раздела, а потому не обязан был вмешиваться в распрю между нумидийскими царями (Селецкий Б. П. К вопросу о социальнополитической борьбе в Риме в период Югуртинской войны // ВДИ. 1970. № 4. С. 116. Прим. 29). Это не совсем так, ибо Адгербал был другом и союзником римского народа (Диодор. XXXIV. 31)

Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 116 и прим. 29 (с указанием литературы).

Саллюстий утверждает, будто Бестия и Скавр потребовали с Югурты лишь небольшую контрибуцию (*sum parvo argenti*), но не уточняет, какую именно (Югуртинская война. 29.6). Зато когда речь заходит о выплатах, которые должен был сделать римлянам царь по условиям, предлагавшимся Метеллом, писатель называет цифру — 200 тысяч фунтов серебра (62.5). В первом случае, надо полагать, вряд ли речь шла о значительно меньших суммах, иначе к чему Саллюстию было бы их скрывать. А 200 тысяч фунтов — это не менее 2 тысяч талантов. С Македонии после тяжелой трехлетней войны 200–197 годов римляне запросили только тысячу талантов (Ливии. XXXIII. 30. 7). Небольшой суммой, о которой пишет Саллюстий в случае с Бестией и Скавром, мог быть лишь первоначальный взнос.

Earl D. Op. cit. P. 67; Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zurich; New York, 2001. S. 75.

Simon H. Roms Kriege in Spanien. 144–133 v. Chr. Frankfurt a/M., 1962.
S. 40–46.

Parker V. L. Op. cit. P. 418. N. 34. См. также: De Sanctis G Op. cit. P. 206.

Parker V. L. Op. cit. P. 419.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 109. Скавр не без риска для себя защищал в суде Бестию (Цицерон. Об ораторе. П. 283; Gruen E. S. Op. cit. P. 149).

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 80. Anm. 101.

Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles; L., 1964. P. 175.

За исключением Аппиана (Нумидика. 1), также сообщающего о
высылке Югурты.

Biichner K. Op. cit. S. 36.

Levene D. S. Sallust's Jugurtlia: An «Historical Fragment» // JRS. Vol. 82. 1992. P. 65.

Parker V. L. Op. cit. P. 420.

О сомнительности версии подкупа Югуртой римских политиков писали давно и много (см.: Harris W. V. *Op. cit.* P. 250. N. 7). Тем не менее до сих пор эту версию продолжают без всяких оговорок приводить и в новейшей историографии (Чеканова Н. В. *Римская диктатура последнего века республики*. СПб., 2005. С. 85; Christ K. *Sulla. Eine romische Karriere*. Munchen, 2002. S. 56–57 etc.).

Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 115–116.

М. Холройд рассматривает в качестве аналогов Югуртинской войны применительно к Новому времени алжирскую (1830–1847) и Англобурскую (1899–1902) войны (Holroyd M. The Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor? // JRS. Vol. 18. 1928. P. 2, 6–8).

Lintott A. W. The Roman Empire and its Problems in the Late Second Century // CAH. 2nd ed. Cambr., 1994. P. 31.

Вопрос не очень ясен: Саллюстий сначала пишет применительно к Цирте об одних италийцах, а потом среди убитых Югуртой появляются и римляне (Югуртинская война. 26). Диодор пишет только о гибели италийцев (XXXIV. 31). Весьма возможно, что сначала Саллюстий писал о подлинных событиях (то есть только об италийцах), а в конце параграфа передает лишь слухи, приписавшие нумидийцам также избиение римлян, чтобы опорочить Югурту.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 107.

Meier Chr. Op. cit. S. 79.

Ktibler E. Consul // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1115. Этот возраст назывался «своим годом», suo anno, наиболее благоприятным для избрания.

Вероятнее всего, Марий родился в 158 или 157 году (Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 65).

Не исключено, впрочем, что вражда между Марием и Метеллом зародилась еще до отказа последнего отпустить легата на выборы (Schmal S. Op. cit. S. 72).

Такое обвинение несправедливо предъявляли также Фабию Максиму Кунктатору (Ливии. XXII. 25. 4) и Помпею (Плутарх. Помпеи. 67), ибо первый уклонялся от битвы с Ганнибалом, второй — с Цезарем, предпочитая более эффективную в тех условиях стратегию изматывания.

Virtus означала у римлян не только военную доблесть, но и добродетель (или комплекс добродетелей) вообще.

Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome. L.; Southampton, 1967.
P. 48–49.

Да и противопоставление народа и знати и народа у Саллюстия также является упрощением.

Block G, Carcopino J. Histoire Romaine. T. II. P., 1935. P. 268.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 29.

Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 109.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 143.

Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1379.

Lintott A. W. Op. cit. P. 39.

Earl D. The Moral and Political Tradition... P. 57; Lintott A. W. Op. cit. P. 39.

Суждение, характерное для человека эпохи гражданских войн, но кто думал так в 107 году? Ведь иногда неимущие принимались в армию и прежде (Nicolet C. *The World of the Citizen in Republican Rome*. Berkeley; Los Angeles, 1988. P. 129–130).

Earl D. The Moral and Political Tradition... P. 57.

Block G, Carcopino J. Op. cit. T. II. P. 316.

Last H. The Wars of the Age of Marius // CAH. Vol. IX. Cambr., 1932. P. 133.

Nicolet C Op. cit. P. 129.

Литературу см.: Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 243. Прим. 214.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 176.

Nicolet C. Op. cit. P. 385–386.

Earl D. The Moral and Political Tradition... P. 58.

Valgiglio E. Silla e la crisi repubblicana. Firenze, 1956. P. 17. № 1; Nicolet C Op. cit. P. 147.

Ж. Каркопино был сторонником жесткой власти, а во время Второй мировой войны занимал пост министра просвещения в правительстве Виши, сотрудничавшем с немцами. Неудивительно, что он клеймил «чернь» в лице солдат-пролетариев, но благосклонно относился к Сулле, который с их помощью «навел порядок» в государстве.

Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 74.

По подсчетам П. А. Бранта, в армию вступило не так уж много людей — примерно пять тысяч человек (Brunt P. A. *Italian Manpower*. 225 B.C. — 14 A. D. Oxford, 1971. P. 430). Но, может, и это было неожиданностью? С другой стороны, вряд ли справедливо утверждать, что кампания Метелла продемонстрировала невозможность победы над Югуртой без проведения военной реформы (Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 123).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 143–144.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 152.

Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 74.

Last H. Op. cit. P. 127.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 153.

ПсевдоЦицерон. Инвектива против Саллюстия. 7.19; Дион Кассий. XLIII. 9. 2–3. Хотя, конечно, в один ряд с такими, как Веррес, его ставить вряд ли справедливо (Артюшина В. В. Саллюстий Крисп, первый наместник провинции *Africa Nova* // *Antiquitas iuventae*. Саратов, 2005. С. 101–102).

Weynand R. Op. cit. Sp. 1380.

Саллюстий не без яда замечает, что теперь даже не самые обдуманные действия Мария солдаты приписывали его *virtus* (Югуртинская война. 92.2).

Weynand R. Op. cit. Sp. 1380.

Саллюстий. Югуртинская война. 92. 1–2.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 155. Суллаже, очевидно, стал проквестором.

Саллюстий даже не упоминает о зимних квартирах (Last H. Op. cit. P. 127; Weynand R. Op. cit. Sp. 1381) — возможно, чтобы возвеличить Мария, изобразив, будто все описанные операции он сумел провести в течение одной кампании (Syme R. Op. cit. P. 149). Возможно, впрочем, что он и впрямь не делал перерыва на зиму (Holroyd M. Op. cit. P. 15, 20).

Саллюстий пишет о сожжении лишь тех городов, которые были оставлены жителями (Югуртинская война. 92.3), но не приходится сомневаться, что та же участь постигла и взятые силой.

Holroyd M. Op. cit. P. 15.

Romanelli P. Op. cit. P. 79.

Buchner K. Op. cit. S. 71; Syme R. Op. cit. P. 148.

Holroyd M. Op. cit. P. 17.

Carcopino J. Op. cit. P. 22–23.

Ле Бок Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 50.

Buchner K. Op. cit. S. 59, 63; Vretska K. Op. cit. S. 133.

Это следует из косвенных указаний Диона Кассия (XXVI. 89. 5) и Орозия (V. 15. 10): Gsell 5.0p. cit. T. VII. P. 241–242; Last H. Op. cit. P. 128; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 161–162; Syme R. Op. cit. P. 146. № 18; p. 150. № 30.

Gsell S. Op. cit. T. VII. P. 211, 242.

Согласно Орозию, исход битвы решил хлынувший ливень, приведя в негодность оружие и снаряжение воинов Бокха и Югурты (V. 15. 16–17). Ср. с аналогичным рассказом Флора о сражении при Магнесии в 190 году (П. 8. 17; Holroyd M. *Op. cit.* P. 17).

По Диодору, Бокх предложил договор о дружбе, обещая римлянам разного рода помощь, но пока не выдачу Югурты (XXXIV. 39).

Vretska K. Op. cit. S. 78.

Любопытно, что Саллюстий об этом умалчивает (Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 129).

Согласно Диону Кассию (XXVI. 89. 6), Бокх отправил в Рим послов без всякого разрешения Мария. По Диодору, Марий не просто разрешил, а сам посоветовал отправиться мавретанским послам в Рим для переговоров с сенатом (XXXIV. 39).

См.: Klebs E. Bocchus (1) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 577–578.

На это явно намекает Плутарх — правда, он пишет о «какихто услугах» Суллы Бокху (Марий. 10.4), хотя в биографии Суллы он сам рассказывает о заботе, которую проявил Сулла об ограбленных мавретанских послах (3.3). Это тем более странно, что жизнеописание Мария было составлено уже после жизнеописания Суллы (см.: Марий. 10.2).

Schur W. Sallust als Historiker. S. 129–130; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 171.

Dicitur (Саллюстий. Югуртинская война. 113.3).

Vretska K. Op. cit. S. 82.

В такой трактовке поведение Бокха выглядит куда более коварным, чем у Саллюстия (Van Ooteghem J. *Op. cit.* P. 172), но и более правдоподобным.

Schur W. Sallust als Historiker. S. 130.

Lenschau T. Iugurtha // RE. Hbd. 19. 1918. Sp. 5.

Gabba E. Mario e Sulla // ANRW. Bd. 1,1. L.; N. Y., 1972. P. 779. № 89.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 117. Прим. 1 (со с. 116); Klebs E. Op. cit. Sp. 578; Lenschau T. Op. cit. Sp. 5.

Lenschau T. Op. cit. Sp. 5; Romanelli P. Op. cit. P. 82.

Harris W. V. Op. cit. P. 151; Romanelli P. Op. cit. P. 82.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 116. Прим. 1; Gsell S. Op. cit. Т. VII. Р. 262–263; Romanelli P. Op. cit. Р. 82.

Речь, очевидно, идет о Туллиануме — подземелье, где совершались казни (Lenschau T. Op. cit. Sp. 6). Шутка Югурты свидетельствует не столько о его страхе, сколько о самообладании перед лицом смерти.

У Евтропия (IV. 27. 6) и Орозия (V. 15. 19), однако, сообщается, что Югурта был задушен (*strangulatus*), и это более вероятно.

Эти сведения, очевидно, взяты из официальных документов (GsellS. Op. cit. T. VII. P. 259. № 8).

То же допускал и Т. Моммзен (см.: Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 128).

История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993. С. 124.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 128–129.

Впоследствии Цезарь будет хвалиться тем, что, разбив гельветов, он отомстил тем самым за своего дальнего родственника (Записки о галльской войне. I. 12. 7).

У Орозия (V. 15. 24) ошибочно Гай Публий (Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N. Y., 1951. P. 552).

Позднее он возвратился в Рим (Цицерон. О своем доме. 87).

Stevens C. E. Tolosa // RE. 2. R. Hbd. 6. 1937. Sp. 1687.

До времен Цезаря римляне еще не различали галлов и германцев (Никишин В. О., Короленков А. В. Чужеземцы в «Записках» Цезаря // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 81–82. Прим. 11).

Rhodanus, совр. Рона.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 131.

Minzer F. Servilius (49) // RE. 2. R. Hbd. 4. 1923. Sp. 1785.

Rosenstein N. *Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic*. Berkeley etc., 1990. P. 124–128.

Речь идет о десятилетнем перерыве между консулатами, хотя, если быть точным, к тому времени переизбрание на должность консулов было вообще запрещено; именно этот запрет и нарушили в данном случае (Mommsen Th. *Romisches Staatsrecht*. Bd. I. Leipzig, 1887. S. 521 u. Anm. 1).

Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 175. № 5.

Gabba E. Mario e Silla // ANRW. Bd. I, 1. B.; N. Y., 1972. P. 778.

Ehlers W. Triumphus (1) // RE. 2. R. Hbd. 13. 1939. Sp. 494, 504.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 178.

См.: Ktibler E. Consul // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1116.

См.: Ehlers W. Op. cit. Sp. 510.

Возможно, такие же почести были позднее дарованы и Марию, на что можно усмотреть намек в надписи на постаменте его статуи (Passerini A. *Epigrafia Mariana* // *Athenaeum*. Vol. 17. 1939. P. 59–62).

Bloch G., Carcopino J. Histoire Romaine. T. II. P., 1935. P. 324.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 179.

Itgenshorst T. *Tota ilia pompa. Der Triumph in der römischen Republik.* Göttingen, 2005. S. 108–109.

См.: Werner V. Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995. S. 97214.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 179.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquée. P., 1947. P. 23.

Впоследствии сын Суллы Фавст отчеканил монету, на реверсе которой была изображена та же сцена (см.: Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 145. Not. 879).

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 30–31.

Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 464–465.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 75.

Jullian C. Histoire de la Gaule. T. III. P., 1920. P. 69–71.

Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1386.

Badian E. *Foreign Clientelae* (26470 B.C.). Oxford, 1958. P. 198.

Brunt P. A. Italian Manpower. 225 B.C. — 14 A. D. Oxford, 1971. P. 431.

Schur W. Op. cit. S. 73; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 185.

Впрочем, по поводу этого выражения есть и другие версии. Сам же Плутарх рассказывает, что во время осады Нуманции Марий и его подчиненные содержали в порядке не только оружие и коней, но также повозки и мулов. Довольный этим Сципион Эмилиан так часто вспоминал о них, что с тех пор трудолюбивых и выносливых людей стали называть «мариевыми мулами» (Марий. 13. 2–3). Фронтин же пишет, что для уменьшения обоза Марий «упаковал посуду и продовольствие солдат в маленькие тюки, прикрепив их к палке с развилиной; так было удобно и нести ношу, и отдыхать. Отсюда возникла поговорка: «мариевы мулы»» (IV. 1. 7).

См.: Mtinzer F. Cornelius (335) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1455.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 188. Not. 3.

Валерий Максим называет Лузия сыном сестры Мария (VI. 1. 12).

Первым из этих имен его называет Плутарх (Марий. 14. 5–8; Изречения царей и полководцев. 83.3), вторым — Валерий Максим (VI. 1. 12), третьим — Квинтилиан (Воспитание оратора. III. 11. 14).

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 562.

Keaveney A. Op. cit. P. 31.

Carcopino J. Op. cit. P. 24; Jullian C. Op. cit. T. III. P. 75.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 186.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 52.

Keaveney A. Op. cit. P. 32.

Страбон. VII. 1. 3; Тацит. Анналы. I. 50; 56; П. 25; Германия. 2.4;
Keaveney A. Sulla, the Marsi and the Hirpini // CPh. Vol. 76. 1981. P. 292–294.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 135–136; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 90.

Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 67.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 148; Klebs E. Appuleius (29) // RE. Bd. П. 1896. Sp. 262. Правда, оба автора представляют Скавра неким пассивным объектом, которому просто «передали» снабжение Рима, хотя он, как можно полагать, сам (открыто или через вторых лиц) добивался выгодного назначения.

Hawthorn J. R. The Senat After Sulla // Greece and Rome. 2nd Ser. Vol. 9.
1962. P. 54. Not. 5.

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 560, 563.

Gabba E. Op. cit. P. 779.

В историографии этот закон датируется поразному, но вероятнее всего, он был принят в 103 году (см.: Щеголев А. В. Закон Апулея 103 г. до н. э. о величии римского народа//Древнее право. 2002. 2(10). С. 114–116).

Mtinzer F. Servilius. Sp. 1784.

Страбон и спустя столетие уверенно писал о том, что Цепион присвоил толозанское золото (IV. 1. 13).

Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 14978 B. C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 162.

Цицерон. За Бальба. 28; Страбон. IV. 1. 13; Mtinzer F. Servilius. Sp. 1785; Gruen E. S. Op. cit. P. 165. Not. 46.

Между тем попытка Гнея Домиция Агенобарба добиться в 104 году осуждения Юния Силана за поражение от германцев в 109-м успеха не имела (Асконий 8 °С; Цицерон. Против Верреса. П. 2. 118).

Впрочем, распродажа имущества не превратила сына Цепиона в нищего, иначе он не смог бы сделать политическую карьеру и достичь преторского ранга (см.: Mtinzer F. Servilius (50) // RE. 2. R. Hbd. 4. 1923. Sp. 1786).

Gruen E. S. Op. cit. P. 23, 36–37, 157.

Автор трактата «О знаменитых мужах» ошибочно дает имя Квинций (Mtinzer F. Equitius (3) // RE. Hbd. 11. 1907. Sp. 322).

Gabba E. Op. cit. P. 779.

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 102.

«Те аргументы, которые использовал Тиберий Гракх против Октавия, равным образом можно было применить и по отношению к Бебию» (Lintott A. W. *Political History*, 14695 B.C. // САН. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 95).

Schur W. Op. cit. S. 76; Badian E. Op. cit. P. 199.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 198.

Clerc M. La bataffe d'Aix. P., 1906. P. 52.

См.: Meier Chr. Op. cit. S. 314.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 48; Clerc M. Op. cit. P. 52.

Mtinzer F. Lutatius (7) // RE. Hbd. 25. 1926. Sp. 2074.

Сын консула 126 года и внук консула 157го (Klebs E. Aurelius (179–181) // RE. Bd. П. 1896. Sp. 2514–2515).

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2072.

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 235.

Badian E. Caepio and Norbanus // *Historia*. Bd. 6. 1957. P. 322. Not. 34.

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2073.

Badian E. Caepio and Norbanus. P. 323.

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2072.

Badian E. Caepio and Norbanus. P. 323.

То есть просьба отпустить его служить под началом Катула.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 32.

Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 467.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1526.

К тому же своего фаворита (Katz В. R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // RhM. Bd. 120. 1977. P. 56).

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 33.

Lewis R. G. Catulus and the Cimbri. 102 B.C. // Hermes. Bd. 102. 1974. P. 103.

Mtinzer F. Opimius (5) // RE. Hbd. 35. 1939. Sp. 677. Ф. Мюнцер считает этого Опимия сыном консула 121 года, Р. Льюис — внуком (Lewis R. G Op. cit. P. 103. N. 49).

Rosenstein N. Op. cit. P. 128. Not. 53.

Lewis R. G. Op. cit. P. 103.

Цезарь. Записки о галльской войне. П. 4. 2. Любопытно, что бельги у Цезаря утверждают, будто сражались и с кимврами, и с тевтонами (Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 465).

По-видимому, в ноябре 102 года (Sadée E. Die strategischen Zusammenhänge des Kimbriernkriegs 101 v.Chr. vom Einbruch in Venetien bis zur Schlacht bei Vercellae // Klio. Bd. 33. 1940. S. 226).

Первую цифру называет Орозий (V. 16. 16), вторую — Беллей Патеркул (П. 12. 4), третью — Ливии (Периоха 68).

Ливии. Периоха 68; Фронтин. П. 4. 6; Орозий. V. 16. 11.

Jullian C. Op. cit. Т. III. Р. 86. Тем не менее и эти цифры подчас вызывают скепсис (см.: Van Ooteghem J. Op. cit. Р. 210–211).

По Орозию — Весты (V. 16. 13).

Clerc M. Op. cit. P. 209. Флор относит эту историю к битве при Верцеллах и не сообщает о желании германских женщин позволить им служить богам (III. 3. 17).

Itgenshorst T. Op. cit. S. 107.

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2075–2076.

Оно встречается также у Диодора (XXXVII. 1. 5).

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2075.

Как предполагается, в январе 101 года (Jullian C. Op. cit. Т. III. Р. 89).

Возможно, именно с воинами Петрея и заключили упомянутое Плутархом соглашение кимвры на медном быке, чтобы не доводить до крайности римлян, которые показали себя иначе, чем бежавшие с Катулом воины, и которым было нечего терять (Lewis R.G Op. cit. P. 107).

Инар Ф. Сулла. С. 56–57.

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2076.

Ведь, по словам Плиния, это произошло в присутствии обоих командующих (*adstantibus Mario et Catulo*). Любопытно, что родной город Петрея, Атина, находился недалеко от Арпина — родины Мария (Mtinzer F. *Petreibus* (4) // *RE. Hbd.* 37. 1937. Sp. 1189).

prohlich F. Op. cit. Sp. 1526.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 33.

prohlich F. Op. cit. Sp. 1526; Christ K. Op. cit. S. 68.

Г. П. Бейкер считает, что Катул переложил на Суллу «всю важную работу» (Baker G. P. Sulla the Fortunate: The Great Dictator. N. Y., 1967. P. 122), однако это заключение на данных источников не основывается.

Frohlich F. *Op. cit.* Sp. 1526; Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 32.

Frohlich F. *Op. cit.* Sp. 1527; Christ K. *Op. cit.* S. 68. Дж. П. В. Д. Балсдон даже оценивает службу Суллы под началом Катгула как неудачную и, возможно, дискредитирующую (Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix // JRS. Vol. 41. 1951. P. 3), но это, пожалуй, некоторое преувеличение.

Высказывалось предположение, что Сулла разгромил варваров в окрестностях Норика, о которых пишет Флор (III. 3. 18; Jullian C. *Op. cit.* T. III. P. 91). Однако бесспорных доказательств в пользу этой гипотезы нет (Lewis R. G. *Op. cit.* P. 93–94).

И уж совсем невероятно предположение Г. П. Бейкера, что Сулла нарочно разозлил Мария (Baker G P. Op. cit. P. 122).

Беллей Патеркул, говоря о подвигах Суллы в ходе кимврской войны, указывает, что они были совершены под руководством Мария (П. 17. 3), умалчивая о Катуле (Frohlich F. *Op. cit.* Sp. 1527).

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 572; Rosenstein N. Op. cit. P. 33.

Римское название — Пад (совр. По).

Отсюда, правда, еще не следует, что Марий соединился с Катулом — это могло произойти и позже (Sadee E. Op. cit. S. 229).

Цезарь сообщает, что задолго до 50х годов сенат провозгласил секванского царька Катаманталеда другом римского народа (Записки о галльской войне. I. 3. 4). Проявлением этой «дружбы» многие считают упомянутое Плутархом участие секванов в захвате тевтонов после битвы при Аквах Секстиевых (Jullian C. Op. cit. T. III. P. 87; Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 473). Не вполне понятно, однако, те ли это секваны, о которых говорится у Цезаря, — они жили отнюдь не в Альпах (см.: Van Ooteghem J. Op. cit. P. 217. Not. 1).

Sadee E. Op. cit. S. 229–233.

Carney T. F. Marius' Choice of Battlefield in the Campaign of 101 // *Athenaeum*. Vol. 36. 1958. P. 232.

Хейзинга Й. *Homo ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992. С. 114–117.

«В полных иронии словах Мария... чувствуется высокомерие полководца, который считает выбор поля битвы важным профессиональным секретом, несомненным фактором победы» (Valgiglio E. Plutarco. Vita di Mario. Firenze, 1956. P. 115).

Carney T. F. Op. cit. P. 230–234.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 226. Not. 4 (со с. 225) со ссылкой на К. Фелькля.

Sadee E. Op. cit. S. 230. Этот автор исходит из того, что Флор пишет о 65 тысячах убитых, а Плутарх — о 60 тысячах пленных (см. ниже). Четверть от суммы этих цифр считается боеспособными мужчинами. Однако даже если данные Флора и Плутарха соответствуют истине, то все равно никто не знает, скольким кимврам еще удалось спастись.

Carney T. F. o6 prohlich F. Op. cit. Sp. 1526.

Carney T. F. Op. cit. P. 232.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 222. Not. 2.

Построение, при котором солнце и пыль слепили врагам глаза, Ганнибалу приписывают в связи с битвой при Каннах (Ливии. XXII. 43. 10–11; Фронтин. П. 2. 7; Флор. П. 6. 16; Плутарх. 16.1 и др.). Туманом он воспользовался в битве при Тразименском озере (Полибий. III. 84. 2; Ливии. XXII. 4. 6).

Volkl K. Zur taktischen Verlauf der Schlacht bei Vercellae // RhM. Bd. 97.
1954. S. 85.

Плутарх (Марий. 26. 7–9) дает понять, что солнце и пыль удалось заставить «работать» на римлян благодаря умелому построению войск Катулом (какникак, рассказ построен на его мемуарах), Орозий называет при этом обоих полководцев (V. 16. 14), Фронтин (П. 2. 8), Флор (III. 3. 15) и Полиен (VIII. 10. 3) пишут только о Марии.

Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1395.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 223–224 со ссылкой на Дзеннари.

Weynand R. Op. cit. Sp. 1395.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 34.

Schur W. Op. cit. S. 80.

Флор. III. 3. 14. В русском переводе ошибочно говорится о 60 тысячах (Малые римские историки. Беллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. М., 1996. С. 143).

Плутарх. Марий. 27.5.

Ливии. Периоха 68; Евтропий. V. 2. 1; Орозий. V 16. 16.

Carney T. F. Op. cit. P. 231. Not. 13.

Schur W. Op. cit. S. 83; Gabba E. Op. cit. P. 781.

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2077; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 277.

Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 180.

См.: Weynand R. Op. cit. Sp. 1395.

Valgiglio E. Op. cit. P. 125.

Вероятно, Плутарх повторяет мемуары Суллы (Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2077).

Badian E. Caepio and Norbanus. P. 324.

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 229.

Триумф Мария и Катула состоялся, вероятно, в сентябре 101 года (Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 99).

Van Ooteghem J. Op. cit. P. 226 со ссылкой на Т. Ф. Карни.

Weynand R. Op. cit. Sp. 1396–1397 (с подборкой источников).

Mtinzer F. Lutatius. Sp. 2077 (с подборкой источников).

Baker G. P. Op. cit. P. 129.

Катул «был куда более способным пропагандистом, чем полководцем» (Keaveney A. Sulla: The Last Republican. P. 35). Так что не Катул оказался марионеткой в руках Суллы, как считал Г. П. Бейкер (Baker G. P. Op. cit. P. 138), а наоборот.

Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 14978 B. C Cambr. (Mass.), 1968. P. 168.

Традиционно за такое преступление предполагалась выдача осужденного государству, чьи права пострадали (Mommson Th. *Romisches Staatsrecht*. Bd. ILL Leipzig, 1887. S. 112). Но иноземцы далеко не всегда его принимали, как то показывают события после капитуляций в Кавдинском ущелье и под Нуманцией.

Правда, Аппиан называет Тлавцию применительно к 101 году претором (ТВ. I. 28. 127), однако вероятнее, что все-таки тот был плебейским трибуном (см.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y., 1951. P. 571, 573. № 2).

Анонимный автор сообщает, будто Сатурнин во время своего трибуната 103 года сломал преторское кресло Главции, когда тот творил суд (О знаменитых мужах. 73.2). Но Главция упомянут при этом, видимо, по недоразумению (см.: Klebs E. Appuleius (29) // RE. Bd. П. 1896. Sp. 263–264).

Они состоялись, вероятно, в октябре 101 года (Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 99).

В источниках он называется также Нунием, Нонием и Ниннием (см.: Mtinzer F. Nunnus (1) // RE. Hbd. 34. 1937. Sp. 1473–1474).

Т. Р. С Броутон почемуто относит эти события к следующему году (Broughton T. R. S. *Candidates Defeated in Roman Elections: Some Ancient Roman AlsoRans*. Philadelphia, 1991. P. 46).

Meier Ch. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 314.

Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 179.

Любопытно, что он не постеснялся выдвинуть свою кандидатуру вопреки запрету на вторичное избрание, в нарушении которого обвиняли Мария (Meier Ch. Op. cit. S. 138. Anm. 460).

Ф. Мюнцер считает, что речь идет о консуле 138 года, руководившем убийством Тиберия Гракха (Münzer F. Cornelius (354) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1501–1502).

Luce T. J. Op. cit. P. 179.

У Саллюстия Марий даже похваляется этим, говоря, что не хочет учиться у греков, ученость которых не сделала их доблестными (Югуртинская война. 85.32).

Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 66–67.

Валерий Максим. П. 2. 3.

В действительности — не 45, а 48: Валерий Корвин был консулом в 348, 346, 343, 335, 300 и 299 годах (Van Ooteghem J. *Op. cit.* P. 236).

Klebs E. Op. cit. Sp. 266; Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 575, 578.
Not. 3.

Асе — медная монета в четверть сестерция; модий — 8,754 литра. Цена в 5/6 асса носила чисто символический характер (Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 150).

Иногда предполагается, что речь шла и об Африке (Broughton T. R. S. *Op. cit.* Vol. I. P. 575, 578. № 4). Однако серьезных оснований для этого нет, об Африке в источниках в связи с земельным законом 100 года речи не идет (Gsell S. *Histoire de l'Afrique du Nord*. T. VII. P., 1928. P. 68).

Т. Моммзен полагал, что речь шла о всей Трансальпийской Галлии, в том числе еще и незавоеванной. Марий должен был еще покорить ее, что превратило бы его на время войны в фактического монарха (Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 149). Высказывалось мнение, что подразумеваются земли покоренных Суллой вольковтектосагов (Last H. *Enfranchisement of Italy* // САН. Vol. IX. Cambr., 1932. P. 168. №. 1). Однако более вероятно, что речь шла о Цизальпинской Галлии, давно уже захваченной римлянами (Gabba E. *Op. cit.* P. 102).

Напрашивается параллель с Тиберием Гракхом, который предлагал использовать на нужды аграрной реформы казну Аттала Пергамского (Badian E. *Foreign Clientelae* (26470 B.C.). Oxford, 1958. P. 203. Not. 6).

Meier Ch. Op. cit. S. 102.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 183–184.

480 тысяч (Gabba E. *Op. cit.* P. 104) или 500 тысяч сестерциев (Klebs E. *Op. cit.* Sp. 265).

Вероятно, в июне 100 года (Gabba E. Op. cit. P. 104).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 150; Gabba E. Op. cit. P. 105.

Да и Римское государство вообще (Meier Ch. Op. cit. S. 138).

Именно на этом и настаивала традиция, которую воспроизводил Аппиан (Gabba E. *Op. cit.* P. 105).

Meier Ch. Op. cit. S. 138.

См.: Сидорович О. В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 77–78.

Gabba E. Op. cit. P. 106.

На это прямо указывает отнюдь не сочувствующий Сатурнину Аппиан (ГВ. I. 30. 134).

Gruen E. S. Op. cit. P. 181.

Lintott A. W. Political History, 14695 B.C. // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 100.

Badian E. Op. cit. P. 200.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 153. Э. Клебс почемуто пишет о трехгодичном интервале (Klebs E. Op. cit. Sp. 267).

Орозий даже называет имя убийцы — некий Публий Меттий (V. 17. 5).

Постумии не упомянуты Цицероном в длинном списке нобилей, выступивших против Сатурнина (За Рабирия. 21). Если учесть прямую связь между убийством Меммия и расправой с Сатурнином, это несколько странно. Славр же, насколько известно, враждовал и с Меммием, и с Сатурнином, а потому скорее мог быть организатором провокации (Короленков А. В., Кац В. Ю. Убийство Гая Меммия // *Studia historica*. Вып. VI. М., 2006. С. 126–127).

Короленков А. В., Кац В. Ю. Указ. соч. С. 125.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 153.

Badian E. Op. cit. P. 209.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 152.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 90.

Badian E. *Op. cit.* P. 209–210.

Meier Ch. Op. cit. S. 81 + Anm. 107.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 152.

Gruen E. Op. cit. P. 183.

Lintott A. W. Op. cit. P. 101.

Первый бой внутри стен Рима (Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 153).

Флор пишет, будто расправа стала делом рук «народа» (III. 16. 7), но Орозий говорит о всадниках (V. 17. 9).

Аппиан пишет, что враги Сатурнина разобрали крышу и забросали пленников кусками черепицы (ГВ. I. 32. 145). Однако рассказ Флора (III. 16. 7) и Орозия (V. 17. 9) о ворвавшихся в курию недругах трибуна представляется более достоверным.

Колония в Эпореидии могла быть выведена и вне рамок закона Апулея. Высказывалось даже мнение, что ее основали оппоненты Сатурнина, чтобы перехватить у него реформаторскую инициативу, но это сомнительно (Gabba E. Mario e Silla // ANRW. Bd. 1,1. В.; N.Y., 1972. P. 781. Not. 104).

Schur W. Op. cit. S. 90. Anm. 2.

Last H. Op. cit. P. 169. Not. 2.

Badian E. Op. cit. P. 208.

Last H. Op. cit. P. 173.

Badian E. Caepio and Norbanus // *Historia*. Bd. 6. 1957. P. 318. По наблюдению этого автора, Тит Ливий, например, изложил события, относящиеся почти ко всему интересующему нас десятилетию, в рамках всего одной книги — и это при том, что остальные события, относящиеся к I веку, он описывает весьма подробно.

Мы принимаем датировку Э. Габбы, поддержанную Э. Грюном (см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 111–112; Gruen E. S. *Political Prosecutions in the 90's B.C.* // *Historia*. Bd. 15. 1966. P. 33). Традиционно трибунат Фурия датируют 99 годом.

Этот эпизод стал широко известен в римской традиции и рассматривался как достойный подражания пример сыновней любви. См.: Цицерон. Речь в защиту Архия. 6; Речь в сенате по возвращении из изгнания. 37; Веллей Патеркул. П. 15. 3 ел.; Плиний Младший. Панегирик императору Траяну. 88.6; О знаменитых мужах. 63.1; Ампелий. 18.14; Аппиан. ГВ. I. 33. 149; Дион Кассий. XXVIII. 95. 1.

В отечественной литературе была попытка подвести под действия П. Фурия социальную базу. Он якобы перешел на сторону правительства вместе с основной массой всадников после убийства Меммия (см.: Селецкий Б. П. Римские всадники в последний период движения Сатурнина // ВДИ. 1973. № 1. С. 150–151). Страх перед эскалацией насилия, конечно, мог быть дополнительным фактором, повлиявшим на поведение Фурия, но все-таки, по нашему мнению, ему изначально были чужды все лозунги, которые выдвигал Сатурнин, и он поддерживал последнего только постольку, поскольку тот мог содействовать осуществлению его мести.

Возможно, прав Э. Бэдиан, по мнению которого Дециан был сыном П. Деция, народного трибуна, который в 120 году привлёк к ответственности Л. Оппимия, виновника гибели Г. Гракха (см.: Badian E. P. Decius P. f. Subulo: An Orator of the Time of the Gracchi // JRS. 1956. Vol. 46. P. 95). Это мнение поддержал Э. Грюн (Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 35).

Мы принимаем точку зрения, согласно которой в 99 году Фурий успел побывать под судом два раза. Аргументацию в пользу такой трактовки событий см.: Селецкий Б. П. *Concordia ordinum* 90х годов I в. до н. э. (99–92 гг.) // *Klio*. 1983. Bd. 65.1. С. 214. Прим. 34.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 155.

Мы не знаем точного содержания этого закона, но он еще действовал в 63 году — на него ссылается Цицерон в речи «За Мурену» (§ 18).

Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 37.

Возможно, есть определенный резон в предположении Б. П. Селецкого о том, что такое оживление «популяров» после разгрома в 100 году связано с поддержкой, которую им оказали ветераны Мария, так как проведенный в их интересах аграрный закон Сатурнина не был претворен в жизнь. См.: Селецкий Б. П. *Concordia ordinum*... С. 213.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 155. Не исключает версию отравления и Б. П. Селецкий. См.: Селецкий Б. П. *Concordia ordinum...* С. 217. Прим. 50.

Достаточно вспомнить хотя бы смерть Сципиона Эмилиана, в убийстве которого обвиняли едва ли не всех его противников. См.: Бобровникова Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. С. 435 и ел.

Б. П. Селецкий считает, что оснований сомневаться в этой информации нет, в доказательство он проводит аналогию с Серторием, который счел возможным заключить союз с Митридатом, но при этом Саллюстий, писавший о нем, не подвергал сомнению его патриотизм (см.: Селецкий Б. П. *Concordia ordinum...* С. 215). Аналогия эта очень спорна. Вопервых, Серторий действовал не от себя лично, а от имени и с согласия созданного им эмигрантского правительства в Испании (о переговорах Сертория с Митридатом см.: Короленков А. В. *Квинт Серторий. Политическая биография.* СПб., 2003. С. 227 ел.); вовторых, между изгнанием Дециана и переговорами Сертория с Митридатом прошла четверть века, наполненная событиями, многие из которых никак не укладывались в традиционную римскую систему ценностей. Для того чтобы пойти на союз с врагом, нужно было сначала привыкнуть к мысли, что это возможно в принципе.

Badian E. P. Decius P. f. Subulo... P. 96. Not. 41.

Осуждение от лица этих персонажей диалога вполне понятно: Антоний выступал защитником на процессе, а Красе ко времени действия диалога породнился с Марием и, естественно, не мог одобрительно отзываться о человеке, который привлек к суду его соратника.

По мнению Э. Бэдиана, Антоний был человеком Мария уже ко времени процесса Аквилія. Доказательство этому он усматривает в том, что Сатурнин и Главция не препятствовали его выбору в консулы, в то время как они пошли на все, чтобы не допустить выбора на должность Гая Меммия (Badian E. *Caepio and Norbanus*. P. 332–333). Этот аргумент довольно шаток (мы не знаем, кто убил Меммия), и, видимо, ближе к истине Э. Грюн, который считает, что сотрудничество Мария и Антония началось именно с процесса Аквилія (Gruen E. S. *Political Prosecutions...* P. 39–40).

Не случайно источники в один голос сообщают не просто о гибели Антония во время марианской резни, но и о страстном желании Мария расправиться с ним лично — только вмешательство друзей помешало ему отправиться вместе с отрядом, посланным убить Антония (Аппиан. ГВ. I. 72. 333–336; Плутарх. Марий. 44.4).

Это сотрудничество выводят из родства Мария с Крассом, но то, что Крассе был политически связан с Метеллами, остается недоказанным (Селецкий Б. П. О некоторых современных исследованиях социальнополитической истории Рима 90х годов I в. до н. э. // ВДИ. 1978. № 3. С. 211).

Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 43.

Эта датировка основывается на словах Веллея Патеркула о том, что Сулла был претором за год до Союзнической войны (П. 15. 3). Но у Веллея слова «был претором» обычно относятся к промагистратским полномочиям, и потому понимать эту фразу нужно так, что он за год до Союзнической войны находился в провинции.

SherwinWhite A. N. Ariobarzanes, Mithridates and Sulla // CQ. 1977. Vol. 27. P. 173–183 (интересующий нас сюжет — P. 177 ff.).

Впервые эту датировку предложил Э. Бэдиан в 1959 году (см.: Badian E. Sulla's Cilician Command // *Athenaeum*. N. S. Vol. 37. 1959. P. 279–303), и она быстро приобрела значительное число сторонников в ученом мире.

Правда, до сих пор некоторые ученые продолжают считать вопрос открытым. Например, Дж. Хайнд приводит все три даты как равноправные, не высказываясь в пользу ни одной из них (Hind J. G. F. *Mithridates* // САН. 2nd ed. 1994. Vol. ГХ. Р. 142. Not. 49).

См.: SherwinWhite A. N. Op. cit. P. 177.

См.: Kubitschek W. Aedilis // RE. 1893. Bd. I. Sp. 450.

Cagniat P. F. L. Cornelius Sulla in the Nineties: a Reassessment // Latomus. T. 50. 1991. P. 289

Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. 1.3. Leipzig, 1887. S. 527–528.

Cagniard P. F. Op. cit. P. 288.

Инар Ф. Указ. соч. С. 60.

В. Лецнер считает, что Сулла обещал провести эти игры во время выборов (Letzner W. Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie. Minister, 2000. S. 93).

Инар Ф. Указ. соч. С. 61

В. Лецнер не без основания называет игры главным событием претуры Суллы (Letzner W. Op. cit. S. 93).

А. Н. ШервинУайт характеризует положение Киликии в этот период так: «Киликией... нужно было не управлять, но в ней следовало поддерживать порядок или ее следовало покорять» (SherwinWhiteA. N. Roma, Pamphylia and Cilicia, 13370 B.C. // JRS. Vol. 66. 1976. P. 7).

Абрамзон М. Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. 74 г. н. э.). СПб., 2005. С. 8.

С этим Исидором боролся Публий Сервий Ватия во время своей кампании в 78–77 годах и одержал победу, но в дальнейшем тот продолжал пиратствовать, находясь на службе у Митридата VI Понтийского и был захвачен и казнен Лукуллом уже во время Третьей Митридатовой войны (Плутарх. Лукулл. 12.2).

Letzner W. Op. cit. S. 103. Anm. 94.

Абрамзон М. Г. Указ. соч. С. 57.

В. Лецнер считает, что Сулла занимался борьбой с пиратами уже после описанных ниже событий (Letzner W. Op. cit. S. 103). По-видимому, он делал это и до, и после.

О Митридате и его царстве см.: Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976; Он же. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 106–205.

См. об этом: Glew D. Mithridates Eupator and Rome. A Study of the Background of the First Mithridatic War // *Athenaeum*. N. S. Vol. 55. 1977. P. 382. По мнению Э. Ольсхаузена, роль Митридата Эвергета в истории Понта сопоставима с ролью Филиппа II в истории империи Александра Великого (см.: Olshausen E. Pontus // *RE*. Splbd. 15. 1978. Sp. 417).

Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 21.

Strobel K. Mithradates VI Eupator von Pontos. Politische Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten grossen Monarchen der hellenistischen Welt // *Orbis Terrarum*. Bd. 2. 1996. S. 159.

Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 143.

Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. 2. P. 834.

Glew D. Op. cit. P. 387.

Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 352.

Glew D. Op. cit. P. 387 f; Strobel K. Op. cit. S. 158–159.

Подробный анализ этих событий со ссылками на литературу см.:
Габелко О. Л. Указ. соч. С. 357

это подчеркивает и Юстин, говоря, что «это был бы превосходнейший поступок, если бы за ним не скрывался обман» (XXXVIII. 1. 5). Что касается обмана, то Юстин вообще склонен приписывать Митридату исключительные коварство и злокозненность.

SherwinWhite A. N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 106; idem. Roman Involvement in Anatolia, 16788 B.C. // JRS. 1977. Vol. 67. P. 71.

Все это происходило на протяжении приблизительно 106/105– 96 годов до н. э. О хронологии событий см.: Габелко О. Л. Указ. соч. С. 359 и сл., 364 и сл.

Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 197.

Габелко О. Л. Указ. соч. С. 356.

Последняя по времени выхода работа: Молев Е. А. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // ANTIQUITAS AETERNA. Казань; Н. Новгород; Саратов, 2005. Вып. 1. С. 205–210. См. также: Габелко О. Л. Указ. соч. С. 366 и ел. (с указанием предшествующей литературы).

McGing B. G. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 76.

Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Pretoria, 1967. P. 31.

Luce T. J. Marius and the Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 163.

Badian E. Sulla's Cilician Command. P. 300; idem. Roman Imperialism. P. 31.

Bulin R. K. Untersuchungen zur Politik und Kriegiuhung Roms im Osten von 10068 v.Chr. Frankfurt a.M.; Bern, 1983. S. 30.

SherwinWhiteA. N. Roman Foreign Policy... P. 109; McGingB. G. Op. cit.
P. 76.

Юстин объясняет приказ Никомеду очистить Пафлагонию довольно наивно: якобы это было сделано для того, чтобы не было обидно лишенному Каппадокии Митридату. На самом деле, по-видимому, дело заключалось в том, что сенат относился с равным подозрением к обоим монархам, уже доказавшим свои амбиции расчленением Пафлагонии и теперь претендовавшим на Каппадокию.

Хронологические проблемы, связанные с этими событиями, подробно рассмотрены А. Н. Шервином Уайтом. См.: SherwinWhite A. N. *Ariobarzanes*... P. 173–183.

Пересмотр этих воззрений, как и датировки претуры Суллы, был осуществлен Э. Бэдианом (Badian E. Sulla's Cilician command...).

по qto Следует из текста Юстина. См.: Corey Brennan T. Sulla's Career in the Nineties: Some Reconsiderations // Chiron. Bd. 22. 1992. P. 148.

SherwinWhite A. N. Ariobarzanes... P. 174–175.

Badian E. Sulla's Cilician Command. P. 293 f.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 38.

Наличие армянских подразделений эпиграфически засвидетельствовано даже для Ольвии. См.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историкоэпиграфическое исследование. М., 1989. С. 254 и сл.

Corey Brennan T. Op. cit. P. 155; Letzner W. Op. cit. S. 103–104. Anm. 94.

Cagniard P. F. Op. cit. P. 295 IT.

Corey Brennan T. Op. cit. P. 156.

Ibid. P. 155.

Ibid. P. 144. Конечно, эта гипотеза при всей своей убедительности (Hatscher C. R. Sullas Karriere in den neunziger Jahre — Ansätze der Forschung (1830–1992) // Hermes. Bd. 129. 2001. S. 222) остается только гипотезой. Но из всех точек зрения она представляется наиболее аргументированной.

Сообщение Плутарха о том, что Сулла впервые вступил в переговоры с парфянами, подтверждают также краткие сообщения у Ливия (Периоха 70) и в «Сокращении римской истории» Руфа Феста (15.2).

По мнению А. Кивни, «парфянская политика была мирной и стремилась к установлению добрых отношений со всеми, кто их окружал... Вновь и вновь мы видим, как парфяне пытаются сохранить среднее положение между великими державами» (Keaveney A. Roman Treaties with Parthia circa 95circa 64 B. C. // American Journal of Philology. 1981. Vol. 102. P. 199).

Wolski J. Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen // ANRW. Bd. II.9.1. S. 202.

SherwinWhite A. N. Roman Foreign Policy... P. 219.

На этот счет высказывались самые разные мнения. См. их обзор в статье: Смыков Е. В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 319 и сл.

SherwinWhite A. N. Roman Foreign Policy... P. 220.

LiebmannFrankfort T. La frontiere orientale dans la politique exterieure de la Republique romaine depuis le traite d'Apamee jusqu' a la fin des des conquetes asiaticques de Pompee (189/863). Bruxelles, 1969. P. 174.

Возможно, римляне сочли, что парфянский царь как истинный «варвар» просто не мог не казнить уронившего его достоинство вельможу. Не исключен и еще один вариант: узнав о гибели Оробаза, римляне, не зная истинных причин случившегося, решили, что это стало наказанием за поведение во время переговоров с Суллой.

Инар Ф. Указ. соч. С. 63.

Утверждение А. Кивни, что договор был «должным образом ратифицирован сенатом» после возвращения Суллы в Рим, которое автор датирует 95 годом (Keaveney A. Roman Treaties with Parthia. P. 198), является чистейшей воды фантазией, как и аналогичное утверждение Ф. Инара (см.: Инар Ф. Указ. соч. С. 63).

Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 289.

Возможно, низость Пруссия несколько преувеличена Полибием. См.: Габелко О. Л. Указ. соч. С. 308. Прим. 39.

Правда, отнесенной им ко времени после завершения войны с Митридатом.

Keaveney A. Sulla... P. 40.

Ibid. P. 42.

Gruen E. S. Political prosecutions... P. 45.

Мы разделяем точку зрения Х. Б. Мэттингли, который считает, что П. Сульпиций (речь идет о плебейском трибуне 88 года) не имел когномена «Пуф» (Mattingly H. B. The Consilium of Cn. Pompeius Strabo in 89 B.C. // *Athenaeum*. Vol. 53. 1975. P. 264–266).

Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 47.

Ibid. P. 52.

Точной датировки этого наместничества нет. Э. Бэдиан обосновал дату 94 год (Badian E. Q. Mucius Scaevola and the Province of Asia // *Athenaeum*. N. S. Vol. 34. 1956. P. 104–112), но сравнительно недавно Р. КэллетМаркс высказал ряд соображений в пользу 98/97 года, бытовавших до статьи Бэдиана (KalletMarx R. Asconius 14–15 Clark and the Date of Q. Mucius Scaevola's Command in Asia // *CPh*. Vol. 84. 1989. P. 305–312). В любом случае процесс Рутилия приходится на вторую половину 90х годов, либо на 94й (по Р. КэллетМарксу), либо на 92 год (традиционная датировка).

Так это трактовал, например, еще Т. Моммзен. См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 156.

KalletMarx R. The Trial of Rutilius Rufus // Phoenix. Vol. 90. 1990. P. 137.

Gruen E. S. *Political Prosecutions...* P. 55. Конечно, нельзя исключить и такой вариант: Рутилий вовсе не был столь безгрешен, как это обычно изображается. Но, поскольку наша информация восходит к его мемуарам, все представлено в наиболее благоприятном для него свете (KalletMarx R. *The Trial of Rutilius Rufus*. P. 123, 137).

См.: Веллей Патеркул. П. 13. 2; Ливии. Периоха 70; Валерий Максим. П. 10. 5; Орозий. V. 17. 12; Дион Кассий. XXVIII. 97.

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 220. Anm. 86; S. 264. Anm. 359. См. также: KalletMarx R. *The Trial of Rutilius Rufus*. P. 130 f. Однако это не значит, что в некоторых случаях Метеллы не выступали единым фронтом — например, когда речь шла о возвращении из изгнания Метелла Нумидийского. Но это были именно случаи.

KalletMarx R. The Trial of Rutilius Rufus. P. 134. Справедливости ради стоит отметить, что Рутилий отклонил предложения Антония и Красса написать для него защитную речь (Цицерон. Брут. 115).

Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 55.

Badian E. Q. Mucius Scaevola... P. 117.

Сообщение Плутарха об обвинении Суллы в получении взяток подтверждается данными из сочинения астролога IV века н. э. Фирмика Матерна «Наука» (I. 7. 28): «Того, которого, как мы узнавали, отвергли при соискании претуры, которому строжайший Цензорин истинными и надежными обвинениями укорял за ограбленную провинцию»**. Разумеется, такая характеристика Цензорина полностью остается на совести автора и не восходит к Саллюстию, на которого он опирается при своем изложении карьеры Суллы.

Источники о карьере этого незаурядного человека см.: Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. I. P. 122, 123, 125, 127, 132, 133.

Cagniard P. F. Op. cit. P. 292. Not. 23. П. Каньяр допускает возможность, что эта же судьба постигла и отца Цензорина, но это маловероятно: если бы его отец погиб с Гаем Гракхом, то Цензорину ко времени преследования должно было быть как минимум тридцать лет; но сомневаться в том, что к моменту судебного иска он был еще молод, у нас нет никаких оснований.

Раньше его пребывание в должности относили к 87 или 86 году, но М. Крауфорд, крупнейший специалист по римской нумизматике, датирует его 88 годом (см.: Crawford M. Roman Republican Coinage. Cambr., 1974. Vol. 1. P. 78, 357–361).

Hamilton C. D. The Tresviri Monetales and the Republican Cursus Honorum // TAPhA. Vol. 100. 1969. P. 181–199.

См., напр.: Keaveney A. Sulla... P. 45.

О политической подоплеке уголовных преследований в Риме см.: Gruen E. S. Roman Politics... P. 6–7.

Carcopino J. Op. cit. P. 25.

Keaveney A. Sulla... P. 45.

Corey Brennan T. Op. cit. P. 156. В. Лецнер просто пишет, что «процесс сильно уменьшил шансы Суллы при домогательстве консулата, так что он сразу отказался от участия в выборах» (Letzner W. Op. cit. S. 109).

в то же Время крайне маловероятна версия В. Лецнера, который считает, что Суллу отстояла аристократическая верхушка сената, желавшая противопоставить его Марию (Letzner W. *Op. cit.* S. 109). Однако Марий тогда особой активности не проявлял, да и вряд ли бывший претор мог представлять серьезную опасность для шестикратного консула.

Все зависит от того, как представлять себе характер событий и их хронологию. Т. Кори Бреннан, например, исходит из своего (правда, весьма вероятного) предположения, что Сулла оставался на Востоке несколько лет, и, таким образом, перерыва в его карьере нет. А. Кивни, наоборот, считает, что преследование настолько дискредитировало Суллу, что он на несколько лет и думать забыл о политике. Стоит вспомнить, что последнее утверждение основывается лишь на молчании Плутарха об этих годах.

Cagniard P. F. Op. cit. P. 293.

Gruen E. S. Political Prosecutions... P. 46–47. Not. 88.

Эти соображения, хотя и носят отчасти «психологический» характер, как мне кажется, служат хорошим доводом в пользу того, что Сулла отсутствовал в Риме несколько лет.

Mtinzer F. Livius (17) // RE. Hbd. 25. 1926. Sp. 857–858.

Правда, как уточняет Цицерон, хороши были лишь его политические речи (Брут. 222).

Цицерон. О своем доме. 50; Диодор. XXXVII. 10.1; Беллей Патеркул. II. 13. 1; Плутарх. Катон Младший. 1.2; Дион Кассий. XXVIII. 96. 1; О знаменитых мужах. 66.1.

Этот рассказ связан со старинными представлениями о то, что дом плебейского трибуна всегда должен быть открыт для нуждающихся в его помощи (Mtinzer F. Livius (18) // RE. Hbd. 25. Sp. 865).

Сюжет о выданном Бокху Магульсе соотносится с рассказом Плиния Старшего (VIII. 15) о слонах, которые не захотели убивать обреченных на смерть, когда их к этому пытались принудить слуги Бокха, и враги Друза, возможно, сопоставляли поведение благородных животных с бессовестностью Друза (Mtinzer F. Op. cit. Sp. 871). Но даже если Друз и выдал Магульсу, то вряд ли за взятку — в алчности его заподозрить трудно.

Это оценивалось примерно в 840 тысяч денариев (De Sanctis G. *La guerra sociale*. Firenze, 1976. P. 12). Серебряную утварь мог приобрести еще отец Друза.

Mtinzer F. Op. cit. Sp. 862, 865, 866.

Gruen E. S. The lex Varia // JRS. Vol. 55. 1965. P. 67, 65.

Ibid. P. 61.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 159.

Цицерон. За Клуенция. 153; За Рабирия Постума. 16; Аппиан. ТВ. I. 35.
159.

Утверждение Флора, будто Друз завидовал Цепиону (III. 17. 4), выглядит сомнительно. Плиний Старший пишет, что они поссорились из-за какого-то кольца на аукционе (XXXIII. 20). Ф. Мюнцер предполагает, что именно из-за ссоры Цепион развелся с женой — сестрой Друза (Münzer F. *Servilius* (50) // RE. 2. R. Hbd. 4. 1923. Sp. 1786). Но равным образом возможна и обратная последовательность — разрыв между супругами, хотя еще и не состоявшийся, но уже наметившийся, мог спровоцировать ссору Цепиона и Друза.

Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 14978 B. C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 211.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 158; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 377; Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 528.

Gruen E. S. Roman Politics... P. 211.

Meier Ch. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 213.

Last H. Enfranchisement of Italy // CAH. Vol. IX. Cambr., 1932. P. 178–179; De Sanctis G. Op. cit. P. 22.

Селецкий Б. П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 9080х годов до н. э. // ВДИ. 1983. № 1. С. 149; Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. I. Cambr., 1974. P. 616.

Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 149–150; Gabba E. *Commento // Appaini bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 158–159.

Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. XLIII;
Crawford M. Op. cit. Vol. I. P. 616.

Возможно, в этом году был принят и еще один аграрный закон — Сауфея. Друз принял участие и в его реализации (Gabba E. Commento. P. 117).

Gabba E. Mario e Silla. P. 790.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 160; Miinzer F. Livius. Sp. 875; De Sanctis G. Op. cit. P. 28.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 159; Gabba E. *Commento*. P. 122. Г. Де Санктис резонно указывает в связи с этим, что именно в Этрурии и Умбрии особенно было развито крупное землевладение (De Sanctis G. *Op. cit.* P. 20).

Э. Габба считает, что упоминание об обоих консулах неверно — в других источниках о втором консуле 91 года, Сексте Юлии Цезаре, не говорится (Gabba E. *Commento*. P. 122).

Last H. Op. cit. P. 181. № 1. Против см.: Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 111. Anm. 2.

Но нельзя, конечно, быть уверенным, что Диодор точно передал текст клятвы (Pareti L. *Storia di Roma e del mondo romano*. Vol. III. Torino, 1953. P. 528. № 1).

De Sanctis G. *Op. cit.* P. 29; Gabba E. *Rome and Italy: The Social War* // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 113.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 160; Last H. Op. cit. P. 181; De Sanctis G. Op. cit. P. 27.

Gross W. H. Porcius (16) // RE. Hbd. 43. 1953. Sp. 168–169.

Last H. Op. cit. P. 181.

Münzer F. Livius. Sp. 874.

Gabba E. Rome and Italy. P. 113.

De Sanctis G. Op. cit. P. 30. Вероятно, после смерти Красса сторонники Друза утратили большинство в сенате (Gabba E. Mario e Silla. P. 789).

Смерть Друза датируют серединой 91 года (Gabba E. *Commento*. P. 123).

См., напр.: De Sanctis G. Op. cit. P. 26.

Miinzer F. Livius. Sp. 879; De Sanctis G. Op. cit. P. 31.

Miinzer F. Livius. Sp. 880. L. Де Санктис считает, что оправдать это и был призван слух о самоубийстве (De Sanctis G. Op. cit. P. 32). Но достаточным объяснением было бы и то, что Друз умер естественной смертью.

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 46–47.

Meier Ch. Op. cit. S. 16–17.

Keaveney A. Op. cit. P. 46–47.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1529. Правда, этот автор не уверен, что недовольство Мария могло привести к открытой борьбе.

Особенность, чрезвычайно характерная для Плутарха (см.: Короленков А. В. Об особенностях восприятия времени в Плутарховой биографии Сертория // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 112–115).

По мнению Э. С. Рэмиджа, установка Бокхом скульптурной группы на Капитолии положила начало реализации пропагандистской программы Суллы, которая достигнет кульминации в мемуарах диктатора (Ramage E. S. Sullas's Propaganda // *Klio*. Bd. 73. 1991. P. 116). Однако вряд ли такая программа к этому времени уже сложилась в сознании Суллы.

Л. Парети связывает эту историю с предполагавшимся покушением на италийцев Филиппа, о котором его предупредил Друз (Pareti L. *Op. cit.* Vol. III. P. 527). Но равным образом возможно, что Попедий Силон планировал такой решительный шаг после отмены законов Друза — если, конечно, вся история вообще не является вымыслом или грубой передержкой.

Аппиан называет Сервилия проконсулом (ГВ. I. 38. 171), однако другие авторы именуют его претором. Возможно, он обладал проконсульскими полномочиями (см. со ссылками на источники: Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. N.Y., 1952. P. 20).

653

По данным монет (см.: Htilsen Ch. Corfinium // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1226).

De Sanctis G. Op. cit. P. 42.

Gabba E. Rome and Italy: The Social War // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 118.

De Sanctis G. *Op. cit.* P. 40–41; Gabba E. *Rome and Italy*. P. 118.

Диодор. XXXVII. 2. 5.

См., напр.: Sydenham E. A. *Op. cit.* P. 91–94. № 618–621, 627–629, 634, 641. Высказывалось мнение, что союзники чеканили монеты из золота, присланного им царем Понта Митридатом VI Евпатором, который начал войну против Рима в 89 году (Letzner W. *Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie.* Minister, 2000. S. 126. Anm. 85).

De Sanctis G. Op. cit. P. 38.

Формулировка закона Бария у Аскония (79С) сходна с положениями закона Мамилия во время Югуртинской войны (Саллюстий. Югуртинская война. 40.1; Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 59). Это и неудивительно, если учесть типологическое сходство ситуаций — всеобщая истерия и поиск виновных. Но было одно важное теоретическое различие: в Мамилиевом законе, в отличие от Вариева, не шла речь об оскорблении величия римского народа (Seager R. *Lex Varia de maiestate* // *Historia*. Bd. 16. 1967. P. 40).

Аппиан сначала пишет о преследованиях по закону Бария, а потом уже о восстании союзников — получается, что они взбунтовались, поскольку лишились своих защитников в Риме (Badian E. *Quaestiones Variae* // *Historia*. Bd. 18. 1969. P. 459–460).

См.: Klebs E. Aemilius (140) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 585–586.

Валерий Максим связывает этот процесс с обвинениями Скавра в том, будто он получил взятку от Митридата VI Понтийского (III. 7. 8), но это явная ошибка (Klebs E. *Op. cit.* Sp. 586).

Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 61, 63; Seager R. *Op. cit.* P. 42; Badian E. *Op. cit.* P. 467.

Gruen E. S. The lex Varia. P. 61, 65, 67; Seager R. Op. cit. P. 42; Badian E. Op. cit. P. 457. В. Шур считает (вряд ли основательно), что Антоний добровольно ушел в изгнание (Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 115).

Иногда считается, что под Муммием подразумевается только что упомянутый Меммий, просто произошла путаница в передаче имен (Pareti L. *Op. cit.* Vol. III. P. 536 e n.3; Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 66–67). Более вероятно, однако, что это сын или внук разрушителя Коринфа Луция Муммия (подробно см.: Badian E. *Op. cit.* P. 469 a. п. 65).

Рай Котта и Луций Бестия предпочли уйти в изгнание, не дожидаясь приговора (Аппиан. ТВ. I. 37. 167).

De Sanctis G. *Op. cit.* P. 46–47; Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 64–65.

Асконий (73С) пишет, что закрылись все суды, включая и те, которые рассматривали обвинения по закону Бария, но это недоразумение, основанное на неверном понимании Асконием своего источника (Badian E. *Op. cit.* P. 452–460).

Любопытно, однако, что Аппиан в данном случае хранит молчание, хотя в других случаях он охотно рассказывает о предвестиях бедствий (ГВ. I. 83; П. 36; IV. 4 и др.).

Цифра вполне достоверная (Gabba E. *Commento*. P. 129–130). Г. Де Санктис считает, что речь может идти даже о 121 тысяче человек (De Sanctis G. *Op. cit.* P. 49). В русском переводе Аппиана ошибка: армия повстанцев «состояла приблизительно из 100 тысяч пехоты и такого же количества конницы» (Аппиан. *Гражданские войны*. М., 1994. С. 30).

По подсчетам В. Шура — до 140 тысяч человек (Schur W. Op. cit. S. 117. Anm. 2).

Gabba E. Rome and Italy. P. 120.

Heichelheim F. M., Yeo C. A. A History of the Roman People. PrenticeHall, 1962. P. 193.

У Аппиана ошибочно именуется Секстом (ГВ. I. 40. 178 и далее; Gabba E. *Commento*. P. 130; Broughton T. R. S. *Op. cit.* Vol. II. P. 25).

Предполагалось, что по недоразумению именем Лентула назван Катул, но эта гипотеза вызвала возражения (см. обзор дискуссии: Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. II. P. 31; Gabba E. Commento. P. 131).

См. комментарии и ссылки на источники: Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. II. P. 27–30; Gabba E. Commento. P. 130–131; De Sanctis G. Op. cit. P. 51–52.

Gabba E. Rome and Italy. P. 119.

De Sanctis G. *Op. cit.* P. 61. Предположение Э. Т. Сэлмона о том, что Сулла вывел из Эзернии часть гарнизона (Salmon E. T. *Samnium and the Samnites*. Cambr., 1967. P. 359), не находит опоры в источниках (Keaveney A. *Sulla. The East Republican*. Г.; Canberra, 1982. P. 55. Not. 40).

Gabba E. Rome and Italy. P. 121.

А. Кивни предполагает, что именно действия Суллы не дали восставшим развить успех в Кампании и Лации (Keaveney A. *Op. cit.* P. 50). Однако никаких оснований для этого, кроме симпатий ученого к Сулле, нет.

Gardner R. The First Phase of the Social War // CAH. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 193.

В Ноле попал в плен претор Луций Постумий (Ливии. Периоха 73).

De Sanctis G. Op. cit. P. 62.

Gabba E. Rome and Italy. P. 121.

Видимо, не столько из недоверия к Марию (Дион Кассий. XXIX. 98. 2; Орозий. V 18. 12), сколько из политических соображений — в Риме ждали вестей о победах. К тому же на ожидание не было времени — оно пока работало не на римлян (Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1407).

У Аппиана ошибочно говорится о р. Лирис (ГВ. I. 43. 191; Gabba E. *Commento*. P. 138).

Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 184.

Gabba E. Commento. P. 140.

Сулла продолжил преследование марсов, тогда как Марий не смог сделать это из-за неудобной местности (Аппиан. ГВ. I. 46. 201–202).

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 541. Not. 3; Gabba E. Rome and Italy. P. 121.

De Sanctis G. Op. cit. P. 64. № 52; Gabba E. Rome and Italy. P. 121.

Gabba E. Commento. P. 141.

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 541. Not. 3.

См.: Gabba E. Commento. P. 141.

De Sanctis G. Op. cit. P. 64. Not. 52.

Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 273 (с литературой). Вряд ли, однако, это мемуары самого Суллы. На них опирался Плутарх, но он не пишет об участии Суллы в упомянутом сражении. Между тем этот автор аккуратно фиксирует проявления вражды между обоими полководцами, даже если они касались незначительных эпизодов, как то было в случае с установкой Бокхом скульптурной группы на Капитолии (см. выше).

Примерно в таком духе и рассуждает симпатизирующий Сулле А. Кивни (Keaveney A. *Op. cit.* P. 50).

Ж. Каркопино приписывает такую же уверенность и воинам Суллы (Carcopino J. *Sylla ou la monarchie manquée*. P., 1947. P. 101), хотя у Плутарха об этом не говорится.

Christ K. Sulla. Eine rornische Karriere. Munchen, 2002. S. 76.

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. II. P. 32.

Luce T. J. Op. cit. P. 183–184.

Gardner R. Op. cit. P. 192; Luce T. J. Op. cit. P. 183–185.

Luce T. J. Op. cit. P. 184–185.

Schur W. Op. cit. S. 122.

См.: Gabba E. Rome and Italy. P. 119 (с указанием источников).

Ливии и Аппиан ошибаются, утверждая, будто это произошло впервые — подобные случаи имели место еще в III веке до н. э. (Gabba E. *Commento*. P. 146).

Очевидно, это были не те общины, чьи представители выступили в свое время против Друза (Gabba E. *Rome and Italy*. P. 122).

Gabba E. Commento. P. 147.

Правда, жители Гераклеи и Неаполя долго спорили, воспользоваться ли им благами этого закона, ибо они имели союзные договоры с Римом, выгоды от которых не уступали преимуществам римского гражданства (Цицерон. За Бальба. 21).

Обвинителем Бария был, по-видимому, Гай Юлий Цезарь Страбон Вописк, недавно упрекавший Суллу в «покупке» претуры (Валерий Максим. IX. 2. 2; Gruen E. S. Roman Politics... P. 217, 220, 226).

Иногда предполагается, что Барий был казнен (Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 69), однако равным образом вероятно, что он умер в изгнании (Badian E. *Op. cit.* P. 465).

Раньше считалось, что у Аскония (79С) речь идет о Помпее Страбоне (Gruen E. S. *The lex Varia*. P. 70–71; Seager R. *Op. cit.* P. 39–40; De Sanctis G. *Op. cit.* P. 92–93). Однако, как убедительно показал Э. Бэдиан, имеется в виду не Помпеи, а Помпоний (Badian E. *Op. cit.* P. 465–475).

Badian E. Op. cit. P. 475.

Brunt P. A. Italian Manpower. 225 B.C. — 14 A. D. Oxford, 1971. P. 437.

С. Дж. Крисантос считает, что под командованием Постумия находился легион, набранный в самом Риме (Chrisanthos S. J. *Seditio. Mutiny in the Roman Army 90–40 B. C.* Diss. Ann Arbor, 1999. P. 50). На какие источники он опирается, неясно.

Keaveney A. Op. cit. P. 50.

Иногда эти обвинения объясняют тем, что в свое время Альбин капитулировал перед Югуртой (De Sanctis G *Op. cit.* P. 80, 82. Not. 29; Chrisanthos S. J. *Op. cit.* P. 50). Однако отождествление этих двух лиц выглядит сомнительно (Keaveney A. *Op. cit.* P. 55. Not. 42).

В этом случае речь идет о консуле 99 года (Broughton T. R. S. *Op. cit.* Vol. II. P. 37) — последнем в роду Постумиев (Miinzer F. Postumius (33) // *RE. Hbd.* 43. 1953. Sp. 909). Правда, Плутарх называет его преторием (Сулла. 6.16).

И. Калаби считает, что эпитоматор Ливия просто не указал Суллу (Calabi I. *I commentarii di Sffla come fonte storica* // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. P. 277). Но ведь о нем не сообщает и Валерий Максим, который явно читал полный текст Ливия.

Broughton T. R. S. Op. cit. Vol. II. P. 37; Miinzer F. Postumius (34) // RE. Hbd. 43. Sp. 909–910. Легатом Суллы Альбина называет только Орозий, автор V века н. э.

De Sanctis G Op. cit. P. 79; Keaveney A. Op. cit. P. 50; Christ K. Op. cit. S. 76.

И. Калаби указывает, что Альбин командовал флотом и потому своих воинов не имел, а убили его воины Суллы (Calabi I. Op. cit. P. 277). Но какое им было дело до Альбина? Между тем из ситуации с очевидностью следует, что убийство совершили его собственные подчиненные.

См.: Christ K. *Op. cit.* S. 76–77. С. Дж. Крисантос называет весь инцидент «поворотным пунктом в истории римских военных мятежей» (Chrisanthos S. J. *Op. cit.* P. 51). Предположение Э. Т. Сэлмона о том, что Сулла подстрекал воинов убить Постумия (Salmon E. T. *Op. cit.* P. 366), представляется более чем сомнительным.

Вероятно, у южного подножия Везувия (Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1530; см. также: Gabba E. Commento. P. 150).

ф фрелих называет его нумидийцем (Frohlich F. Op. cit. Sp. 1530). Однако у Аппиана речь идет именно о мавретанце (ГВ. I. 50. 220), что достаточно логично — Бокх вполне мог отправить старинному знакомцу Сулле отряд всадников на подмогу.

De Sanctis G Op. cit. P. 81.

Как предполагается, в этом еще тогда усмотрели своего рода благодарность войска за то, что Сулла оставил безнаказанным убийство Постумия (Bloch G, Carcopino J. *Histoire Romaine*. Т. II. Р., 1935. Р. 387). Но для жесткой увязки одного с другим нет оснований (Calabi I. *Op. cit.* Р. 278).

Frohlich F. Op. cit. Sp. 1530.

Keaveney A. Sulla, the Marsi and the Hirpini // CPh. Vol. 76. 1981. P. 294–296.

После войны сыновья Минация вместе с неким Квинкцием Вальгием реконструировали стены Эклана, пострадавшие при осаде (Gabba E. *Commento*. P. 152).

De Sanctis G Op. cit. P. 83.

По-видимому, Палий Мутил предполагал, что Сулла нанесет удар из-под Кавдия, но тот начал наступление с участка Капуя — Теан (Gabba E. *Commento*. P. 152; Keaveney A. *Sulla. The Last Republican*. P. 2).

Gabba E. Op. cit. P. 153. Корфиний к этому времени, видимо, пал (см.: Диодор. XXXVII. 2. 9; Keaveney A. Sulla. The Last Republican. P. 52). Любопытно, однако, что разрушению он не подвергся (Letzner W. Op. cit. S. 126. Anm. 84).

Gabba E. Commento. P. 153; De Sanctis G. Op. cit. P. 98.

Тем не менее город продержался до прихода к власти Цинны в 87 году (Gabba E. *Commento*. P. 151).

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. P. 54.

Carcopino J. Op. cit. P. 26.

Gabba E. *Op. cit.* P. 155; De Sanctis G. *Op. cit.* P. 85. Если верить Аппиану (ТВ. I. 52. 228), Косконий поступил не очень честно — Требаций предложил ему: пусть Косконий переправляется через реку сам и сразится с ним или даст переправиться Требацию. Римский военачальник обманул самнита и напал на него во время переправы.

О заключительных операциях Союзнической войны см.: Аппиан. ГВ. I. 52–53; Ливии. Периохи 75–76; Флор. III. 18. 13–14; Орозий. V. 18. 25–26.

Criniti N. L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone. Milano, 1970. P. 188.

Возможно, под 300 тысячами имеется в виду число мобилизованных на войну (Brunt P. A. Op. cit. P. 439).

Авл Геллий. XV. 4. 3*. О необычной судьбе Вентидия Басса, который побывал на триумфах и в качестве пленника, и в качестве полководцапобедителя, см.: Валерий Максим. VI. 9. 9; Веллей Патеркул. П. 65. 2–3; Дион Кассий. XLIII. 51. 4–5.

Marquardt J. Romische Staatsverwaltung. Bd. II. Darmstadt, 1881. S. 286.

Конкретно — с 213–212 годов (Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. I. Cambr., 1974. P. 640).

Ливии. VII. 42. 1; Тацит. Анналы. VI. 16; Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 159.

Возможно, описанные события произошли уже в январе следующего, 89 года (см.: Pareti L. *Storia di Roma e del mondo Romano*. Vol. III. Torino, 1953. P. 554), но принципиального значения в нашем случае это не имеет — они дают наглядное представление о ситуации в целом.

См., напр.: Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd. 19. 1970. P. 190.

В вопросе о «группе поддержки» Цезаря Страбона мы основываемся на реконструкции Б. Р. Каца (Katz B. R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and more // RhM. Bd. 120. 1977. P. 54–57).

Это снимает сомнения Т. Люса в стремлении Цезаря Страбона получить командование в войне с Митридатом, ибо, как указывает исследователь, Цезарь Страбон не имел военных талантов и заслуг (Luce T. J. Op. cit. P. 191–192).

Между прочим, Луций Элий Стиллон был учителем двух выдающихся римлян — Марка Туллия Цицерона и Марка Теренция Варрона (Цицерон. Брут. 205–207; Авл Геллий. XVI. 8. 1).

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 551.

Правда, если верить Плутарху (Сулла. 6.21), Сулла постарался обставить развод поджентльменски, осыпав Клелию похвалами и богато одарив.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 30; Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 199. При этом оба автора, говоря о влиятельной родне Метеллы, странным образом не связывают его с союзом с Метеллами и избранием Суллы, а Ф. Инар даже считает, будто родственники Метеллы, прежде всего Метелл Пий, были этим браком недовольны (Инар Ф. Сулла. С. 31). Но без их согласия Метелла не стала бы женой Суллы.

Keaveney A. Who Were the Sullani? // Klio. Bd. 66. 1984. P. 115.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 56.

Gabba E. Op. cit. P. 164–165.

См.: Katz B. R. Op. cit. P. 53–54.

Цицерон. Об ораторе. П. 16.

Возможно, еще в тот момент, когда Цезарь Страбон просил отменить для него действие закона, предписывавшего соискателям консулата предварительно побывать в должности претора (Lintott A. W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus // CQ. Vol. 21.2. 1971. P. 450).

Иногда попытку Цезаря Страбона стать консулом относят к выборам на 87 год, что маловероятно. См.: Лапыренок Р. В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 63–64 (с подробной библиографией).

Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo // *Latomus*. T. 38. 1979. P. 452–453.

Очень кстати было то, что Сулла ознакомился с малоазиатскими реалиями во время пребывания в Киликии (Letzner W. Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie. Munster, 2000. S. 127).

Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo. P. 454.

Katz B. R. Op. cit. P. 60.

Keaveney A. What Happened in 88? // *Eirene*. XX. 1983. P. 53; Seager R. Sulla // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 166.

К тому же Помпей Руф был другом Публия Сульпиция (Цицерон. О дружбе. 2).

По-видимому, правы те исследователи, которые считают, что речь идет об изгнанниках по закону Бария (Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo. P. 455–456; Letzner W. Op. cit. S. 131; Seager R. Op. cit. P. 167; Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 280).

Правда, как уверяли враги Сульпиция, он сам оставил после себя долгов на три миллиона (Плутарх. Сулла. 8.4), но это очевидное пропагандистское преувеличение. В. Шур считал, что проект об исключении задолжавших сенаторов был направлен против Суллы, который поиздержался и влез в долги во время выборов (Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig, 1942. S. 130), но у нас нет никаких доказательств в пользу этой гипотезы. Вряд ли Сульпиций был заинтересован в тот момент задевать Суллу.

770

Цицерон. Брут. 306.

Seager R. Op. cit. P. 168.

Дом Мария находился рядом с форумом — старый полководец построил его там, чтобы к нему приходило больше посетителей (Плутарх. Марий. 32.1).

Обзор точек зрения см.: Letzner W. *Op. cit.* S. 131. Anm. 191.

Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 20.

Lintott A. W. Op. cit. P. 443; Keaveney A. What Happened in 88? P. 55–56. Следует отметить, что текст Плутарха в этом месте неясен (Ghilli L. *Commento [alia biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla.* Milano, 2001. P. 353. Not. 215). Тем не менее многие историки принимают сомнительное сообщение Плутарха (Инар Ф. Сулла. С. 83; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 385; Schur W. Op. cit. S. 133. Anm. 3; Levick B. M. Sulla's March on Rome in 88 B.C. // *Historia*. Bd. 31. 1982. P. 508; Seager R. Op. cit. P. 169; Lovano M. Op. cit. P. 20).

Valgiglio E. Sffla e la crisi repubblicana. Firenze, 1956. P. 12.

Лапыренко Р. В. Указ. соч. С. 66; Seager R. Op. cit. P. 168.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 42. В 87 году Цинна отправил ему знаки проконсульской власти (Плутарх. Марий. 41.6). Это трудно объяснить иначе как тем, что до своего изгнания Марий был назначен проконсулом.

Эту версию принимают и многие современные ученые (см.: Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 58; Valgiglio E. *Op. cit.* P. 7–12; Van Ooteghem J. *Op. cit.* P. 280–281; Levick B. M. *Op. cit.* P. 508).

Версия Аппиана, который относит издание закона о передаче командования экспедицией против Митридата Марию ко времени, когда неприсутственные дни были уже отменены, представляется более точной (см.: Lintott A. W. *Op. cit.* P. 445–446).

Badian E. *Foreign Clientelae* (26470 B.C.). Oxford, 1958. P. 232; Luce T. J. *Op. cit.* P. 192–193. А. Кивни считает, что это противоречит свидетельству Аппиана (Keaveney A. *What Happened in 88?* P. 54. Not. 3), но Аппиан мог ошибаться, считая, что союз Мария и Сульпиция существовал с самого начала.

Так что, видимо, не Марий передал себя «в руки Сульпиция» (Lhne W. *Römische Geschichte*. Bd. V. Leipzig, 1879. S. 285), а наоборот.

Исходя из того, что предложение о передаче восточного командования Марию было внесено сразу, некоторые ученые предполагают, что Сулла отменил неприсутственные дни в обмен на сохранение за ним руководства армией, идущей на войну с Митридатом (Bloch G., Carcopino J. *Histoire Romaine*. Т. II. Р., 1935. Р. 395; Van Ooteghem J. *Op. cit.* Р. 282–283). Однако в источниках ничего подобного не говорится.

Причем если в 107 году Марий хотя бы был консулом, а Метелл лишь проконсулом, то теперь он, в сущности, являлся лишь частным лицом (Lhne W. *Op. cit.* Bd. V. S. 286–287), без какого-либо законного основания получившим проконсульские полномочия.

Gabba E. Op. cit. P. 165.

Строго говоря, у Аппиана (ГВ. I. 57. 252) говорится, что воины понимали это сами, Сулла же только призывает воинов выполнять его приказы. Но еще со времен Моммзена общепринято мнение, что именно Сулла напугал солдат выдумкой о наборе Марием новой армии для войны с Митридатом (см.: Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 188).

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 222; Seager R. *Op. cit.* P. 170.

Одним из них был, очевидно, легат Мария Марк Гратидий, которого Орозий (V. 19. 4) называет «первой жертвой гражданской войны» (см. также: Валерий Максим. IX. 9. Римские военные примеры. 1).

Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 77.

На это любезно обратил наше внимание К. Л. Гуленков.

Махлаюк А. В. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 2005. № 3. С. 39–40. Тем более странным кажется предположение Б. Левик о том, что Суллу покинули наряду с военными трибунами центурионы (Levick B. M. *Op. cit.* P. 505).

Да и тут, к слову сказать, было не без накладок: в свое время воины Мария, получив земельные наделы по 14 югеров (3,5 гектара), позволявшие завести крепкое хозяйство, заявили, однако, что рассчитывали на большее. Марий ответил им: «Да не будет впредь ни одного римлянина, который считал бы малым надел, достаточный для его пропитания» (Plut. Crass. 2.10). Вряд ли солдаты Суллы не знали об этом ответе, что также не могло не тревожить их.

Carey T. F. The Flight and Exile of Marius // Greece and Rome. 2nd ser.
Vol. 8. 1961. P. 99.

Ghilli L. Op. cit. P. 356. Not. 229 (с указанием литературы).

Block G, Carcopino J. Op. cit. T. II. P. 396.

Один легион, по-видимому, остался осаждать Нолу (Ливии. Эпитома 79; Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 558. Not. 5).

Плутарх. Цезарь. 32; Аппиан. ГВ. П. 35; Светоний. Юлий. 31.2.

Сказывается разница в характерах: Сулла, будучи актером по натуре, был не прочь задним числом драматизировать ситуацию, Цезарь же, напротив, стремился создать имидж уверенного в себе, всегда знающего верный путь человека, о чем свидетельствует хотя бы тон его «Записок».

Block G., Carcopino J. Op. cit. T. II. P. 396.

По общепринятому ныне мнению Э. Бэдиана, этим квестором был Луций Лициний Лукулл (Badian E. Waiting for Sulla // JRS. Vol. 52. 1962. P. 54–55).

Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 284.

Аппиан. ГВ. I. 57. 255.

У Аппиана не говорится, что послами сената были именно эти преторы, но коль скоро речь идет о первом посольстве сената к Сулле, логично предположить, что Аппиан имеет в виду Сервилия и Брута (см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 167), просто избегая уточнений.

Плутарх, продолжая, очевидно, следовать мемуарам Суллы, пишет, будто преторы вели себя «дерзко» (Суллa. 9.4), но в чем проявилась их «дерзость», не уточняет. Может, это выдумка Суллы, пытавшегося хоть как-то оправдать учиненное над магистратами римского народа насилие, а может, его воины сочли наглостью саму попытку остановить их. Любопытно, что даже такой апологет Суллы, как Ф. Инар, при описании данного эпизода предпочитает не упоминать о мнимой надменности преторов (см.: Инар Ф. Сулла. С. 87).

805

Имеется в виду каппадокийская богиня Ма.

Catey T. F. Op. cit. P. 101. Другие ученые, в особенности апологеты Суллы, эти сведения принимают (Инар Ф. Сулла. С. 86; Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1410; Keaveney A. What Happened in 88? P. 62).

Block G, Carcopino J. Op. cit. T. II. P. 396.

40 стадий соответствуют пяти римским милям. Любопытно, что именно в пяти милях от Рима на Латинской дороге находился Клуилиев ров, где расположился лагерь в свое время легендарный Кориолан (Gabba E. *Op. cit.* P. 168) — сопоставление, не слишком выгодное для Суллы.

Weynand R. Op. cit. Sp. 1410; Gabba E. Op. cit. P. 169.

Valgiglio E. Op. cit. P. 15.

Passerini A. Caio Mario come uomo politico // Athenaeum. Vol. 12. 1934.
P. 369.

Аппиан пишет, что Сулла лишь пригрозил поджечь дома, после чего жители перестали бросать в его воинов камнями, кусками черепицы и т. п. (ГВ. I. 58. 258). Не исключено, что верны, по сути, обе версии — лучники и впрямь начали пускать зажженные стрелы, но вскоре продвинулись вперед и прекратили обстрел, коль скоро крупный пожар не начался. Поэтому их действия могли воспринять лишь как предупреждение.

Аппиан пишет, будто Сулла выхватил знамя и бросился вперед, а за ним устремились и воины, боясь потерять знамя (ГВ. I. 58. 260).

72 Keaveney A. What Happened in 88? P. 69.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1535–1536.

Keaveney A. What Happened in 88? P. 65.

Meier Chr. Op. cit. S. 224.

Трудно сказать, когда собрал Сулла сенат — уже вечером того же дня, когда был взят Рим (Katz B. R. *The First Fruits of Sullas March* // *Antiquite classique*. Т. 44. 1975. Р. 100), или на следующее утро (Letzner W. *Op. cit.* S. 142). С одной стороны, Сулле надо было торопиться узаконить свои действия и расправу с Марием, которого могли убить в любой момент, а с другой — у него могло просто не хватить времени на созыв *patres* в тот же день.

Вайтап Р. А. The hostis declarations of 88 and 87 B.C. // *Athenaeum*. Vol. 51. 1973. P. 278.

Римский всадник Спурий Мелий оказал помощь беднякам во время страшного голода 440–439 годов, торгуя хлебом по сниженным ценам, а неимущим просто отдавая его даром. Завистливые патриции обвинили его в том, что он ищет расположения «толпы», чтобы добиться царской власти. Для борьбы с мнимым заговором был назначен диктатором Луций Квинций Цинциннат (вторично). Помощник диктатора, начальник конницы Гай Сервилий Агала, явился арестовать Мелия и убил его «при попытке к бегству» (Дионисий Галикарнасский. XII. 1–4; Ливии. IV. 13–14).

Ваитап Р. А. Оp. cit. P. 277. Not. 41.

Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. III. Abt. 1. Leipzig, 1887. S. 51.
Anm. 4.

Его часто путают в данном контексте со Сцеволой Понтификом (Katz B. R. The First Fruits... P. 101 а. н. 3).

Вайтап Р. А. Ор. cit. Р. 273.

Уступка же Сулле, несомненно, нанесла ущерб авторитету сената (ВиЫ Ch. M. Cinnanum Tempus: A Reassessment of the Dominatio Cinnae // Historia. Bd. 13. 1964. P. 310).

Katz B. R. The First Fruits... P. 102–103.

Т. Ф. Карни считает, что в числе объявленных врагами были брат Мария Марк, его приемный сын Марк Марий Гратидиан, а также Гней Граний и Децим Юний Брут (Carney T. F. *Op. cit.* P. 101; один из Граниев был пасынком Мария: Плутарх. Марий. 35.9). Б. Р. Кац вместо этих лиц предлагает Гнея Папирия Карбона и Марка Юния Брута (Katz B. R. *The First Fruits...* P. 105–115). Его возражения против того, что в данном списке значился Марий Гратидиан, заслуживают внимания.

Valgiglio E. Plutarco. Vita di Mario. Firenze, 1956. P. 178. Разумеется, здесь сыграла свою роль и античная традиция, «обогатившая» описание этих событий самыми невероятными подробностями. В главном нашем источнике по данному вопросу, рассказе Плутарха (Марий. 35–40), прослеживается параллель с аналогичным сюжетом о бегстве и изгнании Фемистокла (Плутарх. Фемистокл. 24–31; Carney T. F. Op. cit. P. 98; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 290. Not. 3).

Как отмечал еще сам Плутарх, эта история невероятна, ибо орел высиживает только два яйца (Марий. 36. 10), максимум — четыре. Впрочем, независимо от подлинности этой истории, теоретически не исключено, что Марий рассказывал ее (Carney T. F. *Op. cit.* P. 106). Следует отметить, что истории такого рода передавали о многих деятелях античной культуры — Стесихоре, Пиндаре, Эсхиле, Платоне, Горации (Valgiglio E. *Plutarco. Vita di Mario.* P. 166), и присутствие в таком ряду далекого от изящной словесности Мария выглядит экзотически.

Valgiglio E. Plutarco. Vita di Mario. P. 171.

Эпиграфические данные позволяют предположить, что в тех краях у Мария была вилла (Van Ooteghem J. *Op. cit.* P. 293–294. Not. 5; 297). Вероятно, он спешил к своему имению напрямик.

Carey T. F. *Op. cit.* P. 108–109.

Фанния после развода с мужем, Тиннием, потребовала возврата своего богатого приданого, а тот в ответ обвинил ее в прелюбодеянии. Однако, как стало известно, Тинний с самого начала знал о ее распутном поведении и все же женился на ней — видимо, из-за денег. Поэтому Марий велел Тиннию вернуть бывшей жене приданое, а Фаннию в знак порицания приговорил к символическому штрафу в один сестерций (Плутарх. Марий. 38. 4–5; Валерий Максим. VIII. 2. 3).

Помещать схваченных под домашний арест в жилище их друзей было обычной практикой (Cateu T. F. Op. cit. P. 111). Из этого можно заключить, что о добром отношении Фаннии к Марию было известно и раньше, однако Плутарх об этом не упоминает для нагнетания драматизма.

Passerini A. Op. cit. P. 371.

Carey T. F. Op. cit. P. 109.

У Валерия Максима (П. 10. 6) определенно говорится об общественном рабе из кимбров (*servus publicus natione Cimber*). Путаница связана с тем, что в начале I века до н. э., как уже говорилось, римляне еще не различали галлов и германцев.

Имеется в виду храм Юпитера (Catey T. F. Op. cit. P. ПО. Not. 1).

Аппиан рассказывает, что после бегства из Минтурн Марий прятался от преследовавших его в какой-то хижине всадников и спасся благодаря тому, что заставил рыбака отплыть на лодке в море (ГВ. I. 62. 277–278). Это живо напоминает рассказ Плутарха о Марии и рыбаке, хотя детали существенно различаются. Однако порядок изложения у Плутарха признается учеными более предпочтительным (Passerini A. *Op. cit.* P. 373; Catey T. F. *Op. cit.* P. 109).

Грималь П. Цицерон. С. 59; Weynand R. Op. cit. Sp. 1414.

Осел как предвестник удачи упоминается, например, у Светония (Август. 96.2).

это предположение высказывает Т. Ф. Карни (Catey T. F. Op. cit. P. 109–110).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 189; Weynand R. *Op. cit.* Sp. 1414. Правда, Т. Ф. Карни предполагает, что Белей, предоставивший Марию судно — не кто иной, как Ветулей, позднее казненный Суллой (Орозий. V. 21. 8; Сатеу Т. Е. *Op. cit.* Р. ПО). Однако расхождение в именах слишком значительное, чтобы можно было согласиться с таким предположением (Van Ooteghem J. *Op. cit.* P. 294. Not. 4).

Valgiglio E. Plutarco. Vita di Mario. P. 163; Carney T. F. Op. cit. P. 103–104.

В Африке находились колонии ветеранов Мария, на чью поддержку он мог рассчитывать (Letzner W. Op. cit. S. 143. Anm. 184).

Seager R. Op. cit. P. 172.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 190. Прим. 1; Frohlich F. Op. cit. Sp. 1537. В этом случае предполагается, что речь шла о возвращении к закону 357 года.

Keaveney A. What Happened in 88? P. 73; Seager R. Op. cit. P. 172.

Применительно к пополнению сената 300 новыми членами предлагался компромиссный вариант — решение было принято в 88 году, а реализовано только в 82-м (см., напр.: Last H. *The First Consulship of Sulla* // САН. Vol. DC Cambr., 1932. P. 209). Однако вопрос о пополнении сената встал скорее после гражданской, нежели Союзнической войны, ибо именно смуты 88–82 годов нанесли особенно большие потери сенату.

См.: Katz B. R. The First Fruits... P. 116–117.

Литературу см.: Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 167.

И еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: Аппиан сообщает об усилении роли центуриатных комиций именно под 88 годом, не упоминая о ней при описании мероприятий Суллы в 81 году (ТВ. I. 100).

См. также: Ковалев С. И. Указ. соч. С. 387, 396; Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 194. Правда, Н. В. Чеканова противоречит сама себе, когда на с. 191 пишет, что позднее Сулла восстановил все законы, принятые в 88 году.

Meier Ch. Op. cit. S. 227.

Плутарх не уточняет, о каких выборах идет речь, но, судя по всему, подразумевались выборы плебейских трибунов (Broughton T. R. S. *Candidates Defeated in Roman Elections: Some Ancient Roman AlsoRans*. Philadelphia, 1991. P. 46; Keaveney A. *What Happened in 88?* P. 78). Иногда считается, что трибунские выборы прошли еще до марша Суллы на Рим, однако это маловероятно (см.: Katz B. R. *Studies on the Period of Cinna and Sulla* // *Antiquite classique*. T. 45. 1976. P. 498–507).

Broughton T. R. S. The Magistrates... Vol. II. P. 47.

Впрочем, нельзя полностью исключить, что Серторий проиграл выборы не на 87й, а на 88 год (Katz В. R. Studies... Р. 507–513 с указанием литературы). Однако вероятнее все же первый вариант, ибо Сулла имел больше возможностей повлиять на исход выборов, руководя ими в качестве консула.

Инар Ф. Сулла. С. 360; Gabba E. Op. cit. P. 282; Broughton T. R. S. *Candidates Defeated...* P. 17. У А. Б. Егорова ошибочно говорится о Гнее Сервилии (Егоров А. Б. Социальнополитическая борьба в Риме в 80е гг. I в. до н. э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 132).

Badian E. *Studies on Greek and Roman History*. Oxford, 1964. P. 82–83.

Mtinzer F. Octavius (20) // RE. Hbd. 37. 1934. Sp. 1814.

Lovano M. Op. cit. P. 25–26. В русском переводе Ливия при упоминании победы над марсами ошибочно говорится о Мурене (Ливии Тит. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 76), хотя общепринято чтение «Цинна».

Seager R. *Op. cit.* P. 173. Правда, Плутарх называет Октавия приверженцем Суллы (Серторий. 4.7). Однако при этом он, очевидно, исходил из ошибочной логики — впоследствии Октавий противостоял Цинне, врагу Суллы, а стало быть, являлся сторонником последнего. Между тем одно из другого напрямую не следует. Тем более нельзя считать Цинну «известным приверженцем Сульпиция» (Christ K. *Op. cit.* S. 82) только потому, что он впоследствии предложил восстановить закон Сульпиция о распределении италийцев по 35 трибам — он пришел к этой мысли уже после своего избрания (Аппиан. ТВ. I. 64. 288).

Meier Ch. Op. cit. S. 225. По-видимому, войска Суллы к этому времени уже покинули Рим (Инар Ф. Сулла. С. 99–100).

Lovano M. Op. cit. P. 30–31.

Своего рода предвосхищение клятвы на верность акта Caesaris (Katz В. R. Studies... P. 544).

Об обещании Цинны быть лояльным Сулле упоминает и Дион Кассий (XXX–XXXV. 102. 1).

Как считают многие историки (см. подборку литературы: Katz В. R—
Studies... P. 545. Not. 182).

Полибий. III. 25. 6; Цицерон. К близким. VII. 12. 2; Ghilli L. Op. cit. P. 364. Not. 265.

Lovano M. Op. cit. P. 28.

Bennett H. Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC. Diss. Chicago, 1923. P. 6.

Причины молчания Плутарха очевидны: ведь тогда выходит, что Сулла поставил под сомнение позицию вполне «добропорядочного» Октавия, а это выглядело бы оскорбительно.

Katz B. R. Studies... P. 544; Keaveney A. What Happened in 88? P. 82;
Seager R. Op. cit. P. 173; Letzner W. Op. cit. S. 147.

Очевидно, ему просто не продлили проконсульскую власть.

Об этом говорится у Валерия Максима (IX. 7. Римские военные примеры. 2: *sacrificare incipientem*). Аппиан говорит, что Помпея Руфа убили стоявшие рядом с ним во время разговора с Помпеем Страбоном люди (ВС. I. 63. 284), однако этим они уж слишком явно компрометировали бы своего командующего.

Подборку мнений см.: Katz B. R. *Studies...* P. 547. Not. 191. О подобных намерениях Цинны, но вне связи с действиями Вергилия пишет Дион Кассий (XXX–XXXV. 102. 1).

Seager R. *Op. cit.* P. 173–174. А. Кивни, высказывая ту же мысль, замечает, что Цинна настолько плохо рассчитал, что дело ограничилось обвинением со стороны трибуна — Сулла находился при армии и был недосыгаем (Keaveney A. *What Happened in 88?* P. 86). Вряд ли, однако, Цинна был настолько глуп, что поставил бы перед собой столь очевидно недостижимые цели.

Lovano M. Op. cit. P. 32.

Строго говоря, неизвестно, где был Сулла, когда на него подали в суд. Одни считают, что Вергилий предъявил свое обвинение, когда Сулла уже уехал в войска (Keaveney A. *What Happened in 88?* P. 86). По мнению других, Сулла поспешил удалиться из Рима уже после этого (Frohlich F. *Op. cit.* Sp. 1537–1538). Логичнее первое, поскольку предстояло вотвот отправиться против Митридата. Да и в армии Сулла чувствовал себя явно увереннее.

Katz B. R. Studies... P. 549 (со ссылкой на Э. Вейнриба). Аппиан связывает отъезд Суллы из Рима со страхом, охватившим его после убийства Помпея Руфа (ГВ. I. 64. 286).

Carney T. F. Op. cit. P. 116.

Katz B. R. Studies... P. 548. Первый раз — по отношению к Сульпицию.

Плутарх. Лукулл. 21.4, 26.5; Страбон. XI. 14. 15. С. 532, XII. 2. 9. С. 539; Аппиан. Митридатика. 67. 285.

Подробный анализ событий в Вифинии см.: Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 372 и сл.

Между прочим, одним из его противников был знаменитый соперник Цицерона в красноречии, оратор Квинт Гортензий (Цицерон. Об ораторе. III. 229).

Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P.116.

Д. Глью вообще считает, что выбора никакого не было, потому что не из кого было выбирать: из 27 консуляров, известных нам для периода 116–102 годов (то есть до консульства Аквилия), могли выполнить это поручение лишь он сам, Гай Марий и Квинт Лутаций Катул. Остальные умерли, были очень стары или о них ничего не известно со времени их консульства. См.: Glew D. *Op. cit.* P. 405.

Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967. P. 49.

Габелко О. Л. Указ. соч. С. 382.

Наличие этого мотива, приписываемого Аквилию античной традицией, не отрицает и современная наука. См., напр.: Badian E. *Roman Imperialism*. P. 49–50; Klebs E. *M' Aquilius* // *RE*. Bd. II. 1896. Sp. 325–326.

См.: Badian E. Roman Imperialism. P. 50; Keaveney A. Sulla. P. 78. Обстоятельнейшим образом эта гипотеза обоснована в статье Т. Льюса (Luce T. J. Op. cit. P. 186 f.).

SherwinWhite A. N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. Γ., 1984. P. 119 f.

См.: Hind J. G. F. Mithridates // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 144.

SherwinWhite A. N. Op. cit. P. 118.

О судьбе Аквилы см. также: Цицерон. О законе Манилия. 11 (без указания имени); Тускуланские беседы. V. 14; Плиний Старший. XXXIII. 48.

Bohm C. *Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politische Nachwirker Alexanders des Grossen in hoch — und spathellenistischen Monarchien.* Munchen, 1989. S. 174.

Впрочем, эта остановка могла иметь и более практическое значение — в том случае, если там находилось поселение потомков македонских колонистов, и Митридат, подражая Александру, хотел завоевать их симпатии. См.: Glew D. The Selling of the king: a note on Mithridates Eupator's propaganda in 88 B. C. // *Hermes*. 1977. Bd. 105. P. 254.

В конце концов эта мантия вместе с другой добычей попала в Рим — в нее был облачен Помпей Великий во время своего триумфа после завершения Третьей Митридатовой войны (Аппиан. Митридатика. 117. 577).

McGing B. G. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Feiden, 1986. P. 109.

Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. 2. P. 937.

Это подтверждается и эпиграфическими данными. См.: Sherk R. K. Roman Documents from the Greek East. Senatus consulta and Epistulae to the age of Augustus. Baltimore, 1969. № 18. Кстати говоря, только из надписи известно, что сопротивление Митридату оказал город Табы (Ibid. № 17).

Bemhardt R. Polis und romische Herrschaft in der spaten Republik (14931 v. Chr.). B.; N. Y., 1985. S. 57.

Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A. Pontus and Its Neighbours: The First Mithridatic War // CAH. Vol. IX. 1932. P. 241.

Диодор утверждал, что италийцы предлагали Митридату привести свою армию в Италию, но он сказал, что сначала хочет завоевать Азию (XXXVII. 2. 11). Б. Макгинг считает, что предложение это было малоперспективным, ибо восстание италийцев была почти подавлено (McGing B. G. Op. cit. P. 137). Вероятнее, однако, что мы имеем дело с обыкновенной пропагандистской «уткой» римлян. О возможной высадке Митридата в Италии они твердили даже применительно к последним годам Третьей Митридатовой войны (Плутарх. Помпеи. 41.3), когда ни о чем подобном не могло идти и речи.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 209.

О 150 тысячах пишет Плутарх (Сулла. 24.7), о 80 тысячах — Валерий Максим (IX. 2. Иноземные примеры. 3) и Мемнон (31.4).

См.: Гуленков К. Л. Эфесская вечерня // *Studia historica*. Вып. П. М., 2002. С. 109.

См.: McGing B. G. Op. cit. P. 113. Not. 119.

Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av. J.C). T. II.
Nancy, 1982. P. 478.

Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 296.

Одним из счастливцев, которым удалось вырваться из Афин, был глава Академии Филон, который прибыл в Рим и давал там уроки философии (Цицерон. Брут. 306).

На то, что тирания Афиниона не носила антиримского характера, который ей обычно приписывали исследователи, впервые обратил внимание Э. Бэдиан. См.: Badian E. *Roma, Athens and Mithridates // Assimilation et resistance a la culture grecoromaine*. Bucarest; P., 1976. P. 513 ff.

Это и понятно: население острова в значительной степени состояло не из греков, а из римлян и италийцев, которые вели там дела (Хабихт Х. Указ. соч. С. 299).

Долгое время считали, что Афинион и Аристион — одно и то же лицо. После выхода в начале XX века работ У. ВиламовицаМеллендорфа и У. Фергюсона (WilamowitzMoellendorf U. Aristion und Athenion // Idem. Kleine Sclriften. В., 1971. Bd. 5.1. S. 204–219; Ferguson W. S. Hellenistic Athens. L., 1911. P. 441 f.) от этого мнения отказалось подавляющее большинство исследователей, хотя в отечественной литературе путаница до сих пор встречается. Высказывалось также мнение, что Аристион — сын Афиниона (Ghilli L. Commento [alia biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 371. Not. 303).

См.: Жебелев С. А. Из истории Афин. 22931 гг. до Р. Хр. СПб., 1898. С. 260 ел.; Bohm С. Op. cit. S. 191.

По мнению И. Кромайера, сначала Сура имел всего около тысячи воинов. Это видно из того, что пришедшее к нему подкрепление Аппиан описывает как «другую тысячу». См.: Kromayer J. *Antike Schlachtfelder in Griechenland*. В., 1907. Bd. 2. S. 354. Anm. 4.

В данном случае Магнесия — не какой-либо из двух одноименных городов, а область в Фессалии, в которой находился и город Деметриада. Таким образом, действия Метрофана были направлены на обеспечение контроля за стратегически важными проходами из Северной Греции в Среднюю (Keaveney A. Sulla. P. 81).

Обычно именно к этой зимовке относят рассказ Плутарха об убийце Дамоне, который открывает биографию Кимона (Плутарх. Кимон. 1). См.: Reinach Th. *Op. cit.* P. 153.

SherwinWhite A. N. Op. cit. P. 133.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. S. 1539; Reinach T. Op. cit. P. 155 f.; Kromayer J. Op. cit. S. 355.

Kromayer J. Op. cit. S. 389.

См., напр.: Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 85. Однако заметим справедливости ради, что эта оценка касается лишь данного случая. В целом К. Крист оценивает религиозные воззрения Суллы не столь однозначно (см. там же, с. 208–209).

Keaveney A. Op. cit. P. 85–86. Есть еще один пример такой трактовки Суллой своих действий: Диодор говорит, что он «мило пошутил» (именно так, без всякого отрицательного оттенка!), сказав, что боги помогают ему побеждать при помощи большого взноса (XXXVIII. 7).

Это признает даже отнюдь не симпатизирующий Сулле К. Крист (Christ K. Op. cit. S. 85).

Так характеризуются эти действия Суллы чаще всего. См., напр.: Жебелев С. А. Указ. соч. С. 244; Christ K. *Op. cit.* S. 85; Frohlich F. *Op. cit.* S. 1539; Afrika T. W. *The immense majesty. A History of Rome and the Roman Empire.* N. Y., 1974. P. 169.

Плутарх. Сулла. 19.12; Павсаний. IX. 7. 6. Храм в Эпидавре наши источники не упоминают, но, очевидно, и он должен был получить какое-то возмещение. См.: Аппиан. Митридатика. 54. 217 (Эпидавр назван как получивший свою долю в фиванских землях).

Видимо, Архелай ввел в бой подкрепления (Гуленков К. Л. Битва за Пирей // *Para bellum*. Битва в античности. СПб., 2002. С. 42).

К сожалению, в источниках ничего не говорится о том, в чем именно состояло бесчестие этих штрафников. Судя по тому, что их, как видно из изложения Аппиана, было достаточно много, это было какое-то подразделение, бежавшее с поля битвы.

Инар Ф. Указ. соч. С. 114.

«Аппиан вслед за Суллой повествует, видимо, только о перехваченных продовольственных обозах. На самом же деле, наверняка некоторые из отправленных добрались до Афин» (Гуленков К. Л. Битва за Пирей. С. 46. Прим. 18).

Аппиан рассказывает, что после взятия города во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды (Аппиан. Митридатика. 38. 150).

931

Немногим более 50 литров.

Речь идет об Афине Полиаде (Ghilli L. Op. cit. P. 381. Not. 350).

933

1/12 медимна, примерно 4 литра.

«Человек..., чья душа была сплавом из наглости и жестокости, который усвоил и совместил в себе худшие из Митридатových пороков и страстей, подобно смертоносной болезни, обрушился на город» (Плутарх. Сулла. 13.2).

Метелла бежала к Сулле после прихода к власти Мария и Цинны и прибыла к нему, видимо, в начале 86 года, вскоре после взятия Афин (Ghilli L. *Op. cit.* P. 417. Not. 510).

Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley etc., 1984. Vol. 1. P. 271.

Весьма вероятно, что это место в рассказе у Плутарха восходит не к мемуарам Суллы, а к другому источнику, ибо Плутарх начинает пассаж со слова «говорят» (Ghilli L. *Op. cit.* P. 382–383. Not. 356). Любопытно отметить, что старики, которые во время осады должны были страдать больше других (кормили в первую очередь воинов), все же не собирались сдаваться, коль скоро они ругали тирана за недостаточные меры по обороне города.

Жебелев С. А. Указ. соч. С. 255. К подобному же выводу пришел А. Жолковский, специально исследовавший поведение римских солдат в захваченных городах; по его мнению, в резне виноват не столько Сулла, сколько его legionеры, у которых ярость возобладали над похотью и алчностью (Ziolkovski A. *Urbs depicta, or How the Romans Sacked Cities* // *War and Society in the Roman World*. L.; N. Y., 1993. P. 85).

Нечто подобное скажет афинянам в 48 году до н. э. и Цезарь (Аппиан. ТВ. П. 88; Дион Кассий. XLII. 14. 2).

Раскопки в Афинах показывают, что разрушения города были большими, но тем не менее город не остался лежать в развалинах, так что в словах Суллы есть некоторая доля истины. Даже в местах наиболее ожесточенных боев многое оказалось нетронутым, и если, например, был разрушен Помпейон — грандиозная постройка, возведенная в классическую эпоху и теперь обращенная в руины метательными снарядами, — то уцелели Гефестейон, средняя стоя агоры, надгробные сооружения Керамика и т. д. Подробнее см.: Хабихт Х. Указ. соч. С. 303 и сл.

Плутарх. Сулла. 14. 11–12.

Точно так же примерно за пять с половиной столетий до этих событий голод и жажда вынудили к сдаче захватившего Акрополь афинского мятежного аристократа Килона (Фукидид. I. 126. 910).

Павсаний сообщает, что Акрополь был осажден еще во время битвы при Херонее — якобы одновременно прибыли вестники в Афины с известием о победе Суллы и к Сулле — с известием о капитуляции Аристиона (I. 20. 5). Однако в его рассказе столько путаницы, что доверять этому известию вряд ли следует. См.: Жебелев С. А. Указ. соч. С. 252 и сл.

У Плутарха версия судьбы Аристиона несколько иная: Сулла, «отпустив из плена захваченных им друзей Митридата, лишь тиранна Аристиона, который был врагом Архелая, умертвил ядом» (Сулла. 23.3). Он говорит об этом в связи с переговорами Суллы с Архелаем и его заботами о заболевшем понтийском полководце. Далее он продолжает: «Это внушало подозрения, что Херонейская битва не была честной. К тому же Сулла...» — и следуют слова о казни Аристиона. Таким образом, у Плутарха нет четкой временной привязки этого события; скорее даже, оно, как и Херонейская битва, относится к прошлому, и, таким образом, между рассказами Плутарха и Аппиана нет противоречия.

Молев Е. А. Указ. соч. С. 73.

Описание этих находок и фотографии некоторых из них см.: Сидорова Н. А. Новые открытия в области античного искусства. Находки зарубежных ученых. М., 1965. С. 100 и сл. Следует, однако, отметить, что историческая трактовка пирейских находок в указанном издании (с. 109) неверна.

См.: Хабихт Х. Указ. соч. С. 306.

Ghilli L. Op. cit. P. 387. Not. 378.

Kromayer J. Op. cit. S. 357.

Возможно, брат знаменитого оратора. См.: Miinzer F. Hortensius (6) // RE. Hbd. 16. 1912. Sp. 2467.

Kromayer J. Op. cit. S. 357.

Если это тот самый Кафис, которого Сулла уполномочил провести заимствования в Дельфах, то слова Плутарха явная натяжка: хотя Фокида находилась в получасе пути от Херонеи, родины Плутарха, все-таки Кафис происходил из другой области.

Г. Дельбрюк считал, что рассказ о победе Суллы при Херонее является «продуктом скудной фантазии чванливых ораторов, относившихся совершенно равнодушно к событиям» (Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. С. 351). Однако, несмотря на его скептицизм, в общем и целом ход битв при Херонее и Орхомене можно рассмотреть, опираясь при этом не столько на Аппиана, сколько на Плутарха — местного уроженца, который передает традицию, в некоторых деталях отличающуюся от римской.

Распространенный у Плутарха мотив (Эвмен. 14.8; Брут. 38. 5–6; Эмилий Павел. 18. 5–8; Ghilli L. *Op. cit.* P. 392. Not. 401).

Аппиан, правда, рассказывает о стремительной атаке колесниц, перед которыми римляне расступились, пропустили их в задние ряды и там уничтожили, пока они пытались сделать разворот (Митридатика. 42. 163). Но на самом деле его рассказ не противоречит сообщению Плутарха: Плутарх описывает начало атаки, когда колесницы еще не набрали скорость, а Аппиан — ее второй этап, когда колесницы уже набрали скорость и не смогли поменять направление удара, когда воины Суллы расступились перед ними. См.: Гуленков К. Л. «Особые подразделения» в армии Митридата Евпатора // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 239–240. Вообще в описании битвы при Херонее военных деталей заметно больше, чем в других частях Плутарховой биографии Суллы (Calabi I. I commentarii di Sffla come fonte storica // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e fililogiche. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. 1950. P. 285).

Вопрос об источнике Плутарха вызывает споры (см.: Calabi I. I commentarii di Sffla come fonte storica // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. 1950. P. 285–286).

Инар Ф. Указ. соч. С. 138. В то же время данные о понтийцах могут соответствовать истине. Другое дело, что большинство их, по-видимому, не погибло или попало в плен, а разбежалось.

Camp J., Ierardi M., McInerney J., Morgan K., Umholtz G. A Trophy from the Battle of Chaironeia of 86 B. C // *AJA*. 1996. Vol. 96.3. P. 443–455.

Volkman H. Svfflas Marsch auf Rom. Der Verfall der romischen Republik. Munchen, 1958. S. 38 f; Keaveney A. Op. cit. P. 83, 85.

Согласно некоторым предположениям, первоначально она была персонификацией абстрактного понятия Venia, «милость богов» (Штаерман Е. М. Венера // МНМ. М., 1991. Т. 1. С. 229). В классические времена «Венерой» у римлян назывался лучший бросок при игре в кости. См.: Гораций. Оды. П. 7. 25 f

Среди ее эпитетов был и эпитет Felix (Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 231), который в дальнейшем Сулла присоединил к своему имени.

Crawford M. Op. cit. P. 373. № 359. Изображение двух трофеев на этой монете служит предметом дискуссии. С одним все ясно — это трофей, знаменующий победу над Митридатом; но что значит второй или, если расположить хронологически, первый трофей? Когда состоялась императорская аккламация Суллы? Обычно считают, что это произошло либо после его боевых действий в Киликии, либо во время Союзнической войны, но никаких указаний на это в источниках нет. См.: Combes R. *Imperator* (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome republicaine). P., 1966. P. 454.

Keaveney A. Op. cit. P. 118.

Meier Ch. Op. cit. S. 233.

Lovano M. *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome*. Stuttgart, 2002. P. 98–99.

Должность, которую Фимбрия занимал при Флакке, источники определяют поразному: легат (Ливии. Периоха 82; О знаменитых мужах. 70. 1), начальник конницы (Беллей Патеркул. П. 24. 1), квестор (Страбон. XIII. 1. 127. С 594), заместитель полководца (Дион Кассий. XXX–XXXV. 104. 1). Из этих должностей следует исключить должность квестора — ее занимал кто-то другой (Аппиан. Митридатика. 52. 207; Дион Кассий. XXX–XXXV. 104. 4).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 215.

По Евтропию (V. 6. 3) и Орозию (VI. 2. 6) — 70 тысяч.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 215.

Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München, 1982. S. 184.

А. Н. ШервинУайт пишет, что он «похитил плоды успехов Суллы», поскольку Македония была теперь свободна от понтийских гарнизонов (SherwinWhite A. N. Op. cit. P. 141), однако с этим вряд ли можно согласиться: у Суллы просто не было времени на то, чтобы изгнать понтийцев из Македонии, поэтому эту задачу пришлось решать Флакку.

Описания битвы при Орхомене, как и битвы при Херонее, у Плутарха и Аппиана сильно отличаются друг от друга. В нашем изложении мы следуем Плутарху (Сулла. 21), дополняя его кое-где данными Аппиана.

Аппиан (Митридатика. 49. 195) ничего не пишет об этом бегстве, по его рассказу, римляне просто вяло сражались из страха перед конницей, и потому Сулла, когда уговоры не помогли, использовал свой знаменитый способ побудить их к битве. Однако вряд ли Сулла пошел бы на столь крайнюю меру, если бы ситуация не была критической.

Плутарх. Сулла. 21.3. Эти слова Суллы были широко известны в древности. Их передает Полиен (VIII. 9. 2) и несколько иначе Аппиан (Митридатика. 49. 195); у Фронтин (П. 8. 12) нет речи о знамени, которое схватил Сулла — он просто обнажает меч и идет навстречу врагу. Больше всего риторики у Аммиана Марцеллина, четыре с половиной века спустя: Сулла у него произносит целую небольшую речь и не просто хватается за знамя, но бросает его в сторону вражеского строя (XVI. 12. 41). Любопытно, что у Плутарха и Поллена налицо дословное совпадение в передаче реплики полководца, только у Плутарха говорится об императоре (в греческом тексте — автократоре), а у Поллена — просто о Сулле (Calabi I. Op. cit. P. 289).

См.: Ghilli L. Op. cit. P. 414. Not. 497 (с указанием литературы).

Плутарх. Цезарь. 56.2; Christ K. Op. cit. S. 89.

Стоит отметить, что если первый день битвы описан Плутархом более или менее детально, то второй день этого не удостоился, и он отделяется от него двумя фразами. Однако описание Аппиана позволяет восстановить основные этапы боя в этот день.

Иначе выглядят эти события в изложении Плутарха (О доблести женской. 259. AD). Согласно его версии, Митридат обходился с приглашенными галатами грубо и заносчиво, так что они решили его убить. Однако о их замысле царю сообщил предатель, и тот приказал их всех истребить. Далее у Плутарха следуют две романтические истории, ради которых все, собственно, и рассказывалось — юного красавца Беполитана, которого Митридат пощадил, и пергамской девушки, которая похоронила казненного Эпоредорига, в которого была влюблена.

Аппиан называет ее любовницей Митридата. Хотя грань между царскими наложницами и женами не была четкой, у Плутарха в биографии Лукулла есть рассказ о том, что Монима отклоняла все домогательства и подарки царя до тех пор, пока он не подписал с ней брачный договор, провозгласив царицей и прислав диадему (Лукулл. 18.4).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 216. Прим. 2.

Молев Е. А. Указ. соч. С. 64, 67.

Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 132.

Christ K. Op. cit. S. 89.

Bennett H. Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC. Diss. Chicago, 1923. 52; Gelzer M. Licinius (104) // RE. Hbd. 25. 1926. Sp. 379.

Bennett H. Op. cit. P. 53.

Любопытно, однако, что Плутарх предполагает от собственного имени, что Лукулла оттолкнули от сотрудничества злодеяния Фимбрии — стало быть, сам Лукулл на это не ссыался. Вряд ли можно согласиться с М. Гельцером, который оправдывал поступок Лукулла его порядочностью (Gelzer M. Op. cit. Sp. 379).

Bennett H. Op. cit. P. 53.

О разграблении Фимбрией Илиона см. также: Ливии. Периоха 83; О знаменитых мужах. 70.3; Августин. О Граде Божием. III. 7; Дион Кассий. XXX–XXXV. 104. 7.

По словам Аппиана, он сделал это на основании полученного от царя приказа заключить мир на возможно благоприятных условиях (Митридатика. 54. 215). Думается, ему можно в этом доверять — несанкционированные переговоры с врагом Митридат неизбежно расценил бы как измену.

Версия Аппиана вновь иная, чем у Плутарха: Архелай заявил, что царь прекратит войну, если Сулла предложит справедливые условия (Митридатика. 54. 216). Здесь, пожалуй, стоит отдать предпочтение Плутарху, поскольку Митридат не был еще настолько сломлен, чтобы спрашивать об условиях мира, тем самым бесповоротно признавая римлян победителями.

На что-то подобное есть намек и у Аппиана — во всяком случае, Сулла у него говорит Архелаю: «Пора тебе подумать и о самом себе; поразмысли, в каких отношениях в данный момент находишься ты с ним; погляди, как он обращается с другими своими друзьями и как мы относимся к Эвмену и Массиниссе» (Митридатика. 55. 220). Видимо, имена союзных царей вспомнились здесь неслучайно.

Плутарх в связи с требованиями Суллы приводит две конкретные цифры: число кораблей, которые должен был передать Архелай, он определяет в 70, а контрибуцию, которую должен был заплатить Митридат — в 2 тысячи талантов (Суллa. 22.9). Эта сумма, совпадающая с контрибуцией, наложенной Митридатом на Хиос (Аппиан. Митридатика. 476. 185), относительно невелика (Ghilli L. *Op. cit.* P. 421. Not. 532). Правда, на нее Сулла мог содержать армию несколько месяцев.

Плутарх, как уже говорилось, пишет о 2 тысячах талантов (Сулла. 22.9), Мемнон же — о 3 тысячах (35.2). Однако противоречия тут, возможно, нет — Плутарх имел в виду первоначальные требования Суллы, которые потом могли возрасти «в наказание» за попытку царя сохранить флот и Пафлагонию. Как известно, в 241 году после окончания Первой Пунической войны карфагеняне по предварительным условиям мира должны были заплатить 2200 талантов, а при утверждении условий договора сенат увеличил эту сумму до 3200 (Полибий. I. 62.963.3).

Keaveney A. Op. cit. P. 105.

См. подробно: Гуленков К. Л. Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 59–61.

Geyer F. Mithridates (12) // RE. Hbd. 30. 1932. Sp. 2179.

Bulst Ch. M. Cinnanum Tempus: A Reassessment of the Dominatio Cinnae
// Historia. Bd. 13. 1964. P. 309.

Ihne W. Romische Geschichte. Bd. V. Leipzig, 1879. S. 347.

Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 182; Seager R. *Sulla // CAH*. 2nded. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 174.

Возможно, выдумка врагов Цинны (Bulst Ch. M. Op. cit. P. 311. № 21).
Что же до численного перевеса людей последнего, то как его было
определить?

Любопытно, что с Цинной бежало шесть трибунов (Ливии. Периоха 78), то есть большинство, хотя при обсуждении его законопроекта большинство наложило на него вето (Ливии. Периоха 79; Транш Лициниан. 15F). Очевидно, как минимум два из них изменили позицию во время или после резни, учиненной людьми Октавия (Katz B. R. *Studies on the Period of Cinna and Sulla* // *Antiquite classique*. Т. 45. 1976. Р. 500).

1002

Mtinzer F. Octavius (20) // RE. Hbd. 37. 1934. Sp. 1817.

Иногда утверждается, что речь идет о Гаем Атилии Серране, консуле 106 года (Gabba E. *Op. cit.* P. 197), но это лишь предположение (Klebs E. *Atilius* (64) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2098).

Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. С. 228.

Ливии и Плутарх утверждают, будто это сделал сам Марий, что неточно (Catey T. E. The Death of Ancharius // Hermes. Bd. 88. 1960. P. 384. Not. 1).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 228; Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 140.

Bennett H. Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC. Diss. Chicago, 1923. P. 32.

Carey T. F. *Op. cit.* P. 382–384.

1009

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 228.

Badian E. Waiting for Sulla // JRS. Vol. 52. 1962. P. 55. Правда, Э. Бэдиан не совсем точен: он пишет, что эти «друзья» покинули Мария в 100 году, но Антоний начал сотрудничать с Марием, видимо, не ранее 97го (Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 14978 В. С. Cambr. (Mass.), 1968. P. 192–193), а потому в 100 году «предать» его не мог.

Аппиан пишет об этом не меньше шести раз (!) (Вайтап R. A. The hostis declarations of 88 and 87 B.C. // *Athenaeum*. Vol. 51. 1973. P. 289 + n. 103).

Bennett H. Op. cit. P. 24; Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964.
P. 317.

Сообщения о самоубийстве Мария (Диодор. XXXVII. 29. 4; О знаменитых мужах. 67.6) доверия не вызывают (см.: Weynand R. Marius // RE. Splbd. VI. 1935. Sp. 1419–1420; Schur W. Op. cit. S. 141 u. Anm. 4). Однако они могут быть порождением не только клеветнических вымыслов, но и суеверных представлений о том, что такие люди сами не умирают.

Badian E. Op. cit. P. 52.

Веллей Патеркул. П. 23. 3; Плутарх. Сулла. 22.1; Орозий. V. 20. 1.

Meier Ch. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 229–230. Anm. 143.

Keaveney A. Who were the Sullani? // Klio. Bd. 66. 1984. P. 127–128.

Badian E. Op. cit. P. 54.

Meier Ch. Op. cit. S. 229.

Badian E. Op. cit. P. 54.

Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 73.

Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. I. Cambr., 1974. P. 603.

Nicolet C L'ordre equestre a l'epoque Republicaine (31243 av. J.C.). T. I. P., 1966. P. 381–382.

Frier B. W. Sulla's Propaganda The Collapse of the Cinnan Regime // AJPh Vol. 92. 1971. P. 589; Gabba E. Mario e Silla // ANRW. Bd. 1,1. B.; N. Y., 1972. P. 797; Cassola F., Labruna L. Linee di una storia delle istituzioni repubblicani. Napoli, 1991. P. 317.

Badian E. Op. cit. P. 56.

Обычно исходят из цифры Иеронима в 463 тысячи римских граждан по данным ценза 86 года (Фотий. С. 233), что лишь на 69 тысяч больше, чем в 115 году (см.: Ливии. Периоха 63). Однако отнюдь не исключена ошибка, и речь может идти о 963 тысячах, что дает совершенно иную картину. Что же до позднего дарования права голоса, то оно и так являлось неотъемлемым правом гражданина (Lovano M. *Op. cit.* P. 61–63). Речь, по-видимому, шла не о всех новых гражданах, а лишь о некоторых их группах (Meier Ch. *Op. cit.* S. 230. Anm. 147).

Rowland R. J. Numismatic Propaganda under Cinna // TAPhA. 1966. Vol. 97. P. 408–409, 415–410.

По словам Плутарха, воины Фимбрии, выходя из лагеря в одних туниках (и, очевидно, без оружия), приветствовали солдат Суллы и помогали им в возведении вала (Суллa. 25.2; Ghilli L. *Commento [alia biografia di Silla]* // Plutarco. *Vite parallele. Lisandro. Silla*. Milano, 2001. P. 431. № 580).

Именно гибель Фимбрии, а не Дарданский мир К. Крест считает концом Первой Митридатовой войны (Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 93).

По-видимому, упомянутого выше Рутилия Руфа (Calabi I. I commentarii di Silla come fonte storica // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. 1950. P. 293).

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 110.

См.: Chrisanthos S. J. Seditio. Mutiny in the Roman Army 90–40 B. C. Diss. Ann Arbor, 1999. P. 58.

См.: Махлаюк А. В. Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 7. Н. Новгород, 2001. С. 75–90.

Badian E. Op. cit. P. 57.

Поэтому лишь *cum grano salis* можно воспринимать слова Ф. Инара о том, что Сулла «не отказывался от переговоров с кровавым Фимбрией» (Hinard F. *Les proscriptions de la Rome republicaine*. Rome, 1985. P. 121).

Neumann K Geschichte Roms während der Verfalles der Republik. Bd. I.
Breslau, 1881. S. 568.

Keaveney A. Op. cit. P. 105

См., напр.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 221; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 390; Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 209.

Reinach T. Op. cit. P. 209.

Brunt P. Sulla and the Asian Publicans // *Latomus*. T. 14. 1956. P. 17, 18;
Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 1115–1116;
Keaveney A. *Op. cit.* P. 127; Hind J. G. F. Mithridates // *CAH*. 2nd ed. Cambr.,
1994. Vol. IX. P. 162.

Magie D. Op. cit. P. 1116.

По приблизительным подсчетам, сделанным Л. С. Ильинской для периода 44–41 годов, за это время ведущие войну республиканцы и цезарианцы выкачали из восточных провинций около 70 тысяч талантов, то есть в 3,5 раза больше суммы, запрошенной Суллой (см.: Ильинская Л. С. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 224).

Так считали, например, такие крупные авторитеты, как Т. Моммзен (Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 251–225), Т. Рейнак (Reinach T. *Op. cit.* P. 209–210) и Т. Фрэнк (Frank T. *Roman Imperialism*. N. Y., 1914. P. 316, 326). Встречается эта устаревшая точка зрения и в современной литературе (см., напр.: Чеканова Н. В. *Римская диктатура последнего века Республики*. СПб., 2005. С. 197).

Brunt P. A. Sulla and the Asian Publicans // *Latomus*. T. 15.1. 1956. P. 18.

Nicolet C. L'ordre equestre a l'époque Republicaine (312-43 av. J.C.). T. I. P., 1966. P. 352–353.

Наиболее полный список городов, на которые было наложено наказание, приводит А. Кивни. По его мнению, это были в первую очередь участники убийства италиков. Аппиан (Митридатика. 23), описывая на протяжении целой главы ужасы резни, называет лишь пять городов: Эфес, Пергам, Адрамиттий, Кавн и Траллы. К ним следует добавить Митилену, Милет, Клазомены и, возможно, Фокею и Кизик (Keaveney A. *Op. cit.* P. 230–231).

Плутарх. Лукулл. 4. 2–3; Ливии. Периоха 89 (кстати, Ливии специально отмечает, что это был единственный город, не сложивший оружия после победы над Митридатом). Город был взят либо Лукуллом (Magie D. *Op. cit.* Vol. 1. P. 245–246; Vol. 2. 1124), либо М. Минуцием Термом, пропретором Азии в 81/80 гг. (Gelzer M. *Licinius* (104) // *RE. Hbd.* 25. 1926. Sp. 380).

Нет никаких оснований считать вслед за А. Кивни, что эта помощь была выполнением повинности, наложенной Суллой (Keaveney A. *Op. cit.* P. 233), поскольку Тацит описывает решение жителей Смирны как спонтанный акт.

Sherk R. K. Op. cit. № 18.

Ibid. № 17. В тексте этого документа есть обещание, что сенат и народ римский помнят и будут помнить о верности граждан города Табы. Что такие слова были не просто пустым обещанием и в определенных ситуациях такая память могла сыграть свою роль, демонстрирует приводившийся выше пример со Смирной.

Sherk R. K. Op. cit. № 20.

Ковельман А. Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С. 9.

Очень ярко этот взгляд выразил итальянский исследователь П. Тревес: «Римляне свято верили, что победителям Ганнибала, преемникам Александра Великого, палачам Карфагена, Коринфа и Нуманции некого и нечего страшиться. Так зачем же тогда им было... признавать существование народов, пользующихся равным с ними правом на жизнь?» (Тревес П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 24).

ОртегаиГассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 154–155, 157.

Sherk R. K. Op. cit. P. 111.

См.: Плутарх. Лукулл. 7.1, 34.2; Аппиан. Митридатика. 72; Мемнон. 40.1. Иногда их, по имени их первого командира — Луция Валерия Флакка, называли валерианцами (Дион Кассий. XXXVI. 14. 3, 16. 3, 41.1; Саллюстий. История. III. 33; V. 15; Эксуперанций. 3.20Z).

Harmand J. L'armee et le soldat a Rome de 107 a 50 avant notre ere. P., 1967. P. 280. Плутарх, говоря о фимбрианцах, резко негативно оценивает моральное состояние этих легионов, но в то же время подчеркивает их высокие боевые качества (Лукулл. 7.2).

См. об этом: Смыков Е. В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 55 и сл.

Ф. Инар считает, что Сулла был посвящен с соблюдением всех требований — по его мнению, не надо думать, что разрешалось «почетное посвящение», и пренебрегать глубокой религиозностью Суллы (Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 219). Однако известно же, что за два с небольшим столетия до этого те же самые Элевсинские мистерии перенесли во времени ради Деметрия Полиоркета (Плутарх. Деметрий. 26) — о каком отсутствии «почетных» посвящений может идти речь после этого?

К слову сказать, друга Аристиона (Dziatzko С. Apellikon (1) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2693).

Keaveney A. Who were the Sullani? // Klio. Bd. 66. 1984. P. 134.

Badian E. Op. cit. P. 57.

Keaveney A. Who were the Sullani? P. 134–135. Б. Фрир считает, что это также была первая попытка Суллы повлиять на знать (Frier B. W. Sulla's Propaganda The Collapse of the Cinnan Regime // AJPh. Vol. 92. 1971. P. 590). Думается, однако, что речь идет лишь о первой открытой попытке такого рода — тайные контакты он наверняка поддерживал и прежде.

Keaveney A. Who were the Sullani? P. 135.

Тем же потом будет хвалиться Цезарь, который приютит у себя бежавших из Рима плебейских трибунов Марка Антония и Квинта Кассия Лонгина (Аппиан. ТВ. П. 33; Keaveney A. Who were the Sullani? P. 135. Not. 139).

Этот пассаж весьма напоминает начало 22й главы биографии Суллы у Плутарха (Badian E. Op. cit. P. 57).

Не следует путать это послание с предыдущим (Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 206), как то делает Э. Вальджильо (Valgiglio E. *Silla e la crisi repubblicana*. Firenze, 1956. P. 44–45). Первое письмо являло собой по форме обычный доклад полководца, а второе — своего рода политический памфлет.

Цит. по: Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 211.

Это одна из немногих речей, которую упоминает эпитоматор Ливия (Периоха 83; Badian E. *Op. cit.* P. 58. Not. 11).

Keaveney A. Who were the Sullani? P. 136.

Frier B. W. Op. cit. P. 592; Keaveney A. Who were the Sullani? P. 136.

Badian E. Op. cit. P. 59.

Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 103.

Так считают Б. Фрир и А. Кивни (Frier B. W. *Op. cit.* P. 593; Keaveney A. *Who were the Sullani?* P. 135. № 138). Однако они забывают об участии Цинны в Союзнической войне и победах над марсами (Ливии. Периоха 76; Badian E. *Op. cit.* P. 59; Lovano M. *Op. cit.* P. 109).

Seager R. Pompey. A Political Biography. Oxford, 1979. P. 8; Greenhalgh P. A. L. Pompey: The Roman Alexander. L., 1980. P. 13.

П. А. Л. Гринхол считает, что воины, напротив, не любили Помпея как сына Страбона, плохо защищавшего Рим в 87 году от марианцев (Greenhalgh P. A. L. *Op. cit.* P. 13). Однако не следует путать отношение к последнему среди жителей Рима и населения Пицена, патроном которого он был.

Seager R. Op. cit. P. 8.

Плутарх. Помпеи. 5; Валерий Максим. V. 3. 5; Hillman Th. P. Notes on the Trial of Pompeius at Plutarch, Pomp. 4. 1–6 // RhM. Bd. 141. 1998. P. 179–182. Помпеи должен был, разумеется, возместить будто бы присвоенное его отцом.

Greenhalgh P. A. L. Op. cit. P. 13.

Lovano M. Op. cit. P. ПО. Против см.: Frier B. W. Op. cit. P. 593.

Очевидно, более склонного к компромиссу, чем Карбон (Frier B. W. Op. cit. P. 596).

Lovano M. Op. cit. P. ΠΟ.

См. подборку источников: Valgiglio E. Op. cit. P. 46. № 1.

Badian E. Op. cit. P. 58.

Иногда считается, что послов Суллы даже не допустили в Рим (Моммзен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 232), однако сенат рассмотрел переданные ими пожелания Суллы (Ливии. Периоха 84), а стало быть, в сенат их допустили (Frier B. W. *Op. cit.* P. 594).

Keaveney A. Who were the Sullani? P. 136; Lovano M. Op. cit. P. 108.

По мнению Э. Бэдиана, его источником был труд Корнелия Сизенны (Badian E. Op. cit. P. 58).

Frier B. W. Op. cit. P. 591.

Keaveney A. Who were the Sullani? P. 136.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 232; Badian E. Op. cit. P. 59.

Ливии пишет о том, что сенат готов был принять условие Суллы о возвращении изгнанников, но Карбон сорвал соглашение, и лишь после описания других событий сообщает о решении сената распустить армии сторон (Периоха 84). Такой порядок событий до сих пор принимается некоторыми учеными (см.: Seager R. Sulla // CАН. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 186). Думается, однако, что эта версия испытала на себе слишком очевидное влияние просулланской традиции. Возможно также, что Ливии не примирил между собой разные варианты изложения событий (Badian E. Op. cit. P. 59). Как мог Карбон заставить сенат принять угодное ему решение? Мы уже видели, что он лишь саботировал проведение консульских выборов под благовидными предлогами, но не посмел прямо отказаться от них. Почему же теперь он ощутил вдруг такую уверенность в себе? И какое же решение тогда принял сенат? Вряд ли это был простой отказ. А вот повеление распустить армии выглядело вполне логичной, хотя и нереальной мерой.

Еще Т. Моммзен справедливо указывал на то, что данное решение было делом не марианской группировки, а большинства сенаторов (Указ. соч. Т. II. С. 232).

Х. Майер считает, что сенат был готов восстановить Суллу в правах даже несмотря на его отказ распустить армию (Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 236), однако из источников это не следует.

Seager R. Sulla. P. 186–187. Правда, М. Ловано считает, что именно Карбон был инициатором постановления о роспуске армий (Lovano M. Op. cit. P. ПО). Теоретически этого исключить нельзя, но сведений о том, что он распустил собственные отряды, нет. Сомнительно, что Карбон стал инициировать решение, которое собирался открыто саботировать.

Именно так зачастую и понимают соответствующие слова Суллы (Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 231; Gabba E. *Op. cit.* P. 207; Frier B. W. *Op. cit.* P. 591; Keaveney A. Sulla. P. 121; полагал так и один из авторов данной книги: Короленков А. В. Лев и лисица: психологические приемы Суллы в войне с марианцами // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 62), что из текста не следует (более корректно — Valgiglio E. *Op. cit.* P. 43; Seager R. *Op. cit.* P. 183). Э. Бэдиан считает обещание Суллы уважать права новых граждан анахронизмом — договор с италийцами на сей счет будет заключен лишь на рубеже 83 и 82 годов (Ливии. Периоха 86; Badian E. *Op. cit.* P. 58). Но ведь Аппиан о таком обещании и не пишет — речь идет лишь о том, что Сулла не держит зла на большинство граждан, в том числе и новых, а это не одно и то же.

Frier B. W. *Op. cit.* P. 589. Однако рассуждение Э. Т. Сэлмона о том, что между 87 и 82 годами итальянцы не видели особой разницы между Суллой и Марием (Salmon E. T. *Samnium and the Samnites*. Cambr., 1967. P. 378. Not. 4), представляется неверным.

1097

Rowland R. J. Numismatic Propaganda under Cinna // TAPbA. 1966. Vol. 97. P. 412.

Valgiglio E. Op. cit. P. 50; Lovano M. Op. cit. P. 113.

А. Кивни считает, что большинство сенаторов держали сторону Суллы (Keaveney A. Who were the Sullani? P. 137–138), по М. Ловано, напротив, они выступили против него (Lovano M. Op. cit. P. 113). Думается, однако, что *patres* в массе своей неприязненно относились к обеим враждующим группировкам, воспринимая их как «меньшинство, не соблюдающее правил игры» (Cassola F., Labruna L. *Linee di una storia delle istituzioni repubblicane*. Napoli, 1991. P. 317), и действовали сообразно с обстановкой.

Valgiglio E. Op. cit. P. 51; Lovano M. Op. cit. P. 113.

В 101 году он, по-видимому, был квестором М. Антония в Киликии, где шли военные действия, а во время Союзнической войны сумел удержать Сицилию и Регий перед лицом атак италийцев (Konrad C. F. Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary. Chapel Hill; L., 1994. P. 78). Думается, что ни он, ни Сципион не были совершенно «неспособными людьми» (Neumann C. Op. cit. Bd. I. S. 576), другое дело, что их дарования были скромнее, чем у Суллы.

Распространенное мнение о том, что он происходил из латинской колонии Норбы (Gabba E. *Op. cit.* P. 252), по-видимому, неверно (Badian E. *Caepio and Norbanus* // *Historia*. Bd. 6. 1957. P. 334).

Поэтому трудно принять распространенную точку зрения на Сципиона и Норбана как на представителей более умеренных кругов сената (см.: Lovano M. *Op. cit.* P. 111–112 с литературой). Б. Фрир усматривает в избрании «нового человека» Норбана попытку задобрить италийцев (Frier B. W. *Op. cit.* P. 598).

Valgiglio E. Op. cit. P. 51. Not. 1; Lovano M. Op. cit. P. 111.

М. Ловано пишет, что Метелл Пий установил контроль над провинцией с помощью связей, обретенных еще в годы Югуртинской войны его отцом (Lovano M. *Op. cit.* P. 94). Однако опоры в источниках это утверждение не имеет.

Badian E. *Waiting for Sulla*. P. 55. Ф. Мюнцер считает, что Метелл отбыл в Африку для подготовки дальнейшей борьбы с марианцами (Münzer F. *Caecilius* (98) // *RE*. Bd. III. 1899. Sp. 1222). Однако если бы он начал делать это сразу, ему не дали бы спокойно находиться в провинции почти три года.

Очевидно, Метелл Пий сохранял отряд, приведенный из Италии, а затем пополнил его за счет клиентов (см.: Lovano M. *Op. cit.* P. 94). Вряд ли, однако, он делал это с согласия прежнего наместника Африки, как считает Ж. Каркопино (Carcopino J. *Sylla ou la monarchie manquee.* P., 1947. P. 121).

Если исходить из Аппиана (ГВ. I. 80. 365), то после неудачи в Африке Метелл отплыл в Лигурию, что обычно и принимается учеными (Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 233; Mtinzer F. Op. cit. Sp. 1222; Carcopino J. Op. cit. P. 122). Л. Парети, однако, считает, что он сначала побывал в Лигурии, а потом появился в Африке, откуда было гораздо удобнее присоединиться к Сулле на юге Италии (Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 596. Not. 1). Теоретически это возможно, однако не менее вероятно, что Метелл со своим небольшим отрядом проскользнул к Сулле через Центральную Италию.

Ж. Каркопино пишет о «легионах» Метелла, отрезанных в горах Лигурии (Carcopino J. Op. cit. P. 122), но нет никаких данных, что силы Метелла на тот момент исчислялись легионами.

Чернышев Ю. Г. Социальнополитические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. I. Новосибирск, 1994. С. 74.

Meier Ch. Op. cit. S. 240.

За счет азиатской добычи, конфискаций и контрибуции (Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig, 1942. S. 153. Anm. 2; Ghilli L. *Op. cit.* P. 438–439. Not. 613).

Это косвенное свидетельство того, что конфискаций в Греции после Дарданского мира Сулла не проводил, иначе воины не поверили бы в нехватку средств у Суллы.

Valgiglio E. Op. cit. P. 50. № 2.

Беллей Патеркул пишет, что 30 тысячам воинов Суллы противостояло 200 тысяч врагов (П. 24. 3), а Плутарх и вовсе говорит о 450 когортах, то есть 225 тысячах человек, что, несомненно, восходит к мемуарам Суллы (Gabba E. *Op. cit.* P. 212). Впрочем, ненавидящий Суллу Флор говорит даже о 500 когортах (250 тысячах человек) (III. 21. 18). Эти цифры могут отражать лишь число мобилизованных за оба года войны (Schur W. *Op. cit.* S. 158. Anm. 4).

В результате марианских убийств 87 года потенциальные конкуренты Суллы в руководстве антимианской группировки погибли (Егоров А. Б. Социальнополитическая борьба в Риме в 80е гг. I в. до н. э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 135).

Henderson B. W. The Grant of Immunitas to Brundisium // Classical Review. Vol. 11. 1897. P. 251–255.

Плутарх пишет, что это произошло сразу после переправы (Сулла. 27.7). Поэтому А. Кивни считает, что одна часть армии вторжения высадилась в Брундизии, а другая — в Таренте (Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 129). Но это может означать лишь то, что Сулла быстро дошел до Тарента из Брундизия, а не высадился там. Дробить силы в его положении было особенно опасно. Хронология Плутарха в биографии Суллы (как и в остальных), по признанию самого А. Кивни, весьма неточна (см.: Keaveney A. Introduzione [alia biografia di Sffla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Sffla. Milano, 2001. P. 251, 255).

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 103.

Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 123. № 756–759. Впрочем, сам Э. Сайденхэм датирует эти монеты 82–81 годами. Однако более вероятна их датировка первой половиной 83го или даже 84 годом (см. работы в прим. 5 и 6). Один из авторов данной книги придерживался в свое время датировки Сайденхэма (Короленков А. В. Лев и лисица: психологические приемы Суллы в войне с марианцами // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 64. Прим. 48).

Frier B. W. Sulla's Propaganda The Collapse of the Cinnan Regime // AJPh.
Vol. 92. 1971. P. 599.

Carcopino J. Op. cit. P. 83. Кстати, некоторые ученые считают, что именно он был первым римлянином, чей портрет появился на монетах при его жизни — если, конечно, верна идентификация изображения на соответствующих монетах (Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 209).

Itgenshorst T. *Tota ilia pompa. Der Triumph in der römischen Republik.* Göttingen, 2005. S. 107.

Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 600.

Carcopino J. Op. cit. P. 104.

Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 222.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 227; Carcopino J. Op. cit. P. 104;
Frier B. W. Op. cit. P. 598.

Э. Т. Сэлмон считает, что Сулла тем самым намекал на причастность самнитов к поджогу храма Юпитера Капитолийского (Salmon E. T. Sulla Redux // *Athenaeum*. Vol. 42. 1964. P. 73).

Keaveney A. Sulla. P. 130; Seager R. Sulla // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 189.

Salmon E. T. Op. cit. P. 74; Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 116.

Э. Т. Сэлмон полагает, что одной из причин недовольства могло быть то, что самнитов после получения ими римского гражданства распределили лишь по двум трибам (Salmon E. T. Op. cit. P. 72).

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 600; Gabba E. Op. cit. P. 222; Keaveney A. Sulla. P. 131; Seager R. Op. cit. P. 189.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 165
(применительно ко всей кампании Суллы).

Аппиан пишет, что битва произошла при Канузии (LB. I. 884. 382), однако это явная ошибка, ибо Канузий находится в Апулии. Речь идет, видимо, о Казилине (Gardner R. Sulla's Conquest of Italy: Third Capture of Rome // CАН. Vol. IX. Cambr., 1932. P. 272. Not. 4).

Gabba E. Op. cit. P. 223.

Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix // JRS. Vol. 41. 1951. P. 2–3.

По-видимому, это были первые из надписей Суллы в Италии (Ramage E. S. Sulla's Propaganda // *Klio*. Bd. 73. 1991. P. 110).

Konrad C. F. Chapel Hill; L., 1994. Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary. P. 83; Lovano M. Op. cit. P. 117.

Одним из делегатов со стороны Сципиона был, вероятно, Серторий (см. о нем ниже), а со стороны Суллы — Метелл Пий (Frier B. W. Op. cit. P. 600; Konrad C. F. Op. cit. P. 80; Strisino J. Sulla and Scipio «not to be trusted»? The Reasons why Sertorius captured Suessa Aurunca // Latomus. T. 61. 2002. P. 37).

Видимо, в качестве легата Сципиона (Spann Ph. O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 35).

Lovano M. Op. cit. P. 117, 119.

Konrad C. F. Op. cit. P. 82; Strisino J. Op. cit. P. 39. Приверженность жителей Суэссы (или, возможно, лишь их верхушки) делу Суллы засвидетельствована в одной из надписей (CIL. X. 4751).

Gardner R. Op. cit. P. 273; Spann Ph. O. Op. cit. P. 37.

Konrad C. F. Op. cit. P. 83–84; Strisino J. Op. cit. P. 39.

Эти сведения сообщает Диодор (XXXVIII. 16), который придерживался просулланской позиции (Dowling M. B. The Clemency of Sulla // *Historia*. Vol. 49. 2000. P. 319–323), а потому в их достоверности позволительно усомниться.

К. Ф. Конрад, принимая сообщение о 20 когортах, считает, что малочисленность армии была одной из причин, толкнувших Суллу на переговоры (Konrad C. F. Op. cit. P. 80). Но можем ли мы доверять Сулле? К тому же Плутарх пишет, что тот подошел к лагерю Сципиона с 20 когортами, после чего началось братание между солдатами сторон (Сулл. 28.4), но ведь это могли быть не все воины Суллы.

В том числе и его посланцы (Плутарх. Помпеи. 6.3) — очевидно, вербовщики (Greenhalgh P. A. L. Pompey: The Roman Alexander. L., 1980. P. 14).

Так понимает сообщаемое Плутархом имя «Клелий» М. Гельцер (Gelzer M. *Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus*. В., 1942. S. 23); Т. Моммзен воспроизводит это имя без комментариев (Моммзен Т. *История Рима*. Т. II. СПб., 1994. С. 234), однако марианский вождь с таким именем неизвестен, тогда как Целий Антипатр упоминается Аппианом ниже (ТВ. I. 91. 421) (Gelzer M. *Op. cit.* S. 23). Менее вероятно, что речь идет о консуле 94 года Гае Целии Кальде (Miltner F. *Pompeius* (31) // *RE*. Hbd. 42. 1952. Sp. 2066) или Тите Клуилии (Lovano M. *Op. cit.* P. 121).

По мнению М. Гельцера, Сципион двигался по Валериевой дороге на Корфиний, а Помпеи шел с юга (Gelzer M. Op. cit. S. 24. Anm. 6).

Hillman Th. P. Notes on the Trial of Pompeius at Plutarch, Pomp. 4. 1–6 // RhM. Bd. 141. 1998. P. 192–193.

Mtinzer F. Caecilius (98) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1222.

И, очевидно, поставить Метелла под командование Помпея (Greenhalgh P. A. L. Op. cit. P. 17).

О старости и вялости Метелла Пия Плутарх много пишет в биографии Сертория (12.7; 13.1; 18.1; см. также: Помпеи. 17.2) столь же необоснованно (см.: Короленков А. В. Об особенностях восприятия времени в Плутарховой биографии Сертория // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 118).

Позднее Помпеи убеждал общественное мнение Рима, что именно он, а не Метелл Пий — главный герой Серторианской войны (Плутарх. Помпеи. 21.2).

Greenhalgh P. A. L. Op. cit. P. 17. Именно на такую формулировку ранга Метелла Пия, которого обычно называют просто проконсулом, верно указывает Л. Парети (Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 600).

Lovano M. Op. cit. P. 93.

См.: Hinard F. Proscriptions de la Rome republicaine. P., 1985. P. 138–139.

Spann Ph. O. Op. cit. P. 37; Seager R. Op. cit. P. 191; Konrad C. F. Op. cit. P. 77–78.

Возможно, именно из добытых таким образом золота и серебра чеканил свои монеты упоминавшийся выше Квинт Антоний (Rowland R. J. Numismatic Propaganda under Cinna // TAPhA. 1966. Vol. 97. P. 414).

По мнению Э. Т. Сэлмона, самниты были исключены из этого соглашения (Salmon E. T. Op. cit. P. 75).

Инар Ф. Сулла. С. 234; Schur W. *Op. cit.* S. 166. Однако так шли дела лишь у самого Суллы. Помпеи был более удачлив, поскольку проводил набор в своей «вотчине» — Пицене. Успешно провел набор в землях марсов, как мы видели, и Кресе.

Lovano M. Op. cit. P. 122.

1163

Mtinzer F. Marius (15) // RE. Hbd. 28. 1930. Sp. 1813.

Lovano M. Op. cit. P. 125.

Gardner R. Op. cit. P. 274; Gabba E. Op. cit. P. 231.

Долабелла, видимо, находился в это время на Аппиевой дороге (Lovano M. Op. cit. P. 125).

1167

Совр. Палестрино.

По Евтропию, погибло 15 тысяч воинов Мария (V. 8. 1), по Орозию, опирающемуся на данные Клавдия Квадригария, — 25 тысяч (V. 20. 6).

Поэтому Г. П. Бейкер не прав, говоря, что самниты вступили в войну позже, уже после битвы при Сакрипорте (Baker G. P. Sulla the Fortunate. The Great Dictator. N. Y., 1967. P. 250). Вернее сказать, что позже начали действовать главные силы самнитов.

Э. Габба прямо признает это лишь в отношении приводимых Плутархом цифр потерь Мария (Gabba E. *Op. cit.* P. 231).

Поэтому вряд ли права И. Калаби, которая считает, что в основе рассказа о битве при Сакрипорте у Плутарха мог лежать какой-то другой просулланский источник (Calabi L. *I commentarii di Silla come fonte storica* // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. 1950. P. 296).

Salmon E. T. Op. cit. P. 76–80. Р. Сигер возражает против такой трактовки, говоря, что Сулла просто отказывался признать самнитов римскими гражданами, которыми они стали по воле Мария и Цинны, стремившихся получить их поддержку в борьбе против сената в 87 году (Seager R. Op. cit. P. 191). Но одно другого не исключает. Сулла в любом случае не признал бы римскими гражданами тех из числа *cives novi*, кто выступил против него.

Судя по имени, Каррина был умбром или этруском (Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 90, 93).

Аппиан. ТВ. I. 87. 396; Орозий. V. 20. 5; Gabba E. Op. cit. P. 230.

Цицерон. Против Верреса. П. 1. 34–40; 3. 177; Gabba E. Op. cit. P. 232.

Hinard F. Op. cit. P. 121–122.

1177

Беллей Патеркул. П. 27. 6.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 72.

Э. Бэдиан саркастически характеризует этих трех лиц как «головорезов и интриганов» (Badian E. *Waiting for Sulla* // JRS. Vol. 52. 1962. P. 60).

Hinard F. Op. cit. P. 121–123.

Именно эту победу Помпея, вероятно, имеют в виду Плутарх (Помпеи. 7.6; Gelzer M. *Op. cit.* S. 24) и Орозий (V. 20. 7; Gabba E. *Op. cit.* P. 232).

Badian E. *Op. cit.* P. 60. На то, что других жертв не было, вполне определенно указывают Аппиан и Орозий. Тем не менее даже в современной литературе можно встретить утверждения о гибели множества нобилей (Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 179; автор пишет, что резню устроил либо Брут, либо Дамасипп, не зная, очевидно, что это один и тот же человек).

Г. П. Бейкер сравнивает расправу со Сцеволой с убийством архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета в 1170 году по тому шокирующему впечатлению, которое оно произвело на современников (Baker G. P. Op. cit. P. 247).

Плутарх напрямую цитирует мемуары Суллы 16 раз (Balsdon J. P. V. D. Op. cit. P. 2).

Lovano M. Op. cit. P. 126.

Gabba E. Op. cit. P. 235.

Инар Ф. Сулла. С. 242; Keaveney A. Sulla. P. 139–140; Seager R. Op. cit. P. 195.

Ф. Инар объясняет такую меру нехваткой денег у Суллы (Сулла. С. 243), однако это была, очевидно, обычная репрессалия. О финансовых трудностях у Суллы во время гражданской войны данных нет (см.: Lovano M. *Op. cit.* P. 122).

Инар Ф. Сулла. С. 242.

Keaveney A. Sulla. P. 139–140.

Судя по Аппиану (ТВ. I. 93. 430), из пожилых солдат (Gabba E. Op. cit. P. 235, 248).

Видимо, к северу от Вольсиний (Gabba E. Op. cit. P. 236).

Spann Ph. O. Op. cit. P. 43; Lovano M. Op. cit. P. 127.

Аппиан приписывает этот жестокий приказ Карбону (ВС. I. 89. 409). Однако он мог просто не знать имени марианского командира и назвал вместо него имя консула, которому тот подчинялся. Сам Карбон тогда лишь приближался к тем местам.

Lovano M. Op. cit. P. 128.

Seager R. Op. cit. P. 195.

Ливии, правда, пишет о победе Суллы (Периоха 88), но это явное преувеличение (Gabba E. *Op. cit.* P. 237–238).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 238.

Schur W. Op. cit. S. 171.

Плутарх. Кресе. 6.6. Плутарх пишет, что Кресе присвоил львиную долю добычи, захваченной в городе, но Сулла спустил ему это с рук.

Реконструкция Э. Габбы (Gabba E. Op. cit. P. 238).

Л. Парети считает, что речь идет не о Неаполе, а о Каструм Новум в Пицене (Pareti L. *Op. cit.* Vol. III. P. 606 e n. 2), однако текст Аппиана не дает оснований для таких выводов (Gabba E. *Op. cit.* P. 235).

Greenhalgh P. A. L. Op. cit. P. 18.

Gelzer M. Op. cit. S. 29.

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 606; Gabba E. Op. cit. P. 239.

П. А. Брант считает, что речь идет о 14 легионах, ибо легион состоял из пяти тысяч воинов (Brunt P. A. *Italian Manpower. 225 B.C. — 14 A. D.* Oxford, 1971. P. 443–444). Но в эти 70 тысяч могли входить и вспомогательные части. По мнению Э. Габбы, цифры Аппиана преувеличены (Gabba E. *Op. cit.* P. 240).

Или Офелла при поддержке Суллы (Lovano M. *Op. cit.* P. 127). Рассказ Аппиана на сей счет не вполне ясен и допускает различные толкования (см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 240–241).

Gabba E. Op. cit. P. 236.

В русском переводе ошибочно говорится об обходном марше (Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 59).

По Аппиану, в операции участвовал и Карбон (ГВ. I. 91. 418), но более прав, видимо, Э. Поцци, полагая, что речь шла лишь о присланных им войсках (цит. по: Gabba E. *Op. cit.* P. 242).

Аппиан пишет, что с Альбинованом вел переговоры сам Сулла (так в свое время полагал и один из авторов данной книги: Короленков А. В. Лев и лисица. С. 62). Но он находился в это время к югу от Рима, а потому, вероятно, речь должна идти о Метелле (Pareti L. *Op. cit.* Vol. III. P. 607; Gabba E. *Op. cit.* P. 243). Но действовал он наверняка по инструкциям Суллы, чей «почерк» в этой грязной истории весьма узнаваем.

Mtinzer F. Licinius (109) // RE. Hbd. 25. 1926. Sp. 415–416.

Орозий сообщает о гибели более десяти тысяч марианцев (V. 20. 8). Ливии приписывает победу Сулле (Периоха 88), но, очевидно, он назван здесь просто в качестве верховного главнокомандующего войсками антимарианского лагеря.

Mtinzer F. Licinius. Sp. 416; Gabba E. Op. cit. P. 245.

Этот рассказ приведен Плутархом при рассказе о событиях 83 года, но относится к 82му (Gabba E. *Op. cit.* P. 245; иначе см.: Gardner R. *Op. cit.* P. 272). Аппиан пишет, что битва произошла при Плаценции, но, как указывалось, Фиденция находится не так далеко от нее, а потому одно другому не противоречит — называют же во Франции Бородинское сражение битвой под Москвой. Иногда считается, что Варрон Лукулл выиграл две битвы, под Плаценцией и Фиденцией, но это вряд ли верно (см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 245).

Вероятно, именно к этой битве относится сообщение Веллея Патеркула (П. 28.1) о победе неких «двух Сервилиев» над марианцами под Клузием (Gelzer M. *Op. cit.* S. 29; Gabba E. *Op. cit.* P. 246).

четвертая и последняя попытка прорыва к Пренесте (Gabba E. *Op. cit.* P. 246).

Видимо, недалеко от Бовилл (Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 609; Gabba E. Op. cit. P. 246).

Seager R. Op. cit. P. 194.

1220

Бог из машины (лат.).

Тем не менее очевидно, что при описании битвы при Коллинских воротах Плутарх пользовался не только мемуарами Суллы (CalabiI. Op. cit. P. 296–297).

Инар Ф. Сулла. С. 254; Baker G. P. Op. cit. P. 252; Keaveney A. Sulla. P. 144.

Предположение Х. Малдена о том, что противостоявшие левому флангу Суллы враги перестали атаковать, узнав о победе Красса на правом крыле (Maiden H. E. The Battle at the Colline Gate 82 B. C. // *Journal of Philology*. Vol. 15. 1886. P. 109), несостоятельно (см.: Keaveney A. Sulla. P. 147. Not. 28).

Рассказывая об этом, Аппиан, правда, не уточняет, что речь идет именно о левом фланге, но это вероятнее всего (Keaveney A. Sulla. P. 147. № 28), учитывая, что критическая ситуация сложилась именно там. К тому же логично думать, что погибший там Понтий Телезин (как и Сулла) вел в бой правое крыло своей армии как более почетное, а потому, естественно, противостоял опятьтаки левому флангу неприятеля. Тем не менее К. Крист в своей новейшей работе о Сулле повторяет версию Плутарха, изображающего полный разгром левого фланга Суллы, и пишет, что успешный исход боя для последнего «граничил с чудом» (Christ K. Op. cit. S. ПО).

Gabba E. *Op. cit.* P. 249. А. Кивни возражает против этого, указывая, что люди от Красса, судя по Плутарху, прибыли лишь после окончания боя (Keaveney A. Sulla. P. 147. Not. 28). Однако рассказ Плутарха слишком фрагментарен, чтобы можно было с уверенностью делать на его основании такие выводы.

Согласно Веллею Патеркулу (П. 27. 3), Понтий был найден еще полуживым; непонятно, скончался ли он от ран, был убит победителями или все-таки погиб еще во время боя. Об идентификации Альбина см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 249.

Ф. Инар полагает, что войска Красса, доведя преследование врага до Антемны, нанесли затем удар в тыл тем силам противника, которые сражались с Суллой (Инар Ф. Сулла. С. 253). Более вероятно, однако, что Крассе ограничился посылкой подкреплений (см. выше).

Аппиан сообщает о бегстве Лампония (ГВ. I. 93. 431), не уточняя его дальнейшей судьбы. Плутарх сообщает, что он погиб (Сулла. 42), но не уточняет, при каких обстоятельствах: был взят в плен и казнен или пал в стычке с врагами, когда те нагнали его.

Иногда утверждается, будто Дамасипп погиб в бою (Neumann C. *Geschichte Roms wahrend der Verfalles der RepubUk*. Bd. I. Breslau, 1881. S. 577; Seager R. *Sulla* // *САН*. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 195), но из Саллюстия (Заговор Катилины. 51. 32 и 34) вполне определенно следует, что Дамасипп был казнен (Mtinzer F. *Iunius* (58) // *RE*. Bd. 10. 1919. Sp. 1025–1026).

Орозий пишет о трех тысячах (V. 21. 1), Флор — о четырех тысячах (III. 21. 24), Плутарх — о шести тысячах, Ливии — о восьми тысячах убитых пленников (Периоха 88).

В Афинах похожий декрет приняли еще в 410 году. В нем разрешалось безнаказанно убить всякого, кто попытается свергнуть демократию, его имущество конфисковать, а половину отдать убийце (Андокид. I. 96–98; Hinard F. *Les proscriptions de la Rome republicaine*. Roma, 1985. P. 30. Not. 57 с литературой). Но в этом декрете не называлось конкретных имен, постановление носило «профилактический» характер.

Hinard F. Op. cit. P. 108–109. Аналогичное мнение независимо от Ф. Инара: Еремин А. В. Сулланские проскрипции // Древнее право. 2004. 2(14). С. 72.

Это следует из сообщения Цицерона о том, что сенат не одобрил введение проскрипций (Росция. 153). Ф. Инар и А. В. Еремин справедливо соотносят указание Цицерона именно с этим заседанием сената (Hinard F. *Op. cit.* P. 108–109, 115–116; Еремин А. В. Указ. соч. С. 71).

По мнению Э. Габбы, именно об этом случае рассказывал Цицерон в одной из речей против Верреса (П. 3. 81; Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 254). Однако у Цицерона идет речь о сходке (contio), тогда как Сулла нуждался в одобрении комиций. К тому же на этой сходке он похвалялся тем, что, продавая имущество граждан (то есть проскрибированных), продает свою добычу. Стало быть, contio имел место уже после начала проскрипций.

Г. П. Бейкер считает, что речь идет о Метелле Пие (Baker G. P. Sulla the Fortunate. The Great Dictator. N. Y., 1967. P. 262), но его звали Квинтом, а не Гаем. Обычно считается, что речь идет о сыне Гая Цецилия Метелла Капрария, двоюродного брата и коллеги по цензуре Метелла Нумидийского (Miinzer F. Caecilius (71) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1203). Ф. Инар полагает, что имеется в виду брат Гая, Марк (Hinard F. Op. cit. P. 113).

1236

По Орозию — 500 человек (V. 21. 4).

1237

См.: Еремин А. В. Указ. соч. С. 71.

Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 619. Not. 4.

Именно так называют этого человека античные источники, и лишь Орозий, автор очень поздний, именует его Фурсидием. Поэтому форма «Фуфидий» предпочтительнее (Miinzer F. Fuiidius (4) // RE. Hbd. 13. 1910. Sp. 201).

Высказывалось предположение, что именно этому Фуфидию посвятил свои мемуары Марк Эмилий Скавр (Ghilli L. *Commento [alia biografia di Silla]* // Plutarco. *Vite parallele*. Eissandro. Silla. Milano, 2001. P. 465. Not. 744). Но это мог быть и его отец.

Но напрямую о смертной казни речи в эдикте, по-видимому, не шло (Hinard F. *Op. cit.* P. 36; Ghilli L. *Op. cit.* P. 468. Not. 756).

Pareti L. Op. cit. Vol. III. P. 619.

Маны — духи умерших в римской религии.

Правда, пишут о том, что Бебию и Нумиторию растерзали внутренности, а умерли они, когда их волокли крюками; затем Бебия разорвали в клочья (Лукан. Фарсалия. П. 119–121; Августин. О граде божием. III. 27). Но терзали скорее всего уже мертвые тела. Во всяком случае, им не отрезали руки и ноги и не выкалывали глаза, как Марию Гратидиану.

По словам Гранин Лициниана (20F), какой-то Марий — явно не победитель кимвров — разбил сенатские силы под Аримином, приняв капитуляцию от большей части побежденной армии. В этом Марии видят именно Мария Гратидиана (Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig, 1942. S. 137; Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. N.Y., 1952. P. 50), хотя Ф. Мюнцер считает, что речь идет скорее о Марии Младшем (Miinzer F. *Marius* (42) // RE. Hbd. 28. 1930. Sp. 1826), но в другой работе оставляет вопрос открытым (Miinzer F. *Marius* (15) // Ibid. Sp. 1813).

Селецкий Б. П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 9080х годов I века до н. э.// ВДИ. 1983. № 1. С. 158.

Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 349.

Nicolet C. L'ordre equestre a l'époque Republicaine (312-43 av. J.C.). T. I. P., 1966. P. 382.

Ее с полным доверием повторяют и современные авторы. Из новейших работ см.: Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 117.

В одной из таких легенд утверждалось, что Катилина укрепился в Фезулах, был там осажден, и в наказание римляне разрушили Фезулы, а основанный на их месте город называли Флоренцией. Позднее Аттила якобы пришел в Италию отомстить за Катилину. Согласно другой легенде, Катилина сражался с римлянами и погиб под Флоренцией вместе с Аттилой (Schmal S. Sallust. Hildesheim — Zurich — New York, 2001. S. 164).

В речи «В сенате против Антония» (Асконий. 84; 9 °С). О том же пишет брат Цицерона Квинт в знаменитом трактате «О соискании консульства» (гл. 9).

Роль же Катилины при этом ограничилась тем, что он принес голову убитого Сулле (см. об этой точке зрения: Ghilli L. *Op. cit.* P. 473. Not. 775 со ссылкой на Э. Вальджильо).

По мнению Б. Маршалла, Цицерон не посмел обвинить Катула в убийстве Мария Гратидиана потому, что тот был слишком влиятелен и накануне выборов оратор не хотел иметь трений со столь могущественным человеком. Поэтому он все свалил на друга Катула — Каталину, женатого, кстати, на сестре Мария Гратидиана (Бернский схолий к «Фарсалии» Лукана. П. 173. С. 61–62 U), что превращало его в убийцу близкого родственника. Версия эта во многом имела успех из-за сходства их имен (Marshall B. Catilina and the Execution of M. Marius Gratidianus // CQ. Vol. 35. 1985. P. 124–133). Думается, однако, что упоминание о расправе с Гратидианом в любом случае бросало тень на Катула, поэтому в речах против Катилины Цицерон предпочел об этом инциденте умолчать, почувствовав сильное недовольство почтенного политика. В то же время он вряд ли стал бы ложно обвинять Катилину всего через 18 лет после событий, когда оставалось еще немало очевидцев проскрипций.

Высказывалось мнение о непричастности Катилины к проскрипциям (см., напр.: Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zurich; New York, 2001. S. 49). Вряд ли, однако, обвинения Цицерона, хотя и консула, но человека незнатного, в адрес нобиля Катилины в подготовке поджогов и убийств возымели бы в 63 году эффект, если бы тот не дал прежде своим поведением поводов к этому. Даже Б. Маршалл, защищающий Катилину от обвинения в убийстве Марка Гратидиана, не исключает его участия в султанском терроре (Marshall B. Op. cit. P. 130).

Hinard F. Op. cit. P. 367.

В окрестностях Альбы находились великолепные виллы, примером чему имение Помпея (Ghilli L. Op. cit. P. 471. Not. 766).

Э. Габба считает, что особенно постаралась раздуть представления об ужасах проскрипций цезарианская пропаганда (Gabba E. Mario e Silla // ANRW. Bd. I, 1. В.; N. Y., 1972. P. 803).

См., напр.: Keaveney A. Sulla. The East Republican. Г.; Canberra, 1982. P. 158–159.

Шекспир У. Гамлет. Акт пятый, сцена вторая. Пер. М. Л. Лозинского.

Моммзен Т. История Рима. Т. П. СПб., 1994. Т. П. С. 247. Прим. 1.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 135.

См.: Wilson A. J. N. Emigration from Italy in the Republican Age of Rome. Manchester, 1966. P. 162–164.

Hinard F. Op. cit. P. 79.

Miinzer F. Cornelius (338) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1485.

Hinard F. Op. cit. P. 129, 133, 348–349, 353, 403, 468–469.

В русском переводе период соответствующая фраза переведена как «всего погублено 3500 человек» (Ливии Тит. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 581), хотя в подлиннике говорится *redactum est sestertium ter milies quingenties*.

Hinard F. Op. cit. P. 200.

Поэтому когда Э. Габба пишет, что проскрипции были не новостью после жестокостей марианцев (Gabba E. Mario e Sffla. P. 803), он явно лукавит, игнорируя масштабы террора, которые марианцам и не снились.

Бродский И. А. Сочинения. Т. П. СПб., 1992. С. 31.

Hinard F. Op. cit 31. Ф. Инар, правда, не совсем точен: он пишет, что Евтропий избегает употребления термина «проскрипции» по отношению к сулланскому террору. Однако Евтропий и о самом терроре не упоминает.

Строго говоря, Цицерон не указывает год, но из контекста речи ясно следует, что речь идет о 1 июня 81 года (Cassorino J. *Op. cit.* P. 137. № 2). Ф. Инар считает, что речь идет не об окончании проскрипций, а лишь о прекращении продажи к этому сроку имущества проскриптов (Hinard F. *Op. cit.* P. 77). Но тогда получается, что убивать их было после 1 июня еще можно, а трогать их богатства — нельзя, что несколько странно.

Вероятно, в середине ноября 82 года (Gabba E. *Commento*. P. 250–251).

1273

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 240.

Mtinzer F. Perperna (6) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 898.

В русском переводе ошибочно стоит «Корсика» (Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 64).

Seager R. Pompey. A Political Biography. Oxford, 1979. P. 9.

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 211.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N. Y., 1952. P. 68.

1279

Miltner F. Pompeius (31) // RE. Hbd. 42. 1952. Sp. 2070.

Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus.
B., 1942. S. 30.

У Плутарха (Помпеи. 12.3) и Орозия (V. 21. 13) Домиций Агенобарб гибнет в бою, тогда как Валерий Максим сообщает об обвинениях Помпея в казни Агенобарба, которые бросил в лицо полководцу некий Гельвий Манция (VI. 2. 8). Вряд ли он стал бы говорить явную неправду. В то же время версия, согласно которой марианский командир пал в сражении, устраивала и сторонников Помпея, ибо снимала с него обвинения в жестокости, и его противников, поскольку была почетной для Агенобарба (Mtinzer F. Domitius (22) // RE. Bd. 5. 1905. Sp. 1327–1328).

Ihne W. Romische Geschichte. Bd. VI. Leipzig, 1886. S. 17. Anm. 1.

Seager R. Sulla // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 195.

В этом персонаже видят как Марка Лепида, консула 78 года (Neumann C. *Op. cit.* Bd. I. S. 588; Gabba E. *Commento.* P. 252; Инар Ф. Сулла. С. 275), так и Мамерка Лепида, консула 77 года (Radian E. *Waiting for Sulla* // JRS. Vol. 52. 1962. P. 53), ибо первый не обладал военным опытом. Однако Марк Лепид мог пользоваться услугами опытных помощников, так что вопрос остается открытым (см., напр.: Broughton T. R. S. *Op. cit.* Vol. II. P. 71).

1285

Или ее отца (Инар Ф. Сулла. С. 273).

Keaveney A., Strachan J. C. G. L. Catilina Legatus: Sallust, Histories I. 46M // CQ. Vol. 31. 1981. P. 363–366 (с указанием источников).

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 160.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 46. № 2. По мнению Ф. Инара, Сулла хотел удерживать армию вдали от Рима, чтобы не создавалось впечатления, будто он оказывает давление на сограждан с помощью своих легионов (Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 304). Вряд ли, однако, его мотивы были столь изощренными — все прекрасно понимали, что армии Суллы при необходимости ничего не стоит быстро преодолеть расстояние от Пренесте до Рима.

Вероятно, текст письма позаимствован из мемуаров Суллы (Bellen H. Sullas Brief an den Interrex L. Valerius Flaccus. Zur Genese der sullanischen Diktatur // Historia. Bd. 24. 1975. S. 456).

Речь идет об избрании в 202 году диктатором Гая Сервилия Гемина для проведения комиций (Ливии. XXX. 39. 4).

Appiani Historia Romana / Ed. L. Mendelssohn. Vol. II. Lipsiae, 1881. P. 663.

Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 269 со ссылкой на Дионисия Галикарнасского (V. 77).

Михайловский Ф. А. Комментарии // Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 396. Прим. 114.

Carcopino J. Op. cit. P. 47. № 4 (co c. 46); Gabba E. Op. cit. P. 268; Bellen H. Op. cit. S. 555. Anm. 1.

Christ K. Sulla. Eine romische Karriere. Munchen, 2002. S. 122.

Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. II. Abt. 1. Eeipzig, 1887. S. 702–703; Bellen H. Op. cit. S. 559–560.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 246.

Bellen Н. Op. cit. S. 561, 566. На сходство полномочий Суллы с полномочиями децемвиров указывал еще Моммзен (Указ. соч. Т. П. С. 245–246). Ученые много спорили о том, была ли диктатура Суллы ограничена каким-либо сроком; вероятнее всего, что нет, но все же изначально предполагалось сложение Суллой полномочий по выполнении им своих задач (см.: Еремин А. В. Диктатура Луция Корнелия Суллы: характеристика института // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 119–120).

Аппиан ошибочно пишет, что римских царей сопровождали 24 ликтора (ГВ. I. 100. 465) — явно невыгодное для Суллы сравнение. Эти сведения принимает Ж. Каркопино (Carcopino J. *Op. cit.* P. 80), хотя античные авторы единодушно пишут о том, что у царей было только 12 ликторов (Gabba E. *Op. cit.* P. 272–273).

Mommsen Th. Op. cit. Bd. I. S. 383; Gabba E. Op. cit. P. 272.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 59–60, 64.

Carcopino J. Op. cit. P. 47.

Bellen H. Op. cit. S. 564.

К Николе, ссылаясь на Аппиана (ГВ. I. 101. 471), считает, что начальником конницы какое-то время был Лукреций Офелла (Nicolet C. E'ordre equestre a l'epoque Republicaine (31243 av. J.C.). T. I. P., 1966. P. 104). Но у Аппиана говорится о том, что Лукреций был всадником, а не начальником конницы.

Gabba E. Op. cit. P. 272.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N. Y., 1952. P. 76.

Видимо, намек на то, что в свое время Лукреций Офелла был марианцем (Gabba E. *Op. cit.* P. 277–278), а их Сулла побеждал дважды, в 88 и 82 годах.

Вероятнее всего, описанные события произошли во время выборов на 82 год, когда слава Лукреция была в зените (другие датировки см.: Gabba E. *Op. cit.* P. 276–277). В 80 году консулами стали сам Сулла и Метелл Пий, а против таких соискателей Лукреций выступить не осмелился бы (Seager R. *Sulla* // *САН*. 2nd ed. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 200). А во время выборов на 79 год вряд ли его популярность была бы так велика, как в конце 82го.

Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 227.

Lengle J. *Tribunus plebis* // RE. 2. R. Hbd. 12. 1937. Sp. 2485–2486. Иногда ошибочно указывается, будто трибунов вообще лишили права интерцессии (Егоров А. Б. Социальнополитическая борьба в Риме в 80е гг. I в. до н. э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 140), что из источников не следует. Вряд ли верно также, что Сулла оставил трибунам право вето без ограничений (Seager R. Op. cit. P. 201).

Егоров А. Б. Указ. соч. С. 140; Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1559.

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 191.

Mommsen Th. Op. cit. Bd. II. Abt. 1. S. 200 u. Anm. 2. У Помпония говорится, что Сулла увеличил число преторов на четыре (I. 2. 32), но это противоречит данным Веллея Патеркула (П. 89. 4) и Диона Кассия (XLII. 51. 3).

Mommsen Th. Op. cit. Bd. I. S. 566–572.

Инар Ф. Сулла. С. 326–327.

Seager R. Op. cit. P. 201.

Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1988. S. 137–138. Anm. 455.

Seager R. Op. cit. P. 202.

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 184.

34 СМ.: Hawthorn J. R. The Senate after Sulla // Greece and Rome. 2nd Ser. Vol. 9. P. 56–57.

1321

Об этом, несколько преувеличивая, говорил Цицерон (За Клуенция. 151).

См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 252 и прим. 2. К. Николе считает, что Сулла был враждебен лишь всадникаммарианцам (Nicolet С. Op. cit. Т. I. Р. 577). У него не было сторонников среди всаднического сословия, и они получали от него милости (Селецкш Б. П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 9080х годов I в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 1. С. 161–162). Но речь шла о конкретных людях. А отмена специально отведенных рядов для всадников в театрах показывает, что Сулла считал нужным поставить всадников на место как сословие.

Инар Ф. Сулла. С. 316; Gabba E. Op. cit. P. 344; Keaveney A. Op. cit. P. 174.

Hawthorn J. R. Op. cit. P. 55.

Meier Chr. Op. cit. S. 257.

Hawthorn J. R. Op. cit. P. 59.

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 194; Seager R. Op. cit. P. 203.

Seager R. Op. cit. P. 202.

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 196; Keaveney A. Op. cit. P. 176 (с указанием источников).

Keaveney A. Op. cit. P. 176.

1331

Keaveney A. Studies in the Dominatio Sullae // Klio. Bd. 65. 1983. P. 208.

Frohlich F. Op. cit. Sp. 1561–1562.

1333

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 198.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 212.

1335

Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 161.

В. Шур пишет, что Сулла стал чеканить монету того образца, что установил в 91 году Друз, и изъял из обращения порченную монету, чем оздоровил финансовое положение (Schur W. *Op. cit.* S. 211–212). Звучит это по меньшей мере странно, ибо друзианский стандарт подразумевал именно порчу монеты путем снижения содержания серебра.

Цицерон. За Фонтея. 1; Селецкий Б. П. Указ. соч. С. 161; Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 622–623.

У Ливия говорится о 47 легионах, расселенных после взятия Нолы (Периоха 89). Ж. Каркопино считает, что речь идет о расселенных в Кампании 47 тысячах легионеров, Э. Пайс предлагает чтение «23 легиона» (Carcopino J. Op. cit. P. 213. № 4; там же приводится мнение Э. Пайса). Э. Габба просто считает данные Ливия ошибочными (Gabba E. Op. cit. P. 260). В русском переводе говорится о 27 легионах (Ливии Тит. История Рима от основания Города. М., 1993. Т. III. С. 582).

Инар Ф. Сулла. С. 315; Gabba E. Op. cit. P. 260.

Keaveney A. Sulla. P. 183. О. С. Метушевская считает, что в среднем на ветерана приходилось по 20–30 югеров (Метушевская О. С. Аграрный вопрос в Риме 70х гг. I в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 147. Прим. 35).

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 250; Keaveney A. Sulla. P. 182.

Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 203.

Carcopino J. Op. cit. P. 61.

1344

Keaveney A. Sulla. P. 182.

Lovano M. *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome*. Stuttgart, 2002. P. 63. Однако Италия еще долгое время оставалась в зависимом положении (Cassola F., Labruna L. *Linee di una storia delle istituzioni repubblicani*. Napoli, 1991. P. 319) — одно дело формальное решение, другое его практическая реализация.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. II. С. 258; Keaveney A. Sulla. P. 200.

Моммзен Т. Указ. соч. Т. П. С. 259; Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 205.

Помпеи обладал пропреторскими полномочиями, полученными в чрезвычайном порядке (Грант Лициниан 32F; Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. В., 1942. S. 31; Miltner F. Pompeius (31) // RE. Hbd. 42. 1952. Sp. 2074).

Авл Геллий со ссылкой на Саллюстия сообщает о какомто соглашении плебейского трибуна Геренния с Помпеем, направленном против Суллы (Х. 20. 10). Долгое время считалось, что речь шла о будущем противнике Цезаря Гнее Помпее Магне (Carcopino J. *Op. cit.* P. 141–142; Gelzer M. *Op. cit.* S. 31; Broughton T. R. S. *Op. cit.* V. II. P. 80 etc.). Однако Э. Бэдиан убедительно показал, что Саллюстий имел в виду его отца, Помпея Страбона (Badian E. *The Date of Pompey's First Triumph* // *Hermes*. Bd. 83. 1955. P. 109–112). Так что никакого выступления плебейского трибуна против Суллы на стороне молодого Помпея не было. Эта точка зрения в настоящий момент общепринята (Seager R. *Pompey. A Political Biography*. Oxford, 1979. P. 3; Keaveney A. *Sulla*. P. 74; Hinard F. *Op. cit.* P. 356, 357. Not. 8 etc.).

Gelzer M. Op. cit. S. 31; Miltner F. Op. cit. Sp. 2072.

Первый триумф Помпея относили к 81, 80 и 79 годам. Наиболее убедительным представляется мнение Э. Бэдиана, который датирует его 81 годом (Badian E. *Op. cit.* P. 107–118).

1352

Намек на прозвище Помпея, данное ему Суллой

Carcopino J. Op. cit. P. 123.

Правда, Беллей Патеркул пишет, что мать Антистии покончила с собой после гибели мужа (П. 26. 3). Какая из версий достоверна, сказать трудно.

Инар Ф. Сулла. С. 334; Keaveney A. Sulla. P. 195. Другие ученые относят этот сюжет к 82 году, ибо Плутарх описывает его раньше, чем историю с триумфом (Gelzer M. *Op. cit.* 29; Miltner F. *Op. cit.* Sp. 2069; Seager R. *Pompey*. P. 9 etc.). Однако это маловероятно — в 82 году для матримониальной операции у Суллы было слишком мало времени.

Грант М. Юлий Цезарь. Жрец Юпитера. М., 2003. С. 18–19.

1357

Hinard F. Les proscriptions de la Rome republicaine. Roma, 1985. P. 116.
Not. 55

Тем не менее даже в новейшей литературе эта реплика Суллы иногда принимается как достоверный факт (см.: Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 277).

См.: Гуленков К. Л. Вторая Митридатова война и ее последствия // *Studia historica*. Вып. I. М., 2001. С. 73–93 (с указанием источников).

1360

Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la Republique romaine. T. II. P., 1886. P. 179.

1361

Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix // JRS. Vol. 41. 1951. P. 1.

Ramage E. S. Sulla's Propaganda // Klio. Bd. 73. 1991. P. 114–119.

Balsdon J. P. V. D. Op. cit. P. 3.

1364

Или, согласно другой датировке, 27 и 28 января.

Ghilli L. *Commento [alia biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla.* Milano, 2001. P. 479. Not. 803. К. Ланцани считает, что подразумевалось завершение Союзнической войны, но в источниках говорится лишь о триумфе над Митридатом. А. Кивни, чтобы объяснить этот беспрецедентный факт, предполагает, что Сулла ставил своих врагов в один ряд с союзниками Митридата (Keaveney A. *Studies...* P. 188; там же приводится мнение К. Ланцани).

По всей видимости, в Дельфах. Предсказание оракула могло быть получено как во время наместничества в Киликии — отсюда упоминание карийского города, так и по прибытии в Грецию в 87 году (Balsdon J.P. V. D. Op. cit. P. 8).

В русском переводе говорится об отправке даров Афродите в Дельфы (Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 65), но в греческом тексте ничего на сей счет не сказано.

Ramage E. S. Op. cit. P. 116–117

Balsdon J. P. V. D. Op. cit. P. 7, 9.

Ramage E. S. Op. cit. P. 113–119

См.: Van Demon E. B. The Sullan Forum // JRS. Vol. 12. 1922. P. 1–31

Инар Ф. Сулла. С. 351–355; Ramage E. S. Op. cit. P. 113–114

1373

Keaveney A. Sulla. P. 193

1374

Инар Ф. Сулла. С. 330

1375

Keaveney A. Sulla. P. 193

Carcopino J. Op. cit. P. 92–93

1377

То же сделает, став консулом в 70 году, Марк Кресе (Плутарх. Кресе. 2.3; 12.3; Ghilli L. *Op. cit.* P. 485. Not. 828).

На то, что *pollucta* и *ludi Victoriae sullanae* произошли примерно в одно время, указывает Ж. Каркопино (Carcopino J. Op. cit. P. 117. № 4).

Аппиан не уточняет, о каких играх идет речь (ГВ. I. 99. 464), но не вызывает сомнений, что это *ludi Victoriae sullanae* (Gabba E. *Op. cit.* P. 271; Keaveney A. *Studies...* P. 189).

Keaveney A. Studies... P. 189

Gabba E. Op. cit. P. 272 (со ссылкой на Х. Б. Мэттингли).

1382

Инар Ф. Сулла. С. 356.

Itgenshorst T. *Tota ffla pompa. Der Triumph in der romischen Republik.* Gottingen, 2005. S. 101.

Это зафиксировано одной из надписей, что противоречит мнению о том, будто Сулла предварительно сложил с себя диктаторские полномочия (см.: Еремин А. В. Указ. соч. С. 120).

1385

Seager R. Sulla. P. 205.

Напомним, что одним из тех, кто выступил против крайностей сулланского террора, был представитель фамилии Метеллов (Плутарх. Сулла. 31.3).

Бэдиан считает, что Серторий был одновременно наместником Дальней Испании (Badian E. *Studies on Greek and Roman History*. N. Y., 1964. P. 96).

См.: Короленков А. В. Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003. С. 113–133.

Seager R. Sulla. P. 202.

Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 83.

Christ K. Op. cit. S. 136.

Buchheit V. Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // Historia. Bd. 24. 1975. S. 577-578

Смирин В. М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры (Опыт разбора ранних речей) // ВДИ. 1958. № 4. С. 97.

1394

Seager R. Sulla. P. 198.

«В любом случае он [Сулла] несет политическую ответственность»
(Christ K. Op. cit. S. 118).

Buccheit V. *Op. cit.* S. 580–581, 587–589.

Смирин В. М. Указ. соч. С. 99, 101; Buccheit V. Op. cit. S. 584–586.

1398

Его влияние явно преувеличено Цицероном (Инар Ф. Сулла. С. 312).

Смирин В. М. Указ. соч. С. 96–103; Meier Ch. Op. cit. S. 250; Buccheit V. Op. cit. S. 570–591.

Высказывалось мнение, что Цицерон не посмел бы иронизировать над Суллой при его жизни (Еремин А. В. Сенатская оппозиция при Сулле: вымысел или реальность? // Мнемон. СПб., 2002. С. 128). Э. С. Грюн объясняет некоторые (но не все) пассажи такого рода позднейшей переработкой речи (Gruen E. S. *Roman Politics and the Criminal Courts*, 14978 B. C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 268). Последнее более вероятно, но никак не меняет сути речи — несколько вставок не могли в корне изменить ее. Серьезная же переделка не имела смысла, поскольку через несколько лет после смерти диктатора широкая аудитория вряд ли стала бы расшифровывать двусмысленные намеки Цицерона. См. также: Buccheit V. *Op. cit.* S. 590. Anm. 109.

1401

См.: Мтилл В. Roscius (7) // RE. 2. R. Hbd. 1. 1914. Sp. 1117.

Carcopino J. Op. cit. P. 162–166.

А. В. Еремин не придает никакого значения этому факту, указывая, что отношения Суллы с фрондерами и их фамилиями оставались дружественными и после процесса Росция (Еремин А. В. Сенатская оппозиция... С. 129). Однако Сулла просто проявил гибкость. Да и то, что оппозиция не была столь уж серьезной, не значит, что она не имела значения вообще.

Ж. Каркопино относит дело Росция к 79 году (Carcopino J. Op. cit. P. 165, 169, 170), однако его мнение не встретило поддержки. Большинство ученых высказываются в пользу 80 года: Еремин А. В. Сенатская оппозиция... С. 128. Прим. 13; Buchheit V. Op. cit. S. 590. Aim. 109.

Это мог быть и консул 61 года, и консул 53го — оба звались Мессалами (Cassorino J. Op. cit. P. 162).

Badian E. Caepio and Norbanus // *Historia*. Bd. 6. 1957. P. 338.

1407

Badian E. Waiting for Sulla // JRS. Vol. 52. 1962. P. 60.

Holbl G Geschichte des Ptolemaerreich.es. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Großen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt, 1994. S. 193–194 (с указанием источников).

1409

Плутарх цитирует этот стих как раз в связи с Суллой (Суллa. 39.2).

Инар Ф. Сулла. Ростов н/Д., 1997. С. 360.

Об обоих случаях с указанием источников см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 108, 310.

Frohlich F. Cornelius (392) // RE. Bd. TV. 1901. Sp. 1562.

Ф. А. Михайловский считает, что речь идет о Катоне Младшем (Комментарии // Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 396. Прим. 129), но в источниках на сей счет ничего не сказано.

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 198–199, 201.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquee. P., 1947. P. 205–211.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 59.

1417

Keaveney A. Studies in the Dominatio Sullae // Klio. Bd. 65. 1983. P. 191–198.

Светоний. Юлий. 77: «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти», — говорил Цезарь.

Keaveney A. Studies... P. 198.

Carcopino J. Op. cit. P. 202.

1421

Badian E. Waiting for Sulla // JRS. Vol. 52. 1962. P. 53.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N. Y., 1952. P. 80 (с указанием источников).

Miltner F. Pompeius (31) // RE. Hbd. 42. 1952. Sp. 2075.

В переводе Г. А. Стратановского говорится «против воли диктатора» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. П. М., 1994. С. 70), что не соответствует греческому тексту и к тому же неверно — Сулла уже перестал быть к тому времени диктатором.

Seager R. Pompey. A Political Biography. Oxford, 1979. P. 14.

Еремин А. В. Сенатская оппозиция при Сулле: вымысел или реальность? // Мнемон. СПб., 2002. С. 129–130

Gabba E. *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 1958. P. 286. О Кумах пишет Аппиан (ТВ. I. 104. 488), О ПUTEОЛАХ — автор сочинения «О знаменитых мужах» (75.12), на то же можно усмотреть намек и у Валерия Максима (IX. 3. 8). Очевидно, речь идет о зоне между ними.

Джованьоли Р. Спартак. М., 1986. С. 233.

Некоторые ученые считают, что мемуары были написаны полатыни (см.: Keaveney A. Sulla. P. 204, 212. Not. 2). Строго говоря, прямых указаний на греческий язык «Воспоминаний» в источниках нет (Calabi I. I commentarii di Silla come fonte storica // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. III. Fasc. 5. 1950. P. 249). Однако дописывал их вольноотпущенник грек Эпикад (см. ниже), который вряд ли настолько знал латинский, чтобы ему поручили такое серьезное дело — очевидно, Сулла писал «Воспоминания» по-гречески. Другое дело, что позднее они явно были переведены на латинский, о чем свидетельствует цитата из них у Авла Геллия (XX. 6. 3) (см.: Короленков А. В. Мемуары Суллы как памятник межкультурной коммуникации // Историческое знание: исторические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 377–378).

Katz B. R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and more // RhM.
Bd. 120. 1977. P. 56.

Рабинович Е. Г. «Вшивая болезнь» (смерть Суллы в биографическом предании) // ВДИ. 2004. № 4. С. 36.

1432

Греческое его название — Дикеархия, каковое Плутарх и приводит (Сулла. 37.3).

1433

Keaveney A. Sulla. P. 211.

1434

Frohlich F. Op. cit. Sp. 1563.

См.: Рабинович Е. Г. Указ. соч. С. 25–26, 29–33.

Keaveney A., Madden J. A. Phtiriasis and its Victims // Symbolae Osloenses. Vol. 57. 1982. P. 89.

Рабинович Е. Г. Указ. соч. С. 35–38.

См.: Carcopino J. Op. cit. P. 231. № 34.

Keaveney A., Madden J. A. Op. cit. P. 94.

Рабинович Е. Г. Указ. соч. С. 26 со ссылкой на Т. Африку.

Katz B. R. The Siege of Rome in 87 B.C. // CPh. Vol. 71. 1976. P. 334.

Gabba E. Op. cit. P. 291; Keaveney A. Sulla. P. 212.

1443

Согласно Гранию Лициниану, на этом настоял Луций Филипп (3233F).

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis Konstantin. München, 1988. S. 89.

Егоров А. Б. Партия Суллы: союз аристократов и маргиналов // *Studia historica*. Вып. VI. М., 2006. С. 148.

Keaveney A. Sulla. The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 89.

Егоров А. Б. Партия Суллы: союз аристократов и маргиналов // *Studia historica*. Вып. VI. М., 2006. С. 150. 3 Keaveney A. *Op. cit.* P. 215.

---

notes

Примечания

Переводы, выполненные авторами специально для данной книги, помечены звездочками (* — А. В. Короленков,** — Е. В. Смыков).